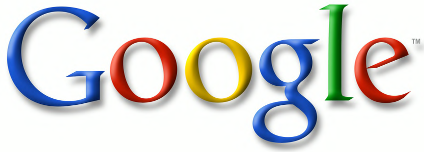

VE
RI
TAS
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXXI.

ARCHIVES DU PRINCE WORONZOW.

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

БУМАГИ

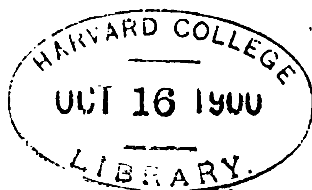
ГРАФА

А. Р. ВОРОНЦОВА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

HARVARD COLLEGE
OCT 16 1900
LIBRARY.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ КНИГИ АРХИВА

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Стр.

А. СЕНАТСКІЙ ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ О ВЫДАЧѢ КАМЕРГЕРУ ГРАФУ РОМАНУ ЛАРІОНОВИЧУ ВОРОНЦОВУ ДЕНЕГЪ ПОКОЙНАГО ТЕСТЯ ЕГО ДВОРЯНИНА ПАТРІАРШАГО ПРИКАЗА ИВАНА СУРМИНА СЪ ПОДРОБНОСТЯМИ О СУРМИНѢ. (Около 1746 года) 5

Б. ПИСЬМА ГРАФА РОМАНА ЛАРІОНОВИЧА ВОРОНЦОВА КЪ СТАРШЕМУ СЫНУ ЕГО ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ РОМАНОВИЧУ 1758—1783.

1. (1758) 21
2. 1758 г. 2 (20), Петербургъ 23
3. 1758 г. 3 (24), Петербургъ 24
4. 1758 г. 3 (31) 26
5. 1758, 4 (14) Петербургъ 27
6. 1758, 10 (6) 28
7. 1758, 10 (16), Петербургъ 30
8. 1759 Марта 12, Петербургъ 30
9. 1759 Марта 16, Петербургъ 31
10. 1759 Апрѣля 2, Петербургъ 32
11. 1759 Апрѣля 27, Петербургъ 32
12. 1759 7 (20) 33

Стр.
13. 1759 Октября 15, Петербургъ........................ 34
14. 1759 Октября 19, Петербургъ........................ 34
15. 1759 Октября 31, Петербургъ........................ 34
16. 1759 Ноября 25, Петербургъ........................ 35
17. 1759 Декабря 7, Петербургъ........................ 35
18. 36
19. 1760 Января 11........................ 37
20. 1760 Января 18........................ 37
21. 1760 Февраля 15........................ 38
22. 1760 Февраля 17........................ 39
23. 1760 Февраля 22........................ 40
24. 1760 Февраля 25........................ 40
25. 1761 Мая 5........................ 41
26. 41
27. 1760 Мая 12........................ 42
28. 1760 Іюня 23........................ 41
29. 1760 Іюля 4........................ 44
Письмо Дѣева. 1760 Іюля 18........................ 45
30. 56
31. 46
32. 1760 Іюля 28........................ 47
33. 1760 Августа 8........................ 48
34. 48
35. 1760 Сентября 10 (21)........................ 49
36. 1760 Октября 13 (24)........................ 50
37. 1760 Ноября 18........................ 51
38. 1760 Октября 20 (31)........................ 52
39. 1760 Октября 16 (27)........................ 52
40. 1761 Декабря 7 (18), Петербургъ........................ 53
41. 1761 28 Декабря (9 Января 1762)........................ 54
42. 1767 2 (13) Января........................ 55
43. 1766 1 Мая........................ 55
44. 1771 19 Сентября, Петербургъ........................ 56
45. 1771 9 Ноября, Петербургъ........................ 59
46. 1772 31 Мая........................ 60
47. 1772 12 Іюля........................ 61
48. 1775 9 Декабря........................ 62

Стр.
48 *). 1778 года 31 Декабря, Владимиръ 63
49. 1780 18 Ноября.. 65
50. 1781 18 Февраля, Пенза.................... 66
51. 1781 12 Мая, Пенза...................................... 68

Императорскаго воспитательнаго дому въ опекунской совѣтъ Санктъ-Петербургскаго отдѣленія. Отъ генералъ-аншефа сенатора, Владимирскаго, Тамбовскаго и Пензенскаго генералъ-губернатора и кавалера графа Воронцова. Объявленіе, 1781 года 11 Мая.. 96
52. 1781 Мая 16............ 70
53. 1781 Мая 16.. 70
54. 1782 Іюля 30.. 71
55. 1782 Августа 19.. 71
56. 1782 Октября 12.. 62
57. 1782 Декабря 16...а...................................... 73
58. 74
59. 1783 Января 75
60. 1783 7 Марта, Кострома................................ 77

В. ПИСЬМА ГОСУДАРСТВЕННАГО КАНЦКЕРА ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА КЪ ПЛЕМЯННИКУ ЕГО ГРАФУ А. Р. ВОРОНЦОВУ. 1758—1767.

Рекомендательное письмо графа М. Л. Воронцова къ послу М. П. Бестужеву-Рюмину. 1758 года Февраля дня, Петербургъ. 83
1. 1758 г. 22 Марта, Петербургъ............................ 84
2. 1758 г. 15 Мая, Петербургъ.............................. 85
3. 1758 г. 19 Декабря, Петербургъ.......................... 86
4. 1759 г. 12 Января, Петербургъ........................... 87
5. 1759 г. 10 Марта, Петербургъ............................ 88
6. 1759 г. 7 Мая, Петербургъ............................... 89
7. 1759 г. 22 Іюня, Петербургъ............................. 91
8. 1759 г. 31 Августа, Петербургъ.......................... 91
9. 1759 г. 28 Сентября, Петербургъ......................... 93
10. 1759 г. 8 Октября, Петербургъ.......................... 94
11. 1759 г. 30 Октября, Петербургъ......................... 95

*) По ошибкѣ два одинакіе номера повторены. П. Б.

Стр.
12. 1759 г. 10 Декабря, Петербургъ........................ 96
13. 1759 г. 12 Декабря, Петербургъ........................ 97
14. 1760 г. 11 Января, Петербургъ........................ 98
15. 101
16. 1760 г. 14 Февраля, Петербургъ........................ 102
17. 1760 г. 24 Марта, Петербургъ........................ 103
18. 1760 г. 4 (14) Апрѣля, Петербургъ........................ 105
19. 1760 г. 18 Іюля, Царское Село........................ 106
20. 1760 г. 4 Сентября, Петергофъ........................ 107
21. 1760 г. 29 Сентября, Петербургъ........................ 108
22. 1760 г. 10 Октября, Петербургъ........................ 109
23. 1760 г. 24 Октября. Петербургъ........................ 109
24. 1760 г. 16 Ноября, Петербургъ........................ 111
25. 1760 г. 17 Ноября, Петербургъ........................ 112
26. 1760 г. 1 Декабря, Петербургъ........................ 113
27. 1760 г. 9 Декабря, Петербургъ........................ 114
28. 1761 г. 23 Января, Петербургъ........................ 116
29. 1761 г. 25 Января, Петербургъ........................ 117
30. 1761 г. 4 Мая, Петербургъ........................ 117
31. 1761 г. 6 Іюня, Петербургъ........................ 118
32. 1761 г. 10 Іюня, Петербургъ........................ 121
33. 1761 г. 6 Іюля, Петербургъ........................ 122
34. 1761 г. 17 Іюля, Петербургъ........................ 123
35. 1761 г. 17 Іюля, Петергофъ........................ 124
36. 1751 г. 18 Августа, Петербургъ........................ 125
37. 1761 г. 21 Августа, Петербургъ........................ 126
38. 1761 г. 27 Авдуста, Петербургъ........................ 127
39. 1761 г. 28 Августа, Петербургъ........................ 128
40. 1761 г. 28 Августа, Петербургъ........................ 129
41. 1761 г. 3 Октября, Петербургъ........................ 131
42. 1761 г. 5 Октября. Петербургъ........................ 132
43. 1761 г. 9 Октября. Петербургъ........................ 133
44. 1761 г. 10 Октября, Петербургъ........................ 135
45. 1761 г. 23 Октября, Петербургъ........................ 136
46. 1761 г. 30 Октября, Петербургъ........................ 136
47. 1761 г. 3 Ноября, Петербургъ........................ 138
48. 1761 г. 3 Ноября, Петербургъ........................ 139

Стр.
49. 1761 г. 6 Ноября, Петербургъ........................ 141
50. 1761 г. 9 Ноября, Петербургъ........................ 143
51. 1761 г. 20 Ноября, Петербургъ........................ 144
52. 1761 г. 26 Ноября, Петербургъ........................ 145
53. 1761 г. 30 Ноября, Петербургъ........................ 147
54. 1761 г. 4 Декабря, Петербургъ........................ 148
55. 1761 г. 8 Декабря, Петербургъ........................ 149
56. 1761 г. 14 Декабря, Петербургъ........................ 150
57. 1761 г. 19 Декабря, Петербургъ........................ 151
58. 1761 г. 19 Декабря, Петербургъ........................ 152
59. 1751 г. 28 Декабря, Петербургъ........................ 153
Записка на память и для исполненія графа Александру Романовичу Воронцову. 1762 г. 16 Апрѣля................ 154
60. 1762 г. 22 Апрѣля, Петербургъ........................ 158
61. 1762 р. 23 Апрѣля, Петербургъ........................ 159
62. 1762 г. 26 Апрѣля, Петербургъ........................ 160
63. 1762 т. 1 Мая, Петербургъ........................ 162
64. 1762 г. 14 Мая, Петербургъ........................ 163
65. 1762 г. 27 Мая, Петербургъ........................ 163
66. 1762 г. 8 Іюня, Петербургъ........................ 164
67. 1762 г. 17 Іюня, Ораніенбаумъ........................ 164
68. 1762 г. 1 Іюля, Петербургъ........................ 165
69. 1762 г. 5 Іюля, Петербургъ........................ 166
70. 1762 г. 7 Іюля, Петербургъ........................ 168
71. 1762 г. 12 Іюля, Петербургъ........................ 169
72. 1762 г. 12 Іюля, Петербургъ........................ 171
73. 1762 г. 25 Іюля, Петербургъ........................ 172
74. 1762 г. 28 Іюля, Петербургъ........................ 173
75. 1762 г. 7 Августа, Петербургъ........................ 174
76. 1762 г. 13 Августа, Петербургъ........................ 175
77. 1762 г. 15 Августа. Петербургъ........................ 176
78. 1762 г. 16 Августа, Петербургъ........................ 178
79. 1762 г. 16 Августа, Петербургъ........................ 179
80. 1762 г. 21 Августа, Петербургъ........................ 180
81. 1762 г. 21 Августа, Петербургъ........................ 183
82. 1772 г. 27 Августа, Петербургъ........................ 184
83. 1762 г. 29 Августа, Петербургъ........................ 186

Стр.
84. 1702 г. 19 Сентября, Москва 187
85. 1762 г. 26 Сентября, Москва 188
86. 1762 г. 30 Сентября, Москва 189
87. 1762 г. 7 Октября, Москва 189
88. 1762 г. 17 Октября, Москва 190
89. 1762 г. 28 Октября, Москва 190
90. 1762 г. 4 Ноября, Москва 192
91. 1762 г. 2 Декабря, Москва 192
92. 1762 г. 28 Декабря, Петербургъ 194
93. 1763 г. 8 Января, Москва 197
94. 1763 г. 15 Января, Москва 200
95. 1763 г. 16 Января, Москва 201
96. 1763 г. 24 Января, Москва 202
97. 1763 г. 31 Января, Москва 204
98. 1763 г. 3 Февраля, Москва 206
99. 1763 г. 8 Февраля, Москва 208
100. 1763 г. 10 Февраля, Москва 209
101. 1763 г. 10 Февраля 210
102. 1763 г. 28 Февраля, Москва 211
103. 1763 г. 13 Марта, Москва 212
104. 1763 г. 27 Марта, Москва 213
105. 1763 г. 3 Апрѣля, Москва 214
106. 1763 г. 28 Апрѣля, Москва 216
107. 1753 г. 29 Апрѣля, Москва 218
108. 1763 г. 1 Мая, Москва 219
109. 1763 г. 22 Мая, Кимра 220
110. 1763 г. 13 (24) Іюня, Петербургъ 222
111. 1763 г. 16 Іюня, Петербургъ 223
112. 224
113. 1764 г. 29 Іюля, Петербургъ 225
114. 1763 г. 2 Іюля, Петербургъ 226
115. 1763 г. 4 Іюля, Петербургъ 227
116. 1763 г. 5 Іюля 228
117. 1763 г. 8 Іюля, Петербургъ 229
118. 1763 г. 11 Іюля, Петербургъ 231
119. 1763 г. 11 Іюля, Петербургъ 233
120. 1763 г. 22 Іюля, Петербургъ 234

Стр.

Переводъ съ письма его сіятельства государственнаго канцлера отъ 24 Іюля 1763 235
121. 1763 г. 29 Іюля, Петербургъ 236
122. 1763 г. 29 Іюля, Петербургъ 237
123. 1763 г. 1 Августа, Петербургъ 238
124. 1763 г. 5 Августа, Петербургъ 239
Указъ Сенату. 4 Августа 1763 г. 239
125. 1763 г. 17 Августа, Рига 241
126. 1763 г. 18 Августа, Рига 242
127. 1763 г. 25 Августа, Мемель 243
128. 1763 г. 8 Сентября, Данцигъ 244
129. 1763 г. 20 Сентября ст. ст., Берлинъ 245
130. 1763 г. 28 Сентября ст. ст., Берлинъ 246
131. 1763 г. 20 (31) Октября, Вѣна 248
132. 1763 г. 22 Октября, Вѣна 251
133. 1763 г. 28 Октября (8 Ноября), Вѣна 252
134. 1763 г. 12 (23) Ноября, Венеція 253
135. 1763 г. 30 Ноября, Флоренція 255
Копія съ письма г. Теплова, изъ Петербурга отъ 2 Сентября 1763 г. 256
Копія съ отвѣта г. Теплову, изъ Вѣны отъ 17 (19) Октября 1763 г. 258
136. 1763 г. 8 (19) Декабря, Флоренція 260
137. 1764 г. 10 (21) Января, Пиза 261
138. 1764 г. 19 (30) Января, Пиза 263
139. 1764 г. 21 Января (2 Февраля) Пиза 264
140. 1764 г. 27 Января (7 Февраля), Флоренція 265
141. 1764 г. 30 Января (10 Февраля), Флоренція 266
142. 1763 г. 3 (14) Февраля, Флоренція 269
Отрывокъ письма вице-канцлера отъ 10-го Декабря 1764 г. 269
143. 1763 г. 19 Февраля (1 Марта), Флоренція 270
144. 1764 г. 6 (17) Марта 271
145. 1764 г. 9 (20) Марта, Флоренція 272
146. 1764 г. 6 (17) Апрѣля, Миланъ 274
147. 1764 г. 10 (21) Апрѣля, Миланъ 275
148. 1764 г. 13 (24) Апрѣля, Миланъ 276

Стр.
149. 1764 г. 3 (14) Мая, Вѣна 277
150. 1764 г. 14 (25) Мая, Вѣна. 279
151. 1764 г. 19 (30) Мая, Вѣна. 282
152. 1764 г. 22 Мая (2 Іюня), Вѣна 282
153. 1764 г. 26 Мая (6 Іюня), Вѣна 283
154. 1764 г. 5 (16) Іюня, Вѣна. 283
155. 1764 г. 12 (23) Іюня, Мюнихъ. 284
156. 1764 г. 14 (25) Іюля, Парижъ 285
157. 1764 г. 21 Іюля (1 Августа), Парижъ 286
158. 1764 г. 27 Іюля (7 Августа), Парижъ. 288
159. 1664 г. 1 (12) Августа, Компіенъ 289
Приписка къ тому же письму. 2 (13) Августа, Парижъ. . . 289
160. 1764 г. 5 (16) Августа, Парижъ. 290
Копія съ письма отъ Никиты Ивановича, полученнаго въ Гамбургѣ. 27 Сентября (8 Октября) 1764. 290
Копія съ отвѣта на сіе вышеписанное письмо, изъ Гамбурга отъ 28 Сентября (9 Октября) 1764. 292
161. 1764 г. 8 (19) Августа, Парижъ. 293
162. 1764 г. 16 (27) Августа 294
163. 1764 г. 20 Августа, Парижъ 295
164. 1764 г. 22 Августа (2 Сентября). 295
165. 1764 г. 2 (13) Сентября, Брюссель. 297
166. 1764 г. 3 (14) Сентября, Брюссель. 298
167. 1764 г. 6 (17) Сентября, Брюссель. 299
168. 1764 г. 8 (19) Сентября, Брюссель. 300
169. 1764 г. 8 Сентября, Брюссель. 301
170. 1764 г. 11 (22) Сентября, Акенъ. 302
171. 1664 г. 15 (26) Сентября, Дюисбургъ 303
172. 1764 г. 21 Сентября (2 Октября), Диспенау. 304
173. 1764 г. 23 Сентября (4 Октября), Бременъ 305
174. 1774 г. 25 Сентября (6 Октября), Бременъ 305
175. 1764 г. 26 Сентября (7 Октября). Ротенбургъ. 308
176. 1764 г. 10 Октября н. ст., Гамбургъ. 308
177. 1764 г. 4 (15) Октября, Гамбургъ. 310
178. 1764 г. 8 (19) Октября, Киль. 312
179. 1764 г. 10 (21) Октября; Киль. 313

Стр.
180. 1764 г. 13 (24) Октября, Любекъ. 315
181. 1764 г. 20 (31) Октября, Форбелинъ. 316
182. 1764 т. 25 Октября, (6 Ноября), Берлинъ. 317
183. 1764 г. 30 Октября (10 Ноября), Берлинъ. 318
184. 1764 г. 5 (16) Ноября), Берлинъ. 319
185. 1764 г. 9 (20) Ноября, Берлинъ. 321
186. 1764 г. 13 (24) Ноября. Берлинъ. 322
187. 1764 г. 16 (27) Ноября, Берлинъ. 323
188. 1764 г. 20 Ноября (1 Декабря), Берлинъ. 324
189. 1764 г. 23 Ноября (4 Декабря), Берлинъ. 325
190. 1764 г. 26 Ноября (7 Декабря), Берлинъ. 326
191. 1764 г. 4 (15) Декабря, Берлинъ. 327
192. 1764 г. (18) Декабря, Берлинъ. 328
193. 1764 г. 11 (22) Декабря, Берлинъ. 329
194. 1764 г. 14 (25) Декабря, Берлинъ. 329
195. 1764 г. 18 (29) Декабря, Берлинъ. 330
196. 1764 г. 21 Декабря (1 Января 1765 г.): 331
Копія съ письма Ея Императорскаго Величества, полученная въ Берлинѣ 21-го Декабря 1764 (1 Января 1765). . . . 331
Копія съ отвѣтнаго письма къ Ея Императорскому Величеству изъ Берлина отъ 21-го Декабря по ст. ст. 1764 г. . . . 332
Копія съ письма Никиты Ивановича Панина, полученнаго Декабря 21-го 1764 (1-го Января 1765), въ Берлинѣ . . . 333
Отвѣтъ Его Превосходительству Никитѣ Ивановичу Панину писанный 21-го Декабря 1764 г. (1 Январи 1755), въ Берлинѣ. 334
197. 1764 г. 24 Декабря (4 Января 1765). 335
198. 1764 го 28 Декабря (8 Января), Берлинъ. 336
199. 1764 г. 31 Декабря (11 Января 1765), Берлинъ. 337
200. 1765 г. 14 (25 Января), Оливъ. 337
201. 1765 г. 18 (29) Января, Данцигъ. 339
202. 1765 г. 20 (31) Января, Данцигъ. 340
203. 1765 г. 25 Января (5 Февраля), Кенигсбергъ. 341
204. 1765 г. 4 (15) Февраля, Либава. 341
205. 1765 в. 12 (22) Февраля, Рига. 343
206. 1765 г. 17 (28) Февраля, Дерптъ. 344
207. 1764 г. 26 Февраля, Петербургъ. 344
Письмо императрицы къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну. 1765 г. 22-го Марта, Петербургъ. 346

Стр.
208. 1765 г. 5 Марта, Петербургъ 347
209. 1765 г. 7 Марта, Петербургъ 348
210. 1765 г. 22 Марта, Петербургъ 349
Письмо канцлера къ императрицѣ. 15-го Марта 1765. . . . 350
211. 1765 г. Марта. Петербургъ 352
212. 1765 г. 6 (17) Апрѣля, Петербургъ 353
213. 1765 г. 8 (19) Апрѣля, Петербургъ 354
214. 1765 г. 13 Апрѣля, Петербургъ 354
215. 1765 г. 19 (30 Апрѣля), Петербургъ 355
216. 1765 г. 23 Апрѣля (4 Мая), Петербургъ 358
217. 1765 г. 29 Апрѣля (10 Мая), Петербургъ 358
218. 1765 г. 12 (23) Мая, Петербургъ 359
219. 1765 г. 24 Мая, Петербургъ 360
220. 1765 г. 22 Іюля, Кимра 361
221. 1765 г. 2 (13) Августа, Кимра 363
222. 1765 г. 10 (21) Августа, Кимра 364
223. 1765 г. 21 Августа (1 Сентября), Новгородъ 364
224. 1765 г. 9 (20) Сентября, Петербургъ 366
225. 1765 г. 14 (25) Сентября, Петербургъ 367
226. 1765 г. 27 Сентября (8 Октября), Петербургъ 367
227. 1765 г. 21 Октября, Петербургъ 369
228. 1765 г. 8 (19) Ноября, Петербургъ 370
229. 1765 г. 15 (26) Ноября 372
230. 1765 г. 2 (13) Декабря, Петербургъ 374
231. 1765 г. 20 (31) Декабря, Петербургъ 375
232. 1765 г. 28 Декабря, Петербургъ 377
233. 1765 г. 30 Декабря (10 Января), Петербургъ 378
234. 1766 г. 6 (17) Января, Петербургъ 379
235. 1766 г. 7 (18) Февраля, Петербургъ 380
236. 1766 г. 22 Февраля (4 Марта), Петербургъ 381
237. 1766 г. 3 (14) Марта, Петербургъ 382
238. 1766 г. 2 (22) Апрѣля, Петербургъ 484
239. 1766 г. 25 Марта (5 Апрѣля), Петербургъ 387
240. 1766 г. 15 (26) Апрѣля, Петербургъ 388
241. 1766 г. 21 Апрѣля (2 Мая), Петербургъ 390
242. 1766 г. 28 Апрѣля (9 Мая), Петербургъ 392
Письмо къ Н. И. Панину. 15 Апрѣля 1766 393
243. 1766 г. 17 (28) Мая, Петербургъ 394

Стр.
244. 1766 г. 23 Мая (3 Іюня), Петербургъ. 395
245. 1766 г. 7 (18) Іюля, Кимра. 397
246. 1766 г. 25 Іюля, Кимра. 398
247. 1766 г. 5 (16) Августа, Кимра. 399
248. 1766 г. 28 Октября (8 Ноября), Москва. 401
249. 1766 г. 6 (17) Ноября, Москва. 402
250. 1766 г. 23 Ноября (4 Декабря) Москва. 403
251. 1766 г. 11 Декабря, Москва. 404
252. 1766 г. 14 (25) Декабря, Москва. 404

Г. ИЗЪ ПИСЕМЪ ГРАФА А. Р. ВОРОНЦОВА КЪ ОТЦУ ЕГО ГРАФУ Р. Л. ВОРОНЦОВУ.

1. Гага, 27 Февраля 1767 г. 409
2. Гага, 27 (7) Марта 1767 г. 410
3. Письмо Дубровскаго. Гага, 20 (31) Марта 1767 г. 414
4. Гага, 6 (17) Апрѣля 1767 г. 415
5. Гага 10 Апрѣля 1767 г. 417
6. Гага, 24 Апрѣля 1767 г. 418
7. Гага, 24 Апрѣля 1767 г. 419
8. Гага, 27 Апрѣля 1767 г. 421
9. Гага, 2 Іюня 1767 г. 422
10. Гага, 12 (13) Іюня 1767 г. 423
11. Гага 6 (17) Іюля 1767 г. 424
12. Гага, 24 Іюля (4 Августа) 1767 г. 424

Д. ПИСЬМА ГРАФА А. Р. ВОРОНЦОВА КЪ БРАТУ ЕГО ГРАФУ СЕМЕНУ РОМАНОВИЧУ И ЕГО СУПРУГѢ 1783—1785.

1. С.-Петербургъ, 27 Сентября 1783. 429
2. Матренино, 15 Декабря 1783. 430
3. С.-Петербургъ, 17 Апрѣля 1784. 431
4. С.-Петербургъ, 4 Мая 1784. 434
5. С.-Петербургъ, 24 Мая 1784. 436
6. Безъ числа. 437
7. (1785). 438
8. Рига, 9 Іюля 1784. 442
9. Рига, 21 Іюля 1784. 444
10. Ревель. 2 Августа 1784. 446

Стр.
11. Мурино, 29 Августа 1784. 447
12. Мурино, 30 Августа 1784. 449
13. С.-Петербургъ, 13 Сентября 1784. 450
14. С.-Петербургъ, 14 Сентября 1784. 452
15. С.-Петербургъ, 17 Сентября 1784. 454
16. 21 Сентября 1784 455
17. С.-Петербургъ, 22 Сентября, вечеромъ. 457
18. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1674. 459
19. С.-Петербургъ, 27 Сентября 1784. 461
20. С.-Петербургъ, 19 Октября 1784 462
21. С.-Петербургъ, 24 Октября 1784 463
22. С.-Петербургъ, 1 Ноября 1784 464
23. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1784. 466
24. С.-Петербургъ, 16 Ноября 1784. 467
25. С.-Петербургъ, 18 Ноября 1784. 471
26. С.-Петербургъ, 22 Ноября 1784. 472
27. С.-Петербургъ, 25 Ноября 1784. 473
28. С.-Петербургъ, 30 Ноября 1784. 474
29. С.-Петербургъ, 4 Декабря 1784. 476
30. 6 Декабря 1784 477
31. С.-Петербургъ, 14 Декабря 1784 479
32. С.-Петербургъ, 18 Декабря 1784 480
33. С.-Петербургъ, 28 Декабря 1784 482
34. С.-Петербургъ, 17 Января 1785. 483
35. С.-Петербургъ, 3 Февраля 1785. 485
Е. ПИСЬМО НЕИЗВѢСТНАГО. Спб. 5 Января 1762 487
Ж. ПИСЬМО ГРАФА А. Р. ВОРОНЦОВА КЪ ЕПИСКОПУ ѲЕОДОСІЮ. Москва, 14 Іюля 1775 489
З. ДВА ПИСЬМА ГРАФА А. Р. ВОРОНЦОВА КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ:
1. Гага, 21 Января 1768. 490
2. Гага, 10 Іюня 1768. 495
И. ОТВѢТНОЕ ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА. Петергофъ 27 Іюня 1758 496

Сенатскій всеподданнѣйшій докладъ

о выдачѣ камергеру графу Роману Ларіоновичу Воронцову денегъ покойнаго тестя его дворянина Патріаршаго Приказа ИВАНА СУРМИНА съ подробностями о Сурминѣ.

(Около 1746 года).

Дѣло объ имуществѣ Сурмина началось въ 1715 году и кончилось при Елисаветѣ Петровнѣ.

Объ Иванѣ Михаиловичѣ Сурминѣ, дядѣ княгини Дашковой и графовъ Александра и Семена Романовичей Воронцовыхъ, сохранилось мало извѣстій. Въ современныхъ бумагахъ именуется онъ „конюшимъ Патріаршаго Приказа". Его предпріимчивость, расчетливость и скопидомство унаслѣдованы его внуками, въ особенности старшимъ изъ нихъ. Единственная его дочь, Мароа Ивановна (р. 1718, ум. 1745), какъ видно изъ сохранившагося ея прошенія въ Святѣйшій Синодъ, была въ очень ранней молодости выдана за одного изъ тѣхъ князей Долгорукихъ, которые подверглись ссылкѣ при наступленіи бироновщины. Мароа Ивановна воспользовалась правомъ остаться дома, заявила свое несогласіе съ образомъ мыслей супруга и получила разрѣшеніе вторично выдти за мужъ за Романа Ларіоновича Воронцова, отъ котораго и имѣла пять человѣкъ дѣтей. Сурмины — Костромскіе уроженцы. Одно изъ большихъ Воронцовскихъ имѣній называлось Сурмино. На попеченіи братьевъ графовъ Воронцовыхъ долго находилась родная имъ Ѳедосья Петровна Сурмина. П. Б.

ДОКЛАДЪ.

Вашему Императорскому Величеству покойная камергера Романа Воронцова жена Марѳа (патріарша дворянина Иванова дочь Сурмина) била челомъ объ отдачѣ ей взятыхъ у отца ея въ 1715 году по неправому доносу бывшаго фискала Семена Меньшова и по невинности онаго ея отца денегъ. А по смерти ея оный камергеръ Воронцовъ проситъ, чтобы тѣ взятыя у тестя его деньги и полученные на нихъ проценты (для многолѣтняго Вашего Императорскаго Величества и вседражайшей Вашего Императорскаго Величества высочайшей фамиліи здравія) на расплату оставшихъ послѣ оной жены его долговъ и воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей ему выдать.

А по взятой изъ Военной Коллегіи и изъ собственной Вашего Императорскаго Величества вотчинной канцеляріи и изъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи и изъ сенатской архивы описи дѣлъ бывшаго Преображенскаго Приказу, такъ и изъ канцеляріи конфискаціи, явилось:

Въ 1715 году Вашего Императорскаго Величества вседражайшему Государю родителю блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государю Императору Петру Великому фискалы Меньшой Мининъ и Санинъ доносили, что въ 1714 году фискалъ же Петръ Шидловской говорилъ имъ: усмотрѣлъ-де онъ на Костромѣ за онымъ Сурминымъ, что онъ

взялъ въ монастыряхъ со ста тысячъ рублевъ денегъ, также каменья и многихъ алмазныхъ вещей и прочее и удержалъ у себя.

И того-жъ году, по имянному Его Императорскаго Величества указу и по письму изъ Санктъ-Петербурха отъ князя Василія Долгорукова, велѣно по розыскному дѣлу у него Сурмина имѣніе его взять на Его Императорскаго Величества.

Сурминъ пожитковъ объявилъ: деревень въ разныхъ городахъ восемьдесятъ девять дворовъ; серебряной посуды пудъ, четыре фунта, шесть золотниковъ; алмазныхъ и прочихъ вещей, и низанья, и всякихъ женскихъ уборовъ, всего на 1543 рубля; денегъ на лицо и въ долгахъ 28.612 рублей.

А тѣ-де пожитки онъ Сурминъ получилъ отъ торговъ съ 1706 году разныхъ чиновъ съ людьми, о чемъ и купецкіе люди показали, съ которыми онъ торговалъ. Въ то число въ рекрутскую канцелярію взято и собрано изъ долговъ 24.882 рубля.

А Шидловской противъ доношенія Меньшова сказалъ, что того Меньшову не говаривалъ и за Сурминымъ таковыхъ великихъ интересовъ не вѣдаетъ, а говорилъ онъ Меньшову по сказыванію попа Василія Васильева о взяткѣ имъ Сурминымъ со крестьянъ со 100.000 рублей, а не изъ монастырей.

А оный попъ въ доношеніи написалъ на него Сурмина взятковъ со крестьянъ 2.279 рублей 13 коп., а не 100.000 рублей, которые послѣ того за напрасное онаго Сурмина въ доношеніи своемъ написаніе измѣнникомъ бить плетми и по правиламъ святыхъ отецъ отъ священства отлученъ вовсе и изъ-за караула бѣжалъ.

Сурминъ въ похищеніи и во взяткахъ не признался, а показалъ, что приносили къ нему старосты и выборные въ

праздники и царскіе ангелы деньгами и харчами по мірскому согласію въ честь, а не въ неволю, по прежней обыклости, какъ до него, Сурмина было, всего въ восемь лѣтъ 7.530 рублей, и хлѣба разнаго 800 четвертей.

А по справкѣ съ Монастырскимъ Приказомъ похищенія монастырей имъ Сурминымъ не явилось; также и въ сыску патріаршихъ и монастырскихъ вотчинъ старосты 294 человѣка сказали: деньгами и харчами отнесено ему Сурмину 7.851 рубл. 37 коп. не отъ налогу, въ почесть и за ссуду хлѣба разнаго 464 четверти.

А челобитчиковъ-де на него Сурмина въ обидахъ никого не явилось, и доносители въ доказательство ничего не показали.

Въ 1716 году Генваря 24-го дня и въ 1718 году Марта 9-го, по имянному Его Императорскаго Величества указу, движимое его Сурмина и недвижимое имѣніе для пропитанія отданы ему до указу, и велѣно хранить до подлиннаго свидѣтельствованія по его дѣлу, а деньги оставлены въ канцеляріи, и по имянному-жъ Его Императорскаго Величества указу въ расходъ ихъ никуда безъ особливаго указу употреблять не велѣно; а рекрутная канцелярія, съ примѣру коммерцъ-коллегіи какъ въ оной Боурувскіе отдаваны въ процентъ, тѣ Сурмина деньги съ 1718 года раздала въ процентъ же и на оное получила процентъ 5.939 рубл. 34 коп., которыми содержаны были канцелярскіе служители жалованьемъ.

Въ 1718 году Семенъ Меньшой за волшебство кажненъ, а подлинныя о немъ Сурминѣ дѣла и выписки, по имянному же Его Императорскаго Величества указу, отосланы были въ канцелярію генералъ-маіора князя Голицына, а потомъ въ Юстицъ-Коллегію, а изъ оной въ 1727 году въ колле-

гію-жъ экономическаго правленія. Справкою-жъ показано, что тѣ дѣла и выписки въ оную коллегію экономіи присланы-ль и по нимъ какое производеніе и рѣшеніе было-ль, о томъ-де за погорѣніемъ въ оной Коллегіи Экономіи въ бывшій въ 1737 году въ Москвѣ пожаръ извѣстія нѣтъ.

А тѣ Сурмина деньги съ 1721 году изъ той же рекрутной канцеляріи отданы въ процентъ, въ томъ числѣ Александру и Ивану Нарышкинымъ 13.000 рублей, которые, по силѣ имяннаго Его Императорскаго Величества указу, за подписаніемъ собственныя Его Императорскаго Величества руки 1724 году, зачтены въ артиллеріи въ 1735 году за поставленные ими артиллерійскіе припасы и подлежали къ отсылкѣ въ Военную Коллегію на поставленные изъ оной 117.000 рубл. въ счетъ, что̀ надлежало принять въ артиллерію отъ коммисаріата за ружье, отпущенное изъ артиллеріи въ полки.

Со онаго 1712-го г. Февраля съ 20-го Маія по 20-е жъ 1726 году процента получено 7248 рубл. 95 к., въ томъ числѣ съ Нарышкиныхъ на одинъ годъ 1300 рубл., которые имъ въ 1734-мъ году выданы обратно за удержанныя ихъ въ артиллеріи многія деньги, а прочія издержаны на канцелярской расходъ.

Въ 1726-мъ году Марта 24-го дня, по имянному Вашего Императорскаго Величества вседражайшей родительницы Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны указу, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственныя руки, по челобитью того Сурмина (которымъ онъ, объявляя, что ни въ какомъ преступленіи не приличился, просилъ, чтобъ взятыя у него деньги для поминовенія блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти родителя Вашего Императорскаго Величества Государя Императора Петра Великаго

ему отдать) ему выдано изъ оной же рекрутной канцеляріи изъ процентныхъ 5000 рублей.

Въ томъ же 1726-мъ году Октября 12-го дня, по имянному жъ Ея Императорскаго Величества указу, по докладу князя Меншикова, велѣно розданныя того Сурмина деньги въ процентъ отдать въ собственную вотчинную Ея Императорскаго Величества канцелярію, въ которой взято съ генерала-маіора и лейбъ-гвардіи маіора Дмитріева-Мамонова капитальные и процентные 224 рубля.

Декабря 17-го дня того же 1726 году, по имянному жъ Ея Императорскаго Величества указу, записанному во оной канцеляріи за рукою асессора Арцыбашева, повелѣно тѣ розданныя въ процентъ Сурмина деньги съ процентами (кромѣ вышепомянутыхъ Нарышкиныхъ и камергера Маврина) взыскивать въ рекрутную жъ канцелярію, а собравъ, прислать въ собственную вотчинную канцелярію, которыхъ взыскано въ Преображенскую канцелярію капитала съ процентами 4797 рубл. $16^2/_3$ к.

И въ 1727 году Августа 4-го дня, приговоромъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, оныя деньги и съ вѣдомостью, на комъ взыскать надлежитъ, отосланы въ бывшую при томъ Верховномъ Совѣтѣ доимочную канцелярію, которыхъ показано не во взысканіи капитала съ процентами 10589 рубл. 33 коп.

Вашему Императорскому Величеству Сенатъ всеподданнѣйше представляетъ, что по разсужденію Сената надлежитъ:

1) Изъ вышепомянутыхъ, взятыхъ у Сурмина въ рекрутную канцелярію, наличныхъ и собранныхъ изъ долговъ денегъ 24882 рубля, оному камергеру Воронцову съ оставшими послѣ жены его, а вышепомянутаго Сурмина дочери,

дѣтьми выдать, а имянно данные Нарышкинымъ 13000 рублей (изъ которыхъ по зачету въ артиллеріи положено въ счетъ за ружье отпущенное изъ артиллеріи въ комисаріатъ 11700 рублей), изъ Военной Коллегіи и изъ артиллеріи, а взысканныя въ собственную вотчинную канцелярію капитальные и процентные 224 рубля въ Преображенскую канцелярію, капитальные же и процентные 4797 рублевъ 16 копѣекъ, да изъ взысканныхъ же въ рекрутную канцелярію съ начала отдачи капитала процентныхъ съ 1718-го 5939 рублевъ 34-хъ копѣекъ, съ 1721-го Февраля съ 20-го Маія по 20-е жъ число 1726-го году—7283-хъ рублей 95 копѣекъ, всего изъ 13223-хъ рублевъ 29 копѣекъ за выключкою выданныхъ Нарышкинымъ 13000 рубл., да оному Сурмину 5000 рубл.—6923 рубл. 29 коп. изъ Штатсъ-Конторы; а всего 24944 рубл. 45 коп., для того что по вышепредписанному слѣдствію вины помянутаго Сурмина не сыскалось, и доносители въ доказательство ничего не показали, и по публикамъ челобитчиковъ на него Сурмина никого не явилось.

А по инструкціи, состоявшейся со апробаціи блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны 1730 году 9 пункта, велѣно: «буде кто надлежащимъ образомъ докажетъ, что выморочное имѣніе все или часть онаго надлежитъ ему подлинно, тогда тѣ выморочныя имѣнія и со всѣми съ того времени какъ въ вѣдомство взяты накопившимися доходами отдать ему; тако жъ изъяны отъ того, что они въ сохраненіи были учинившіеся, онъ заплатить имѣетъ, а больше тѣхъ изъяновъ какъ по одному проценту со ста не брать».

А понеже, по вышеписаннымъ обстоятельствамъ, явно оказалось, что вышепомянутыя взятыя у онаго Сурмина

деньги не въ сохраненіи содержались, но даны были въ долгъ, а полученные на нихъ проценты употреблены на жалованье приказнымъ служителямъ и на канцелярскіе расходы, слѣдовательно оные за вышеобъявленнымъ вычетомъ онъ камергеръ Воронцовъ послѣ законной тому имѣнію наслѣдницы (онаго Сурмина дочери, а своей жены со оставшими ихъ дѣтьми) получить долженъ безъ всякой въ казну за оные заплаты. Хотя же вышепомянутыя Сурмина деньги, по отдачѣ ему Сурмину имѣніевъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Вашего Императорскаго Величества вседражайшаго родителя Государя Императора Петра Великаго указомъ отписнаго его движимаго и недвижимаго имѣнія, и оставлены въ канцеляріи, однако велѣно оныя хранить пока по его дѣлу подлинно освидѣтельствуется; чего ради, въ силу того Его Императорскаго Величества высочайшаго указа, при нынѣшнемъ разсмотрѣніи при вышеписанной онаго Сурмина невинности помянутому его зятю камергеру Воронцову съ дѣтьми, а того Сурмина родными внучатами, ко отдачѣ и опредѣляется.

2) Съ прочихъ людей, кому онаго Сурмина деньги изъ процента розданы, а до сего времени не взысканы, тѣ деньги, сколько надлежитъ, по силѣ указовъ, взыскивать ему камергеру Воронцову самому и для того взысканья со взятыхъ справокъ, что̀ до того долгу касается, дать ему камергеру изъ Сената за закрѣпою секретарскою копію.

3) А что онъ Сурминъ при слѣдствіи самъ признался и безъ всякаго на него доказательства, объявилъ, что онъ отъ старостъ и выборныхъ монастырскихъ вотчинъ приносимые къ нему въ почесть на господскіе праздники и на царскіе ангелы деньгами и харчевыми припасы по мірскому согласію по прежней обыклости получилъ въ 8 лѣтъ денегъ 7530

рубл., хлѣба всякаго 800 четвертей (о чемъ и въ сыску патріаршихъ и монастырскихъ вотчинъ старосты 294 человѣка показали, что деньгами и харчемъ отнесено ему Сурмину 7851 р. 37 коп., только не отъ налога, но въ почесть и за ссуду): и того ему. Сурмину ко взяткамъ и къ народной тягости причесть не можно; ибо оное приношено къ нему, какъ то въ сыску показано, не отъ налога его, но въ почесть и за ссуду. И того всего добровольнаго приносу по исчисленію съ бывшихъ въ вѣдѣніи его крестьянскихъ дворовъ приношено было ему въ годъ по 12 к. съ двора; а по Уложенію 10-й главы 150-го пункта велѣно на воеводахъ и приказныхъ людей по сыску взятое править и имать на Государя пеню, на такихъ, которые, будучи у государевыхъ дѣлъ въ городѣхъ, учнутъ градскимъ и уѣзднымъ людямъ чинить продажи и убытки и въ томъ на нихъ будутъ челобитчики; а на него Сурмина, какъ выше показано по публикамъ, челобитчиковъ никого въ обидахъ не явилось. Да и указъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Вашего Императорскаго Величества родителя Государя Императора Петра Великаго 1713-го году Августа 23 дня именно запрещаетъ имать взятки и посулы, грабительства и раззоренія чинить и кормы брать будущимъ сборщикамъ у выбиранія отъ окладныхъ и изъ доимки доходовъ и у высылки рекрутъ, работниковъ, провіанта, лошадей и фуража и подводъ (которымъ по тому же Его Величества указу особое и жалованье давать повелѣно), а партикулярное погрѣшеніе, то есть въ челобитчиковыхъ дѣлахъ взятки и всякія въ народѣ обиды и иное подобное тому, которое не касается интересовъ государственныхъ и всего народа, оставлено на старыхъ штрафахъ и на разсужденіе Сената, а въ губерніяхъ на губернаторахъ и комендантовъ. Но онъ Сур-

минъ вышеобъявленные приносимые ему отъ монастырскихъ вотчинъ подносы, будучи въ тѣхъ монастырскихъ вотчинахъ управителемъ, бралъ до состоянія того Его Императорскаго Величества указу, чего ему Сурмину по тогдашнему издревле обычаю, паче же, что на него челобитчиковъ никого ни въ какихъ обидахъ не было, въ вину причесть не можно. А однакожъ все то въ высочайшее Вашего Императорскаго Величества разсмотрѣніе Сенатъ всеподданнѣйше представляетъ; ибо оное дѣло слѣдствіемъ началось по имянному блаженныя и вѣчно достойныя памяти Вашего Императорскаго Величества вседражайшаго родителя Государя Императора Петра Великаго указу и для того вышепомянутыхъ денегъ выдать, не доложась Вашего Императорскаго Величества, не можетъ, а всеподданнѣйше проситъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указу.

Печатается съ современнаго списка, на которомъ не означено года; но надо думать, что это дѣло производилось вслѣдъ за кончиною Марѳы Ивановны Воронцовой (19 Апрѣля 1745).

*

По имянному указу.

Ивана Сурмина движимое и недвижимое его имѣніе велѣно взять все на Великаго Государя, и того ради объявить ему, чтобы онъ подписался своею рукою и подалъ всему своему имѣнію вѣдомость, по которой движимое его и недвижимое все описавъ запечатать и положить въ удобное мѣсто до указа.

И по тому указу Иванъ Сурминъ объявилъ: деревень за нимъ въ разныхъ городѣхъ ѳ҃ дворовъ крестьянскихъ; да на Москвѣ и на Костромѣ денегъ на лицо и въ долгахъ ҂кн҃хкі рублевъ.

Въ то число взято въ канцелярію наличныхъ и изъ долговъ ҂кг҃лк рубли.

Затѣмъ на должникахъ правятъ ҂є҃сн рублевъ, въ томъ числѣ на вице-губернаторѣ Ершовѣ ҂а҃ рублевъ.

У него же пожитковъ, которые взяты въ Москву по оцѣнкѣ торговыхъ людей: серебряной посуды пудъ д҃ фунта, ѯ҃ золотниковъ на ф҃ки рублевъ. Алмазныхъ и прочихъ вещей, и низанья, и всякихъ женскихъ уборовъ на ҂а҃еі рублевъ.

А прочіе его пожитки, платье и всякой домашній заводъ не цѣнены, а поставлены на Костромѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ, у которыхъ и нынѣ для присмотру на караулѣ отъ гвардіи солдатъ Водовъ.

А что̀ тѣхъ пожитковъ порознь, и тому присланъ реестръ.

А про тѣ пожитки онъ Сурминъ допросами и свѣдѣніемъ показалъ, что имѣлъ торги со р҃ѵѕ году хлѣбомъ и солью въ Суздальской своей деревнѣ и былъ на дву приказѣхъ изъ патріарша дому.

Онъ же посыланъ изъ патріарша дому въ с҃и году въ Астрахань къ рыбнымъ промысламъ, и отецъ его далъ ему денегъ ҂а҃ рублевъ, да тесть его ҂а҃ф рублевъ, да его собственныхъ денегъ было ҂а҃х рублевъ, да послѣ отца его досталось ему денегъ ҂а҃т рублевъ, итого ҂є҃х рублевъ.

А въ Астрахани торговалъ отъ него тѣми деньгами Володимирскаго уѣзду дворцоваго села Всегодичъ посадской Григорій Олесовъ, покупалъ кожи, овчины и возилъ на Макарьевскую ярманку, а по зимамъ сидѣлъ въ Астрахани на Татарскомъ базарѣ.

А въ ѯ҃а, въ ѯ҃в, въ ѯ҃г годѣхъ были у него отпуски въ Бухары съ патріаршимъ крестьяниномъ Даниломъ Горятинымъ, а торговалъ отъ нихъ изъ третьей доли прибыли Бухарянинъ Режебъ Семенниковъ съ братьями; торгъ имѣли многіе годы въ Москвѣ, и были отпуски въ Астрахань, и въ Персиду и къ городу Архангельскому; а денегъ брали у него

же Сурмина тысячи по три и по четыре, прибыли давали ему сотъ по пяти и пуще на годъ.

Кадашевецъ Корниловъ торговалъ въ серебряномъ ряду, денегъ бралъ у него Сурмина сотъ по семи и тѣми деньгами торговалъ лѣтъ съ і҃, прибыли давалъ ему по р҃ и по рі҃ рублевъ на годъ.

И того по сказкамъ и по объявленію прибыли отъ торговъ ему Сурмину было ҂еі҃ц҃ѯ рублевъ, опричь тѣхъ, о которыхъ ясно не показано.

А достальные купецкіе люди за дальностію не допрашиваны.

Да онъ же Сурминъ объявилъ собою и по сыску явилось, какъ вѣдалъ на Костромѣ патріаршія и монастырскія вотчины, приносовъ со крестьянъ было ему въ и лѣтъ, за ссуду что̀ ссужалъ въ подати своими деньгами, а не отъ налогу, а тѣхъ денегъ ждалъ на нихъ по году и больше, деньгами и харчемъ на ҂ѕѡна рубль.

И имѣется на годъ по цна рублю по ді алтынъ. А съ крестьянскаго двора по д алтына.

У него Сурмина за крестьянами въ платежѣ въ Москвѣ и въ Санктъ-Петербурхѣ провіантовъ ҂л҂ахав четвертей со осминою.

Драгунскихъ ски лошадей. Денегъ въ дачѣ ему за тотъ провіантъ и за лошади ҂к҂ѕфме рублевъ ла алтынъ. Прибыли ему отъ тѣхъ платежей по его сказкѣ ҂енѕ рублевъ к алтынъ.

Всего со крестьянъ и въ платежѣ ҂віци рублевъ к алтынъ.

А съ полученною прибылью отъ торговъ опричь истинныхъ ҂киѡѯи рублевъ, к алтынъ.

А какія обиды и разоренія онъ Сурминъ кому чинилъ и съ кого что бралъ, чтобъ тѣ обидимые явились безъ всякаго

опасенія, и о томъ на Костромѣ по градскимъ воротамъ и въ пристойныхъ мѣстѣхъ выставлено было и указовъ, а въ праздничные и въ торговые дни кликано бирючемъ по многіе дни, и по тѣмъ указомъ на него Сурмина челобитчиковъ никого не явилось.

Да въ прошломъ ҂ѕї году Генваря въ кд день, въ письмѣ Царскаго Величества за собственною Его Величества рукою отъ лейбъ-гвардія къ маіору господину Ушакову писано: Сурмину, который держится подъ карауломъ, деревни его велѣно отдать ему для его пропитанія; а движимое, гдѣ описано, хранить тамо до указу, а въ расходъ никуда не держать, пока по его дѣлу подлинно освидѣтельствуется.

И потому Его Царскаго Величества имянному указу деревни его Сурмина отданы ему до указу, а онъ Сурминъ отданъ на поруки.

Изъ дѣла не видно, чѣмъ оно рѣшилось; но могла ли Императрица отказать супругу своей пріятельницы, который кромѣ того оказалъ ей государственную услугу, имѣя подъ своимъ присмотромъ сверженную Брауншвейгскую фамилію, которую, кажется, онъ и отвозилъ въ Динабургъ, откуда она, по услужливому совѣту Прусскаго короля (см. Р. Архивъ 1866, стр. 1541), была переправлена въ Рязанскій Раненбургъ? П. Б.

ПИСЬМА
ГРАФА
РОМАНА ЛАРІОНОВИЧА ВОРОНЦОВА
КЪ СТАРШЕМУ СЫНУ ЕГО
ГРАФУ
АЛЕКСАНДРУ РОМАНОВИЧУ.
1758—1783.

Старшій братъ государственнаго канцлера и дѣдъ фельдмаршала князя Воронцова, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ (род. 17 Іюля 1707, ум. 30 Ноября 1783 намѣстникомъ во Владимирѣ на Клязьмѣ, въ соборѣ котораго и похороненъ) извѣстенъ въ народномъ преданіи подъ прозвищемъ „Романъ — Большой Карманъ". Онъ былъ сыномъ средней руки помѣщика Владимирской губерніи Ларіона Гавриловича (1674—1750), по возвышеніи сыновей своихъ при Елисаветѣ Петровнѣ бывшаго Ярославскимъ воеводою, и Анны Григорьевны Масловой, скончавшейся въ 1740 г. (оба похоронены въ Москвѣ, въ церкви Воздвиженія, на Воздвиженкѣ). Онъ рано овдовѣлъ, и дѣти его съ младенчества своего находились подъ нравственною опекою его брата-канцлера. Отецъ относился къ нимъ по большей части сурово и взыскательно.

Отправленіе за границу старшаго его сына, 16-ти-лѣтняго графа Александра Романовича, было однимъ изъ знаковъ новаго ряда милостей, оказанныхъ императрицею Елисаветою Петровною его дядѣ непосредственно за паденіемъ канцлера Бестужева, а именно въ Мартѣ 1758 года. Графъ Михаилъ Ларіоновичъ, еще съ званіемъ вице-канцлера, остался тогда первенствующимъ въ Иностранной Коллегіи, то-есть главнымъ по тогдашнему ходу дѣлъ лицомъ въ управленіи. Молодой графъ Александръ Романовичъ поѣхалъ въ чужіе краи, снабженный сильными письмами и окруженный всяческими по

тому времени удобствами. Въ немъ Воронцовы умно и заботливо приготовляли государственнаго дѣятеля, какимъ онъ впослѣдствіи и сдѣлался.

Братъ его графъ Семенъ Романовичъ (на три года его моложе) вскорѣ также отправленъ былъ въ долгое странствованіе по Воронцовскимъ имѣніямъ, въ восточные и юго-восточные предѣлы Россіи, до Тобольска и Астрахани. Эти путешествія имѣли для обоихъ братьевъ большое образовательное значеніе, отразились въ ихъ послѣдующей дѣятельности и до нѣкоторой степени произвели разницу въ ихъ характерахъ. Старшій братъ, проведя въ чужихъ краяхъ почти десять лѣтъ сряду, остальное время жизни не выѣзжалъ изъ Россіи; младшему, напротивъ, пришлось прожить около пятидесяти лѣтъ на чужбинѣ. Въ первомъ замѣчается много чужеземныхъ вліяній; второй оставался всю жизнь коренныъ Русскимъ человѣкомъ по уму, убѣжденіямъ и по всей житейской обстановкѣ. П. Б.

1.

Другъ мой Александра Романовичъ!

Письмо твое отъ 7 дня изъ Риги я получилъ съ великимъ удовольствомъ и видѣлъ, что тебя принимаютъ ласково. Я желаю, чтобъ во всѣхъ мѣстахъ такіе же пріемы тебѣ были. Каковъ пріемъ въ Варшавѣ тебѣ будетъ, пространнѣй опиши. Къ Ивану Ивановичу [1]) долженъ ты писать, и помни то, что офицерской чинъ чрезъ его стараніе ты получилъ; я желаю, чтобъ ты благодарность имѣлъ всегда къ тѣмъ, кои тебѣ дѣлали милость. Къ брату Михайлу Ларіоновичу должно тебѣ пространно писать и знай, что если какая учтивость тебѣ отъ кого сдѣлана, эта причина онъ. И такъ обо всемъ увѣдомлять его долженъ. Мнѣ очень жаль, что на нынѣшней почтѣ изъ Риги ты не писалъ къ нему. Къ брату Ивану Ларіоновичу [2]) писать надо. Итакъ ничего не рекомендую я какъ то, чтобъ ты не лѣнился отписать. Я не

---

[1]) Шувалову, жившему въ тогдашнемъ зимнемъ дворцѣ (нынѣ домъ Елисеева между Полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою), въ непосредственной близости къ Государынѣ, которая, впрочемъ, и сама принимала участіе въ судьбѣ старшаго сына своей покойной пріятельницы, ссужавшей ее деньгами въ тяжкія десять лѣтъ царствованія Анны Ивановны.

[2]) Президенту Вотчинной Коллегіи, находившейся въ Москвѣ и родоначальнику нынѣшнихъ графовъ Воронцовыхъ-Дашковыхъ.

сумнѣвался о томъ, чтобъ ты не берегъ свой кошелекъ. Еще ѣхать далеко, и много надо; пожалуй, ищи случай, чтобъ тебѣ изъ Варшавы въ Вѣну ѣхать не одному. Я думаю, Кейзерлингъ [3]) радъ будетъ вмѣстѣ ѣхать съ тобой: ему здѣсь у насъ великія учтивости оказаны. Съ первою почтою меня увѣдомь, сколь долго намѣренъ ты быть въ Варшавѣ и сколько издержишь денегъ—реестръ пришли; я бы желалъ, чтобъ ты студента хотя до Франціи взялъ съ собою: я ему бы деньги отъ себя переслалъ, чѣмъ [4]) оттуда выѣхать, что бы для тебя не худо и для него хорошо. Опиши обстоятельно, какъ принцъ Саксонской тебя приметъ, который ѣдетъ сюда. Я къ тебѣ въ Вѣну писать буду. Я бъ желалъ, чтобъ ты ни одной почты не пропустилъ, а всегда бъ писалъ: великое мнѣ будетъ удовольство, когда часто имѣть буду отъ тебя письма. Я не подтверждаю тебѣ о томъ, чтобъ твои поведенія всегда согласны были съ твоимъ именемъ и чтобъ какъ мнѣ, такъ и брату моему не было сожалѣнія о томъ, что тебя отпустили такъ молода вояжировать. Я не въ состояніи дать тебѣ гувернера, а надѣюсь, что ты самъ себѣ гувернеръ будешь. Оканчиваю тѣмъ: живи, мой другъ, такъ, чтобъ мнѣ слыша радоваться. А тебѣ желая всякаго благополучія, остаюсь вѣрный всегда Романъ Воронцовъ.

---

[3]) Нашъ посолъ при Вѣнскомъ дворѣ.

[4]) Т. е. на какія деньги.

2.

Александръ Романовичъ, другъ мой.

Пиши пространнѣй, какъ тебѣ Варшава показалась и долго ли въ ней жить будешь. Я бы желалъ скорѣй получить письма отъ тебя изъ Вѣны. Къ Ивану Ивановичу пиши изо всѣхъ мѣстъ, да и къ дядѣ своему М. Л. писать должно обо всемъ, а особливо отъ кого какія тебѣ ласки показаны; къ Ивану Ларіоновичу по сіе время отъ тебя писемъ нѣту.

Я не сумнѣваюся о тебѣ, что поведеніемъ твоимъ во всѣхъ мѣстахъ я бъ былъ доволенъ; но лѣты твои принуждаютъ меня, чтобъ тебѣ сіе напомнить: не сдѣлай того, что̀ бъ меня и фамилію могло опечалить. По выѣздѣ изъ Варшавы пришли счетъ, что̀ издержишь денегъ и сколько тамъ возьмешь, и что̀ до Вѣны будетъ стоить дорога твоя. Я бы желалъ, чтобъ тебѣ изъ Варшавы ѣхать до Вѣны не одному; а то меня очень безпокоитъ, чтобъ въ дорогѣ чего не приключилось. А къ намъ графъ Брюль [1]) сюда пріѣхалъ 13 дня. Братъ мой М. Л. всѣ учтивости ему оказалъ и далъ ему свой экипажъ. Я надѣюсь, что онъ къ отцу писалъ, и что взаимная учтивость и тебѣ отъ него показана будетъ. На сихъ дняхъ ожидаемъ пріѣзду его королевскаго высочества Саксонскаго принца. Къ нему приставленъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ [2]), а камеръ-юнкеръ кто, еще не-

---

[1]) Сынъ славнаго Саксонскаго министра.

[2]) Знатокъ свѣтскихъ пріемовъ и обычаевъ, многократно передъ тѣмъ бывавшій въ чужихъ краяхъ и до того дружный съ И. И. Шуваловымъ, что ихъ звали Орестъ и Пиладъ. Елисавета Петровна питала къ нему и его братьямъ родственныя чувства.

извѣстно. Г-нъ Олсуфьевъ [3]) поѣхалъ въ Нарву для встрѣчи его. Жить будетъ въ домѣ его превосходительства Ивана Ивановича [4]), а для свиты его очищенъ домъ Савы Собакина, и еще одинъ по близости. Пожалуй не лѣнися, пиши пространнѣй: я нетерпѣливо вѣдать отъ тебя обо всемъ желаю. Къ сестрамъ пиши, а особливо къ Лисаветѣ Романовнѣ [5]). Она меня просила, чтобъ ты пространнѣй къ ней писалъ, пофранцузски. Доволенъ ли ты Ягановъ и Тихономъ? Затѣмъ, поручая тебя Всевышнему Творцу и желая, чтобъ Богъ допустилъ мнѣ тебя видѣть и слышать такое, кое бы меня веселить могло, остаюся Романъ Воронцовъ.

1758 г. 3 (20), Питербурхъ.

3.

Другъ мой Александръ Романовичъ.

Дубровской и Ельсинкъ еще ко мнѣ не бывали. Послѣднее твое письмо изъ деревни господина Кейзерлинга я получилъ. Доволенъ тѣмъ, что ты видѣлся съ Саксонскимъ принцомъ. Свиты его г-ну Любомирскому я буду стараться всевозможныя учтивости оказать за дружеское его съ тобой обхожденіе. Дядя, а мой братъ къ тебѣ писалъ; ты долженъ его повелѣнія всегда въ памяти имѣть и слѣдовать по нихъ.

---

[3]) Адамъ Васильевичъ, уже при Елисаветѣ принимавшій участіе въ дѣлахъ.

[4]) На Невскомъ, на углу Малой Садовой, впослѣдствіи домъ Демидова. Послѣ Елисаветы Шуваловъ поселился въ этомъ домѣ, въ немъ и умеръ.

[5]) Графъ Романъ Ларіоновичъ устроивалъ пиры для великаго князя Петра Ѳедоровича, который, какъ извѣстно, любилъ эту младшую изъ его дочерей. Въ XXI-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“ помѣщено нѣсколько ея писемъ, показывающихъ, что она вовсе не была такова, какъ ее изображаютъ романисты, почерпающіе нерѣдко свои свѣдѣнія изъ источниковъ мутныхъ.

Изъ Варшавы счетъ всѣмъ расходамъ пришли и не лѣнись, пиши особливо къ брату моему Михайлѣ Ларіоновичу, да и къ Аннѣ Карловнѣ ты не одного письма не прислалъ. Къ Ивану Ларіоновичу писать долженъ. Не забудь въ Вѣнѣ къ графу Естергазію писать, а изъ Парижа къ марки Лопиталю, къ Шведскому и къ Остену за его рекомендацію; чѣмъ больше будешь писать, тѣмъ лучше у меня будешь. Къ Ивану Ивановичу всегда писать должно и помни то, что чрезъ его стараніе имѣлъ ты счастіе первую милость въ жизни своей получить отъ всемилостивѣйшей Государыни, и такъ благодарность и признаніе вѣчно имѣть должно. Нѣтъ гнуснѣе, мой другъ, на свѣтѣ неблагодарности, и неблагодарный человѣкъ не можетъ быть благополученъ въ свѣтѣ, а меньше того любимъ. Я надѣюся на твое поведѣніе и вѣрю, что ты меня нимало не опечалишь. Одно напомнить тебѣ хочу, чтобъ былъ ты со мной искренне и не таился ничего. Естьли по договору моему съ тобой на прожитокъ денегъ будетъ мало, то пиши, я и въ томъ тебя не оставлю; только помни, мой другъ, что ты поѣхалъ учиться, а не щеголять и что мотовствомъ добраго имени не наживешь и не удивишь, а умѣренныя и честныя поступки всегда принимаются отъ всѣхъ съ похвалою [1]). Пожалуй, пиши, долго ли остаться ты въ Варшавѣ хочешь, чтобъ я зналъ, куда мнѣ письма посылать къ тебѣ. Лисавета Романовна просила меня, чтобъ ты къ ней писалъ пофранцузски. Я совѣтую пространнѣе къ ней писать. Прости, мой другъ, и живи такъ, чтобъ, слыша о тебѣ, я былъ всегда доволенъ твоимъ поведеніемъ. Романъ Воронцовъ.

1758 г. 3 (24), Питербурхъ.

---

[1]) Графъ Романъ Ларіоновичъ держалъ обоихъ сыновей своихъ на умѣренномъ жалованьи, владѣя значительнымъ имѣніемъ ихъ матери.

Къ господину Гроссу [2]) ты отъ дяди рекомендованъ, то и не пропусти, чтобъ не слѣдовать его наставленіямъ. Онъ дастъ тебѣ совѣтъ, какъ до Вѣны и какою дорогою ѣхать. Я буду спокоенъ, когда изъ Вѣны отъ тебя письмо получу. Проѣздъ твой чрезъ Венгрію меня крайне безпокоитъ. Дай Богъ здорово и благополучно доѣхать. . .

4.

Князь Семенъ Ѳедоровичъ Волконской писалъ къ брату Михаилу Ларіоновичу, что ты 21 дня сего мѣсяца пріѣхалъ въ Кенигсбергъ Я съ нетерпѣливостію твоего письма ожидаю. Сегодня ожидаемъ пріѣзду его королевскаго высочества, Саксонскаго принца. Онъ обѣдалъ сегодня въ Красномъ Селѣ и къ вечеру будетъ сюда. Пожалуй, пиши чаще; ты знаешь, сколько я хочу вѣдать о тебѣ. Дубровской и Ельсинкъ сюда пріѣхали, и первой пожалованъ при Академіи переводчикомъ, по полтораста рублевъ годоваго жалованья. Не забывай беречь кошелька и пришли мнѣ счетъ изъ Варшавы, сколько тамъ возьмешь и сколько въ наличности останется и куда издержишь. Мой другъ помни, что ты поѣхалъ учиться, а не проживать. Я надѣюся, что твоимъ поведеніемъ буду доволенъ. Напротивъ того, я тебя конечно не оставлю и нужды терпѣть не допущу. Еще напоминаю: пиши, не лѣнися. Затѣмъ поручая всевышней власти въ покровительство и остаюсь Романъ Воронцовъ.

1758, 3 (31).

---

[2]) Нашъ посланникъ въ Дресденѣ.

5.

Другъ мой Александра Романовичъ! Я не хотѣлъ оставить, чтобъ чрезъ барона Лопиталя не писать къ тебѣ. Меня очень опечалило, что на нынѣшней почтѣ отъ тебя писемъ не имѣлъ. Пожалуй, не пропускай каждую недѣлю пиши по одиножды ко мнѣ, да и къ дядѣ ты одно письмо только писалъ, а въ Москву и одного не писывалъ. Это очень дурно. Надо чаще писать. Анна Михайловна *) всякій день объ тебѣ спрашиваетъ. Надлежитъ и къ ней чаще писать. Пожалуй, мой другъ, будь осторожнѣй и не дѣлай мнѣ прискорбности. Я по теперешнее время тобой доволенъ. Желаю, чтобъ всегда расходы твои были умѣренны и пожалуй живи такъ, чтобъ долгу на тебѣ не было. Изъ Варшавы реестръ пришли и пожалуй не долго тамъ живи, чтобъ напрасно убытку не было. Также и въ Вѣнѣ немного мѣшкай. Можешь при возвратномъ пути въ Вѣнѣ пожить, а особливо прошу, чтобъ полатыни прилежнѣй учился; мнѣ хочется, чтобъ ты въ будущемъ году осенью поѣхалъ въ Испанію и Португалію, а тамъ духовные въ великой чести, и всѣ говорятъ полатыни, то можешь у нихъ чрезъ то любовь имѣть, когда говорить можешь полатыни. Я даю тебѣ на волю: въ Версали будешь учиться или въ другомъ гдѣ мѣстѣ, только бъ не въ Парижѣ, а то тутъ одно гулянье и мотовство; а я ожидаю и дядя твой отъ твоей ѣзды въ чужіе края пользы и надѣюся, что ты слово свое мнѣ сдержишь, и оканчиваю тѣмъ, что Богъ допуститъ меня видѣть тебя, какъ я желаю. Прости, мой другъ и вѣрь, что я навсегда тебя люблю. Романъ Воронцовъ.

1758, 4 (11), Питербурхъ.

*) Единственная дочь канцлера графа Михаила Ларіоновича Воронцова.

6.

Другъ мой Александра Романовичъ! Теперь осталось мнѣ видѣть, чтобъ ты доказалъ о своемъ поведеніи. Живешь въ Версали съ молодыми людьми, въ своей волѣ, деньги имѣешь; употреблять можешь порядочно и непорядочно, только та разница, что невоздержнымъ житьемъ понудишь меня вскорѣ отозвать себя, да въ отечествѣ своемъ фигуры не сдѣлаешь, для того что всѣ будутъ знать, что за мотовство возвратился. Берегися, мой сынъ, дурныхъ людей и не имѣй съ мотами знакомства, а паче всего совѣтую: никому не будь долженъ и чтобъ и тебѣ должны не были господа, съ которыми ты въ товариществѣ. На тѣ оригиналы, съ которыхъ копіи сюда къ намъ выѣзжаютъ, надежды мало. Что̀ можно получить съ ними въ обращеніи какъ не одно о театрахъ знаніе и героиняхъ театральныхъ? Я желаю вѣдать не напрасно ль и то, что ты въ шеволежеръ *) пошелъ. Довольно ты исполнилъ приказъ своего дяди. Только долго быть не совѣтую, довольно полгода пробыть или четыре мѣсяца, то лучше ѣхать къ намъ. Деньги я къ тебѣ перевелъ чрезъ г-на Сиверса, кои ты получишь, и старайся, чтобъ твое пребываніе въ чужихъ краяхъ принесло пользу и чтобъ ты годенъ былъ для услуги своего отечества. Знать должно силу и правленіе тѣхъ государствъ, въ которыхъ былъ и въ чемъ они изобильны и чего недостаетъ, откуда недостаточное получаютъ, а излишнее куда отпускаютъ, нравы и склонности народовъ. А прежде всего исправить

---

*) Легкоконная гвардія Людовика XV и въ тоже время военная школа (École des chevaux légers). Графъ Александръ Романовичъ поступилъ туда, будучи уже зачисленъ у насъ офицеромъ гвардіи.

себя наукою и сдѣлать способнымъ понимать и разсуждать правильно; твои молодыя лѣта могутъ быть способны. Разсуди, сколько пріятно мнѣ будетъ слышать о тебѣ хорошее, такъ во сто разъ огорчительно что-нибудь непристойное услышать. Меня несказанно печалитъ то, что ты въ угодность свою не стараешься научиться писать, ни порусски, ни пофранцузски; стыжусь, когда читаю твое письмо; всего дурнѣе, что ты въ письмѣ еще и мараешь слова. Это великая неучтивость: я требую отъ тебя, чтобъ ты писалъ нескоро и чисто. И вмѣсто рца ставишь Французской еръ и, словомъ, такой сверной руки я еще не вижу. Это все происходитъ отъ двухъ причинъ: первое, мало пишешь, второе голова наполнена вѣтромъ,—торопишься. Ты долженъ написать на черно и выправяся хорошенько переписать чище и не замарая посылать. Свободи меня, чтобъ я о такъ маломъ дѣлѣ къ тебѣ больше не писалъ; покажи мнѣ, что ты стараешься исполнить повелѣнія мои. Чаю чрезъ курьера пришлю, а чрезъ почту послать нельзя. Люби своихъ людей и принимай отъ нихъ представленія. Знай, что по пріѣздѣ твоемъ я во всемъ потребую отчета, и для того долженъ имѣть вѣрную книгу для записки своихъ расходовъ. Писалъ я къ тебѣ о покупкѣ кареты и теперь напоминаю, только не дороже 2000 франковъ, а была бы самая легкая. Я бы желалъ, чтобъ это было визави и чтобъ по походамъ употреблять можно было; да купи дамскіе маленькіе золотые часы и чтобъ по золоту была финифть, и съ крючкомъ, и при оказіи первой перешли, а что денегъ задержишь, я перешлю. Еще напоминаю: живи воздержно, убѣгай излишнихъ расходовъ, умѣй разбирать людей, съ кѣмъ хочешь имѣть знакомство; худая компанія портитъ добрый нравъ. Ты молодъ, и меня всякой тѣмъ

стращаетъ, чтобъ не испортился твой нравъ; я пишу къ тебѣ больше какъ другъ; это имя хотя часто употребляется, только очень рѣдко. Старайся сохранить это драгоцѣнное имя; докажи, что ты въ молодыхъ лѣтахъ умѣлъ сохранить дружбу. Я хочу, чтобъ ты ничего предо мною не скрывалъ; пиши откровенно. Я позволяю тебѣ пользоваться всѣми забавами, приличными твоимъ лѣтамъ, только съ воздержаніемъ, чтобъ прежде пріобрѣсть чрезъ науки знаніе, а потомъ можешь въ свободные часы употребить на забавы. Твой другъ Романъ Воронцовъ.

Отпиши, съ кѣмъ ты знаешься съ Русскими, которые въ Парижѣ.

1758, 10 (6).

7.

Получилъ я желѣзной Верхъ-Исецкой заводъ и отправилъ для принятія людей Андрея Шипунова и Ѳедора Артаболевскаго, да для содержанія и производства онаго заводу сорокъ тысячъ рублей денегъ занялъ въ банкѣ монетнаго двора. И такъ чрезъ два года оный заводъ содержать долженъ своимъ капиталомъ, а потомъ ожидать возвращенія, чтò и уповаю съ пользою имѣть.

1758, 10 (16). Петербургъ.

8.

При сей оказіи имѣю я тебѣ объявить, что нынѣшняго мѣсяца 8-го числа Ея Высочество Государыня Великая Княжна Анна Петровна скончалась. Графинѣ Аннѣ Карловнѣ *) гораздо стало легче, и опасность вся миновалась.

*) Супругѣ канцлера.

Хотя я къ тебѣ и писалъ о Прускомъ королѣ, что онъ съ арміею въ Познань пришелъ и что армія наша совсѣмъ приготовилась его встрѣтить, однако онъ намѣреніе сіе перемѣнилъ: въ Польшѣ нѣсколько человѣкъ навербовавши, возвратился назадъ, причиня нѣсколько Полякамъ убытку. Также и заготовленный Поляками провіантъ для нашей арміи сжегъ. Ты старался узнать г-на Вольтера; разсуди, если ты къ нему отпишешь: онъ постыдится отвѣчать такому человѣку, который литеры написать не умѣетъ. Постарайся писать лучше. Учись рисовать. Пиши чаще и нескоро.

Марта 12-го дня 1759.
Въ Петербургѣ.

9.

Пишешь, что науки свои чрезъ годъ окончить надѣешься, что мнѣ кажется очень скоро, и я сомнѣваюсь, можно-ли имъ въ толь краткое время научиться основательно. Въ знаніи надлежитъ дойти до такой степени, чтобы не посрамить себя, когда тебѣ въ компаніи случится вступить въ разсужденіе о какомъ-нибудь дѣлѣ. Объ офицерѣ писалъ ты ко мнѣ, который хотѣлъ въ службу шталмейстеромъ къ графу Петру Ивановичу *); онъ ему не надобенъ, а потребенъ такой человѣкъ брату моему Михаилѣ Ларіоновичу. Можешь-ли ручаться о его поведеніи? Ты знаешь, какъ у насъ иностранные спѣсивы и въ то время когда умираютъ почти съ голоду.

Марта 16-го дня 1759.
Въ Петербургѣ.

*) Шувалову.

10.

Что ты пишешь, что его величество король Французскій поѣдетъ въ Ліонъ и требуешь отъ меня позволенія, чтобы при свитѣ его тебѣ ѣхать, я въ томъ тебѣ позволяю. Иванъ Ивановичъ очень твоей книгой доволенъ; нехудо будетъ, есть-ли еще новыхъ книгъ къ нему пришлешь. Объ Латынскомъ языкѣ ты ко мнѣ не пишешь; а братъ твой очень хорошо по-латыни знаетъ. Это стыдно, учась такъ много, и бросить. Я дружески совѣтую, чтобы ты еще въ Академіи годъ остался и Латынскій языкъ и курсъ Филозофи (*sic*) окончалъ.

С.-Петергургъ,
Апрѣля 2-го дня 1759.

11.

Пишешь, что г-нъ Лаберсакъ *) грубо тебѣ отвѣчалъ, да и Лопиталь писалъ не очень хорошо. Это доказываетъ, сколько они насъ любятъ. А мой совѣтъ: какъ окончится годъ, то взять абшидъ или по обычаю тамошнему такъ выдти. А если еще какую грубость увидишь, то и не дожидаясь сразу совѣтую выдти и жить въ Парижѣ, Физику слушать у абе Нольта и Латынскій языкъ; да и писать надо, чтобы не смѣялись твоей рукѣ.

Апрѣля 27-го дня 1759.
Въ Петербургѣ.

---

*) Полковникъ графъ Лаберзакъ завѣдывалъ Версальской легкоконною школою или академіею. (См. „Архивъ Князя Воронцова“ V, 84, 86 и 87.

12.

Я много разъ писалъ къ тебѣ, что отдалъ въ твою волю быть въ шеволежерѣ, и теперь тожъ мое мнѣніе, что лучше покинуть это мѣсто и жить въ Парижѣ и учиться Физикѣ и правамъ натуральнымъ. Что-жъ, ты пишешь, чтобы быть при Михаилѣ Петровичѣ [1]) я оного не желаю: первое я хочу, чтобы ты вояжировалъ; второе, ты писать не умѣешь по сю пору. Что̀ порусски напишешь, никто прочесть не можетъ. Петръ Спиридоновичъ [2]) твоего письма прочесть не могъ и давалъ мнѣ читать, и я иныхъ словъ не разобралъ. Разсуди, сколько меня оное печалитъ. Не могу у тебя выпросить, чтобы ты научился писать. Хотя штиль хорошъ, да написано такъ, что никто прочесть не можетъ; то лучше вмѣсто письма присылай бѣлую бумагу: это все равно. Бѣлую бумагу читать нельзя, такъ и твои письма. Брось всѣ науки, а учись писать слова снова и не стыди себя больше худымъ мараньемъ. Я ужъ въ послѣднее къ тебѣ объ этой матеріи пишу, а тамъ не поправишь себя, то не читавъ письма, отсылать къ тебѣ буду обратно, и по адресамъ отъ тебя стыда ради отдавать не стану. Думаю, довольно изъяснилъ, сколь нужно писать хорошо.

1759. 7-го (22).

Сегодня изъ арміи получили радостную вѣдомость, что наша армія совершенную побѣду надъ Прусскою одержала и множество взято въ полонъ артиллеріи, знаменъ и штандартовъ [3]).

---

[1]) Графѣ Бестужевѣ, нашемъ послѣ при Людовикѣ XV-мъ.

[2]) Сумароковъ.

[3]) Побѣда графа П. С. Салтыкова при Кунерсдорфѣ или Франкфуртская баталія, послѣ которой Прусскій король думалъ кончить жизнь самоубійствомъ.

13.

Изъ Россіи бѣжалъ иноземецъ Дангоуръ еще въ бытность твою. Онъ плутъ; а слышу, что онъ въ Гишпаніи и называется Русскимъ, то княземъ, то графомъ. Берегись, чтобы тебя не обокралъ. Онъ въ Италіи многихъ нашихъ Русскихъ, кои знали объ немъ, что онъ плутъ, однакожъ обманулъ.

Октября 15-го дня 1759.
Въ Петербургѣ.

14.

Семенъ Романовичъ отпущенъ отъ Ея Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни на годъ и поѣдетъ по первому пути нынѣшнею зимою по всѣмъ деревнямъ и высмотритъ большую часть Россіи. Пожалуй, мой другъ, между прочимъ справься, почему продаются въ Италіи наши товары, т.-е. желѣзо, парусныя полотна, ревендуки и проч.

Октября 19-го 1759.
Петербургъ.

15.

Пакеты здѣсь присовокупленные посылаются отъ Петербургской Академіи, въ Испаніи президенту Мадритской Академіи, и въ оныхъ находится данный ему патентъ, что онъ сдѣланъ нашей Академіи членомъ, чего ради я оныя письма къ тебѣ посылаю, чтобы ты ихъ самъ вручивши президенту свелъ съ нимъ знакомство. Все что̀ случится достопамятнаго записывай, чтобы вояжъ твой служилъ тебѣ въ пользу.

1759. Октября 31-го.
Петербургъ.

16.

Я очень радъ, что ты познакомился съ маршаломъ Ноалье и впередъ совѣтую тебѣ искать компаніи старичковъ и благоразумныхъ людей, таковыхъ, какъ онъ, о чемъ ты послѣ сожалѣть не будешь. Чулки отъ тебя я получилъ и очень ими доволенъ. Объ отсрочкѣ господина Нелединскаго [1]) я постараюсь и буду о томъ писать на другой почтѣ. У насъ новаго то, что другъ мой Захаръ Григорьевичъ [2]) на сихъ дняхъ возвращенъ; также скоро ожидаемъ Ивана Алексѣича Салтыкова и другихъ, которые имѣли подобнсе ему приключеніе [3]). Впрочемъ, что ты пишешь, что для расходу твоего въ Парижѣ потребно по меньшей мѣрѣ 24285 ливровъ, то я по твоему представленію и буду тебѣ пересылать, надѣясь притомъ, что денегъ излишне употреблять не будешь.

1759.
Ноября 25
Петербургъ.

17.

Братъ твой поѣхалъ въ Сибирь, будетъ въ Казани и Астрахани, и оттуда на Черномъ морѣ въ Черкаску, то есть на Дону, и въ Воронежѣ. Съ нимъ поѣхали господинъ Кудрявцевъ маіоръ, лѣкарь Бекманъ, Дубровской и еще одинъ Нѣмецъ.

С.-Петербургъ, Декабря 7 дня 1759.

---

[1]) Юрія Александровича, въ послѣдствіи поэта; онъ учился въ Страсбургѣ.
[2]) Чернышовъ.
[3]) Т. е. въ Прусскомъ плѣну.

18.

Въ прежнемъ моемъ письмѣ поздравлялъ я тебя съ твоимъ тезоименитствомъ; а нынѣ съ слѣдующимъ вскорѣ днемъ твоего рожденія поздравляю и въ не вредномъ состояніи здоровья препроводить тебѣ множайшіе годы желаю. Благодарствую за присланные отъ тебя манжеты, которые я въ письмахъ получилъ исправно. Увѣдомь, отправлены ли отъ тебя, какъ князю Дашкову, та̀къ и мнѣ, кареты и съ кѣмъ именно, чтобъ и съ ними не сдѣлалось того же, что̀ воспослѣдовало съ чулками, отправленными съ Комеромъ. При семъ посылаю къ тебѣ вѣдомость о послѣднемъ при Франкфуртѣ происходившемъ сраженіи; также объявляю, что свойственникъ нашъ Алексѣй Васильевичъ Воронцовъ убитъ на помянутомъ сраженіи, о которомъ я весьма сожалѣю, особливо для того, что прибывшіе изъ арміи нашей генералы, бывшіе на томъ сраженіи, мнѣ говорили, что онъ себя, какъ они сами то видѣли, велъ такъ храбро и поступалъ такъ искусно, что со временемъ подавалъ надежду быть изряднымъ генераломъ. Впрочемъ, о выходѣ своемъ изъ академіи дожидайся писемъ отъ брата Михайла Ларіоновича, который обѣщался писать ко всѣмъ Французскимъ министрамъ; а получа письма, можешь лучше установить свои намѣренія по онымъ; я же, обнадеживая тебя родительскою милостію и любовію, остаюсь вѣрный другъ Романъ Воронцовъ.

Возьми на мой счетъ тысячу франковъ и купи себѣ что̀ понравится. Князь Дмитрій Михайловичъ *) скоро отсюда въ Парижъ поѣдетъ; я что̀ могу вскорѣ сыскать, то къ тебѣ пришлю. Отпиши къ Комеру, для чего онъ графинѣ и мнѣ

*) Голицынъ, въ послѣдствіи посолъ въ Вѣнѣ.

чулокъ не отдаетъ, да и о каретѣ подтверждаю, съ кѣмъ послана и чѣмъ обита.

Ягану скажи, что всякой годъ матери его давать буду по 5 рублей въ мѣсяцъ, только бы тебѣ служилъ вѣрно, а ты его и Тихона люби. Отъ Плещеева о человѣкѣ отвѣта не имѣю, а что̀ получу писать къ тебѣ буду.

Еще осталось о томъ упомянуть, что̀ вамъ немалую принесетъ радость: Ея Величество всемилостивѣйшая Государыня соизволила удостоить меня своимъ присутствіемъ на дальней приморской дачѣ 28 Августа, гдѣ и кушать изволила.

По пріѣздѣ въ Санктъ-Петербургъ непремѣнно будутъ отправляться къ тебѣ исправно письма, а нынѣ за частою отлучкою учинить того не можно.

19.

Прикажи смалевать свой портретъ и при надежномъ случаѣ перешли ко мнѣ; также пожалуй вели вырѣзать небольшую съ нашимъ гербомъ печатку или хотя двѣ: я надѣюсь что онѣ тамъ дешевлѣ станутъ и поскорѣе вырѣжутся, а здѣсь и дѳроги, и по два года одна дѣлается. Желалъ бы знать, что̀ теперь у васъ поговариваютъ объ арміяхъ и о мирѣ.

1760 года 11 Января.

20.

Я надѣсь, что сіе письмо непремѣнно застанетъ тебя уже въ Мадридѣ, въ который желаю, чтобъ ты благополучно доѣхалъ и чтобъ я оттуда получалъ такія же пріятныя для меня вѣсти, какъ о тебѣ я получалъ изъ Парижа. Хотя я

неоднократно слышалъ о Мадридѣ, о великолѣпіи его строенія, о мѣстоположеніи, о нравахъ народа и обхожденіи съ иностранными, однакожъ мнѣ крайне пріятно будетъ, если ты меня о томъ обстоятельнѣе увѣдомишь. Чтò касается до здѣшнихъ новостей, то здѣсь онѣ весьма рѣдки и, можно сказать, что ничего такого нѣтъ, чтò бы достойно было твоего знанія, кромѣ того одного, что графу Михайлѣ Ларіоновичу всемилостивѣйшая Государыня пожаловала мѣдные заводы, которые уже нашими повѣренными съ новаго года въ наше содержаніе и приняты. Фельдъ-маршала графа Петра Семеновича Салтыкова вскорѣ сюда ожидаютъ, и сказываютъ, что онъ уже изъ Кенигсберга выѣхалъ. Жить будетъ въ домѣ бывшаго канцлера, Алексѣя Петровича Бестужева *), который уже для его пріѣзда совсѣмъ опростанъ и убранъ. Всѣ пріѣзжающіе, какъ изъ генералитета, такъ и изъ офицеровъ, говорятъ, что армія наша весьма въ хорошемъ состояніи. Пожалуй, увѣдомь, каково объ ней говорили въ Парижѣ и чтò въ Мадридѣ говорить станутъ.

18 Генваря 1760.

21.

Въ посланномъ на прежней почтѣ письмѣ писалъ я къ тебѣ о томъ, что Его Римско-Императорское Величество милостивѣйше соизволилъ пожаловать меня и брата Ивана Ларіоновича графскими достоинствами съ тѣмъ, чтобы какъ нынѣшніе наши, такъ и будущіе потомки изъ того же не исключены были. Оное Римско-Императорское соизволеніе конфирмовано и отъ Ея Императорскаго Величества, нашей

*) На мѣстѣ нынѣшняго зданія Правительствующаго Сената.

всемилостивѣйшей Государыни. Впрочемъ, какъ отъ брата, графа Михайла Ларіоновича, такъ и отъ насъ, будутъ писаны къ Его Римско-Императорскому Величеству благодарительныя письма; однакожъ и тебѣ необходимо надобно адресоваться къ Цесарскому посланнику, или въ Мадридѣ или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ къ тому удобный случай получишь, и просить его, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ благодарность, какъ отъ тебя, такъ и отъ насъ. Въ семъ особливо ненадобно поступать медлительно.

15 Февраля 1760.

22.

Между прочими новостями, которыя кажутся достойны твоего знанія, главнѣйшими я почиталъ слѣдующія: сватъ нашъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ [1]) отъ Ея Императорскаго Величества нашея всемилостивѣйшая Государыни пожалованъ графствомъ Россійской имперіи, пятидесятью гаками земли, и притомъ ему же пожалованы въ Финляндіи деревни. Баронъ Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ также пожалованъ графскимъ достоинствомъ.

Впрочемъ нѣтъ другихъ примѣчанія достойныхъ перемѣнъ. Семенъ Романовичъ весьма рѣдко пишетъ. Марья Романовна отправилась съ сватьею Катериной Борисовной [2]) въ Москву, а оттуда поѣдутъ въ Ростовъ.

17 Февраля 1760 года.

---

[1]) Сынъ его графъ Петръ Александровичъ былъ женатъ на старшей дочери графа Р. Л. Воронцова, Марьѣ Романовнѣ.

[2]) Бутурлиной, урожд. княжнѣ Куракиной.

23.

Здѣсь новаго только то сдѣлалось, что графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ нашъ фельдъ-маршалъ, 19 числа сего мѣсяца, въ С.-Петербургъ прибылъ. Принятъ отъ Ея Вели чества весьма милостиво и почти весь городъ объ одномъ себѣ говорить заставилъ. Чаятельно, что онъ опять скоро къ арміи отправится.

22 Февраля 1760.

24.

Письмо твое изъ Баіоны отъ 14 (25) Января я получилъ и весьма радуюсь, что ты находишься въ добромъ здоровьи. Вояжъ твой мнѣ уже скученъ становится, какъ для долговременнаго твоего отсутствія, такъ и для того, что ты чрезмѣрную сумму денегъ издерживаешь. Я почти не успѣлъ еще заплатить Пломану восьми тысячъ, какъ опять получилъ другую ассигнацію на шесть тысячъ, что̀ не только меня, но и самаго кредитора приводитъ въ удивленіе. Мнѣ кажется, что ты нарочно стараешься сдѣлать мнѣ великіе убытки. Сіе меня столько огорчаетъ, что я уже скоро выйду изъ терпѣливости и непремѣнно велю тебѣ, не окончивъ твоего вояжа, въ Санктъ-Петербургъ возвратиться. Пожалуй, хотя теперь, поправь свое состояніе. Богатствомъ и великими издержками никого не удивишь. Денегъ до окончанія Гишпанскаго вояжа больше отнюдь не занимай, опасаясь, чтобъ я дѣйствительно и вовсе не запретилъ давать тебѣ оныя. Подумай, что я теперь и безъ того зашелъ въ великіе долги.

Я дивлюсь крайнимъ образомъ тому, что ты въ два года издержалъ болѣе пятнадцати тысячъ рублевъ, къ чему, я точно знаю, тебя не надобность, а гордость да тщеславіе побудили. Къ чему держать при себѣ толь большую свиту? На что повара, камердинеры? Можно бы и безъ нихъ довольну быть съ тѣми, кои съ тобою и прежде были. Также ты и о томъ ничего не пишешь, кого ты оставилъ въ Парижѣ и кто съ тобою поѣхалъ; только догадываюсь, что тотъ, кого ты избралъ себѣ въ друзья и въ предводители, подобенъ тебѣ своею гордостію. Впрочемъ я заключаю тѣмъ, что если ты не уменьшишь своихъ издержекъ, то я тотчасъ отзову тебя; да и нынѣ приказываю, чтобъ ты непремѣнно въ 7 дней по полученіи сего письма изъ Гишпаніи въ Парижъ выѣхалъ, ибо я не намѣренъ для твоего удовольствія продать деревни.

25 Февраля 1760.

25.

Между прочимъ увѣдомь, справедливо ли говорятъ объ Гишпанцахъ, что оныхъ гордость такъ далеко простирается, что и крестьяне землю пашутъ, имѣя при себѣ красныя епанчи и шпаги и оныя, усмотря проѣзжающихъ, на себя надѣваютъ, оставляя притомъ и работу свою?

5 Мая 1760.

26.

Письма твои, одно изъ Гранады отъ 11 (22) Апрѣля, другое изъ Картагены отъ 14 (25), а третье оттуда же отъ 18 (29) получилъ, которыя, меня увѣдомляя о твоемъ здравіи, немало веселили. Извѣстія и учтивости Гишпанцевъ мнѣ

также пріятны; по сіе время мнѣ не случалось слыхать объ нихъ такой похвалы, какую ты имъ приписываешь. Здѣсь они почитались за грубыхъ, спѣсивыхъ и необходительныхъ людей. Да и въ разсужденіи тебя, не по причинѣ ли бывшихъ о тебѣ рекомендацій учтивость была оказываема? Я надѣюсь, другъ мой Сергѣй Васильевичъ *) теперь въ Парижѣ; тебѣ надо у него быть и милостивой государынѣ моей Матренѣ Павловнѣ мое почтеніе отдать.

27.

Извѣстія, полученныя мною о благосклонностя и ласкахъ къ тебѣ Мадридскаго двора, мнѣ столько пріятны, что я не могу отъ тебя утаить сего удовольствія. Въ жизни моей больше ничего не желаю, какъ только того, чтобъ объ васъ всегда слышать толь пріятныя вѣсти. Мнѣ также пріятны и обѣщанія твои, даваемыя въ томъ, что ты станешь стараться о уменьшеніи своихъ расходовъ.

12 Мая 1760 года.

28.

Если чтò препятствовало совершенному моему удовольствію, то сіе только въ томъ состоитъ, что по сіе время не исправилъ ты своего характера, который, вмѣсто должной чести твоему штилю, приноситъ безчестіе; вмѣсто пріятности и гладкости, съ какою писаны твои письма, по причи-

---

*) Знаменитый своими успѣхами при младшемъ дворѣ Салтыковъ, женатый на Матренѣ Павловнѣ Балкъ († 1813. Отъ ихъ дома, нынѣшняго театральнаго училища на Большой Дмитровкѣ въ Москвѣ, прозвался Салтыковскій переулокъ).

нѣ худаго и къ прочтенію труднаго писанія, кажутся шероховаты, непріятны и невнятны. Однакожъ меня весьма веселитъ то, что ты обѣщаешься стараться о поправленіи и награжденіи сего недостатка, чего я съ нетерпѣливостью, вмѣстѣ съ полученіемъ первыхъ писемъ, ожидаю. Чтобы не сдѣлать тебѣ великаго труда, я инаго поправленія отъ тебя не требую, какъ токмо такого, чтобъ и мнѣ и другимъ, съ которыми переписку имѣть должно, можно было читать твои письма безъ нужды, безъ толмача и безъ твоего стыда. Впрочемъ я теперь больше всего желаю доставить тебѣ покой, котораго, по твоего. письма содержанію, кажется, ты лишился, получа отъ меня письмо, кое я писалъ, будучи побужденъ паче любовію отеческою, нежели гнѣвомъ. Отецъ, всегда имѣя въ отсутствіи своихъ дѣтей, находится въ страхѣ, чтобы они, имѣя въ своей единственной власти свои поступки, по молодымъ своимъ лѣтамъ не подвергли себя порокамъ. Сей страхъ еще больше рождается тогда, если въ сынѣ, какимъ либо образомъ, усмотрится мѣсто достойное похуленія. Расточеніе есть изъ тѣхъ свойствъ, которыя, сколько вредны молодому человѣку, столько могутъ влагать въ отца страхъ, чтобы за тѣмъ не послѣдовало что-нибудь худшее. Хотя я теперь тебя и не почитаю расточительнымъ, однакожъ тогда, получа вдругъ на превеликую сумму ассигнаціи и не зная, на что такая сумма употреблена, не могъ ли я наружный видъ расточенія почесть за справедливый? Какъ я тогда ни принялъ мнимое расточеніе себѣ въ досаду, однако она не толь велика была, чтобъ истребить тебя изъ моего сердца; не такъ сильна, чтобъ поколебать мою къ тебѣ любовь, не такъ чувствительна, чтобъ утушить могла ту горячесть, которая, начавшись съ произведеніемъ тебя на свѣтъ, съ лѣтами твоими такъ усилилась, что ни хлад-

ный гробъ охладить ее не можетъ. Въ самое то время, когда я отъ мнимаго расточенія желалъ суровымъ письмомъ удержать тебя, едва могъ стерпѣть, чтобъ утаить отъ тебя то, что́ происходило въ моемъ сердцѣ. Но когда я тѣмъ письмомъ нанесъ тебѣ безпокойство, то по крайней мѣрѣ ты примирись со мною хотя за то, что я ни одной изъ моихъ угрозъ не произвелъ въ дѣйство. Я писалъ къ тебѣ, что запрещу банкиру давать тебѣ деньги, но вмѣсто того писалъ къ нему съ просьбою, чтобъ онъ давалъ тебѣ, сколько потребуютъ твои нужды и обстоятельства.

23 Іюня 1760.

29.

Мнѣ кажется, что хотя на малое время въ Голандію съѣздить, а по возвращеніи во Францію предпріять путь въ Италію, объѣздить всѣ, не оставляя ни одного города. Журналъ всему вести порядочный; только прошу больше всего, береги свое здоровье. И гору какъ будешь смотрѣть Этну въ Неаполѣ, то прошу на нее не ходить; а въ Туринѣ найдешь знакомца графа Мазгина. Да пришли планъ, чтобъ я могъ знать, куда письма адресовать. Я сожалѣю, для чего ты въ газетахъ писать не велишь, куда пріѣдешь, то мы здѣсь читать въ нихъ могли бы, за что заплатить газетеру.

По пріѣздѣ въ Голандію не худо бы газетерамъ давать свое имя печатать для извѣстія о твоемъ пребываніи, тоже самое дѣлать и въ прочихъ мѣстахъ.

4 Іюля 1760.

Письмо Дѣева.

Іюля 18-го 1760.

При семъ вашему сіятельству честь имѣю донесть, что Никита Ивановичъ Панинъ опредѣленъ къ его высочеству Павлу Петровичу оберъ-гофъ-мейстеромъ, съ жалованьемъ въ годъ по 4000, и долгу его 14000 Ея Величество изволила приказать заплатить изъ казенной суммы. Его сіятельство, батюшка вашъ теперь изволитъ быть при свитѣ Ея Величества въ Царскомъ Селѣ, и вчерашній день для рожденія его сіятельства изволила пить его здоровье и приказали палить изъ пушекъ, и сдѣланъ былъ балъ, чтд при нынѣшнемъ случаѣ за рѣдкость почитается. Яганъ Рейхъ какъ женится, то батюшко приказалъ скорѣе его съ женой сюда отправить; въ немъ здѣсь нужда для должности дворецкаго, и до него никого не опредѣляемъ. Да не можетъ ли онъ и для меня привезти также жену хорошую, Француженку или Нѣмку? Мнѣ все равно, только бы была хороша и разумна. Чаю зеленаго, такъ и планы, при вѣрной оказіи къ вашему сіятельству пришлю скоро. Батюшка приказалъ къ вамъ написать, чтобъ вы изволили быть спокойны: онъ милости своей отъ васъ никогда не отнимаетъ и любитъ васъ непремѣнно, а что иногда строгонько пишетъ, то оное происходитъ отъ скорости его нраву; вы, когда изволите получить такое письмо, и о семъ не безпокойтеѣь: его гнѣвъ на время; какъ васъ много любитъ, я ваше сіятельство въ семъ могу увѣрить. Газеты Рускія я вамъ за тѣмъ не посылаю, что ихъ при Академіи нынѣ не печатаютъ и ежели Рускія книги вамъ надобны, то я ихъ вамъ присылать буду. О манжетахъ, о шпагѣ, о люстринѣ, о перчаткахъ, такъ и о прочемъ, о чемъ я ваше сіятельство прошу,

прошу не забыть, я же навсегда буду вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный и вѣрный слуга Михайло Дѣевъ.

30

Чаю самаго лучшаго, какого въ Парижѣ никогда, можетъ быть, не бывало, я къ тебѣ чрезъ купца Бакунина послалъ четыре банки, да и пятую.

Отпиши, получилъ ли отъ него также и письма мои. Какъ живетъ Сергѣй Васильевичъ и не роскошно ли, чтобъ я зналъ, и есть ли надежда рану залѣчить? *) Анна Карловна пожалована оберъ-гофъ-мейстериною при дворѣ; сестра твоя, графиня Марья Романовна, дочь родила Елисавету, Государыня крестила, и Дашкова дочь же родила. Братъ твой теперь въ Астраханѣ, его вояжъ очень дорого стоитъ; я думаю, не меньше десяти тысячъ рублей.

31.

Наша армія дала двѣ баталіи и выиграла ихъ, раззорила непріятельскія земли и слѣдовательно сама много людей потеряла. Между прочими и родственникъ нашъ убитъ, коего мнѣ очень жаль. А Цесарцы и не думаютъ разбитаго уже короля атаковать. Мы такъ отдалены отъ нашихъ границъ, что въ два мѣсяца назадъ придти не можемъ, а чтобы тамъ зимовать, помыслить не можно; первое, фуражу и провіанту нѣтъ, а второе, укрѣпленныхъ городовъ нѣтъ, да и на вѣрность Цесарцевъ положиться не можно: они, что̀ ни обѣщали дѣлать, ничего не исполнили, а хотятъ только, чтобы мы дрались, а они гдѣ лишь увидятъ Прусаковъ, то бѣгутъ въ горы или въ лѣсъ.

---

*) Любопытное и многозначащее выраженіе.

Мы всѣ желаемъ, чтобы фельдмаршалъ Салтыковъ шелъ на Вислу и чтобы еще баталіи не давалъ. Даунъ слышно, съ принцемъ Фердинандомъ соединился и уповательно, что въ Богемію уйти хочетъ и насъ выдастъ. Я думаю: только наша армія двинется назадъ, то Саксонію всю опять король возьметъ Прускій, да и Цесарскимъ плохо отъ него будетъ.

Они любятъ чужими руками жаръ загребать.

Если они нынѣшній годъ хотѣли, чтобы совсѣмъ Прускаго короля армія была истреблена и война бы въ будущее лѣто была кончена: мы бы въ состояніи были затѣмъ помочь Франціи противъ Гановера, тысячъ двадцать, чтобы и тамъ иной видъ былъ. Цесарцы ничего не разсудили для своей пользы успѣть, но все, какъ нарочно, дѣлали въ угодность Прускаго короля. Этою кампаніей мы совершенно думали кончить войну, и съ нашей стороны все сдѣлано, чего союзники требовали.

32.

Объ опредѣленіи тебя къ министерскимъ дѣламъ не печалься; я всевозможное стараніе прилагать буду, чтобы твое желаніе неотмѣнно исполнилось. Мнѣ крайне хочется, чтобы ты объѣхалъ Голандію и разсмотрѣлъ всѣхъ животныхъ, кои въ водѣ и на землѣ жительствуютъ. Я надѣюсь, что сей родъ дышущихъ достоинъ твоего любопытства и вниманія. А пріобрѣтенное объ нихъ знаніе немало будетъ способствовать въ будущей твоей должности. Вообще знать всѣхъ жителей сего, нами обитаемаго, шара сколько полезно, тебѣ самому извѣстно; но мнѣ кажется, что знатнѣйшихъ и такихъ, съ которыми намъ часто приходится имѣть дѣло, вѣдать необходимо нужно.

26-го Іюля 1760.

33.

Графъ Семенъ Романовичъ, изъ Саратова 16-го Іюня отправившись, того же Іюня 24-го числа со своею свитою благополучно прибылъ въ Астрахань, откуда я отъ 7-го Іюля получилъ отъ него письма, въ которыхъ, какъ о прибытіи своемъ туда, такъ и о ласковыхъ, ему вездѣ чинимыхъ пріемахъ, увѣдомляетъ. Про сіи обстоятельства и вещи, также городы и мѣста описываетъ весьма коротко, потому что всему тому вседневное и обстоятельное описаніе сочиняется, какъ отъ него, такъ и отъ находящихся при немъ. Чаятельно, что изъ Астрахани отправится онъ около половины Іюля и, побывавъ короткое время въ Черкаскихъ своихъ слободахъ, черезъ Воронежъ прибудетъ въ Москву.

P. S. 3-го числа сего мѣсяца Его Императорское Высочество съ своими кавалерами у меня на дачѣ соизволилъ быть и вечерній столъ имѣть; впрочемъ весьма былъ веселъ и доволенъ, при чемъ и за твое здравіе пить изволилъ.

8-го Августа 1760.

34.

Я писалъ къ тебѣ, что опредѣлю и назначу точную сумму, которая бы расходы твои годовые не превышала; но вмѣсто того послѣ писалъ къ тебѣ, чтобы ты, смотря по богатству своего дома, смотря по многимъ нашимъ надобностямъ и издержкамъ, бралъ денегъ столько, сколько почитаешь потребно къ нужному твоему содержанію: вотъ слѣдствія моего гнѣва. Теперь, оставя всѣ свои предразсужденія, будь увѣренъ, что люблю тебя такъ, какъ и прежде и что отсутствіе твое ни мыслей моихъ о тебѣ, ни отеческой искренности не

перемѣнило и не уменьшило. Будь на краю свѣта, сердце мое и мысли всюду полетятъ за тобою. Впрочемъ, что̀ касается до предпріемлемаго тобою вояжа, то я совѣтую тебѣ подождать до половины Августа въ Парижѣ, а по прошествіи онаго времени можешь, простясь съ пріятелями и отдавъ должное благодареніе благодѣтелямъ, отправиться въ вояжъ. Изъ постороннихъ брать съ собою никого и не совѣтую, и не велю: безъ помощи другихъ, честными своими и пристойными твоей породѣ поступками можешь вездѣ и отъ всѣхъ пріобрѣсти себѣ честь, похвалу и почтеніе. Іогана отпусти въ Петербургъ; Тихона содержа въ отмѣнной своей милости, которыя онъ, кажется, за свою службу достоинъ. По пріѣздѣ въ Вѣну, надѣюсь, послѣдуетъ неотмѣнно высочайшее соизволеніе Ея Величества, чтобы тебѣ остаться въ Вѣнѣ помощникомъ Кейзерлингу.

35.

Здѣсь новаго ничего почти нѣтъ кромѣ того, что поговариваютъ о худомъ успѣхѣ нашего корпуса при Кольбергѣ въ Помераніи, приписывая оный трусости и худымъ распоряженіямъ маіора Демидова. Впрочемъ, какъ видно изъ обстоятельствъ, нынѣшнимъ лѣтомъ уже ничего больше предпріято не будетъ. Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышовъ въ Парижъ уже отправился, а князь Петръ Ивановичъ Репнинъ отправится по первому пути въ Мадригъ. Графъ Семенъ Романовичъ скоро въ Москву прибудетъ, гдѣ недѣли двѣ проживетъ.

10 (21) Сентября 1760

36.

Что̀ касается до изъявленія твоей радости съ полученіемъ извѣстія о пожалованіи меня въ сенаторы, объ ней я не сумнѣваюсь, съ тѣмъ прибавленіемъ, что и мнѣ сіе достоинство сперва было ласкательно; но послѣ, когда я увидѣлъ соединенные съ онымъ труды и безпокойство, а притомъ и опасность, чтобы вмѣсто чаемой похвалы не подвергнуть себя нареканіямъ, коими часто и невинные обременяются, то едва-ли радость моя не тщетна становится. Сіе только удовольствіе неотъемлемое отъ сего достоинства имѣть надѣюсь, что, по ревности моей къ истинѣ и любви къ отечеству и согражданамъ, совѣсть моя пребудетъ чиста и духъ спокоенъ; и хотя я надежды твоей дѣлами моими, то-есть не могу равнымъ учинить себя Римскимъ сенаторамъ, не исполню, однакожъ въ стараніи, попеченіи объ общей пользѣ и усердіи къ единоземцамъ не уступлю имъ. Оправданій твоихъ въ издержкахъ я не требую, имѣя довольную надежду, что ты, конечно, напрасно своего тратить не будешь. Что̀ издержишь твое и что̀ сбережешь все твое же.

Новое здѣсь въ разсужденіи меня воспослѣдовало то, что къ сочиненію Новаго Уложенія выбранъ и опредѣленъ первымъ, съ тѣми преимуществами, что я къ сему дѣлу кого хочу, того изберу къ себѣ въ помощники. Сколько сіе дѣло велико, столько я себя и васъ счастливыми почитать долженъ, если оное съ желаемымъ и ожидаемымъ успѣхомъ къ окончанію приведено будетъ. На мѣсто покойнаго архіатера Кондоиди пожаловала Ея Величество въ лейбъ-медики двухъ докторовъ Монсія и Шилинга съ жалованьемъ каждому по 4000 рублевъ на годъ. Оба они здѣсь въ похвалѣ, и оба

почитаются за искусныхъ. Какова отъ графа Фермора о взятіи Берлина прислана реляція, при семъ оную къ тебѣ прилагаю. Я бы весьма желалъ знать, что въ Вѣнѣ о семъ, о нашемъ войскѣ и о генералахъ говорятъ и, напротивъ того, каково о своихъ разсуждаютъ. Здѣсь сколько хвалятъ Лаудона, столько напротиву того недовольны Дауномъ.

13 (24) Октября 1760.

37.

Еслибы природныя твои качества любви моея къ тебѣ не удержали, то бы ты ея поступками своими давно уже лишился. Не упоминая о томъ, что ты въ самомъ маломъ дѣлѣ, какъ-то въ исправленіи своего письма, не дѣлаешь мнѣ ни малѣйшаго послушанія, о томъ только тебѣ объявляю, что ты издержками своими, какъ видно, домъ свой разорить хочешь. Не имѣешь ты жалости ни ко мнѣ, ни къ брату своему, а напослѣдокъ, кажется, забылъ ты и самого себя. Сколько я ни писалъ къ тебѣ, что расточительная твоя поступка мнѣ тягостна, однакожъ ты нимало тому не внимаешь. Все направленіе твое и послушаніе твое въ томъ состоитъ, что съ продоженіемъ времени, вмѣсто уменьшенія, умножаешь ты свои расходы. Видно, что ты на богатство отца своего надѣешься. Ошибаешься въ семъ мнѣніи. Онъ и столько не соберетъ въ годъ, сколько для удовольствія одного твоего расточенія потребно. Меня и брата развѣ ты позабылъ? Да я и вѣрю сему, ибо еслибы ты ихъ помнилъ, то бы такъ расточительно ты не жилъ. Домовыя и на строеніи употребляемыя издержки повидимому тебѣ и въ голову не приходятъ.

18-го Ноября 1760.

38.

Здѣсь теперь больше ни о чемъ не говорятъ, какъ о Берлинѣ; желалъ бы я знать, каково въ Вѣнѣ поговариваютъ о семъ Россійскихъ войскъ дѣйствіи. Хвалятъ Тотлебена, но не меньше и графа Захара Григорьевича, котораго распорядкамъ взятіе города единственно приписать должно; потому что графъ Ферморъ и писалъ къ нему, чтобъ онъ, оставя безъ дѣйствія предпріятіе на Берлинъ, шелъ къ нему въ соединеніе для той причины, что вскорѣ ожидали Прускаго королевскаго приходу; однакожъ графъ Захаръ Григорьевичъ по сему исполнить не согласился, отвѣтствуя Фермору, что онъ до прихода королевскаго можетъ еще взять Берлинъ, собрать контрибуцію и съ Ферморомъ соединиться за два дня до королевскаго прибытія, что̀ онъ и самымъ дѣломъ исполнилъ: контрибуціи взялъ полтора милліона, да сверхъ того мѣщанство подносило ему шестьдесятъ тысячъ въ подарокъ, которыхъ онъ однакожъ не принялъ, что̀, кажется, ему похвалу немалую заслуживаетъ. Адмиралъ, командовавшій при осадѣ Кольберга, господинъ Мишуковъ, прибылъ въ С.-Петербургъ; однакожъ Ея Величество на поклонъ къ себѣ не изволила допустить, и чаятельно, что сею немилостью дѣло не кончится.

Октября 20 (31) 1760.

39.

Здѣсь теперь ни о чемъ столько не думаютъ, какъ о нашей арміи: каково она окончитъ сію кампанію, а притомъ думаютъ, что не пройдетъ безъ великаго кровопролитія. Сочиненіе Новаго Уложенія у насъ скоро начнется, а я буду

прилагать всякое возможное старание, чтобъ оное вскорѣ и совершено было. Теперь дѣло идетъ въ томъ, чтобъ собрать къ этому дѣлу надобныхъ и способныхъ людей, которыхъ уже нѣсколько и собрано. Князь Михайло Ивановичъ Шаховской будетъ моимъ помощникомъ, и онъ уже изъ Москвы пріѣхалъ.

16 (27) Октября 1760.

40.

Любезный сынъ графъ Александра Романовичъ!

Новаго здѣсь только то, что графъ-гетманъ изъ Малой Россіи сюда пріѣхалъ. Николая Орлова я къ тебѣ пришлю, также и другихъ людей, которые здѣсь найдутся сходственные съ желаніемъ твоимъ, не оставлю къ тебѣ отправить по пріѣздѣ твоемъ въ Голандію. Что̀ касается до денегъ, требуемыхъ тобою для исправленія въ Голандіи меблей и экипажа, то десять тысячъ я, какъ можно, хотя занявъ, постараюсь перевести и по прошествіи года хотя еще тысячъ пять къ тѣмъ въ добавокъ. Притомъ я надѣюсь, что тебѣ дадутъ жалованье за бытность твою при Вѣнскомъ дворѣ пристойное бывшему chargé des affaires, и также выдадутъ и ту сумму, которая тобою употреблена на исправленіе нынѣшняго твоего при Вѣнскомъ дворѣ штата и экипажа, что̀ все безъ сомнѣнія получишь ты съ полученіемъ на нынѣшній твой министерскій чинъ кредитивной грамоты. А получа все то, можешь ты совершенно исправиться съ нужными вещьми; да и расположить такъ надобно, чтобы на все потребное денегъ стало; а впредъ пожалуй, какъ возможно, старайся, чтобъ ты въ состояніи былъ содержать себя и весь

штатъ свой собственнымъ своимъ жалованьемъ безъ моея помощи, которой я тебѣ, кромѣ вышеписанной суммою, учинить для многихъ моихъ долговъ не въ состояніи. Сегодня у меня братъ канцлеръ и графиня Анна Карловна обѣдали.

Пребываю твой вѣрный другъ графъ Романъ Воронцовъ.

Санктъ-Петербурхъ, отъ 7 (18) Декабря 1761 года.

41.

Къ общей всего Россійскаго народа печали, Ея Императорское Величество, Государыня наша Императрица Елисавета Петровна, сего мѣсяца 25 дня преставилась, которая бы печаль была во вѣкъ неутѣшна, еслибы оныя не уменьшилъ и не отвратилъ восшествіемъ своимъ на Всероссійскій престолъ въ тотъ же день достойный ея и великаго Петра наслѣдникъ Императоръ Петръ Өедоровичъ. Его Императорское Величество, по своемъ вступленіи, ко всѣмъ своимъ подданнымъ оказываетъ отеческое и высокое милосердіе, какого только отъ истиннаго отца отечества и милосердаго монарха ожидать возможно; единственно же, что до нашей фамиліи касается, то я всемилостивѣйше пожалованъ генералъ-аншефомъ и орденомъ святаго Андрея Первозваннаго; братъ, графъ Иванъ Ларіоновичъ, генералъ-поручикомъ и сенаторомъ; ты камергеромъ; сестра, графиня Елисавета Романовна камеръ-фрейлиною; братъ, графъ Семенъ Романовичъ въ поручики гвардіи; зять, графъ Бутурлинъ—камергеромъ; зять, князь Дашковъ, гвардіи капитанъ-поручикомъ. О прочихъ перемѣнахъ обстоятельно увѣдомлю послѣ; теперь, какъ можно поскорѣе, совѣтую сюда изъ Вѣны отправиться и ожидаю съ нетерпѣливостью твоего сюда прибытія.

Вступленіе Его Величества на Всероссійскій престолъ принято съ неописанною радостью, и можно сказать, что кромѣ сей въ Россіи всеобщей радости никогда не бывало. Кредитивная грамота на твой министерскій чинъ подписана Его Величествомъ, который желаетъ, чтобъ ты былъ сюда скорѣе. Ѣдучи сюда, привези съ собою и Андреяна Ларіоновича [1]) и въ Вѣнѣ ничего не оставляй.

28 Декабря 1761.
(9 Генваря 1762).

* *
*

42 [2]).

Рекомендуй Андреяну Ларіоновичу, чтобъ онъ потрудился въ переводѣ сочиненія Монтескіева о *Законахъ* или о *Разумѣ Законовъ*, а какую часть сего сочиненія ему переводить, о томъ я писалъ къ нему въ приложенномъ при семъ письмѣ. Я надѣюсь на его знаніе въ Россійскомъ языкѣ и на искуство въ переводахъ и уповаю, что, если онъ приметъ только на себя сей трудъ, то и окончитъ съ успѣхомъ.

2 (13) Генваря 1767.

43.

Къ слабости той, кою я отъ жестокой болѣзни имѣю, прибавила несносно слезъ смерть брата, графа Михайла Ларіоновича и при томъ, пишу къ тебѣ, какъ къ вѣрному другу, что я чрезъ интриги Анны Михайловны вижу холодность великую къ себѣ отъ графини Анны Карловны. Я всѣхъ

---

[1]) Дубровскому.
[2]) Дальнѣйшихъ писемъ до 1767 года, къ сожалѣнію, не найдено. П. Б.

обстоятельствъ къ тебѣ описывать не хочу; только то скажу, что за всю мою чистосердечную любовь къ А. М., имѣю отъ нея непримирительную злобу. Мать свою, кою я почиталъ, какъ свою мать родную, сдѣлала совсѣмъ ко мнѣ холодною. Я, памятуя дружбу братнину, несмотря на ихъ холодность, буду къ нимъ ѣздить, но тебѣ, какъ вѣрному другу, пишу съ тѣмъ, чтобъ зналъ, и сюда объ этомъ, какъ къ нимъ, такъ и къ брату своему, не писалъ для того, что ихъ не исправишь, а больше злобу въ нихъ ко мнѣ умножишь. Вотъ, мой другъ, обстоятельства нашего дома; потерявъ брата, потерялъ я въ его домѣ все. При томъ тебѣ сообщаю, что въ болѣзнь мою Елисавета Денисовна *) столько бережно за мною ходила, что если, какъ я надѣюсь, вѣрно ты меня любишь, то долженъ ты за меня къ ней имѣть любовь и почтеніе.

1 Мая 1767.

44.

По бытности моей въ десять дней въ Копорской деревнѣ, гдѣ препроводилъ я время безъ скуки, потомъ, пріѣхавъ сюда въ городъ, поданы мнѣ были два письма твои, изъ коихъ первое очень меня безпокоило, что ты, будучи въ Милетѣ, жилъ между самыхъ опасностей и откуда, чтобъ ты выѣхалъ; я писалъ къ тебѣ неоднократно и предвидѣлъ заранѣе въ разсужденіи близости отъ Москвы, что и Милетъ нашъ не останется безъ посѣщенія оныхъ опасностей, что, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ подвергъ себя оному, однакожъ въ семъ случаѣ взятыми отъ тебя предосторожностями

---

*) Англичанка Брокетъ (совсѣмъ обрусѣлая, какъ видно по ея письмамъ) произвела на свѣтъ графу Р. Л. Воронцову нѣсколько человѣкъ дѣтей, носившихъ имя Ронцовыхъ.

я очень доволенъ и нимало не сожалѣю о сожженіи въ Русавкинѣ семи дворовъ: лучше лишиться малаго, нежели, наконецъ, потерять всѣ; а при томъ прошу, чтобъ и еще кому отъ тебя тамъ приказано будетъ, подтвердить на-крѣпко, чтобъ всѣ тѣ предосторожности наблюдаемы были, и въ Москву бы ни за чѣмъ съ крестьянъ ни съ дворовыхъ людей никто не ѣздилъ и сообщенія съ оною не имѣлъ; равнымъ образомъ и къ себѣ оттуда никого не впущать и по дорогѣ Московской на границѣ своей для того заставу и караулъ учредить, чтобъ ни оттуда, ни туда никого не пропущали подъ жестокимъ за неисполненіе наказаніемъ; а для того и работы Милетскія всѣ оставить и до времени ничего оныхъ не производить, для чего и крестьянъ, взятыхъ изъ другихъ деревень на время для исправленія тѣхъ работъ, отпустить въ ихъ домы; только сей отпускъ не просто имъ позволить, а велѣть прежде оставить ихъ на восемь дней въ карантинѣ и каждый день велѣть ихъ и платье, какое у нихъ есть, все окуривать и спрыскивать уксусомъ, и если потомъ всѣ они будутъ здоровы и сумнѣнія никакого не окажется, то и позволить имъ идтить въ домы свои, а безъ того отнюдь не отпускать; да и въ дорогѣ чтобъ они имѣли крайнюю предосторожность.

Положеніе твое о снабженіи хлѣбомъ Милета я весьма похваляю и избавить оный отъ неминуемаго голоду средства лучше не нахожу, и надѣюсь, что ты въ самомъ дѣлѣ сіе исполнишь; равнымъ образомъ и о привозѣ сюда на будущій годъ для здѣшняго дому изъ низовыхъ нашихъ деревень хлѣба лучше положенія, которое ты предпринялъ, быть нельзя. Только совѣтую, чтобъ доставлять оный по Сурѣ, а не Волгою, которая коммуникація гораздо труднѣе, нежели возить оный на Суру, гдѣ до пристани отъ нашихъ деревень раз-

стоянie очень недалеко и гдѣ, погрузя на суда, могутъ слѣдовать до Рыбной, а изъ Рыбной, погрузивши на барки желѣзнаго вашего каравана, дойдутъ сюда; для чего и прикажите заранѣе заготовить тамъ муки ржаной пять, а овса шесть сотъ кулей; и на число оной клади судно и работныхъ людей и смотрителя изъ людей человѣка добраго назначь, который бы до самаго здѣшняго мѣста могъ оный проводить и порядочно дать во всемъ отчетъ. Только бы, при заготовленiи хлѣба, муку набивали въ кули не теплую; а при томъ чтобъ и девятипудоваго каждый куль былъ вѣсу, а овесъ настоящей мѣры въ десять четвериковъ. Что однакожъ во всемъ томъ отдаю больше на твое разсужденiе, и за тѣмъ Богомъ прошу тебя беречь себя и съ Москвою никакого сообщенiя не имѣть и ничего оттуда не требовать; для чего письмо сiе не послалъ я чрезъ почту, а съ нарочнымъ, чтобы онъ, минуя оную, доставилъ прямо въ твои руки самъ, не отдавая другимъ. А за тѣмъ и впредь иначе писать къ тебѣ не буду, какъ только при оказiяхъ, когда случатся.

Отъ графа Семена Романовича писемъ не имѣлъ давно и я; а что онъ въ добромъ здоровьи, то сказываютъ всѣ прiѣзжающiе оттуда курьеры; а при томъ и прибавленiе газетъ, печатанныхъ 6-го числа сего мѣсяца, докажетъ тебѣ, какое дѣйствiе въ первой армiи происходило, и что его при томъ сраженiи не было, которыя при семъ къ тебѣ и посылаю. Чтожъ касается до лѣности Власова, то, какъ уже писано отъ меня, отобрать у него всѣ крѣпости и отдать Комарову, въ разсужденiи чего можешь и дѣла его поручить ему же или кого за способнаго изберешь, дабы лишены вы были тѣхъ досадъ, кои имѣлъ ты до сего отъ его нераченiя. Впрочемъ же не меньше доволенъ я и наставленiями твоими Логинову и къ тамошнимъ управителямъ и

желаю, чтобы все то съ успѣхомъ по мнѣнію твоему исполнено было. Я же затѣмъ, благодаря Бога, живъ.

Какое наставленіе въ деревни дать, посылаю; при семъ вы что̀ хотите, то отмѣнить можете и прибавить. По реестру вашему все закупя, къ вамъ отправлю на своихъ лошадяхъ; а чего будетъ нельзя прислать, то въ Ярцевѣ, надѣюсь, купить можно.

С.-Петербургъ, 19-го Сентября 1771-го года.

45.

По требованіямъ твоимъ что́ надобно было здѣсь искуплено и послано съ Филипомъ Гладышевымъ. О предосторожностяхъ въ случаѣ Московскихъ болѣзней еще напоминаю, чтобъ онѣ наблюдаемы были во всѣхъ деревняхъ нашихъ безъ всякой отмѣны. А что между прочимъ сдѣлано тобою въ Авдотьинѣ, собрать всѣхъ больныхъ въ одну избу и тутъ приставить къ нимъ одного человѣка, сіе весьма изрядно сдѣлано; только не почитаю за хорошо то, что они всѣ въ одномъ мѣстѣ сведены будутъ, а мнѣ кажется, гораздо лучше развести ихъ въ разныя избы, хотя дома въ два, только смотрѣть, чтобъ тѣ домы были къ краямъ деревни и всегда велѣть ихъ курить и поступать, какъ о томъ въ публикованномъ отъ Сената наставленіи предписано, которое можетъ вручить тебѣ Филипъ, и не худо бы, списавъ съ онаго, разослать по всѣмъ и деревнямъ, чтобы по онымъ и поступали. Для поѣздки твоей въ Екатеринбургъ посылаю при семъ къ повѣреннымъ на заводы и къ Алексѣю Ѳеодоровичу Турчанинову письма, коего и рекомендую любить: онъ человѣкъ честный и прямо знающъ заводскія дѣла, то и можетъ въ случаѣ подать тебѣ хорошія наставленія.

Объ отправленіи хлѣба сюда приложи стараніе, чтобъ овесъ былъ присланъ въ кулѣ по 10 четвериковъ и чтобъ былъ высѣянъ и сору не было, да и мука была вся по 9 пудъ.

С.-Петербургъ, 9-го Ноября 1771-го году.

46.

Изъ приложенной при семъ съ письма копіи, полученнаго мною отъ Никиты Ивановича [1]), можешь усмотрѣть, что ты по просьбѣ своей уволенъ еще на годъ пробыть въ деревняхъ своихъ, за что по полученіи сего письма и благодарилъ я Никиту Ивановича, да и вамъ совѣтую отписать къ нему и поблагодарить за его стараніе. Впрочемъ прошу постараться о присылкѣ ко мнѣ ямскихъ лошадей. Если въ Воронцовкѣ на ярмаркахъ оныя еще не куплены, то не можно ли приказать набрать изъ нашего завода и сюда прислать поскорѣе? Да при томъ увѣдомь меня: при повелѣніи отъ тебя въ низовыя наши деревни приказано-ль было, чтобъ съ мукою и овесъ для здѣшняго дома присланъ былъ; ибо я вчерашній день получилъ рапортъ отъ Ивана Комарова. Онъ пишетъ объ отправленіи на Сурскую пристань одной муки четыреста пятьдесятъ кулей, а объ овсѣ ничего не пишетъ; а онъ весьма здѣсь нуженъ, а особливо нынѣшнею весною въ цѣломъ городѣ онаго сыскать было не можно, и на силу по полтора рубля четверть могли имѣть, и то малое число, а буде, привозу онаго не будетъ своего, то наконецъ, я чаю, и достать будетъ трудно.

Наталья Петровна, двоюродная твоя сестра [2]), по волѣ родственниковъ своихъ и собственной, вышла замужъ Измай-

[1]) Панина.

[2]) Дочь Дарьи Ларіоновны и Петра Михайловича Хрущовыхъ.

ловскаго полка за поручика Николая Ивановича Кочетова, который, хотя и молодой человѣкъ, однако въ поступкахъ, кажется, изрядный и человѣкъ смирный.

31 Мая 1772.

47.

Правда, что я, отдавъ Власова въ розыскную, подвергнулъ его тѣмъ всей строгости законовъ; но если онъ невиненъ, то онъ оныхъ опасаться не можетъ. Какъ видно, собственная его дурная совѣсть и бездѣльство болѣе всего устрашаютъ, и онъ опасается быть по достоинству награжденъ за свои дѣла, когда справедливость откроется. Чтожъ ты говорилъ, что онъ управляетъ деревнями и домомъ, и слѣдовательно не надлежало бы его подвергать такому суду или отказать отъ правленія, то я съ послѣднимъ согласенъ: ибо отъ такого человѣка, который могъ покуситься на жизнь невиннаго, надѣяться впередъ нечего, и для того лучше если его отдать на произволъ суду, а отъ правленія совсѣмъ отрѣшить. Если же есть у тебя другой къ тому способный человѣкъ, то прошу опредѣлить на его мѣсто. Можно ли щадить такого человѣка, который въ отмщеніе своего злодѣйства могъ сдѣлаться убійцою? Да сверхъ того, ты самъ знаешь, до чего злость его простиралась, когда онъ изъ Москвы прислалъ къ тебѣ съ письмомъ чумой зараженнаго человѣка, несомнѣнно въ томъ намѣреніи, чтобъ и самого тебя заразить? Дѣла его такъ дурны, что, хотя бы онъ всѣ достоинства въ свѣтѣ имѣлъ, то не заслуживаютъ они никакого сожалѣнія, и для того пусть онъ получитъ достойную мзду за нихъ.

Я живу въ Медушахъ довольно спокойно уже почти мѣсяцъ. Время, воздухъ здѣшній и довольное движеніе способствуютъ немало къ подкрѣпленію моего здоровья. Здѣсь уже не такъ стало уединенно, какъ прежде: Александръ Ивановичъ [1]) сдѣлался моимъ сосѣдомъ и живетъ съ Елисаветой Романовной верстахъ въ восьми отъ меня; также и графиня Марья Романовна пріѣхала сюда на недѣлю и живетъ въ своей деревнѣ, версты съ три отъ Медушъ; мы всякій день вмѣстѣ и проводимъ время довольно весело.

1772. Іюля 22.

48.

Какъ обвыкли наши земляки сплетать многія лжи, то я не пощаженъ на старости. Меня женили. Пишетъ Иванъ Перфильевичъ [2]), что у васъ въ Москвѣ оное обо мнѣ говорятъ, чему онъ не вѣритъ, но и ему не вѣрятъ. Вотъ новый родъ обиды. Кому захотѣлось этакую мерзкую небылицу на меня всклепать? Я съ презрѣніемъ и о другихъ старикахъ, кои женились, разсуждаю: то могу ли я такую непростительную глупость сдѣлать? Да еще то удивительно, что здѣсь этого я не слыхалъ до сего дни.

Прошу сказать мою благодарность Ивану Перфильевичу, что онъ, сколько могъ, защитилъ меня отъ сей скверной лжи. Вотъ нашли жениха! Если всѣ такъ будутъ думать о сватьбахъ, какъ я думаю, то мало ихъ будетъ; но мнѣ ни лѣта мои, ни состояніе мое этого безъ потери разума сдѣлать не даютъ. Если потеряю разсудокъ, то и тогда такихъ не женятъ, а сажаютъ за присмотромъ въ домъ. Ничто такъ не досадно, какъ обида! Не могу придумать, кто сей сквер-

[1]) Полянскій, супругъ Елисаветы Романовны.

[2]) Елагинъ.

ной лжи производитель. Сію досаду оставляю: у насъ тамъ водится, и лучше кто, и о тѣхъ лгутъ. Письмо твое про издержки денегъ получилъ отъ графа Семена Романовича; но что у меня есть, это все ваше; чего у меня не будетъ, то вы въ нуждѣ меня не оставите. Графъ Семенъ Романовичъ пріѣздомъ своимъ много меня порадовалъ; онъ въ концѣ этой недѣли пріѣзжалъ и черезъ Москву въ полкъ поѣдетъ. Человѣка отъ него отрѣшу, чтобъ сохранить отъ его грабительства. Что касается на содержаніе дома въ Костромѣ, то сдѣлай пожалуй штатъ; я велю давать деньги.

9 Декабря 1775.

48.

Письмо ваше отъ 25-го сего мѣсяца, отправленное съ здѣшнимъ курьеромъ, съ отмѣннымъ моимъ удовольствомъ получилъ. Вы меня, мой другъ, очень обрадовали, извѣстивъ меня, что вмѣсто Шацкой назначиваютъ мнѣ Танбовскую губернію. По крайней мѣрѣ сей городъ гораздо удобнѣе быть губернскимъ, да и уѣзды, изъ которыхъ должно будетъ дѣлать округи, несравненно лучше. Я теперь совершенно доволенъ, ибо 26 число сего мѣсяца открытіе здѣшней губерніи кончилъ; о дворянахъ, что не пріѣзжали, все возможное прилагалъ я стараніе, чтобы поскорѣе въ томъ успѣть. По дурному и недостаточному строенію здѣшняго города, собравшіеся здѣсь дворяне претерпѣвали крайнюю нужду въ разсужденіи квартеръ, почему, какъ скоро можно мнѣ было переѣхать въ новый мой домъ, то и начало открытія 21-го сего мѣсяца сдѣлалъ и всѣ выборы въ три дни кончилъ; а кто куды выбранъ, прилагаю при семъ реестръ. Какимъ же

образомъ все сіе происходило, о томъ пришлю къ вамъ обстоятельный журналъ, который хотя теперь и готовъ, однакожъ за короткостію времени сообщить вамъ не успѣлъ, а посылаю одинъ экземпляръ къ Александрѣ Андреевичу Безбородкѣ. Признаюсь, что сколько я доволенъ усердіемъ собравшихся дворянъ, столько удивляюсь поступку тѣхъ, которые, нигдѣ не служа и живучи всегда въ деревняхъ, на сей только случай отправились въ Москву, не желая воспользоваться всемилостивѣйше пожалованнымъ правомъ выбора.

Мнѣ милость Ея Величества весьма чувствительна, что изволитъ удостоивать меня своимъ пожалованіемъ; я буду стараться заслуживать ея благоволеніе.

Теперь, съ объявленіемъ объ открытіи намѣстничества, отправляю къ Государынѣ Льва Александровича Кайсарова, который, будучи самъ свидѣтелемъ всему, обстоятельно можетъ васъ о происшедшемъ увѣдомитѣ и котораго рекомендую въ вашу ласку, потому что много показывалъ усердія ко мнѣ.

Теперь еще остался одинъ пунктъ, который меня безпокоитъ: если отдастся мнѣ Танбовская губернія, то, по теперешнему положенію Рязанской губерніи, Касимовскій уѣздъ будетъ мнѣ всегдашнимъ въ свободномъ проѣздѣ моемъ препятствіемъ, ибо необходимо должно будетъ ѣздить черезъ оный. А сіе бы легко можно было отвратить, если бы оный уѣздъ приписать къ Володимерской или Танбовской губерніи, а толикое жъ число душъ съ стороны Мурома взять къ Нижегородской губерніи. Поговори о семъ, другъ мой, съ Александрою Андреевичемъ; я бы желалъ, чтобы предубѣдить и привести въ движеніе сіе дѣло прежде моего въ

Петербургъ пріѣзда, дабы удобнѣе успѣть мнѣ въ моей просьбѣ. При семъ случаѣ посылаю я рапортъ въ Сенатъ объ открытіи намѣстничества, также пишу къ князю Александрѣ Алексѣевичу *) и къ Александрѣ Андреевичу. Когда ты увидишься съ ними, то прошу васъ увѣдомить меня, какимъ образомъ они объ ономъ отзываются.

Въ разсужденіи Алексѣя Петровича и Авдотьи Степановны вы можете быть увѣрены, что я искренно ихъ люблю, потому что и самъ очень дружбою ихъ доволенъ.

Прошу писать ко мнѣ обстоятельнѣе о вашихъ новостяхъ.

Володимиръ, 1778-го года Декабря 31-го дня.

49.

Теперь, наконецъ, могу я ласкать себя надеждою, что стараніе мое о искорененіи всякихъ злоупотребленій будетъ имѣть желаемый успѣхъ. Ибо, чтò касается до рекрутскаго набору, то я увѣренъ, что не сыщется ни одного человѣка, кто бы былъ не доволенъ или отягощенъ прикладкою, хотя копѣйкою, свыше указной. Я столько о семъ стараюсь, что покою не имѣю и нарочно здѣсь медлю, дабы совсѣмъ искоренить всякія злоупотребленія.

При семъ прилагаю письмо къ Александру Андреевичу о грунтовыхъ квасцовыхъ заводахъ, подъ открытою печатью, которое прошу прочитать и, припечатавъ, самолично отдать ему и попросить, чтобъ онъ при случаѣ доложилъ всемилостивѣйшей Государынѣ, и какое послѣдуетъ высочайшее повелѣніе, меня увѣдомить.

---

*) Генералу-прокурору князю Вяземскому.

Теперь многія должности въ здѣшней губерніи остановились, потому что изъ Сената не получено указовъ по многимъ моимъ представленіямъ о опредѣленіи присутствующихъ, для чего прошу постараться, чтобъ оные скорѣе исходатайствовать.

P. S. На сихъ дняхъ пріѣзжалъ сюда Де-Вресанъ и во все время, нигдѣ не бывши, былъ всегда пьянъ и въ семъ состояніи хотѣлъ дать закладную Николаю Ивановичу Рославлеву въ шестидесяти тысячахъ рубляхъ; а какъ господинъ Рославлевъ находится въ Москвѣ, то и усумнился я о томъ, а паче не уповая, чтобъ и деньги 60000 были отъ него сюда пересланы, не велѣлъ совершать закладной.

18 Ноября 1780.

50.

Не могу скрыть отъ васъ, что къ наивеличайшему моему огорченію получилъ я отъ Ивана Семеновича Любученинова письмо, которое къ вамъ въ оригиналѣ препровождаю и изъ котораго сами усмотрѣть можете, сколь справедливо и чувствительно мое соболѣзнованіе. Признаюсь, что я даже не довѣряюсь, что сіе могло случиться, ибо я сего отнюдь не заслужилъ. Я довольно вижу, что всѣ мои труды, кои я для благосостояніи порученныхъ моему попеченію жителей прилагалъ, не имѣя почти ни день, ни ночь покоя, остаются тщетны и что я остаюсь жертвой людямъ, пріобыкшимъ къ клеветамъ, по единой къ тому склонности. И сколько я прежде желалъ служить, столько нынѣ служба сія мнѣ тягостна, и лучше желаю, оставя службу, сопряженную съ толиками трудами, жить въ покоѣ, нежели претерпѣвать по-

напрасну подобныя сему нареканія: ибо я все мое стараніе прилагаю, чтобъ всѣ были довольны и, позволяя послѣднему крестьянину къ себѣ свободный входъ, приказываю доставлять каждому правосудіе, и все сіе не присвоивая, отношу къ щедротамъ всемилостивѣйшей Государыни, объясняя каждому, что Ея Величество, введеніемъ новаго правленія, печется единственно объ ихъ пользѣ и спокойствіи; и даже нѣкоторымъ бѣднымъ людямъ дѣлаю на угожденіе отъ себя, относя все сіе къ прославленію имени Ея Величества. Я бы весьма желалъ, чтобъ кто-нибудь присланъ былъ и увидѣлъ бы самымъ дѣломъ, что не только никакого поводу нѣтъ къ жалобамъ, но даже всѣ прославляютъ, съ какимъ я попеченіемъ, отъемля собственный покой, стараюсь объ ихъ благополучіи; а особливо, что при выборахъ дворянъ представлено было на полную ихъ волю выбирать кого они сами желали, и я никакъ въ сіе не вмѣшивался, но паче подтверждалъ, чтобъ они, зная свою собратію, избирали для собственной своей пользы, къ кому могутъ имѣть болѣе довѣренности. Равно и за тѣхъ, кои при мнѣ, могу навѣрно отвѣчать, что ни на кого жалобы не будетъ и быть не можетъ. Но если чтѝ почтено было за излишнее, то по крайней мѣрѣ желалъ бы, чтобъ спросили о семъ князя Сергія Ѳедоровича Голицына, который почти цѣлый мѣсяцъ и при самомъ открытіи жилъ здѣсь и былъ всему свидѣтелемъ. Вы знаете, что онъ конечно донесетъ самую истину, не бывъ мнѣ никогда особливымъ другомъ. И я удостовѣренъ, что онъ ничего, конечно, не можетъ сказать, какъ только къ похвалѣ моей. Я съ нетерпѣливостью буду ожидать на сіе вашего увѣдомленія, ибо недостаетъ мнѣ болѣе терпѣнія сносить толь ложныя нареканія.

Изъ Пензы, 18 Февраля 1781.

51.

Графъ Александръ Романовичъ!

Какъ имѣющіяся Воспитательнаго Дому въ Санктпетербургскомъ отдѣленіи деньги мои поручены вамъ, то и даю вамъ чрезъ сіе довѣренность оныя деньги, пятнадцать тысячъ рублей, переписать на имя дочери моей полковницы Елисаветы Романовны Полянской, рожденной графини Воронцовой, въ добавокъ къ прежнему данному ей отъ меня награжденію, вмѣсто слѣдующей ей отъ меня, также и послѣ покойной матери ея графини Марѳы Ивановны, рожденной Сурминой, изъ движимаго и недвижимаго имѣнія части, о чемъ и въ Опекунскій Совѣтъ послано отъ меня объявленіе, чтобъ сіи деньги, пятнадцать тысячъ рублей, со всѣми процентами числить принадлежащими оной моей дочери, съ которыхъ и проценты получать ей, въ чемъ я вамъ вѣрю и прекословить не буду. Графъ Романъ Воронцовъ.

Мая 12-го дня
1781-го года,
г. Пенза.

1781-го году Маія 12-го дня сіе вѣрющее письмо Пензенскаго намѣстничества въ Палатѣ Гражданскаго Суда свидѣтельствовано, и по свидѣтельству оказалось, что оное подлинно подписано рукою его высокографскаго сіятельства господина генералъ-аншефа, сенатора, дѣйствительнаго камергера и обоихъ Россійскихъ орденовъ, Бѣлаго Орла и Святыя Анны, кавалера, Владимирскаго, Танбовскаго и Пензенскаго генералъ-губернатора графа Романа Ларіоновича Воронцова, которое и въ книгу подъ № 1423 подлинникомъ записано

Секретарь Ѳедоръ Дмитріевъ
Канцеляристъ Василій Заварыкинъ.

Императорскаго Воспитательнаго Дому въ Опекунской Совѣтъ Санктъ-Петербургскаго Отдѣленія.

От генералъ-аншефа сенатора, Владимирскаго, Тамбовскаго и Пензенскаго генералъ-губернатора и кавалера графа Воронцова.

Объявленіе.

Какъ Воспитательнаго Дому въ Санктъ-Петербургское Отдѣленіе отданы отъ меня деньги, пятнадцать тысячъ рублей на такомъ условіи, что распоряженіе оными препоручить отъ меня сыну моему тайному совѣтнику, сенатору и коммерцъ-коллегіи президенту графу Александру Романовичу, то нынѣ и послалъ я къ нему съ засвидѣтельствованіемъ отъ здѣшней Гражданской Палаты вѣрющее письмо, дабы всѣ оныя деньги, пятнадцать тысячъ рублей съ принадлежащими на нихъ проценты переписать на имя дочери моей полковницы Елисаветы Романовны Полянской, рожденной графини Воронцовой, въ добавокъ къ прежде данному ей отъ меня награжденію вмѣсто слѣдующаго ей отъ меня, также и послѣ покойной матери ея, графини Мареы Ивановны, рожденной Сурминой, изъ движимаго и недвижимаго имѣнія, части; чего ради Опекунскаго Совѣта Санктпетербургскому Отдѣленію симъ объявляя, прошу означенныя отданныя отъ меня дочери моей деньги, пятнадцать тысячъ рублей, со всѣми процентами переписать на имя ея и числить ей принадлежащими, также и получаемыя со оныхъ впередъ процентныя деньги ей отдавать.

Графъ Романъ Воронцовъ.

Мая 11-го дня
1781-го года.

52.

Сей часъ получилъ я пріятнѣйшее письмо ваше о намѣреніи графа Семена Романовича исполнить давнишнее мое желаніе и соединить судьбу свою съ толь достойною партіею, каковою я нахожу Катерину Алексѣевну. Я весьма радъ его выбору, что онъ предпочелъ взаимную склонность всему другому. И тѣмъ охотнѣе буду я стараться оказывать вамъ всякую помощь, а теперь уступаю вамъ мой домъ, приморскія дачи и Муринскую фабрику со всѣми ихъ доходами, о чемъ и къ Нагаеву писалъ я. Впрочемъ, какъ я увѣренъ, что вы графу Семену Романовичу вспомоществовали въ семъ случаѣ, дабы сдѣлать мнѣ удовольствіе, вашими совѣтами, то и не могу я довольно изъявить вамъ о семъ всего моего удовольствія.

16-го Мая 1781.

53.

Хотя и совершенно увѣренъ о дружбѣ вашей къ графу Семену Романовичу, но при теперешнихъ его обстоятельствахъ за нужное почелъ просить васъ, чтобъ вы во всемъ были ему вмѣсто меня, поелику отсутствіе мое лишаетъ меня сего удовольствія; и какъ на первый случай для Екатерины Алексѣевны надобно купить хорошій цугъ, то прошу ему купить, а я по пріѣздѣ моемъ во Владимиръ, переведу къ вамъ деньги черезъ вексель, ибо здѣсь не могъ я отъискать, черезъ кого сей переводъ сдѣлать. Также и во всемъ, чтò нужно будетъ, его не оставьте; ибо мнѣ хочется, чтобъ все

соотвѣтствовало пристойности; а впрочемъ, вы знаете, что все то, что̀ я имѣю, вамъ однимъ принадлежитъ *).

16 Мая 1781.

54.

Сего Іюля 27-го числа возвратился я благополучно изъ Костромы въ Володимиръ, а на другой день князь Григорій Григорьевичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ Орловы, въ проѣздъ свой къ Царицынскимъ водамъ, по дружбѣ своей были у меня и обѣдали.

30 Іюля 1782.

55.

Здѣсь слухъ носится, что Михайло Өедотовичъ Каменской назначается къ арміи. Я не знаю, справедливо-ли сіе; если нѣтъ, то весьма бы былъ доволенъ, еслибы вмѣсто Костромской, поручена была мнѣ Танбовская губернія, гдѣ всѣ судебныя мѣста наполнены извѣстными мнѣ людьми, которые столько привязанность мою къ себѣ заслужили своимъ трудолюбіемъ и поведеніемъ.

19-го Августа 1782.

*) Дѣло идетъ о женитьбѣ графа Семена Романовича на Е. А. Сенявиной брак̀ъ совершился въ Августѣ этого года.

56.

При семъ прилагаю къ вамъ представленіе въ Сенатъ о Петрѣ Ивановичѣ Бергѣ. Вы конечно сами въ томъ со мною согласны будете, что онъ того заслуживаетъ, выключая, что онъ одинъ по всему здѣшнему намѣстничеству, который не получалъ никакого производства съ начала его здѣсь службы. Извѣстны вамъ труды его въ бытность его при мнѣ; нынѣ-жъ два лѣта находился по всевысочайшему именному повелѣнію въ коммиссіи о разграничиваніи Владимирской съ прикосновенными губерніями главнымъ членомъ и оное разграничиваніе съ желаемымъ успѣхомъ одинъ кончилъ, хотя въ прочихъ губерніяхъ по два и по три совѣтника перемѣнялись. Сверхъ того и по должности своей въ Палатѣ всегда оказываетъ особливое прилежаніе. Поведеніе же его самимъ вамъ извѣстно, почему, выключая его привязанность ко мнѣ, принужденъ отдать справедливость его заслугамъ, а особливо по сей послѣдней коммиссіи, и такъ какъ уже онъ пять лѣтъ въ семъ чинѣ находится, то и увѣренъ, что Правительствующій Сенатъ согласно съ моимъ желаніемъ не воспротивится наградить его чиномъ надворнаго совѣтника, почему и прошу васъ приложить о томъ особливое ваше стараніе и, подавъ мнѣ способъ сдѣлать ему сіе благодѣяніе, ободрить его впредъ оказывать равномѣрную къ службѣ ревность и прилежность. Я не сумнѣваюсь, чтобы вы въ томъ мнѣ не способствовали, зная, сколько вы расположены дѣлать благодѣянія и отдавать справедливость заслужившимъ, а симъ самымъ и меня особливо обяжете быть съ моею къ вамъ всегдашнею признательностью.

12-го Октября 1782.

57.

Графъ Семенъ Романовичъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ пишетъ, что они по причинѣ стужи не могутъ отправиться ко мнѣ прежде послѣднихъ чѝселъ Февраля мѣсяца, дабы не подвергнуть опасности Мишеньку; а какъ свиданіе сіе, можетъ быть, будетъ въ послѣдній разъ, то, опасаясь, чтобы и въ Февралѣ мѣсяцѣ не продолжились морозы, которые Мишенькѣ снести будетъ невозможно, то дабы не навлечь имъ вѣчной прискорбности, рѣшился я самъ къ вамъ въ Генварѣ мѣсяцѣ пріѣхать, дабы имѣть удовольствіе всѣхъ васъ въ совокупности увидѣть. Я знаю, что вамъ, по горячности вашей ко мнѣ, пріѣздъ мой будетъ пріятенъ; но какъ я хочу въ семъ дѣлѣ совѣтоваться съ вами не такъ какъ съ сыномъ, но какъ съ другомъ, то и прошу подумать, не покажется ли сіе непристойнымъ, что я, бывши прошлаго года въ Мартѣ мѣсяцѣ, опять такъ скоро буду? И если не найдете никакого въ томъ сомнѣнія, то включенное здѣсь письмо князю Александру Алексѣевичу вручите, которымъ я его прошу о исходатайствованіи мнѣ на сіе всемилостивѣйшаго дозволенія. Если же вы за лучшее разсудите, чтобы мнѣ не ѣздить, то, удержавъ оное письмо у себя, сообщите мнѣ о томъ ваше мнѣніе безпристрастно; но впрочемъ, если графъ Семенъ Романовичъ пробудетъ въ Петербургѣ до Мая мѣсяца, то я бы лучше пріѣхалъ къ вамъ весною: ибо теперь, признаться вамъ откровенно, я очень слабъ грудью и опасаюсь, чтобы во время морозовъ дорогою болѣе не застудить ее.

16-го Декабря 1782.

58.

Письмо ваше отъ 25 прошлаго мѣсяца сейчасъ я получилъ. Поступокъ брата, графа Ивана Ларіоновича, подлинно страненъ, когда сдѣлаетъ онъ, чтобы я одинъ заплатилъ всѣ казенные, имѣющіеся на заводѣ долги, будучи довольно извѣстенъ, что доходами съ заводовъ я нимало не пользовался; однакожъ, какъ вы уже вошли въ сіе дѣло и отыскали сдѣланную между нами въ 1769 году запись, то изъ оной можно будетъ ясно усмотрѣть, что я отъ правленія тѣхъ заводовъ тогда жъ отказался, и желаніе его, конечно, останется безъ дѣйствія, а я вамъ за ваше по сему стараніе особливо обязанъ.

Сегоднишній день отправляюсь я черезъ Танбовъ въ Пензу; со мною ѣдутъ Иванъ Романовичъ, секретарь и лѣкарь, и Алексѣй Михайловичъ проводитъ меня только до Танбова. Причиною такъ поздняго моего отъѣзда былъ рекрутскій наборъ, при которомъ находился я ежедневно, желая предупредить всѣ могущія случиться злоупотребленія; однакожъ, какъ окончить его за моимъ отъѣздомъ было невозможно, то и препоручилъ я его Александру Борисовичу *).

Я, конечно, не забуду къ будущей осени прислать вамъ обѣщанное число овса и муки, зная довольно, сколько вамъ въ томъ по Петербургской дороговизнѣ нужда.

При письмѣ къ Александру Андреевичу послалъ я рапортъ къ Ея Величеству объ отправленіи моемъ изъ Володимира. Прошу васъ, увидавшись съ нимъ, посовѣтовать, нуженъ ли онъ будетъ къ подачѣ; ибо я думаю, что не можно, остав-

*) Самойлову.

ляя губернію, не донести объ ономъ; ежели же не нуженъ, то можете оставить у себя.

Могу васъ увѣрить, что нынѣшній рекрутскій наборъ происходилъ къ удовольствію всеобщему безъ наималѣйшихъ злоупотребленій; ибо я самъ крайне того наблюдалъ, чтобъ очереди сохранены были, и отдача не больше указной цѣны въ складкѣ становилась, чтó причиною было крайняго благодаренія народнаго.

Я отправляюсь въ Пензу черезъ Танбовъ единственно для того, что увѣдомили, что произошли тамъ между губернаторомъ и судьями нѣкоторыя неустройства, которыя должно мнѣ самому прекратить. Признаюсь, что весьма бы желалъ, чтобъ сей вояжъ мой былъ послѣдній для меня; ибо неустройства тамошнія, а паче отдаленность, заставляютъ меня желать того ежечасно. По представленіямъ въ Сенатъ писали къ князю Александру Алексѣевичу, то прошу и васъ объ ономъ ему напомнить, а особливо о Рагозинѣ, о Пушкинѣ, а также и городничихъ, о которыхъ до сего времени ничего еще не вышло.

59.

Письма ваши отъ 26 и 31 Декабря имѣлъ я удовольствіе сегодня получить, на которые поспѣшаю увѣдомить васъ: 1) Хотя я не желалъ графу Семену Романовичу и графинѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ навлечь безпокойство, чтобъ ко мнѣ ѣхать, а хотѣлъ самъ весною къ вамъ быть, однако, какъ они уже рѣшились доставить мнѣ сіе удовольствіе, то ожидаю ихъ съ нетерпѣливостью. 2) Мнѣ весьма пріятно будетъ, если вы сдержите свое обѣщаніе и ко мнѣ пріѣдете; вы тѣмъ столько мнѣ удовольствія сдѣлаете, сколько и

сами онаго имѣть будете, увидѣвъ самолично, что я здѣсь всѣми, какъ вамъ и Иванъ Гавриловичъ Рѣзановъ пересказывалъ, любимъ совершенно. Я могу сказать, что я въ семъ случаѣ столько счастливъ, что и по сіе время, какъ въ Пензѣ, такъ и Танбовѣ, все дворянство и крестьяне совершенно мнѣ преданы и, какъ первые изъ нихъ, проѣзжая въ Петербургъ или въ Москву, всегда ко мнѣ заѣзжаютъ, изъявляя благодарность за мою къ нимъ ласку, такъ и послѣдніе, ходя за нуждами своими въ Межевую Канцелярію или въ Сенатъ, всегда ко мнѣ приходятъ и благодарятъ отъ всего міру за мое объ нихъ попеченіе: ибо я всегда главнымъ правиломъ поставляю не отпускать отъ себя никого, не сдѣлавъ ему въ справедливости удовольствія; и хотя я живу въ Володимирѣ, однако почти каждый день изъ Костромы просители приходятъ, которыхъ и отсылаю я въ тѣ мѣста, гдѣ дѣла ихъ должны быть рѣшимы, съ подтвержденіемъ, дабы оныя рѣшены были немедленно. 3) Что касается до деревни, купленной мной у Толстыхъ, то я оную не продавалъ для того, что вы ко мнѣ писали, чтобъ я въ Костромѣ ничего не продавалъ; но, впрочемъ, если вы сего желаете, то хотя деревня сія давать будетъ каждый годъ доходу до полутораста рублей, поелику въ ней двадцать душъ мужескаго полу, а я одинъ только годъ далъ имъ льготы (потому что они отъ господъ Нелидовыхъ были раззорены), то и предоставляю въ полную вашу волю, продать ли ее или нѣтъ и если вы за лучшее разсудите продать, то вы или отпишите къ Нелидову, или я самъ писать буду, чтобъ онъ далъ за нее хотя тысячу рублей, потому что онъ и прежде мнѣ давалъ девять сотъ рублей.

Что касается до лакеевъ, то здѣсь въ городѣ никто не продаетъ, а куплена господиномъ Строминовымъ для меня

на мои деньги въ Гороховскомъ уѣздѣ деревня съ дворовыми людьми и мнѣ отъ него заложена, то если выберутся изъ нея способные въ лакеи люди, я къ вамъ отправлю, а если тамъ не сыщутся, то изъ своихъ хорошихъ двухъ человѣкъ къ вамъ пришлю въ семъ же мѣсяцѣ.

Николая Александровича Львова мать теперь въ Москвѣ и когда возвратится въ Володимиръ, то я не премину оказать ей ласковость за стараніе ваше. О господинѣ Путятинѣ, о Бергѣ и прочихъ изъявляю вамъ мою благодарность.

7 Генваря 1783.

60.

По пріѣздѣ моемъ въ Кострому, живу я въ генералъ-губернаторскомъ домѣ съ господиномъ губернаторомъ и стараюсь оказывать ему всякую ласку. Что жъ касается до фабрики, то какъ прежнія двѣ тысячи, такъ и нынѣ полученныя пять тысячъ рублей отдалъ я на оную Тихону Орлову. А какъ нынѣ обыкновенно бываетъ закупка пряжи, то всѣ сіи деньги употреблены будутъ на оную, а при томъ и своихъ до тысячи рублей отдать на оную не премину. Но какъ на расплату работникамъ денегъ не достанетъ, то прошу поговорить съ господиномъ Судерландомъ, чтобъ онъ отпустилъ еще на фабрику до трехъ тысячъ рублей.

Княгинѣ Катеринѣ Романовнѣ прошу сказать мой поклонъ.

Марта 7-го дня
1783-го года,
Кострома.

ПИСЬМА

ГОСУДАРСТВЕННАГО КАНЦЛЕРА

ГРАФА

М. Л. ВОРОНЦОВА

КЪ ПЛЕМЯННИКУ ЕГО

ГРАФУ

А. Р. ВОРОНЦОВУ.

1758—1767.

*

У братьевъ графовъ Воронцовыхъ, дѣятелей Екатерининскаго, Павловскаго и Александровскаго царствованій, было два дяди: младшій, графъ Иванъ Ларіоновичъ, который не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, и старшій, графъ Михаилъ Ларіоновичъ, одинъ изъ возводителей Елисаветы Петровны на Русскій престолъ, женатый на двоюродной ея сестрѣ графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской (которую Павелъ Петровичъ называлъ не иначе какъ тетушкой). Единственная его дочь графиня Анна Михаиловна Строганова дѣтей не имѣла, и государственный канцлеръ, безъ надежды прямаго потомства, обратилъ родственную нѣжность и заботу на своихъ племянниковъ, которымъ и былъ, по старинному выраженію, „въ отца мѣсто". Кромѣ другихъ его заслугъ, Россія обязана ему образованіемъ этихъ вполнѣ государственныхъ людей. Младшему изъ нихъ посвященъ цѣлый рядъ книгъ настоящаго изданія, и его своеобразная, величавая и въ тоже время сочувственная личность ярко въ нихъ обрисована. Извѣстій о старшемъ братѣ, графѣ Александрѣ Романовичѣ, сохранилось менѣе. Правда, цѣлы многія связки его бумагъ, но онѣ недоступны прочтенію по крайней неразборчивости его почерка, на которую такъ жаловались и отецъ, и дядя его: въ важныхъ случаяхъ ему приходилось вмѣстѣ съ своимъ письмомъ посылать и четкій

списокъ съ него чужой руки. Эти современные списки будутъ изданы, а равно и то чтò, послѣ чрезвычайныхъ усилій, удалось разобрать изъ его своеручныхъ писаній. О немъ можно сказать многое. Замѣтимъ между прочимъ, что при Екатеринѣ онъ былъ политическимъ наставникомъ, вдохновителемъ и руководителемъ Безбородки.

Нижеслѣдующія письма къ нему его дяди освѣщаютъ намъ его поприще съ раннихъ лѣтъ его жизни. П. Б.

Рекомендательное письмо графа М. Л. Воронцова къ послу графу М. П. Бестужеву-Рюмину.

Вручитель сего, племянникъ мой, Александръ Романовичъ, уволенъ для обученія наукъ во Францію. Я покорно прошу вашего сіятельства его въ милости вашей содержать и за нимъ отеческое призрѣніе имѣть, чтобы пребываніе его въ Парижѣ не безплоднымъ было, и онъ какъ для пользы своей, такъ и для чести фамиліи нашей, хорошее поведеніе имѣлъ, а особливо сверхъ опредѣленнаго ему на содержаніе отнюдь больше не проживалъ. Я совершенно увѣренъ, что онъ по приказу отца своего и моему наставленію понктуально во всемъ поступать будетъ; но по молодости лѣтъ своихъ можетъ быть нѣсколько преступить повелѣннаго, и для того нужно, чтобъ подъ руководствомъ вашимъ надзираемъ былъ, и въ томъ совершенную надежду на дражайшую вашу ко мнѣ дружбу имѣю.

1758, Февраля   дня.
Въ Петербургѣ.

1.

Monsieur mon cher neveu.

Письма ваши изъ Нарвы, Риги и Дублина въ свое время получилъ исправно.

Сіе посылаю подъ кувертомъ г-на посланника Гросса, которому извольте мой поклонъ сказать; а я его просилъ, чтобъ онъ вамъ надлежащее наставленіе далъ, что̀ до пребыванія вашего въ Варшавѣ и до дороги въ Вѣну принадлежитъ, и вы его совѣтамъ послѣдуете. А я желалъ бы, чтобъ вы не болѣе недѣли въ Варшавѣ пробыли. Такоже и въ Вѣнѣ не медлите; лучше скорѣе къ своему посту пріѣхать, а когда Богъ изволитъ, что назадъ въ отечество возвратиться должны будете, тогда можете при разныхъ дворахъ гораздо долѣе время проводить, а нынѣ признаваю весьма излишнимъ.

Господинъ графъ Бриль письмо ваше мнѣ вручилъ и здѣсь отъ всѣхъ съ немалымъ оказательствомъ дружбы и почтенія принимается и себя весьма похвально ведетъ. Я желаю равномѣрное и объ васъ услышать. Безъ сумнѣнія и вамъ Польской министръ будетъ оказывать многія ласковости и учтивости. Токмо вамъ надлежитъ быть весьма умѣреннымъ и его учтивостями и офертами не абюзировать, то-есть въ худо не употреблять. Я надеженъ на скромность вашу и что вы во всемъ разумно себя вести будете.

Ежели и не часто къ вамъ писать буду, вы не имѣйте никакого сумнѣнія, понеже я весьма мало свободнаго времени къ тому имѣю.

Прощай, мой другъ, и содержи себя разумно и честно, чтобъ отецъ твой и я, слыша о тебѣ, могли радоваться.

Пребываю вашъ вѣрной другъ

Г. М. Воронцовъ.

1758, Марта 22-го дня.
Въ Санктпитербурхѣ.

Сложено и надписано: Племяннику моему Александру Романовичу Воронцову въ Варшавѣ *).

2.

Monsieur.

En prenant beaucoup de part à l'accueil gracieux que le roi de Pologne vous a fait, lorsque vous fûtes présenté à sa majesté, je vous avertis que l'Impératrice, ayant été informée du présent que vous reçûtes de la part de ce prince dans une occasion où la bienséance ne vous permettait pas de vous en défendre, Sa Majesté Impériale vous ordonne de le garder sans scrupule. Votre affectionné oncle

C. Mich. Woronzow.

à S-t Pétersbourg,
ce 15 may 1758.

Я вамъ благодарствую, что вы по совѣту моему недолго мѣшкали въ Варшавѣ; тоже желаю, чтобъ вы и въ Вѣнѣ не зажилися. Пожалуйте старайтеся поведеніе ваше такимъ

*) Въ это время Романъ Ларіоновичъ еще не получилъ графскаго титула.

образомъ вести, чтобъ вами вездѣ довольны были, и мы здѣсь о томъ съ пріятностію слышать могли, чрезъ что себѣ хорошее имя наживете, а фамиліи нашей честь сдѣлаете. Я сего отъ васъ требую и ожидаю.

3.

Какимъ образомъ ученіе ваше и генерально о всемъ поведеніи своемъ обстоятельныя извѣстія къ намъ присылайте, чтобъ мы, слыша о добромъ твоемъ состояніи, радоваться могли. А письма ваши, подъ моимъ кувертомъ на почтѣ посылай, не отягощая тѣмъ никого; ибо недавно большой пакетъ писемъ вашихъ подъ кувертомъ господина посла секретаря его Боне присланъ, и онъ принужденъ за почту вѣсовыя деньги заплатить нарочитое число, и я о томъ посторонне свѣдалъ.

23-го Ноября въ моемъ новомъ домѣ освящена церковь, и всемилостивѣйшая Государыня высочайшимъ своимъ присутствіемъ удостоить изволила и пожаловала канцлеромъ и 40,000 рублевъ въ награжденіе.

При семъ посылаю вамъ новый календарь.

Сіе письмо вамъ отдано будетъ чрезъ моего камердинера Комера, котораго я послалъ въ Парижъ для покупки нѣкоторыхъ мобилей въ мой домъ *).

1758. Декабря 19-го дня.

Въ С.-Петербургѣ.

---

*) Людовикъ XV-й прислалъ въ этотъ домъ (нынѣ Пажескій Корпусъ) въ подарокъ мебелей. Екатерина въ Запискахъ своихъ насмѣшливо замѣчаетъ, что это тѣ мебели, которыя приглядѣлись маркизѣ Помпадуръ. П. Б.

4.

A S-t Pétersbourg, ce 12 janvier 1759.

Je vois avec plaisir la résolution où vous étes d'employer utilement votre temps, en vous appliquant constamment à vos exercices. Je vous exhorte à y persister, en vous représentant que le travail, dans l'âge où vous êtes, et surtout l'étude de la vertu et de l'honneur, sont le seul moyen qui puisse vous rendre utile à votre patrie et vous procurer dans un âge plus avancé cette tranquillité et cette paix profonde qui seules peuvent faire votre bonheur. Quel plaisir pour moi si, après avoir appris que vous aurez tenu dans le pays étranger une conduite digne de votre naissance et exempte de ces écarts où la jeunesse n'est que trop sujette, je vous verrai ici avec les talents et les connaissances que je vous souhaite et qu'il ne dépendra que de vous d'acquérir dans l'école où vous êtes, si vous voulez apporter tous vos soins à en profiter. Ce sera alors que j'aurai un vrai contentement à vous donner des marques de l'amitié avec laquelle je suis, mon cher neveu, votre très-affectionné oncle

C. Mich. Woronzow.

5.

A S-t Pétersbourg, ce 10 mars 1759.

Je vous apprends, mon cher neveu, un évènement qui nous cause à tous la plus vive douleur. Nous avons eu le malheur de perdre son altesse impériale la jeune grande-duchesse Anne Petrowna. Sa Majesté Impériale y a été extrêmement sensible, mais m-me la grande-duchesse surtout a été inconsolable dans les premiers instants. Il n'y a eu que sa vertu et sa résignation entière aux décrets de la Providence qui ayent pu la faire revenir de son saisissement.

Voici une lettre de condoléance pour s. a. s. m-me la princesse d'Anhalt-Zerbst *). Allez la lui présenter, mon cher neveu, et lui exprimer votre douleur et la mienne, mais tâchez surtout de calmer ses inquiétudes au sujet de s. a. i. m-me la grande-duchesse sa fille, en l'assurant qu'elle commence à être plus tranquille.

При семъ посылаю къ вамъ здѣшнія печатныя сочиненія, чтобъ вы изъ обыкновенія не вышли читать книги на своемъ языкѣ.

О прогресахъ вашего ученія и какъ вы время свое проводите, желаю обстоятельно вѣдать и въ заключеніе сего рекомендую прилежно учащать съ должнымъ почтеніемъ домъ маркиза Лопиталя и его фамиліи, оказывая имъ надлежащее почтеніе и преданность.

---

*) Мать Екатерины, знавшая графа Александра Романовича еще ребенкомъ, жила тогда въ Парижѣ въ Люксамбургскомъ дворцѣ. П. Б.

6.

A S-t Pétersbourg, ce 7 mai 1759.

Je n'ai pu, mon cher neveu, qu'être très-sensible aux plaintes que vous me faites dans votre lettre du 21 mars dernier.

L'idée, que vous me donnez du caractère de m-r de Labersac, ne répond point du tout à l'opinion avantageuse que j'en avais conçue. Je sais qu'il faut quelquefois un peu de sévérité dans l'éducation de la jeunesse, mais les bons procédés m'ont toujours paru la voye la plus sûre pour la ramener à ses devoirs. Peut-être aussi, mon cher neveu (et je le souhaite), ne l'aurez-vous jugé qu'après un moment de vivacité. Vous savez que dans une école, où l'on doit être soumis, il n'est pas que l'on n'ait quelques désagréments à essuyer: il faut les supporter avec docilité, et vous reposant sur la régularité de votre conduite, attendre tranquillement que vos maîtres vous rendent justice. Croyez qu'il leur en coûte beaucoup toutes les fois qu'ils disent quelque chose de dur; mais la quantité de soins dont leur esprit est surchargé ne leur permet pas de l'avoir toujours égal.

La lettre de m-r le marquis de l'Hôpital à m-r de Labersac, où il est fait mention de vous, doit être considerée comme un conseil d'ami à ami, dont il faut juger l'intention et non les termes. Je ne les crois pas susceptibles (selon la façon de penser de m-r l'ambassadeur qui m'est connue) d'une aussi grande étendue

que celle que vous leur donnez. Il n'aura sans doute eu en vue que de vous garantir de la mollesse et du relâchement où une trop grande douceur mène presque toujours. Quoiqu'il soit, ayez soin de n'en écrire à personne ici; c'est une chose que vous devez ensevelir dans un profond silence. Je regarde ces deux messieurs comme vos amis et le miens; si cependant vous aviez par la suite des sujets graves de vous plaindre, vous me trouverez toujours disposé à vous écouter, et je ferai en sorte que l'on vous traite avec plus de ménagement.

Je suis toujours avec une véritable amitié, mon cher neveu, votre très-affectionné oncle

C. Mich. Woronzow.

Надписано: A monsieur, monsieur de Woronzow, chevau-léger de la garde du roi à Versailles.

7.

Пользуясь отъѣздомъ Цесарскаго куріера въ Вѣну, при семъ посылаю экземпляръ рѣчи, держанной г-мъ Поэсоніеромъ въ Академіи и на сихъ дняхъ изъ печати изданной. Я надѣюсь, что вы знакомство имѣете съ его супругою и ей съ вашей стороны ласковость оказываете; а здѣсь мужа ея, по достоинствамъ его, при дворѣ съ отличнымъ почтеніемъ всѣ любятъ.

1759. Іюня 22-го дня,
Въ Питергофѣ.

8.

Mon très-cher neveu,

Весьма похвально, что вы о состояніи дѣлъ свѣдомы быть желаете; сіе знаніе нужно весьма всякому, особливо знатной породы человѣку, наипаче же такому, который внѣ отечества своего находится; напротивъ того, вступать въ подробности и дѣлать свои разсужденія и оныя въ письмахъ своихъ объявлять гораздо излишно, да и къ вашему предосужденію (ежели бъ объ нихъ при Французскомъ дворѣ свѣдано было, что̀ сверхъ чаянія вашего легко учиниться можетъ) обратиться можетъ.

Съ резономъ опасаюсь я, не тѣмъ же ли образомъ какъ вы ко мнѣ писали, отзываетесь о Французской баталіи и въ вашемъ мѣстѣ. Я желалъ бы, чтобъ вы отъ того поудержались; ибо инако, сами можете разсудить, сколь непріятно

было бы слышать отъ васъ такіе противные разговоры, а чѣмъ бы оные чувствительнѣе казались, тѣмъ вяще могли бы уменьшить любовь и почтеніе, которыя вы себѣ сначала скромностію вашею пріобрѣсти умѣли. Я не писалъ бы къ вамъ съ толикою откровенностію, если бы не побуждало меня къ тому мое къ вамъ доброжелательство. Предписываетъ оное мнѣ остерегать васъ и въ такихъ случаяхъ, кои только вѣроятнымъ образомъ вамъ предосудительны быть могли-бъ.

Я весьма желалъ бы, чтобъ вамъ еще чрезъ нѣкоторое время остаться въ школѣ chevaux-légers, въ разсужденіи пользы, которую вы отъ того имѣть можете, и не сумнѣваюсь, что вы всячески стараться будете отличить себя въ иностранномъ мѣстѣ похвальными поступками, прилежаніемъ и скромностію и быть собственному своему счастію орудіемъ, зная, что персональныя качества и достоинства оное прочно основать могутъ; токмо по желанію брата Романа Ларіоновича я согласенъ, чтобъ вы, получа отпускъ свой отъ короля, могли достальное время для вояжированія въ Италію употребить, о чемъ вскорѣ къ вамъ и письма пришлются для поданія шефамъ вашей школы.

Въ Петергофѣ,
31-го Августа 1759.

9.

A S-t Pétersbourg, ce 28 septembre 1759.

Je vous avais prié, mon neveu, de ne point charger aussi souvent de gros paquets les courriers de France, et je ne puis qu'être surpris du peu d'attention que vous y avez fait; puisque le dernier m'en a encore apporté trois de votre part. Quoique m-r l'ambassadeur ait la politesse de le permettre, vous devez vous apperçevoir du tort que vous avez d'en abuser, surtout pour m'envoyer des choses de si peu d'importance. Je vous recommande de vous en dispenser par la suite.

Comme vous êtes sur le point de quitter Paris, vous trouverez cy-jointes des lettres pour m-r le duc de Chaulnès et de Labersac et m-me la marquise de l'Hôpital, afin de les remercier des bontés qu'ils vous ont marquées pendant votre séjour en France. J'espère que les témoignages qu'ils rendront à votre conduite vous feront honneur et rempliront de satisfaction votre père et moi.

J'ai été très-flatté de ce que vous m'avez mandé de l'affection dont m-r le duc d'Ayen vous honore.

Я писалъ къ графу Михаилѣ Петровичу *), чтобъ, въ случаѣ отъѣзда вашего въ Гишпанію, онъ исходатайствовалъ въ пользу вашу рекомендательныя письма отъ Гишпанскаго посла и буде можно и отъ Французскаго министерства къ Гишпанскому двору, и я уповаю, что вы, во время пребы-

*) Бестужеву, нашему послу во Франціи, старшему брату сверженнаго канцлера.

ванія вашего въ Мадритѣ, постараетесь заслужить себѣ хорошее имя, а ихъ величества король и королева Гишпанскіе, въ бытность мою въ Неаполѣ, весьма ко мнѣ и Аннѣ Карловнѣ милостивы были. То я ласкаю себя, что по сему случаю и тебѣ окажутъ свое благоволеніе.

10.

Изъ приложеннаго при семъ подъ отверстою печатью письма моего къ министру его величества короля Гишпанскаго усмотрите вы пространнѣе, какимъ образомъ я васъ ему рекомендовалъ въ намѣреніи сдѣлать вамъ тамошнее пребываніе не токмо пріятнымъ, но и полезнымъ, и въ совершенной довѣренности, что вы всѣ силы устремите оправдать рекомендацію мою похвальными поступками и оказать себя съ пристойностію при такомъ дворѣ, гдѣ уже чрезъ толь долгое время ни одного нашего земляка не видали. Надобно вамъ сохранить честь Россійскаго дворянства и фамиліи вашей, которая того отъ васъ требовать право имѣетъ.

Но какъ я знать не могу, кто въ пріѣздъ вашъ будетъ въ Гишпаніи министромъ иностраннаго департамента, останется ли въ семъ качествѣ господинъ Валь, или не смѣнитъ ли его другой кто, то и сдѣланъ на письмѣ моемъ кувертъ безъ адреса, который вы, по прибытіи въ Мадритъ или прежде освѣдомясь въ Парижѣ, надлежащимъ образомъ надписать прикажите.

Въ С.-Петербургѣ,
8-го Октября 1759-го.

11.

A S-t Pétersbourg, ce 30 VIII-bre 1759.

Outre tout ce que vous m'avez écrit d'avantageux du s-r Favier, m-r l'ambassadeur de France me l'a fortement recommandé et s'est expliqué en termes très-distingués sur son mérite, ses talents et sa conduite. N'ayant point lieu à l'occuper auprès de moi pour ma correspondance particulière, je tâcherai à le faire entrer comme secrétaire au College des affaires étrangères, où l'on trouvera à l'employer utilement surtout pour la langue espagnole. Cette place donne le rang de capitaine, les gages sont entre deux à trois mille livres de France. Le s-r Favier sera chargé de quelques compositions et en même temps de traductions dans les différentes langues qu'il posséde. Au premier moment favorable j'aurai l'honneur d'en faire la très-humble proposition à Sa Majesté Impériale. Je vous conseille d'engager le s-r Favier à faire avec vous et à vos frais le voyage d'Espagne; je parlerai à mon frère pour qu'il y donne son consentement; vous en retirerez pendant ce temps de grands secours et vous pourrez ensuite revenir de compagnie à S-t Pétersbourg.

Considérez que l'Espagne est un champ où il faut moissonner de nouvelles qualités et de nouveaux éloges; j'y compte comme sur une chose que vous vous devez à vous-même et plus encore aux sentimens avec les quels je suis toujours etc.

12.

A S-t Pétersbourg, ce 10 X-bre 1759.

Je ne puis qu'approuver le dessein que vous avez d'aller à Lisbonne après votre séjour à Madrid: ce serait même un reproche à vous faire, si, étant si près, vous négligiez de voir cette ville, qui doit être à présent plus que jamais *) un sujet de curiosité pour un étranger. Dans les deux cours où vous allez, vos recommandations doivent vous donner un libre accès chez les personnes en place. C'est à vous, par une conduite prudente et mésurée, à leur inspirer pour vous de l'estime et de la confiance. Ces deux points une fois gagnés, il vous sera plus facile de réussir à connaître, outre les moeurs de ces deux peuples, les points principaux de leur systême politique. Appliquez-vous surtout à pénétrer de quel côté l'on est le plus incliné dans les conjonctures présentes. De toutes vos observations vous dresserez un plan exact et raisonné, dont vous ne me ferez part que lorsque vous serez sorti d'Espagne. Il faut bien éviter de vous rendre suspect. Voyez tous les objets en apparence d'un oeil indifférent, ne hazardez jamais votre sentiment, même sur les pratiques les plus simples; le pays est chatouilleux et demande la plus grande circonspection. M-r Favier vous sera d'un grand secours, et je vois avec bien du plaisir que vous avez prévenu en cela mon conseil.

---

*) Послѣ знаменитаго землетрясенія. Императрица Елисавета Петровна послала денегъ на вспоможеніе пострадавшимъ жителямъ Лиссабона. П. Б.

Ne m'écrivez dans vos lettres que des choses générales et réservez pour votre retour ici tout ce que vous trouverez digne de remarque.

13.

A S-t Pétersbourg, ce 12 X-bre 1759.

J'ai reçu une lettre de m-me la princesse d'Anhalt-Zerbst, où elle s'exprime sur votre compte d'une manière qui vous fait honneur; j'en ai été vraiment flatté, et j'ai cru en vous le faisant connaître, que ce sera un motif qui vous excitera à persévérer dans une conduite et dans des sentimens dont vous sentez vous-même tout le prix. Je suis très-sensible à la politesse que monsieur l'ambassadeur vous a fait de vous offrir sa maison *); si j'approuve les raisons qui vous ont dispensé de l'accepter, ce n'est que par l'espérance, qu'ailleurs vous vous attacherez aussi exactement à remplir vos devoirs. Je suis avec une véritable amitié, mon cher neveu, votre très-affectionné oncle

C. Mich. Woronzow.

*) По переѣздѣ изъ Версаля въ Парижъ. П. Б.

14.

Не хотѣлъ я оставить, чтобъ не напамятовать еще вамъ, сколько вы должны отечеству и роду, которой имѣетъ право требовать отъ васъ, чтобъ вы себѣ, а чрезъ себя и имени своему честь сдѣлали.

Сколько съ одной стороны письма дюка Шоазеля и Гишпанскаго посла, полезнымъ о васъ предупрежденіемъ, могутъ вамъ способствовать къ полученію съ знатнѣйшими особами толь труднаго безъ того знакомства: столько, да и больше еще, надобно вамъ, съ другой, стараться пріобрѣсти у оныхъ ласковость и почтеніе, дѣлая имъ въ такомъ намѣреніи почасту куръ, но оберегаясь при томъ, чтобъ излишнимъ внѣ времени учащеніемъ не быть инако въ тягость, не возвышая въ разговорахъ нравовъ, обычаевъ и обрядовъ своего или другихъ народовъ, съ униженіемъ того, межъ которымъ вы жить будете, и избѣгая всѣми мѣрами излишнихъ и напрасныхъ споровъ, отъ коихъ обыкновенно вражды и дѣйствительныя ссоры раждаются.

Но какъ графъ Михайла Петровичъ не далъ мнѣ знать, къ кому именно въ Мадритѣ изъ вельможъ и знатныхъ дамъ снабдилъ васъ письмами Гишпанскій посолъ, то я буду отъ васъ ожидать обстоятельнаго въ томъ увѣдомленія о именахъ и рангахъ ихъ, равно какъ и о пріемѣ вашемъ ихъ католицкими величествами, которымъ, буде можно и случай допуститъ, надобно при всякомъ ко двору съѣздѣ показываться. Не для того распространился я о сей матеріи, чтобъ не имѣлъ къ вамъ довѣренности, но единственно изъ истиннаго о благополучіи вашемъ попеченія: ибо, напротивъ того, полагаясь на ваше благоразуміе, я поручаю вамъ во время

пребыванія вашего въ Мадритѣ постараться развѣдать съ достовѣрностію о нижеслѣдующихъ тамошняго политическаго состоянія касающихся пунктахъ и, записывая все любопытное на память, сочинить объ ономъ по выѣздѣ изъ Гишпаніи обстоятельное на Россійскомъ или Французскомъ языкѣ описаніе, котораго присылкою вы много пріятности мнѣ учините.

Гишпанія, будучи, въ разсужденіи морскихъ и сухопутныхъ своихъ силъ, одна изъ знатнѣйшихъ державъ, можетъ въ Европейскомъ равновѣсіи великое участіе имѣть, почему и нужно уже весьма имѣть точное свѣдѣніе (поколику оное искусным и непримѣтнымъ образомъ получить можно) о системѣ сей монархіи, о намѣреніяхъ ея, буде какія приняты или вѣроятнымъ образомъ приняты быть могутъ по случаю настоящей между Франціею и Англіею въ новомъ свѣтѣ и на морѣ войны, и къ которой сторонѣ оная больше склонности являетъ; о добротѣ и числѣ Гишпанскаго флота и арміи, о преимуществахъ и недостаткахъ въ качествѣ морскихъ, пѣхотныхъ и конныхъ войскъ и артиллеріи, о искусствѣ адмираловъ и генераловъ и о всемъ, къ военному дѣлу принадлежащемъ, о чинимыхъ иногда вооруженіяхъ, о государственныхъ окладныхъ доходахъ и расходахъ и о сборѣ оныхъ, о получаемыхъ изъ Западной Индіи сокровищахъ, поколику кто въ оныхъ участвуетъ: корона, подданные и чужестранные народы, а особливо Англичаня, Голандцы и Французы; о состояніи королевскаго сокровища, и подлинно-ли (какъ по достовѣрнымъ извѣстіямъ гласится) якобы есть въ казнѣ толь великое множество миліоновъ наличныхъ денегъ; о купечествѣ внутри государства и внѣ онаго съ иностранными производимомъ, о манифактурахъ и отпускаемыхъ заграницу произращеніяхъ, о привозимыхъ изъ Аме-

рики и Восточной Индіи и въ другія земли отправляемыхъ товарахъ, да и о такихъ, въ коихъ взаимно Гишпанцы нужду имѣя отъ иностранныхъ получаютъ; о хожденіи монетъ въ сравненіи съ нашими деньгами, о вексельномъ курсѣ и на которыя мѣста онъ больше учрежденъ; о именахъ и качествахъ чужестранныхъ въ Мадритѣ министровъ, о почтеніи, въ какомъ который изъ нихъ при дворѣ находится, сколь великолѣпно живутъ; о порядкѣ производденія въ министерствѣ политическихъ дѣлъ, о кредитѣ и власти статскихъ секретарей, а особливо иностраннаго департамента, о жалованьѣ и доходахъ ихъ, о церемоніалѣ и состояніи двора и придворныхъ, словомъ о всемъ томъ, что̀ къ полезному знанію и любопытству служить можетъ.

Сверхъ всѣхъ сихъ многаго размышленія требующихъ обстоятельствъ, я желаю, чтобъ вы еще подъ рукою освѣдомилися, какую деньгами ссуду королева Гишпанская, дочь его Польскаго величества, учинила родителю своему въ нынѣшнемъ его бѣдственномъ состояніи, и чрезъ кого переводятся или переведены тѣ деньги.

Но всего больше заслуживаетъ примѣчаніе ваше, сколько бы Гишпанской дворъ склонности имѣлъ къ возстановленію съ Ея Императорскимъ Величествомъ доброй корреспонденціи и въ какомъ качествѣ и какую особу намѣренъ прислать сюда министромъ. Взаимно можетъ легко статься, что и васъ въ Мадритѣ иногда и отъ стороны министерства чрезъ третью руку или и безпосредственно спрашивать станутъ о здѣшнихъ по сему дѣлу склонностяхъ, въ которомъ случаѣ, извиняясь совершеннымъ невѣдѣніемъ, можете вы однакожъ смѣло увѣрять, что и Ея Императорское Величество не изволитъ оставить соотвѣтствовать съ своей сто-

роны отправленіемъ туда знатной фамиліи человѣка въ равномъ характерѣ *).

Вы чувствуете сами довольно, съ какою осторожностію въ собраніи всѣхъ сихъ подробныхъ извѣстій поступать должно. Не надлежитъ при томъ чрезъ мѣру спѣшить, дабы не привлечь предосудительнаго противъ себя подозрѣнія; но можно все исподволь безъ разглашенія и непримѣтнымъ въ разговорахъ образомъ чрезъ знающихъ людей, а наиболѣе способомъ чужестранныхъ министровъ, исправить.

Исправное и порядочное сочиненіе такого описанія будетъ вамъ не токмо въ забаву, но и къ пользѣ и подастъ конечно совершенное свидѣтельство, что вы времени напрасно не тратили и вамъ сдѣлаетъ много чести.

Въ С.-Петербургѣ. 11-го Генваря 1760 года.

15.

Поручаю вамъ комиссію, чтобы, вы въ бытность вашу въ Гишпаніи, прислали ко мнѣ моремъ изъ Барселоны, Кадикса или какого порта способнѣе будетъ, на пробу до двухъ сотъ бутылокъ Гишпанскихъ винъ, каждаго по полудюжинѣ бутылокъ, напримѣръ аликантоваго, малаги, порто и порто, секта, канарскаго, мадеры, разныхъ мускатовъ и другихъ лучшихъ сортовъ, также и ординарнаго столоваго вина, съ показаніемъ на каждой бутылкѣ во что онаго бочка, содержащая въ себѣ толикое число бутылокъ, на Голандскія деньги станетъ, дабы потомъ и въ небытность вашу чрезъ объявляемой вами каналъ тѣхъ винъ по усмотрѣнію нѣсколько выписать можно было.

*) Скоро и посланъ въ Испанію графъ П. А. Бутурлинъ, зять графа Р. А. Воронцова. П. Б.

16.

A S-t Pétersbourg, ce 14 février 1760.

J'ai la satisfaction de vous informer, mon très-cher neveu, de la faveur que l'Empereur vient de faire à votre père et à votre oncle, en leur conférant la dignité de comtes du S-t Empire Romain *). Nous y sommes tous d'autant plus sensibles, qu'il ne nous est pas possible d'y méconnaître l'effet de la continuation des gracieuses bontés de notre auguste Souveraine et qu'elle a daigné permettre à mes frères d'en jouir. Votre premier soin doit être d'aller faire part de cette nouvelle à l'ambassadeur de Vienne à Madrid et de lui exprimer les sentiments de votre juste reconnaissance et ceux de votre famille envers sa m. l'Empereur. Le compte qu'il sera en état d'en rendre à sa cour vous fera honneur, et cette démarche vous donnant en quelque sorte nne relation plus étroite avec m-r l'ambassadeur, vous frayera plus vite la route à sa confiance et à son estime. Son amitié et celle des autres ministres étrangers est, vous le savez, un des principaux points sur lesquels vous devez statuer, pour remplir les objets dont je vous ai chargé. Le nouvel éclat que votre famille vient de recevoir est héréditaire, et vous y participez. Il ne peut manquer d'accroître votre considération dans le pays où vous voyagez.

Послѣ письма вашего изъ Рошфорта я не получилъ болѣе никакихъ отъ васъ писемъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ пріятныхъ извѣстій.

---

*) Вѣнскій дворъ, зная про любовь къ Елисаветѣ Романовнѣ будущаго Русскаго императора, въ виду болѣзненныхъ припадковъ императрицы Елисаветы, облегчалъ себѣ дальнѣйшіе пути къ вліянію.

П. Б.

17.

Случившіеся здѣсь два примѣра съ барономъ Клозелемъ и шевалье де Наліакомъ, которые оба съ рекомендаціями вашими сюдà пріѣхали, доставляютъ мнѣ причину подать вамъ благонамѣренный совѣтъ, чтобъ вы впредъ осторожнѣе въ подобныхъ случаяхъ поступали.

Баронъ Клозель, пріѣхавши сюда минувшимъ лѣтомъ, сталъ скоро потомъ просить о опредѣленіи его въ здѣшнюю службу. Бывъ же въ чинѣ приміеръ-маіора принятъ (въ чемъ ему немало помогали привезенныя съ собою рекомендаціи) началъ онъ производить многія требованія. Чѣмъ нескладнѣе оныя были, тѣмъ меньше и могъ онъ по справедливости получить удовольствіе. Не смотря на то, скучилъ онъ вдругъ службою и, не вступя еще въ исправленіе должности своей, потребовалъ абшидъ, который ему и данъ, чѣмъ мы освободились, напослѣдокъ, отъ многихъ его докукъ; ибо онъ, какъ сказывалъ, обратно во Францію поѣхалъ, хотя, прежде того и по полученіи уже абшида, вторично службу свою волонтеромъ представлялъ.

Шевалье де-Наліакъ, не зная къ чему опредѣляется, пріѣхалъ сюда безъ всякаго основанія. Представленную ему должность не принимаетъ, а можетъ быть и не безъ причины, когда онъ совсѣмъ другую по учиненнымъ будто ему обѣщаніямъ получить надѣялся. Я думаю, что онъ равно-

мѣрно не умедлитъ съ неудовольствіемъ и негодованіемъ возвратиться во Францію.

Изъ сего описанія можете вы легко заключить, какія могутъ произойти несходства отъ даваемыхъ безъ разбору рекомендацій, которыя, сдѣлавъ человѣку тщетную надежду, приводятъ его иногда въ совершенное по домашнимъ его дѣламъ нестроеніе.

Въ С.-Петербургѣ.
24-го Марта 1760 года.

Мнѣ весьма пріятно было увѣдомиться, что его католическое величество милостивно напамятовать о мнѣ изволилъ и что г-нъ де Валь ласковость вамъ оказываетъ. Я буду ожидать отъ васъ обстоятельнаго увѣдомленія о поѣздкѣ вашей въ Португалію и въ Кадиксъ.

18.

Въ запасъ, ежели сіе мое письмо васъ въ Мадритѣ застанетъ, поручаю вамъ новую комиссію купить наилучшій лексиконъ или диксіонарій Гишпанской съ Латинскимъ, Французскимъ или Италіанскимъ языками, также грамматику и нѣсколько листовъ купферштиховъ или эстамповъ Мадритскаго печатанія, проспектовъ тамошнихъ городовъ, и оные, по возвращеніи вашемъ во Францію, вмѣстѣ ко мнѣ хотя моремъ прислать.

Ежели вы чрезъ Марсель поѣдете, то пожалуйте возмите нѣсколько образцовъ дѣланныхъ въономъ городѣ разныхъ атласовъ съ золотомъ и серебромъ на подобіе сирсака, означа мѣру и цѣну. Я помню, что въ бытность мою въ Марсели оные атласы весьма дешево продавались и великое множество готовыхъ на фабрикахъ было.

P. S. Въ Гишпаніи дѣлается наилучшій шоколатъ. Извольте для меня купить сто фунтовъ, да разнаго Гишпанскаго лучшаго табаку по два или по три фунта.

У насъ здѣсь еще на саняхъ ѣздятъ; такой долгой и жестокой зимы никто не помнитъ.

1760 Апрѣля 4 (15) дня,
въ Санктъ-Питербурхѣ.

19.

Мнѣ весьма пріятно было слышать, что вы пріѣхали въ Парижъ въ добромъ здоровьи и намѣрены, не упуская времени, сочинить журналъ путешествію вашему. Когда сей журналъ оконченъ будетъ, то можете вы, если оный на Русскомъ языкѣ, взять для переписанія чистою рукою кого нибудь изъ находящихся въ Парижѣ при нашемъ министрѣ канцелярскихъ служителей. А когда такой журналъ сочиненъ будетъ на Французскомъ языкѣ, то пріискать вамъ для списанія онаго на бѣло такого человѣка, который бы чисто и явственно писать умѣлъ и ему за труды нѣкоторую плату денегъ дать *). Что же касается до извиненія вашего по случаю данныхъ вами барону Клозелю и шевалье Нальяку рекомендательныхъ писемъ, то въ томъ можете вы остаться спокойны; токмо впредь пожалуйте воздержитесь и никому, кто бы таковъ ни былъ, рекомендательныхъ писемъ для опредѣленія здѣсь въ службу не давайте; ибо они могутъ по достоинствамъ своимъ и атестатамъ службы ихъ на учрежденныхъ здѣсь законахъ и безъ рекомендацій приняты быть; ибо искуство показало, что весьма мало путныхъ людей къ намъ пріѣзжаютъ, отъ которыхъ никакой пользы, а только рекомендателю и намъ въ тягость бываютъ.

1760 Іюля 18-го дня,
въ Царскомъ Селѣ.

---

*) Этотъ журналъ пребыванію графа А. Р. Воронцова въ Испаніи сохранился; онъ написанъ пофранцузски. П. Б.

20.

A Péterhoff, ce 4 VII-bre 1760.

J'ai reçu, mon cher neveu, votre lettre du 7 (18) du mois dernier; vous m'y marquez votre prochain départ pour la Hollande, où vous vous proposez d'attendre ma réponse sur le voyage que vous devez faire en Italie ou à Vienne. J'aurais été bien aise à la vérité que vous vous fussiez trouvé au mariage de l'archiduc; mais puisque mon frère s'éloigne d'y consentir, et en refléchissant d'une autre côté, qu'après la réception de ma lettre il vous restera difficillement le tems de vous y rendre, je pense qu'il vaut mieux que vous partiez tout de suite pour l'Italie. Et comme vous me marquez n'avoir point de lettres d'adresse à la cour de Turin, je trouve fort à propos que vous preniez celles de m-r de Staremberg. Je conviens que le voisinage doit vous donner bien des désirs de voir l'Angleterre; mais ce n'est point du tout mon sentiment que vous y alliez: j'aime mieux que vous passiez votre hyver en Italie, et de plus, nous sommes dans des circonstances où je prévois pour vous en Angleterre des désagréments qu'il est bon d'éviter. C'est peut-être la nation sur l'esprit de laquelle les affaires politiques influent le plus. Après la paix il vous restera assez de tems pour y faire un tour, et alors vous me trouverez le premier à seconder votre envie. Profitez de la belle saison pour commencer votre route; vous avez encore bien du chemin à faire; il faut prévenir les mauvais tems et allez-vous en garantir dans quelqu'une des belles villes de l'Italie.

21.

A S-t Pétersbourg, ce 29 VII-bre 1760.

J'approuve fort, mon cher neveu, la résolution que vous avez pris de vous trouver à Vienne pour les noces de l'archiduc; j'avais toujours penché pour ce voyage, et ce n'était qu'à regret que je vous mandais dans ma dernière lettre d'y renoncer. Je ne vous demande point la manière dont vous aurez paru dans toutes les fêtes qu'il y aura eu à la cour; je m'en repose absolument sur vos sentiments et sur l'attention que vous devez à votre naissance et à mon amitié pour vous; cependant, comme vous êtes intéressé à ne me le point laisser ignorer, j'attends de vous quelques détails et vous en chargerez m-r de Bacouninc. N'oubliez point pendant votre séjour de fréquenter la maison de m-r le c-te de Kaunitz, celles de m-rs de Kolloredo et de Kevenhuller et de m-me la comtesse d'Esterhazy; je leur suis à tous particulièrement connu excepté à m-me la comtesse d'Esterhasy, et je me tiens assuré des politesses que vous en recevrez. Je n'ai pas plus de doute sur l'estime que vous vous attacherez à leur donner pour vous et à laquelle vous savez que je prends tant de part. Vous verrez aussi souvent m-r le c-te de Kayserling et vous cultiverez son amitié.

22.

Мнѣ весьма пріятно было изъ письма вашего отъ 10-го прошлаго мѣсяца усмотрѣть, что вы, выѣхавъ изъ Парижа съ господиномъ Бакунинымъ, путь свой благополучно продолжаете. Я надѣюсь, что вы еще ко времени въ Вѣну пріѣхали и при тамошнихъ по случаю брака эрцъ-герцога торжествованіяхъ быть успѣли.

Что же касается до ѣдущаго сюда секретаря Фавіе, который опредѣленъ при здѣшнемъ посольствѣ на мѣсто г-на Деона, то здѣсь о томъ не было еще никакого извѣстія.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
10-го Октября 1760 года.

23.

Mon cher neveu.

Письмо ваше отъ 30 Сентября (11 Октября) я получилъ исправно; благодарствую вамъ за поданныя въ ономъ увѣдомленіи о бывшихъ въ Вѣнѣ торжествахъ по случаю брака эрцъ-герцога Іосифа. Я не оставилъ здѣсь засвидѣтельствовать мое чувствительное благодареніе Цесарскому послу за милостивый тебѣ пріемъ ихъ императорскихъ величествъ, также и являемую благосклонность графа Кауница, о чемъ безъ сумнѣнія графъ Эстергази своему двору о томъ доносилъ; и я уповаю, что вы разумнымъ и осторожнымъ своимъ поведеніемъ въ Вѣнѣ и вящую милость и апробацію отъ ихъ императорскихъ величествъ и отъ всей фамиліи,

также и отъ знатныхъ тамошнихъ персонъ, себѣ пріобрѣтете, чѣмъ себѣ самому и нашей фамиліи честь и славу доставите. А когда въ Италію поѣдете, то совѣтую вамъ отъ графа Кауница и Колоредо испросить рекомендательныя письма въ главные города къ тамошнимъ знатнымъ персонамъ, которыя будутъ вамъ служить ко многому удовольствію и почтенію, и вы съ своей стороны постараетесь соотвѣтствовать сей о васъ хорошей рекомендаціи и оную абюзировать или въ худо употреблять не будете.

При семъ посылаю къ вамъ горностаевой мѣхъ на платье, также на мелочные ваши расходы въ подарокъ 1000 гульденовъ. И я вамъ, какъ дядя и пріятель, совѣтую, сколько возможно, отъ излишнихъ расходовъ воздержаться и быть хорошимъ экономомъ; ибо большими издержками никого не удивите, да и нужды въ томъ никакой нѣтъ, хотя бы и въ состояніи были много депансировать: во всемъ надобно имѣть умѣренность и скромность.

При семъ посылаю экземпляръ печатный о взятіи Берлина.

1760.
Октября 24 дня.
Въ Санктъ-Питербурхѣ.

24.

A S-t Pétersbourg, ce 16 IX 1760.

Je profite, mon cher neveu, du départ d'un courrier français pour vous marquer que m-r de Kastalinsky est arrivé ici hier au soir et m'a remis votre lettre du 27 du mois passé. Ce m'est un vrai plaisir de voir que vous ayez lieu d'être satisfait de votre séjour à Vienne et des politesses que vous y avez reçues; ne les attribuez pas toutes, je vous prie, à ma recommandation, je suis plus content de penser que vous les avez méritées personnellement; je ferai ici mes remercîments à m-r l'ambassadeur d'Esterhazy, ainsi qu'au comte de Kayserling la première fois que j'aurai à lui écrire. Je crois qu'il ne faut donner aucune attention aux bruits dont vous me parlez: c'est un langage de peuple, de gens mal instruits et qui n'aiment et n'approuvent que ce qui est fait selon leur petite fantaisie. Vous m'avez envoyé le détail des fêtes du mariage de l'archiduc, et je vous en ai remercié en son tems. Bacounine ne sera ici que dans quelques jours; je l'attends avec impatience pour lire le journal dont vous l'avez chargé. Votre arrangement pour l'Italie me paraît fort bien entendu; je vous y souhaite autant de santé que d'agrément.

Je vous envoye un poème de Lomonossow qui paraît depuis peu. Ma lettre ne vous parviendra point par un courrier français, mais par celui de m-r le c-te d'Esterhazy; je joins ici une lettre de m-r le baron de Stroganow, où il vous marque qu'il a l'honneur d'être nommé pour aller féliciter de la part de S. M. I. leurs majestés impériales sur le mariage de monseigneur l'archiduc; mais il ne pourra guères arriver à Vienne avant le mois de février.

25.

Mon cher neveu.

Благодарствую за послѣднее ваше письмо отъ 29 Октября (8 Ноября) и за сообщенныя при томъ извѣстія, кои мнѣ пріятнѣе бы были, еслибъ до меня въ свое время дошли; но какъ оныя самыяжъ тѣ, которыя мы здѣсь давно имѣемъ, и вы можете напередъ знать, что къ намъ всегда заблаговременно отъ Вѣнскаго двора всякія извѣстія безъ замедленія сообщаются: то ваше не инако какъ старыми пріемлются и не могутъ такъ удовольствительны быть, какъ настоящая и въ свое время получаемая новость.

Сколько я къ вамъ съ увѣщаніемъ ни писалъ, чтобъ вы старались характеръ письма вашего поправить и такъ писать, чтобъ съ пріятностію, а не съ трудомъ, письма ваши читать можно было; но вы, не наблюдая сей мой для васъ собственно полезный совѣтъ, понынѣ продолжаете худо писать и не прилежите, какъ изъ почерка нынѣшняго вашего письма весьма примѣтно, порядочное и четкое письмо имѣть. Сіе меня крайне удивляетъ, и я по любви моей къ вамъ не могу оставить, чтобъ вновь о томъ не напоминать, дабы вы въ Вѣнѣ искуснаго человѣка пріискали и въ службу себѣ за секретаря приняли, который бы пофранцузски и понѣмецки умѣлъ хорошо сочинять и писать; а когда не хотите сами писать, то онъ можетъ съ концептовъ вашихъ на бѣло списывать, и вы себѣ многое облегченіе получите. Впрочемъ, я не сумнѣваюсь, чтобъ вы въ Вѣнѣ достойнаго къ тому человѣка найти не могли и который бы за умѣренную

цѣну къ вамъ въ службу не пошелъ, въ чемъ можетъ вамъ и его сіятельство графъ Кайзерлингъ способствовать. Я вамъ усильно рекомендую, пріискавъ хорошаго писца на помянутыхъ языкахъ, неотмѣнно принять, а о семъ я и брату графу Роману Ларіоновичу говорилъ, который со мною согласенъ. Вамъ стараться надлежитъ хорошо и явственно по-русски писать, ибо вы такъ худо пишете, что едва и съ великимъ трудомъ письмо ваше читать можно, чѣмъ я крайне недоволенъ.

Впрочемъ, надѣясь, что вы съ нынѣшняго времени конечно характеръ письма вашего поправите, и я не буду болѣе получать отъ васъ писемъ худаго и нечоткаго почерку, остаюсь

votre très-affectionné oncle

C. Mich. Woronzow.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
Ноября 17 дня
1760-го года.

26.

Благодарствую за присланное описаніе о Гишпанскомъ дворѣ и о владѣніяхъ онаго. Съ удовольствіемъ усматриваю я изъ онаго, что путешествія ваши не тщетны были. Я согласенъ съ учиненными отъ васъ о купечествѣ разсужденіями и похваляю являемое вами о пользѣ отечества доброжелательство. Повѣрьте мнѣ, что я и братъ мой всячески стараемся, дабы вы по склонности вашей къ дѣламъ опредѣлены были. Будучи оная съ намѣреніями моими совершенно согласна, можете ли вы сомнѣваться о успѣхѣ, когда оный только отъ меня зависѣть будетъ? Весьма пріятно мнѣ слышать, что вы господиномъ графомъ Кайзерлингомъ до-

вольны; пользуйтесь его наставленіями и продолжайте оправдать принятое о васъ хорошее мнѣніе.

По написаніи сего дошло ко мнѣ и другое письмо ваше отъ 29-го Октября. Много пріятности сдѣлали вы мнѣ присылкою исторіи государя императора Петра Великаго и разсужденій о Французской военной службѣ; ни объ одномъ, ни о другомъ не могу я еще ничего вамъ сказать; а доволенъ между тѣмъ весьма атенціею вашею въ сообщеніи мнѣ оныхъ.

Если сіе письмо застанетъ васъ въ Вѣнѣ, пожалуйте постарайтесь достать копію съ данной королемъ Прускимъ генераламъ его при началѣ сей войны инструкціи. Съ подлинностію извѣстно здѣсь, что оная въ Вѣнѣ давно уже есть.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
Декабря 1-го дня
1760-го года.

27.

Mon cher neveu.

На полученное отъ васъ съ послѣднею почтою письмо отъ 10 (17) Ноября отвѣтствую чрезъ сіе. Съ удовольствіемъ вижу я, что вы дружбу и любовь мою къ вамъ столько уважаете, сколько искренность оныхъ и требовать того можетъ. Пріятно мнѣ еще новое увѣреніе ваше слѣдовать во всемъ совѣтамъ моимъ. Признавайте ихъ за слѣдствіе доброжелательныхъ моихъ мнѣній, которыя никогда не отмѣнятся.

При началѣ путешествія вашего въ Италію повторяю я, но безъ всякой къ вамъ недовѣренности, благонамѣренный мой совѣтъ употреблять время ничѣмъ инако не награждаемое въ пользу, обращая примѣчаніе ваше на все что̀ не одного любопытства, но и того достойно, что̀ послѣ къ славѣ

и службѣ отечества служить можетъ. Чѣмъ достойнѣе сей предметъ всего старанія, всего, что̀ только въ нашей возможности, тѣмъ больше и будете вы, надѣюсь я, поставлять достиженіе онаго главнымъ поступковъ вашихъ правиломъ.

Ѳедоръ Павловичъ Веселовской находится здѣсь въ совершенномъ здоровьѣ. Я показывалъ ему присланное отъ васъ брата его письмо, по поводу котораго и можете вы вышеписанное въ отвѣтѣ вашемъ написать.

Сіе письмо мнѣ поводъ подаетъ вамъ совѣтовать, чтобъ вы гораздо воздержались отъ корреспонденціи съ тѣми персонами, съ которыми вы въ проѣздѣ вашемъ въ тѣхъ краяхъ знакомства свели; ибо я усматриваю, что вы къ тому многую охоту и склонность являете, а по добросердечію вашему и по новости иногда можете впасть въ какую-либо ошибку, которая вамъ со временемъ можетъ нѣкоторое сверхъ ожиданія предосужденіе нанести; къ тому же оная переписка не ко времени и кромѣ излишняго труда почти никакой пользы принести не можетъ, чего ради повторяю вамъ о семъ дѣлѣ крайнюю осторожность имѣть и въ своей памяти содержать.

Присланное отъ васъ письмо г. Веселовскаго при семъ къ вамъ возвращаю, а Ѳедоръ Павловичъ сегодня въ Москву отъѣзжаетъ, будучи опредѣленъ кураторомъ въ Московской Универзитетъ (sic) и находится въ добромъ здоровьѣ; я думаю, что онъ при спокойномъ житьѣ въ Москвѣ (несравненно лучше предъ здѣшнимъ) можетъ сохранить свое здоровье на долгое время, котораго ему имѣть я искренно желаю.

Въ Санктпетербургѣ,
9 Декабря 1760.

28.

Письмо ваше отъ 22-го минувшаго Декабря получилъ я исправно. Напрасно безпокоитесь вы напоминаніемъ моимъ о поправленіи вашего почерка: не требую я невозможнаго, но только чтобъ письма ваши безъ труда читать можно было. Я вижу съ удовольствіемъ прилагаемое вами въ томъ стараніе, которое служитъ мнѣ опытомъ послушанія вашего къ совѣтамъ моимъ. Вѣрьте, что не въ сей бездѣлицѣ, но во всѣхъ другихъ существительныхъ случаяхъ будутъ оные простираться къ истинной вашей пользѣ. Руководствуютъ меня въ томъ дружба и любовь, которыя вы всячески и заслуживаете.

Я буду ожидать отъ васъ увѣдомленія о всемъ, что̀ вы въ путешествіи вашемъ по разнымъ Италіянскимъ владѣніямъ примѣчанія достойнаго усмотрите.

Прежнее ваше поведеніе обнадеживаетъ меня, что не одно любопытство будетъ намѣреніемъ вашимъ, но паче, что вы устремитесь собирать и употреблять себѣ въ пользу все что̀ потомъ къ общей служить можетъ.

Александръ Сергчевичъ и Анна Михайловна отправляются сегодня въ путь *).

Въ Санктпетербургѣ,
23-го Генваря 1761-го.

*) Баронъ и баронесса Строгановы (зять и дочь графа М. Л. Воронцова).

29.

A S-t Pétersbourg, ce 25 janvier 1761.

Il m'est arrivé, mon cher neveu, par la dernière poste une lettre que je n'ai fait nulle difficulté d'ouvrir croyant qu'elle m'appartenait, mais que j'ai reconnu en la lisant devoir être pour vous. Je vous l'envoye à Venise, où je vous suppose encore.

30.

Mon cher neveu.

Какъ я давно уже къ вамъ не писалъ, то, хотя и нечего отвѣтствовать на письмо ваше отъ 26-го минувшаго Марта, однакожъ не хотѣлъ оставить васъ безъ увѣдомленія о исправномъ онаго полученіи. Радуясь, что вы столько имѣли причины полюбить Римъ, гдѣ, напротивъ того, не сумнѣваюсь я, оставили и вы по себѣ хорошее имя; а впрочемъ благодарствую за извѣстіе о данномъ отъ папы Малтійскому ордену позволеніи брать въ случаѣ нужды изъ арсеналовъ его военные припасы.

Въ Санктпетербургѣ.
4-го Маія 1761-го года.

31.

Я за нужно нахожу вамъ подать мой искренной совѣтъ, чтобъ вы (при порученной нынѣ вамъ толь важной и для васъ навсегда славной должности) постарались коммиссію вашу отличнымъ образомъ исправить, къ чему потребно, чтобъ вы весьма прилежно учащали посѣщенія графа Кауница и отъ него испрашивали повелѣнія и наставленія, касающіяся до дѣлъ и интересовъ обоихъ императорскихъ дворовъ, въ разсужденіи воинскихъ обращеній и мирныхъ негоціацій въ Лондонѣ, Парижѣ и Аугсбургѣ, и все, что онъ вамъ сказывать будетъ, памятно выслушивать и порядочно описывать разговоръ вашъ съ нимъ, въ реляціяхъ, отнюдь ничего отъ себя не прибавливая, развѣ токмо вашего разсужденія, которое однакожъ должно на справедливыхъ и разумныхъ рефлексіяхъ основано быть, а инако вы себя компрометируете критикѣ и выговорамъ отсюда. Впрочемъ имѣете при свиданіи вашемъ съ графомъ Кауницомъ и Колоредо и прочими министры особливо наблюдать сіе, чтобъ представленія и вопросы ваши о дѣлахъ отнюдь не имѣли вида, что вы изъ большаго любопытства или изъ лишней ревности или искушенія какого говорите, или отъ нихъ вѣдать хотите, но что изъ единаго усердія и по должности возложеннаго на васъ характера повѣреннаго отъ Ея Императорскаго Величества въ дѣлахъ вы къ симъ министрамъ адресуетесь, для точнаго свѣдѣнія вышеписанныхъ дѣлъ и обстоятельнаго донесенія Ея Величеству. И все, что они вамъ говорить будутъ, отнюдь въ Вѣнѣ никому не пересказывать, но только въ реляціяхъ порядочно описывать. И такимъ образомъ я уповаю, когда сіи министры усмотрятъ, что вы

все то въ добромъ намѣреніи, учтиво и разумно представляете, конечно не оставятъ вамъ подать многаго свѣту въ дѣлахъ и откровенно къ вамъ изъясняться станутъ. Равномѣрнымъ же образомъ вамъ надлежитъ поступать и съ прочими союзными министры, а именно съ Французскимъ, Саксонскимъ и Шведскимъ, и ихъ къ вамъ отзывы, точно памятуя, сюда доносить. Токмо повторяю вамъ имѣть крѣпкую и разумную осторожность въ томъ, чтобъ чрезъ вопросы ваши отнюдь вида не было излишней любопытности, дабы вы въ какое-либо пренебреженіе чрезъ то впасть не могли; и надлежитъ вамъ въ словахъ и дѣлахъ быть весьма дискретну и пріобрѣсть себѣ не наружную токмо похвалу, но существенную довѣренность и почтеніе.

Реляціи ваши писать не пространнымъ слогомъ, но кратко и точно описывать дѣла, происшествія, разговоры ваши съ министерствомъ и ихъ отвѣты и какія потому могутъ заключенія сдѣланы быть; а ежели вы сему правилу послѣдовать не будете, то вы едва-ли когда въ дѣлахъ съ пользою и славою употреблены быть можете. При реляціяхъ вашихъ присылайте копіи съ случающихся какихъ-либо важныхъ писемъ на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкахъ, къ чему можете употреблять своего собственнаго секретаря, и при концептахъ вашихъ реляцій такіе же отпуски порядочно содержать, и письма къ вамъ приходящія и съ отсылаемыхъ отъ васъ отпуски содержать въ порядкѣ, дабы, по пріѣздѣ въ Вѣну посла, вы могли ему всю корреспонденцію вашу въ чистотѣ и порядкѣ предъявить.

Я надѣюсь, что вы уже при себѣ надежнаго и ученаго секретаря имѣете; а ежели бы паче чаянія еще не было, то вы можете, достойнаго человѣка пріискавъ, взять въ свою службу, который бы въ состояніи былъ на Французскомъ и

Нѣмецкомъ языкахъ корреспонденцію вести, и вамъ надлежитъ въ перепискахъ съ нашими министры быть исправну и акуратну, а сюда реляціи съ куріерами и на каждой почтѣ непремѣнно присылать. Французскіе министры часто куріеровъ изъ Вѣны чрезъ Варшаву сюда присылаютъ; вы можете пользоваться ихъ отправленіями, также навѣдываться въ домѣ у графа Кауница, когда отъ него будутъ сюда куріеры отправлены, чтобъ вамъ знать давали, и вы оными случаями должны пользоваться. А отсюда вы не будете оставлены по случающимся дѣламъ наставленіями; только отъ меня частыхъ писемъ не ожидайте, потому что я столь много упражненъ, что ни малѣйшаго свободнаго для себя времени не имѣю; но, какъ выше упомянуто, отсюда изъ Коллегіи наставлены будете, а особливо по реляціямъ вашимъ отвѣтами и резолюціями снабдены будете.

По возложенной нынѣ на васъ должности можно бы было васъ нѣкоторою денежною дачею наградить; но какъ сія должность на краткое время вамъ поручена, то старайтесь только къ благоугодности Ея Императорскаго Величества исполнить и потомъ можете отъ щедроты ея ожидать себѣ награжденія.

1761.
Іюня 6 дня.
Въ С.-Петербурхѣ.

32.

A S-t Pétersbourg, ce 10 juin 1761.

Depuis que j'ai connu votre goût pour les affaires, je me suis toujours proposé de vous y faire entrer, et je n'en ai point laissé échapper la première occasion qui s'est offerte. Vous êtes informé actuellement de votre nomination à Vienne et devez être tranquillisé sur les inquiétudes que vous m'avez confiées dans votre lettre du 23 d'avril. Quoique ce prémier employ ne soit pas très-relevé et qu'il sera de peu de durée, cependant l'attention que vous y apporterez, en augmentant mon estime pour vous, me mettra en état de vous procurer quelque chose de mieux. Si on prévoit que le congrès soit long, il se pourra que vous y soyez employé, comme vous le désirez, auprès de m-r le comte de Kayserling; mais dans ce cas vous ne pourriez paraître sous d'autre titre que de cavalier d'ambassade.

33.

Радуясь, что вы чувствуете оказанную вамъ отъ всемилостивѣйшей Государыни милость быть повѣреннымъ въ дѣлахъ Ея И. В. при Вѣнскомъ дворѣ, совершенно надѣюсь, что вы съ достоинствомъ и апробаціею сію должность исправлять потщитесь. Что же касается до корреспонденціи съ нашими министры и фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ, о томъ къ вамъ циркулярными рескриптами писано, и уповаю, что каждый по востребованію обстоятельствъ съ вами переписку имѣть будетъ. А вы съ вашей стороны князю Голицыну въ Лондонъ и къ фельдмаршалу Бутурлину почасту пишите, въ чемъ и они соотвѣтствовать не оставитъ.

Я надѣюсь, что до полученія сего письма задолго князь Мещерскій къ вамъ пріѣхалъ съ посланнымъ отъ брата графа Романа Ларіоновича для письменныхъ дѣлъ надежнымъ человѣкомъ. Въ семъ случаѣ пребываніе при васъ переводчика Суровцова совсѣмъ излишно, и онъ съ Александромъ Сергѣевичемъ уже отъѣхалъ; а ежели паче чаянія вы при себѣ его оставили, то извольте его при первомъ случаѣ съ какимъ-либо важнымъ дѣломъ куріеромъ сюда отправить, давъ ему на дорогу потребныя деньги и прислать въ Коллегію ассигнацію на оную сумму, которая изъ казны заплочена будетъ. Впрочемъ мнѣ пріятно было увѣдомиться, что его сіятельство графъ Кайзерлингъ принялъ благосклонное въ васъ участіе; въ приложенномъ при семъ письмѣ я

пишу ему мое благодареніе, и вы оное къ нему въ Аугсбургъ отошлите.

P. S. Графъ Мерси на будущей недѣлѣ въ городъ ожидается.

1761, Іюля 6-го дня,
въ Пѣтергофѣ.

34.

Довольствуюсь я объявить на желаніе ваше о церкви, что по краткости времени, которое пробудете вы при Вѣнскомъ дворѣ въ управленіи дѣлъ, ни нужды, ни способности нѣтъ имѣть вамъ особливую; напротивъ чего, еслибы представленныя отъ васъ причины и далѣе неотмѣнно настояли, можетъ впредъ князь Дмитрій Михайловичъ, по усмотрѣнію своему, сдѣлать пристойное представленіе, по которому онъ конечно и будетъ удовольствованъ.

Гвардіи капитанъ, г. Черневичъ, котораго вы теперь персонально знаете, просилъ меня рекомендовать вамъ, дабы вы, въ прошеніяхъ его при Вѣнскомъ дворѣ, оказывали ему вспоможеніе. Я знаю, что, и независимо отъ всякаго напоминанія, вы собою склонны будете служить честному человѣку, а ему тѣмъ больше, что онъ изъ особливаго побужденія вступилъ охотою въ здѣшнюю службу и намѣренъ переселиться въ Россію.

Въ Петергофѣ,
17-го Іюля 1761 года.

35.

По поводу писаннаго изъ Трансильваніи къ маіору Михайловичу письма, я сожалѣю, что единовѣрнымъ нашимъ чинится тамъ такое утѣсненіе; но вы сами можете знать, что въ подобныхъ случаяхъ не можно опять и утверждаться вовсе на жалобахъ тѣхъ, которые страждутъ за исповѣданіе свое. Обыкновенно увеличиваются объекты, и изъ ничего выводятъ иногда горы. Надобно потому въ дѣлахъ сего рода быть весьма осторожну, не пренебрегая ихъ однако безъ разсмотрѣнія. Здѣшній дворъ употреблялъ всегда охотно стараніе свое, которое конечно будетъ при случаѣ возобновлено въ отвращеніе всякихъ гоненій.

Что касается до желанія вашего быть на конгрессѣ, по пріѣздѣ въ Вѣну князя Дмитрія Михайловича, съ тѣмъ согласенъ я весьма, и вы можете увѣрены быть, что не за мною станетъ, еслибы паче чаянія ожиданіе ваше тщетно было.

Во время нынѣ порученной вамъ должности, безъ сумнѣнія, по производимой съ разными мѣстами великой корреспонденціи, отправленіемъ стафетъ и за полученіе съ почты писемъ и посылку оныхъ, неминуемо почтовые расходы и платежъ за письма немало вамъ коштовать имѣютъ; а какъ вы безъ всякаго жалованья донынѣ опредѣлены, то я совѣтую вамъ симъ расходамъ содержать исправную записку, и можете изъ почтоваго амта потребовать счетъ, сколько за приходящія къ вамъ и отъ васъ отправляемыя письма вамъ заплатить должно, и оный счетъ при канцелярской цидулѣ

въ Коллегію прислать съ прошеніемъ вашимъ, чтобъ сіи деньги вамъ возвращены были, которыя по справедливости и заплочены быть должны.

Въ Петергофѣ,
17-го Іюля 1761 года.

36.

A S-t Pétersbourg, ce 18 août 1761.

Un courrier autrichien m'a apporté, mon cher neveu, votre lettre du 5 (16) de ce mois; j'y ai remarqué avec bien du plaisir l'impression qu'a fait à la cour où vous êtes la nouvelle du passage de l'Oder par l'armée de Sa Majesté Impériale et de sa jonction avec celle du baron de Laudon. Les deux ambassadeurs m'en ont témoigné ici leur joye, et nous sommes à présent dans l'attente des plus grands évènements. Vous ne manquerez pas de marquer à m-r le c-te de Kaunitz en retour avec quelle satisfaction nous avons de notre côté appris cet heureux commencement de nos opérations et vous vous étendrez à cette occasion sur la sincérité et la fermeté avec laquelle Sa Majesté a toujours été intentionnée d'agir dans cette guerre et de seconder les efforts de ses alliées. J'approuve fort le parti que vous avez pris de donner aussitôt avis de cette nouvelle à m-r le prince de Galitzine. Les évènements militaires vont désormais décider du succès des négociations, et vous ne pouvez dans votre partie apporter trop d'exactitude à ce qu'on en soit promptement et positivement informé, surtout à Londres et à Augsbourg.

37.

Вчера получили мы изъ арміи вдругъ штафету и куріера съ депешами отъ 5-го и 9-го чиселъ сего мѣсяца. Содержаніе послѣднихъ не столь пріятно, какъ мы ожидали на первыхъ извѣстіяхъ о взаимномъ сближеніи обѣихъ императорскихъ армій; ибо баронъ Лаудонъ, при всей своей готовости, принужденъ былъ нечаянными короля Прускаго движеніями отступить отъ Ауера, гдѣ было назначено мѣсто къ дѣйствительному соединенію. Сія внезапная перемѣна не столь бы много значила, еслибы наша армія имѣла запасные магазины; но вы знаете, что фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ не прежде перешелъ чрезъ рѣку Одеръ, какъ по многократныхъ, и сильнѣйшихъ обнадеживаніяхъ барона Лаудона, что будетъ онъ изъ своихъ магазиновъ снабдѣвать его армію провіантомъ, коль скоро сдѣлаетъ она отъ Одера два марша впередъ; напротивъ чего, не могло сіе обѣщаніе исполнено быть и по трехъ маршахъ, а особливо въ такое время, когда обѣ арміи сближились на одну милю. Почему остается мало надежды, чтобъ графу Бутурлину, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, можно было держаться далѣе въ настоящемъ его положеніи. Я пишу сіе къ вамъ не для того, чтобъ извѣстія наши могли въ Вѣнѣ служить за новость; но для того, чтобъ по востребованію обстоятельствъ и на случай нужды были вы заранѣе въ состояніи изъясненіемъ дѣла въ самомъ существѣ доказывать по пристойности, что не за нами стало, буде бы паче чаянія и нынѣшняя кампанія не произвела тѣхъ слѣдствій, которыхъ оба императорскіе двора отъ толь многочисленныхъ армій

справедливо ожидать могли. Не вступая въ разборъ причинъ, довольствуюсь я сослаться на приложенную при семъ въ копіи піесу, которою показано нѣсколько обоимъ посламъ здѣшнее опасеніе. Какъ бы ни было, не сумнѣваюсь я однако, что и въ такомъ случаѣ, когда бы армія наша, по недостатку въ пропитаніи, принуждена была изъ крайности возвратиться на сію сторону рѣки Одера, употребитъ командующій ею фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ, простирая дѣйствія свои внизъ, всевозможное стараніе сдѣлать непріятелю чувствительную диверсію и по крайней мѣрѣ раздѣлять его силы.

Въ С.-Петербургѣ,
21-го Августа 1761 года.

38.

Вамъ извѣстно уже, что предъ нѣкоторымъ временемъ пріѣхалъ сюда на поклоненіе Ея Императорскому Величеству Грузинскій владѣтель Теймуразъ Николаевичъ. Въ похвалу ему можно справедливо сказать, что онъ, кромѣ наружности, ничего въ себѣ Азіятскаго не имѣетъ. Я велѣлъ списать и послѣ вырѣзать при Академіи портретъ его, котораго прилагаю при семъ для любопытства одинъ экземпляръ.

Въ С.-Петербургѣ,
27-го Августа 1761 года.

39.

Сердечно радуюсь я, что вы толь хорошо исполнили данный вамъ по Голстинскимъ дѣламъ рескриптъ. Готовость, которую оказалъ вамъ г-нъ графъ Кауницъ къ поспѣшествованію нашихъ видовъ, соотвѣтствуетъ весьма тѣсному обоихъ императорскихъ дворовъ союзу. Я не сумнѣваюсь, что чинимыя Датскому двору чрезъ графа Дитрихстейна представленія много пользовать будутъ къ отвращенію онаго отъ крайности, тѣмъ больше, что по послѣднимъ барона Корфа доношеніямъ тамошнее министерство, кажется, начинаетъ уже сожалѣть о горячемъ своемъ поступкѣ.

Завтра по утру отъѣзжаетъ отсюда бывшій здѣсь чрезъ восемь лѣтъ посолъ графъ Эстергазій. Разумнымъ и похвальнымъ своимъ поведеніемъ пріобрѣлъ онъ себѣ высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и почтеніе всего двора. Я партикулярно сожалѣю весьма о потерѣ сего министра, съ которымъ не только не трудно, но и пріятно было мнѣ имѣть дѣло, въ разсужденіи истиннаго его къ пользѣ обоихъ императорскихъ дворовъ усердія. Кромѣ обыкновеннаго подарка 16 т. рублевъ, изволила Ея Императорское Величество изъ особливой милости пожаловать графу Эстергазію перстень и табакерку съ портретомъ своимъ, да два мѣха собольихъ и два горностаевыхъ. Зная теперь здѣшнія о немъ мнѣнія, можете вы при случаѣ засвидѣтельствовать статскому канцлеру, сколь много помянутый посолъ при дворѣ любимъ и почитаемъ, а отъ Ея

Императорскаго Величества жалуемъ былъ. Я надѣюсь впрочемъ, что г-нъ графъ Мерси, котораго откровенными и изрядными по сю пору поступками я довольно похвалиться не могу, наградить потерю нашу.

Въ С.-Петербургѣ,
28-го Августа 1761 года.

40.

Mon très-cher neveu.

Для извѣстія вашего и для употребленія при случаѣ отзывовъ съ министерствомъ Вѣнскимъ увѣдомляю, что всемилостивѣйшая наша Государыня, въ знакъ высочайшаго своего удовольствія, сколь много похвальнымъ и разумнымъ поведеніемъ бывшаго при ея дворѣ Цесарскаго посла графа Эстергази довольна быть изволитъ, пожаловала ему сверхъ обыкновеннаго посольскаго подарка 16 тысячъ рублевъ, табакерку съ бриліантами съ портретомъ своимъ, перстень съ однимъ большимъ камнемъ бриліантовымъ, мѣхъ соболій лучшій и одинъ гарнитуръ на платье изъ хвостовъ собольихъ, да два мѣха горностаевыхъ; для графини его супруги одинъ мѣхъ соболій немалой цѣны, что̀ все до 40 тыс. рублевъ считать можно. Подполковнику Кемпелю табакерку съ бриліантами. Вы, о семъ зная, не для хвастовства, но токмо для увѣдомленія тамошняго двора, говорить можете, сколь много здѣсь любимъ и почитаемъ былъ графъ Эстергази и что Ея Императорское Величество и всѣ генерально объ отъѣздѣ его сожалѣемъ. Вы не оставите о семъ безъ всякой афектаціи Вѣнскому министерству (и буде бы случилось, что и их императорскія величества съ вами о

графѣ Эстергази говорить изволили) сказать, что онъ своимъ достоинствомъ и весьма разумнымъ поведеніемъ отличную милость Ея Императорскаго Величества къ себѣ имѣлъ и отъ всего двора почитаемъ былъ; а я къ нему особливую довѣренность имѣлъ и его откровенностію, дружбою и честнымъ поведеніемъ весьма доволенъ былъ. Я тебѣ совѣтую, по пріѣздѣ его въ Вѣну, имѣть къ нему всякую атенцію и стараться пріобрѣсти довѣренность его и требовать отъ него въ поведеніи твоемъ совѣту и наставленій, которыя онъ по дружбѣ своей ко мнѣ конечно не оставитъ тебѣ при всякомъ случаѣ оказывать чистосердечно, въ чемъ я совершенно увѣренъ пребываю, и ты, мой другъ, получишь отъ него по дѣламъ многое свѣдѣніе и въ поведеніи твоемъ искреннія наставленія, по которымъ непремѣнно и поступать имѣешь; а ко мнѣ отъ времени до времени обстоятельно пиши.

По полученіи сего письма съѣзди къ графинѣ Эстергази съ визитою и о вышеписанномъ приличный ей комплиментъ учини, и отъ меня, Анны Карловны и Анны Михайловны, при засвидѣтельствованіи нашего почтенія, объяви, что какъ мы здѣсь объ отъѣздѣ ея супруга много сожалѣемъ, такъ и радуемся, что она будетъ имѣть удовольство его увидѣть вскорѣ въ добромъ здоровьи.

P. S. Завтра поутру графъ Эстергази отсюда отъѣзжаетъ; при прощаніи съ нимъ отецъ вашъ обще со мною рекомендовали мы ему васъ, и онъ обѣщалъ намъ какъ ближній родственникъ поступать съ вами.

1761 Августа 28-го дня,
въ С.-Петербурхѣ.

41.

A S-t Pétersbourg, ce 3 VIII-bre 1761.

L'Imperatrice ayant été sensible à l'attention polie que le roi de Naples et de Sicile a eu de lui envoyer les deux tomes des Antiquités d'Ercolan, se fait un plaisir d'y répondre de son côté en envoyant à sa majesté Sicilienne un recueil de différentes vues de cette capitale, des châteaux de plaisance qui sont dans les environs, et autres pièces. Vous les remettrez, monsieur, à monsieur le duc de S-te Élisabeth, pour qu'il veuille bien les faire parvenir à sa cour.

*

Liste des livres envoyés de la part de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies à sa majesté Sicilienne:

reliés en rouge.
1. Plan de la ville de S-t Pétersbourg.
2. Atlas de Russie.
3. Description du couronnement de Sa Majesté Impériale.
4. Portraits de la Famille Impériale.

42.

Mon cher. neveu.

Пользуясь отправленіемъ курьера къ графу Захару Григорьевичу и надѣясь, что сіе письмо вѣрно дойдетъ къ вамъ чрезъ онаго, имѣю я удовольствіе увѣдомить васъ, по любви моей, предварительно и въ откровенности, что Ея Императорское Величество, будучи поведеніемъ вашимъ и службою при Вѣнскомъ дворѣ совершенно довольна, изволила пожаловать васъ канцеляріи совѣтникомъ и опредѣлить въ качествѣ чрезвычайнаго посланника къ Генеральнымъ Статамъ Соединенныхъ Провинцій, на мѣсто тайнаго совѣтника Гроса; который будетъ переведенъ въ Лондонъ, а князь Голицынъ сюда отозванъ для употребленія въ министерствѣ. Зная мои къ вамъ мнѣнія, можете вы судить, сколько я обрадованъ милостію къ вамъ Ея Императорскаго Величества; но надѣюсь, напротивъ того, что вы съ вашей стороны никогда и ничего не упустите, чтобъ онную по возможности заслужить.

Въ С.-Петербургѣ,
5-го Октября 1761 года.

43.

Mon cher neveu.

Предоставляя съ отъѣзжающимъ завтра или послѣ завтра Цесарскимъ курьеромъ отвѣтствовать подробно на всѣ ваши письма, полученныя по сю пору съ начала болѣзни моей, а теперь прося васъ вложенный при семъ пакетъ съ рескриптомъ къ послу графу Чернышову какъ можно скорѣе отправить въ Парижъ (буде бы не прилучилось къ тому времени Цесарскаго куріера на стафетѣ) чрезъ банкира вашего къ кореспонденту его въ Страсбургъ, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній отъ себя уже доставилъ оный далѣе съ нарочнымъ человѣкомъ или по почтѣ, довольствуюсь я коротко васъ увѣдомить, что 30-го числа минувшаго мѣсяца, на бывшемъ тогда при дворѣ куртагѣ, маркиза д'Алмодовара, жена Гишпанскаго министра, отреклась при первомъ ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ представленіи поцѣловать у ея высочества руку, хотя установленное въ томъ обыкновеніе всегда безъ изъятія и прекословія наблюдаемо и исполняемо было отъ женъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ, какъ прежде здѣсь бывшихъ, такъ и нынѣ дѣйствительно находящихся. Марки д'Алмодоваръ предъявилъ мнѣ послѣ въ оправданіе свое, что онъ не могъ инако поступить, имѣя отъ короля своего государя точное повелѣніе слѣдовать во всемъ до церемоніи касающемся примѣру и совѣту Французскаго министра барона Бретеля, который ему именно сказалъ, что хотя сначала и цѣловали онъ и жена его руку у ихъ императорскихъ высочествъ, но

послѣ получилъ въ томъ королевское запрещеніе. Почему здѣсь принуждено было, для сохраненія этикета въ силѣ, поступить на словесное объявленіе маркизу д'Алмодовару и барону Бретелю, которое имъ, какъ вы изъ приложенныхъ при семъ копій обстоятельнѣе усмотрите, 7-го числа сего мѣсяца отъ церемоніймейстерскихъ дѣлъ и учинено, что отнынѣ впредъ, если жены ихъ не станутъ цѣловать руки государыни великой княгини, не будутъ онѣ взаимно приглашаемы къ бывающимъ при дворѣ собраніямъ, вслѣдствіе чего третьяго дни ни одна, ни другая на куртагъ не пріѣхали. О семъ происшествіи для того увѣдомляю я васъ, чтобъ вы заблаговременно въ состояніи были отвѣтствовать надлежащимъ образомъ, ежели бы надворный канцлеръ графъ Кауницъ или Французскій посолъ марки Дю-Шателе стали къ вамъ объ ономъ отзываться. Впрочемъ сія вынужденная резолюція не можетъ конечно произвести никакой между дворами остуды, потому что независимо отъ оной доброе ихъ согласіе пребудетъ по прежнему.

Въ С.-Петербургѣ,
9-го Октября 1761.

44.

Mon cher nevou.

Во время болѣзни моей получилъ я изъ писемъ вашихъ, начиная съ № 26 по № 41 включительно, за которыя и многія въ оныхъ увѣдомленія весьма вамъ благодарствую.

О состояніи военныхъ дѣлъ и о возможныхъ еще въ нынѣшнюю осень предпріятіяхъ съ стороны нашей арміи излишно бы было распространяться здѣсь, когда перемѣнившіяся обстоятельства отмѣняютъ и возможность предложенныхъ отъ Вѣнскаго двора мѣръ и самую нужду произведенія оныхъ въ дѣйство. Сверхъ того, отправленные къ вамъ отъ разныхъ чиселъ рескрипты изображаютъ довольно, каковы суть Ея Императорскаго Величества намѣренія по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, и такъ въ состояніи вы основывать на оныхъ отзывы ваши министерству Вѣнскаго двора.

Что принадлежитъ до оказаннаго отъ васъ безпокойства о будущемъ вашемъ опредѣленіи, въ томъ довольствуюсь я сослаться на послѣднее мое къ вамъ письмо. Въ ожиданіи же кредитивной грамоты, еслибы между тѣмъ князь Дмитрій Михайловичъ пріѣхалъ въ Вѣну, можете вы, по собственному вашему произволенію, остаться тамъ или ѣхать въ Аугсбургъ для присутствія на конгресѣ, буде бы оный вскорѣ собраться имѣлъ.

Присыланныя отъ васъ при разныхъ случаяхъ лозароли были здѣсь по большей части получаемы испорченныя; и такъ надобно вамъ при будущихъ отправленіяхъ употребить всевозможное стараніе, дабы оныя въ сухую бумагу обвиваемы и притомъ каждый рядъ отъ другаго отдѣляемъ былъ.

Въ С-Петербургѣ,
10-го Октября 1761.

41.

A S-t Pétersbourg, ce 23 octobre 1761.

Le courrier qui est arrivé hier de l'armée était parti le 11 (22) du village de Stardorff, où est le quartier-général. L'action dont il a apporté la nouvelle s'est passée près du village de Tzanglo, entre Greiffenberg, Treptow et Goluoff. M-r le général-major de Berg y a remporté un avantage considérable sur un fort détachement du corps de Platen; le lieutenant-colonel de la Carbière, qui le commandait, 20 officiers et plus de 1000 bas-officiers et soldats ont été pris, ainsi que 6 pièces de canon, sans qu'on ait perdu un seul homme de notre côté.

46.

Лозароли, которыя на стафетѣ отправлены, были отъ худой укладки совсѣмъ испорчены, а напротивъ того Орловымъ привезенныя гораздо не худы и тотчасъ поднесены Ея Императорскому Величеству.

Весьма похваленъ поступокъ вашъ въ томъ, что, по требованію статскаго и надворнаго канцлера графа Кауница, согласились вы сдѣлать двору представленіе о введеніи въ герцогство Мекленбургское корпуса здѣшнихъ войскъ. Первое о томъ представленіе было здѣсь сдѣлано чрезъ присланнаго отъ герцога полковника Петерсдорфа съ тою только разницею, что, вмѣсто 20-ми тыс. человѣкъ, требовано только

отъ 6-ти до 8-ти тысячъ. Нынѣ произошли по сему пункту нѣкоторыя затрудненія, и я опасаюсь, чтобъ не были оныя причиною буде не совершенной безплодности проекта, по крайней мѣрѣ многихъ въ исполненіи препонъ.

Еще весьма хорошо поступили вы, что прямо отъ себя писали къ фельдмаршалу и къ графу Румянцову. Послѣдній опредѣленъ рѣшительно остаться чрезъ зиму въ Помераніи съ такимъ корпусомъ, который довольно силенъ будетъ доставить самъ себѣ безопасность; но главная забота состоитъ единственно въ томъ, сыщется-ли въ сей истощенной провинціи столько провіанта и фуража, чтобы прокормить чрезъ пять до шести мѣсяцовъ армію въ 35-ть тыс. человѣкъ.

Разсужденія ваши о планѣ будущихъ военныхъ операцій нахожу я основательными. Давно уже здѣсь помышляемо было обратить всѣ наши устремленія въ Померанію; но другія, конечно не меньшей важности, разсужденія превозмогали по сю пору, да и столько можно съ подлинностію сказать, что если до нынѣ ничего не учинено, то сіе происходило не отъ невозможности, но отъ постороннихъ причинъ, кои отвращали, по несчастію, ожиданное доброе дѣйствіе.

По прошенію полковника Милошановича не оставлю я доложить Ея Императорскому Величеству, а какая по оному воспослѣдуетъ резолюція, равномѣрно будете вы отъ меня увѣдомлены, о чемъ ему предварительно знать дать можете.

Въ С-Петербургѣ,
30-го Октября 1761.

—

По желанію вашему при семъ посылаю нарочно сдѣланную муфту изъ бобровой кожи, которой лучше сыскать здѣсь теперь не можно. Вы можете оную отъ себя показать графу Кауницу, и буде ему понравится, оную подарить.

47.

Mon cher neveu.

Извѣстно уже вамъ по другому отъ сего числа письму, что Ея Императорское Величество, въ соотвѣтствіе оказанной отъ короля Неапольскаго атенціи присылкою двухъ томовъ книги Геркуланскихъ древностей, изволила взаимно высочайше повелѣть отправить къ вамъ для доставленія къ Сицильскому двору всѣ здѣшней академіи купферштихи. Я увѣдомилъ о такомъ высочайшемъ Ея Величества соизволеніи находящагося здѣсь Гишпанскаго министра, который, при засвидѣтельствованіи собственнаго своего удовольствія, увѣрялъ меня, что король его государь съ пріятностію услышитъ о взаимной Ея Императорскаго Величества къ королю сыну его атенціи, а при томъ вручилъ мнѣ для отправленія письмо къ дюку де Сентъ-Элисабету, которое присемъ прилагаю. Онъ сказывалъ мнѣ, что письмомъ своимъ увѣдомляетъ сего министра о посылкѣ помянутыхъ книгъ.

Впрочемъ, прилагая при семъ другое къ Моденскому министру Монтекукули письмо, о вѣрномъ доставленіи котораго усильно просилъ меня полковникъ Бельфортъ, нахожу я еще прибавить, что сегоднишнее мое къ вамъ Французское письмо можете вы, оставя у себя копію, оригинальное отдать дюку де Сентъ-Элисабету для отсылки ко двору его и о томъ особливымъ письмомъ меня увѣдомить имѣете.

Вашъ вѣрный другъ г. М. Воронцовъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
3-го Ноября 1761 года.

48.

При обратномъ отправленіи камердинера вашего Орлова не усматриваю я нужды вступать здѣсь въ подробныя по дѣламъ изъясненія, потому что посланные съ нимъ рескрипты достаточны весьма подать вамъ потребныя наставленія по тремъ важнымъ пунктамъ, а именно въ разсужденіи мирной негоціаціи, продолженія войны и декларація Датскаго двора о Голстинской сдѣлкѣ. На каждую изъ сихъ матерій изображены обстоятельно здѣшнія мнѣнія во врученной сегодня графу Мерсію запискѣ; а какъ онъ отправляетъ ее съ Орловымъ же подъ кувертомъ моимъ къ вамъ, то и будете вы въ состояніи изъясниться съ графомъ Кауницомъ, прежде нежели онъ можетъ прочесть депешу посла своего, которую вы ему сами вручить можете.

Теперь остается нерѣшеннымъ одинъ только пунктъ, касающійся введенія корпуса здѣшнихъ войскъ въ Мекленбургскія земли. Мы чувствуемъ сами довольно, сколь великая можетъ произойти польза изъ занятія сего герцогства; но состояніе дѣлъ Помераніи не столько еще объяснилось, чтобы можно было теперь же и рѣшительныя принять мѣры, тѣмъ болѣе, что по послѣднимъ изъ арміи нашей полученнымъ письмамъ извѣстно, что разные корпусы король Прускій деташировалъ подъ командою генераловъ Цитена и Бенкендорфа, которые близъ Польскихъ и Померанскихъ границъ находятся, умалчивая, что и генералъ Платенъ съ корпусомъ до 6000 человѣкъ при Старгардѣ вновь появился. И хотя корпусъ графа Румянцова имѣетъ остаться въ непрія-

тельскихъ земляхъ, но нельзя по сю пору по нерѣшимости жребія принца Вартембергскаго съ его корпусомъ ничего еще точнаго предопредѣлить. Со всѣмъ тѣмъ надѣюсь я, хотя за подлинно увѣрить не могу, что при удобномъ случаѣ поступлено будетъ дѣйствительно на деташированіе отъ 6 до 8000 человѣкъ, потому что бо́льшаго числа войскъ и самъ герцогъ Мекленбургскій не требуетъ, да и нужды въ томъ нѣтъ; напротивъ того, графъ Румянцовъ чрезъ мѣру былъ бы ослабленъ. О семъ пишу я къ вамъ предварительно, потому что Ея Императорское Величество не изволила еще послѣдней принять резолюціи, о которой я вамъ въ свое время немедленно знать дамъ; а между тѣмъ можете вы на чинимые вамъ иногда отъ графа Кауница вопросы коротко отозваться, что представленіе его о Мекленбургіи принято здѣсь въ особливое уваженіе и если только допуститъ возможность, то и въ дѣйство произведено будетъ.

О новомъ вашемъ въ Голандію опредѣленіи не могу я по сю пору ничего точно сказать, ибо всемилостивѣйшая Государыня не изволила подписать ей поднесенныхъ указовъ и вѣрющихъ грамотъ.

Приложенное при семъ письмо отъ Англійскаго посланника Кейта къ родственнику его подполковнику Локгарду съ посылкою, которая отдана Орлову, я при первомъ случаѣ отправлю въ Лаудонову армію, гдѣ сей офицеръ служитъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
8-го Ноября 1761-го года.

49.

Напрасно безпокоились вы о томъ, что не скоро отвѣтствовано отсюда на реляціи ваши. Важность случившихся дѣлъ требовала до принятія рѣшительныхъ резолюцій многаго размышленія; теперь же, по уваженіи всѣхъ обстоятельствъ, снабдены вы наставленіями, которыя конечно достаточны будутъ руководствовать ваши отзывы и поступки. Я надѣюсь, что представленное къ прекращенію Датскихъ съ нами споровъ средство произведетъ желаемое дѣйствіе, если только Вѣнскій дворъ воспользуется податливостію Копенгагенскаго и медіаціей своею доведетъ оный до предложенія прямо отъ себя или чрезъ посторонній каналъ о возобновленіи послѣдняго съ Россіею оборонительнаго трактата. Въ томъ, что̀ по сю пору происходило по сему скучному и непріятному дѣлу, можемъ мы вообще готовостію всѣхъ нашихъ союзниковъ хвалиться, ибо каждый охотно поступалъ на требованіе наше о учиненіи извѣстной декларація, и хотя теперь самое случая настояніе отмѣнилось, однакожъ не меньше поручено нашимъ министрамъ каждому въ своемъ мѣстѣ засвидѣтельствовать особливое Ея Императорскаго Величества удовольствіе и благодарность, равно какъ и здѣсь я тоже исполнилъ предъ министрами тѣхъ дворовъ.

О перемѣнѣ министерства Французскаго не можно еще судить. Время только покажетъ, теряемъ ли мы или же выигрываемъ въ оной.

Желаніе графа Кауница, дабы наши генералы показывали больше склонности къ Шведскимъ, почитаю я справед-

ливо слѣдствіемъ похвальнаго его объ общей пользѣ усердія. Вы можете взаимно его увѣрить, что давно имѣли уже мы потребное о томъ попеченіе, и дѣйствительно предписано генералитету въ арміи поступать въ тѣснѣйшемъ согласіи съ королевскимъ Шведскимъ командиромъ.

Отвѣтствовавъ на содержаніе одного вашего письма, стану я теперь и на прочія отвѣтствовать увѣдомленіемъ васъ вопервыхъ, что адресованныя къ вамъ депеши изъ Парижа и Гаги исправно сюда дошли, напротивъ чего ящикъ съ лозаролями не полученъ еще, и я не знаю, гдѣ онъ дѣвался, о чемъ буду отъ васъ ожидать извѣстія, а между тѣмъ велю я и курьера спросить.

О случившемся графу Кауницу припадкѣ сожалѣю я весьма и желаю, дабы оный безъ всякой миновалъ опасности. Вы можете по сему случаю засвидѣтельствовать ему отъ меня, сколь великое беру я участіе во всемъ томъ, что̀ до него касаться можетъ.

Я надѣюсь, что прежде полученія сего письма возвратился уже къ вамъ камердинеръ вашъ Орловъ который здѣсь по желанію вашему задержанъ не болѣе шести дней.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
6-го Ноября 1761-го года.

50.

Отзывъ вашъ къ ея величеству императрицѣ-королевѣ въ пользу барона Лаудона похваленъ весьма. Сей генералъ столько уже общему дѣлу показалъ услуги, что всячески надобно его подкрѣплять и желать, дабы онъ и далѣе въ состояніи оставленъ былъ дѣлать собою важныя предпріятія, не смотря на ревнованіе къ пріобрѣтенной имъ славѣ.

Справедливо засвидѣтельствовали вы императрицѣ-королевѣ о новомъ ея здѣсь послѣ. Съ самаго своего пріѣзда пришелъ онъ вообще у всѣхъ въ любовь и почтеніе; а я особливо имѣю причину быть довольнымъ, потому что въ дѣлахъ поступаетъ онъ съ откровенностію, благоразуміемъ и искуствомъ.

Приложенныя къ послѣднему вашему письму депеши и другіе пакеты разосланы и отданы вѣрно по адресамъ.

Лозароли, которыя послали вы при семъ случаѣ, привезены сюда совсѣмъ испорченныя, и такъ по причинѣ наставишей стужи надобно отправленіе ихъ до удобнѣйшаго времени остановить.

Графу Ивану Григорьевичу *) прошу за напамятованіе его поблагодарить, а притомъ увѣрить его о моемъ почтеніи.

О пріѣздѣ графа Эстергази въ Вѣну и какъ онъ отъ ихъ императорскихъ величествъ принятъ, я ожидаю отъ васъ обстоятельнаго увѣдомленія. Я не сумнѣваюсь, чтобъ сей честный и заслуженный министръ особливыми знаками милости императрицы-королевы взысканъ не былъ, и я ему

*) Чернышову, посланному на Аугсбургскій конгрессъ.

съ своей стороны всякаго благополучія искренно желаю. Вы мнѣ особливую угодность сдѣлаете, когда при всякомъ свиданіи вашемъ именемъ моимъ ему засвидѣтельствуете о непремѣнномъ моемъ къ нему почтеніи и сколь много мы здѣсь объ немъ памятуемъ и желаемъ получать пріятныя объ немъ извѣстія; тоже самое и именемъ Анны Карловны сказать можете, хотя мы и не во всякомъ письмѣ къ вамъ объ немъ упоминать будемъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
9-го Ноября 1761 года.

51.

Съ пришедшими сюда вдругъ тремя почтами получилъ я два письма ваши отъ 27 го и 30-го минувшаго Октября.

Въ отвѣтъ на оба нахожу я теперь только примѣтить, что сколько касается прочтеннаго вамъ отъ посла графа дю-Шателе письма тайнаго совѣтника барона Берисдорфа, то отправленными къ вамъ на послѣдней почтѣ депешами приведены вы уже въ состояніе согласовать поступки ваши съ здѣшними намѣреніями, по которымъ и министры въ Парижѣ, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ получили равныя наставленія.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
20-го Ноября 1761 года.

52.

Основательны весьма разсужденія ваши о нуждѣ, дабы съ Австрійской стороны, какъ въ Силезіи, такъ и Саксоніи, съ большею впредъ твердостію дѣйствовали, а не такъ, какъ по сю пору бывало, чтобъ довольствоваться тогда частію, когда цѣлое съ малою отвагою и съ малымъ трудомъ одержать можно было. Еще весьма похваляю я, что вы при случаяхъ дѣлаете о томъ графу Кауницу и барону Биндеру пристойныя напоминанія. Хотя не имѣете вы, да и не можете имѣть, на всѣ случаи точныхъ наставленій, но гдѣ очевидно польза общаго дѣла и интересы Россіи между собою соединены, тутъ и безъ указа, по должности только истиннаго патріота, можете вы дѣлать министерству сходныя представленія, а особливо когда вамъ удалось пріобрѣсть ласкательную онаго довѣренность, стараясь только распоряжать отзывы и поступки свои такимъ образомъ, чтобъ оные, поспѣшествуя намѣренію, не заключали въ себѣ ничего противнаго или досадительнаго.

Полученное въ вашемъ мѣстѣ извѣстіе, будто бы въ Англіи намѣреніе есть, по собраніи парламента, возобновить мирныя негоціаціи и стараться о перенесеніи контресса въ Голандію, дабы потомъ вмѣшать и баріерное дѣло въ заключаемый трактатъ, кажется мнѣ, по послѣднимъ изъ Лондона письмамъ, недостовѣрно: ибо тамъ главное нынѣ попеченіе къ тому только устремлено, чтобы войну съ достаточною силою продолжать.

Благодарствую вамъ за сообщеніе мнѣ письма, которое писали вы къ генералъ-маіору Шпрингеру. Будучи на мѣстѣ

и имѣя, какъ я слышу, довѣренность фельдмаршала графа Дауна, можетъ онъ скорѣе пристойными внушеніями побудить его къ сильному дѣйствованію, когда будутъ предстоять случаи къ произведенію военныхъ дѣйствій, а чрезъ оныя и къ совершенному освобожденію Саксоніи.

Что касается до объявленія вамъ графа Флеминга, о которомъ вы подъ № 60-мъ упоминаете, то не знаю я, съ чего взялъ графъ Бриль присвоивать мнѣ формальное обнадеживаніе, будто бы съ стороны здѣшняго двора у Вѣнскаго требовано будетъ, дабы нынѣ случаи и время употреблены были въ пользу Саксоніи. Чувствую я, правда, какая бы изъ того общему дѣлу выгода послѣдовать могла; но льзя ли опять и то подумать, чтобъ Вѣнскій дворъ, безъ напоминанія, собственнаго своего авантажа въ существѣ не признавалъ? Можетъ быть, г-нъ Прасъ *) принялъ отъ меня за обѣщаніе, что я всегда и всѣмъ, а особливо посламъ графу Эстергазію и нынѣ графу Мерсію, часто говаривалъ, сколь нужно и важно, дабы Саксонскія земли, единожды на всегда отъ непріятеля очистя, за собою удержать и тѣмъ лишить его способовъ къ продолженію войны. Почему я вамъ особливо рекомендую въ разсужденіи чинимыхъ отъ двора Флеминга внушеній поступать предъ тамошнимъ министерствомъ съ осторожностію и не вдаваться напрасно въ такія изъясненія, кои послѣ за весьма излишнія вамъ персонально могли бы причтены быть.

По желанію вашему, дабы при отъѣздѣ вашемъ въ Голандію опредѣлить туда князя Одуевскаго и князя Мещерскаго, не оставлю я о первомъ изъясниться съ графомъ

*) Саксонскій посланникъ въ Петербургѣ, близкій пріятель графини-канцлерши. П. Б.

Петромъ Ивановичемъ, когда онъ отъ болѣзни своей облегченіе получитъ; а о князѣ Мещерскомъ уже опредѣленіе сдѣлано, чтобы ѣхалъ онъ въ Константинополь.

Сегодня будетъ погребеніе графини Анны Ивановны Шуваловой, которая въ родинахъ умерла съ 19-го на 20-е число сего мѣсяца, и ребенокъ также мертвый былъ. Графъ Петръ Ивановичъ уже чрезъ нѣсколько недѣль жестокою болью въ животѣ мучится, а нынѣ получилъ желчь и въ опасности жизни находится. О смерти графини Шуваловой вы не сказывайте брату ея князю Одуевскому.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
26-го Ноября 1761 года

53.

При письмѣ вашемъ отъ 10-го числа сего мѣсяца получилъ я копію съ сообщенной вамъ отъ князя Александра Михайловича Голицына рѣчи короля Аглинскаго, за доставленіе которой тѣмъ болѣе благодарствую, что не было еще ея здѣсь.

Прилагая при семъ календарь здѣшней Академіи будущаго года, требую, чтобъ и вы прислали ко мнѣ нѣсколько экземпляровъ Вѣнскихъ придворныхъ и другихъ разныхъ куріозныхъ календарей.

Въ С.-Петербургѣ,
30-го Ноября 1761 года.

54.

Съ крайнимъ сожалѣніемъ усмотрѣлъ я изъ пріобщенныхъ копій, что вы дошли съ графомъ Александромъ Борисовичемъ [1]) до непріятныхъ изъясненій. Я понимаю довольно, что вы не могли инако отвѣтствовать на письмо, которое онъ къ вамъ съ толь чувствительными выговорами прислалъ; но лучше бы было, когда бы вы честолюбія его не тронули. Неоспоримое дѣло, что въ дѣлахъ до службы касающихся надобно писать правду; но можно опять и такія изъискивать рѣчи, кои не касались бы ни до кого персонально. Какъ ни есть, графъ Александръ Борисовичъ не отзывался ко мнѣ по сю пору ни словомъ о перепискѣ вашей съ нимъ, и по пріѣздѣ его сюда буду стараться, чтобъ происшедшее предать забвенію.

Въ Санктпетербургѣ,
4 Декабря 1761 года.

Я согласенъ весьма съ намѣреніемъ вашимъ, что по пріѣздѣ въ Вѣну князя Дмитрія Михайловича ѣхать вамъ въ Регенсбургъ до дѣйствительнаго вашего въ Голландію опредѣленія, которое за однимъ только подписаніемъ грамотъ и указовъ остановилось.

О желаніи князя Сергѣя Ивановича Одуевскаго [2]) обѣщалъ я уже вамъ говорить съ графомъ Петромъ Ивановичемъ, сколь скоро получитъ онъ отъ болѣзни своей облегченіе, и для того предоставляю васъ тогда рѣшительно увѣдомить.

---

[1]) Бутурлинымъ, который былъ послѣднимъ главнокомандующимъ нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну.

[2]) См. выше, письмо 52-е. Графъ П. И. Шуваловъ умеръ въ томъ же Декабрѣ мѣсяцѣ. П. Б.

55.

Послѣднія изъ Помераніи вѣдомости подтверждають еще надежду нашу, что Кольбергъ взятъ будетъ. Графъ Румянцовъ овладѣлъ девятью судами, кои шли изъ Либека и Копенгагена съ съѣстными припасами, почему думать можно, что, наконецъ, принудитъ коменданта къ сдачѣ недостатокъ пропитанія.

Въ С.-Петербургѣ,
7 Декабря 1761 года.

Вручитель сего, капитанъ Тиръ, посланъ отъ графа П. И. Шувалова къ господину Ванъ-Свитену *) для консультаціи о его болѣзняхъ; вы мнѣ много удовольствія учините, когда ему всякое вспоможеніе у господина Ванъ-Свитена окажете.

*) Знаменитому въ то время Вѣнскому врачу. П. Б.

56.

Mon cher neveu.

На последней почтѣ и чрезъ куріера Дерфельта получилъ я пять писемъ вашихъ, изъ которыхъ три были подъ № 66-мъ, 69-мъ и 70-мъ, а два безъ № отъ 30-го Ноября и сего 1-го Декабря, за которыя, равно какъ и приложенныя къ онымъ піесы, много вамъ благодарствую.

Я не знаю, въ какомъ бы случаѣ было отсюда сдѣлано излишнее Французскому двору откровеніе, какъ вамъ то нѣкоторымъ образомъ графъ Кауницъ примѣтилъ, и для того прошу я васъ, буде можно, навѣдаться пристойнымъ образомъ, о чемъ бы такомъ именно внушалъ онъ вамъ въ разговорѣ своемъ.

Письма дюка Сентъ-Элисабета къ маркизу д'Алмодовару, равномѣрно какъ и графу Мерси и барону Бретелю, доставлены отъ меня вѣрно.

Что вы упоминаете о посыланныхъ отъ его императорскаго высочества великаго князя въ Африку людяхъ, для покупки тамо рѣдкихъ звѣрей, оное подаетъ мнѣ поводъ требовать у васъ извѣстія, какіе именно звѣри ими куплены и сюда везутся.

Вчера мы получили пріятную вѣдомость о взятіи Колберга и ежечасно ожидаемъ обстоятельнаго извѣстія о всемъ, что́ предъ тѣмъ съ корпусомъ принца Виртембергскаго и потомъ съ городомъ происходило.

Въ Санктпетербургѣ,
14-го Декабря 1761 года.

57.

Circulaire.

A S-t Pétersbourg, ce 19 X-bre 1761.

Monsieur.

Il y a quelques jours que tous les fidèles sujets de Sa Majesté Impériale ont été dans une tristesse générale et dans de vives alarmes pour une maladie provenant de fièvre dont elle fut attaquée et qui dans le commencement montrait du danger, d'autant que Sa Majesté, par une aversion naturelle pour les médecines, n'en voulant presque prendre aucune, il servint une telle plenitude et inflammation dans le sang que Sa Majesté Impériale allait jusqu'à le vomir; mais par deux saignées, faites dans trois jours, la fièvre a tellement tombé et la maladie changé si heureusement, le septième jour qui était de crise, que, grâces à Dieu, la douleur dans laquelle nous étions tous plongés, se change actuellement en ravissements et en transports de joie par la grande espérance que nous avons, qu'avec l'aide de la Divine Providence, l'Impératrice recouvrera bientôt entièrement sa précieuse santé.

S'il arrivait, monsieur, dans ces entrefaites que l'on fît dans le lieu où vous êtes des récits, ou déguisés ou mal circonstanciés, de la maladie de Sa Majesté Impériale, vous serez alors en état de les réfuter par la vérité même.

58.

A S-t Pétersbourg, ce 19 X-bre 1761.

Monsieur.

Comme l'arrivée de m-r le prince de Galitzine met fin à la commission dont vous avez été chargé, je vous previens que l'intention de Sa Majesté Impériale est, qu'après vous être congédié à la cour où vous êtes, selon la manière accoutumée, vous vous mettiez en route pour venir ici, ainsi qu'elle vous en accorde la permission sur votre demande. Je me persuade avec satisfaction, monsieur, que l'attention et le zèle avec lesquels vous aurez rempli les ordres qui vous ont été envoyés, pendant le court espace de tems que vous avez été employé à la cour le leurs majestés impériales et royales, auront contribué à vous y rendre agréable, et vous auront acquis l'estime et l'approbation du ministère. Je me réserve à vous témoigner de vive voix à votre retour, combien j'y aurai été sensible en mon particulier, de même que l'affection avec lequel, je suis, monsieur, votre très-affectionné oncle

C. Mich. Worontzow.

59.

Сегодня надѣтъ при дворѣ малый трауръ, пока о большемъ не будетъ сдѣлано учрежденія.

Вручителя сего артилеріи капитана г-на Бороздина прошу, нимало не задержавъ, отправить въ Парижъ чрезъ Регенсбургъ.

По представленію моему изволилъ Его Императорское Величество сегодня подписать указы объ отзывѣ князя Александра Михайловича Голицына для употребленія его здѣсь въ министерствѣ и объ опредѣленіи на мѣсто его г-на Гроса. Равномѣрно подписана грамота и объ акредитованіи васъ въ Голандіи; но прежде надобно вамъ здѣсь побывать, чего я съ нетерпѣливостію ожидаю.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
28-го Декабря 1761-го года.

P. S. Приложенныя при семъ письма отъ меня къ полковнику Стрекалову и генералъ-маіору Шпрингеру, да три депеши, двѣ отъ графа Мерсія къ графамъ Кауницу и Коллореду и одну отъ барона Бретеля къ графу Дюшателе, прошу по адресамъ доставить.

*

Графъ Александръ Романовичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и, вмѣсто Голандіи, получилъ назначеніе въ Лондонъ. Припомнимъ, что ему тогда шелъ всего 21 годъ! И по всему видно, что этимъ быстрымъ возвышеніемъ обязанъ онъ былъ не одному покровительству дяди, но и собственнымъ достоинствамъ. П. Б.

Записка на память и для исполненія графу Александру Романовичу Воронцову.

1. Съ дороги изъ всѣхъ городовъ писать ко мнѣ о продолжаемомъ вашемъ пути, и все, что̀ иногда къ свѣдѣнію вашему важнаго случится, о томъ увѣдомлять.

2. По прибытіи въ Бреславль, порученную вамъ отъ Его Императорскаго Величества комисію наилутчимъ образомъ исправить и стараться пріобрѣсти себѣ сего̀ славнаго монарха милость и почтеніе.

3. Все что̀ съ его величествомъ королемъ Прускимъ говорено будетъ, прежде отъѣзда изъ Бреславля, обстоятельно донести Его Императорскому Величеству на Французскомъ языкѣ чрезъ стафетъ; а что вы оную стафету нарочно отправляете, о томъ увѣдомить короля, предлагая его величеству, не соизволитъ ли на письмо императорское отвѣтствовать и къ барону Гольцу писать, что̀ безъ сумнѣнія король учинить не оставитъ, которыя письма принявъ, на сей стафетѣ подъ моимъ адресомъ прислать имѣете.

4. Засвидѣтельствовать его Прускому величеству именемъ моимъ глубочайшее почтеніе, давъ при томъ знать, сколь много я почитаю и прославляю высокія и отличныя качества его величества, и что я о сохраненіи доброй дружбы между двумя государствами стараться буду.

5. При случаѣ, ежелибъ король съ вами откровенно о дѣлахъ говорить сталъ, надлежитъ вамъ искусно, якобы для учрежденія будущихъ вашихъ поступковъ, спросить о мнѣніяхъ и намѣреніяхъ его величества, какимъ образомъ король чаетъ нынѣшнюю злую войну въ Европѣ прекратить и на какихъ кондиціяхъ съ императрицею-королевою миръ

учинить, также и какое удовольствіе королю Польскому сдѣлать, котораго земли больше всѣхъ претерпѣли, и его по справедливости удовольствовать должно.

6. Что вы о сихъ дѣлахъ принимаете смѣлость спрашивать у его величества не по указу, но, какъ выше сказано, для собственной вашей инструкціи.

7. Какой отвѣтъ на сіи вопросы ваши послѣдуетъ, надлежитъ вамъ въ цыфрахъ меня увѣдомить.

8. О успѣхѣ примиренія съ Швеціею, и чрезъ какой каналъ Шведской король оное предложеніе учинилъ, и какія кондиціи въ мирномъ трактатѣ постановлены, свѣдавъ за подлинно, меня увѣдомить.

9. Ежелибъ король у насъ спросилъ о заключаемомъ здѣсь мирѣ, вы можете ему сказать, что только наканунѣ вашего отъѣзда баронъ Гольцъ канцлеру къ прочтенію сообщилъ проэктъ присланнаго отъ короля трактата, и что я почти на всѣ пункты согласенъ былъ, и вы надѣетесь, что заключеніе сего мирнаго трактата конечно уже послѣдовало, и можетъ быть прежде пріѣзда вашего въ Бреславль господинъ Гольцъ королю о совершеніи онаго доносилъ.

10. Все что въ бытность вашу въ Бреславлѣ ежедневно происходить будетъ, извольте обстоятельно меня увѣдомить.

11. Надлежитъ вамъ постараться освѣдомиться о намѣреніяхъ королевскихъ для кампаніи нынѣшняго года, намѣренъ наступательно ли, или оборонительно дѣйствовать, также о состояніи его арміи и офицеровъ увѣдомить.

12. Получа отпускъ отъ его Прускаго величества, ѣхать чрезъ Берлинъ и Магдебургъ, и тамо видѣться и знакомство учинить съ графомъ Финкенстейномъ, остерегаясь однакожъ, въ разсужденіи тонкости сего министра, чтобъ не быть обманутy. Вы можете ему отъ меня поклонъ объявить и ска-

зать, что я весьма помню его ласковое со мною обхожденіе и почитаю его достоинство.

13. Будучи въ Магдебургѣ, весьма должно вамъ королевѣ и всей фамиліи представлену быть, при которомъ случаѣ, не имѣя никакой къ ея величеству отъ Государя комисіи, надлежитъ вамъ только себя въ милость ея препоручить.

14. Посовѣтовавъ съ графомъ Финкенстейномъ о пути вашемъ, которою дорогою надежнѣе до Голандіи доѣхать имѣете, надобно вамъ взять отъ него или отъ Англійскаго министра Мичеля рекомендательныя письма къ принцу Фердинанду и ѣхать чрезъ Гановеръ, гдѣ можете знакомство учинить съ тамошнимъ министерствомъ, и въ проѣздъ вашъ чрезъ Гановерскую армію о состояніи оной, такъ же сколько нынѣ числомъ Аглинскихъ и Прускихъ войскъ въ арміи принца Фердинанда находится, и о состояніи Французскихъ войскъ и ихъ командировъ, развѣдавъ, увѣдомить.

15. По пріѣздѣ вашемъ въ Голандію чрезъ господина Гроса можете съ тамошнимъ министромъ ознакомиться, также и съ пребывающими тамо чужестранными министрами, а особливо съ г. Іоркомъ, стараясь поведеніемъ вашимъ пріобрѣсти ихъ любовь, и чтобъ они могли къ своимъ дворамъ хорошее объ васъ мнѣніе отписать. Французскому послу Дафри вамъ должно засвидѣтельствовать вашу благодарность, что во время пребыванія вашего во Франціи вы много знаковъ милости отъ короля и Французскихъ министровъ имѣли и оное въ памяти содержите.

16. Такимъ образомъ окончивъ ваше путешествіе, желаю, чтобъ вы, счастливо море переѣхавъ, при Аглинскомъ дворѣ въ началѣ отъ короля и всей фамиліи пріобрѣтя себѣ милость и довѣренность, а потомъ любовь и откровенность господина Бюта и протчихъ Аглинскихъ министровъ, могли съ

лутчимъ успѣхомъ по усердію вашему служить Его Императорскому Величеству.

17. Наконецъ, рекомендую вамъ учредить домъ вашъ и содержать въ порядкѣ; отнюдь болѣе приходу годоваго, расходовъ и долговъ не дѣлать; а канцелярскихъ служителей въ почтеніи и страхѣ содержать, не имѣя съ ними никакой фамиліарите, но чтобъ всякой изъ нихъ въ должности своей былъ исправенъ, и вы имъ также всякую справедливость отдать имѣете, а особливо господину совѣтнику Людерсу, котораго о моей эстимѣ увѣрить можете.

Въ заключеніе сего рекомендую вамъ, по данной изъ Коллегіи инструкціи и насылаемымъ рескриптамъ, по извѣстной мнѣ вашей ревности къ службѣ Его Императорскаго Величества, усугубить ваше прилежаніе и въ реляціяхъ вашихъ на каждой почтѣ доносить о происшествіяхъ при нынѣшнемъ военномъ и критическомъ времени, ясно и внятно, избѣгая въ штилѣ фигурныхъ словъ и излишняго пространства, полагая за главный предметъ Россійской интересъ. Настоящее состояніе Англіи, происшествія войны съ Франціею и Гишпаніею и въ Германіи производимыя негоціации и миръ, сентименты короля и Аглинской націи въ разсужденіи Голстинскихъ его И—го В—а дѣлъ съ Даніею, о союзѣ съ королемъ Прускимъ и намѣреніяхъ, о генеральномъ мирѣ: о сихъ дѣлахъ я желаю, чтобы ваши реляціи консекутивно писаны были. Еще же совѣтую вамъ старыхъ временъ дѣла, находящіяся въ архивѣ, съ прилежаніемъ прочесть, а особливо реляціи князя Кантемира, которыя вамъ къ руководству дѣлъ много способствовать будутъ.

Апрѣля 16 дня 1762 года.

60.

A S-t Pétersbourg, ce 22 avril 1762.

Un courrier anglais arrivé avant-hier ici m'a apporté vos lettres de 29 et 30 mars passé dont la dernière était sans adresse. J'ai fait rapport à l'Empereur du contenu de la lettre de mylord Bute. Sa Majesté Impériale a vu avec plaisir dans les expressions de ce ministre que les dispositions de sa majesté Britannique pour cultiver par des témoignages de complaisance réciproque la bonne harmonie entre les deux cours répondent parfaitement aux siennes. L'Empereur est très-sensible à la marque d'amitié que le roi de la Grande-Bretagne veut lui donner par l'envoi d'un ambassadeur extraordinaire pour le féliciter sur son avénement au trône; mais Sa Majesté verra encore ajouter à sa satisfaction si m-r Keith, étant revêtu du caractère d'ambassadeur, soit chargé lui-même de cette commission et continue son ministère à sa cour. Elle connaît et estime le mérite de m-r Keith et croit que ses bonnes qualités le rendent aussi propre que quiconque puisse être à remplir le désir mutuel de Sa Majesté Impériale et de sa majesté Britannique de perpétuer la bonne intelligence entre les deux états sur le pied heureux et solide où elle est. Ce sont les sentiments de l'Empereur, et vous devez, monsieur, les faire connaître de la manière la plus ouverte et la plus amicale à mylord Bute en réponse à la demande que ce ministre vous a faite, et qui est regardée ici comme une marque particulière d'attention et d'amitié de la part de la cour de Londres.

61.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Письмо ваше изъ Нарвы получилъ исправно; радуюсь, что вы здоровы и желаю благополучнаго продолженія вашего пути.

При семъ для извѣстія вашего сообщаю копіи съ писемъ г-на Людерса и милорда Бюта и на оныя моего отвѣтнаго.

Трактатъ мира съ королемъ Прусскимъ по мѣрѣ поставленъ и сегодня подписанъ будетъ, а по ратификаціи вамъ копія сообщится. Впрочемъ здѣсь обстоитъ благодаренію Божію все благополучно, и мы всѣ обрѣтаемся здоровы.

Семену Романовичу *) изводьте сказать мой поклонъ. Пребываю вашъ вѣрный другъ

г-нъ М. Воронцовъ.

1762, Апрѣля 23-го дня.
Въ С.-Петербургѣ.

*) Который провожалъ старшаго брата и скоро вернулся въ Петербургъ. П. Б.

62.

Пользуясь отъѣздомъ графа Шверина, не хотѣлъ я оставить васъ безъ извѣстія, что третьяго дни дѣйствительно подписанъ мною и барономъ Гольцомъ трактатъ вѣчнаго съ королемъ Прускимъ мира. Я не сумнѣваюсь, чтобъ Пруское министерство не сообщило вамъ оный въ бытность вашу въ Бреславлѣ съ обоими сепаратными артикулами; а сверхъ того, по пріѣздѣ въ Лондонъ, найдете вы у г-на Людерса точную копію, которая къ нему на сихъ дняхъ съ Аглинскимъ куріеромъ отправлена будетъ.

Ничего теперь столько я не желаю, какъ того, чтобы примиреніе наше было поводомъ и къ общему миру. Начинаетъ, правда, опять нѣкоторая къ тому показываться надежда, ибо я съ надежной стороны слышу, что между Англіею и Франціею возобновляется мирная негоціація, которой поводомъ было письмо дюка Шоазеля къ графу Эгремонту отъ 7-го Марта н. ст. по причинѣ содержанія подъ строгимъ арестомъ въ Лондонѣ Французскаго офицера графа д'Эстейна, гдѣ слегка упомянуто было и о желаніи его величества короля Французскаго видѣть скоро прекращеніе войны.

Графъ Эгремонтъ отвѣтствовалъ дюку Шоазелю (освободя еще прежде полученія письма упоминаемаго офицера) отъ 7-го Апрѣля по н. ст., что его величество король Великобританскій съ своей стороны весьма желаетъ видѣть совершеніе мира съ Франціею, но чтобъ и Германскій также возстановленъ былъ; а при письмѣ послалъ и декларацію о готовости съ Аглинской стороны возобновить бывшую негоціацію, представляя къ тому посылку взаимныхъ министровъ публично или секретно и полагая за основаніе по-

лѣдніе съ Французской и Аглинской стороны предложенные ультиматы, несмотря на полученные послѣ того Англіею немалые авантажи, съ тѣмъ однако, чтобъ Франція взяла на себя и примиреніе съ Гишпаніею, а генеральный бы миръ на конгресѣ трактованъ былъ. Теперь на письмо графа Эгремонта ожидаютъ въ Англіи отвѣта отъ дюка Шоазеля.

Я желаю сердечно, дабы сіе новое къ благополучію рода человѣческаго покушеніе возымѣло болѣе прежнихъ успѣха.

Сегодня сообщилъ мнѣ баронъ Гольцъ копію съ грамоты къ Его Императорскому Величеству короля его государя, которою акредитованъ онъ при здѣшнемъ дворѣ въ качествѣ полномочнаго министра. Я надѣюсь, что въ будущее Воскресенье получитъ онъ у Ихъ Императорскихъ Величествъ первыя свои аудіенціи. Во взаимство сего опредѣленія изволилъ Его Императорское Величество съ своей стороны назначить къ Берлинскому двору въ равномъ качествѣ генералъ-маіора князя Репнина, который, какъ вамъ извѣстно, недавно еще возвратился сюда отъ Лаудоновой арміи.

На сихъ дняхъ получили мы изъ Копенгагена курьера съ отвѣтомъ Датскаго двора на извѣстную декларацію. Главное онаго содержаніе состоитъ, при генеральныхъ увѣреніяхъ о дружбѣ и склонности къ продоженію добраго согласія, въ однихъ только представленіяхъ возобновить негоціацію въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Его Императорскому Величеству угодно будетъ. По сему отвѣту не принято еще съ здѣшней стороны никакихъ резолюцій, и такъ остаются дѣла въ прежней нерѣшимости.

Въ С.-Петербургѣ, 26-го Апрѣля 1762.

Помѣта: „Получено въ Митавѣ Маія 2-го дня съ Прускимъ генераломъ-адъютантомъ графомъ Шверинымъ“.

63.

Съ графомъ Шверинымъ посланъ къ вамъ рескриптъ съ копiею заключеннаго здѣсь въ 24-й день Апрѣля трактата съ его величествомъ королемъ Прускимъ. Я надѣюсь, что онъ вамъ, еще не доѣзжая Кенигсберха, пакетъ писемъ моихъ вручилъ; а ежелибъ паче чаянiя ночью съ вами разъѣхался, вы по прiѣздѣ въ Бреславль оныя получите. А между тѣмъ можете о содержанiи трактата свѣдать отъ графа П. С. Салтыкова или отъ Петра Ивановича Панина*), ибо къ нимъ на нынѣшней почтѣ изъ Коллегiи переводы съ трактата посланы. Весьма я желаю, чтобъ вы съ князь А. М. Голицынымъ въ пути вашемъ свидѣлись.

29-го числа объявлено при дворѣ о заключенiи вѣчнаго, мира и былъ столъ, причемъ по сему случаю торжествовано, и за высокiя здравiя ихъ величествъ съ большою пушечною стрѣльбою многiе бокалы питы; а по полученiи ратификацiй Его Величество соизволитъ торжествовать заключенiе мира. Я надѣюсь, что и союзный трактатъ съ его величествомъ королемъ Прускимъ вскорѣ совершенъ будетъ. Графъ З. Г. Чернышовъ пожалованъ въ полные генералы и вскорѣ отсюда отъѣдетъ къ своему корпусу, которой опредѣленъ въ помощь его величеству королю Прускому.

О всѣхъ сихъ партикуляритетахъ я не хотѣлъ васъ безъ извѣстiя оставить, чтобъ вы зная могли сходно и поступки ваши съ здѣшними видами вести.

1762 Мая 1-го дня,
Въ С.-Питербурхѣ.

---

*) Жившимъ въ Кенигсбергѣ генералъ-губернаторомъ Восточой Пруссiи. П. Б.

64.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Не имѣя ничего отвѣтствовать на два ваши письма отъ 2-го и 6-го чиселъ сего мѣсяца, полученныя, первое чрезъ графа Семена Романовича, а другое по почтѣ, довольствуюсь я только возблагодарить вамъ за оныя; а при томъ желая благополучнаго продолженія пути вашего, пребываю неотмѣнно съ искренностію вашъ вѣрный другъ

г. М. Воронцовъ.

Въ С.-Петербургѣ,
въ 14-й день Маія 1762 года.

65. *)

Изъ отправляемаго къ вамъ рескрипта усмотрите вы причину посылки сего курьера и состояніе нашихъ въ Германіи дѣлъ; а изъ циркулярной при ономъ цидулы высочайшее Его Императорскаго Величества намѣреніе ѣхать особою своею къ арміи. Я буду имѣть честь слѣдовать за Его Императорскимъ Величествомъ съ частію коллежскихъ служителей, а здѣсь останется будущій вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ, который еще симъ чиномъ къ сожалѣнію моему не пожалованъ.

Третьяго дни учинена въ домѣ моемъ размѣна ратификаціямъ на трактатъ 24-го Апрѣля, по которому случаю имѣетъ быть на будущей недѣлѣ великолѣпное торжество.

Въ С.-Петербургѣ,
27-го Маія 1762 года.

---

*) Другія письма канцлера къ его племяннику за царствованіе Петра III-го и первые мѣсяцы Екатерины II-й (раньше найденныя) читатель найдетъ въ V-й книгѣ сего изданія. П. Б.

66.

Не хочу скрыть истиннаго моего сорадованія о всѣхъ отличныхъ милостяхъ, которыя видѣли вы къ себѣ въ толь краткое время отъ его величества короля Нрусскаго. Я знаю, что сей монархъ съ особливою объ васъ похвалою писалъ къ Его Императорскому Величеству и что опять Его Величество какъ симъ засвидѣтельствованіемъ, такъ собственно и депешею вашею весьма доволенъ быть изволитъ. Завтра будетъ здѣсь отправляемо торжество мира, которое вчера и публикѣ объявлено чрезъ посыланныя по городу команды конной гвардіи и лейбъ-кирасирскаго полку.

Въ С.-Петербургѣ,
8 Іюня 1762.

67.

Сегодня я получилъ ваше письмо отъ 1 (12) сего мѣсяца; благодарствую вамъ за сообщеніе, что вы отъ его величества короля Прускаго и графа Финкенстейна слышали касательно до извѣстнаго предпріятія нынѣшнимъ годомъ нашей арміи. Извольте увѣрены быть, что я никакого по тому употребленія не учиню. Впрочемъ о шествіи Его Величества къ арміи остается еще и понынѣ нерѣшеннымъ дѣломъ, которое по полученіи изъ Копенгагена извѣстія о диспозиціи онаго двора и удовлетвореніи претензіи Его Императорскаго Ве-

личества и по начатіи конгреса въ Берлинѣ ближае извѣстно быть можетъ. Четвертаго дни Его Императорское Величество сюда прибыть изволилъ и чаятельно до Петрова дня здѣсь останется, только заподлинно еще неизвѣстно.

Депеши ваши чрезъ нарочно отправленнаго изъ Бреславля я получилъ исправно и васъ письмомъ моимъ увѣдомить не оставилъ. Теперь ожидаю отъ васъ извѣстія о бытности вашей въ Магдебургѣ и о счастливомъ продолженіи вашего пути, желая получить вскорѣ пріятное извѣстіе о прибытіи вашемъ благополучно въ Лондонъ.

1762 Іюня 17-го дна, въ Ораніенбаумѣ.

68.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Изъ отправленнаго къ вамъ вчера на стафетѣ рескрипта могли уже вы усмотрѣть, какая здѣсь произошла перемѣна Теперь, слава Богу, спокойно и благополучно окончено все, и Ея Императорское Величество наша всемилостивѣйшая Государыня единодушно признана отъ всѣхъ подданныхъ за Императрицу и Самодержицу. Я имѣю удовольствіе увѣдомить васъ, что сестра ваша княгиня Катерина Романовна въ семъ славномъ и благополучномъ происшествіи многое имѣла участіе и потому вчера еще всемилостивѣйше пожалована отъ Ея Императорскаго Величества орденомъ Святыя Екатерины. Чтò до меня собственно касается, то, зная всю вашу ко мнѣ дружбу и любовь, не могу я оставить васъ безъ извѣстія, что Государыня Императрица какъ меня, такъ и графиню Анну Карловну, весьма милостиво принять и именно ей

орденъ Святыя Екатерины, который она сама Ея Величеству подносила, назадъ отдать изволила.

Система теперь установляется миролюбивая, и мы уповаемъ, что вскорѣ пріятностями драгоцѣннаго покоя пользоваться будемъ.

Въ С.-Петербургѣ,
1-го Іюля 1762 года.

69.

Пользуясь отправленіемъ сего курьера съ знаками ордена Святаго Апостола Андрея, который Ея Императорское Величество, по желанію ея величества королевы Аглинской, брату ея принцу Карлу Мекленбургъ-Стрѣлицкому пожаловать изволила, посылаю я при семъ къ вамъ, въ особливомъ пакетѣ, подаренные вамъ отъ ея величества императрицы-королевы перстень и табакерку.

Здѣсь, славу Богу, все происходитъ спокойно и благополучно. Ея Императорское Величество привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ подданныхъ и владычествуетъ надъ сердцами. Хотя и не объявленъ еще прямо походъ въ Москву, однако нельзя сумнѣваться, чтобъ оный не скоро воспослѣдовалъ; ибо Ея Императорское Величество намѣрена быть изволитъ скорѣе совершить коронаціею славное и благополучное свое на престолъ восшествіе.

Въ С.-Петербургѣ,
5-го Іюля 1762 года. *)

---

*) Въ этотъ день канцлеръ все еще отказывался присягнуть новой Государынѣ, отзываясь, что онъ связанъ данною присягою бывшему императору. П. Б.

Вы можете себѣ легко представить, что къ будущей Ея Императорскаго Величества коронаціи надобны намъ будутъ богатые на платья штофы; а какъ здѣсь хорошіе не только рѣдко случаются, но и весьма дороги, то въ надеждѣ вашей ко мнѣ любви и дружбы прошу я васъ сдѣлать мнѣ одолженіе и съ вручителемъ сего, господиномъ капитаномъ Тиромъ, какъ можно скорѣе купить на мой счетъ и прислать сюда три дамскіе штофа на робы, въ каждомъ по двадцати по четыре ярда Аглинскихъ. Въ выборѣ полагаюсь я совершенно на вашъ вкусъ, и прошу только одинъ изъ трехъ штофовъ получше пріискать, съ тѣмъ однако, чтобъ всѣ три не превосходили, буде можно, тысячи рублевъ. Исправленіемъ сей комисіи одолжите вы меня много; напротивъ чего употребляемыя вами на оную деньги не оставлю я переслать къ вамъ по полученіи отъ васъ о числѣ ихъ извѣстія.

70.

Государь мой Александръ Романовичъ.

Пользуясь отправленіемъ нарочной стафеты съ циркулярнымъ къ вамъ рескриптомъ, я не хотѣлъ оставить васъ безъ увѣдомленія о полученіи сегодня вашего письма подъ № 12 изъ Гаги отъ 16 (27) прошедшаго мѣсяца.

Для извѣстія и наставленія вашего при семъ посылаю три печатные указа, которые сегодня въ народъ изданы; изъ оныхъ вы увѣдомитесь пространно о здѣшнихъ происшествіяхъ. А всемилостивѣйшая наша Государыня милостію Божіею въ совершенномъ здравіи обрѣтаться изволитъ, къ немалой радости и удовольствію насъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, и могу васъ нелицемѣрно увѣрить, что Ея Императорское Величество совсѣмъ не менѣе отъ народа любима и почитаема, какъ прежде сего блаженныя памяти государыня императрица Елисаветъ Петровна, такъ напротивъ того бывшій и вчерась умершій императоръ отъ народа ненавидимъ былъ, и нынѣ смертію его тѣмъ болѣе утверждается къ спокойствію и удовольствію общему царствованіе всемилостивѣйшей нашей Самодержицы.

По любви моей къ тебѣ я не хочу тебя безъ извѣстія оставить, что, по изнуренному и болѣзненному состоянію моего худаго здоровья, я всенижайше просилъ Ея Императорское Величество о милостивой отставкѣ отъ всѣхъ дѣлъ, токмо еще не получилъ монаршаго ея соизволенія, котораго однакожъ изъ милостивыхъ и щедрыхъ ея рукъ надежно ожидаю, о чемъ васъ, мой другъ, въ свое время увѣдомить не оставлю. А тебя увѣщеваю служить Ея Императорскому

Величеству со всякою вѣрностію и исправностію, дабы я, и внѣ министерства будучи, слыша о хорошемъ твоемъ поведеніи, радоваться могъ.

P. S. По написаніи сего я получаю отъ твоего отца пріятное увѣдомленіе, что Ея Императорское Величество ему повелѣть изволила завтра ко двору быть, гдѣ мы оба будемъ имѣть радость къ стопамъ Ея Императорскаго Величества прибѣгнуть и нижайшее наша благодареніе принести. Ея Императорское Величество милостиво повелѣть изволила отправить брата твоего Семена Романовича дворяниномъ посольства въ Вѣну.

1762 Іюля 7-го дня.
Въ С.-Питербурхѣ *).

71.

При семъ посылаю без куверта присланное письмо отъ отца твоего для пересылки онаго къ вамъ. Въ подтвержденіе я съ моей стороны ничего не нахожу прибавить къ оному, какъ только надѣюсь, что ты, мой другъ, по увѣщанію отца твоего, во всемъ непремѣнное исполненіе чинить будешь и отнюдь болѣе денегъ, какъ жалованье твое, проживать не станешь. А я уповаю, что всемилостивѣйшая Государыня, усмотря достоинства и заслуги твои, прибавкою жалованья со временемъ наградить не оставитъ.

---

*) Писано на другой день по кончинѣ Петра III-го.

Отецъ твой, слава Богу, здоровъ и, получивъ милостивое позволеніе отъ Ея Величества въ Москву и въ деревни ѣхать, завтра на вечеръ въ путь отправиться намѣренъ; а Семенъ Романовичъ и Иванъ Алексѣевичъ *) на будущей недѣлѣ въ Вѣну отъѣдутъ.

Пожалуй пиши на каждой почтѣ о всемъ, что̀ въ Лондонѣ примѣчанія достойнаго происходитъ и что нужное къ свѣдѣнію здѣшнему, ибо Ея Императорское Величество оригинальныя реляціи министровъ нашихъ весьма охотно читать и въ государственныхъ дѣлахъ трудиться ежедневно изволитъ.

1762 Іюля 12 дня,
въ С.-Петербургѣ.

---

*) Воронцовъ, дальній родственникъ.

72.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Вчерась ввечеру господинъ Кейтъ получилъ отъ двора своего курьера; о содержаніи своихъ депешей мнѣ онъ сообщенія еще не учинилъ. Сей курьеръ привезъ большой пакетъ, который вы, въ Гагѣ будучи, отдали г-ну т. с. Гросу для пересылки къ сестрѣ вашей съ книгою для Ея Императорскаго Величества. По распечатаніи онаго пакета, я письмо ваше и съ книгою Ея Императорскому Величеству чрезъ Никиту Ивановича Панина сего утра поднести не оставилъ; а вы при семъ случаѣ ко мнѣ не писали, ниже о содержаніи сея книги не увѣдомили, токмо я не хотѣлъ васъ безъ извѣстія о томъ оставить, уповая, что вы по повелѣнію Ея Величества и впредъ издаваемыя новыя книги, достойныя къ свѣдѣнію Ея Императорскаго Величества, при оказіяхъ присылать будете.

Сегодня мы получили извѣстіе, что графъ З. Г. Чернышовъ съ своимъ корпусомъ отъ короля Прускаго изъ Силезіи отпущенъ, и 9 (20) Іюля въ обратный сюда путь вступилъ.

Походъ Ея Величества въ Москву конечно въ половинѣ или въ концѣ Августа послѣдуетъ; а я надѣюсь по отшествіи Ея Величества чрезъ 2 или 3 дня отправиться. А вы имѣете, несмотря на наши переѣзды отсюда, ежепочтно реляціи ваши къ Ея Императорскому Величеству отправлять и обстоятельно о всѣхъ важныхъ происшествіяхъ внятно доносить. Впрочемъ мы здѣсь, слава Богу, обстоимъ всѣ благополучно, и всемилостивѣйшая наша Государыня ежедневно въ дѣлахъ неутомленно трудиться изволитъ.

1762 Іюля 12 дня,
въ С.-Петербургѣ.

По написаніи сего господинъ Кейтъ сообщилъ мнѣ въ откровенности экстрактомъ четыре піесы, касающіяся до мирной негоціаціи для донесенія Ея Императорскому Величеству, съ которыхъ вамъ копіи изъ Коллегіи пришлются.

73.

A S-t Pétersbourg, ce 25 juillet 1762.

Monsieur.

Comme m-r de Keyth expédie aujourd'hui un courrier à sa cour, j'en profite pour répondre à votre lettre du 25 juin (6 juillet) que je viens de recevoir dans le moment. J'ai appris avec bien du plaisir votre rétablissement et votre départ pour Londres. M-r de Gross m'en avait prévenu dans sa dernière, et je lui ai écrit pour le remercier des attentions et des politesses qu'il vous a marquées pendant le séjour que vous avez fait à la Haye. Si je n'ai pas répondu absolument à toutes les lettres que vous m'avez écrites pendant votre voyage, c'est que j'ai été souvent embarrassé où vous adresser les miennes pour qu'elles vous parvinssent. Je vous envoye cependant une liste de toutes celles que je vous ai écrites, ainsi que de celles que j'ai reçues de vous.

Je suis avec la même amitié, monsieur, votre très-affectionné oncle

C. Mich. Woronzow.

74.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Пользуясь отправленіемъ отъ г-на Кейта нарочно ко двору его курьера, посылаю я къ вамъ при канцелярской цидулѣ копіи съ послѣднихъ сего министра сообщеній въ запасъ, на такой случай, еслибы о содержаніи оныхъ не было вамъ безпосредственно отъ Аглинскаго министерства знать дано.

Хотя важность дѣла и требовала бы скораго васъ снабденія достаточными наставленіями, но по нѣкоторому обстоятельству отложено отправлёніе оныхъ на нѣсколько дней; а между тѣмъ можете вы увѣрены быть, что посылка ихъ вдаль отложена не будетъ.

За излишно поставляю я, зная всю вашу точность, напоминать вамъ вновь о частомъ и подробномъ сюда донесеніи всего въ вашемъ мѣстѣ происходящаго, и для того довольствуюсь только заключить увѣреніемъ, что всегда пребуду съ искренностію и любовію

Вашъ вѣрный другъ г. М. Воронцовъ.

Въ С.-Петербургѣ,
28-го Іюля 1762-го.

75.

Изъ письма вашего отъ 19 (30) Іюля съ удивленіемъ усмотрѣлъ, что вы имѣли уже чрезъ Голандію извѣстіе о счастливой здѣшней перемѣнѣ и, не обождавъ нѣсколько дней получить подлинныя конфирмаціи, отправили курьеромъ Орлова, адресуя реляціи ваши на имя бывшаго императора, и въ томъ вы поступили оплошно; впрочемъ присланный пакетъ вашъ въ собственныя руки я не оставилъ того же часа Ея Императорскому Величеству поднести и благодарствую вамъ за сообщеніе съ письма вашего копіи.

Вчерась Ея Императорское Величество соизволила быть въ церкви Преображенскаго полку и слушать литургію; а потомъ при дворѣ былъ столъ, за которымъ Ея Величество съ штабъ и оберъ-офицерами того полку кушать изволила. Отшествіе Ея Величества въ Москву въ первыхъ числахъ Сентября мѣсяца послѣдуетъ.

Въ С.-Петербургѣ,
7-го Августа 1762.

76.

Я не умедлилъ, какъ депеши ваши, такъ и партикулярныя ко мнѣ письма, купно съ тѣмъ, которое вы прислали къ сестрѣ вашей графинѣ Елисаветѣ Романовнѣ, всенижайше представить Ея Императорскому Величеству, и съ радостію могу теперь васъ увѣдомить, что Ея Величество оныя съ удовольствіемъ прочитать и именно при томъ указать изволила не только письмо къ сестрѣ вашей отправить, но и позволить ей свободную со всею роднею переписку.

Отецъ вашъ находится теперь, слава Богу, въ добромъ здоровьи и будетъ ожидать въ Москвѣ прибытія Ея Императорскаго Величества.

Зная всю вашу ко мнѣ любовь, не сумнѣваюсь я о искренности того участія, которое вы принимаете во всемъ до меня и графини Анны Карловны касающемся. Она благодаритъ вамъ особливо за принесенное ей поздравленіе, а я увѣряю, что дружба моя къ вамъ всегда непремѣнна будетъ.

Его величеству королю и министерству Британскому можете вы именемъ моимъ при случаѣ засвидѣтельствовать, что весьма ласкательными признаю я для себя тѣ отзывы, кои они къ вамъ обо мнѣ учинили, и что я, поставляя службу Ея Императорскаго Величества и отечества за первый себѣ долгъ, впрочемъ по возможности стараться буду оправдать хорошее ихъ мнѣніе.

Въ С.-Петербургѣ,
18-го Августа 1762.

Для извѣстія вашего и увѣдомленія Аглинскаго министерства сообщаю, что сегодня же указы Ея Императорскаго Величества въ Кронштадтъ и Ревель отправятся о надлежащемъ пріемѣ графа Бокингама.

77.

A S-t Pétersbourg, ce 15 août 1762.

Monsieur.

Le courrier que vous avez expédié ici avec votre dépêche du 19 (30) juillet est arrivé le 5 de ce mois. Il était déjà parvenu où vous êtes quelques avis de l'heureux évènement qui a rassuré le bonheur de notre Empire. J'aurais souhaité que vous eussiez retardé cette expédition, jusqu'à ce que vous eussiez su à quoi vous en tenir sur une aussi grande nouvelle. Cependant j'ai la satisfaction de vous marquer, monsieur, que votre relation a plu à l'Impératrice et qu'elle a été bien aise d'y voir l'application que vous avez mise à suivre la négociation renouée entre la cour où vous êtes et celle de France en tant qu'il pouvait s'y agir des intérêts de la Russie. Cette négociation, à en juger par l'empressement réciproque de ces deux couronnes, doit être actuellement bien avancée, à moins que l'heureux changement qui s'est fait chez nous, n'ait donné matière à de nouvelles spéculations au cabinet de Versailles et ne lui ait fait naître l'espérance d'obtenir des conditions plus favorables dans une pacification générale, à cause du grand appui que la Prusse a perdu. La proposition de la France qui, comme vous le marquez, accroche la négociation, savoir de ne plus prendre de part à la guerre entre l'Espagne et l'Angleterre du côté de l'Amérique en se réservant d'assister cette couronne en Portugal, me paraît très-politique et très-bien avisée, et je crois même qu'elle sera concertée avec la cour de Madrid. Ces

deux puissances doivent être convaincues qu'à l'heure qu'il est, elles ne peuvent qu'avoir du dessous dans le nouveau monde, et qu'elle ne feront qu'y perdre inutilement leurs richesses et sacrifier leur marine. Le Portugal est le seul endroit où elles puissent nuire sensiblement à l'Angleterre, et c'est ce point essentiel que la France se réserve et où tout le danger se trouve du côté de son ennemie. Je ne crois pas que la Grande-Brétagne fasse la paix à une telle condition, quelques avantageuses que fussent celles qu'elle obtiendrait d'ailleurs.

Tous les rescripts concernants les résolutions prises ici depuis le commencement du gouvernements de Sa Majesté Impériale vous ont été envoyés, et vous devez être actuellement au courant des affaires. Je ne vous en marquerai rien aujourd'hui. Je suis avec une tendre amitié, monsieur mon cher neveu,

вашъ вѣрный другъ
Г. М. Воронцовъ.

P. S. Vos lettres sous les n-os 14 et 15 me sont parvenues, je n'ai qu'à vous en accuser la réception et vous remercier des différentes communications qui y étaient jointes.

Письмо ваше къ графу Семену Романовичу въ Вѣну съ первою оказіею пошлется. Отецъ вашъ въ Москву 2 числа Августа пріѣхалъ и нынѣ, слава Богу, здоровъ.

78.

S-t Pétersbourg, ce 16 août v. s. 1762.

Monsieur.

Le courrier anglais arrivé le 13 de ce mois à m-r Keith nous a apporté vos dépêches du 23 juillet (3 août). Je les ai présentées aussitôt à l'Impératrice, ainsi que toutes les lettres particulières que vous m'avez écrites, et elle a bien voulu témoigner du tout sa satisfaction. Vous ne pouvez pas en recevoir une preuve plus certaine qu'une lettre écrite de la propre main de Sa Majesté Impériale, par laquelle elle a daigné répondre à vos très-humbles félicitations. Rien ne pourra contribuer plus efficacement à vous tirer des inquiétudes où vous êtes encore. Je dois aussi pour le même effet vous dire, monsieur, que l'Impératrice a promis de rétablir mon frère dans ses emplois lorsqu'elle sera à Moscou. Comme la lettre de Sa Majesté m'a été remise fermée et que j'ai crû ne la pas devoir ouvrir, vous me ferez un vrai plaisir de m'en envoyer une copie. Je ne puis que vous faire des complimens, mon cher neveu, sur la manière dont vous vous êtes conduit en recevant la grande nouvelle de l'heureux avénement de l'Impératrice au trône. Le parti que vous avez pris de vous-même de renvoyer les instructions qui vous avaient été données sous le gouvernement précédent a été très-approuvé; en général la manière dont vous avez exprimé votre joie dans vos lettres, en ne cachant pas cependant votre sensibilité pour le malheur de votre famille, fait honneur à votre esprit et à votre coeur.

79.

Государь мой графъ Александра Романовичъ.

Я ничего не имѣю на письмо ваше отъ 16 (27) Іюля отвѣтствовать, которое я третьяго дни чрезъ Шведскую почту получилъ, какъ только благодарить васъ за поданныя въ ономъ увѣдомленія. Немало удивляюсь тому, что письма ваши чрезъ Гамбургъ и Швецію, а не чрезъ Берлинъ, сюда приходятъ и симъ путемъ такъ долго въ дорогѣ бываютъ, чего ради извольте впредъ пакеты ваши на Берлинъ отправлять.

О здѣшнемъ васъ увѣдомляю, мы, слава Богу, всѣ въ добромъ здоровьѣ обрѣтаемся, и большая часть придворныхъ ежедневно въ Москву отъѣзжаетъ. Анна Карловна и дочь моя чрезъ три дня также въ путь отправятся. Ея Императорское Величество намѣрена въ первыхъ дняхъ Сентября шествовать; а я по отъѣздѣ Ея Величества чрезъ три или четыре дня выѣхать надѣюсь.

Аглинскій посолъ графъ Бокингамъ еще не бывалъ, а о пріемѣ его въ Ревелѣ и Кронштатѣ надлежащіе указы отправлены.

Я васъ прошу учредить вашъ домъ безъ всякаго излишества и отнюдь болѣе даваемаго вамъ жалованья не проживать и въ долги не входить; ибо ни отецъ вашъ, ни я денегъ къ вамъ пересылать не въ состояніи.

1762 Августа 16-го.
Въ С.-Питербурхѣ.

О пріѣздѣ къ вамъ капитана Тира и о обратномъ его сюда отправленіи я ожидаю отъ васъ увѣдомленія.

На сихъ дняхъ бывшій у васъ парикмахеръ Вигніонъ моремъ въ Лондонъ отъѣхалъ; съ нимъ послала Анна Карловна къ вамъ здѣшнихъ конфектовъ, а именно клюквы и морошки.

80.

Государь мой графъ Александра Романовичъ.

При семъ посылаю для единственнаго вашего извѣстія копію съ письма бывшаго при васъ за секретаря Пиктета, которое онъ писалъ къ Вольтеру, и мнѣ сообщено подъ рукою отъ надежнаго человѣка. По видимому онъ хотѣлъ симъ письмомъ себя произвесть; ибо мнѣ сказано, якобы подъ видомъ тайности оное поднесено было Ея Императорскому Величеству, можетъ быть, въ надеждѣ получить какое-либо награжденіе или чтобъ въ здѣшнюю службу онъ принятъ быть могъ; только не слышно, чтобъ одно или другое послѣдовало. Изъ содержанія онаго письма весьма усмотрѣть можно малый его разумъ и что онъ не кстати и неблагодарно, а больше лживо, о многихъ вещахъ писалъ, особливо что̀ до нашей фамиліи касается. Сей человѣкъ дому моего не знаетъ, и для чего здѣсь живетъ и что̀ дѣлать намѣренъ, понынѣ мнѣ неизвѣстно. Отпишите ко мнѣ партикулярно о характерѣ его и какую конекцію онъ съ Вольтеромъ имѣетъ.

О сестрѣ вашей княгинѣ Дашковой увѣдомить имѣю, что мы отъ нея столько же ласковости и пользы имѣемъ, какъ и отъ Елисаветъ Романовны и только что подъ именемъ ближняго свойства слывемъ, а никакой искренности или откровенности и еще менѣе какого-либо вспомоществованія или надежды, чтобъ въ пользу нашу старанія прилагала, отнюдь не имѣемъ; и она, сколько мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенной и тщеславной, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ, время свое

проводить. Я опасаюсь, чтобы она каприсами своими и неумѣреннымъ поведеніемъ и отзывами столько не прогнѣвала Государыню Императрицу, чтобъ отъ двора отдалена не была, а чрезъ то наша фамилія въ ея паденіи напраснаго порока отъ публики не имѣла. Правда, она имѣла многое участіе въ благополучномъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей Государыни, и въ томъ мы ее должны весьма прославлять и почитать; да когда поведеніе и добродѣтели не соотвѣтствуютъ заслугамъ, то не иное что послѣдовать имѣетъ, какъ презрѣніе и уничтоженіе. Я истинно на нее сердца или досады не имѣю и желаю ей имѣть всякое благополучіе; только индиферентность ея къ намъ чувствительна и по свойству несносна, тѣмъ болѣе, что отъ благополучія ея не имѣемъ пользы, а отъ паденія ея можемъ претерпѣть напрасное неудовольствіе. Вы, сіе знавъ, должны имѣть въ перепискѣ съ нею всякую осторожность. Что же касается до мужа ея, то онъ къ намъ непремѣнно прежнюю ласковость и учтивость оказываетъ и ведетъ себя скромно и разумно. Г-нъ Одаръ имѣлъ также участіе въ счастливой перемѣнѣ и, какъ весьма разумной человѣкъ, поведеніе свое осторожно имѣетъ и къ намъ преданность и благодарность свою оказываетъ. Онъ получилъ позволеніе отъѣхать въ Италію для привезенія сюды своей фамиліи и уже съ мѣсяцъ времени какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получилъ еще награжденія, какъ токмо 1000 рублевъ для проѣзду своего. Г-нъ Одаръ въ состояніи написать весьма лучшую реляцію, какъ о счастливой нашей перемѣнѣ, такъ и особливо достойную похвалу великимъ добродѣтелямъ и качествамъ Ея Императорскаго Величества, нежели Пиктетъ вздумалъ не по силѣ разума своего писать.

По полученіи сего письма надлежитъ вамъ вновь на письмахъ вашихъ ко мнѣ нумеры ставить, которыя вы иногда о дѣлахъ Ея Императорскому Величеству писать намѣрены, не примѣшивая во оныхъ партикулярныя дѣла, которыя можете безъ нумеровъ или поскрыптами писать, дабы я, раздѣляя дѣла, могъ иногда письма ваши въ Коллегію сообщать. Тоже надлежало бы вамъ сдѣлать и съ реляціями, перемѣнивъ нумеры сначала вступленія Ея Императорскаго Величества на престолъ, о чемъ я приказалъ цидулою изъ Коллегіи васъ увѣдомить.

1762 Августа 21-го дня.
Въ С.-Петербурхѣ.

P. S. Графъ П. Г. Чернышовъ *) писалъ ко мнѣ, что капитана Тира немедленно къ вамъ въ Лондонъ отправилъ, и я ожидаю о пріѣздѣ его на всякой почтѣ увѣдомленія.

*) Посланникъ нашъ въ Парижѣ. П. Б.

81.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Пользуясь отъѣздомъ Аглинскаго въ Лондонъ корабля, отправилъ я сегодня къ вамъ вновь вырѣзанный здѣсь при Академіи Художествъ портретъ Ея Императорскаго Величества, которой по общему признанію гораздо удачливъ.

Я прошу васъ, по полученіи онаго, переговорить съ лучшимъ въ Англіи рѣщикомъ, можно ли съ сего портрета сдѣлать, въ томъ же самомъ положеніи, но величиною нѣсколько больше, доску съ точнымъ наблюденіемъ всего сходства, или не лучше ли рѣзать съ портрета, дабы я по тому въ семъ послѣднемъ случаѣ хорошую къ вамъ копію прислать могъ.

При портретѣ Ея Императорскаго Величества стихи сочинены княгинею Дашковою, которыхъ переводъ слѣдующій:

La nature, en travaillant à te former,
Épuisa sur toi seule tous ses dons, pour
T'élever à la majesté du trône; en
Faisant tout pour toi, elle a tout fait pour nous.

NB. Сіе посылается на отходящемъ отсюда въ Лондонъ кораблѣ графу Александру Романовичу Воронцову.

Въ Санктъ-Петербурхѣ,
21-го Августа 1762 года.

82.

Mon-très-cher neveu.

Пользуясь отправленіемъ стафеты въ Гагу, отвѣтствую я вамъ на присланныя отъ васъ ко мнѣ подъ № 23 и 24 съ приложеніемъ газетъ письма, кои я 19-го и 25 го сего мѣсяца получилъ во всякой исправности.

Изъ оныхъ писемъ усмотрѣлъ я въ наипервыхъ вашу къ службѣ Ея Императорскаго Величества ревность и раченіе, за что̀ не инако какъ хвалить васъ имѣю. Что же касается до несовершенства здоровья вашего по причинѣ худаго климата въ Лондонѣ, объ ономъ я немало сожалѣю; только надѣюсь, что вы, привыкнувъ къ тамошнему воздуху, будете все продолжать службу вашу, которая, какъ вы изъ предъидущихъ моихъ, а наипаче по собственноручному къ вамъ писанію Ея Императорскаго Величества усмотрѣть могли, къ угодности служитъ; и вы имѣете успокоить мысли ваши.

О послѣ Букингамширѣ мы здѣсь извѣстія еще не имѣемъ, и я рекомендую вамъ писать сюда о всемъ, что́ къ вѣдѣнію здѣшнему потребно, на каждой почтѣ. О пріѣздѣ сюда доктора Грифа Ея Величество извѣстна быть изволитъ.

Весьма пріятно мнѣ было слышать, что Ея Императорскаго Величества о возстановленіи генеральныя тишины резолюція принимается при Лондонскомъ дворѣ съ удовольствіемъ; мы надѣемся, что и Аглинской въ равномѣрныхъ

же миролюбивыхъ склонностяхъ пребываетъ. А вамъ надлежитъ употреблять всякіе возможные способы къ развѣданію о тамошнихъ негоціаціяхъ, что̀ до генеральнаго мира касается. А по дѣламъ до Порты Оттоманской касающимся, вы можете имѣть порядочную корреспонденцію съ господиномъ резидентомъ Обрѣзковымъ, который въ состояніи васъ о всемъ обстоятельно инструировать.

Рекомендую всячески стараться пріобрѣсти дружбу и повѣренность съ Венеціанскимъ и Сардинскимъ министрами, ибо чрезъ нихъ можете многія надобныя извѣстія имѣть, что̀ до дѣлъ генерально во всей Европѣ происходитъ.

Графини Анна Карловна и Анна Михайловна 25-го числа сего мѣсяца въ Москву отправились. Его императорское высочество вчерась ввечеру въ Москву жъ изволилъ отъѣхать; а Ея Императорское Величество 1-го или 2-го Сентября въ путь изволитъ отправляться; а послѣ Ея Величества дни черезъ два и я также поѣду.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
27-го Августа 1762.

83.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Вчерась сюды пріѣхалъ капитанъ Тиръ, и я съ нимъ получилъ два письма ваши отъ 6 (17) Августа, на которыя вамъ ничего теперь въ отвѣтъ писать не имѣю, ссылаясь токмо на отправленныя мои къ вамъ письма отъ разныхъ чиселъ, которыя, уповаю, вѣрно до васъ дошли. Въ дополненіе только сіе примѣтить имѣю, чтобъ вы ни малѣйшаго безпокойства объ отцѣ вашемъ и сестрѣ не имѣли: мы всѣ здѣсь взысканы и обнадежены милостивымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества; а вамъ надлежитъ порученныя дѣла и должность министерства наирачительнѣйше со всякою осторожностію и прилежаніемъ исправлять, не имѣя никакихъ другихъ заботъ, какъ порядочную жизнь вести и въ домѣ вашемъ учредить и содержать непремѣнно добрый порядокъ и экономію, чтобъ, сверхъ опредѣленнаго вамъ жалованья, никакихъ болѣе расходовъ не держать, чѣмъ получите себѣ похвалу отъ всѣхъ, да и собственное будете имѣть спокойствіе и удовольствіе. Я сіе вамъ какъ истинный другъ совѣтую, и какъ дядя вашъ того отъ васъ требую, несумнѣнно надѣяся, что вы по тому непремѣнно исполнять будете.

За купленныя вами парчи для графини Анны Карловны надѣюсь на будущей почтѣ чрезъ контору г-на Ритера деньги къ вамъ перевести, и ежели вы еще не заказали, какъ намѣрены были, въ прибавокъ къ онымъ по 24-ре аршина доткать, то извольте уже оставить и болѣе не присылать,

потому что для коронаціи Ея Императорскаго Величества Анна Карловна хорошую парчу здѣсь купила.

Что касается до пріѣзда сюды графа Алексѣя Петровича Бестужева, мы съ нимъ наидружественнѣйшимъ образомъ обошлись, предая взаимно все прошедшее вѣчному забвенію.

Въ Санктпетебургѣ,
29-го Августа 1762 года.

84.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Письмо ваше отъ 9-го Августа получилъ я исправно и по присланному за извѣстныя двѣ парчи счету не оставлю вскорѣ переслать къ вамъ деньги, вторично между тѣмъ благодарствуя за исправленіе сей комисіи.

Сколь скоро соберется сюда Коллегія, прикажу я, дабы заслуженное жалованіе къ вамъ безъ замедленія переведено было.

Ея Величество изволила брату графу Роману Ларіоновичу всемилостивѣйше повелѣть, дабы онъ по прежнему въ Сенатѣ присутствовалъ, вслѣдствіе чего и началъ онъ туда ѣздить.

Вчера начата здѣсь публикація по городу о будущей въ 22-й день сего мѣсяца коронаціи.

Въ Москвѣ,
19-го Сентября 1762.

85.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

При семъ посылаю къ вамъ письмо отъ сестры вашей Елисаветъ Романовны, также и то, которое она ко мнѣ писала; вы изъ оныхъ увѣдомитесь, что она въ добромъ здоровьи обрѣтается, слѣдовательно вы не имѣете причины больше объ ней безпокоиться; здѣсь же прилагаю и отъ отца вашего письмо.

При продолженіи нынѣ радостныхъ и великолѣпныхъ дней торжества коронаціи Ея Императорскаго Величества здѣшній городъ со всѣми нами въ неописанномъ удовольствіи и благополучіи находится и, слава Богу, Ея Императорское Величество въ вожделѣнномъ здравіи обрѣтаться изволитъ.

На будущей почтѣ надѣюсь по присланному отъ васъ счету чрезъ г-на Тамеса деньги перевесть.

Пребываю непремѣнно вашъ вѣрный другъ

Г. М. Воронцовъ.

1762.
Сентября 26-го дня.
Въ Москвѣ.

Лордъ Букингамъ еще изъ Санктъ-Питербурха не выѣхалъ.

86.

Извѣстная книга весьма милостиво принята была отъ Ея Императорскаго Величества; а притомъ дружески совѣтую вамъ и впредъ подобною новыхъ книгъ присылкою продолжать, что̀ конечно не меньше къ угодности Ея Величества служить будетъ.

Въ Москвѣ.
30-го Сентября 1762.

87.

Начавъ съ недѣлю тому назадъ чувствовать вновь припадки гипохондріи, разсудилъ я испросить у Ея Императорскаго Величества высочайшаго позволенія отлучиться въ деревню, которое я вчера дѣйствительно на недѣлю и получилъ, и вслѣдствіе того завтра же отъѣзжаю въ Кимру.

На послѣдней почтѣ отправилъ я къ вамъ вексель на 310 фунтовъ стерлинговъ, которые издержали вы для меня на покупку двухъ парчей.

Въ Москвѣ,
7-го Октября 1762 года,

88.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

Хотя предъ недѣлею и получилъ я отъ васъ, по возвращеніи изъ Кимры, два письма, одно подъ № 35, а другое отъ 3-го Сентября, однако не нахожу ничего въ отвѣтъ вамъ на оныя объявить; но довольствуюсь только въ утѣшеніе вашего безпокойства о здоровьи брата графа Романа Ларіоновича точно увѣрить, что онъ нынѣ благополучно находится.

По просьбѣ князя Николая Васильевича Репнина изволила Ея Императорское Величество согласиться отозвать его отъ Берлинскаго двора; но кто будетъ опредѣленъ на его мѣсто, неизвѣстно еще.

Сегодня изволила Ея Величество шествовать въ Троицкій монастырь, откуда намѣрена возвратиться послѣ завтра.

Въ Москвѣ,
17-го Октября 1762 года.

89.

A Moscou, ce 24 VIII-bre 1762.

Je vous fais bien des remerciements, mon cher neveu, pour vos lettres du 10, 13, 17 et 19 du mois dernier; rien ne pouvait m'être aussi sensible que de lire la copie de la lettre de Sa Majesté Impériale. Elle daigne entrer dans votre situation, dans la nôtre, avec une bonté qui n'est qu'à elle et que nous ne pouvons assez nous efforcer de mériter. Le sort de votre soeur ne pourra manquer de devenir meilleur, et une parole aussi sacrée doit dissiper jusqu'à nos moindres inqui-

études. Je crois que vous ne devez point faire de nouvelles instances sur cet objet, quelque intéressant qu'il soit pour vous, ni le recommander à personne. On ne pourrait que vous répéter la promesse de l'Impératrice, et elle est au dessus de toute confirmation. Je vous félicite de l'approbation que Sa Majesté Impériale donne à votre travail. Un tel éloge à votre âge surpasse tout ce que mon amitié a jamais pu désirer pour vous et est le motif le plus puissant pour vous engager à le soutenir dignement par la suite.

Je ne vous donne encore aucune réponse au sujet de m-r Favier; son mérite m'est connu, et je le regarde comme une très-bonne acquisition. Je vous marquerai incessamment si nous pourrons lui donner de l'emploi et aux conditions qu'il demande. Vous pouvez être sûr qu'il ne transpirera rien de ceci.

На пространныя и многія ваши Русскія письма я вамъ буду впредъ при лучшемъ досугѣ отвѣтствовать, только вамъ именно запрещаю больше о сестрѣ твоей Е. Р. не отзываться; она въ нынѣшнемъ ея состояніи счастливѣе перваго. Письмо твое княгинѣ Дашковой по желанію отца твоего не отдано и здѣсь уничтожено. Она поведеніемъ своимъ не привлекаетъ насъ никого къ любви своей.

90.

Извольте приказать въ Лондонѣ поискать сдѣланныхъ свинцовыхъ статуй и бюстовъ и онымъ прислать описаніе и цѣну, что ежели не очень дороги, я намѣренъ нѣсколько штукъ купить.

1762 Ноября 4 дня.
Въ Москвѣ.

91.

Прошеніе ваше о прибавкѣ къ жалованію вашему, на основаніи прежняго примѣра, 2000 рублевъ, не премину я, изъискавъ удобное время, представить Ея Императорскому Величеству; токмо Ея Величество будучи уже о семъ вашемъ желаніи извѣстна, зависитъ единственно отъ собственнаго Ея Величества благоизволенія.

По заступленію вашему переводчикъ Мальцовъ произведенъ въ секретари посольства. Я надѣюсь, что онъ сіе повышеніе прилежностію своею и добрымъ поведеніемъ непремѣнно заслуживать будетъ.

Остановка въ переводѣ къ вамъ жалованія произошла вообще для всѣхъ министровъ отъ недостатка въ Коллегіи денегъ, который нѣкоторымъ образомъ и по сю пору продолжается; однако нынѣ, по полученіи нѣкоторой суммы, переводятся къ вамъ пять тысячъ рублевъ.

Письмо ваше подъ № 44 писано было отчасти шифрами, а отчасти между шифръ просто, чѣмъ ключъ повергается опасности, почему я вамъ дружески совѣтую приказать въ канцеляріи вашей, дабы впредъ съ бо́льшею осторожностію поступаемо было. Еще долженъ я примѣтить, что равномѣрною ошибкою, при описаніи перемѣны въ Аглинскомъ министерствѣ, отъ васъ донесено было, что на мѣсто господина Гренвиля опредѣленъ въ статскіе секретари господинъ Фоксъ, а не графъ Галифаксъ, какъ-то подлинно было и какъ вы послѣ и сами сюда писали.

За присылку ко мнѣ полученнаго вами отъ господина Пите письма много благодарствуя, прошу я еще сообщить мнѣ то, о которомъ онъ самъ упоминаетъ, что писалъ къ вамъ скоро послѣ нашей счастливой перемѣны.

Намѣреніе ваше перервать всю переписку съ сестрою вашею Катериною Романовною не согласуетъ ни съ пользою вашею, ни со мнѣніемъ моимъ. Мнѣ кажется, что вы оную временно продолжать можете, располагая впрочемъ отзывы ваши съ пристойною умѣренностію.

Съ другой стороны, желаніе ваше имѣть при себѣ сестру Елисавету Романовну совсѣмъ невмѣстно. Войдите вы въ собственное свое да и ея состояніе и разсудите, можетъ-ли для спокойствія ея что̀ лучше быть той тихой жизни, которую она теперь вести можетъ. Ея Императорское Величество изволила ей, сверхъ того, по природному своему великодушію, позволить переписываться съ роднею; слѣдовательно и тѣмъ еще можетъ она услаждать жизнь свою, которая ей самой не можетъ быть непріятна послѣ толь великой въ состояніи ея перемѣны. Другое желаніе ваше, чтобъ имѣть при себѣ же брата вашего совѣтникомъ посольства не подвержено, правда, то-

ликимъ трудностямъ; но, по истинной моей къ вамъ обоимъ любви, долженъ я сказать, что исполненію онаго не настало еще время, кромѣ того, что неизвѣстно еще, пожелаетъ-ли и онъ вступить въ статскую службу, которая требуетъ многаго тщанія и труда.

Присланную отъ васъ для Ея Императорскаго Величества книжку, сочиненную господиномъ Волтеромъ, не разсудилъ я подносить, потому что оная показалась мнѣ мало заслуживающею примѣчанія.

Въ Москвѣ,
2-го Декабря 1762 года.

92.

Государь мой графъ Александра Романовичъ.

Искренное участіе пріемлю въ благополучіи вашемъ. Поздравляю васъ съ полученіемъ высочайшей милости Ея Императорскаго Величества пожалованіемъ васъ камеръ-геромъ, и на сей чинъ вскорѣ будетъ присланъ къ вамъ золотой ключъ. Изъ приложенной при семъ росписи усмотрите какія великія милости къ нашему роду и свойственникамъ отъ Его Императорскаго Величества оказаны, которыя мы кровію своею заслужить должны. Отецъ вашъ не имѣетъ времени къ вамъ нынѣ писать и желаетъ обще со мною, чтобъ вы, какъ наискорѣе сюда пріѣхали, и тогда о вашемъ опредѣленіи здѣсь ли при дѣлахъ оставлены или къ какому двору отправлены будете, извѣстно будетъ о семъ. Вы собою ни къ кому отзываться не имѣете.

О нынѣшней перемѣнѣ въ правительствѣ я надѣюсь Вѣнской, Французской и Саксонской дворы будутъ много встревожены и въ опасности находиться, соизволитъ ли Его Императорское Величество при прежней системѣ остаться, а я отнюдь не въ состояніи понынѣ высочайшимъ его именемъ увѣреніе подать, чего ради на чинимые вамъ вопросы вы должны весьма осторожно (ничего не авансируя собою) отвѣтствовать неполученіемъ еще отсюда указовъ, стараясь избѣгать въ дальнѣйшіе разсужденія и разговоры вступать, а все то, что̀ вамъ говорено и предлагаемо будетъ въ Вѣнѣ и въ Варшавѣ просто и партикулярно принимать сюды на доношеніе; а притомъ можете министерству сказать, что какъ нынѣшняя долгая и тяжкая война уже всѣмъ наскучила, надлежитъ со всѣхъ сторонъ стараться оную какъ наискорѣе прекратить и пользоваться сладостію мира, котораго наипаче Россіи желать должно. Вотъ все, что̀ вы всѣмъ говорить можете.

Цесарской посолъ, Французской и другіе министры намѣрены особливыхъ курьеровъ къ своимъ дворамъ отправить, только оные удержаны, дабы нашъ курьеръ прежде оныхъ въ Вѣну и въ Парижъ прибыть могъ. И я прошу васъ немедленно увѣдомить меня о пріѣздѣ его, и не было ли уже извѣстно въ Вѣнѣ о здѣшней перемѣнѣ въ правительствѣ прежде его прибытія и чрезъ какой каналъ.

Впрочемъ пребываю непремѣнно вашъ вѣрный другъ

Г. М. Воронцовъ.

Здоровье мое весьма худо, и я насилу могъ вчерась впервыя ко двору съѣздить. Извольте сіе письмо при моемъ поклонѣ графу Ивану Григорьевичу къ прочтенію сообщить,

13*

а я къ нему особливо писать истинно ни времени, ни возможности не имѣю.

P. S. О восшествіи на престолъ Его Императорскаго Величества въ Цербстъ отправляется бригадиръ Россійскихъ войскъ и камеръ-геръ Голстинской господинъ Гудовичъ, въ Царь-Градъ назначенъ князь М. И. Дашковъ, а въ Швецію персона еще не назначена.

Не задолго предъ кончиною Ея Величества повелѣно было сюда пріѣхать графу А. Б. Бутурлину; а нынѣ Его Императорское Величество повелѣлъ команду въ арміи принять графу П. С. Салтыкову и сюды на время пріѣхать графу Румянцову, о семъ для извѣстія вашего пишу.

1761 Декабря 28-го дня,
Въ С.-Петербургѣ *).

*) Это письмо помѣщено здѣсь ошибочно; его мѣсто выше. П. Б.

93.

Другъ мой Александра Романовичъ, желаю тебѣ благополучно здравствовать.

Я не хотѣлъ оставить сего случая, чтобы съ отправляющимся Аглинскимъ курьеромъ къ тебѣ не писать, хотя и весьма мало матеріи имѣю къ сочиненію письма; но чтобы вы о здѣшнемъ небезъизвѣстны были, зная вашу любовь къ роднѣ, мы, слава Богу, здѣсь всѣ обрѣтаемся благополучно, и всемилостивѣйшая Государыня съ его императорскимъ высочествомъ въ вожделѣнномъ здравіи пребываютъ, имѣя неусыпное попеченіе и труды прилагая для благополучія отечества и учрежденія добраго порядка, къ вѣчному одолженію всего государства и къ безсмертной своей славѣ и памяти. Я только, къ крайнему моему сожалѣнію, чувствую, что не могу по слабому состоянію моего здоровья пользоваться сею диспозиціею Ея Императорскаго Величества и прилагать мои ревностные труды, сколько къ тому охоты и склонности имѣю; и для того принужденъ лишаться пріятнаго удовольствія часто видѣть очи Ея Величества и въ дѣлахъ трудиться, какъ бы должно и надобно, чего ради намѣренъ вскорѣ подать Ея Величеству прошеніе о увольненіи меня хотя на время отъ всѣхъ дѣлъ и отлучиться изъ отечества для пользованія моего изнуреннаго здоровья; а сколь скоро прошеніе мое подамъ, то васъ увѣдомить не оставлю, равно какъ и о воспослѣдуемой резолюціи Ея Величества.

Вчерась Аглинской посолъ трактовалъ многихъ знатныхъ нашего двора, и я у него обѣдалъ, и должно отдать ему и

брату его Гобару справедливость, что весьма учтивы и ласковы и живетъ здѣсь нарочито великолѣпно. Я желалъ бы сердечно, чтобы и вы по пропорціи также съ честію званія вашего и безъ нужды и долговъ въ вашемъ мѣстѣ были, и съ моей стороны способствовать всячески не оставлю: въ томъ извольте быть увѣрены.

Письмо ваше подъ нумеромъ 67-мъ отъ 29-го Ноября (10-го Декабря) съ реляціями оригинально Ея Величеству поднесено, и я присовокупилъ мою всенижайшую просьбу о прибавкѣ вамъ жалованья. Надѣюсь, что Ея Величество отказать не изволитъ, о чемъ васъ впредъ увѣдомлю. Между тѣмъ прошу васъ, для моего удовольства и знанія, отписать ко мнѣ о вашемъ состояніи, какимъ образомъ вы домъ свой учредили, въ которой улицѣ живете, чей дворъ наняли, сколько служителей имѣете, почему имъ платите, какой столъ и экипажъ содержите и о всей вашей экономіи, чтобъ я могъ о всемъ идею и обстоятельное свѣдѣніе имѣть.

О извѣстныхъ часахъ прошу хотя однѣ сдѣлать приказать, дабы я оныя нынѣшнею весною получить могъ; а буде такъ скоро сдѣлать не могутъ и за предписанную цѣну получить нельзя, и вы до полученія сего письма еще не заказали мастерамъ дѣлать, то извольте оставить; а буде уже договорились, въ такомъ случаѣ должно слово свое держать, и я буду ожидать исполненія, хотя я уже комисію далъ подобные двои часы сдѣлать въ Гамбургѣ или Любекѣ.

Я крайне сожалѣю, что при случаѣ нынѣшняго Аглинскаго курьера вы не снабдены изъ Коллегіи надлежащими наставленіями и вамъ копіи не сообщаются съ поданныхъ Аглинскимъ посломъ піесъ: оныя еще отъ Ея Императорскаго Величества въ Коллегію не возвращены. Только вы изъ отправленныхъ при цидулахъ о бывшихъ съ посломъ конфе-

ренціяхъ достаточно увѣдомлены о содержаніи оныхъ и можете нѣсколько, хотя и генерально, съ министерствомъ о дѣлахъ говорить.

Вы еще до полученія сего гораздо прежде увѣдомитесь, что Вѣнской дворъ чрезъ Саксонской и именно чрезъ тайнаго совѣтника Фрича королю Прускому предложилъ о мирѣ, и его Пруское величество склонность свою къ тому предъявилъ, чего ради и респективные министры назначены секретно трактовать въ Губертсбурхѣ; съ Вѣнской стороны посланъ г-нъ Кулембахъ, съ Саксонской Фричъ, а съ Пруской тайной посольства совѣтникъ Эрдбергъ, и надобно думать, что сія мирная негоціація уже совершена или разорвана, о чемъ вскорѣ мы здѣсь, а вы въ Лондонѣ еще прежде насъ свѣдаете. Только я любопытенъ знать, увѣдомленъ-ли былъ Аглинской дворъ отъ Пру скаго о начинаніи помянутой мирной негоціаціи; а намъ Вѣнской и Польской дворъ потаили и симъ поступкомъ худую благодарность и довѣренность оказали.

На сихъ дняхъ сообщилъ я партикулярно Аглинскому послу всѣ счеты убыткамъ здѣшнимъ подданнымъ причиненнымъ Аглинскими каперами въ прошедшую войну, требуя его содѣйствія при его дворѣ о заплатѣ денегъ, въ томъ числѣ и мои собственные убытки. Онъ охотно обѣщалъ двору своему представить; я къ вамъ копіи съ оныхъ счетовъ здѣсь не посылаю, потому что оныя въ прошломъ году къ князь А. М. Голицыну были отправлены, и вы ихъ въ архивѣ министерскомъ найдете. Вызнавъ о семъ, можете при удобномъ случаѣ и доброю манерою графу Бюту и г-ну Галифаксу напомянуть и требовать справедливаго удовольствія, тѣмъ паче, что и вся претензія и сумма денегъ невелика, и они,

истратя столь много милліоновъ и получа нынѣ великіе авантажи, могутъ легко сію бездѣлицу заплатить.

1763 года
Генваря 8-го дня,
въ Москвѣ.

При семъ посылаю копію съ одной піесы счетовъ, которые я послу Аглинскому отдалъ; въ оной означены убытки, которые я претерпѣлъ отъ наглости Аглинскихъ арматоровъ, и по справедливости имѣю причину требовать заплаты.

94.

Имѣю удовольствіе объявить вамъ, что Ея Императорское Величество, тотчасъ по представленію моему, во всемилостивѣйшемъ уваженіи усердія и службы вашей, дѣйствительно изволила къ окладу вашему прибавить по двѣ тысячи рублевъ на годъ. Поздравляя васъ сею монаршею щедротою, сердечно радуюсь я, что вы сами себя сдѣлали оной достойнымъ.

Вчерашняго дни изволила Ея Императорское Величество брата графа Ивана Ларіоновича удостоить высочайшимъ своимъ въ домѣ его присутствіемъ при ужинѣ и балѣ, къ которымъ, по волѣ Ея Величества, и всѣ чужестранные министры приглашены были.

Въ Москвѣ,
15-го Генваря 1763 года.

95.

Другъ мой Александра Романовичъ, здравствуй.

При семъ посылаю къ тебѣ письмо графини Марьи Андрѣевны Румянцовой съ приложеніемъ къ племяннику ея, по которому ежели бъ князь Мещерской пожелалъ сюда пріѣхать, вы можете, взявъ отъ него прошеніе, въ Коллегію прислать; а мы намѣрены были его отъ васъ взять и къ Гишпанскому двору опредѣлить.

О увольненіи моемъ я еще прошенія моего Ея Императорскому Величеству не подавалъ, токмо пріуготовляю окружающихъ Ея Величество персонъ въ намѣреніи моемъ способствовать и что̀ по сему дѣлу учинено будетъ, васъ безъ извѣстія не оставлю.

Отецъ вашъ мнѣ сообщилъ къ прочтенію письмо графа А. П. Бестужева, которое онъ къ тебѣ писалъ; вы отнюдь слабости не возъимѣете быть уловленнымъ его ласкательствомъ и берегитесь впасть въ его сѣти. Я сіе пишу къ вамъ чистосердечно, зная довольно человѣка.

Изъ послѣдняго вашего письма я съ пріятностію увѣдомился, что вы одни часы для колокольни сдѣлать заказали; прошу увѣдомить, скоро ли отдѣланы будутъ и приказать мастеру обстоятельное описаніе учинить, какимъ образомъ оные поставлены быть имѣютъ. Анна Карловна и дочь моя вамъ поклонъ отдаютъ и о васъ ежедневно памятуютъ.

Для извѣстія вашего увѣдомляю, что мнѣ отъ надежной руки сказано, якобы Ея Императорское Величество намѣрена, по отшествіи отсюда въ С.-Петербурхъ, повелѣть сестрѣ вашей Елисаветъ Романовнѣ жить въ Москвѣ, и хотя

о поѣздкѣ двора нынѣшнимъ лѣтомъ въ С.-Петербурхъ еще и не объявлено, токмо за подлинно увѣряють, что оная послѣдуетъ. Здѣсь, слава Богу, обстоитъ все благополучно, и Ея Императорское Величество непремѣнно къ удивленію всѣхъ въ дѣлахъ. управленія государства неусыпно трудиться изволитъ, и для лучшаго произведенія оныхъ вскорѣ объявлено будетъ въ народъ учрежденіе при дворѣ Государственнаго Совѣта. Даруй Боже, чтобъ сіе новое учрежденіе къ славѣ Ея Величества и пользѣ государственной дѣйство свое возымѣло.

1763, Генваря 16-го,
въ Москвѣ.

96.

Другъ мой Александра Романовичъ, здравствуй.

Графъ Букингамъ на прошлой недѣлѣ далъ въ домѣ своемъ маскерадъ, къ которому приглашалъ чрезъ билеты, и было всѣхъ до 150 человѣкъ. Ея Императорское Величество соизволила присутствіемъ своимъ удостоить, только при ужинномъ столѣ остаться не изволила. У насъ нынѣ почти ежедневно маскерады продолжаются, и затѣмъ я моего прошенія Ея Величеству еще не подалъ, которое надѣюсь на первой недѣлѣ поста учинить и васъ на другой день потомъ увѣдомлю.

О успѣхѣ мирной негоціаціи мы здѣсь только вѣдаемъ, что оная на хорошемъ пути находится и заключеніе прелиминаровъ вскорѣ послѣдуетъ, а на какихъ кондиціяхъ, о томъ неизвѣстно, и секретъ отъ всѣхъ содоговаривающихъ

сторонѣ весьма хранится; можетъ быть, вы въ Лондонѣ прежде нашего свѣдаете, и все, что̀ вы съ основаніемъ услышите, не оставляйте подробно доносить; а отъ васъ уже чрезъ три почты писемъ въ полученіи не было. Въ заключеніе сего ссылаюсь на послѣднія мои къ вамъ письма и ожидаю пріятнаго увѣдомленіи о удовольствованіи на справедливыя мои требованія отъ Аглинскаго двора; прошу, сколько благопристойность васъ допуститъ, тамошнему министерству, а особливо графу Бюту, напоминать о представленіи по сему дѣлу графа Букингама, дабы надлежащія мнѣ деньги за причиненные мнѣ убытки чрезъ контору Ритера и Торнтона заплачены были. Впрочемъ мы здѣсь, слава Богу, обрѣтаемся всѣ благополучно.

Сестра ваша княгиня Дашкова уже давно прислала ко мнѣ ящикъ съ ревенемъ для отсылки къ вамъ; только оный ящикъ великъ, и я съ курьерами Аглинскими отправить не могъ, а пришлется при удобной оказіи.

1763, Генваря 24-го дня,
въ Москвѣ.

97.

О производимой мирной негоціаціи въ Губертсбургѣ какія сообщенія мы на сихъ дняхъ отъ Польскаго двора получили, при семъ для извѣстія вашего посылаю копіи; можетъ быть, что и Аглинской дворъ едва ли о сей негоціаціи обстоятельно увѣдомленъ; въ такомъ случаѣ вы можете отъ себя къ прочтенію сообщить Аглинскому министерству. Уповательно, что мирная негоціація къ совершенству своему достигнетъ, и вы почти въ одно время съ симъ письмомъ получите извѣстіе о заключеніи мира, только я не хотѣлъ оставить васъ о томъ безъ увѣдомленія.

На сей недѣлѣ были при дворѣ представлены чрезъ придворныхъ кавалеровъ и фрейлинъ двѣ трагедіи, одна на Французскомъ языкѣ—*Заиръ*, а другая на Россійскомъ—*Семира*, и былъ балетъ огромной также изъ придворныхъ кавалеровъ и фрейлинъ, въ томъ числѣ и дочь моя нарочито танцовала къ немалому удовольствію Ея Величества и всего двора. При сихъ спектакляхъ дозволено быть и чужестраннымъ министрамъ, и можно сказать безъ хвастовства, что лучше многихъ посредственныхъ актеровъ наше дворянство какъ въ трагедіи, такъ въ балетѣ отлично себя показали, а особливо въ Русской графиня Прасковья Александровна Брюсова и графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ и графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ; а во Французской Заиру нельзя лучше играть какъ графиня Варвара Александровна Бутурлина; въ балетѣ графъ Петръ Александровичъ Бутур-

линъ и Марья Павловна Нарышкина, да Сиверсова дочь первые персонажи представляли; а въ трагедіи *Заиръ Оросмана* и въ маленькой комедіи *Индискрѣтъ* игралъ посредственно бывшій при васъ Женевецъ Пите (sic). Для веселья публики Ея И. В. повелѣла сдѣлать большія горы для катанія и маскерадъ по улицамъ, представляющій многіе пороки людскіе и за ними слѣдующія добродѣтели. Къ сему маскераду обучены фабришные, и разные городскіе люди, числомъ до 1000 человѣкъ, были наряжены приличными одѣяніями своихъ персонажей со многими колесницами. Словомъ сказать, такого публичнаго увеселенія въ Россіи не бывало. При случаѣ курьера я пришлю къ вамъ печатное описаніе, а на почтѣ дорого станетъ.

1763 Генваря 31-го дня,
въ Москвѣ.

98.

На прошедшей почтѣ отъ 31-го Генваря я вамъ сообщилъ копію съ предложенныхъ пунктовъ съ Саксонской стороны къ примиренію съ королемъ Прускимъ и учиненные отъ сего монарха отвѣтные, а здѣсь прилагаю копію въ отвѣтъ на оные; токмо что потомъ далѣе послѣдовало, мы еще извѣстія не имѣемъ, однакожъ сумнѣнія почти нѣтъ, чтобъ миръ не послѣдовалъ, и вы, можетъ быть, прежде нашего свѣдаете; только надлежитъ вамъ, какъ вы и донынѣ къ удовольствію Ея Величества чинили, о всемъ на каждой почтѣ доносить.

Вчерась мы получили изъ Варшавы извѣстіе, что король Польской опасно занемогъ, и опасаются о его жизни. Вы знаете, что Россія болѣе всѣхъ другихъ державъ интересована имѣть въ Польшѣ инфлюенцію въ разсужденіи многихъ пограничныхъ дѣлъ, и намъ всемѣрно надобно имѣть короля зависимаго отъ Россіи; слѣдовательно, въ случаѣ интерегнума въ Польшѣ, мы должны главное участіе принимать въ элекціи короля Польскаго, который бы былъ къ намъ доброжелательный. Вы оставлены не будете въ настояніи случая обстоятельно о здѣшнемъ намѣреніи инструированы быть; а между тѣмъ, ежели бы вамъ отъ кого либо изъ Аглинскихъ или прочихъ державъ обрѣтающихся въ Лондонѣ министровъ о Польскихъ дѣлахъ говорено было, по

вышеписанному можете въ генеральныхъ терминахъ отвѣтствовать объ интересѣ Россійскомъ въ разсужденіи Польши; а при томъ искусно навѣдываться о мнѣніяхъ Аглинскаго двора, какое участіе они принимать похотятъ въ случаѣ интерегна и избраніи новаго короля. Я не уповаю, чтобъ Англія, буде съ нами обще содѣйствовать не похочетъ, по меньшей мѣрѣ не будетъ въ нашихъ намѣреніяхъ препятствовать. О семъ пунктѣ, то есть что̀ касается до Польши, я вамъ особливо рекомендую прилежную атенцію имѣть, навѣдываясь о сентиментахъ Аглинскаго двора и прочихъ державъ, пріемлющихъ участіе въ Польскихъ дѣлахъ, и о томъ на каждой почтѣ доносить: вы тѣмъ особливую угодность Ея Императорскому Величеству учините и себѣ заслугу получите.

1763, Февраля 3-го дня,
въ Москвѣ.

99.

Пользуясь отправленіемъ Французскаго курьера въ Парижъ, я сіе посылаю подъ кувертомъ князя Голицына, рекомендуя ему переслать къ вамъ чрезъ дюка Бедфорта. Зная, что вы охотно письма мои получать желаете, а особливо о состояніи моемъ вѣдать, при семъ посылаю для извѣстія вашего копію съ поданнаго отъ меня прошенія Ея Императорскому Величеству и съ милостиваго ея своеручнаго ко мнѣ письма, изъ которыхъ усмотрите, въ чемъ состояло мое прошеніе и какая резолюція Ея Величества послѣдовала. Вы можете сами признать, сколь много я сею милостію Ея Величества обрадованъ и нынѣ съ покоемъ дожидаться буду окончательнаго рѣшенія по прошенію моему, дабы по возвращеніи двора въ С.-Петербургъ нынѣшнимъ лѣтомъ съ Божескимъ благословеніемъ отъѣхать могъ въ Италію, уповая на милость Его, перемѣненіемъ воздуха и житья, поправить мое изнуренное здоровье и свободиться хотя на время нашего худаго климата, а особливо дурной осени и долгой зимы. Я надѣюсь, что вы въ семъ моемъ удовольствіи участіе примите и оставляю вамъ на волю дать знать Аглинскому министерству, потому что оное о увольненіи моемъ изъ службы къ вамъ отзывалось; вы можете сказать, что Ея Императорское Величество, увольняя меня на два года, соизволитъ оставлять при званіи чина моего.

1763, Февраля 8-го дня,
въ Москвѣ.

Третьяго дни пріѣхалъ сюда Иванъ Алексѣевичъ Воронцовъ и привезъ съ собою бродягу Ржевскаго, котораго посолъ нашъ изъ Вѣны прислалъ.

100.

Весьма изрядно сдѣлали вы, что къ Никитѣ Ивановичу писали поздравленіе; но желалъ бы я, чтобъ въ ономъ не упоминали о сестрѣ вашей, потому что всѣ ваши поступки не могутъ нынѣ въ семъ случаѣ инако, какъ безполезны быть.

Много доволенъ я тѣмъ, что вы одни только часы сдѣлать велѣли; но не запамятуйте прислать онымъ описаніе, какимъ образомъ надлежитъ ихъ поставить.

Чтó, напротиву того, касается до марморныхъ изъ Лондона статуй, то я никогда объ нихъ не думалъ, а хотѣлъ только вѣдать о свинцовыхъ и гипсовыхъ, но и тѣхъ теперь больше имѣть не желаю.

Письмо наслѣднаго принца Мекленбургскаго къ Ея Императорскому Величеству, которое прислали вы сюда при вашемъ подъ № 78-мъ, не оставилъ я поднести Ея Императорскому Величеству.

Хотя по послѣднимъ вашимъ письмамъ и не поступило еще Аглинское министерство на подписаніе дефинитивнаго трактата, по причинѣ возымѣвшаго по Остъ-Индскимъ дѣламъ сумнѣнія, однако надѣюсь я, что со всѣмъ тѣмъ не похочетъ оное нарушать прелиминарныхъ пунктовъ въ такое время, когда уже и Германская война къ окончанію приведена.

Возобновленіе нашего комерцъ-трактата съ Англіею зависитъ еще отъ повелѣнія Ея Императорскаго Величества;

но впрочемъ сумнѣнія нѣтъ, чтобъ оное не было Ея Величеству угодно. Аглинской курьеръ, о которомъ вы упоминаете, что отправленъ сюда въ 8-й день Генваря, не пріѣхалъ еще въ Москву; но мы вѣдаемъ, что, вслѣдствіе посланныхъ съ нимъ указовъ, начата уже дѣйствительная съ королемъ Прускимъ негоціація о нейтралитетѣ о Нидерландахъ; однако не будетъ въ оной нужды, потому что уже самый миръ, такъ сказать, къ совершенству приведенъ.

Въ Москвѣ,
10-го Февраля 1763.

Вчерась поѣхалъ отсюда въ Лондонъ капитанъ отъ флота Бабарыкинъ. Я съ нимъ послалъ тотъ ревень, которой сестра ваша княгиня Дашкова давно ко мнѣ прислала для отправленія къ вамъ.

101.

Отправленіе вручителя сего морскаго флота капитана Андрея Ивановича Бабарыкина въ число тѣхъ офицеровъ, которые имѣютъ служить въ Аглинскомъ флотѣ, подаетъ мнѣ случай рекомендовать его въ вашу дружбу и неоставленіе, которыхъ конечно достоинъ онъ хорошими своими поступками.

Пользуясь симъ случаемъ, отправляю я нѣкоторое число ревеня, который посылаетъ къ вамъ сестра ваша княгиня Катерина Романовна. По величинѣ ящика, въ которомъ сей ревень положенъ былъ, принужденъ я былъ переложить оной въ удобнѣйшій связокъ.

Въ 10-й день Февраля
1763 года.

102.

Что касается до графа Букингама, оный продолжаетъ пребываніе свое у насъ съ пріятностію и повидимому является быть довольнымъ, только часто отзывается сожалѣніемъ, что не часто получаетъ письма изъ Англіи и на свои, отправленныя, не имѣетъ отвѣтовъ. Сіе имѣете только для свѣдѣнія вашего содержать.

Вчерась графъ П. А. Бутурлинъ отсюда отправился, обще съ сестрою вашею, въ намѣреніи томъ, чтобъ вмѣстѣ ѣхать въ Гишпанію; только я сумнѣваюсь, чтобъ П. А., въ разсужденіи великихъ издержекъ въ дорогѣ и содержанія въ Мадритѣ, а особливо по склонности Марьи Романовны къ мотовству, похотѣлъ далѣе Петербурга съ собою ее взять. Для непричиненія вамъ прискорбности я не хочу васъ подробно увѣдомлять о поведеніи ея и сдѣланныхъ великихъ долгахъ, которые по большей части принужденъ платить отецъ вашъ, имѣя весьма мало удовольствія отъ всѣхъ дочерей своихъ. И въ самомъ дѣлѣ, братъ мой и вы несчастливы въ сестрахъ своихъ, въ чемъ относительно по сродству и я съ женою участіе принимать принуждены; но, напротивъ того, мы имѣемъ пріятное удовольствіе о персонѣ вашей, что вы разумнымъ и осторожнымъ во всемъ поведеніи вашемъ честь нашему роду дѣлаете, и сіе я пишу къ вамъ искренно.

1763 Февраля 28-го,
въ Москвѣ.

P. S. Сегодня Иванъ Ивановичъ Шуваловъ отсюда поѣхалъ, получа отъ Ея Императорскаго Величества милостивое позволеніе вояжировать; онъ намѣренъ чрезъ Берлинъ, Вѣну, въ Парижъ ѣхать, а потомъ въ Италію и уповаетъ быть и въ Лондонѣ.

103.

Мнѣ пріятно было изъ письма вашего увѣдомиться, что вы къ Аглинскому климату привыкаете. Я вамъ дружески рекомендую по скромному и разумному вашему нраву учредить ваше житье порядочно и быть въ домѣ хорошимъ хозяиномъ, ни въ чемъ не выходя изъ предѣловъ благопристойности и чести имени и характера вашего, отнюдь болѣе опредѣленнаго вамъ жалованья не проживать и лучше деньги въ наличіи содержать на будущія нужды, нежели, не имѣя оныхъ, погружать себя въ долги. Я сіе вамъ совѣтую къ сожалѣнію моему по собственной эксперіенціи, что, въ надеждѣ за службы и по званію чина награжденъ быть, остаюсь въ превеликихъ долгахъ, проживъ почти все имѣніе; только нынѣ единственно отъ природной щедроты Ея Императорскаго Величества надѣюсь, хотя и не заслужилъ, получить по прошенію моему полезную резолюцію, о которой васъ немедленно увѣдомить не оставлю.

Что же касается до упоминаемаго къ вамъ письма отъ графа А. П. Бестужева, я тогда же вѣдалъ, что онъ ласкательное къ вамъ писалъ; я надѣюсь, что вы тѣмъ обольщены не будете.

1763 Марта 13-го дня,
въ Москвѣ.

Сейчасъ получаю ваши письма подъ нумерами 18 и 19, которыя вы чрезъ Аглинскаго курьера отправили. Посолъ требовалъ сей вечеръ видѣться со мною, и ему часъ назначенъ; по окончаніи конференціи вы не оставлены будете безъ извѣстія о предложеніяхъ его, и вамъ на будущей почтѣ изъ Коллегіи копія съ записки сообщена будетъ.

104.

Въ послѣднемъ моемъ увѣдомилъ я васъ, что на письмо ваше въ шифрахъ отъ 19-го Февраля тогда отвѣтствовать буду, когда удостоюсь получить Ея Императорскаго Величества по оному повелѣнія; а теперь уже и въ состояніи объявить вамъ высочайшую Ея Величества волю.

Вопервыхъ, можете вы увѣрены быть, что учиненное вамъ отъ пріятеля откровеніе не только здѣсь отъ посла графа Букингама скрытно содержано, но и что вообще оное въ крайнемъ секретѣ оставлено будетъ. Сколько же до самаго существа дѣла касается, собственно для вашего только вѣдѣнія, объявляю я теперь, что вы въ скоромъ времени о принятыхъ здѣсь мѣрахъ извѣщены будете; а между тѣмъ, еслибы пріятель вашъ или и самое министерство Аглинское вновь учинили подобный отзывъ о намѣреніяхъ Ея Императорскаго Величества въ Польшѣ, имѣете вы по указу Ея Величества отвѣтствовать, что здѣшній дворъ не положилъ еще на случай кончины короля Польскаго точныхъ правилъ, по которымъ бы тогда дѣйствовать; но что впрочемъ, еслибы король Польской не показалъ Ея Величеству столько огорчительныхъ поступковъ по Курляндскимъ дѣламъ, можетъ быть не невозможно было бы оному склонить всемилостивѣйшую Государыню въ пользу его дома.

Сіе изъясненіе достаточно будетъ къ учрежденію вашихъ отзывовъ, коими надобно будетъ продолжать до тѣхъ поръ, пока не получите вы другихъ въ отмѣну наставленій.

Въ Москвѣ, 27 Марта 1763.

105.

Два письма и съ приложеніями отдалъ я въ Коллегію; а что до Польскихъ дѣлъ касалось, выписано экстрактомъ для извѣстія Ея Императорскаго Величества; но какъ одно изъ приложеній, и именно продолженіе парламентскаго журнала, само по себѣ никакой важности не заключаетъ, то можете вы впредъ, для уменьшенія труда въ канцеляріи вашей, присылать такіе только экстракты и сочиненія, кои бы нѣчто значили, потому что всѣ другіе довольно и по газетамъ, иногда нѣсколько ранѣе и позже, здѣсь извѣстны бываютъ.

Участіе, которое вы столь ревностно въ состояніи моемъ принимаете, обязываетъ меня взаимно къ продолженію искренней моей къ вамъ дружбы. Вы можете увѣрены быть, что я всегда въ удовольствіе себѣ ставить буду подавать вамъ неложныя оной доказательства, поколику на то силъ моихъ будетъ; только для поправленія моего нѣтъ другаго способа, какъ перемѣна воздуха, движеніе и отдохновеніе отъ дѣлъ, которыя множествомъ своимъ меня, при слабомъ здоровьи, крайне отягощаютъ.

Сколько касается до состоянія сестры вашей, весьма справедливо, что вы объ ней столь много поминаете и желаете ей лучшей перемѣны; но вы сами не можете не знать, что обстоятельства ея таковы, что всего для нея сходнѣе жить въ покоѣ и тишинѣ, а сверхъ того милость и великодушіе Ея Императорскаго Величества должны ободрять васъ надеждою.

Напоминаніе его величества короля Великобританскаго почитаю я за особливую себѣ честь и прошу васъ при случаѣ повторить сему государю чувствительнѣйшую мою благодарность.

Стараніемъ вашимъ о исходатайствованіи извѣстнаго удовлетворенія я весьма доволенъ и въ руководствѣ сего дѣла полагаюсь совершенно на ваше стараніе; только графъ Букингамъ понынѣ о томъ не отзывался.

Требуемый вами ревень уже посланъ, а лучшаго зеленаго чаю, сколь скоро съискать могу, къ вамъ прислать не оставлю.

Сегодня отъѣзжаетъ отсюда братъ Аглинскаго посла, г-нъ Гобартъ, возвращаясь въ отечество свое. Ея Императорское Величество соизволила ему пожаловать табакерку золотую, около тысячи рублевъ цѣною, которую я ему и отдалъ.

Между тѣмъ сей посолъ далъ третьяго дни новый маскарадъ и ужинъ великому числу напередъ приглашенныхъ знатныхъ персонъ; только Ея Императорское Величество не присутствовала.

Въ Москвѣ,
3-го Апрѣля
1763.

106.

Я вамъ дружески рекомендую умножить продолженіе стараній вашихъ по извѣстной довольно ревности вашей къ службѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни и быть весьма осторожну въ порученной вамъ отъ Ея Императорскаго Величества секретной комисіи и партикулярной корреспонденціи, чтобъ положенное на васъ дѣло по желанію Ея Величества успѣхъ имѣло, чего ради надлежитъ вамъ весьма ясно и точно о порученномъ дѣлѣ писать и отнюдь ничего такого не авансировать, что̀ бы могло противорѣчіе или недоразумѣніе причинить и весьма въ тайнѣ содержать, чтобы кромѣ васъ и одного изъ канцелярскихъ служителей, которому вы повѣрить можете переписываніе набѣло реляцій вашихъ, никто больше не вѣдалъ; а цифирной ключъ за своею печатью и за замкомъ хранить. Ежели вамъ надобно будетъ по комисіи вашей съ графомъ Кейзерлингомъ корреспонденцію производить, то имѣете по вышеписанному весьма осторожно поступать, ничего излишнаго не авансировать, еже бы съ настоящимъ дѣломъ и отзывами иногда къ вамъ Аглинскаго министерства не сходствовало или недоразумѣнія не причинило*). Я совершенно на разумъ и осторожность вашу полагаюсь, что вы весьма искусно и исправно поступать будете. Только по любви моей къ вамъ не хотѣлъ оставить, чтобы васъ не остеречь.

*) Упоминаніе о графѣ Кейзерлингѣ, нашемъ посланникѣ въ Польшѣ, даетъ понять, что дѣло это касалось желанія Екатерины II-й предрасположить Англію въ свою пользу на случай избранія новаго короля Польскаго. П. Б.

Мы здѣсь теперь въ великихъ пріуготовленіяхъ находимся къ отъѣзду въ С.-Петербургъ. Чужестраннымъ министрамъ сказано, что ежели хотятъ, могутъ напередъ ѣхать, и они почти всѣ прежде отшествія Ея Величества отъѣхать намѣрены.

Я получилъ отъ Ея Императорскаго Величества позволеніе ѣхать въ деревню и надѣюсь вскорѣ въ село Кимру отъѣхать, а оттуда въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца въ Петербургъ отправиться. Ея Величество изволитъ отсюда въ половинѣ Іюня отъѣхать; а нынѣ намѣрена пойти въ Воскресенскій монастырь и въ Ростовъ. Братъ Романъ Ларіоновичъ хочетъ по отъѣздѣ Ея Величества въ Петербургъ ѣхать; братъ Иванъ Ларіоновичъ остается здѣсь при Сенатской Конторѣ.

Апрѣля 28-го дня,
1763.
Въ Москвѣ.

107.

Третьяго дня баронъ Бретель имѣлъ отпускную аудіенцію и вскорѣ отсюда въ Парижъ отъѣдетъ. Ея Императорское Величество сверхъ обыкновеннаго подарка изволила пожаловать ему бриллiантовый перстень около 3000 рублевъ. Сіе можетъ подать новый случай напрасной жалузіи лорда Букингама. Оной посолъ уже нѣсколько дней не выѣзжаетъ за случившеюся ему простудою. Я не оставилъ ему знать дать объ отправленіи курьера къ вамъ, и онъ обѣщалъ съ нимъ писать къ графу Галифаксу.

Мы теперь въ великихъ сборахъ и пріуготовленіяхъ къ отъѣзду въ Петербургъ. Я получилъ милостивое Ея Императорскаго Величества позволеніе въ деревню ѣхать и оттуда въ Петербургъ прямо отправиться, куда и надѣюсь въ первыхъ числахъ Маія мѣсяца отсюда выѣхать и къ вамъ изъ сел Кимры и по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ писать не оставлю. Поѣздка моя въ Италію рѣшится прибытіемъ двора въ С.-Петербургъ. Я весьма желаю, чтобъ не былъ задержанъ какими-либо дѣлами далѣе Іюля мѣсяца, дабы могъ прежде нашей дурной осени и безконечной зимы выѣхать. Я надѣюсь, что Ея Императорское Величество милостиво дозволитъ мнѣ взять съ собою брата вашего Семена Романовича, которой не безъ пользы поѣздку въ Италію учинитъ.

Отецъ вашъ намѣренъ отсюда по отшествіи Ея Величества въ концѣ Іюня мѣсяца ѣхать; а братъ мой И. Л. остается здѣсь при Сенатской Конторѣ.

1763 Апрѣля 29-го дня,
въ Москвѣ.

108.

Почтовыхъ денегъ опредѣлено вамъ противъ князя Александра Михайловича вполы, для того, что нынѣ настало время мирное, слѣдовательно и пресѣклись сами собою на время войны опредѣленныя чрезвычайныя дачи; но сіе не мѣшаетъ однако, чтобъ не ставили вы на счетъ всѣ почтовыя издержки, кои обыкновенную сумму превосходить будутъ.

По случаю будущаго брака королевской сестры приказано уже отъ меня сдѣлать въ Коллегіи по старымъ примѣрамъ выправку, и я не оставлю на основаніи оной испросить высочайшей Ея Императорскаго Величества резолюціи, о которой вы благовременно увѣдомлены будете.

Г-ну Кейту прошу при случаѣ, какъ отъ меня, такъ и отъ графини Анны Карловны (которая вамъ за частыя объ ней напоминанія много благодаритъ) засвидѣтельствовать нашъ поклонъ и увѣрить его взаимно, что мы дружбу его много почитаемъ.

Прилагаю при семъ копію съ письма ко мнѣ изъ Вѣны отъ нѣкотораго купца. Вы можете сказать князю Одуевскому, что я сообщилъ отцу его оригиналъ и притомъ рекомендовалъ ему, дабы для чести фамиліи заплатилъ долгъ сына своего. А я совѣтую князю Одуевскому не болѣе проживать, сколько жалованья получаетъ, ибо изъ дому своего много имѣть не можетъ.

Въ Москвѣ,
1-го Мая 1763.

Вручителя сего, артиллеріи поручика Меркова, рекомендую въ вашу любовь.

109.

Вчерась я имѣлъ удовольство получить три письма ваши отъ 19 (30) Апрѣля и того же часа отослалъ въ Москву въ Коллегію для разобранія съ цифръ и по важности матеріи поручилъ оныя поднести Ея Императорскому Величеству съ прочими реляціями, и ежели бы потребна была на оныя резолюція, о томъ бы васъ изъ Коллегіи снабдили наставленіемъ.

Благодарствую вамъ за сообщеніе письма княгини Дашковой и на оное вашего отвѣта. Вамъ извѣстенъ мой характеръ и что я душею ненавижу никакихъ сплетней, а еще болѣе вражды между свойственниками; и для того какъ прежде не писалъ, такъ и теперь не хочу писать о поступкахъ сестры вашей княгини Дашковой. Она больше сожалѣнія, нежели ненависти достойна. Можетъ быть, что она со временемъ сама узнаетъ ошибку свою и постарается мысли и поведеніе свое исправить. По меньшей мѣрѣ, мы не подаемъ ей повода противу насъ негодовать, и я не совѣтую вамъ огорчительную переписку съ нею содержать. А мы съ нею поведеніе имѣемъ, какъ бы съ незнакомою и постороннею персоною. Что же она къ вамъ писала, якобы она о пересылкѣ вами ея писемъ сюда извѣстна, сіе меня крайне удивляетъ; ибо я кромѣ отца вашего никому сообщенія о томъ дѣлать ни нужды, ни резона не имѣлъ; тоже и съ вышеупомянутыми письмами учинено будетъ.

Отсюда я выѣхать намѣренъ въ первыхъ числахъ Іюня, а когда изъ Санктпитербурха въ Италію поѣду, о томъ еще не вѣдаю: оное зависить будетъ отъ окончанія моихъ до-

машнихъ дѣлъ, ибо по прошенію моему Ея Императорское Величество, хотя и соизволила обѣщать взять домъ мой въ казну, только еще указу не послѣдовало, и мнѣ неизвѣстно, сколько денегъ за оной выдано будетъ.

По несчастію моему, погода здѣсь чрезъ 8 дней весьма дурна: снѣгъ, градъ, морозы, вѣтры и дожди по перемѣнкамъ продолжаются, чтó и въ Октябрѣ мѣсяцѣ хуже не бываетъ. Я получилъ съ Москвы извѣстіе, что всемилостивѣйшая наша Государыня уже въ каретахъ путешествіе свое въ Ростовъ предпріять изволила и въ концѣ сего мѣсяца обратно въ Москву прибыть намѣрена.

При семъ, для единственнаго вашего извѣстія, посылаю въ откровенности писанное ко мнѣ отъ князя А. М. *) письмо. Вы усмотрите, что г. А. П. Бестужевъ всячески вмѣшивается въ коллежскія дѣла. Удивителенъ вамъ будетъ поступокъ Аглинскаго посла; но какъ его характеръ странной извѣстенъ, то и удивляться много не можно.

1763 Мая 22 дня,
въ селѣ Кимрѣ.

На письмо г-на Монси буду отвѣтствовать по пріѣздѣ моемъ въ городъ; а васъ прошу при всякихъ случаяхъ оказывать ему возможныя услуги, ибо я крайне ему обязанъ пользованіемъ моего слабаго здоровья.

*) Вице-канцлера Голицына.

110.

Государь мой графъ Александра Романовичъ!

Я выѣхалъ изъ Кимры 1-го Іюня водою до Твери, а оттуда на подставныхъ лошадяхъ сюда пріѣхалъ благополучно 8-го сего мѣсяца. Ея Императорское Величество, какъ слышно, сюда изволитъ прибыть 28-го числа.

Вчерась я имѣлъ удовольствіе получить три письма ваши отъ 15, 16 и 17 Маія; первое изъ оныхъ все въ цифрахъ, и по прибытіи сюда Коллегіи содержаніе онаго знать буду, ибо цифирные ключи съ канцелярскими служителями въ дорогѣ находятся.

Корабль съ извѣстными часами сюда еще не бывалъ. Анна Карловна и дочь моя вамъ свой поклонъ отдаютъ.

1763.
Іюня 13 (24) дня.
Въ С.-Петербургѣ.

111.

По послѣднимъ письмамъ изъ Москвы увѣдомился я, что Ея Императорское Величество 14 сего мѣсяца въ путь свой сюда отправиться намѣрена, и мы съ великимъ нетерпѣніемъ радостнаго ея прибытія здѣсь ожидаемъ, и я надѣюсь вскорѣ потомъ васъ увѣдомить о жребіи моемъ и о поѣздкѣ въ Италію. Князь А. М. вскорѣ по отшествіи Ея Императорскаго Величества хотѣлъ сюда ѣхать. Я ежедневно пріѣзда Петра Васильевича *) сюда ожидаю, ибо онъ везетъ съ собою цифирные ключи, и теперь здѣсь много реляцій министерскихъ и писемъ цифирныхъ накапливается, на которыя потомъ, а паче по прибытіи Ея Императорскаго Величества, потребныя резолюціи даны будутъ.

По присланной отъ васъ росписи о домашнемъ расходѣ и содержаніи вашего дома я прилежно разсматривать буду и вамъ мое мнѣніе откровенно сообщу впредъ и буду отцу вашему говорить о снабдѣніи васъ ежегодно по 2000 рублевъ на годъ, какъ вы того желали и съ моей стороны сколько могу васъ довольствовать не оставлю; только рекомендую вамъ, мой другъ, наистрожайшую экономію въ домѣ вашемъ содержать и имѣть лучше остатки отъ приходу въ наличіи, нежели, издерживая всѣ деньги, занимать у постороннихъ людей и тѣмъ себя въ заботу и непріятныя хлопоты вводить.

По рекомендаціи вашей о братьяхъ господина Плещеева, сколько отъ меня зависить можетъ, старанія прилагать въ пользу ихъ не оставлю.

*) Бакунина.

Для извѣстія отцу вашему на сегодняшней почтѣ сообщу копію съ присланнаго отъ васъ росписанія о состояніи вашихъ домашнихъ дѣлъ.

P. S. Сейчасъ П. В. Бакунинъ сюда пріѣхалъ.

1763 Іюня 16 дня,
Въ С.-Петербургѣ.

112.

На сихъ дняхъ отправленные отъ васъ часы и прочія вещи сюда дошли и теперь въ таможнѣ находятся; сколь скоро выручены будутъ, я прикажу по присланному описанію на время въ моемъ домѣ поставить, а принадлежащія вещи къ сестрѣ вашей отправлю.

Я весьма вамъ благодарствую за прилагаемое ваше стараніе о исходатайствованіи отъ Аглинскаго министерства за причиненные убытки справедливаго удовольствія; только по медленности даваемаго отвѣта предвижу, что едва ли удовольствительный послѣдуетъ; а здѣсь Аглинской посолъ ко мнѣ ни малѣйше о семъ дѣлѣ не отзывается.

113.

О братьяхъ г-на Плещеева готовъ я по заступленію вашему стараться и если только отецъ ихъ согласится на отправленіе ихъ въ Лондонъ, то думаю я, что сіе дѣло можно почесть оконченнымъ [1]).

Въ С.-Петербургѣ,
Іюня 29-го дня 1763-го.

Вчерась ввечеру Ея Императорское Величество публичный въѣздъ сюда имѣть изволила къ неописанной радости здѣшняго города и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ [2]).

Нахожу я за нужно увѣдомить васъ, что по представленіямъ вашимъ въ разсужденіи Венеціанской республики точно такое дано мною нынѣ князю Дмитрію Михайловичу наставленіе, какое вы по словамъ посла Морозини за полезное почитали; теперь остается только знать, произведутъ ли сіи новыя внушенія лучшее предъ прежнимъ дѣйствіе.

Еще поставляю я себѣ въ удовольствіе увѣдомить васъ, что Ея Императорское Величество весьма милостиво принять изволила письмо ваше безъ № 5, 14 (25) Мая. Вслѣдствіе онаго повелѣла сія всемилостивѣйшая Государыня по прибытіи двора вступить мнѣ въ негоціацію съ Аглинскимъ посломъ и о томъ васъ предварительно увѣдомить, примѣтя между тѣмъ, что здѣсь странно кажется, для чего бы доношенія г-на Букингама столь много между собою разнство-

---

[1]) Въ числѣ ихъ былъ тотъ Плещеевъ, который имѣлъ важное значеніе при императорѣ Павлѣ. П. Б.

[2]) Дальнѣйшее писано въ цифрахъ.

вали, когда ему всегда одинакіе отвѣты и объясненія даваны были. Мнѣ видится, что превратность сего его поступка единственно собственному его нраву приписывать должно, которой склоненъ къ пустымъ и неосновательнымъ подозрѣніямъ. Вы можете при случаѣ о сей причинѣ слегка графу Галифаксу внушить, однако стараясь по возможности менажировать графа Букингама, дабы ему изъ того предосужденія послѣдовать не могло.

114.

Въ прибавленіе отправленнаго къ вамъ рескрыпта съ приложеніями и другаго моего письма я ничего теперь писать къ вамъ не нахожу, какъ токмо рекомендую вамъ съ обыкновенною вашею осторожностію и разумомъ изъясниться съ Аглинскимъ министерствомъ по случаю страннаго и весьма необыкновеннаго поступка г-на Букингама, требуя надлежащаго поправленія; а какимъ образомъ вы произведете, прошу партикулярно меня увѣдомить; равномѣрно и я васъ безъ извѣстія не оставлю, ежели посолъ по полученіи моихъ писемъ какой-либо поступокъ учинитъ; а упомянутыя письма, по отправленіи стафеты, сего вечера или завтра по утру къ нему пошлются. Весьма желательно, чтобъ Аглинской дворъ по домогательствамъ вашимъ справедливое удовольствіе учинилъ за претерпѣнные убытки здѣшнихъ подданныхъ, о которомъ чрезъ столь многіе годы безплодно домогательства производятся, тѣмъ болѣе, что вся сумма невелика. Я надѣюсь, что вы прилежнымъ стараніемъ вашимъ къ желаемому концу приведете.

1763 Іюля 2-го дня.
въ С.-Петербургѣ.

115.

По обѣщанію моему сообщать вамъ все то, чтò по извѣстнымъ изъясненіямъ съ Аглинскимъ посломъ здѣсь новаго происходить будетъ, нахожу я за нужно приложить при семъ копію съ письма, которое прислалъ онъ ко мнѣ по полученіи моихъ отвѣтовъ. Оказывается изъ онаго нѣкоторымъ образомъ, что графъ Букингамъ начинаетъ самъ о горячности поступка своего сожалѣть; à когда еще онъ и отъ двора своего поправленіе получитъ, то надобно думать, что впредь съ бóльшею пристойностію и умѣренностію поступать будетъ.

Отсюда не имѣю теперь къ вамъ ничего писать кромѣ того, что въ будущій Понедѣльникъ надѣюсь я видѣть себя удостоеннаго присутствіемъ Ея Императорскаго Величества къ ужину.

Въ Санктпетербургѣ,
4-го Іюля 1763-го года.

116.

Въ пожалованной деревнѣ графини Анны Карловны, называемой селѣ Кимрѣ, находятся по большей части крестьяне, которые сапожнымъ ремесломъ промышляютъ, и можно ихъ до тысячи человѣкъ полагать; только изъ оныхъ весьма мало, которые хорошо дѣлать сапоги и башмаки умѣютъ. Тамъ же въ селѣ находятся нѣсколько заводовъ кожаныхъ, которые также не разумѣютъ пріуготовлять хорошія кожи. А какъ извѣстно, въ Англіи отмѣнно хорошо всякія кожи выдѣлываютъ, также и сапоги лучшимъ мастерствомъ и прочностію работаютъ, то я прошу васъ приказать подъ рукою и искуснымъ образомъ навѣдаться, не будутъ-ли охотники изъ вышеупомянутыхъ мастерствъ, то-есть, кожевенный заводчикъ или фабрикантъ и лучшій сапожный мастеръ съ нѣкоторымъ числомъ мастеровыхъ людей, для учрежденія кожевеннаго завода, а паче для собственной своей пользы, также и сапожникъ, выѣхать и этаблировать себя въ помянутомъ селѣ, къ чему дастся имъ всякое вспоможеніе, и они могутъ онымъ мастерствомъ и промысломъ получить себѣ великую прибыль: потому что одинъ, надѣлавъ хорошихъ кожъ, а другой множество сапоговъ и башмаковъ, могутъ великіе барыши получить продажею внутри государства и отпускомъ оныхъ товаровъ въ Англію и въ другіе города; ибо какъ выше упомянуто, число сапожнаго мастерства людей до тысячи человѣкъ есть, которые будутъ подъ руко-

водствомъ Аглинскаго мастера (какъ онъ научитъ кроить и шить) дѣлать и продавать, постановя резонабельную цѣну; а я собственно интересоваться не намѣренъ, какъ токмо сей авантажъ имѣть, что Киморскіе сапожники научатся хорошее и крѣпкое мастерство производить. И для того прошу васъ по сему дѣлу стараніе приложить и приказать по вышеписанному внушить и сондировать онымъ мастерамъ; а на какихъ кондиціяхъ выѣхать пожелаютъ, о томъ ко мнѣ обстоятельно отписать, и вы произведеніемъ сего дѣла мнѣ много удовольствія учините.

1763 Іюля 5-го дня.

117.

Съ возвратившимся вчера поутру артиллеріи поручикомъ Меркомъ получилъ я исправно четыре письма ваши.

Я не оставилъ бывшіе къ онымъ въ приложеніи на высочайшее имя пакеты тотчасъ поднести Ея Императорскому Величеству; а между тѣмъ, пока послѣдуютъ резолюціи на депеши, довольствуюсь я возблагодарить вамъ за подробныя въ письмахъ вашихъ увѣдомленія, а особливо за сообщенную при № 61-мъ копію. Желалъ бы я однако, чтобъ вы въ самомъ письмѣ о посылкѣ ко мнѣ сей копіи не упоминали; ибо, когда уже Ея Императорское Величество столько къ вамъ довѣренности возъимѣла, что безпосредственно съ вами переписываться изволитъ, то и не для чего сообщать копій, а по крайней мѣрѣ упоминать о томъ въ письмахъ, въ коихъ вы и о теченіи дѣлъ отзываетесь.

О расположеніи пути моего не въ состояніи я еще дать вамъ точной отповѣди; но надѣюсь однако на милость Ея Императорскаго Величества, что вскорѣ буду я въ состояніи принять послѣднія мѣры и удалиться благовременно отъ здѣшней суровой осенней погоды.

Вчера изволила Ея Величество удостоить домъ мой высочайшимъ своимъ присутствіемъ и остаться при ужинѣ, во время котораго была Итальянская музыка съ иллюминаціею предъ палатами и позади оныхъ. Какъ большая часть здѣшнихъ чиновныхъ персонъ, такъ и всѣ чужестранные министры вообще имѣли честь ужинать съ Ея Величествомъ за однимъ столомъ.

Въ Санктпетербургѣ,
8-го Іюля 1763 года.

118.

A S-t Pétersbourg, ce 11 juillet 1763.

Monsieur.

Je vous ai fait part des explications désagréables qui se sont passés dernièrement entre l'ambassadeur d'Angleterre et moi. Je vous priais de faire connaître au ministère Britannique combien je ressentais l'offense qu'il m'a faite. Depuis ce tems l'ambassadeur m'ayant témoigné de lui-même son vif regret de tout ce qui s'était passé, comme ayant été uniquement occasionné par trop d'empressement de sa part, m'a demandé de la manière la plus pressante de le regarder comme non-avenu et de mettre toute l'affaire en oubli. Comme elle m'est particulière et que je suis aussi éloigné de pousser les choses à l'extrémité que de souffrir une insulte, je me suis contenté de cet aveu de l'ambassadeur. Je vous écris donc, monsieur, pour vous prier de cesser toute démarche sur cette affaire et de prévenir que celles que vous auriez déjà faites n'ayent le moindre effet, en vous expliquant avec le ministère Britannique de manière qu'il n'en soit plus dit un mot.

Je profite du départ d'une estafette de ce ministre pour vous envoyer ma lettre et vous donner l'avis préalable de l'ordre que l'Impératrice vous a donné d'entrer en négociation avec lui pour le traité d'alliance défensive qu'il a été chargé de proposer ici. Quoique je ne doute pas que le c-te de Buckingham n'en rende compte à sa cour par les dépêches qu'il envoye aujour-

d'hui, comme la proposition du traité a pareillement été faite par votre canal, vous ne manquerez pas de faire part de cette nouvelle au ministère Britannique et pour le détromper sur les lenteurs qu'il nous a supposées, vous lui observerez que c'est un des premiers objets dont Sa Majesté se soit occupée depuis son retour. Vous serez exactement informé de la marche qu'aura la négociation et vous recevrez les instructions nécessaires pour toutes les choses dans lesquelles vous pourriez de votre côté y coopérer. On ne tardera pas non plus à reprendre le traité de commerce en considération et on tâchera de l'établir sur le pied le plus avantageux aux deux nations. Vous serez en état de justifier par tout ceci à la cour où vous êtes qu'on n'a point perdu de vue un instant la relation naturelle d'intérêts que nous avons avec elle et qu'on a aussi à coeur qu'elle de les unir étroitement.

119.

Пользуясь отправленіемъ стафеты Аглинскаго посла, при семъ посылаю для свѣдѣнія вашего экземпляръ аллегорическаго описанія иллюминаціи моей, ссылаясь впрочемъ на отправленное мое Французское письмо отъ сего числа, въ пакетѣ г. Букингама посланное, по которому вы можете изъясниться съ графомъ Галифаксомъ, давъ ему оное въ оригиналѣ прочитать, и прошу увѣдомить, въ цѣлости ли печатей къ вамъ дойдетъ, также и о имѣющемъ съ нимъ разговорѣ подробно меня увѣдомить.

На будущей недѣлѣ я въ состояніи быть надѣюсь васъ позитивно увѣдомить о жребіи моемъ и о времени отъѣзда моего, потому что еще Ея Императорское Величество рѣшить не изволила, за сколько цѣною домъ мой взятъ будетъ въ казну на чинъ канцлеровъ, и вы можете письма ваши адресовать къ князю В. С. Долгорукову въ Берлинъ, которой будетъ знать о выѣздѣ моемъ отсюда и письма ваши ко мнѣ на встрѣчу отправлять, о чемъ я нынѣ же къ нему пишу.

Отецъ вашъ намѣренъ выѣхать изъ Москвы 8-го числа сего мѣсяца и о пріѣздѣ его сюда васъ увѣдомить не оставлю.

Я уповаю, что послѣднія мои письма отъ 2-го и 8-го сего мѣсяца вы исправно получили.

У насъ нынѣ наступила весьма худая и мокрая погода, которой и въ осень хуже не бываетъ, и я по слабости здоровья моего больше гипохондрическіе припадки чувствую.

Сегодня пополудни Ея Императорское Величество сосоизволитъ шествовать въ Петергофъ, и слышно, что тамо

до 6-го числа Августа пробыть намѣрена. Я уповаю, что здѣсь долѣе 15-го Августа не пробуду, только заподлинно васъ удостовѣрить еще не могу.

1763 Іюля 11-го дня,
въ С.-Питербурхѣ.

120.

Въ предпринимаемыхъ вами внутрь земли поѣздкахъ не оставите вы употреблять всевозможныя осторожности, дабы не быть подвержену часто случающимся въ Англіи нападкамъ отъ воровъ и разбойниковъ.

Въ минувшую Пятницу изволила Ея Императорское Величество купно съ его императорскимъ высочествомъ, государемъ великимъ княземъ, ѣздить въ Кронштадтъ и, пробывъ тамъ три дни, возвратиться вчера въ Петергофъ. Въ Кронштадтѣ изволила Ея Величество всходить на одинъ Англійской купеческой корабль, которой идетъ отсюда прямо въ Венецію.

Сейчасъ отъѣзжаю съ фамиліею моею въ Петергофъ, гдѣ надѣюсь свѣдать о рѣшеніи жребія моего въ разсужденіи покупки двора моего, и сколь скоро сіе послѣдуетъ, я надѣюсь съ Божескою помощію чрезъ 10 дней въ путь отправиться и васъ отсюда и изъ дороги увѣдомлять не оставлю.

Отецъ вашъ вчерась сюды пріѣхалъ благополучно и къ вамъ на сей почтѣ писать времени не имѣетъ.

Въ С.-Петербургѣ,
22-го Іюля 1763 года.

Переводъ съ письма *) его сіятельства государственнаго канцлера отъ 24 Іюля 1763.

Отличности, барону Бретелю оказанныя, не соучаствуютъ въ дѣлахъ, и можете вы при всякомъ удобномъ случаѣ и гдѣ только заблагоразсудите, именно отзываться, что весьма ошибется тотъ, кто по персональнымъ пріемамъ судить будетъ о политической Ея Императорскаго Величества системѣ.

Весьма справедливо разсуждаете вы, что замедлившееся по сю пору вступленіе Ея Императорскаго Величества въ тѣснѣйшій съ Англіею союзъ ни отъ чего инаго послѣдовало какъ единственно отъ многаго упражненія во внутреннихъ дѣлахъ, которыя требовали всѣ великаго поправленія. Никто не можетъ не признать сей правды, равно какъ и того, что въ одинъ годъ государствованія Ея Императорскаго Величества больше въ пользу отечества добра сдѣлано, нежели здѣсь изобразить можно.

На письмѣ вашемъ противъ того, гдѣ пишете, что, въ случаѣ отъѣзда моего, адресовали вы пакетъ вашъ въ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, изволила Ея Величество написать собственною рукою слѣдующія слова: «Сіе необходимо нужно, и то съ такою откровенностію, какъ къ вамъ пишетъ».

---

*) Писаннаго въ цифрахъ. П. Б.

121.

По поводу акредитованія г-на Деона при Лондонскомъ дворѣ въ качествѣ полномочнаго министра надлежитъ вамъ непремѣнно держаться отправленнаго въ Парижъ къ князю Голицыну рескрыпта, на которой по сю пору съ стороны Французской ничего не отвѣтствовано.

Теперь приближаюсь я къ самому моему отъѣзду и надѣюсь быть въ состояніи отправиться въ путь 3-го или 5-го числа будущаго мѣсяца. Ея Императорское Величество изволила мнѣ при семъ случаѣ сдѣлать ту великую милость, что домъ мой со всѣми уборами взять въ казну на чинъ будущихъ канцлеровъ, съ пожалованіемъ мнѣ за оный денегъ, сколько я въ казну и партикулярнымъ людямъ долженъ, которая сумма долговъ моихъ нарочито велика; только указъ о томъ еще не подписанъ. Но не одна еще сія милость: ибо Ея Величество, по собственному побужденію, изволила повелѣть продолжать и въ отсутствіи жалованіе какъ мнѣ, такъ и графинѣ Аннѣ Карловнѣ.

Въ Санктпетербургѣ,
29-го дня Іюля 1763 года.

Вчерась его императорское высочество великій князь сюда прибылъ; а сегодня Ея Императорское Величество ожидается къ вечеру. Ея Величество будетъ крестить дочь графа И. Г. Чернышова и кушать у него на приморскомъ дворѣ.

*

Въ Москвѣ канцлеръ оказалъ Государынѣ личную услугу, облегчивъ ей уклониться отъ брака съ графомъ Г. Г. Орловымъ, къ чему ее склонялъ возвращенный изъ ссылки графъ А. П. Бестужевъ, въ виду тяжкой болѣзни великаго князя Павла Пе-

тровича. О посредствѣ канцлера свидѣтельствуютъ изданныя въ свѣтъ депеши иностранныхъ посланниковъ, а о самомъ затѣянномъ бракѣ говоритъ Екатерина въ своихъ письмахъ, напечатанныхъ въ Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества. П. Б.

122.

A S-t Pétersbourg, ce 29 juillet 1763.

Étant à la veille d'entreprendre un voyage de deux ans dans les pays étrangers, je n'ai pas voulu partir d'ici sans vous faire mes remercîments de la confiance dont vous m'avez donné des marques en tant d'occasions. Flatté d'y avoir toujours parfaitement répondu, je me féliciterai, si j'ai pu, monsieur, vous témoigner mon empressement à rendre toute la justice due à votre zèle pour le service dont j'ai eu l'honneur d'être le témoin. Si vous souhaitez m'écrire pendant mon absence, je dirigerai ma route par Berlin et Vienne vers l'Italie. Vous voudrez bien, monsieur, adresser vos lettres à m-r le prince Dolgorouky et à m-r l'ambassadeur prince de Galitzine qui seront plus à portée de me les faire parvenir.

123.

День отъѣзда моего не рѣшенъ еще точно за неподписаніемъ именнаго указа о взятіи дома моего въ казну; но я надѣюсь однако, что то скоро сдѣлается, слѣдовательно и быть въ состояніи начать путь мой въ непродолжительномъ времени.

Вчера изволила Ея Императорское Величество по представленію моему всемилостивѣйше соизволить, чтобъ я взялъ съ собою изъ Вѣны брата вашего графа Семена Романовича, что думаю я, какъ мнѣ самому, такъ и вамъ не непріятно будетъ.

Васъ дружески остерегаю: берегися авансировать гаданія ваши по случаю происходящихъ распрей между правительствомъ и народомъ; ибо вы иногда со всѣмъ вашимъ здравымъ разсудкомъ можете въ гаданіяхъ вашихъ обмануться, потому что извѣстное дѣло было, есть и будетъ, что въ Англіи между дворовою партіею, министерствомъ и парламента членами по обстоятельствамъ происходятъ странные поступки и издаются въ народъ чудныя бумаги, которыя однакожъ никакихъ слѣдствій не производятъ. Со всѣмъ тѣмъ однакожъ я вамъ совѣтую (какъ вы то къ похвалѣ вашей и чините) надлежащее примѣчаніе имѣть.

Въ Санктъ-Петербургѣ,
1-го Августа 1763 года.

124.

Завтра отправлюсь въ путь свой, ибо вчера изволила Ея Императорское Величество подписать указъ, какъ о увольненіи меня съ фамиліею, такъ и о взятіи дома моего въ казенное Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ вѣдомство на чинъ канцлерской съ выдачею мнѣ изъ казны двухъ сотъ семнадцати тысячъ рублевъ, въ которую зачтены должныя мною въ Мѣдный Банкъ и въ таможню деньги, да уступлена еще мнѣ остающаяся на республикѣ Голландской съ 1748-го года недоимка изъ субсидныхъ денегъ ста и девяноста тысячъ гульденовъ.

Въ качествѣ канцлера изволила Ея Императорское Величество всемилостивѣйше позволить мнѣ жить въ семъ канцлерскомъ уже домѣ.

Изъ каждаго города, гдѣ я нѣсколько дней жить буду, не оставлю я содержать и продолжать пріятную мнѣ съ вами переписку; напротивъ чего, и отъ васъ несумнѣнно ожидаю, что вы тому взаимствовать будете, адресуя письма ваши сначала въ Берлинъ, а потомъ въ Вѣну.

Въ С.-Петербургѣ,
5-го Августа 1763-го г.

Указъ нашему Сенату.

Канцлеръ нашъ графъ Воронцовъ представляетъ намъ, что онъ по слабости здоровья не въ состояніи больше нести трудовъ званія своего, ежели перемѣною воздуха или цѣлительными водами не воспользуется, и для того просилъ насъ всеподданнѣйше о увольненіи его и съ фамиліею по край-

ней мѣрѣ на два года въ чужіе краи. Мы въ разсужденіи законныхъ его причинъ всемилостивѣйше дозволяемъ какъ ему канцлеру, такъ и женѣ его, нашей оберъ-гофмейстеринѣ графинѣ Аннѣ Воронцовой пробыть внѣ отечества чрезъ два года, гдѣ они сами за благо разсудятъ, повелѣвая обоимъ имъ выдать настоящее ихъ годовое жалованье; однако по прошествіи сего срока, возвратясь въ Россію, безъ новаго отъ насъ указа, вступили бы они по прежнему въ правленіе своихъ чиновъ и должностей.

А какъ сверхъ того представлялъ намъ онъ же канцлеръ, что имѣетъ онъ на себѣ немалые долги, для уплаты которыхъ просилъ онъ насъ всеподданнѣйше, взять въ казну нашу на чинъ канцлерской каменной его Санктъ-Петербургской домъ, то мы, изъ особливаго къ нему снисхожденія и высочайшей нашей милости, повелѣваемъ:

1-е. Помянутый его домъ, которому опись намъ отъ него же поднесена, причислить къ казеннымъ нашимъ домамъ и содержать его въ вѣдомствѣ Иностранной Коллегіи на чинъ канцлеровъ нашихъ, на которомъ основаніи и ему графу Воронцову, яко дѣйствительному канцлеру, жить въ немъ позволяемъ.

2-е. За сей дворъ выдать ему повелѣваемъ изъ Мѣднаго Банка 217321 рубль.

3-е. Сію же выдачу раздѣлить на два главные платежа и въ первый зачесть весь казенный на немъ долгъ, состоящій какъ по Мѣдному Банку, такъ и по таможнѣ въ 84066 рубляхъ; а затѣмъ остальные по разсчету на одну половину 24594 рубля 50 копѣекъ выдать ему нынѣ предъ отъѣздомъ изъ Мѣднаго Банка.

4-е. Въ уплату другой половины асигновать ему остающуюся на республикѣ Голландской съ 1748 года недоимку

изъ субсидныхъ денегъ ста и девяноста тысячъ Голландскихъ гульденовъ (о чемъ особливый данъ указъ Нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ). А по какому тогда настоящему *) изъ Голландіи сюда курсу онъ канцлеръ будетъ получать себѣ въ заплату тѣ субсидныя деньги, о томъ нашему министру въ Гагѣ содержать вѣрную записку, и по исчисленіи на наши деньги сей суммы, остальную часть въ вышепомянутую вторую половину выдать ему канцлеру также изъ Мѣднаго Банка.

Подписанъ отъ Ея И. В. 4 Августа 1763.

125.

Чрезъ сіе имѣю только васъ увѣдомить о полученіи вашего письма отъ 30-го Іюля подъ № 76 и приложенной приономъ реляціи вашей № 68 съ приложеніями, которыя сего же дня при письмѣ моемъ къ его сіятельству вице-канцлеру послалъ для поднесенія Ея Императорскому Величеству, и вы ожидать имѣете высочайшей ея резолюціи.

Что же касается до моего собственнаго неудовольствія по причинѣ извѣстныхъ писемъ г-на Букингама, я охотно оставляю и забвенію предаю по учиненному къ вамъ отзыву его Британскаго величества и министерства Аглинскаго, и вы можете при случаѣ королю и господамъ статскимъ секретарямъ знать дать, надѣясь впрочемъ, что сіе дѣло съ обѣихъ сторонъ никакихъ слѣдствій имѣть не будетъ, и посолъ въ дѣлахъ лучше поступать станетъ.

Я сюды вчерась пріѣхалъ и послѣ завтра въ путь мой отправиться намѣренъ. Надѣюсь, что вы ко мнѣ чрезъ Берлинъ и Вѣну подъ кувертомъ нашихъ министровъ писать будете.

1763 Августа 17-го дня, въ Ригѣ.

---

*) Т. е. имѣющему тогда быть курсу.

126.

Пëтръ Васильевичъ Бакунинъ прислалъ ко мнѣ сегодня ваше партикулярное отъ 15 (26) Іюля, которымъ вы только о полученіи моего отъ 13 (24) Іюня увѣдомляете, желая, чтобъ отданныя мною въ Коллегію ваши цифирныя не чрезъ многія руки, для сохраненія секрета, проходили; и вы будьте въ томъ безпечны, что дѣла изъ Коллегіи наружу понынѣ никогда не выходили.

Что же вы въ партикулярномъ письмѣ вашемъ отъ 31-го Августа пишите, что посолъ Букингамъ отнюдь не ауторизованъ былъ извѣстный поступокъ учинить, я вѣрю тому, что ему не приказано было писать, да и не сумнѣваюсь о томъ, чтобъ къ нему отъ министерства не писано было для его дирекціи, которую онъ худо исправилъ. Со всѣмъ тѣмъ сіе дѣло почитаю прошедшимъ, какъ вы изъ предъидущихъ моихъ писемъ уже довольно усмотрѣли; остается только желать, чтобы вновь какихъ либо непріятныхъ происшествій не послѣдовало.

При семъ для вашего свѣдѣнія посылаю копію съ указа Ея Императорскаго Величества въ Сенатъ о покупкѣ моего дома. Я не знаю, будутъ ли Голандскіе статы платить домимочныя субсидіи, и о томъ надѣюсь отъ г-на Гроса получить въ Берлинѣ увѣдомленіе.

Я завтра отсюда отъѣзжаю и буду ночевать въ Митавѣ у герцога Эрнста Іоганна, которой въ своемъ домѣ квартиру для меня изготовилъ; а на другой день далѣе въ путь мой отправлюсь и нигдѣ мѣшкать кромѣ нужнаго отдохно-

венія не буду. Въ Берлинѣ, можетъ быть, нѣсколько дней пробуду. Пожалуйте, отпишите ко мнѣ, въ какой конекціи нынѣ Аглинской дворъ съ Берлинскимъ находится и Пруской министръ въ Лондонѣ съ вами откровенно ли обходится.

1763 Августа 18 дня.
въ Ригѣ.

127.

Я весьма вамъ благодарствую за увѣдомленіе, что король Аглинской приказалъ послу своему въ награжденіе убытковъ моихъ отъ каперовъ заплатить 2000 фунт. стерл. Я сіи письма отослалъ къ его сіятельству вице-канцлеру, чтобъ онъ доложилъ о томъ Ея Императорскому Величеству и ежели соизволитъ повелѣть мнѣ принять оныя деньги, то всемѣрно должно отъ Аглинскаго двора требовать, чтобъ и всѣмъ интересованнымъ персонамъ равномѣрно же заплачено было, и что потому сдѣлано будетъ, о томъ впредъ мы увѣдомимся.

По прiѣздѣ моемъ въ Берлинъ я надѣюсь отъ васъ получить множество писемъ и прошу увѣдомлять о начатой негоціаціи съ Аглинскимъ посломъ; я опасаюсь, чтобъ не произошли какія либо непріятныя экспликаціи. Пожалуй, мой другъ, будь остороженъ въ разговорахъ съ Аглинскимъ министерствомъ. Я надѣюсь, что вы всѣ письма мои исправно получили и послѣднія отъ 17-го и 18-го сего мѣсяца.

По прiѣздѣ моемъ въ сей городъ, я чрезъ газеты увѣдомился о счастливомъ разрѣшеніи отъ бремени ея величества королевы Аглинской. Здѣсь я намѣренъ только двѣ ночи остаться и чрезъ Тильзитъ путь мой до Кенигсберха продолжать буду.

1763 Августа 25,
въ Мемелѣ.

128.

Я не могу оставить, по любви моей къ вамъ, чтобъ для извѣстія и осторожности вашей не увѣдомить, что я изъ С.-Петербурха отъ надежной персоны извѣстіе имѣю, что Ея Императорское Величество по поводу писемъ и жалобъ вашихъ соизволила въ Коллегію записку прислать съ выговоромъ, для чего на ваши реляціи отвѣтами умедлено, на что Ея Величеству въ оправданіе надлежащія изъясненія представлены. Я знаю ревность вашу и усердіе къ службѣ, также и сколь непріятно министру не получать часто отъ двора своего наставленій. Но вамъ надлежитъ о времени отправленія вашихъ депешъ расчисленіе дѣлать, и что не можно по полученіи оныхъ того же часа резолюціи и наставленія къ вамъ отправлять, по важности матеріи и по многотрудной кореспонденціи съ другими министрами: ибо часто случается, что всѣ канцелярскіе служители переписываніемъ однимъ набѣло отправляемыхъ во всѣ мѣста писемъ упражнены находятся по нѣскольку дней и, едва отправя оныя на почту, въ тоже самое время столько же дѣлъ имѣютъ къ другой почтѣ, равно какъ бы ничего не дѣлали, и такимъ образомъ ежедневное упражненіе происходитъ, подобно большой поварнѣ, на которой огонь и стряпня никогда не перестаетъ. Я сіе для того пишу, чтобъ вы, зная о томъ, имѣли нѣкоторое терпѣніе и не торопились въ дѣлахъ, исчисляя правильно о времени отправляемыхъ отъ васъ писемъ и обратнаго полученія отвѣтовъ; къ тому же и не на всѣ реляціи можно резолюціями снабдѣвать, которыя по большей части только къ свѣдѣнію служатъ, ибо по важнымъ не

оставится безъ резолюціи, которая однакоже безъ доклада и рѣшенія Ея Императорскаго Величества иногда дана быть не можетъ, и для того требуется времени. Я уповаю, что сіе мое искреннее изъясненіе васъ не оскорбитъ, и вы будете пользоваться для собственнаго вашего спокойства и удовольства. Завтра отсюда отъѣхать намѣренъ, и по пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ къ вамъ писать не оставлю. Здѣшній городъ мнѣ многія почести оказалъ. Графиня Анна Карловна и дочь моя вамъ кланяются; они просятъ васъ о присылкѣ въ Ливорну бочку хорошаго Аглинскаго пива, которое бы не горько и не кисло было, а къ тому въ Лондонѣ можете найти способы, и чаятельнѣ въ Ливорну суда еженедѣльно отходятъ.

Сентября 8-го 1763-го,
въ Данцигѣ.

129.

Сколь скоро я буду имѣть честь его величеству королю Прускому и фамиліи представленъ быть и по исправленіи моего экипажа немедленно въ путь мой чрезъ Бреславль въ Вѣну отправлюсь; а при самомъ выѣздѣ отсюда васъ увѣдомить не оставлю. Изъ Россіи я писемъ чрезъ три почты не получалъ.

1763 Сентября 20-го ст. шт.,
въ Берлинѣ.

Вчерась былъ у меня г-нъ Мичель и много съ похвалою о васъ говорилъ. Я весьма доволенъ, что получилъ съ нимъ знакомство и нахожу его разумнымъ человѣкомъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что г-нъ Кейтъ *) получилъ отъ короля пенсіонъ и будетъ жить въ Шотландіи. Я весьма радуюсь, что сей честный старикъ взысканъ отъ его величества по заслугамъ

*) Бывшій передъ тѣмъ Англійскій посолъ въ Петербургѣ. П. Б.

своимъ награжденіемъ. Ежели вы будете имѣть случай съ нимъ видѣться или писать къ нему, прошу знать дать о сентиментахъ почтенія и дружбы моей къ нему и что графиня Анна Карловна непрестанно о немъ помнитъ.

130.

Изъ письма вашего и приложенныхъ копій съ канцелярскихъ цыдулъ я съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ о прискорбности вашей по случаю учиненнаго вамъ изъ Коллегіи выговора о напоминаніи вашемъ храненія секрета. Подлинно, что Коллегія могла бы обойтись отъ подобнаго отзыва, и по моему мнѣнію, вы лучше бы учинили, оставя безъ отвѣта, нежели, оказавъ огорченіе ваше, въ непріятную переписку вступили. Я не оставилъ писать къ его сіятельству вице-канцлеру и требовалъ, чтобъ впредъ вы освобождены были отъ подобныхъ переписокъ и желалъ, чтобъ происшедшее забвенію предано было. А вамъ, мой другъ, совѣтую больше флегмы нежели горячности имѣть; ибо въ карьерѣ, въ которой вы находитесь, то есть въ министерствѣ, часто случаются многія непріятныя и неожиданныя происшествія, которыя разумомъ и скромностію преодолѣны бываютъ, нежели оказаніемъ своего восчувствованія или нетерпѣливости. Я вамъ сіе пишу, какъ истинный твой другъ, и надѣюсь, что ты совѣтамъ моимъ слѣдовать будешь.

Третьяго дня, 26 Сентября, я имѣлъ честь у короля въ Шарлотенбургѣ быть и обѣдать; того же вечера съ нимъ въ городѣ и съ королевскою фамиліею простился, будучи много отличною милостію его взысканъ. Его величество со мною

довольно о разныхъ дѣлахъ говорить изволилъ, а особливо по случаю смерти короля Польскаго, о которой того дня извѣстіе получено было изъ Дрездена, и я не оставилъ того жъ часа на стафетѣ писать къ всемилостивѣйшей нашей Государынѣ.

Теперь я обѣдаю въ домѣ князя В. С. Долгорукова (котораго атенціею я много одолженъ, и сіе письмо для пересылки ему отдано), и немедленно въ путь мой чрезъ Бреславль въ Вѣну отправлюсь.

Господину Мичелю я засвидѣтельствовалъ мое благодареніе за отправленные отъ его величества короля Аглинскаго указы къ консуламъ и резидентамъ въ Италію, касательно моей поѣздки, и я надѣюсь, что онъ королю донести не оставитъ, и вы можете Аглинскому министерству именемъ моимъ благодареніе сказать.

1763 Сентября 28 ст. шт.,
въ Берлинѣ.

P. S. Его величество король Пруской весьма милостиво и съ похвалою о васъ ко мнѣ отзывался; господинъ Книпгаузенъ также хвалился вашимъ ласковымъ обхожденіемъ.

131.

En arrivant à Vienne le Mardi 14 (25), j'y ai trouvé vos №№ 2 et 3. Je souhaite que le sieur Nater réussisse en Russie et que son exemple y attire quelques autres artistes de son mérite. L'étourderie du courrier français nous surprend beaucoup ici; on ne perd point des actes de cette importance, et il n'y a pas de doute que m-r Déon ne fasse l'impossible pour retrouver cette garantie qui d'ailleurs étonne bien du monde en elle-même.

Mon inquiétude sur les dangereux suites de tant de banqueroutes était des plus naturelles, et je vous sais bien bon gré des éclaircissements que vous m'envoyez, joints à tous ceux qui m'ont été adressés des résidents intéressés; ils ont achevé de me mettre entièrement au fait de la cause funeste du mal qui nous a tous tant alarmé. Vos réflexions et vos observations sont très-judicieuses; mais il est bien étonnant que tant d'habiles négociants aient été la dupe de leur cupidité et qu'ils n'aient pas prévu tous les inconvénients qui devoient naître nécessairement à la paix de l'altération des monnaies de Prusse. Enfin tout est racommodé, Dieu soit loué.

D'autant plus que la place de Pétersbourg n'a rien souffert de tout ceci. Vraiment il serait bien à souhaiter qu'elle eût une traite directe établie entre elle et celle de Londres. Je suis enchanté que les Anglais sentent toute l'utilité d'un pareil établissement; il y a longtemps qu'on l'a sentie en France et que l'on y

vise à se débarasser d'une médiation beaucoup trop coûteuse et trop sujette. Je suis bien persuadé que les vues de Londres à cet égard ne souffriront aucune difficulté à Pétersbourg; pour moi, ça a toujours été mon avis, et il y a déjà quelques années que j'en ai parlé pour la première fois, comme du meilleur parti que l'on peut prendre.

Les négociants de Londres en Russie font fort bien de manifester leur zèle respectueux pour notre auguste Impératrice; le traité de commerce, qu'ils en attendent avec raison, est depuis longtemps sous les yeux de Sa Majesté Impériale, et il y a apparence qu'il ne tardera pas à paraître au contentement de tous ceux qu'il doit regarder. Ce que vous me mandez de la bonne contenance des Anglais dans ces moments critiques m'a fait grand plaisir, j'ai applaudi comme vous à leur généreuse assurance; si toutes les places s'entendaient ainsi pour secourir à propos les individus qui les composent, l'on verrait plus de bonnes maisons se soutenir, et tout en irait mieux.

Heureusement, monsieur, que mes différentes correspondances n'ont rien eu à démêler avec les manquants et que mes mesures ne paraissent point devoir être aucunement dérangées. Je vous remercie de votre inquiétude à ce sujet, ainsi que de tous les autres sentiments dont votre coeur est rempli; vous ne sauriez trop souvent m'en faire passer les assurances; ainsi, pour qu'elles ne me manquent point en Italie, adressez-moi vos lettres à Florence chez son excellence m-r le marquis Botta qu'il faudra prévenir auparavant, comme de raison, par une lettre polie. Je compte partir dans huitaine.

J'ai resté dix jours à Berlin; le roi m'y a comblé d'honneur et d'amitiés.

Leurs majestés impériales semblent se disputer à sa majesté Prussienne pour nous faire les caresses les plus distinguées. Nous avons déjà reçu les audiences les plus longues et les plus favorables. Sa majesté l'empereur nous a fait l'honneur de nous venir trouver dans notre loge au spectacle pour parler avec ma fille, et nous devons demain, Mardi 21 VIII-bre (1 IX-bre), avoir celui de dîner avec la famille impériale à Belvédére, votre tante, votre cousine et moi. Vous savez sans doute que j'emmene avec moi votre frère Simon Romanowitz; je m'en fais un plaisir d'autant plus grand qu'il paraît un très-bon sujet, d'une grande retenue et de beaucoup d'émulation.

Vous agissez très-sagement de vous divertir et de profiter, comme vous faites, de vos divertissements, pour vous mettre au fait de tout. Il est certain que toutes les choses ont différents côtés, dont certains ne sont aperçus que par le philosophe qui réfléchit sur tout.

Vienne, 20 (31) octobre 1763.

132.

Сейчасъ получаю ваше письмо подъ № 5 отъ 7 (18) сего мѣсяца, изъ котораго съ крайнимъ сожалѣніемъ вновь усмотрѣлъ о прискорбіи вашемъ и неудовольствѣ по случаю полученныхъ вами изъ Коллегіи непріятныхъ цыдулъ. Я сего жъ дня писать буду къ его сіятельству вице-канцлеру, чтобъ васъ отъ подобной переписки освободили; а васъ, мой другъ, чрезъ сіе увѣщеваю отнюдь никакого поступка къ непріятнымъ слѣдствіямъ не чинить и еще менѣе о увольненіи и отставленіи отъ нынѣшняго мѣста просить, инако вы отцу вашему и мнѣ крайнюю прискорбность и неудовольствіе окажете. Я прошу васъ не имѣть болѣе огорченія и великодушно снести чинимыя вамъ изъ Коллегіи напоминанія, которыя конечно не изъ недоброжелательства къ вамъ, но паче отъ малоразсудной горячности или худаго сочинителя кого-нибудь изъ канцелярскихъ служителей происходятъ. Я надѣюсь на благоразуміе ваше и буду спокоенъ, что вы по совѣту моему поступать будете и предадите прошедшее забвенію *).

Вчерась имѣлъ я отпускныя аудіенціи у ихъ императорскихъ величествъ въ Бельведерѣ.

1763 Октября 22,
въ Вѣнѣ.

---

*) Графъ Александръ Романовичъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Питтомъ Старшимъ, въ то время какъ тотъ боролся противъ министерства, которое потому и жаловалось въ Петербургъ на пристрастные къ Питту поступки нашего молодаго дипломата. П. Б.

133.

Сейчасъ отсюда отъѣзжаю при наилучшемъ, свѣтломъ и тепломъ времени.

Князь Д. М. Голицынъ, у котораго я жилъ въ домѣ, оказывалъ намъ неложные знаки своей дружбы и угощеніе. Братъ вашъ со мною ѣдетъ, и я здѣсь принялъ къ себѣ въ службу секретаремъ Лаферміера *), родомъ изъ Страсбурга (человѣкъ скромный и ученый), а извѣстнаго Бюлера отпустилъ для того, что онъ нѣсколько въ худомъ мнѣніи при нашемъ дворѣ находится, и Ея Императорское Величество соизволила отмѣнить принять его въ свою службу.

Господинъ Стормонтъ сегодня сюда ожидается; я сожалѣю, что съ нимъ знакомства имѣть не буду.

1763 Октября 28 (Ноября 8),
въ Вѣнѣ.

---

*) Вотъ начало связи Лаферьера съ домомъ Воронцовыхъ, у одного изъ которыхъ онъ и кончилъ жизнь въ 1796 году. П. Б.

134.

Много благодарствую вамъ за прилежную переписку; только я, будучи въ ежедневныхъ суетахъ и переѣздахъ непрестанныхъ, не въ состояніи соотвѣтствовать моими письмами, довольствуюсь токмо о полученіи вашихъ и о путешествіи моемъ увѣдомлять, вѣдая, что вы съ пріятностію о томъ слышать желаете.

Здѣшніе господа и дамы, не смотря на строгость обычая, ежедневно съ нами видятся и многія ласковости оказываютъ. Я имѣлъ удовольство спознаться съ господиномъ Морозини, и онъ съ похвалою о васъ мнѣ говорилъ; также здѣшній житель Маруци сказывалъ мнѣ, что съ вами знакомъ и въ перепискѣ находится; онъ представилъ мнѣ свои услуги, и я намѣренъ для переду пользоваться его готовостію. Равномѣрно явился у меня живописецъ. и архитектъ *Піетро Адамъ*, котораго вы при себѣ нѣсколько времени содержали, и онъ для васъ работалъ. Прошу о сихъ двухъ персонахъ меня увѣдомить: могу ли я къ нимъ повѣренность имѣть, ибо упоминаемый Піетро Адамъ желаетъ, чтобъ я его въ службу принялъ. Я оказалъ ему нѣкоторую склонность и велѣлъ пріѣхать во Флоренцію, давъ ему на проѣздъ деньги, гдѣ намѣренъ о талантѣ его и поведеніи ближе освѣдомиться. А сколько денегъ вы ему помѣсячно платили, извольте о томъ увѣдомить. Для любопытства вашего увѣдомляю, что предъ выѣздомъ моимъ изъ Санктпетербурха, Аглинской фрегатъ, называемой *Пилигрини*, отъѣзжая прямо въ Венецію, капитанъ представилъ мнѣ, не хочу ли что-

либо съ нимъ въ Венецію послать; я наудачу велѣлъ разной провизіи столовой, а именно осетрины, бѣлужины, вялой рыбы, семги, икры, грибовъ, огурцовъ, клюквы, морошки и тому подобныхъ отправить. Сей корабль сюда прибылъ три дня прежде моего пріѣзда, равно какъ бы мы условились на *рандеву*, и я исправно получилъ сію провизію, которую съ здѣшними знакомыми раздѣлилъ. Подобной случай рѣдко такъ счастливо бываетъ. Ежели бъ сей корабль двѣ недѣли позже пріѣхалъ, я бы не имѣлъ удовольства посланными вещами пользоваться, ибо намѣренъ отсюда выѣхать 15 (26) сего мѣсяца, потому что теперь настала холодная погода, и снѣгъ выпалъ; а здѣшняя стужа весьма чувствительна.

Пребывающій здѣсь Аглинской резидентъ Муранъ, по указу двора своего, предъявилъ мнѣ свои услуги, въ чемъ онъ способенъ быть можетъ; я ему поручилъ благодареніе засвидѣтельствовать министерству и васъ прошу при случаѣ о томъ же повторить.

1763 Ноября 12 (23) дня,
въ Венеціи.

135.

Сюды я пріѣхалъ 23-го числа сего мѣсяца и имѣю хорошую квартеру; только за наступающею холодною погодою принужденъ переѣхать въ Пизу, гдѣ намѣренъ всю зиму препроводить и въ Мартѣ мѣсяцѣ или въ Римъ и Неаполь или въ Германію ѣхать для употребленія въ Карлсбадѣ минеральныхъ водъ; токмо какую резолюцію приму, о томъ васъ въ свое время увѣдомить не оставлю. Чрезъ князя Дмитрія Михайловича и напослѣдокъ чрезъ маркиза Боту я получилъ пять писемъ вашихъ и много благодарствую вамъ за поданныя во оныхъ разныя увѣдомленія; только я вамъ скрыть не могу моего прискорбія, что изъ писемъ вашихъ продолжаю видѣть ваше огорченіе противу Коллегіи и его сіятельства вице-канцлера. Не распространяясь о сей непріятной матеріи, прошу васъ въ послѣдній разъ оставить ваше огорченіе и безпокойство и болѣе о томъ не упоминать, ибо мнѣ немалое неудовольствіе причиняетъ, тѣмъ паче, что я, въ отсутствіи будучи, не въ состояніи поправить; а когда, Богъ благословитъ, возвращусь въ отечество и буду продолжать званіе чина моего, тогда вы можете ожидать отъ меня, что я не оставлю показать вамъ всю справедливость заслугамъ вашимъ, и вы имѣете только продолжать исправно должность вашу безъ всякаго дальняго попеченія, что̀ бы ни происходило.

Пребывающій здѣсь Аглинской министръ оказываетъ мнѣ многія ласковости, объявя, что ему отъ двора его повелѣно; я васъ прошу о томъ благодареніе засвидѣтельствовать графу Галифаксу.

Приложенныя при семъ подъ отворчатою печатью письма подалъ мнѣ здѣсь г-нъ Вайновичъ; вы можете на оныя къ гг. Микели и Маруци отвѣтствовать, хотя оныя и отъ старыхъ чиселъ писаны.

Здоровье мое подвержено часто гипохондрическимъ припадкамъ, и я почти ежедневно стражду отъ спасмовъ и особливо при нынѣшнемъ годовомъ времени, не смотря на благость здѣшняго климата.

1763 Ноября 30-го дня,
во Флоренціи.

Теперь я получаю изъ Россіи извѣстіе, что Ея Императорское Величество соизволила опредѣлить Н. П. Панина первымъ членомъ въ Коллегію и что графъ А. П. Бестужевъ искалъ быть первымъ министромъ и править дѣла въ Коллегіи, только ему отказано. Вы сіе извѣстіе единственно для себя сохраните. Ежели вы получите за подписаніемъ Никиты Ивановича рескриптъ, пришлите ко мнѣ копію.

Copie de la lettre de m-r de Teploff en date de Pétersbourg, du 2 septembre 1763.

La lettre que votre excellence m'a fait la grâce de m'écrire de Riga du 18 du mois passé m'a été rendue en confidence par m-r votre frère. Son contenu m'a tellement frappé par le présent disproportionné à mon peu de mérite que vous m'y faites et à votre propre situation que j'ai longtems balancé de la produire à Sa Majesté Impériale, crainte de ne point choquer la délicatesse de cette grande Princesse dans ces sortes d'occasions. Mais, vu que le sujet en lui-même est pour moi fort délicat, j'ai pris à la fin la hardiesse de la

présenter. D'abord je compris la surprise dont je n'avais presque pas douté. En lisant la lettre, Sa Majesté me dit en ces propres termes: *que le chancelier ferait beaucoup mieux de payer ses dettes que de faire des présents aussi énormes*. Souffrez, monseigneur, que j'y ajoute mes propres refléxions, auxquelles votre largesse m'expose vis-à-vis de vous-même et à mon égard. Que dirait le public de moi (puisque cela ne laisserait de transpirer à la fin), voyant que votre excellence avait payé mes petites peines qui n'étaient qu'un pur devoir, déjà assez recompensé par les bontés de ma Souveraine? Ne dirait-on pas que votre excellence et moi étions d'avance d'accord de surprendre le bon ordre par lequel notre clémente Impératrice distribue ses grâces à ses sujets, du zêle et des services desquels elle est convaincue? Ces idées aussi intéressantes pour votre excellence que pour moi me font naître une autre qui me pèse encore davantage sur l'esprit et le coeur. Mon poste exige les plus exacts et les plus fidèles rapports en toute occasion sur les affaires dont Sa Majesté veut bien me charger. Supposez un cas pareil au vôtre qui tombe entre mes mains pour être traité et représenté à Sa Majesté Impériale! Quelle confusion ne serait-ce pas pour ma candeur et quel embarras peut-être pour Sa Majesté Impériale ellemême? Puisqu'il est difficile de pénétrer le coeur humain et de voir si j'agis avec probité ou dans la vue de gagner de pareils présents comme le vôtre, qui est pourtant pour une âme intéressée bien tentant. Ces refléxions aussi vraies que sincères m'obligent à prier votre excellence très-humblement de me dispenser de ce fardeau, et en donnant vos contre-ordres à ses su-

jets de ne pas me compter parmi ceux à qui vous vous devez la moindre chose, encore moins dix mille roubles, dont vous me faites présent. Trop assuré que votre excellence est sans cela convaincue de mon zèle et attachement pour elle en tout cas et du respect avec lequel j'ai l'honneur d'être, monseigneur,

de votre excellence
le très-humble et très-obéissant
serviteur. Signé: Grég. Teploff.

Copie de la réponse à m-r de Teploff, de Vienne 17 (28) octobre 1763.

Je n'avais garde de m'attendre à la réponse que vous avez faite à la lettre qui vous a été remise par mon frère. Je ne sais ce que c'est que les raisonnements que vous ne cessez de m'y faire; il n'y a rien de si simple que ma façon d'agir avec vous. Content de vos bons procédés, j'ai crû pouvoir, j'ai cru devoir les récompenser; il eut même été fort surprennant que je ne l'eusse pas fait, après une réussite de cette importance, d'autant plus que ma reconnaissance ne décidait rien contre l'acquit de mes dettes: elles ont toujours dû être payées par préférance à tout sur le prix de ma maison, que je leur ai entièrement abandonnée. Je ne m'exposais donc nullement à compromettre en rien soit votre réputation, monsieur, soit votre impartialité ou votre désintéressement dans l'exercice de vos fonctions. Je vous félicite sur votre extrême délicatesse; je souhaite qu'elle continue à vous faire mériter la confiance dont vous honore notre au-

guste Souveraine. Au reste j'ai révoqué des ordres qui ne vous étaient point agréables, et les dix mille roubles serviront à assurer davantage le remboursement de mes dettes. Cet article m'a toujours été fort à coeur, c'était même le motif puissant de mes instances dans tout ceci, comme le plus capable de déterminer en ma faveur Sa Majesté Impériale, dont les intentions seront toujours sacrées pour moi ou plutôt les premières règles de ma volonté.

Je suis, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur.

Signé: C. M. de Woronzow.

* *

Эти два любопытныхъ письма, въ спискахъ канцлера, сохранились при его письмахъ къ племяннику въ Лондонъ. Г. Н. Тепловъ, писавшій Екатеринѣ оба ея манифеста о восшествіи на престолъ, въ это время еще сохранялъ свое значеніе, утраченное имъ позднѣе, по его собственной винѣ.

П. Б.

136.

Искренное участіе пріемлю въ прискорбности вашей по случаю непріятной переписки съ Коллегіею. Я съ самаго начала видѣлъ, что худыя слѣдствія послѣдуютъ и прошу васъ возъимѣть великодушіе и оставить чувствительность вашу; потому что время все оное истребитъ, и терпѣніемъ вашимъ преодолите нанесенное вамъ неудовольствіе. Старайтесь только поведеніемъ и исправною службою заслужить Ея Величества къ себѣ благоволеніе и не имѣйте ни малѣйшаго сумнѣнія о ея къ вамъ благоволеніи. По меньшей мѣрѣ повторяю вамъ мою просьбу, до возвращенія моего въ отечество, не учинять поступка, чтобъ о увольненіи своемъ просить, потому что симъ поступкомъ вы себѣ самому, отцу вашему и мнѣ крайнее предосужденіе нанесете и ни малѣйшаго удовольствія себѣ не сдѣлаете, но паче немалое себѣ безславіе въ публикѣ учините.

О себѣ имѣю васъ увѣдомить, что при нынѣшней мокрой погодѣ, а особливо во время *solstice*, уже нѣсколько дней какъ простудою, а паче гипохондрическими припадками, стражду и намѣренъ на сей недѣлѣ переѣхать жить въ Пизу, гдѣ уже для меня лутчей дворъ нанятъ.

1763 Декабря 8 (19) дня,
изъ Флоренціи.

При семъ для извѣстія вашего посылаю копію съ указа Ея Императорскаго Величества о опредѣленіи Н. И. Панина въ Коллегію старшимъ членомъ. Вы можете, мой другъ, къ нему писать о дѣлахъ и требовать его вспоможенія, не смотря на то, что онъ, не къ похвалѣ своей, страстно любитъ и почитаетъ княгиню Дашкову.

137.

Я весьма сожалѣю, что вы подвержены флюсамъ, вѣдая собственнымъ искуствомъ, сколь чувствительна сія болѣзнь; надобно вамъ ежедневно по дважды холодною водою мыться. О себѣ васъ, другъ мой, увѣдомляю, что я великіе припадки имѣлъ отъ гипохондріи, и хотя теперь имѣю благостію Божіею облегченіе, только весьма слабъ и не могу труда понести ни малѣйшаго, а особливо въ письмѣ упражняться, и для того къ вамъ на письма ваши не въ состояніи пространно отвѣтствовать, только васъ увѣщеваю имѣть спокойство и вести себя въ дѣлахъ съ великою осторожностію, а не съ горячностію.

Въ бытность нашу въ Венеціи и по отъѣздѣ оттуда, господинъ Маруцци оказываетъ намъ многія услуги; онъ желаетъ быть консуломъ или агентомъ нашего двора. Я сильно рекомендовалъ его Ея Императорскому Величеству; только не знаю, буду-ли счастливъ въ успѣхѣ. Живописецъ Адамъ работаетъ для меня во Флоренціи; по возвращеніи моемъ въ оный городъ (куды надѣюсь чрезъ двѣ недѣли переѣхать), усмотря его искуство, или далѣе при себѣ содержать буду или отпущу.

Что вы мнѣ рекомендуете антикварія въ Римѣ, я конечно онымъ пользоваться буду, ежели въ оный городъ поѣду; ибо слабость здоровья моего и великія издержки, кои я понынѣ въ дорогѣ имѣю и недостатокъ въ деньгахъ, лишатъ меня сего удовольства видѣть Римъ и Неаполь, потому что я намѣренъ для пользованія ѣхать въ Карлсбадъ и быть ближе отечества, дабы скорѣе получать могъ извѣстія и нужныя деньги, такъ и скорѣе назадъ возвратиться, и ежели Богъ

даруетъ мнѣ здоровье и служба моя угодна будетъ всемилостивѣйшей нашей Государынѣ, то я оную продолжать буду, а инако, оставя все, ретируюсь и жить буду въ деревнѣ. Я вамъ сіе въ откровенности для собственнаго вашего свѣдѣнія пишу.

По возвращеніи моемъ изъ Ливорны графиня Анна Карловна взыскана отличностію милостію императрицы-королевы присылкою преизрядной работы табакерки съ своимъ портретомъ, и оную препроводилъ маркизъ Бота именемъ ея величества наиласкательнѣйшими терминами, и мы не оставили благодареніе наше изъяснить наичувствительно.

Чрезъ три дни намѣрены мы съѣздить въ Луку и потомъ вскорѣ возвратимся во Флоренцію, откуда, послѣ карнавала, надѣюсь отправиться въ обратный путь въ Вѣну, чрезъ Болонію, Парму и Миланъ; можетъ быть, съѣзжу въ Туринъ, о чемъ предъидуще васъ, мой другъ, увѣдомлю.

При семъ посылаю для свѣдѣнія вашего письма изъ Россіи, какъ я въ разныя времена по дорогѣ получилъ, и оныя касаются вашей персоны; вы, увѣдомясь изъ содержанія оныхъ, будете спокойны и оныя письма или обратно ко мнѣ пришлите или огню предайте.

Прошу увѣдомить о имени капитана и на какомъ кораблѣ отправлено въ Ливорну Аглинское пиво, дабы я по тому могъ въ Ливорнѣ комисію дать о пересылкѣ во Флоренцію или для раздачи знакомымъ персонамъ.

1764, Генваря 10 (21) дня, Пиза.

Прошу сказать мое благодареніе г-ну Мальцову за поздравленіе его Новымъ Годомъ; я истинно времени не имѣю ему особливымъ письмомъ служить.

138.

Аглинской консулъ въ Ливорнѣ г-нъ Дикъ, оказывая намъ въ бытность нашу въ ономъ городѣ разныя учтивости и услуги, продолжаетъ и здѣсь намъ великія угодности оказывать. Я прошу васъ г-ну Сандвичу засвидѣтельствовать мое благодареніе, и вы мнѣ особливую услугу окажете, когда сей министръ съ своей стороны окажетъ г-ну Дику, также въ Венеціи резиденту Мурану и во Флоренціи кавалеру Деменъ, удовольствіе свое за оказанныя мнѣ отъ вышепомянутыхъ персонъ услуги, дабы они отъ своего двора получили апробацію и похвалу и что̀ по сему учините, я буду ожидать пріятнаго извѣстія. А что вы дали рекомендательное письмо извѣѳному Французу Беле, прошу васъ подробнѣе меня о семъ человѣкѣ увѣдомить, и въ который городъ въ Италіи онъ ѣхать намѣренъ.

1764, Генваря 19 (30) дня, Пиза.

139.

На прошедшей почтѣ отъ 19 (30) сего мѣсяца я васъ увѣдомилъ о полученной мною неожиданной вѣдомости перемѣны министровъ въ Лондонѣ и Гагѣ. Я прежде не успокоюсь въ мысляхъ моихъ, когда заподлинно увѣдомлюсь о прямой причинѣ сея перемѣны. По искренней моей къ вамъ любви, я васъ, мой другъ, увѣщеваю не возъимѣть ни малѣйшаго огорченія и, повинуясь судьбѣ и волѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни, исполнять радѣтельно должность свою и вамъ совѣтую при самомъ началѣ пріѣзда вашего въ Гагу расположить домъ вашъ и расходы такимъ образомъ, чтобъ вы отъ получаемаго годоваго жалованья могли до двухъ тысячъ рублевъ въ годъ остатку имѣть. Никто васъ въ томъ не зазритъ, и вы тѣмъ никакого презрѣнія себѣ и характеру вашему не учините, когда строгую экономію въ домѣ своемъ учредите, по мѣрѣ получаемыхъ вами ежегодныхъ доходовъ, тѣмъ паче, что отецъ вашъ и я, при нынѣшнемъ нашемъ состояніи, не въ состояніи вамъ деньгами способствовать; къ тому же вы отъ двора нашего не для дѣланія фигуры въ Гагу посланы, слѣдовательно вы можете весьма скромно и съ умѣренными расходами, однакожъ честно, жить.

Прошу васъ по сему моему совѣту исполнить; вы сами послѣ будете довольны, когда умѣреннымъ состояніемъ своимъ, безъ долгу, каждый годъ и съ остатками наличныхъ денегъ, можете располагать по вашему состоянію.

На прошедшей почтѣ я писалъ къ г-ну Гросу, чтобы онъ, прежде отъѣзда своего изъ Гаги, исходатайствовалъ мнѣ платежъ денегъ по извѣстной конвенціи субсидіи, и васъ прошу, мой другъ, стараніе приложить, чтобъ нынѣшнимъ

нѣтомъ хотя половину денегъ чрезъ банкировъ Пельсовъ, Клифорта или Гопа векселями выдано вамъ было, которые прошу ко мнѣ въ Вѣну переслать. А дабы вы съ основаніемъ о семъ дѣлѣ вѣдали, то можете копіи съ моихъ писемъ взять отъ г-на Гроса и прочитать отправленные къ нему рескрипты и отвѣтныя его реляціи. Я буду отъ васъ ожидать частыхъ по сему дѣлу увѣдомленій.

1764, Генваря 21 (Февраля 2) дня, Пиза.

140.

Третьяго дни я получилъ письмо отъ г-на Гроса отъ Генваря, коимъ онъ меня увѣдомляетъ о нечаянномъ полученіи извѣстія чрезъ нарочнаго курьера, что ему повелѣно на смѣну васъ ѣхать въ Лондонъ, изъявляя при томъ ласковые ко мнѣ и къ вамъ сентименты и что онъ чрезъ четыре или пять недѣль надѣется въ путь свой отправиться. Я при семъ посылаю для извѣстія вашего копію съ письма его, также въ какой силѣ я писалъ къ его сіятельству вице-канцлеру по полученіи вѣдомости о переводѣ васъ отъ Аглинскаго двора. Вы, прочтя оныя, изволъте ихъ изодрать.

1764 Генваря 27 (7 Февраля) дня,
изъ Флоренціи.

141.

Вчерась я получилъ два письма ваши отъ 6-го и 9-го Генваря, коими меня увѣдомили о пріѣздѣ къ вамъ капитана Тира съ отзывными грамотами. Я не распространяюсь вамъ о сей матеріи и ссылаюсь только на послѣднія мои письма и не могу преминуть засвидѣтельствовать вамъ мое удовольствіе, что вы, получа сію неожидаемую и для васъ и меня непріятную вѣдомость, съ терпѣніемъ и повиновеніемъ волѣ Ея Императорскаго Величества себя подвергли; довольно для васъ утѣшенія, что вы незазорно и съ честію исполняли должность вашу и пріобрѣли себѣ похвалу при Аглинскомъ дворѣ и сожалѣніе объ отъѣздѣ вашемъ. Симъ поступкомъ вашимъ я крайне, другъ мой, вами доволенъ, и совѣтую вамъ во всякихъ приключеніяхъ быть тверду и великодушну, презирая всѣ случающіяся въ жизни нашей странныя происшествія, полагаясь твердо на Промыслъ Божій, оставляя прочее жребію и полагаясь несумнѣнно на благость Божію и Его покровительство. Я, будучи всегда въ сихъ мнѣніяхъ, многія непріятныя въ жизни моей приключенія безъ большой тягости перенесъ. Впрочемъ я не менѣе васъ желаю вѣдать о причинѣ вашей смѣны отъ Аглинскаго двора; а какъ нѣтъ ничего на свѣтѣ сокровеннаго, то и надѣюсь со временемъ обстоятельно свѣдать; а до той поры можно во мнѣніи своемъ погрѣшить, и я, можетъ быть, обма-

зываюсь, только думаю, что не благодѣтель-ли мой, которой мнѣ не престаетъ злости дѣлать *), для меня вамъ сіе прискорбіе учинилъ; только прошу васъ быть спокойнымъ и до полученія прямаго извѣстія не судить никого. Теперь остается мнѣ, другъ мой, вамъ искренно совѣтовать, чтобъ вы, при перемѣнѣ новаго мѣста, учредили домъ и расходы ваши весьма умѣренными, а особливо на первый годъ, а потомъ, исправясь и оплатя долги, можете по званію чина и имени вашего пристойно жить. Истинно никто васъ не зазритъ въ томъ, но паче хвалить будутъ, что вы и въ молодыхъ лѣтахъ умѣете жить. Въ Голандіи весь народъ сребролюбивъ, и генерально всѣ весьма скупы; въ семъ случаѣ вы можете имъ подражать. Я вамъ совѣтую нанять небольшой апартаментъ, содержать одну пару лошадей съ простою каретою, весьма малой столъ имѣть и никому обѣдовъ не давать и къ другимъ на обѣды не ѣздить; служителей, кромѣ камердинера, повара и двухъ лакеевъ, кучера и работника, болѣе не имѣть. Я думаю, что вы можете себя содержать десятью тысячами гульденовъ въ годъ. Прошу васъ, мой другъ, расчисленіе на сію сумму содержанія вашего сдѣлать. Я желаю, чтобы вы, буде не половину, то хотя треть вашего жалованья въ готовности и въ запасѣ въ наличныхъ деньгахъ имѣли, чтобъ не было нужды у купцовъ въ долгъ занимать. Ежели Богъ благоволитъ мнѣ возвратиться въ отечество, будьте увѣрены, что я васъ никогда не забуду и вамъ деньгами вспомогать не оставлю. А между тѣмъ представляю въ подарокъ 10.000 гульденовъ изъ субсидныхъ на Голандіи денегъ, которыя мнѣ, какъ вамъ извѣстно, ассигнованы за

*) Т.-е. графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. П. Б.

мой домъ, и я надѣюсь, что наконецъ статы генеральные окажутъ мнѣ удовольство и буде не всю сумму, то хотя половину оной выдадутъ, и я теперь истинно крайнюю въ деньгахъ нужду имѣю, и ежели г-нъ Гросъ прежде отъѣзда своего изъ Гаги уплаты не получитъ, то прошу васъ, взявъ отъ него информацію, стараніе ваше приложить исходатайствовать наличный платежъ или чрезъ какую-либо купеческую контору доставить кредитъ, чтобы я могъ на оную вексели присылать для заплаты, и къ тому могутъ опредѣлить Пельсовъ, Клифорта или Гопа. О семъ я пространно писалъ къ г-ну Гросу и надѣюсь, что онъ вамъ обстоятельное сообщеніе о томъ дать не оставитъ.

Я вамъ сообщилъ копію съ письма г-на Гроса, а при семъ посылаю съ моего отвѣтнаго копію, изъ которыхъ вы усмотрите наши мнѣнія.

1764 Генваря 30 (10 Февраля),
изъ Флоренціи.

142.

Не вѣдая, сообщена-ли вамъ изъ Коллегіи декларація, по соизволенію Ея Императорскаго Величества чрезъ его сіятельство вице-канцлера г-ну Мейнертсгагену учиненная, я при семъ посылаю для извѣстія вашего экстрактъ изъ письма князя Александра Михайловича и прошу васъ увѣдомить меня о успѣхѣ производимыхъ вами домогательствъ по посланнымъ къ вамъ рескриптамъ и моихъ послѣднихъ писемъ, на которыя ожидаю пріятнаго отвѣта.

Изъ Флоренціи,
Февраля 3 (14), 1764.

Fragment de la lettre de m-r le vice-chancelier, du 30 décembre 1763.

По полученному отъ г-на Гроса извѣстію о малой со стороны Голандцевъ надеждѣ къ выплаченью пожалованныхъ вашему сіятельству субсидныхъ денегъ, не оставилъ я, съ высочайшаго Ея Императорскаго Величества позволенія, сдѣлать здѣсь г-ну Мейнертсгагену серіозное внушеніе, которое ему еще вчера вторично на-крѣпко подтвердилъ на бывшей у меня конференціи, сказавъ между прочимъ, что здѣшній дворъ, наконецъ, принужденъ будетъ поступить на репрезалію и доставить самъ себѣ уплату сей справедливой претензіи. Я надѣюсь и не сумнѣваюсь, что сей поступокъ произведетъ желаемое дѣйствіе.

143.

Что вы сожалѣніе оказываете, что я въ Римъ и Неаполь не поѣду, я равномѣрно и самъ немало о томъ сожалѣю: только недостатокъ въ деньгахъ и великіе расходы дорожные принуждаютъ меня сію поѣздку отмѣнить; къ тому-жъ, по извѣстіямъ здѣсь полученнымъ, въ уѣздахъ Римскихъ и Неапольскихъ великій недостатокъ въ хлѣбѣ настоитъ, отчего тамошній народъ нѣсколько возмущеній дѣлаетъ. Здѣсь также въ хлѣбѣ нужда, и всякіе съѣстные припасы дороги. Я намѣренъ отсюда выѣхать въ половинѣ или въ концѣ Марта мѣсяца, ежели какое нечаянное помѣшательство не учинится, и вы, по полученіи сего письма, извольте письма ваши ко мнѣ чрезъ князя Дмитрія Михайловича пересылать. Здѣсь думаютъ, что дюкъ Іоркъ сюда будетъ въ половинѣ Марта мѣсяца, хотя о томъ кавалеръ Де-Менъ извѣстія не имѣетъ. Я весьма желаю имѣть удовольствіе его королевское высочество видѣть и васъ потомъ увѣдомить не оставлю. Впрочемъ вы увѣрены быть можете, что я крайне желаю съ вами видѣться и, ежели Богъ благоволитъ, надѣюсь сіе удовольствіе имѣть въ Іюлѣ или въ Августѣ мѣсяцѣ.

Прошу васъ, мой другъ, по полученіи извѣстія отъ г-на Гроса и по пріѣздѣ вашемъ въ Гагу, стараніе приложить и исходайствовать отъ республики платежъ субсидныхъ денегъ и, взявъ вексели отъ Пельсовъ или Клифорта, прислать ко мнѣ въ Маіѣ мѣсяцѣ въ Вѣну, дабы я могъ тамо расплатиться съ Италіанскими долгами, ибо пребываніе мое въ сей любезной землѣ очень дорого коштуетъ: я не болѣе двухъ тысячъ рублей въ мѣсяцъ расходу имѣть чаялъ, только слишкомъ по три тысячи издерживать принужденъ, почти

ничего для себя не покупая. Итакъ поѣздка моя въ Италіи и въ прочихъ земляхъ будетъ превосходить мои силы. Даруй Боже, чтобъ я получилъ отъ болѣзни моей совершенное выздоровленіе, и о убыткахъ сожалѣть не буду.

1764 Февраля 19 (Марта 1) дня,
изъ Флоренціи.

144.

Вчерась я получилъ ваше письмо отъ 10 (21) Февраля и благодарствую вамъ за сообщеніе отправленныхъ ко двору депешей и вашего письма къ Никитѣ Ивановичу. Я вамъ ничего другаго на оныя примѣтить не могу, какъ токмо совѣтую вамъ съ большею осторожностію въ реляціяхъ и письмахъ министеріальныхъ отзываться, чтобъ ваша ревность къ службѣ иногда худо истолкована не была. Теперь я надѣюсь, что вы благополучно море переѣхали и въ новомъ вашемъ постѣ основались, чѣмъ васъ искренно поздравляю и прошу о началѣ вступленія вашего въ министерство обстоятельно меня увѣдомить и какъ вы домъ свой учредили.

Вчерась прибылъ сюды дюкъ Де-Іоркъ и сталъ въ домѣ кавалера Де-Мена; я у него былъ съ визитою и меня ласково принялъ, оказавъ сожалѣніе о вашемъ отъѣздѣ, и я радуюсь, что вы Аглинской дворъ съ похвалою для васъ оставили.

Прошу васъ, другъ мой, по нѣкоторыхъ дняхъ пребыванія вашего, доброю манерою, отъ министерства исходатайствовать мнѣ до 50 тыс. гульденовъ уплаты, должныхъ чрезъ столь многіе годы субсидныхъ денегъ, и оныя деньги чрезъ Пельсовъ или Клифорта ко мнѣ въ Вѣну перевести, чѣмъ мнѣ великую угодность окажете, ибо я здѣсь въ Италіи болѣе 3000 червонцевъ долгу нажилъ и долженъ въ Маіѣ мѣсяцѣ въ Вѣнѣ заплатить.

1764 Марта 6 (17) дня.

145.

Я имѣлъ удовольство получить ваше письмо отъ Февраля и благодарствую за откровенныя ваши мнѣнія по случаю вашей перемѣны; я весьма согласенъ съ вами, что сія нечаянная перемѣна вамъ справедливо чувствительна быть должна, когда вы особливо прилежно старались въ званіи вашемъ заслужить себѣ апробацію. Только, другъ мой, пожалуйте тѣмъ не скорбите; можетъ быть, сія перемѣна больше къ вашему благополучію обратится.

По пріѣздѣ моемъ въ Вѣну я не оставлю о дозволеніи съ вами видѣться просить, чтобъ вамъ повелѣно было отлучиться изъ Гаги въ Страсбурхъ или въ Парижъ; только сіе послѣднее мѣсто для многихъ истолкованій можетъ быть не за полезно примется. И такъ я намѣренъ только о Страсбурхѣ упомянуть.

Отсюда я намѣренъ чрезъ восемь или десять дней отъѣхать, и вы можете письма ваши подъ кувертомъ графа Фирміани въ Миланъ или къ князю Д. М. Голицыну въ Вѣну адресовать. Съ дороги я не оставлю, сколько время допуститъ, къ вамъ писать.

Прошу увѣдомить меня, когда къ вамъ Н. П. Панинъ на ваши письма отвѣтствовать будетъ; я къ нему по выѣздѣ моемъ дважды писалъ, только понынѣ отвѣтомъ еще не почтенъ. Можетъ быть, что княгиня Дашкова тому причиною, которой онъ слѣпо раболѣпствуетъ; только я вамъ сего мнѣнія не утверждаю.

Хотя я, по намѣренію моему ѣхать въ Римъ и Неаполь, за пребываніемъ моимъ въ Пизѣ, къ сожалѣнію сіе удовольствіе не имѣлъ, только нынѣ радуюсь, что Богъ меня отъ того избавилъ; ибо по получаемымъ оттуда письмамъ печальныя извѣстія приходятъ. Народъ въ городѣ волнуется и терпитъ голодъ, а въ провинціяхъ люди умираютъ. Король принужденъ былъ въ казарму отъѣхать. Правда, что въ самомъ Римѣ не столько претерпѣваютъ какъ въ уѣздахъ, только кромѣ бѣдности и опасности ни о чемъ болѣе не думаютъ. Въ такихъ обстоятельствахъ печальныхъ народа, никакой пріятности нѣтъ быть тамъ. Здѣсь также въ хлѣбѣ недостатокъ, только способомъ привоза изъ Ломбардіи отъ голоду освободились. Я вамъ признаюсь, что сколь много я прежде Италію любилъ, столь нынѣ оною скучалъ, и весьма радъ, буду когда въ Вѣну пріѣду.

Вы мнѣ великую услугу окажете, когда получите отъ статовъ генеральныхъ платежъ субсидныхъ денегъ и ко мнѣ чрезъ вексели въ Вѣну пришлите; я весьма въ деньгахъ нужду имѣю.

1764 Марта 9 (20) дня,
изъ Флоренціи.

146.

Чрезъ сіе благодарствую вамъ за подаваемыя мнѣ прилежно увѣдомленія и я радуюсь, что вы при нынѣшней вашей перемѣнѣ столь великодушно и разумно поступаете, и по совѣту моему ваше новое житье въ Голандіи вести намѣрены; вы тѣмъ болѣе и болѣе любовь мою къ вамъ привлекаете.

Я не оставлю изъ Вѣны писать, чтобъ вамъ дозволеніе дано было со мною видѣться въ Страсбурхѣ.

При семъ возвращаю сухое письмо Н. И. Панина; вы болѣе меня счастливы, что получили какой-нибудь отвѣтъ; я къ нему съ дороги два письма писалъ, только и понынѣ не удостоенъ отвѣтомъ. Можетъ быть, великія упражненія въ дѣлахъ препятствуютъ.

Я намѣренъ былъ сегодня въ путь мой отправиться, только герцогъ Моденскій убѣдилъ здѣсь остаться до Пасхи; по пріѣздѣ моемъ въ Вѣну, я къ вамъ писать не премину. Прощай, мой другъ, будь здоровъ и веселъ и не имѣй излишнихъ безпокойствъ.

1764 Апрѣля 6 (17) дня,
изъ Милана.

147.

Радуюсь, что вы съ домашними дѣлами управились и поведеніемъ г-на Гроса довольны; желаю сердечно о благополучномъ вашемъ въ Гагу прибытіи увѣдомиться. Я теперь благостію Божіею имѣю нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни и надѣюсь чрезъ пять дней выѣхать; даруй Боже, чтобъ благополучно Тирольскія горы переѣхать и въ Вѣну вскорѣ прибыть могъ.

1764 Апрѣля 10 (21) дня,
изъ Милана.

При семъ возвращаю письмо г-на Ферзена. Я уповаю, что вы по прибытіи вашемъ исходатайствуете отъ статовъ нарочитую сумму денегъ въ уплату субсидіи; только прошу старанія ваши искусно употребить, чтобы доброю манерою сей платежъ учиненъ былъ; а сколько числомъ денегъ получите, и какой курсъ съ Петербургомъ тогда настоять будетъ, извольте въ реляціяхъ вашихъ ко двору доносить съ посылкою печатныхъ листовъ о курсѣ, чтобъ въ Петербургѣ исправный расчетъ учиненъ быть могъ. А полученныя деньги прошу чрезъ Пельсовъ или Клифорта векселями ко мнѣ въ Вѣну прислать, и что по сему дѣлу у васъ происходить будетъ, меня по часту увѣдомлять.

148.

Отсюды я намѣренъ выѣхать чрезъ три дни. Г-нъ Маруцы для свиданія со мною пріѣхалъ сюды и желаетъ при мнѣ ѣхать въ Вѣну.

Графиня Анна Карловна желаетъ купить нѣсколько кусковъ хорошей Голандской холстины; я прошу васъ прислать образцовъ отъ первой до послѣдней доброты съ показаніемъ цѣны и мѣры и оные прислать въ Вѣну, дабы я потомъ могъ комисію вамъ дать о покупкѣ нѣсколько кусковъ полотна.

Я нынѣ, благостію Божіею, нахожусь нарочито здоровъ, и мы всѣ обрѣтаемся благополучно.

1764 Апрѣля 13 (24) дня,
въ Миланѣ.

Ко мнѣ изъ Россіи писали, якобы лордъ Букингамъ требовалъ о вашемъ отзывѣ, по причинѣ того, что вы съ противною двору партіею, и именно съ Питомъ, знакомство и обхожденіе имѣли и что также будто съ Французами откровенны были и тѣмъ подозрѣніе на себя навлекли; только у насъ на сіе послѣднее вѣры не подано. Вы, о семъ извѣстны будучи, не имѣйте огорченія и единственно только для себя содержите.

При семъ для любопытства вашего посылаю два листочка Русскихъ газетъ подъ артикулами изъ Санктпетербурха и Ревеля, выданныя въ народъ вѣдомости.

149.

Я вами крайне обязанъ и благодарствую вамъ за ревностное стараніе въ исходатайствованіи отъ республики извѣстныхъ денегъ, и когда вы оныя получите, прошу чрезъ Клифорта или Пельсовъ указными векселями ко мнѣ пересылать, бравъ не болѣе какъ отъ одной до трехъ тысячъ гульденовъ, дабы, раздѣля на малыя суммы векселя, свободнѣе можно было оные негоцировать. Что же касается до здоровья моего, оное понынѣ нимало не поправилось и ежели Богъ не даруетъ нынѣшнимъ лѣтомъ облегченія, то принужденъ буду нынѣшняго лѣта, осенью или зимою, въ отечество возвратиться, и о семъ единственно только для вашего извѣстія сообщаю, надѣясь имѣть пріятное удовольство съ вами въ дорогѣ увидѣться и о всемъ съ вами переговорить. А въ какой силѣ я писалъ къ его сіятельству вице-канцлеру о дозволеніи вамъ отъ мѣста вашего отлучиться, при семъ посылаю копію.

1764 Маія 8 (14) дня, Вѣна.

Повторяю вамъ мое благодареніе за прилежное стараніе ваше въ доставленіи заплаты субсидныхъ денегъ; только рекомендую вамъ наблюдать умѣренность, чтобъ частыми докуками вы себя у Голандцевъ въ огорченіе не привели. Я весьма доволенъ буду, ежели вы сюды 20 тыс. гульденовъ

нынѣ переведете, а достальные въ готовности къ моему пріѣзду въ Парижъ у себя содержать будете, ибо я болѣе трехъ недѣль здѣсь прожить не намѣренъ и надѣюсь къ 1-му числу Іюля новаго стиля въ Парижъ пріѣхать, гдѣ мнѣ деньги надобны будутъ.

Здѣсь мнѣ великія милости ихъ величества оказываютъ; токмо я, къ сожалѣнію моему по слабости и худаго состоянія моего здоровья, пользоваться не могу здѣшними учтивостями.

Г-нъ Маруци пріѣзжалъ ко мнѣ для свиданія со мною въ Миланъ и сюды съ нами пріѣхалъ; онъ хочетъ въ Дрезденъ, Берлинъ и потомъ чрезъ Гагу въ Лондонъ и оттуда въ Парижъ ѣхать; вы будете удовольство имѣть его видѣть, и я въ вашу дружбу его рекомендую.

150.

По письмамъ изъ Россіи трактатъ союзный съ его величествомъ королемъ Прускимъ 31-го Марта подписанъ, а съ Аглинскимъ дворомъ негоціація состоитъ на прежнемъ основаніи, т.-е. ничего еще не сдѣлано. О Польскихъ здорныхъ дѣлахъ вы чрезъ газеты довольно свѣдомы, и я болѣе никакихъ извѣстій о томъ не получалъ,

Анна Карловна благодаритъ васъ за ваше напоминаніе и вамъ свой поклонъ отдаетъ.

Сейчасъ получаю ваше письмо отъ 1-го (12) сего мѣсяца, на которое ничего въ отвѣтъ къ вамъ писать не нахожу, какъ токмо дружески васъ увѣщеваю болѣе не поминать о прошедшемъ, что̀ у васъ съ Сандвичемъ и въ Санктпетербурхѣ происходило съ Букингамомъ. Извольте все сіе забвенію предать и старайтесь въ новомъ вашемъ постѣ въ дѣлахъ съ меньшею горячностію и умѣренностію поступать. Когда Богъ велитъ намъ увидѣться, будемъ имѣть случай о всемъ переговорить.

Теперь я получаю изъ Лаксенбурга приглашеніе быть къ столу ихъ императорскихъ величествъ завтра, съ Анною Карловною и дочерью моею, куда мы и поѣдемъ. Я намѣренъ на будущей недѣлѣ въ Пресбургъ съѣздить, для спознанія Венгерской столицы.

1764, Вѣна.
Маія 14-го (25) дня.

151.

15-го сего мѣсяца мы имѣли честь съ императорскими величествами обѣдать въ Лаксенбургѣ.

Благодарствую за присылку копіи съ письма статовъ генеральныхъ къ ландграфу Гесенъ-Кассельскому; я оное съ прилежаніемъ читалъ и хотя сочинено изрядно, только весьма спѣсиво и съ угрозами писано; подлинно, что сіи господа недостойны себя сравнивать съ владѣющими державами, и напрасно ихъ столь много почитаютъ: они поведеніемъ своимъ въ нынѣшнемъ вѣку заслужили отъ всѣхъ дворовъ презрѣніе.

За прилагаемое стараніе о заплатѣ субсидныхъ денегъ много вамъ благодарствую; мнѣ сіе дѣло столь наскучило, что ежели бы я въ нынѣшнемъ нужномъ состояніи не былъ, я бы охотно совсѣмъ отказалъ симъ мнимо нищимъ, а въ существѣ лихоимственнымъ людямъ требовать платежъ. Но какъ взысканіе сихъ денегъ по несчастію мнѣ доставлено и о томъ столь много домогательствъ учинено, я прошу васъ, сколько благопристойность требуетъ, о окончаніи сего скучнаго дѣла стараніе приложить и Фогелю прямо сказать, что я съ моей стороны ни на какіе договоры или облигаціи по два или по три процента, ниже на раздѣлъ платежа на два года всей суммы, поступить не могу, а требую, чтобы они вдругъ всѣ должныя деньги вамъ заплатили или надежную контору купцовъ представили, на которую бы я могъ век-

сели адресовать; а они могутъ, какъ знаютъ, договориться о платежѣ упоминаемой конторѣ, на сроки ли всей суммы или процентныя деньги. Къ тому же я собственно собою съ ними договариваться не хочу и не смѣю, развѣ по доношеніямъ вашимъ Ея Императорское Величество соизволитъ повелѣть вамъ соглашаться на договоры. Теперь остается мнѣ только вамъ припомнить и остеречь васъ, чтобъ вы, по принятіи столь давно обѣщанныхъ вамъ 42 т. гульденовъ, осторожно поступили и чрезъ надежную контору взяли вексели на разныя суммы и ко мнѣ прислали; ибо я опасаюсь, чтобъ сіи Жиды васъ не обманули, и ежели, до полученія сего письма, вы не могли еще деньги получить и вексели ко мнѣ отправить, то извольте до моего пріѣзда въ Парижъ у себя въ сохраненіи имѣть и потомъ ко мнѣ въ Парижъ переслать, ибо я намѣренъ отсюда чрезъ двѣ недѣли выѣхать, учредя путь мой чрезъ Страсбурхъ, и прошу письма ваши въ оной городъ ко мнѣ адресовать; а я не уповаю, чтобъ къ тому времени изъ Россіи о дозволеніи вамъ со мною въ пути видѣться рескриптъ присланъ былъ, и я надѣюсь сіе удовольствіе имѣть съ вами при обратномъ моемъ возвращеніи въ Россію въ Брюсселѣ увидѣться.

Я съ пріятностію увѣдомился, что Николай Андреевичъ Корфъ къ вамъ въ Гагу пріѣхать намѣренъ; я надѣюсь, что вы ему въ своемъ домѣ квартеру дадите; хотя бы и съ тѣснотою съ вами лучше, а не въ обержѣ ему жить.

Третьяго дни я ѣздилъ въ Пресбургъ для посмотрѣнія Венгерской столицы и сюды возвратился благополучно. Я намѣренъ вскорѣ отъ ихъ императорскихъ величествъ отпускныя испросить и, по окончаніи употребляемыхъ здѣсь лекарствъ, въ началѣ Іюня отсюда выѣхать, будучи много одолженъ дружбою князь Д. М. Голицына.

P. S. Сейчасъ сообщилъ мнѣ князь Д. М. полученный отъ двора рескриптъ отъ 28-го Апрѣля съ копіею, къ вамъ отправленный отъ того жъ числа съ письмомъ Морозини для его руководства. Я вамъ дружески совѣтую осторожную переписку съ симъ благонамѣреннымъ, только хитрымъ Венеціаниномъ имѣть; потому что хотя онъ усердіе и оказываетъ о возстановленіи съ нашимъ дворомъ кореспонденціи, только сенатъ Венецкой не весьма согласны тому, а особливо здѣшній Панталеонъ не очень склоненъ, и чрезъ его руки негоцировать никакой пользы ожидать не можно. Мнѣ Маруци сообщилъ письма онаго Морозини, которыя весьма на крючкахъ составлены были.

1764, Мая 19-го (30) дня,
Вѣна.

152.

Я уже давно имѣлъ извѣстіе изъ Россіи, а здѣсь пребывающій Пруской министръ Роде равномѣрно князь Дмитрію Михайловичу сообщилъ къ прочтенію трактатъ съ тѣмъ же отзывомъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ сообщить Вѣнскому двору; но какъ еще князь Д. М. не получилъ отъ двора нашего никакого наставленія, и ему обѣщано съ нарочнымъ курьеромъ прислать копію, которой курьеръ сюды еще не бывалъ, то и оставлено сообщеніе до прибытія того курьера. О семъ союзѣ будутъ, безъ сумнѣнія, многія толкованія при разныхъ дворахъ чиниться, по большей части изъ жалузіи, нежели для какихъ-либо дальновидныхъ замысловъ, какъ то и въ самомъ дѣлѣ оной просто оборонительной учиненъ.

1764, Маія 22 (2 Іюня) дня,
Вѣна.

153.

...ъ нынѣ въ деньгахъ великая нужда, то прошу ...съ заподлинно увѣдомить, когда вы оныя ко мнѣ чрезъ вексели переслать можете, ибо я принужденъ здѣсь съ процентами занимать для расходовъ дорожныхъ, хотя недавно изъ Россіи получилъ на 12 т. рубл. вексели, только оными едва могъ заплатить барону Фризу взятыя по кредитивнымъ его письмамъ въ Италіи деньги 4256 червонныхъ. Вчерась сюды пріѣхалъ курьеромъ капитанъ Меркъ, и я получилъ копію съ заключеннаго съ королемъ Прускимъ трактата; оной и къ вамъ везетъ, чаятельно, такую еще копію; а потомъ въ Лондонъ и Парижъ поѣдетъ.

1764, Маія 26 (6 Іюня) дня,
Вѣна.

154.

Вчерась получилъ я исправно письмо ваше отъ 25-го Маія (5 Іюня) съ векселями на 20 т. Голандскихъ гульденовъ, данныхъ вамъ, отъ Симона Баеса на барона Фриза, которая сумма денегъ по учиненному исчисленію въ присланной отъ васъ запискѣ сочиняетъ 15686 Цесарскихъ гульденовъ и 10 крейцеровъ. Я не сумнѣваюсь, чтобъ контора барона Фриза (ибо его самого здѣсь нѣтъ) по онымъ векселямъ надлежащія деньги мнѣ не заплатила, о чемъ васъ впредъ увѣдомить не оставлю. Между тѣмъ много вамъ благодарствую за присылку оныхъ векселей и прошу до-

стальныя деньги ко мнѣ въ Парижъ съ авантажемъ перевесть, т.-е. бравъ векселя, ежели курсъ съ Парижемъ безъ перемѣны постановленъ, на Парижскихъ банкировъ или просто платимые въ Голандіи, которые я могу, будучи во Франціи, негоцировать, и сіе предаю на ваше расположеніе; ибо вы, на мѣстѣ будучи, можете наилучше знать, что̀ для меня авантажнѣе, и васъ о томъ всякій банкиръ обстоятельно увѣдомить можетъ. Наконецъ, прошу васъ не позабыть о пересылкѣ ко мнѣ денегъ особливою реляціею ко двору доносить.

1764, Іюня 5 (16) дня,
Вѣна.

155.

Мы сюды пріѣхали вчерась благополучно. Сегодня я званъ обѣдать къ курфисту въ Нимфенбургъ и надѣюсь завтра въ путь мой отправиться. Изъ Россіи уже двѣ почты писемъ не имѣлъ; съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о данномъ позволеніи отлучиться вамъ изъ Гаги для свиданія со мною, и сколь скоро получу о томъ письмо, васъ увѣдомить не оставлю.

Ежели вы можете получить изданную въ Лондонѣ книгу Деоновыхъ писемъ, то извольте оную съ собою ко мнѣ привезти въ Парижъ.

1764, Іюня 12 (23) дня,
изъ Мюниха.

Г-нъ Симолинъ пріѣхалъ сюды вчерась изъ Регенсбурха для свиданія со мною и сказывалъ, что капитанъ Меркъ къ вамъ давно уже поѣхалъ. Онъ завтра поѣдетъ со мною въ Аугсбурхъ и оттуда къ своему мѣсту возвратится.

156.

Я надѣюсь, что вы благополучно и въ добромъ здоровьи въ Гагу прибыли, чѣмъ васъ искренно поздравляю; а о себѣ объявляю, что мы въ Компіенъ пріѣхали весьма поздно, и на другой день я былъ представленъ дюкомъ де-Праленомъ королю. Его величество весьма милостиво меня принялъ и много со мною говорить изволилъ, напоминая о васъ, а потомъ у королевы и всей фамиліи былъ и равномѣрно милостиво принятъ былъ; обѣдалъ у дюка де-Пралена и на другой день рано въ Парижъ возвратился.

Прошу васъ, мой другъ, постараться негоцировать съ банкирами на достальныя субсидныя деньги, которыя они могутъ отъ статовъ принять съ полученіемъ процентовъ, а мнѣ бы дали на себя вексели, которые я въ случаѣ нужды въ деньгахъ употреблять буду, и что̀ вы по сему дѣлу учините, прошу ко мнѣ писать.

Также прошу прислать образцы Индѣйскихъ платковъ, лучшихъ триповъ и шелковыхъ для Анны Карловны пекиновъ.

1764, Іюля 14 (25) дня,
въ Парижѣ.

157.

Я весьма чувствителенъ о сентиментахъ пріязни и любви вашей ко мнѣ. Извольте быть увѣрены, что и я не менѣе васъ люблю и почитаю, и въ какомъ состояніи, и гдѣ бы я ни былъ, о васъ памятовать и дружбу мою вамъ оказывать никогда не оставлю, и истинно много сожалѣю, что столь малое время съ вами видѣлся и къ тому жъ, будучи въ суетахъ, мало вами пользовался; но когда Богъ благословитъ мнѣ возвратиться въ отечество, надѣюсь имѣть пріятное удовольствіе съ вами неразлучно жить.

Изъ Компіена я возвратился 13-го числа; король и вся фамилія оказали мнѣ знаки своея милости и со мною говорили; я намѣренъ еще съѣздить въ Компіенъ, ежели здоровье мое допуститъ; а по возвращеніи двора въ Версалію, надѣюсь въ концѣ Августа новаго стиля проститься и въ путь мой въ Германію отправиться; только не знаю еще, какою дорогою поѣду, и ежели черезъ Нидерланды, то васъ увѣдомить не оставлю и г-ну Кобленсу чрезъ графа Старемберха знать дамъ.

Прошу васъ, мой другъ, согласясь съ правительствомъ, прислать ко мнѣ проектъ, какимъ образомъ я бы могъ чрезъ здѣшнихъ банкировъ негоцировать на достальныя субсидныя деньги; а буде уже здѣсь времени не было, то хотя въ Берлинѣ съ нѣкоторымъ банкиромъ согласиться могъ и о томъ буду ожидать извѣстія.

Г-нъ Гросъ писалъ ко мнѣ, что ему въ награжденіе дано за долговременную его службу 5000 рублевъ, и я ему отвѣтствовалъ съ поздравленіемъ.

Изъ Россіи я имѣлъ письма отъ 29-го Іюня, въ коихъ упоминаютъ, что Ея Императорское Величество изволила въ Ревель прибыть 25-го числа и оттуда моремъ пойти въ Рогервикъ, разстояніемъ 100 верстъ; а потомъ въ Ригу сухимъ путемъ пойдетъ.

Прошу васъ, мой другъ, сколько можно стараться меньше расходовъ имѣть, дабы мы въ вашей персонѣ нашли въ фамиліи нашей хорошаго хозяина; ибо мы донынѣ всѣмъ родомъ больше проживаемъ, нежели доходовъ имѣемъ и такого разума не имѣемъ, чтобъ отъ ежегоднаго приходу въ остаткѣ нѣсколько денегъ содержать. Но я надѣюсь, что вы порядочнымъ учрежденіемъ вашего дома будете меньше приходу расходы ваши имѣть.

1764, Іюля 21 (1 Августа),
въ Парижѣ.

158.

Я намѣреніе принялъ отсюда ѣхать чрезъ Брюсель, и сія поѣздка конечно съ Божескою помощію предпринята будетъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ н. ст. Ежели я найду въ Брюселѣ хорошія суда, то, можетъ быть, поѣду водою до Утрехта и надѣюсь съ вами паки гдѣ нибудь увидѣться; а инако принужденъ буду чрезъ Вестфалію до Гамбурха ѣхать. Вы мнѣ удовольствіе сдѣлаете, ежели пришлете разныя руты дорогамъ изъ Брюселя до Гамбурха. Завтра я поѣду въ Компіенъ и, можетъ быть, тамо пробуду нѣсколько дней.

На сихъ дняхъ князь Петръ Ивановичъ Репнинъ отсюда отъѣзжаетъ чрезъ Брюсель, сперва въ Лондонъ, а потомъ въ Голандію. Извольте ему оказать ласковости и вспоможенія, ежели въ чемъ нужду имѣть будетъ.

1764, Іюля 27 (7 Августа),
въ Парижѣ.

159.

Предъ выѣздомъ моимъ изъ Парижа я получилъ чрезъ студента Соболевскаго письмо ваше отъ 3-го Августа съ книгою писемъ Деона, Лейденской печати in quarto. Книга остановлена съ прочими его книгами въ таможнѣ; ежели оныя не отдадутъ, то буду васъ просить о присылкѣ въ Брюсель, когда я въ оный городъ пріѣду. Сюды я пріѣхалъ вчерась ввечеру и ежели здѣсь удержанъ не буду, то сего же дня или завтра рано въ Парижъ возвращусь и буду стараться, чтобы въ концѣ сего мѣсяца н. ст. въ путь мой отправиться.

Изъ Компіена.
Августа 1 (12) дня
1764.

Г-нъ Ферзенъ сюды еще не бывалъ; я сюды возвратился въ сію ночь. Король и фамилія возвращаются изъ Компіена на сей недѣлѣ.

Г-нъ Германсонъ, купецъ изъ Бордо, чрезъ Голандію въ Лондонъ поѣхалъ; пожалуйте, окажите ему ласковость, буде потребуетъ вашего вспоможенія: онъ человѣкъ добрый и можетъ вамъ годенъ быть, выписывая чрезъ него вино изъ Бордо.

Августа 2 (13) дня,
въ Парижѣ.

160.

Чрезъ почту получилъ ваше письмо отъ 29 Іюля (9 Августа) съ копіею циркулярнаго письма о произшедшей авантюрѣ 5 Іюля въ Шлюсельбурхѣ; я такое жъ имѣлъ отъ П. В. Бакунина и здѣсь отъ князя Голицына. Вы не можете повѣрить, сколь много мнѣ смущенія сіе происшествіе учинило; а письмо весьма дурно составлено, и можно бы гораздо лучше описать состояніе дѣла и менѣе сумнительствъ подать. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю приходящихъ почтъ, дабы вѣдать о окончаніи сего безпокойнаго дѣла. Боже мой, долго ли будутъ у насъ подобныя замѣшательства?

1764. Августа 5 (16),
въ Парижѣ.

Копія съ письма отъ Никиты Ивановича, полученнаго въ Гамбурхѣ 27 Сентября (8 Октября) 1764.

Милостивый государь мой графъ Михаилъ Ларіоновичъ.

Препровождая при семъ письмо Ея Императорскаго Величества къ вашему сіятельству, съ истиннымъ удовольствіемъ пользуюсь я симъ случаемъ возобновить себя въ память вашего сіятельства; искренно желаю, чтобъ путешествіе ваше непремѣнно служило къ исправленію вашего здравія и чтобы въ скоромъ времени имѣлъ я счастіе словесно повторить вашему сіятельству чистосердечныя мои

увѣренія о томъ совершенномъ высокопочитаніи и преданности, съ коими я имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій и вѣрнопослушнѣйшій слуга Н. Панинъ.

Въ Петербургѣ.
7-го Августа 1764.

P. S. весь его рукою писанный *).

Еслибъ у меня не оставалось надежды на великодушные сентименты вашего высокографскаго сіятельства, то бы я конечно и не отважился упоминать о моей непростительной неисправности передъ вами; но увѣренъ, что вы, милостивый государь, свои заключенія объ оной не на внѣшностяхъ, но на принципіяхъ основать изволите, и потому ласкаю себя, что ваше сіятельство изъищите мое извиненіе въ моей заботливой жизни и не перемѣните мнѣній своихъ о сентиментахъ преданности и искренняго почтенія, которые доказывать я при всѣхъ случаяхъ рачительно тщуся и которые конечно непоколебимо сохраняю, обѣщая себѣ взаимно продолженіе милости вашей.

Нижайше прошу ваше сіятельство дозволить здѣсь принести мое наиглубочайшее почтеніе и благодареніе милостивой государынѣ графинѣ Аннѣ Карловнѣ за милостивое ея обо мнѣ напамятованіе Шпанскимъ табакомъ, какого я никогда лучше не нюхивалъ. Вседушно желаю, чтобъ ваше сіятельство достаточный магазинъ здравія впредъ запасти могли. У меня же оное очевидно истощается, и на сихъ дняхъ насилу перенесъ прежестокій припадокъ моей обыкновенной болѣзни, отъ котораго теперь въ первый разъ взялъ перо въ руки и дѣйствительно чрезъ великую силу сіи строки написалъ.

(* Т.-е. постскриптъ. П. Б.

Копія съ отвѣта на сіе вышеписанное письмо, изъ Гамбурха отъ 28 Сентября (9 Октября) 1764.

По пріѣздѣ моемъ сегодня въ здѣшній городъ я получилъ вашего превосходительства почтенное письмо отъ 7-го Августа купно съ письмомъ Ея Императорскаго Величества, за которое приношу мое обязательнѣйшее благодареніе и при семъ посылаю мое отвѣтное, прося васъ поднести всемилостивѣйшей нашей Государынѣ.

Еслибъ я не былъ удостовѣренъ о праводушіи и честныхъ вашихъ сентиментахъ и мнѣ собственно чрезъ многіе годы о благосклонности и дружбѣ вашей подаянныя обнадеживанія, конечно я имѣлъ бы причину, будучи въ отдаленіи, сумнѣваться о нѣкоторой отмѣнности по случаю долгаго молчанія, которое однакожъ ни отъ чего другаго, какъ отъ непрестаннаго вашего превосходительства упражненія произошло.

Впрочемъ я съ крайнимъ сожалѣніемъ изъ письма вашего увѣдомился о худомъ состояніи здоровья вашего; искренно желаю вашему превосходительству совершеннаго и скораго поправленія, чувствуя по себѣ, что ничего дражайшаго на свѣтѣ нѣтъ, какъ оное и, поруча себя въ непремѣнную вашу дружбу, пребываю съ особливымъ почтеніемъ.

161.

Съ великимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо отъ 3 (14) сего мѣсяца и благодарствую вамъ, мой другъ, за подданныя во ономъ по случаю происшедшей сцены въ Шлюсельбурхѣ, о которой у васъ по письмамъ изъ Берлина извѣстно; здѣсь ни малѣйше о томъ не говорятъ. Сегодня мы дожидаемся почты изъ Россіи; не будетъ ли о томъ же писано, то я васъ безъ увѣдомленія не оставлю. Я не хочу вамъ скрыть, что я съ великою нуждою обще съ братомъ вашимъ разобрать могъ содержаніе письма вашего, и для того прошу васъ, мой другъ, подобныя важныя вѣдомости четче написать или изъ канцелярскихъ служителей, кому вы вѣрите, писать велѣть, дабы я точно о содержаніи знать могъ, и ежели вы въ дополненіе сего дѣла что-либо свѣдаете, прошу сюды или въ Брюсель отписать.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за сообщеніе писемъ графа Орлова и отвѣтныхъ вашихъ къ нему и Н. И. Панину. Я неинако какъ весьма апробовать могу сей поступокъ вашъ и желаю сердечно, чтобы вы въ желаніи вашемъ предуспѣли.

Сейчасъ я получаю письма изъ Россіи отъ 16 (27) Іюля, въ которыхъ ни малѣйше не пишутъ о происшедшемъ въ 5 день Іюля, и я думаю, что разсѣянныя у васъ вѣдомости ложны.

Я теперь нахожусь боленъ и сіе письмо съ трудомъ пишу. Весьма желаю отсюда выѣхать.

1764, Августа 8 (19),
изъ Парижа.

162.

Ежели бы я одинъ былъ, охотно бы по совѣту вашему изъ Антверпена къ вамъ водою пріѣхалъ, только сего учинить не могу со свитою моею; и такъ, сколько ни желаю съ вами видѣться, принужденъ сего удовольствія лишиться, предоставляя впредъ въ Россіи увидѣться, ибо я опасаюсь, чтобъ чрезъ вторичную вашу отлучку не учинилось бы намъ обоимъ какого-либо неудовольствія.

Третьяго дни я въ Версалію ѣздилъ и простился съ королемъ и его фамиліею. Графъ Кобенцель прислалъ ко мнѣ паспортъ, чтобъ экипажъ мой нигдѣ осматриванъ не былъ, и я надѣюсь вскорѣ отсюда выѣхать. Прошу писать ко мнѣ въ Брюсель. Что же касается до займа денегъ отъ банкира Клифорта, то я оставляю сіе дѣло за разными по оному формалитетами до времени, когда вамъ статы платежъ произведутъ. За присылку копіи съ Французскаго письма много вамъ благодарствую, прошу и впредъ сообщать, ежели что-либо о сей матеріи писано будетъ; также извольте увѣдомить меня, писали ли вы о томъ ко двору или нѣтъ; а какимъ образомъ вы въ реляціяхъ доносили о пріемѣ субсидныхъ денегъ, извольте прислать ко мнѣ экстрактъ.

1764. Августа 16 (27),
въ Парижѣ.

163.

Я хотѣлъ завтра отсюда выѣхать, только болѣзнь Н. А. Корфа остановила; хотя онъ намѣренъ былъ къ вамъ ѣхать, только нынѣ сію поѣздку отмѣнилъ и поручилъ мнѣ о томъ къ вамъ отписать и вамъ свой поклонъ объявить.

Когда я не могу имѣть удовольствія съ вами увидѣться, то изъ Брюселя брата вашего къ вамъ отпущу. Изъ Россіи писано, что вскорѣ публиковано будетъ по дѣлу Шлюссельбургскому. Когда вы получите о томъ извѣстіе, извольте мнѣ сообщить. Господиномъ Ферзеномъ я весьма доволенъ, и онъ васъ много прославляетъ.

1764, Августа 20,
въ Парижѣ.

164.

Въ приложенномъ при семъ Французскомъ письмѣ я васъ уполномочиваю занять у господъ Клифортовъ сумму денегъ отъ 25 до 30 т. гульденовъ; я на сей заемъ денегъ принужденъ поступить, потому что здѣсь у банкировъ Баура и Люлейна столько кредиту найти не могъ, и сіи славные богачи подъ претекстами ссудить не хотѣли; а какъ я совсѣмъ уже собрался было отсюда ѣхать, только за недостаткомъ въ деньгахъ къ прискорбію моему принужденъ остаться, до того времени, пока вы вышепомянутыя деньги ко мнѣ пришлете. Того ради прошу васъ, мой другъ, по

полученіи сего письма съѣздить въ Амстердамъ и съ Клифортами или Пельсами заемъ заключить на основаніи письма моего на Французскомъ языкѣ. Я вамъ буду имѣть крайнее одолженіе и съ нетерпѣніемъ теперь ожидать буду отъ васъ на первой почтѣ пріятнаго о томъ извѣстія и присылки векселей. Я здѣсь долженъ около 30 т. ливровъ, и до пріѣзда въ Берлинъ на дорожные расходы надобно по меньшей мѣрѣ 20 т. ливровъ. И такъ необходимо надлежитъ имѣть сумму денегъ отъ 25 до 30 т. гульденовъ Голандскихъ векселями или кредитивными письмами. Я надѣюсь, что вы въ сей крайней нуждѣ мнѣ услугу учините и склоните Клифортовъ или Пельсовъ на вышеупомянутую сумму векселя или кредитивныя письма сюда прислать.

Я хотѣлъ сіе письмо на стафетѣ послать, только здѣсь сего употребленія нѣтъ, и я принужденъ на завтрашней почтѣ отослать и теперь въ скукѣ быть до присылки отъ васъ векселей или кредитивныхъ писемъ. Я истинно надѣялся, что господа статы заплатятъ должныя субсидіи и, на оныя считая, не довольно изъ Россіи съ собою векселей взялъ, и теперь принужденъ терпѣть безпокойство.

За присылку извѣстной книги много вамъ благодарствую и оную читать началъ. Вы изрядно учинили, что о конфискаціи оныя представили.

1764 года.
22-го Августа (2 Сентября).

165.

Не доѣзжая за двѣ почты до Брюселя, я вчерась встрѣтился съ графомъ А. П. Шуваловымъ, который, возвратясь до послѣдней отсюда почты *Тубиса*, ужиналъ со мною и откровенно о всемъ сказывалъ; онъ мнѣ вручилъ ваше письмо отъ 26 Августа (6 Сентября). Я вамъ, другъ мой, много благодарствую за сообщенныя разныя піесы, между которыми я съ пріятностію читалъ письмо г-на Пита и весьма радуюсь, что съ симъ министромъ въ дружбѣ находитесь; а о поведеніи г-на Гандвига крайне огорченъ. Вотъ какое воздаяніе мы отъ друзей нашихъ получаемъ! При семъ возвращаю присланныя ко мнѣ піесы, ибо онѣ для вашего архива, можетъ быть, нужны будутъ.

Мнѣ здѣшнее житье не нравится, и не хочу напрасно время тратить, желая какъ наискорѣе въ Гамбурхъ пріѣхать и оттуда въ Берлинъ.

Завтра я съѣзжу къ графу Кобенцелю и потомъ надѣюсь вскорѣ увидѣть его королевское высочество. Какою же дорогою поѣду въ Гамбурхъ, о томъ васъ на первой почтѣ увѣдомлю, когда, посовѣтовавъ съ графомъ Кобенцелемъ, получу описаніе руты или дороги моей.

1764. Сентября 2 (13) дня,
въ Брюселѣ.

Г-нъ Дебюше мнѣ сказывалъ, что сегодня поутру почта въ Голандію отошла, и я сіе письмо посылаю съ графомъ Семеномъ Романовичемъ, надѣясь, что онъ въ добромъ здоровьи къ вамъ пріѣдетъ и прошу васъ долго его у себя не держать, дабы онъ насъ въ Гамбурхѣ застать могъ.

О Шлюсельбургскомъ дѣлѣ я никакихъ извѣстій еще не имѣю; при семъ для любопытства вашего посылаю Нѣмецкую Эрлангскую газету, въ которой упоминается о напечатанной вами въ Гагѣ вѣдомости; прикажите для себя перевесть.

Сейчасъ я имѣлъ случай видѣть вашего секретаря Боно, котораго мнѣ представилъ господинъ Дебюше. Я васъ сею акизицею поздравляю, и вы нашли достойнаго человѣка. Прошу васъ его пріятно содержать, и въ случаѣ отпуска я охотно его къ себѣ возьму. Пожалуйте, увѣдомляйте меня о состояніи и искуствѣ его въ дѣлахъ и въ письмѣ.

Секретарь мой Лаферміе хотѣлъ съ братомъ вашимъ къ вамъ ѣхать, котораго я охотно отпустилъ. Пожалуйте, будьте къ нему ласковы и его поскорѣе увольте.

166.

Пользуясь отъѣздомъ секретаря вашего Боно, я не имѣю ничего въ дополненіе моего послѣдняго къ вамъ писать, какъ только, что сегодня я обѣдалъ у принца Карла; его королевское высочество весьма ласково меня принять изволилъ. Завтра мы званы обѣдать къ графу Кобенцелю, и ежели получу отъ васъ векселя, то въ будущій вторникъ отсюда выѣду.

1764. Сентября 3 (14) дня,
Брюсель.

167.

Я вамъ много обязанъ и благодарствую, что вы съ Клифортами такъ скоро договоръ учинили. Теперь остается вамъ стараться отъ статовъ платежъ субсидныхъ денегъ исходатайствовать, дабы можно было, что скорѣе, то лучше, прежде срока, съ Клифортами расплатиться, чтобы данная облигація въ 47 т. не пропала, съ которой прошу прислать ко мнѣ копію. Вы можете господамъ статамъ, не обинуясь, моимъ именемъ сказать, что за неисправнымъ ихъ платежемъ, чрезъ толь многіе годы, они по справедливости должны причиненные убытки заплатить, которые я Клифортамъ проценты платить долженъ, и хотя я отнюдь не желаю сію бездѣлицу отъ нихъ требовать, только я довольно чувствую ихъ нерадѣніе, или лучше сказать сребролюбіе и пренебреженіе въ исполненіи ихъ обязательствъ съ нашимъ дворомъ, за что они должны восчувствованіе отъ насъ получить.

Ежели вы, другъ мой, ко двору не доносили о займѣ денегъ, то извольте на первой почтѣ прямо отписать, что вы по требованію моему сей заемъ учинили съ дачею въ закладъ ордонанціи, по которой Зеланцы ничего не платили; ибо я на сегодняшней почтѣ къ вице-канцлеру писалъ, что, за недостаткомъ въ деньгахъ, я принужденъ здѣсь остановиться и вамъ поручилъ у банкировъ въ Голандіи деньги занять.

Сегодня я надѣюсь получить записку о дорогѣ въ Гамбурхъ и ежели въ близости Утрехта поѣду, то къ вамъ, другъ мой, отпишу для пріѣзда въ оный городъ, дабы потомъ въ какомъ-либо мѣстѣ съ вами увидѣться могъ.

1764 Сентября 6 (17),
въ Брюсселѣ.

168.

Вчерась сюды пріѣхалъ камердинеръ вашъ и мнѣ исправно вручилъ посланныя съ нимъ депеши. Я не могу вамъ довольно изобразить, сколь много вы меня одолжили присылкою кредитивныхъ писемъ, взятыхъ отъ банкировъ Клифортовъ; весьма вамъ благодарствую за скорое исполненіе порученной комисіи; при семъ слѣдуетъ за открытою печатію письмо къ господамъ Клифортамъ.

Завтра поутру я отсюда выѣхать надѣюсь и по росписанію дороги первый ночлегъ будетъ въ Ліежѣ, второй въ Акенѣ, третій въ Дюсельдорфѣ и такъ далѣе, не захватывая Везеля, ни Оснабрука, до Бремена и Гамбурха.

Я крайне сожалѣю, что не могу исполнить вашего и моего собственнаго желанія увидѣться нынѣ съ вами, а предоставляю сіе удовольствіе имѣть въ отечествѣ.

Извѣстное письмо отъ Ея Императорскаго Величества послано было съ управителемъ моимъ Винтеромъ, отъ котораго я здѣсь получилъ изъ Страсбурха, и ничего другаго не содержитъ, какъ отвѣтное на представленіе мое о принятіи въ нашу службу одного генерала, однакожъ за требованіемъ многихъ кондицій принять не хотѣли.

За наступающею холодною и мокрою погодою я начинаю сумнѣваться, могу ли нынѣшнимъ годомъ въ Питербурхъ пріѣхать и принужденъ буду, не отваживаясь ѣздою въ худое время, остаться до зимы или до просухи въ Берлинѣ, дабы весною при хорошемъ времени съ Божескою помощію въ отечество пріѣхать; развѣ Ея Императорское Величество

отписать изволить, чтобъ я поскорѣе возвращался; о семъ вамъ предъидуще о мнѣніи моемъ по дружбѣ сообщаю.

1764 Сентября 8 (19),
въ Брюселѣ.

Весьма благодарствую вамъ за неоставленіе Лаферміера и новаго вашего секретаря. Извольте его прилежно употреблять въ письменной кореспонденціи и прикажите ему письма вашй копировать и концепты сочинять, а для любопытства моего увѣдомлять о разумѣ его и поведеніи. Мнѣ кажется, что вы въ немъ находку получили.

169.

Охотно желаю знать, какой отвѣтъ вы отъ господина Панина на свое письмо получили; ежели вы совершенно не перервали кореспонденцію съ княгинею Дашковою, то можете для политики къ ней послать копію съ письма вашего къ господину Панину, требуя ея всемогущественнаго вспоможенія; вы можете распорядить письмо ваше такимъ образомъ, что вамъ никакого порока быть не можетъ.

Брюсель, 8 Сентября 1764.

170.

Мы сюда ввечеру пріѣхали благополучно, претерпѣвъ нѣсколько отъ худыхъ дорогъ мѣстами; а завтра отсюда выѣдемъ и ночуемъ въ Дюсельдорфѣ.

По наступившей худой и мокрой погодѣ я опасаюсь, что въ Вестфаліи дороги непроѣздимы будутъ; только я безъ крайней нужды не намѣренъ нигдѣ до Бремена останавливаться, ибо тамо отъ Магистрата приготовлена для насъ хорошая квартера. Я весьма желаю, чтобъ графъ Семенъ Романовичъ туды пріѣхалъ и насъ бы дождался; прошу ему о томъ сказать. Съ Виніономъ я послалъ письмо къ господамъ Клифортамъ; прошу увѣдомить, довольны ли онымъ Клифорты.

По приложенному при семъ реестру прошу васъ, буде можно, нынѣшнею осенью, ежели изъ Амстердама корабли въ Санктпитербурхѣ отправятся, прислать къ брату графу Роману Ларіоновичу означенныя вещи, приказавъ наилучше убрать, чтобъ отъ стужи и мокроты сбережены были; а именно: сѣмянъ травныхъ и фруктовыхъ деревьевъ,

лучшаго сорта вишенъ........ 2 дерева
таких же бигаро » .... 2 »
сливныхъ........ » .... 2 »
фиговыхъ........ » .... 2 »

клеверу 10 или 20 фунтовъ
сейнфоинъ тоже 20 »
люцерны тоже 20 »
разныхъ цвѣтныхъ сѣмянъ по одному лоту.

И ежели сія высылка сѣмянъ и деревьевъ удастся, то я впредъ и болѣе изъ Голандіи выписывать буду, и прошу прислать реестръ всякаго сорта фруктовыхъ деревьевъ, въ томъ числѣ и померанцовыхъ, означа цѣну.

1764 Сентября 11 (22) дня,
въ Акенѣ.

171.

Сего утра изъ Дюсельдорфа выѣхали въ седьмомъ часу и сюда дотащились послѣ обѣда, отъѣхавъ только три мили; обнадеживають, что мы завтра три почты переѣхать можемъ, т.-е. шесть миль до Дорстена, откуда имѣю пуститься по любезной Вестфаліи до Бремена.

Вчерась я къ вамъ писалъ изъ Дюсельдорфа съ возвращеніемъ печатнаго манифеста и надѣюсь, какъ оное письмо такъ и предъидущія, исправно получить изволили; прошу ко мнѣ въ Бременъ отписать, начавъ кореспонденцію на Французскомъ языкѣ чрезъ вашего новаго секретаря, дабы я слогъ и характеръ письма его видѣть могъ; а вы можете къ тому на Русскомъ языкѣ прибавлять то, что̀ ему ввѣрить не похочете; а я всѣ ваши письма истребляю, тоже прошу и съ моими учинить, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ къ вамъ о субсидныхъ деньгахъ писалъ; оныя можете оставить для вашей памяти, какъ и я ваши о сей же матеріи въ цѣлости имѣю.

1764 Сентября 15 (26),
въ Дюисбурхѣ.

172.

Во всѣ 13 мѣсяцевъ моего путешествія я не имѣлъ столь много безпокойства, какъ отъ Акена до здѣшняго мѣста: погода ежедневно дождливая и студеная была, дорога скверная и долгая, обержи мерзкіе, народъ глупый и грубый. Послѣ завтра надѣюсь въ Временъ ночевать пріѣхать, ибо отсюда 9 миль до онаго города считаютъ.

Въ проѣздъ мой чрезъ Минстеръ я видѣлся съ Николаемъ Андреевичемъ Корфомъ, котораго нашелъ весьма въ худомъ состояніи здоровья; дай Богъ, чтобы онъ въ живыхъ въ Санктпитербурхъ доѣхалъ; онъ много безпокоится о задержанныхъ его въ Голандіи вещахъ. Пожалуйте, помогите оныя изъ рукъ грубіянъ выручить.

1764.
Сентября 21 (2 Октября)
Диспенау.

173.

Наконецъ мы сюды вчерась ввечеру пріѣхали благополучно, и я имѣлъ удовольствіе получить два письма ваши съ копіею реляціи вашей ко двору о займѣ денегъ у Клифортовъ. Я вамъ много благодарствую, мой другъ, за изображенные вами ко мнѣ сентименты и за сообщеніе оной реляціи. Графъ Семенъ Романовичъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу четыре мили и намъ сказывалъ, какъ вы порядочно домъ свой учредили, и я о томъ радостное участіе пріемлю и прошу васъ, сколько можно, строго домашнюю экономію содержать.

Здѣшній городъ весьма ласково и учтиво насъ принялъ; мы имѣемъ наилучшую квартеру, и отъ Магистрата былъ привѣтствованъ чрезъ двухъ депутатовъ, и прислано вино. Изъ оныхъ депутатовъ одинъ отзывался съ благодареніемъ, что вы въ Лондонѣ способствовали въ ихъ дѣлахъ у Аглинскаго министерства.

1764 Сентября 23 (4 Октября),
въ Бременѣ.

Я получилъ здѣсь печатной манифестъ на Французскомъ языкѣ о происшествіи въ Шлюсельбурхѣ, которой литерально съ Россійскаго переведенъ. Много сожалѣю, что сочиненіе онаго не къ похвалѣ нашего двора въ публикѣ принято будетъ.—Теперь я увѣдомляюсь, что отъ Магистрата поручено хозяину моему Регеру довольствовать насъ столомъ безъ заплаты, тоже приказано и въ обержѣ, чтобъ людей моихъ безденежно содержать. Квартеры особливыя для Анны Михаиловны и графа Семена Романовича также безденежно отведены.

174.

Какія извѣстія я изъ Россіи получилъ, оныя въ трехъ письмахъ при семъ посылаю, которыя, прочтя для единственнаго вашего извѣстія, извольте изодрать или ко мнѣ возвратить.

Отъѣздъ мой отсюда завтра послѣдуетъ; желаю счастливъ быть переѣздомъ чрезъ Эльбу, которая шириною, какъ сказываютъ, на одну милю Нѣмецкую простирается, а я крайне ненавижу водою ѣздить.

На прошедшей почтѣ я писалъ къ Ея Императорскому Величеству поздравленіе о счастливомъ избраніи желаемаго короля, приложа при томъ копію съ письма моего, къ новому королю отправленнаго, уповая получить отъ Ея Величества апробацію.

На письмо г-на графа дель-Медико изъ Карары, которое вы ко мнѣ прислали, я не имѣю время отвѣтствовать нынѣ, только изъ Берлина буду къ нему писать. За присылку Капскаго вина и чаю много вамъ, мой другъ, благодарствую; я васъ буду впредъ просить о присылкѣ онаго, когда въ Россію возвращусь.

Прошу васъ поручить комисію вашему секретарю Боно, чтобъ онъ искусно и безъ разглашенія, чрезъ знакомыхъ своихъ изгнанныхъ изъ Франціи іезуитовъ, навѣдался о пріисканіи въ службу мою достойнаго человѣка, которой бы ученіемъ и характеромъ своимъ заслужить могъ мою довѣренность и быть при мнѣ въ должности библіотекаря или секретаря, для препровожденія времени безъ скуки; а дру-

гаго того же званія, которой бы смыслилъ домостроительство, земледѣліе и охотникъ сады разводить. Только съ тѣмъ, чтобъ они платье ордена своего не носили. Также надобно знать, сколько они хотятъ имѣть на свое содержаніе. Я надѣюсь, что можно легко сыскать сихъ людей, которые за умѣренную цѣну охотно пожелаютъ вступить въ мою службу.

Господину Ферзену я далъ комисію освѣдомиться въ Голандіи у лучшихъ часовыхъ мастеровъ, сколько коштовать имѣютъ часы для колокольни, которые бы четверти и часы били. Братъ мой графъ Иванъ Ларіоновичъ желаетъ имѣть въ свою деревню; а какъ оной Ферзенъ можетъ возвращеніемъ своимъ замедлить, то я прошу васъ, мой другъ, взять извѣстіе отъ часовыхъ мастеровъ о разной величинѣ и цѣнѣ часамъ и прислать ко мнѣ записку. Я поручилъ въ Брюселѣ г-ну Дебюше о томъ же освѣдомиться, и онъ обѣщалъ прислать ко мнѣ въ Гамбурхъ обстоятельное извѣстіе; только мнѣ сказано, что въ Голандіи дешево и хорошо часы дѣлаютъ.

1764 Сентября 25 (6 Октября),
въ Бременѣ.

175.

При семъ посылаю проектъ артикула для внесенія въ газеты, которой исправно переправить и переписать прошу и приказать въ Голандскихъ вѣдомостяхъ подъ рукою напечатать и ко мнѣ одинъ экземпляръ прислать. Также посылаю для сообщенія газетиру Нѣмецкую Бременскую газету, въ которой о нашемъ прибытіи упоминается.

1764 Сентября 26 (7 Октября),
въ Ротенбурхѣ.

176.

Hambourg, ce 10 n. s. VIII-bre 1764.

Je partirai d'ici Dimanche prochain et je ferai en passant ma révérence à m-r l'évêque de Lubec dans la maison de qui je suis logé ici.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за присылку реестровъ деревьямъ и сѣмянамъ, изъ которыхъ нѣкоторое число выбравъ впредъ, реестръ пришлю для отправленія будущимъ лѣтомъ въ Санктпитербурхъ.

По безпредѣльной моей къ вамъ любви и чтобы вы въ состояніи были знать, чтò у насъ происходитъ, при семъ посылаю письма П. В.*), которыя, прочтя, извольте изодрать или ко мнѣ возвратить. Вы усмотрите о прискорбномъ для насъ обстоятельствѣ, что неразумной нашъ зять въ намѣреніи имѣетъ развестись съ дочерью моею безъ всякаго ре-

---

*) Петра Васильевича Бакунина, жена котораго была племянницею канцлеру графу Воронцову. П. Б.

зона; только я сумнѣваюсь, чтобъ сіе въ самомъ дѣлѣ учинилось, хотя бы я и желалъ, чтобъ онъ никогда зять нашъ не былъ. О семъ сумасбродствѣ Анна Карловна и дочь моя не вѣдаютъ, и я имъ не скажу, чтобъ безвременно обезпокоены не были, и вы единственно для своего вѣдѣнія содержите. При семъ же посылаю и его письмо въ оригиналѣ, которое ко мнѣ извольте возвратить; а болѣе писемъ я отъ него не имѣлъ. Также посылаю копіи съ писемъ Ея Императорскаго Величества и г-на Панина съ моими отвѣтами, которыя, прочтя, предайте огню.

Здѣшній Магистратъ присылалъ съ поздравленіемъ ко мнѣ синдиковъ Фабера и Андерсона и представилъ въ подарокъ вина и поваренной провизіи. Завтра мы званы обѣдать отъ Магистрата въ ихъ домъ близь Ратуши. Г-нъ Пушкинъ оказываетъ намъ многія услуги, и я имъ доволенъ.

Чрезъ три или четыре дни я надѣюсь выѣхать въ Этинъ или Киль для свиданія съ принцемъ Августомъ, а оттуда въ Любекъ. Вы можете письма ваши къ Пушкину адресовать, ибо я едвали въ три недѣли въ Берлинъ пріѣхать могу.

Здѣсь я слышалъ, что принцъ Цербстской не находится болѣе въ Цербстѣ и поѣхалъ къ полку своему въ Венгрію; я намѣренъ былъ къ его свѣтлости пріѣхать, только сего удовольствія уже имѣть не могу его свѣтлость видѣть.

Новое сочиненіе Деона прошу ко мнѣ въ Питербурхъ моремъ прислать.

30-го Сентября 1764 года.

177.

При семъ двѣ сообщенныя вами піесы обратно посылаю, а третья, т.-е. переводъ съ Аглинской газеты (въ которой критикованъ безъ милости извѣстный манифестъ, я чаю, что оный газетиръ не пощадитъ и рѣшеніе Сената по сему же дѣлу, ежели оное въ публику выдано будетъ), мною истреблена; только я желалъ бы оригинальную Аглинскую газету имѣть, которую прошу ко мнѣ прислать.

Здѣшній городъ 1 (12) сего мѣсяца насъ огромно обѣдомъ трактовалъ, и многія знатныя персоны и чужестранные министры званы были, числомъ до сорока персонъ; разнаго вина и столовой провизіи къ намъ прислано, и ежедневно двѣ кареты присылаются. Г-нъ Шимельманъ, Датской министръ, извѣстной богачъ, немалыя намъ ласковости оказываетъ и для угодности нашей звалъ къ себѣ въ деревню, три мили отсюда по дорогѣ въ Киль, гдѣ мы завтра ночуемъ и чрезъ два дни въ Киль прибыть уповаю.

Что касается до опасности вашей быть отправлену въ Гишпанію, я писалъ къ П. Б. Бакунину, чтобъ онъ престерегалъ и именемъ моимъ прямо сказалъ его с—ству вице-канцлеру, чтобъ васъ туды не отправляли; а буде паче чаянія сіе послѣдуетъ, я вамъ, другой мой, совѣтую повиноваться волѣ Ея Императорскаго Величества и представить, что вы, будучи разорены переѣздами и не имѣя собственнаго имѣнія, отнюдь не можете съ честію и службою къ Ея Императорскому Величеству оставить ваше мѣсто безъ заплаты должникамъ, которымъ число денегъ поставить; на проѣздъ и экипажъ въ Мадритѣ, меньше 20 тыс. рублей обойтись не можете; а на содержаніе въ годъ меньше 12 тыс. или 15 тыс. рублей расходу имѣть не можете, и

ежели сіи ваши кондиціи милостиво приняты будутъ, въ такомъ случаѣ вы можете года на два или на три ѣхать. Вотъ мои мысли, какъ вамъ поступить должно.

Сейчасъ г-нъ Пушкинъ сообщилъ мнѣ присланное къ нему при канцелярской цидулѣ отъ 14-го Сентября рѣшеніе сенатское, которое безъ сумнѣнія и къ вамъ послано. Онъ мнѣ сказывалъ о Аглинской газетѣ, чаятельно той же самой, о которой вы мнѣ писали, и обѣщалъ достать экземпляръ, которой я прямо къ Ея Императорскому Величеству послать намѣренъ; только опасаюсь, не обезпокою-ли я онымъ. Только мнится, что лучше, чтобъ Ея Величество знать изволила.

Теперь получаю письмо отъ вице-канцлера отъ 15-го Сентября съ копіею сентенціи сенатской, въ которой многія излишности кромѣ настоящаго дѣла внесены, о которыхъ публикѣ никакой нужды нѣтъ вѣдать, и тѣмъ поводъ подается къ огорчительнымъ толкованіямъ.

Г-нъ Пушкинъ сообщилъ мнѣ письмо отъ князя Репнина, коимъ его увѣдомляетъ о смерти графа Кейзерлинга 19 (30) Сентября. Сей князь ни единаго письма ко мнѣ не писалъ по прибытіи своемъ въ Варшаву.

На сихъ дняхъ былъ у меня Французской офицеръ, называемой Везіенъ, которой показывалъ вашъ пашпортъ и письма въ Россію, требовалъ отъ меня денежнаго вспоможенія и якобы его въ дорогѣ покрали, разсказывая многія гисторіи. Я думаю, что вы по добросердечію своему его рекомендовали. Пожалуйте, осторожнѣе поступайте въ высылкѣ людей, которые въ службу нашу вступить похотятъ, ибо много негодныхъ къ намъ пріѣзжаютъ.

1764 Октября 4 (15) дня,
Гамбурхъ.

178.

Его свѣтлость принцъ Августъ и его супруга приняли насъ весьма ласково; два двора лучшіе намъ отведены; экипажи и столъ для свиты нашей отпускаютъ, а насъ ежедневно къ своему столу приглашаютъ. Я хотѣлъ отсюда выѣхать въ Воскресенье, только ихъ свѣтлости упросили остаться до Понедѣльника 11-го числа. И такъ мы надѣемся въ Любекъ пріѣхать чрезъ два дни, 9 миль отсюда, и дорога весьма худа.

На послѣдней почтѣ я послалъ къ вице-канцлеру переводъ съ Аглинской газеты, въ которой злостно критикованъ нашъ манифестъ, и чтобъ онъ, прочтя, оной истребилъ и Ея Императорскому Величеству не показывалъ для непричиненія прискорбія, упомянувъ при томъ, что и сенатское рѣшеніе о злодѣѣ Мировичѣ конечно симъ авторомъ пощажено не будетъ. Я хотѣлъ къ нему печатную газету послать, только хотя оную въ Гамбурхѣ и видѣлъ, не могъ однакожъ себѣ получить, и я списалъ заглавіе, нумеръ и страницу оныя газеты ему сообщилъ. Ежели вы впредъ получите вновь изданную газету въ Англіи, прошу экземпляръ ко мнѣ прислать. А сенатское рѣшеніе не оставлено будетъ въ публикѣ злодѣйски растолковано.

1764 Октября 8 (19) дня,
въ Килѣ.

179.

Завтра отсюда въ Любекъ отъѣзжаю. Его свѣтлость принцъ Августъ и его супруга великія ласковости и угощенія намъ оказали и для пути нашего собственными лошадьми ссудили, въ Этинѣ свой домъ представили и оттуда до Любека также своихъ лошадей дать обѣщали, и мы здѣсь съ удовольствіемъ время препроводили.

При семъ посылаю рисунокъ колокольни, на которой братъ Иванъ Ларіоновичъ желаетъ имѣть часы; г-нъ Дебюше оной ко мнѣ возвратилъ и обѣщалъ на будущей почтѣ прислать отъ мастеровъ Брюсельскихъ исчисленіе разнымъ цѣнамъ; и ежели будутъ резонабельны, то я ему велю заказать сдѣлать и васъ потомъ увѣдомлю; а въ случаѣ дороговизны вы можете въ Голандіи сдѣлать приказать, ибо братъ весьма желаетъ, чтобъ ему часы присланы были; а которые вы изъ Англіи прислали, я отправилъ въ Москву и велѣлъ въ Конковѣ на колокольнѣ поставить, только неизвѣстенъ, правильно ли ходятъ.

Я весьма благодарствую, что секретарь вашъ Боно желаетъ при мнѣ быть, и вы его охотно отпустить хотѣли; только весьма изрядно учинили, что его нынѣ ко мнѣ не послали, ибо онъ бы былъ мнѣ въ дорогѣ въ тягость. Когда Богъ благоволитъ въ Россію возвратиться, и мнѣ онъ надобенъ будетъ, тогда васъ просить буду прислать его моремъ, а до письма моего прошу при себѣ содержать. Я желалъ бы имѣть изъ его рода человѣка надежнаго и не въ молодыхъ лѣтахъ, которой бы былъ нраву скромнаго и отъ

свѣта удаленнаго, а при томъ бы былъ человѣкъ ученой и смышленой.

За сообщеніе письма г. Панина я вамъ благодарствую и сожалѣю, мой другъ, что вы не получили справедливаго награжденія. Я думаю, что вы можете при какомъ-либо случаѣ о денежныхъ дѣлахъ упомянуть въ реляціи, прося Ея Императорское Величество оказать вамъ милосердіе и по причинѣ перебивки дому вашего учинить награжденіе для заплаты невольно сдѣланныхъ вами долговъ; можетъ быть, и оказано будетъ вамъ удовольствіе. Я писалъ изъ Гамбурха къ князю Репнину, чтобъ увѣдомилъ меня о письмѣ моемъ къ королю Польскому, отправленномъ чрезъ г. Кейзерлинга, которое онъ безъ сумнѣнія послѣ смерти его пакеты открылъ; только еще не получилъ отъ сего князя отвѣта.

1764 Октября 10 (21),
въ Килѣ.

180.

Сюда мы пріѣхали вчерась ввечеру благополучно, и здѣшній Магистратъ отличныя почтенія и угощенія намъ оказываетъ; два дома отведены для насъ, премножество всякой провизіи для стола прислано; завтра званы мы обѣдать въ городской дворъ, гдѣ, сказываютъ, будетъ ввечеру зажженъ фейерверкъ, и послѣ завтра намѣрены намъ дать балъ. Я отсюда намѣренъ выѣхать въ будущую Субботу 16 (27) числа прямо въ Берлинъ и уповаю чрезъ 7 дней въ оной городъ пріѣхать.

1764 Октября 13 (24),
въ Любекѣ.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за пріемлемое вами участіе по случаю письма П. В. Бакунина. О зятѣ моемъ я истинно нималѣйше о безумномъ его поведеніи и нескладныхъ отзывахъ не вѣдалъ, и едва могу вѣру дать, что̀ объ немъ пишутъ или сказываютъ. По прибытіи моемъ въ Россію наилучше свѣдаю и надлежащія мѣры принять не оставлю. А что касается до возвращенія вашего въ отечество и желанія раздѣлять жребій мой обще со мною, я вамъ не могу здѣсь изъяснить, сколь много я чувствую вашу любовь къ себѣ и весьма желаю имѣть сіе удовольствіе съ вами неразлучно жить. Даруй Боже, чтобъ сіе наше желаніе къ общему нашему удовольствію совершилось.

Кардиналъ Александръ Албани просилъ меня о заступленіи у Ея Императорскаго Величества, чтобъ племянникъ его

кардиналъ Франсоа почтенъ былъ отъ новаго короля Польскаго протекторомъ Польши, какъ онъ и при покойномъ королѣ сію честь имѣлъ; я сегодня къ Ея Величеству послалъ оригинальное его письмо и копію сообщилъ къ князю Репнину для увѣдомленія королевскаго.

Не знаю, сдѣлано ли будетъ по сему кардинальскому желанію.

15 (26) Октября, въ Любекѣ.

181.

Въ проѣздъ нашъ чрезъ Мекленбургію его свѣтлость герцогъ трактовалъ насъ чрезъ своего министра графа Басевича въ Шверинѣ богатымъ столомъ; вся музыка герцогская къ намъ прислана была, и ливрея его служила; а на другой день въ городѣ Пархинѣ также столъ приготовленъ былъ, и тайный совѣтникъ баронъ Лицау съ камеръ-юнкеромъ насъ провожали. Герцогиня сожалѣтельное письмо къ графинѣ Аннѣ Карловнѣ писала, что съ нами видѣться не могла за пребываніемъ ихъ свѣтлости въ Лудвигслустѣ.

1764
Октября 20 (31) дня,
въ Форбелинѣ.

182.

Вы справедливую причину имѣете сѣтовать о скверной пасквилѣ, и поведеніе ваше въ семъ дѣлѣ весьма похвально. Я надѣюсь, что Ея Императорское Величество горячее ваше усердіе признать изволитъ. Мнѣ также пріятно было увѣдомиться, что господа генеральные статы къ вамъ адресовались по случаю нотификальной грамоты короля Польскаго въ разсужденіи ошибки канцелярской въ надписи. По любви и дружбѣ моей къ вамъ я примѣчаніе учинилъ, что вы излишно внушали грефье Фагелю, чтобъ въ отвѣтной грамотѣ отъ статовъ упомянуть о учиненной ошибкѣ, ибо тѣмъ бы сдѣлано было королю укоризна, и что вы напрасно не послали прямо къ князю Репнину на стафетѣ, но депеши ваши чрезъ князя Долгорукова отправили, и тѣмъ нѣсколько дней позже въ Варшавѣ свѣдаютъ о дѣлѣ, которое натурально интересуетъ Польской дворъ. Сіе между нами останется, и я не сумнѣваюсь, чтобъ король Польской не имѣлъ вамъ по сему дѣлу благодарности. При семъ возвращаю разныя піесы для кореспонденціи вашей, а которые пассажи подчерчены, тѣ мнѣ казались излишними.

Что же касается до возвращенія вашего, то извольте увѣрены быть, что я искренно желаю, чтобъ вы съ авантажемъ отозваны были и я имѣлъ удовольствіе неразлучно съ вами быть, о чемъ крайне стараться по прибытіи моемъ въ Россію не оставлю; только сожалѣю, что возвращеніе мое замедлится, потому что при нынѣшнемъ позднемъ годовомъ времени я отнюдь не могу отважиться безъ подверженія мо-

его здоровья и фамиліи моей крайнимъ безпокойствамъ и опасностямъ въ дорогѣ и принужденъ здѣсь остаться до крѣпкой зимы или до просухи, о чемъ въ свое время васъ увѣдомить не оставлю.

Графъ Финкенстейнъ мнѣ знать далъ, что король приказалъ мнѣ завтра въ Потсдамъ пріѣхать, куды я одинъ и поѣду. Съ господиномъ Мишелемъ я охотно спознаться стараться буду.

1764
Октября 26 (6 Ноября),
въ Берлинѣ.

183.

Письмо ваше отъ 22 Октября (3 Ноября) съ двумя печатными листами въ опровержение извѣстнаго пасквиля я получилъ исправно; благодарствую вамъ за сообщеніе и хотя, какъ вы примѣчаете, слабо сочинено, только я думаю, что ежели вы ко двору послали, съ пріятностію принято будетъ.

Въ послѣднемъ моемъ я писалъ къ вамъ о поѣздкѣ моей въ Потсдамъ, и я имѣлъ честь его величеству королю поклонъ мой отдать и былъ весьма милостиво принятъ и при столѣ его оставленъ былъ къ обѣду. Король съ похвалою мнѣ о васъ говорить изволилъ.

При семъ для извѣстія вашего посылаю копію съ письма его величества короля Польскаго и съ моего отвѣтнаго; также пакетъ къ И. И. Шувалову за открытою печатью, въ ко-

торомъ приложены стихи г. Ломоносова, и вы можете съ нихъ копію для себя снять, а пакетъ, запечатавъ, къ нему въ Парижъ переслать.

Прошу васъ, мой другъ, прислать сюды чрезъ Гамбургъ бочку хорошаго столоваго масла отъ 40 до 50 фунтовъ, ибо здѣсь въ маслѣ коровьемъ не безъ нужды.

1764
Октября 30 (10 Ноября),
въ Берлинѣ.

184.

Г-нъ Мишель у меня обѣдалъ, и мы много говорили о васъ; онъ съ великою похвалою о васъ отзывался и мнѣ показался вамъ преданнымъ; я весьма радъ, что съ нимъ знакомство получилъ; онъ человѣкъ разумной и достоинства имѣетъ.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за присылку газеты отъ 6-го Ноября, въ которой о пребываніи моемъ въ Килѣ и Любекѣ напечатано и увѣдомленіе о пріѣздѣ въ Гагу г-на шевалье Макартне; я весьма желаю имѣть случай съ нимъ увидѣться.

Изъ канцелярской цидулы вы увѣдомились, что г-нъ Букингамъ именемъ короля своего государя поздравленіе чинилъ Ея Императорскому Величеству о избраніи короля Польскаго, также о пріѣздѣ Турецкаго посланника и его визитѣ у министерства, гдѣ чучела бывшій нашъ зять аси-

стентомъ присутствовалъ. Понынѣ я не получалъ еще никакого извѣстія о успѣхѣ прошенія о разводѣ; мнѣ обѣщали копію прислать съ челобитной его, которую вамъ сообщить не оставлю. При семъ посылаю четыре письма отъ Петра Васильевича, изъ которыхъ разныя увѣдомленія получите; прошу оныя по прочтѣніи изодрать.

1764 Ноября 5 (16) дня,
въ Берлинѣ.

По написанію сего я получаю письмо ваше отъ 29 (9) съ четырьмя экземплярами опроверженія на Аглинскую газету, которое гораздо сильнѣе прежняго сочинено; хотя вы не увѣдомили меня, что ко двору нѣсколько сихъ экземпляровъ отправили, только я, не сумнѣваясь о томъ, одинъ къ вице-канцлеру послалъ.

185.

По мнѣнію моему вы излишно въ письмѣ вашемъ къ Н. И. Панину распространились о томъ, что̀ съ извѣстными пасквилями у васъ происходило; я думаю, что вы бы лучше сдѣлали, еслибъ въ реляціи прямо ко двору донесли просто о происхожденіи и вашемъ поведеніи по сему дѣлу. Потому что всѣ реляціи неисключимо Ея И. В. подносятся, и вся Коллегія объ нихъ извѣстна; а партикулярное письмо можетъ и безъ всякаго употребленія оставлено быть, или иногда поздно и не во время представлено къ докладу будетъ. И такъ я совѣтую вамъ впредъ прямо въ реляціяхъ къ Ея И. В. писать, и можете краткимъ письмомъ сослаться къ министерству на отправленную вами реляцію. Къ тому же я опасаюсь, чтобъ вы нѣсколько горячимъ поступкомъ не остудились съ министерствомъ и съ главною тамо персоною; ибо вы хотя оную и не именуете, только гораздо примѣтно, что оную въ виду имѣете, а какъ извѣстно, что вездѣ похвальное ремесло завелось вскрывать чужія письма, то легко изъ вашихъ Француэскихъ усмотрѣть могутъ, что вы безъ менажемента пишете. Я все сіе по крайней къ вамъ любви и для осторожности пишу.

Когда сюда пріѣдетъ кавалеръ Макартне, я его позову обѣдать и съ ними знакомство учиню. Здѣсь я спознался съ однимъ достойнымъ человѣкомъ, называемымъ Калцабичи, который былъ въ Англіи и отъ г-на Пита рекомендованъ королю Прускому; онъ имѣетъ дирекцію ново-учрежденнаго здѣсь банка по примѣру Лондонскому, состоящаго въ 20

миліонахъ талеровъ, о которомъ, чаятельно, вы уже извѣстны.

Прошу увѣдомить меня о капитанѣ Шаловеронѣ, которой сочинилъ піесу, какой онъ человѣкъ и давно ли въ Голандіи обрѣтается.

1764
Ноября 9-го (20-го) дня, въ Берлинѣ.

186.

При семъ для извѣстія вашего посылаю письмо отъ Петра Васильевича, которое, прочтя, извольте изодрать. Также посылаю копію съ письма одного незнакомаго изъ Амстердама (ибо оригинальное послано къ его сіятельству вице-канцлеру); извольте подъ рукою освѣдомиться о семъ человѣкѣ и меня увѣдомить, а копію обратно ко мнѣ прислать. Сей человѣкъ адресовалъ письмо ко мнѣ въ Санктпитербурхъ, которое отъ вице-канцлера сюда прислано; видно, что онъ не читаетъ газеты, ибо не вѣдаетъ, что я въ Германіи нахожусь. Я поручилъ сей планъ разсмотрѣть г-ну профессору Эйлеру, которой въ письмѣ своемъ ко мнѣ учинилъ примѣчанія, съ которыхъ я списалъ копію. Вы можете, призвавъ къ себѣ автора, ему объявить о письмѣ его ко мнѣ и о учиненномъ примѣчаніи о его планѣ, не именуя однакожъ г. Эйлера.

1764
Ноября 13 го (24-го) дня,
въ Берлинѣ.

187.

Не имѣю ничего отвѣтствовать, какъ васъ, мой другъ, благодарить за пріемлемое участіе въ сумасбродномъ поступкѣ Строгонова. Я уже писалъ къ Ея Императорскому Величеству, съ котораго письма теперь не успѣлъ къ вамъ копію послать, прося Ея Императорское Величество о разлученіи дочери моей. Я весьма желаю, чтобы сіе дѣло до моего пріѣзда въ Россію окончено было.

При семъ посылаю отвѣтное письмо къ графу Головкину купно съ концептомъ его письма къ Ея Императорскому Величеству и доношеніе его управителей о заплатѣ въ казну должныхъ денегъ.

Сегодня у насъ обѣдали кавалеръ Макартне и Мейнерсгагенъ; первой мнѣ полюбился и завтра отъѣзжаетъ въ Россію, надѣясь въ три недѣли къ намъ пріѣхать; а послѣдній чрезъ нѣсколько дней къ вамъ поѣдетъ. Я ему говорилъ, чтобы съ вами изъяснился о дѣлѣ субсидныхъ денегъ и съ своей стороны способствовалъ о скорой заплатѣ. Прошу васъ, мой другъ, быть съ нимъ и его фамиліей ласковымъ; жена его весьма дружелюбна была Аннѣ Карловнѣ, а сестрѣ ея г-жѣ Стегельманъ мы должны слишкомъ 5000 рублевъ и охотно бы ей заплатили, ежели бы господа Голландцы должныя деньги выдали. Что касается до здоровья его величества короля Прускаго, я васъ съ удовольствіемъ могу увѣрить, что онъ въ совершенномъ и добромъ здоровьи пребывать изволитъ и вскорѣ сюда въ городъ ожидается. Теперь настоитъ пасмурная и студеная погода, отъ которой я очень нездоровъ.

1764.
Ноября 16-го (27-го), въ Берлинѣ.

188.

Что касается до совѣта вашего, чтобы начатое дѣло Строгоновымъ до моего пріѣзда въ Россію окончено не было, я не усматриваю для себя ни малѣйшаго предосужденія, ежелибъ оное прежде возвращенія моего вершено было; но къ сожалѣнію я чаю, что едва ли оное и по пріѣздѣ моемъ окончено будетъ. Въ какой силѣ я писалъ къ Ея Императорскому Величеству, при семъ для вашего извѣстія копію посылаю.

При семъ же посылаю для свѣдѣнія вашего копію съ письма Строгонова къ отцу вашему съ копіею поданной отъ него челобитной, изъ которой вы усмотрите, что вся вина возложена на Анну Михайловну. Онъ не устыдился и ко мнѣ писать съ пріобщеніемъ копіи съ челобитной своей, съ котораго письма на будущей почтѣ копію къ вамъ пришлю; а теперь много упражненъ письмомъ.

Вчерась поѣхалъ отсюда въ Голандію г-нъ Дугласъ, которой отъ Ея Императорскаго Величества пожалованъ вицеадмираломъ; онъ у меня былъ и поведеніемъ своимъ весьма показался; мы нашли въ немъ искуснаго адмирала.

1764
Ноября 20-го (1-го Декабря),
въ Берлинѣ.

189.

На послѣдней почтѣ я сообщилъ вамъ копію съ челобитной Строгонова, а при семъ посылаю учиненныя мною ремарки, которыя я послалъ къ брату графу Роману Ларіоновичу купно съ письмомъ Строганова для прочтенія оныхъ архіерею Санктпитербургскому. Также для извѣстія вашего посылаю копію съ письма Строганова, которымъ онъ формальную нотификацію мнѣ учинилъ по сродной вѣтренности и наглости своего характера.

Безъ сумнѣнія вы уже увѣдомлены о пожалованіи вамъ въ награжденіе отъ Ея Императорскаго Величества 2000 рублевъ, чѣмъ я много обрадованъ и васъ сердечно поздравляю. При семъ для извѣстія вашего посылаю письмо г. Бакунина, которое, прочтя, извольте изодрать.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за сообщеніе письма короля Польскаго: я радуюсь, что вы дѣло его къ удовольствію окончили и получили отъ его величества апробацію. Вы изрядно учинили, что при реляціи вашей копіи съ письма королевскаго и прочихъ бумагъ ко двору прямо отправили, и Ея Императорское Величество безъ докладу другихъ сама по реляціямъ вашимъ извѣстна будетъ.

Время настоитъ весьма сырое и пасмурное, отнюдь неспособное для дорожныхъ, чего ради я принужденъ здѣсь до крѣпкой зимы и надежной дороги остаться, которая около половины Генваря быть можетъ, и тогда я въ путь отправлюсь.

Въ Берлинѣ
Ноября 23-го (4-го Декабря) дня,
1764.

Я удивляюсь, что письмо короля Польскаго, къ Каудербаху писанное, въ газеты внесено. Я чаю, что сіе обтоятельство королю непріятно было.

190.

Г-нъ Мейнерсгагенъ съ фамиліею своею намѣренъ отсюда сегодня въ путь отправиться. Я имъ рекомендовалъ, чтобъ съ вами ласковы были, и вы можете ихъ знакомствомъ пользоваться; а особливо г-жа Мейнерсгагенъ и сестра ея Стенгельманъ изрядныя женщины.

Прошу васъ, мой другъ, приказать выписать изъ прошедшихъ дѣлъ во время ваше въ Англіи, что происходило по представленіямъ вашимъ о удовольствованіи отъ Аглинскаго двора за претерпѣнные убытки отъ ихъ каперовъ Россійскихъ подданныхъ и что король Аглинской хотѣлъ за мои убытки, помнится, 2000 ф. стерлинговъ заплатить. Ежели вы въ Гагѣ о семъ дѣлѣ при себѣ бумагъ не имѣете, то прошу отписать къ г-ну Гросу, чтобы онъ приказалъ экстрактомъ выписать изъ реляцій вашихъ и присланныхъ къ вамъ по сему дѣлу рескриптовъ, дабы я прежде возвращенія моего въ Россію обстоятельное извѣстіе имѣть могъ; ибо я намѣренъ Ея Императорское Величество просить, чтобы до окончанія сего дѣла соизволила позволить мнѣ принять за убытки вышеупомянутыя деньги, и на сіе буду ожидать отъ васъ увѣдомленія.

Теперь я получаю два письма ваши, на почтѣ и стафетѣ отправленныя, съ копіями письма вашего къ королю Польскому и отвѣтной грамоты статовъ генеральныхъ. Только упомянутыхъ въ письмѣ вашемъ копій съ реляцій ко двору при томъ не нашлось; можетъ быть, ошибкою позабыто оныхъ приложить. Я васъ искренно поздравляю окончаніемъ сего дѣла къ удовольствію Польскаго короля, надѣясь, что вы апробацію и отъ нашего двора получите.

1764
Ноября 26 (7 Декабря) дня,
въ Берлинѣ.

191.

Благодарствую вамъ за присылку писемъ де-Верже противъ гр. Гержи; оная книга и здѣсь появилась in quarto. изъ Ліежа. Я уповаю, что Деонъ будетъ имѣть худой конецъ по сумасбродному своему нраву. Вы изрядной отвѣтъ учинили Зеландскому депутату Линдену, что на предложенныя его пропозиціи не склонились; сіи сребролюбцы и въ тоже время нищіе недостойны имѣть ни малѣйше отъ всѣхъ націй уваженія.

За покупку платковъ и обѣщаніе прислать оные при надежной оказіи весьма благодарствую. Я чаю, что архитекторъ нашъ Баженовъ чрезъ ваше мѣсто изъ Парижа поѣдетъ или, можетъ быть, вы будете имѣть случай чрезъ другую оказію прислать.

Присланную отъ васъ копію съ письма, къ Н. А. Корфу отправленнаго, я къ нему на сегоднишней почтѣ переслалъ въ Курляндію, ибо онъ въ деревнѣ у г-на Симолина остановился, и ему есть, благодаря Бога, легче.

Извольте увѣрить г-на Ферзена, что я не оставлю по желанію его стараться по пріѣздѣ моемъ въ Россію; только я еще не знаю о своемъ жребіи: останусь ли при моей должности или получу увольненіе отъ службы, которое последнее для тишины и спокойствія моего наижелательнѣе.

1764 Декабря 4 (15),
въ Берлинѣ.

Сегодня король сюды ожидается изъ Потсдама, и я ласкаюсь имѣть удовольствіе чаще видѣть сего монарха.

192.

Посылаю письмо графа Мартына Карловича, изъ котораго увидите, что едва ли разводъ состояться имѣетъ за неимѣніемъ главной къ тому причины; однакожъ время покажетъ, какія слѣдствія быть могутъ.

За сообщеніе копіи съ письма вашего къ Н. И. Панину я благодарствую, безъ сумнѣнія онъ признать долженъ будетъ ваше удовольствіе и благодарность. Прошу мнѣ знать дать, когда изъ Россіи получите извѣстіе о поступкѣ вашемъ касательно до напечатанныхъ въ Голандіи пасквилевъ, будетъ ли апробовано; также и по дѣлу грамотъ короля Польскаго. Что же касается до рескрыпта о кардиналѣ Альбани, я еще понынѣ о отправленіи его въ Польшу извѣстія не получалъ и о семъ медленіи не удивляюсь, довольно зная о проворствѣ отправленія экспедицій.

Вчерась съ огорченіемъ я читалъ въ суплементѣ Колонской газеты № 99 отъ 11 Декабря, подъ артикуломъ изъ Дрездена, о которомъ здѣсь не распространяюсь, надѣясь, что вы сію газету читали: какія безбожныя лжи въ ней напечатаны. Ежели вы сію газету еще не читали, то извольте постараться оную достать.

Въ Берлинѣ,
Декабря 7 (18) дня
1764.

193.

Третьяго дни, на асамблеѣ у ея королевскаго высочества принцессы Пруской, король изволилъ много со мною разговаривать и весьма милостиво и съ похвалою объ васъ вновь отзываться изволилъ.

Теперь наступили здѣсь морозы и ежели бы я деньги имѣлъ, можетъ быть, на сихъ дняхъ отсюда выѣхалъ; только принужденъ дожидаться присылки векселей изъ Россіи и не уповаю прежде трехъ или четырехъ недѣль отсюда выѣхать.

1764
Декабря 11 (22) дня,
въ Берлинѣ.

194.

По возвращеніи моемъ изъ Потсдама и Сансуси я очень простудился и сіе пишу чрезъ великую мочь. Благодарствую вамъ за сообщеніе письма отъ Зеландскаго господина. Я совершенно на васъ полагаюсь и все, что̀ вами учинено будетъ по дѣлу субсидныхъ денегъ мною апробовано будетъ, будучи увѣренъ, что вы не къ убытку, но къ пользѣ моей окончите, только бы дворъ нашъ въ томъ согласенъ былъ, и вы можете резолюціи испрашивать въ реляціяхъ вашихъ.

1764 Декабря 14 (25) дня,
въ Берлинѣ.

При семъ посылаю два письма изъ Россіи; изъ одного увѣдомитесь, что челобитная Строгонову назадъ отъ архіерея отдана.

195.

Я усмотрѣлъ изъ реляціи вашей ко двору, отъ 2 (13) числа отправленной, въ которой въ концѣ упомянуть изволили о способахъ, которые вы представить имѣете о склоненіи республику къ скорѣйшей заплатѣ субсидныхъ денегъ. По моему мнѣнію вы можете тѣже самые способы представить, которые г-нъ Гросъ представлялъ, то-есть учинить репресалію надъ Голандскими подданными, которыхъ словъ г-на Гроса вы держаться имѣете; ибо въ самомъ дѣлѣ Голандцы недостойны, чтобъ къ нимъ державы имѣли менажементы, и для того я принужденъ нынѣ согласиться на сіе жестокое средство: столь много Голандцы и Зеландцы меня огорчили, и вы отнюдь ни на какія посредства и уступки поступить не имѣете, держась предписанныхъ вамъ въ рескриптахъ повелѣній, ибо хотя субсидныя деньги и опредѣлены мнѣ въ платежъ за взятой домъ мой, токмо сей долгъ республики должно почитать дѣйствительно казеннымъ, и я надѣюсь, что вы, мой другъ, о всемъ, чтò по сему дѣлу происходить будетъ, меня безъ увѣдомленія не оставите. Я весьма желалъ бы, чтобы безъ дальныхъ хлопотъ и огорченій Зеландцы дѣйствительнымъ платежемъ въ нынѣшнемъ году удовольствовали.

Прошу знать дать, сколько томовъ изъ печати вышло Dictionnaire d'Encyclopédie и Histoire universelle du monde, также Histoire de voyages du monde.

1764 Декабря 18 (29) дня,
въ Берлинѣ.

196.

Г. Гадековской *) обѣщаетъ мнѣ ссудить здѣсь 10 тыс. талеровъ и требуетъ, чтобы чрезъ васъ въ Голандіи 8 т. талеровъ или 20 тыс. гульденовъ заплачено было въ три мѣсяца, а именно: 1-го Апрѣля. Я сегодня пишу къ брату, чтобы онъ въ запасъ пріуготовлялъ деньги для переводу къ вамъ въ случаѣ, ежели я принужденъ буду на сихъ кондиціяхъ деньги занять, и на сіе средство я въ крайности поступлю. Желательно, чтобы вы къ 1-му числу Апрѣля могли хорошую сумму денегъ въ уплату отъ Голандцевъ получить.

1764 Декабря 21 (Января 1-го дня 1765).

Копія съ письма Ея Императорскаго Величества, полученная въ Берлинѣ Декабря 21-го 1764 (1-го Генваря 1765).

Графъ Михайла Ларіоновичъ.

Изъ письма вашего отъ 14-го числа Ноября усмотрѣла я просьбу вашу о разводѣ дочери вашей съ ея мужемъ; на что я вамъ инаго въ отвѣтъ написать не могу, какъ-то, что весьма жалѣю о сей домашней вашей немалой печали, въ разсужденіи несогласія между дочери вашей и зятя; а разводъ не отъ меня зависитъ, но единственно есть церковное дѣло, въ которое я вступаться не могу и не буду. Графъ Строгоновъ подобную просьбу мнѣ мѣсяцъ назадъ подавалъ; но я приказала оную обратно ему отдать съ словеснымъ приказаніемъ, что я въ сіе дѣло вступать не буду, понеже оное есть духовное и на то учрежденныя мѣста есть; второе, что, въ отсутствіи жены его, а вашей дочери, рѣшеніе

*) Извѣстный банкиръ Гочковскій.

послѣдовать не можетъ, и третье, что наиболѣе воздержусь я входить въ сіе дѣло по причинѣ ближняго свойства графовъ Скавронскихъ съ покойной бабкою моею блаженныя памяти императрицею Екатериною Первою. Впрочемъ же, хотя бы и желательно было, чтобы возстановить законное согласіе между сихъ брачныхъ, но совершенно съ моей стороны въ ихъ волю отдаю жить вмѣстѣ или развестись. Для меня все равно: графиня Анна Михайловна Строгоновою-ли называться будетъ или Воронцовою, и я всегда пребываю вамъ благосклонною.

(На подлинномъ подписано тако):

Екатерина.

2-го Декабря 1764 года,
Царское Село.

Копія съ отвѣтнаго письма къ Ея Императорскому Величеству изъ Берлина отъ 21-го Декабря по старому штилю 1764 года.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Сейчасъ получаю дражайшее Вашего Императорскаго Величества писаніе отъ 2-го Декабря, принося къ монаршимъ стопамъ всенижайшее мое благодареніе за являемое милостивое участіе въ печали моей, которую я истинно не ожидалъ. Сіе подлинно, всемилостивѣйшая Государыня, что хотя я во время пятидесяти лѣтъ жизни моей многія печали и разныя прискорбности имѣлъ, только столь язвительнаго оскорбленія я еще не чувствовалъ. Впрочемъ я весьма признаю, всемилостивѣйшая Государыня, что Вашему Величеству весьма индиферентно, чтобы дочь моя Строгоновою или Воронцовою называлась; только для меня и рода моего я желалъ бы, чтобы она, по начатому г. Строгонова разводу,

болѣе фамиліею его уже не называлась, и для того я принужденъ былъ сверхъ воли моей утруждать прежнимъ моимъ прошеніемъ Ваше Величество и, поручая себя etc. etc. etc.

Копія съ письма Никиты Ивановича Панина, полученнаго Декабря 21-го 1764 (1-го Генваря 1765), въ Берлинѣ.

Милостивый государь мой графъ Михайла Илларіоновичъ!

Препровождая симъ высочайшее Ея Императорскаго Величества письмо къ вашему сіятельству, съ радостію пользуюсь я симъ случаемъ возобновить себя въ памяти вашей. Простите мнѣ, милостивый государь мой, что я противъ склонности толь рѣдко сей пріятной мнѣ долгъ исполняю. Истинно всегдашнія мои суеты приводятъ меня въ несостояніе и лишаютъ часто того, въ чемъ я по моей къ вамъ непремѣнной преданности самъ особливое себѣ удовольствіе ставлю.

Ея сіятельству милостивой государынѣ моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ осмѣливаюсь я засвидѣтельствовать истинное и совершенное мое высокопочитаніе, съ каковымъ равно имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства etc. etc. etc.

Въ С.-Петербурхѣ,
4-го Декабря 1764 года.

Отвѣтъ его превосходительству Микитѣ Ивановичу Панину, писанный 21-го Декабря 1674 (1-го Генваря 1765 года), въ Берлинѣ.

Милостивый государь мой Микита Ивановичъ!

Сего утра я имѣлъ честь получить вашего превосходительства почтенное писаніе отъ 4-го сего мѣсяца купно съ дражайшимъ письмомъ Ея Императорскаго Величества, на которое при семъ прилагая мое отвѣтное, покорнѣйше ваше превосходительство прошу поднести всемилостивѣйшей нашей Государынѣ. Я ни малѣйшаго прискорбія не имѣю, что не часто получаю отъ вашего превосходительства дружескія о мнѣ напоминанія, вѣдая довольно, сколь много упражнены дѣлами, и будучи увѣренъ въ благосклонности вашей ко мнѣ, весьма спокоенъ пребываю. Жена моя благодаритъ за благосклонное вашего превосходительства напоминаніе и вамъ свой поклонъ и почтеніе засвидѣтельствуетъ. О себѣ имѣю честь увѣдомить, что по долгомъ ожиданіи зимняго пути, наконецъ, на сихъ дняхъ жестокіе морозы здѣсь наступили, отъ которыхъ, уповательно, рѣки и болота утвердятся, и я, по занятіи здѣсь потребныхъ на проѣздъ денегъ, намѣренъ отсюда вскорѣ въ дорогу отправиться и, сколько суровость времени и здоровье мое допустятъ, нигдѣ въ дорогѣ безъ крайней нужды остановляться не буду, дабы какъ наискорѣе удовольствіе имѣть могъ увидѣть дражайшія очи всемилостивѣйшей нашей Государыни и вашему превосходительству изустно повторить о непремѣнномъ моемъ почтеніи, съ коимъ навсегда пребуду etc. etc. etc.

197.

Я думаю, что по системѣ Н. И. Панина мы будемъ въ Швеціи стараться возстановить власть отнятую Шведскимъ Сенатомъ отъ короля, будемъ низвергать Французскихъ партизановъ, возстановлять упадшихъ благонамѣренныхъ мнимыхъ патріотовъ и для того разсѣемъ нѣсколько тысячъ червонныхъ напрасно. Мнѣ слабѣйше мнится, что дѣльнаго успѣху не получимъ, и всё останется на прежней Шведской системѣ, то-есть быть партизанами Французскими на вѣки. Развѣ не учинится ли (чего я нѣсколько опасаюсь) перемѣна въ правительствѣ возстановленіемъ суверенства, и тогда мы будемъ сами много сожалѣть, что смѣло вступили въ виды дворовые.

Я съ чувствительною благодарностію усмотрѣлъ пріемлемое вами участіе о намѣреніи моемъ получить ретрету. Извольте увѣрены быть, что я скоропостижно въ томъ не поступлю, но смотря по обстоятельствамъ и по склонности Ея Императорскаго Величества, что, буде изволитъ имѣть намѣреніе другому чинъ мой отдать, я истинно съ радостію оной оставлю. Только по справедливости долженъ ожидать при отставкѣ достойнаго награжденія; а въ случаѣ ежели Ея Императорскому Величеству угодна будетъ моя служба, то неинако оную съ достоинствомъ исправлять могу, какъ долженъ совершенную повѣренность въ дѣлахъ имѣть и милостію Ея Величества взысканъ быть; а инако служба моя въ слабости и къ предосужденію моему будетъ.

Г-нъ Гоцковской ссудилъ мнѣ 10 т. талеровъ, за которые я въ С.-Петербурхъ заплачу 8 т. рублевъ 1 Апрѣля

1764 Декабря 24 дня
(Генваря 4-го 1765).

198.

Сегодня предъ полуднемъ назначено мнѣ быть къ его королевскому величеству для отпускной аудіенціи, и я уповаю выѣхать отсюда непремѣнно 31-го числа, и такъ сіе письмо отсюда будетъ послѣднее. Ежели съ дороги возможно будетъ къ вамъ писать, то я не премину сей оказіи, а инако извольте писемъ моихъ ожидать изъ Данцига. Я крайне сожалѣю, что вы страдали флюсомъ; я довольно знаю сію мучительную болѣзнь; надобно вамъ беречься отъ простуды головы и ногъ. А чтò вы приписываете ко мнѣ, что его величество король изволилъ о васъ съ похвалою отзываться, я заподлинно знаю, что его величество и заочно неоднократно о васъ съ авантажемъ говорить изволилъ.

При семъ посылаю для извѣстія вашего копію съ резолюціи, учиненной на сеймѣ Польскомъ коронаціи о возобновленіи съ нашимъ дворомъ союзного трактату. Сію піесу я получилъ отъ князя Н. В. Репнина.

1764
Декабря 28 (Генваря 8) дня,
въ Берлинѣ.

Сейчасъ возвращаюсь отъ двора, получивъ весьма милостивой отпускъ отъ его величества короля Прускаго, при которомъ случаѣ соизволилъ много со мною о дѣлахъ говорить.

199.

Графъ Рейсъ убѣдилъ меня остаться у него отобѣдать, и я изъ его домy прямо въ путь мой отправлюсь и будемъ ночлегъ имѣть въ Бернау, три мили отсюда.

При семъ посылаю календарь Русской, который я отъ Анны Михайловны для васъ взялъ; также посылаю боченочекъ икры. Желаю, чтобъ въ цѣлости до васъ дошла и вы на здоровье скушали.

1764
Декабря 31 (Генваря 11) дня,
въ Берлинѣ.

200.

Вы справедливо разсуждаете, что письмо отвѣтное Ея Императорскаго Величества весьма холодно сочинено и не совсѣмъ сходно на мое посланное написано; только должно и тѣмъ довольствоваться. Время окажетъ, какое окончаніе послѣдуетъ въ безпутномъ и прискорбномъ дѣлѣ развода, по пріѣздѣ моемъ, равно какъ и будущемъ моемъ собственномъ жребіи.

Г-нъ Рибинской, абатъ Оливской, ласковостію своею удержалъ насъ въ монастырѣ своемъ до трехъ дней, и я послѣзавтра въ Данцигъ отсюда поѣду. Домъ для меня изготовленъ графа Минишка, и я, послѣ нѣсколькихъ дней отдохновенія, намѣренъ вскорѣ въ путь мой отправиться. Чрезъ пять дней сряду въ дорогѣ такіе жестокіе морозы съ вѣтромъ стали, что едва люди стужу снести могли; только, слава Богу, кромѣ скуки и безпокойства мы ничего болѣе не претерпѣли.

Здѣсь я множество писемъ со всѣхъ сторонъ получилъ кромѣ Россійскихъ; ежели на приходящей почтѣ буду имѣть оныя, для свѣдѣнія вашего сообщить не оставлю, уповая, что вы съ дороги отправленныя получить изволили.

1765 Генваря 14 (25) дня,
въ Оливѣ.

Что касается до дѣла субсидій, то прошу васъ болѣе никакихъ подвиговъ не чинить и ко двору не писать, ожидая новыхъ повелѣній по реляціямъ вашимъ; ибо безъ сумнѣнія вы реляціями вашими надокучили, и я не могу по дружбѣ къ вамъ оставить безъ примѣчанія, что вы въ прежнихъ доношеніяхъ ко двору и въ послѣднемъ отъ 27 Декабря (7 Генваря) часто упоминали слова, знаменующія нѣкоторое сообщество наше съ долгомъ республики двору нашему, какъ нижеслѣдующіе пасажи изъ послѣдней реляціи вашей отъ 27-го Декабря: 1) «Требованіе остальной части субсидіи *намъ* должной здѣшнею республикою.» 2) «Чтобъ Зеландская провинція учинила перемѣну въ принятой ею резолюціи долгъ свой *намъ* въ четыре года заплатить.» 3) «Когда бы ихъ высокомочія поводомъ сообщенной Зеландіей резолюціи вновь сильныя ей напоминанія въ пользу *нашу* учинили.» 4) «Оказывая между прочимъ заботы, кои Зеландія даетъ какъ *намъ*, такъ и не менѣе всей республикѣ»; ибо сіи слова *намъ* и *насъ* могутъ растолкованы быть не къ авантажу, и для того по дружбѣ моей къ вамъ не хотѣлъ оставить, чтобъ васъ не остеречь.

Теперь получаю отъ одного Француза извѣстіе, что извѣстной Пите вскорѣ въ Данцигъ пріѣхать имѣетъ; только неизвѣстно, на время ли онъ или вовсе изъ Россіи выѣзжаетъ.

15 (26) Генваря.

201.

Я весьма согласенъ съ разсужденіями вашими, что до Шведскихъ и Польскихъ дѣлъ касается: надобно оставить времени и премѣнности, происходящей ежедневно въ свѣтѣ семъ. При семъ посылаю для единственнаго вашего извѣстія полученное изъ Россіи письмо, которое, прочтя, прошу тотъже часъ изодрать и по содержанію онаго никогда не отзываться.

Сегодня на вечеръ мы сюда пріѣхали и имѣемъ покойный домъ графа Мнишка. Г-нъ Рибинской, абатъ Оливской, весьма изобильно насъ у себя содержалъ на своемъ коштѣ, и я его ласковостію крайне одолженъ. Вчерась онъ далъ великолѣпной обѣдъ, и многіе знатные изъ города въ Оливу пріѣзжали, между которыми былъ маркизъ де-Босетъ; онъ мнѣ сказывалъ, что за болѣзнію своей жены и за распутицею принужденъ такъ долго въ Данцигѣ замѣшкаться и хочетъ вскорѣ отъѣхать. Кажется, что сія нація никогда прямо съ нами соединена не будетъ по обыкновенному ихъ манеру въ поведеніяхъ. Онъ, выѣхавши изъ Парижа четвертый мѣсяцъ, почти только половину дороги сдѣлалъ; а Макартне давно уже въ Питербурхъ пріѣхалъ, и чаятельно до его пріѣзда съ нами трактатъ заключитъ. Я весьма желаю съ Букингамомъ въ дорогѣ увидѣться.

Сегодня Магистратъ здѣшній присылалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ депутатовъ Тесина и Упгагена, въ крайнемъ безпокойствѣ, что король Польской не конфирмовалъ ихъ привилегій и что конфедерація, на послѣднемъ сеймѣ коронаціи, сдѣлала конституцію, чтобъ въ провинціи Пруской учредить

таможни, слѣдовательно для комерціи сего города и прочихъ державъ предосудительно. Здѣшній Магистратъ адресовался къ нашему двору и просилъ Ея Императорское Величество о заступленіи у короля Польскаго, на что и получилъ обнадеживаніе, только по нынѣ дѣйствія нѣтъ.

1765 Генваря 18 (29) дня,
въ Данцигѣ.

202.

Здѣшній городъ да и вся Пруская провинція Польская трусятъ и опасаются сдѣланной конституціи на сеймѣ коронаціи и учрежденія въ Прусіи таможенъ и что король Польской не конфирмовалъ ихъ привилегіи. И такъ они теперь въ страхѣ и надеждѣ обрѣтаются, не зная, къ которому святому адресоваться; ибо Магистратъ писалъ къ Ея И. В. и получилъ обнадеживаніе, только никакого еще дѣйства не имѣютъ.

1765 Генваря 20 (31),
въ Данцигѣ.

Господинъ Рибинскій, аббатъ Оливской, при отъѣздѣ нашемъ насъ одарилъ разными вещами и провизіею. Прошу васъ не позабыть, когда вамъ случится чрезъ Данцигъ проѣхать, постараться съ нимъ видѣться и оказать ему учтивость и благодарность. Онъ другъ графа Мнишка.

203.

Третьяго дня я сюда пріѣхалъ и имѣлъ удовольствіе получить два письма ваши отъ 8 (19) и 11 (22) сего мѣсяца и при оныхъ копію съ письма вашего къ королю Польскому и прошеніе графа Головкина къ Ея Императорскому Величеству, которое я отнюдь подать не могу, потому что листъ бумаги весьма смятъ и число не поставлено. Извольте сказать графу Головкину, чтобъ на большой бумагѣ и чистымъ письмомъ написалъ и запечаталъ своею печатью, которое тогда я Ея Величеству поднесу и буду стараться о вашемъ отзывѣ и его опредѣленіи; а сіе письмо можетъ еще во время прійти.

1765.
Генваря 25 (5 Февраля),
въ Кенигсберхѣ.

204.

Мы сюда вчерась ввечеру пріѣхали благополучно и завтра далѣе въ путь нашъ отъѣзжаемъ. Г-нъ Симолинъ къ намъ навстрѣчу выѣхалъ и учиненнымъ отъ него распоряженіемъ на станціяхъ подставныхъ лошадей и хорошихъ ночлеговъ я весьма доволенъ. Въ деревнѣ его мы намѣрены три или четыре дни пробыть и потомъ, нигдѣ безъ крайней нужды не останавливаясь, до Гостилицы прямо ѣхать.

Здѣсь я получилъ извѣстіе, что по рекомендаціи моей Ея Императорское Величество соизволила приказать въ службу

принять г-на Билистейна, котораго по репутаціи его сочиненій вы, чаятельно, знаете, и ему велѣно на проѣздъ деньги дать князю Долгорукову, въ Берлинѣ. Оный Билистейнъ дворянинъ изъ Лотарингіи и весьма въ статскихъ и политическихъ дѣлахъ искусенъ, и мы можемъ его съ пользою во многихъ дѣлахъ употреблять.

Петръ Васильевичъ сообщилъ мнѣ копію съ меморіала, которой къ вамъ изъ Коллегіи посланъ быть имѣлъ; оный сочиненъ господиномъ Убріемъ, хорошаго слога. Я уповаю, что наконецъ Голандцы склонятся платежемъ удовольствовать. Но вы, мой другъ, послѣ подачи онаго меморіала, никакихъ подвиговъ болѣе не чините, оставя сихъ господъ въ ихъ нерѣшимости; ибо собственная честь нашей фамиліи требуетъ, чтобы вы при семъ статѣ болѣе министромъ не состояли, когда они столь мало къ нашему двору и собственно мнѣ и вамъ уваженія оказываютъ.

По прибытіи моемъ въ Санктпитербурхъ я буду съ братомъ моимъ о васъ говорить и стараться о опредѣленіи въ Коллегію, и тогда рапель вамъ посланъ быть можетъ.

1765 Февраля 4 (15),
въ Либавѣ.

205.

Чрезъ десять дней уповаю пріѣхать въ Санктпитербурхъ, гдѣ не оставлю по желанію вашему съ братомъ изъясниться и васъ въ свое время увѣдомлю; впрочемъ я весьма согласенъ съ вами, чтобы вы по пріѣздѣ въ Россію равномѣрное по привычкѣ, какъ и въ тѣхъ краяхъ, порядочное въ домѣ житье имѣли, въ чемъ, надѣюсь, отецъ вашъ согласенъ будетъ. Только по мнѣнію моему лучше бы было вмѣсто найма посторонняго двора купить небольшой домъ, о чемъ я съ моей стороны въ свое время стараться не оставлю.

Въ проѣздъ мой чрезъ Курляндію отъ герцога приказано было на всѣхъ станціяхъ по 50 лошадей въ готовности содержать безденежно, и онъ насъ въ Митавѣ въ своемъ домѣ угощалъ, гдѣ я одну ночь пробылъ. Здѣсь также многія учтивости отъ генералъ-губернатора Броуна, Лифляндскаго дворянства и отъ Магистрата оказываются. О семъ пишу только для единственнаго вашего извѣстія. А герцогъ Биронъ во всей Курляндіи отъ всѣхъ ненавидимъ.

1765 Февраля 12 (22),
въ Ригѣ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ писалъ ко мнѣ, что онъ хотѣлъ вскорѣ изъ Парижа въ Лондонъ ѣхать. Не вѣдаю, чрезъ Голандію ли онъ дорогу взялъ или чрезъ Кале. Ежели онъ чрезъ ваше мѣсто поѣдетъ, пожалуйте окажите ему всякое вспомоществованіе и ласковость: онъ нынѣ хорошее поведеніе имѣетъ.

206.

Путешествіе наше, слава Богу, благополучно продолжается; послѣ завтра уповаю въ Нарву пріѣхать. По извѣстіямъ изъ Сантпитербурха многіе хотятъ къ намъ на встрѣчу выѣхать въ Гостилицы, въ томъ числѣ и его сіятельство вице-канцлеръ. Приложенныя письма для прочтенія вамъ посылаю, которыя изволите потомъ изодрать.

1765
Февраля 17-го (28-го),
въ Дерптѣ.

207.

Не имѣя времени ниже о дѣлахъ нынѣ и впредь къ вамъ писать, довольствуюсь только, мой другъ, увѣдомить васъ о нашемъ прибытіи сюда къ вечеру 24 числа сего мѣсяца, и я имѣлъ того же часа честь и радость видѣть прежде всего очи всемилостивѣйшей нашей Государыни и, по сродному Ея Величеству милосердію, весьма милостиво принятъ былъ съ обнадеживаніемъ монаршаго ея неоставленія, и въ дополненіе даннаго отъ Ея Величества повелѣнія вице-канцлеръ объявить мнѣ Ея Величества соизволеніе, которое онъ въ Гостилицѣ мнѣ учинилъ. Я не хотѣлъ оставить, по любви моей къ вамъ, чтобъ васъ о томъ не увѣдомить и для того при семъ для единственнаго вашего извѣстія и наставленія посылаю переводъ съ Французскаго письма Ея Величества къ вице-канцлеру и учиненнаго ему словеснаго

отвѣта, котораго содержаніе онъ записалъ для донесенія Ея Императорскому Величеству.

А какъ Ея Императорскаго Величества соизволеніе есть, чтобъ я оставилъ нынѣ дѣла въ ихъ теченіи и дирекціи его превосходительства Никиты Ивановича Панина, что̀ я съ крайнимъ наблюденіемъ исполнять буду, то вы по полученіи сего письма ни о какихъ дѣлахъ болѣе въ письмахъ вашихъ ко мнѣ упоминать не имѣете, а должны прилежно въ реляціяхъ вашихъ доносить къ Ея Императорскому Величеству. Въ заключеніе сего, имѣю вамъ, мой другъ, чистосердечно объявить и васъ увѣрить, что я сею резолюціею Ея Величества не инако какъ весьма доволенъ и теперь съ Божескою помощію надѣюсь спокойную отъ дѣлъ жизнь имѣть, въ несумнѣнной надеждѣ оставаясь, что Ея Императорское Величество, въ разсужденіи долговременной моей службы и бѣднаго состоянія, по правосудію и великодушію своему меня щедро наградить не оставитъ.

Въ С.-Питербурхѣ
26-го Февраля 1765.

Письмо императрицы къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну.

Господинъ вице-канцлеръ. Я желаю, чтобы вы по прибытіи сюда канцлера, которое скоро воспослѣдовать имѣетъ, внушили ему съ моей стороны, что какъ не совершился еще срокъ дозволеннаго ему на два года увольненія, то я желаю, чтобы онъ и дѣла и министровъ чужестранныхъ оставилъ господину Панину; польза дѣлъ моихъ требуетъ, чтобъ онъ согласовалъ въ томъ желаніямъ моимъ. Установленная мною система, о которой г-нъ Панинъ одинъ совершенное имѣетъ свѣдѣніе, требуетъ сего распоряженія. Канцлеръ сдѣлаетъ мнѣ согласованіемъ оному угодность, и я не сумнѣваюсь, чтобъ онъ на сіе не поступилъ: ибо многократно говаривалъ и писалъ онъ ко мнѣ, что смущеніе дѣлъ вредитъ здоровью его и что онъ охотно желалъ бы отъ нихъ освобожденъ быть, слѣдовательно же и требуетъ теперь польза Имперіи, чтобы правленіе дѣлъ осталось въ рукахъ господина Панина. Впрочемъ можете вы его обнадежить, что сіе происходитъ не отъ недовѣренности, къ коей онъ и поводу не подалъ, не изъ немилости и не изъ худыхъ мыслей, но единственно для того, чтобы дѣла остались на томъ пути, въ которомъ они теперь идутъ.

*

На сіе внушеніе отвѣтствовано слѣдующее: что канцлеръ всегда главнымъ правиломъ и регулою поступковъ своихъ содержалъ повиноваться во всемъ волѣ своихъ самодержцовъ, то и нынѣ неинако какъ Ея Императорскаго Величества соизволеніе исполнять будетъ, когда Ея Величеству угодно предпочтительнѣе и лучше имѣть, чтобъ г-нъ Па-

нимъ (хотя къ собственному его предосужденію предъ публикою) главную дирекцію иностранныхъ дѣлъ производилъ; что канцлеру весьма радостно было слышать, что сіе опредѣленіе Ея Императорскаго Величества съ нимъ учинилось не отъ недовѣренности, ни отъ немилости къ нему, но единственное соизволеніе Ея Величества есть, чтобъ дѣла въ нынѣшнемъ состояніи остались, предая впрочемъ жребій свой сродному Ея Императорскаго Величества милосердію, котораго конецъ будетъ касаться относительно къ собственной Ея Императорскаго Величества чести и славѣ.

208.

Что вы писали къ отцу вашему о желаніи возвратиться въ отечество, я истинно не менѣе вашего желаю для многихъ резоновъ васъ здѣсь видѣть; только еще болѣе резону при нынѣшнемъ обстоятельствѣ нахожу, чтобъ вы до способнаго времени остались при вашемъ мѣстѣ; а я буду имѣть попеченіе, чтобъ вы не инако какъ съ авантажемъ и собственнымъ для васъ удовольствіемъ и фамиліи вашей сюда возвратились, и для того совѣтую вамъ, мой другъ, терпѣніе имѣть и стараться исполнить должность вашу къ похвалѣ вашей и удовольствію Ея И. В. Я надѣюсь на разумъ вашъ, что вы сей мой совѣтъ за благо примете, тѣмъ паче, что я, на мѣстѣ будучи, лучше о васъ нежели вы заочно судить можете о себѣ. Имѣю васъ, мой другъ, увѣдомить, что я, слава Богу, здоровъ и никогда такъ спокойно не живалъ, ожидая только милостиваго Ея Императорскаго Величества рѣшенія моего жребія, не хотя и не смѣя про-

шеніемъ моимъ утруждать Ея Величество, будучи столь много взысканъ Ея Величества милостію.

Анна Карловна вамъ свой поклонъ отдаетъ и проситъ васъ, чтобы вы съ первыми кораблями прислали нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, поруча шкиперу, чтобы онъ временно оныя деревья на воздухѣ содержалъ и прѣсною водою поливалъ. Я думаю, что сіи деревья въ Голандіи не дорого продаются.

1765.
Марта 5-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

209.

Сегодня я получилъ ваше письмо отъ 15 (26) Февраля, коимъ мнѣ знать дали о проѣздѣ чрезъ ваше мѣсто переводчика Татищева, котораго я въ проѣздъ чрезъ Курляндію видѣлъ и съ нимъ писать къ вамъ времени не имѣлъ. Я уповаю, что вы отправленныя съ дороги письма мои всѣ исправно получили.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за сообщеніе письма къ вамъ отъ общаго пріятеля нашего; онъ во многихъ артикулахъ здраво разсуждаетъ, и я по любви и дружбѣ къ вамъ совѣтую послѣдовать его сотѣту и быть спокойнымъ до времени о жребіи вашемъ, полагая всю надежду на Провидѣніе Божіе и милость Ея Императорскаго Величества, что вы по добродѣтелямъ и заслугамъ вашимъ оставлены не будете.

Обстоятельства домашнія отца вашего весьма въ худомъ состояніи находятся, и онъ крайняго сожалѣнія достоинъ. Равномѣрно и мои обстоятельства не лучше его. И такъ

надлежитъ оставить времени исправить наши нужды и потомъ о уединенной жизни помышлять, которую я весьма люблю. Только еще самѣ не знаю, какой предѣлъ жизни моей судьба опредѣлитъ. Я намѣренъ на сихъ дняхъ подать Ея И. В. прошеніе о увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ.

1765
Марта 7-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

210.

Что касается до вашего возвращенія, я прошу васъ, мой другъ, сіе намѣреніе оставить до удобнаго времени, когда я усмотрю надежность къ вашему авантажу; не оставлю конечно стараться о пользѣ вашей, а инако скоропостижностію болѣе вамъ и фамиліи вреда нежели пользы учинится. При семъ для единственнаго вашего свѣдѣнія посылаю копію съ поданнаго мою Ея Императорскому Величеству прошенія, на которое еще не получилъ резолюціи, однакожъ уповаю, что оная вскорѣ послѣдуетъ и сходная съ великодушіемъ и славою Ея Величества и тогда васъ увѣдомить не оставлю. Впрочемъ мы, слава Богу, обрѣтаемся благополучно, и я нарочито здоровъ, хотя здѣсь погода настоитъ чрезвычайно худая, и я не иному чему приписываю, какъ свободѣ отъ дѣлъ и порядочной жизни. А что касается до окончанія дѣла съ Строгоновымъ, о чемъ вы знать желаете, то оное и начала не имѣло, да и нечего начинать: довольно, что несчастная пара на вѣкъ другъ отъ друга разлучены. Прошу сказать мой поклонъ г. Ферзену и что я по возможности не оставлю въ пользу его стараніе приложить.

1765
Марта 22-го дня,
въ С.-Питербурхѣ.

Письмо канцлера къ императрицѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня.

При самомъ моемъ въ отечество и къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества возвращеніи объявлено мнѣ чрезъ вицъ-канцлера высочайше Вашего Величества повелѣніе, которое я, съ истиннымъ повиновеніемъ пріемля, признаю за благость монаршаго и милостиваго о жребіи моемъ попеченія и, будучи преисполненъ чувствительною благодарностію, прославляю милость Вашего Императорскаго Величества за данное мнѣ позволеніе отлучиться въ чужіе краи для поправленія изнуреннаго моего здоровья, которую поѣздку я предпринялъ единственно въ уповаціи, что, по пріобрѣтеніи здоровья моего, могъ бы я посвятить остальную жизнь мою службѣ Вашего Императорскаго Величества. Но къ сокрушенію сердца моего вижу, что и малое въ болѣзняхъ моихъ полученное облегченіе не инымъ чѣмъ поправилось, какъ только перемѣною воздуха и безпрестаннымъ почти въ дорогѣ движеніемъ и совершенною отъ всѣхъ дѣлъ свободою. Слѣдовательно, чувствуя нынѣ, что отнюдь не въ состояніи я нахожусь понести больше бремя ввѣренной мнѣ важной и многотрудной должности, принужденъ, приступая съ благоговѣніемъ къ престолу Вашего Императорскаго Величества, просить всеподданнѣйше о милостивомъ увольненіи какъ отъ оной, такъ и отъ всѣхъ дѣлъ.

Во время тридцати - восьми - лѣтней службы моей и особливо двадцати - двухъ - лѣтняго министерства, не имѣя довольно собственнаго званію моему соотвѣтствующаго достатка, принужденъ я былъ по оному не изъ прихоти, но единственно для чести и достоинства двора, содержа домъ свой съ пристойностію, не только распродать все то, что̀ мнѣ отъ ея величества блаженныя и вѣчнодостойныя памя-

ти государыни императрицы Елисаветъ Петровны въ разныя времена пожаловано было, но и сверхъ того войти еще въ превеликіе долги и бѣдность.

Правда, я имѣлъ, всемилостивѣйшая Государыня, нетщетную надежду получить за службы мои отъ блаженныя памяти государыни императрицы достойное награжденіе и о томъ имѣлъ милостивое обнадеживаніе, что я не только отъ долговъ моихъ освобожусь, но что и щедротами ея взысканъ буду, безбѣдно жизнь мою проводить, ежели бы кончина ея не прежде заключеннаго мира послѣдовала. Но Провидѣнію Всевышняго угодно было положить въ томъ другой предѣлъ. Почему и остается мнѣ въ настоящей моей крайности, предавъ оказанныя мною покойной государынѣ императрицѣ отличныя услужбы и весь жребій мой въ руки Вашего Императорскаго Величества, возложить всю мою надежду на сродное Вашему Величеству милосердіе и правосудіе, лаская себя, что, всемилостивѣйшая Государыня, оными подвигнуты быть изволите воззрѣть на худое мое состояніе и поправить оное благодѣяніями вашими, дабы я, въ старости и дряхлости жизнь мою препроводя, въ покоѣ и безъ скудности жену и бѣдную дочь мою въ совершенной же скудности не оставилъ.

Конецъ дней моихъ посвященъ будетъ прославленію сіяющихъ въ персонѣ Вашего Императорскаго Величества великихъ добродѣтелей, кои приводятъ теперь Россію на верхъ благополучія, непрестанно ко Всевышнему возсылая молитвы мои о сохраненіи дражайшаго Вашего Императорскаго Величества здравіи до позднѣйшихъ временъ вѣка человѣческаго.

Въ сихъ мнѣніяхъ я былъ и всегда пребуду непремѣнно съ наиглубочайшимъ респектомъ.

Подлинное прошеніе подано Ея Императорскому Величеству Марта 15-го 1765.

211.

A S-t Pétersbourg, ce 25 de mars 1765.

Monsieur.

Le voyage que j'avais entrepris pour le rétablissement de ma santé ne m'ayant pas procuré autant de fruit que je l'avais espéré, j'ai craint, en rentrant dans les fonctions de ma charge, de succomber aux fatigues qui y sont attachées. Cette raison m'a obligé à supplier Sa Majesté Impériale de me permettre de quitter absolument les affaires pour jouir du repos dont j'ai besoin depuis si longtems. L'Impératrice a daigné entrer dans mon état. Non seulement il lui a plû avoir égard à ma très-humble prière en m'accordant ma retraite, elle y a ajouté, par une grâce particulière, une gratification de 50 mille roubles, la conservation de mes gages en entier et la jouissance de ma maison destinée à être l'hôtel du chancelier. L'amitié que j'ai éprouvée en tant d'occasions, monsieur, de votre part ne me laisse aucun doute que vous n'appreniez avec intérêt cette décision avantageuse de mon sort qui m'a pénètré d'une éternelle reconnaissance envers Sa Majesté. Je ne puis assez vous témoigner, monsieur, celle que je conserve de la confiance dont vous m'avez honoré pendant mon ministère et le vôtre. Je ne perdrai jamais de vue l'agrément que j'ai eu à concourir avec vous au bien et à l'avantage du service; non plus que la satisfaction que j'ai ressentie en devant rendre si souvent justice à votre zèle éclairé pour les intérêts de l'Empire, ainsi qu'à la dextérité et à l'application que vous avez mises dans les affaires qui vous ont été confiées. Cette satisfaction, je sens que je vais en être privé, et ce sont là tous mes regrets.

212.

Весьма вамъ благодарствую, мой другъ, за сообщеніе извѣстной трагедіи, которая кромѣ титула, по худому слогу стиховъ и крайней глупости автора, не интересуетъ, но паче презрѣнія заслуживаетъ. О сей піесѣ здѣсь извѣстно не было. Что же касается до присланной книги Ея Императорскому Величеству, по прочтеніи оныя, ежели усмотрится мною любопытства достойна, тогда я Ея Величеству поднести не оставлю; токмо мнѣ кажется, что содержаніе оныя весьма печальное и непріятное. За присылку новой продукціи Деона благодарствую и прошу впредъ присылать ко мнѣ при случаяхъ, ежели какія курьозныя піесы въ публикѣ явятся.

Я никогда съ такимъ покоемъ и удовольствіемъ не живалъ какъ нынѣ, не имѣя кромѣ домашнихъ нуждъ никакой заботы. Въ началѣ Маія мѣсяца я намѣренъ на краткое время съѣздить для прогулки въ Ладогу и, по возвращеніи оттуда, поѣду одинъ въ Кимру.

1765 Апрѣля 6 (17) дня,
въ Санктпитербурхѣ.

Третьяго дня къ великому сожалѣнію М. В. Ломоносовъ умеръ.

213.

Сегодня погребено тѣло М. В. Ломоносова въ Невскомъ монастырѣ *).

Присланную Французскую бумагу отъ извѣстнаго человѣка я читалъ и по желанію вашему изодралъ. Я и вы должны признаться, что онъ по усердію къ вамъ справедливо разсуждаетъ и вамъ совѣтуетъ спокойно остаться въ вашемъ мѣстѣ. Я надеженъ, что вы о правдѣ сей сами теперь удостовѣрены. Ежели вы будете къ нему писать, прошу объявить ему мой поклонъ и сожалѣніе, что онъ донынѣ по достоинствамъ своимъ къ дѣлу не употребленъ. Вы можете его пригласить къ себѣ для свиданія, ибо мнѣ кажется, что онъ того желаетъ.

1765 Апрѣля 8 (19) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

214.

Благодарствую, другъ мой, за поздравленіе съ пріѣздомъ моимъ въ отечество и пріемлемое участіе о состояніи моемъ, которое истинно для меня наиблагополучное. Окончивъ карьеру суетной чести званія моего, нахожусь теперь въ спокойствіи духа, единое безпокойство имѣя—худое состояніе домашнихъ моихъ дѣлъ, въ разсужденіи заплаты великихъ долговъ; но сколь скоро получу другую половину денегъ за

*) Прекрасный мраморный памятникъ надъ могилою Ломоносова, до сихъ поръ отлично сохранившійся, поставленъ графомъ М. Л. Воронцовымъ. П. Б.

проданный домъ мой и пожалованныя Ея Императорскимъ Величествомъ 50 тыс. рублей въ награжденіе, также продавъ деревни, надѣюсь со всѣми долгами расплатиться; только до того времени не могу прямо спокоенъ быть, тѣмъ паче, что, живучи въ нынѣшнемъ моемъ домѣ, принужденъ содержать большое число людей и прочіе расходы, потому что почти ежедневно, какъ чужестранные министры, такъ и наши многіе господа посѣщеніемъ не оставляютъ. Чего ради, для избѣжанія излишнихъ расходовъ, я стараюсь пріискать купить приличный домъ и ежели удастся найти способный, съ охотою оставлю нынѣшній, о чемъ васъ по дружбѣ впредъ увѣдомлю. Я также долженъ вамъ знать дать, что я искреннею дружбою ко мнѣ его сіятельства вице-канцлера весьма доволенъ и въ томъ совершенно удостовѣренъ. И о семъ для того къ вамъ пишу, что ежели вы кѣмъ инако предувѣдомлены были, прошу васъ тому не вѣрить.

1765 Апрѣля 18-го дня,
въ С.-Питербурхѣ.

215.

Вы, мой другъ не ошиблись о мнѣ во мнѣніи вашемъ, что я довольно пріобыкъ сносить терпѣливо все то чтò въ суетномъ и превратномъ свѣтѣ семъ непріятное приключаться можетъ, тѣмъ болѣе, что меня уже ничто эблюировать или ослѣпить не можетъ, исключая немощи и пороки, которые я во многомъ числѣ имѣю, но стараюсь оные истреблять, имѣя твердую надежду на благость Божію не быть оставленнымъ, въ сей маловременной жизни, которую однакожъ надобно совершить съ покоемъ и честію. Завтра я намѣренъ ѣхать ночевать къ графу М. К. Ска-

вронскому въ Славянку, дабы оттуда съѣздить въ Царское Село для поздравленія Ея Императорскаго Величества со днемъ рожденія. Никто изъ Русскихъ болѣе меня Ея Величеству не желаетъ благополучнаго царствованія и долговременной жизни, и никто менѣе меня не можетъ Ея Величеству къ службѣ годнымъ быть въ разсужденіи нынѣшняго моего состоянія; однакожъ любовь, усердіе и вѣрность со мною останутся. О г-нѣ Ферзенѣ я охотно стараться буду, только мало способовъ къ тому имѣю, ибо Н. П. Панина почти не вижу; а другъ мой вице-канцлеръ собою сдѣлать едва ли что̀ можетъ, и такъ я обнадежить васъ и его не могу о успѣхѣ трудовъ моихъ. Поѣздка графа К. Г. на нѣсколько дней отложена, только онъ на будущей недѣлѣ конечно выѣдетъ.

Сегодня обѣдалъ у меня баронъ Ворегардъ, котораго вы сюда рекомендовали; онъ намѣренъ вскорѣ въ Голандію ѣхать для привезенія колонистовъ, будучи доволенъ опредѣленіемъ его сіятельства графа Г. Г. Орлова.

1765 Апрѣля 19 (30),
въ Санктпитербурхѣ.

Маркизъ де-Босетъ, наконецъ, сюда вчерась пріѣхалъ, оставя жену свою на время въ Ригѣ; я его еще не видалъ.

На прошлой почтѣ я послалъ подъ кувертомъ вашимъ письмо къ графу Головкину. Не знаю, будетъ ли онъ доволенъ моимъ отвѣтомъ; я слышалъ, что онъ писалъ къ Н. П. Панину и просилъ также о опредѣленіи его въ Голандіи министромъ.

216.

Третьяго дни я возвратился сюда изъ Царскаго Села благополучно и былъ принятъ весьма милостиво отъ Ея Императорскаго Величества. Во оной день въ гвардіи была великая перемѣна чиновъ, и въ сіе число братъ вашъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ пожалованъ изъ сержантовъ въ корнеты. День былъ теплый и погода весенняя; а сегодня выпалъ снѣгъ вышиною на футъ, чего ради я принужденъ на нѣсколько дней поѣздку въ Ладогу отложить.

Анна Карловна благодаритъ васъ за обѣщанную присылку фруктовыхъ деревьевъ, только болѣе одной дюжины не извольте присылать; я желалъ бы, чтобы въ семъ числѣ были присланы двѣ пары померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ, которыя бы фрукты приносили, и при семъ случаѣ прошу васъ прислать лучшихъ садовыхъ и огородныхъ инструментовъ, каждаго сорта по двѣ штуки, потому что здѣсь не умѣютъ лопатъ и граблей желѣзныхъ сдѣлать.

Впрочемъ я съ пріятностію изъ послѣдняго вашего письма отъ 1-го Апрѣля усмотрѣлъ, что вы, мой другъ, по совѣту моему согласны остаться въ вашемъ мѣстѣ, и я отнюдь не чаю, чтобы вы скоро отозваны были, и для того можете обыкновенною провизіею запасаться, предавъ жребій вашъ Провидѣнію Божію, волѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни и моему искреннему о васъ попеченію. Ежели я осную ось въ отечествѣ остаться или въ состояніи буду домашнія дѣла въ лучшій порядокъ привести, дабы доходами моими могъ безъ нужды въ Италіи прожить нѣсколько лѣтъ, куда ѣхать желать по слабости здоровья моего и суро-

вости здѣшняго климата я необходимо долженъ, тогда, васъ просить буду пріѣхать къ намъ для неразлучнаго вмѣстѣ пребыванія; а теперь я нахожусь, такъ сказать, какъ на воздухѣ и сей годъ стараться буду расплатиться съ долгами и, буде можно, переѣхать жить на другой дворъ, потому что въ настоящемъ домѣ весьма много излишнихъ расходовъ содержать принужденъ, отъ которыхъ я всячески освободиться желаю.

1765 Апрѣля 23 (4 Мая),
въ С.-Пбурхѣ.

217.

Сейчасъ увѣдомляюсь, что сватается г-нъ Полянской жениться на сестрѣ вашей и ежели съ обѣихъ сторонъ склонность будетъ, то и свадьба не замедлится.

1765 Апрѣля 29 (Мая 10),
въ Санктпитербурхѣ.

Для единственнаго вашего свѣдѣнія посылаю копію на Французскомъ языкѣ съ письма Ея И. В. къ вице-канцлеру, которое имъ мнѣ сообщено въ Гостилицѣ. Я вамъ не хочу скрывать, что онъ при отдачѣ онаго великое смущеніе и прискорбіе свое слезами являлъ, и я не могу инако сказать, что онъ искренность ко мнѣ являетъ; и я не могу увѣриться, чтобъ онъ вамъ недоброжелателенъ былъ.

218.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за акуратность вашу и прилагаемые труды въ заплатѣ денегъ господамъ Клифортамъ и въ переводѣ сюда чрезъ вексели достальныхъ денегъ. А что васъ нѣсколько амбарасируетъ необыкновенность изъ Голандіи въ Россію деньги переводить, я думаю что Клифорты или Боасъ могутъ на себя разные вексели дать, платимые въ Голандіи по представленіи оныхъ въ тотъ же день *à vue*, по которымъ я здѣсь легко деньги взять могу и оныя обратно въ Голандію переслать съ подписаніемъ заплаты тому купцу, отъ котораго здѣсь деньги взяты будутъ, и потому прошу васъ при будущихъ переводахъ сюда денегъ по вышеписанному поступить.

При семъ же посылаю письмо отъ Гови и Любса съ моимъ отвѣтнымъ, которое имъ отдать извольте, и прошу васъ чрезъ Клифортовъ или Боаса по счету ихъ съ процентами заплатить 2412 гульденовъ; буде у васъ въ наличіи субсидныхъ денегъ не случится, я весьма желалъ бы, чтобы съ Говеемъ болѣе дѣла не имѣть.

За продолжающеюся стужею и сильными вѣтрами я не могу еще дня назначить къ моему отъѣзду въ Кимру; однакожъ надѣюсь въ концѣ сего мѣсяца отсюда выѣхать, и вы можете всегда писать ко мнѣ, посылая письма въ пакетахъ къ вице-канцлеру или Н. И. Панину или Бакунину, которые будутъ отдавать здѣсь графинѣ Аннѣ Карловнѣ.

Вчерась братъ вашъ отсюда въ Москву поѣхалъ и возвратится къ 10-му числу Іюня, къ учреждаемому близъ Краснаго Села огромному лагерю, чрезъ Кимру, гдѣ я надѣюсь около того времени быть.

1765 Мая 12 (23) дня,
въ С.-Пбурхѣ.

219.

Благодарствую вамъ за сообщеніе мнѣ копіи съ письма короля Польскаго и за присылку книжки *Истребленіе Іезуитовъ*, сдѣланную господиномъ Даламбертомъ, которую я буду читать въ дорогѣ; ибо сей день отъѣзжаю въ Кимру, получа вчерась милостивой отпускъ отъ Ея Императорскаго Величества и его императорскаго высочества.

При семъ для извѣстія вашего посылаю копію съ промеморіи иностранной Коллегіи въ мѣдную экспедицію, изъ которой усмотрите, что разсчетъ деньгамъ за взятой домъ мой въ казну весьма разнствуетъ съ вашимъ, о которомъ вы въ реляціи напрасно упоминали; только сіе дѣло уже совсѣмъ окончено.

Приложенное при семъ письмо прошу васъ, мой другъ, доставить господину маркизу Маруци и, по принятіи вами достальныхъ субсидій, заплатить ему 1154 червонца, а достальныя деньги, какъ я въ послѣднемъ письмѣ писалъ, переводить сюда чрезъ вексели небольшими суммами.

1765 Маія 24,
въ С.-Пбурхѣ.

220.

Прошу васъ, мой другъ, не причесть сіе долгое молчаніе ничему другому какъ ежедневному упражненію моему въ деревенской жизни. Начавъ здѣсь разныя строенія и работы, къ тому же употребляя время въ непрестанномъ движеніи, мало онаго остается для содержанія порядочной кореспонденціи, которою и въ отдаленіи отъ дѣлъ и отъ города нарочито однакожъ упражненъ.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за увѣдомленіе о напамятованіи о мнѣ дюка де-Іорка; прошу васъ сказать моимъ именемъ Аглинскому министру для донесенія его королевскому высочеству о моей чувствительной благодарности. Сей принцъ любитъ вояжировать и, будучи въ Берлинѣ, не въ дальности границъ Россійскихъ, я удивлялся, что онъ склонности не оказываетъ видѣть нашу Государыню и для того никакого поступка при нашемъ дворѣ не учинилъ. Однакожъ сіе между нами останется, ибо я не вѣдаю о соизволеніи Ея Императорскаго Величества, угодно ли бы было Ея Величеству, чтобъ дюкъ въ Санктпитербурхъ пріѣхалъ.

По рекомендаціи вашей графу Рехтерну возможныя учтивости оказывать не оставлю, ежели буду имѣть случай съ нимъ видѣться.

Что касается до его с. вице-канцлера, я васъ утверждаю во мнѣніяхъ о искренней его ко мнѣ дружбѣ, и нынѣ въ заочности новыя пробы имѣлъ по дѣлу окончанія съ Строгоновымъ, въ которомъ онъ большое участіе оказалъ, бу-

дучи съ отцомъ вашимъ медіаторами, и тѣмъ меня много одолжилъ.

Присланной отъ васъ вексель на 1423 рубля я послалъ въ Санктпитербурхъ для пріему господину Рихтеру отъ Динги и Ватсона; а вамъ благодарствую за употребленное стараніе въ полученіи сихъ денегъ, и вы напрасно извиняетесь о малости предъявленнаго мною подарка; я крайне сожалѣю, что не въ состояніи вамъ бóльшимъ служить. О здѣшнемъ моемъ пребываніи я не могу вамъ довольно описать, сколь много я доволенъ моею жизнію и, благодаря Бога, нахожусь въ совершенномъ здоровьѣ. Ежели бы не суровость нашего климата и не долгая зима принудили меня здѣшнее мѣсто оставить, я конечно бы отсюда никуды не выѣхалъ, чего ради принужденъ въ началѣ Августа мѣсяца въ Санктпитербурхъ отъѣхать. Ежели бы вы здѣсь со мною были, конечно бы равнаго мнѣнія были о здѣшнемъ мѣстѣ, въ разсужденіи хорошей ситуаціи и изобилія деревенскаго. Сверхъ упражненій невинныхъ деревенскихъ и нужныхъ строеній и работъ, я довольно забавляюсь читаніемъ книгъ, а особливо сочиненіемъ графа Оксенстирна. Ежели вы паче чаянія не читали *Pensées de m-r le c. d'Oxenstirn sur divers sujets*, рекомендую вамъ оныя прочесть.

Въ Кимрѣ, 22 Іюля 1765.

221.

Kimra, ce 2 (13) août 1765.

Monsieur.

Je vous envoye ci-joint ma réponse à m-r W. Justice Rufforth, par laquelle je lui mande que j'ai envoyé à Sa Majesté Impériale le projet de son épitre dédicatoire et que je lui ferai savoir ses intentions à ce sujet dès qu'elle m'en aura fait part.

Il me donne avis qu'il vous a remis, monsieur, depuis le mois de décembre les 12 exemplaires du 4-me t. de son Virgile pour Sa Majesté et les deux miens. Comme je ne me rappelle pas que vous m'en ayez parlé, je vous prie de me dire ce qui en est.

Je me suis assez bien porté pendant le séjour que j'ai fait ici; mais comme je me préparais à partir, j'ai été attaqué subitement d'un catarre affreux et d'une esquinancie qui m'a prodigieusement tourmenté. J'ai été saigné 3 fois, enfin elle est crevée hier, qui était le 8 jour, et m'en voilà heureusement quitte. Cet accident retardera mon départ au moins d'une 10-ne de jours.

222.

За приключившеюся мнѣ болѣзнію *esquinancie*, отъ которой три раза кровь пускали, и я много страданія претерпѣлъ и теперь еще въ великой слабости нахожусь, я укоснилъ на многія ваши письма отвѣтствовать и васъ благодарить за являемыя во всякомъ письмѣ ваши мнѣнія любви и ласковости ко мнѣ, которыми я весьма чувствителенъ.

Благодарствую за сообщеніе письма князя Голицына изъ Парижа; оное для содержанія порядочной кореспонденціи вашей при семъ возвращаю. Я опасаюсь, чтобы не подлинно съ графомъ Бутурлинымъ сбылась та вѣдомость, о которой уже и въ Нѣмецкихъ газетахъ напечатано. Сожалѣтельно, что онъ по молодости лѣтъ своихъ по сему дѣлу вѣчной порокъ имѣть будетъ.

Сегодня я отправляю экипажъ мой Волгою до Твери; а самъ намѣренъ отсюда выѣхать 13 (24) числа сего мѣсяца.

1765.
Августа 10 (21) дня,
въ Кимрѣ.

223.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за прилежную вашу переписку, на которую я, признаюсь, отвѣтами моими неисправенъ и прошу васъ ничему другому не причесть, какъ лѣнивому упражненію деревенскаго житья, которое конечно непраздно было, и я кромѣ ночи дому своего почти не видалъ, слѣдовательно весьма мало свободнаго времени имѣлъ за перо приняться; а, наконецъ, былъ жестоко боленъ и теперь въ силу прійти еще не могу.

Сегодня я сюда пріѣхалъ и завтра рано въ путь мой отправлюсь, уповая чрезъ четыре дня въ Питербурхъ пріѣхать.

Въ Новѣ-Городѣ,
Августа 21 (1 Сентября) 1765.

224.

Я сюда пріѣхалъ 24-го Августа и имѣлъ радость видѣть Ея Императорское Величество и весьма милостиво принять былъ. Теперь нахожусь милостію Божіею нарочито здоровъ, только худое лѣто и продолжаемые ежедневно дожди дороги въ городѣ, а въ полѣ еще больше, столь испортили, что почти нигдѣ проѣхать не можно, и я принужденъ сверхъ воли моей дома сидѣть и мало движенія имѣть, которое сидѣніе весьма вредно для слабаго моего здоровья.

Анна Карловна благодаритъ васъ за присылку образцовъ кисеи, изъ которыхъ выбравъ нѣсколько, обратно къ вамъ пришлетъ для отправленія сюда будущею весною.

Графъ Рехтернъ былъ у меня въ домѣ, и я ему засвидѣтельствовалъ, что вы ласковостію и знакомствомъ его хвалитесь; онъ, кажется, человѣкъ скромнаго нрава.

1765.
Сентября 9 (20) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

Прошу сказать мое искренное поздравленіе господину Ферзену съ повышеніемъ и новою его должностію; я пріемлю истинное участіе.

225.

Государь мой графъ Александра Романовичъ.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда Жоржъ Клифортъ изъ Лондона, сынъ славнаго Амстердамскаго банкира, и привезъ ко мнѣ отъ отца своего рекомендательное письмо, на которое при семъ слѣдуетъ мое отвѣтное. Я ему предъявилъ къ услугамъ мой домъ. А какъ отецъ его чрезъ ваше стараніе одолжилъ меня ссудою денегъ въ прошломъ году, я болѣе причины имѣю, сверхъ склонности, и изъ благодарности ему оказать возможнѣйшія услуги, ежели въ чемъ способенъ быть могу; то и вы, при отдачѣ письма моего, можете о готовости моей ему повтореніе учинить.

1765.
Сентября 14 (25),
въ С.-Питербургѣ.

226.

О пріѣздѣ къ вамъ графа К. Г. Разумовскаго и что онъ съ вами ласково обошелся, я съ пріятностію увѣдомился. Мы здѣсь, слава Богу, обрѣтаемся всѣ благополучно, и сегодня получено съ Москвы извѣстіе, что свадьба сестры вашей у меня въ Конковѣ была 18-го числа сего мѣсяца.

О желаніи маркиза Маруци побывать въ Россіи я при случаѣ донесу Ея Императорскому Величеству и ежели соизволитъ о томъ удобность оказать, я ему отпишу. А между

тѣмъ прошу васъ увѣдомлять меня о его пребываніи, равно какъ и о графѣ К. Г. Разумовскомъ и И. И. Шуваловѣ; понеже я чаю, что вы по близости можете слышать, во Франціи ли или въ Италіи они зимовать будутъ.

По бывшимъ у насъ ежедневнымъ дождямъ, сегодня превеликой снѣгъ выпалъ, и дороги наши болѣе непроѣздимы сдѣлаются.

Фрегатъ нашъ изъ Ливорны благополучно прибылъ въ Кронштадтъ тому уже двѣ недѣли, и я получилъ разныхъ винъ и другихъ мелочей довольное число. При напоминаніи Итальянскихъ городовъ, а паче за худыми здѣшними погодами и суровостію климата, охота болѣе умножается, хотя съ большимъ сожалѣніемъ, оставить отечество и ѣхать въ Италію, только недостатки домашніе великую препону дѣлаютъ. Ежели по намѣренію моему всемилостивѣйшая Государыня изволитъ взять Кексгольмскія деревни въ казну за настоящую ихъ цѣну, тогда въ состояніи буду поѣздку предпринять. Оныя деревни конечно до 200 т. рублевъ стоятъ. Сіи мысли мои единственно по дружбѣ для одного извѣстія вашего сообщаю, не зная, какой предѣлъ въ жизни моей Богъ учинитъ.

1765
Сентября 27 (8 Октября) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

227.

ъ Протасовъ *) вручилъ Аннѣ Карловнѣ посланныя съ
рубашки; я его еще не видалъ, только слышу, что онъ
хвалится вашею дружбою и неоставленіемъ.

ели случатся у васъ (какъ то и часто бываетъ) пуб-
е аукціоны, гдѣ продаются многія мобили, книги и
ы, я прошу васъ, буде за гораздо дешевую цѣну ку-
можете, на одну или двѣ каморы старыхъ тканыхъ
ландскихъ обоевъ и стульевъ, которые бы не гнусно
еблять можно было, и на оную покупку отъ 500 до
ублевъ денегъ употребить можете; также и эстамповъ
ихъ въ рамахъ или безъ рамъ нѣсколько дюжинъ ку-
можете для употребленія вмѣсто картинъ въ загород-
дворѣ на стѣнахъ. Сію покупку можете будущею вес-
исправить, когда должныя деньги отъ републики при-
и оныя вещи моремъ отправить; только рекомендую
ать дешевою цѣною.

1765 Октября 21-го дня,
въ С.-Питербуркѣ.

и семъ посылаю письмо къ г-ну маркизу Маруци, ко-
прошу къ нему переслать. Я докладывалъ Ея Импе-
ому Величеству о желаніи его къ нашему двору
ать; Ея Величество изволила милостиво отозваться, что
дъ его будетъ угоденъ. Извольте и вы съ своей сто-

ѣроятно это Александръ Яковлевичъ (1742—1799), отецъ графа Про-
, оберъ-прокурора Св. Синода при Николаѣ Павловичѣ. Его письма
XV-й книгѣ сего изданія.

роны ему присовѣтывать, чтобъ онъ сюда къ карнавалу пріѣхалъ и что я ему въ моемъ домѣ квартеру приготовлю и экипажъ для выѣзда давать буду. Хотя я ему о семъ и не писалъ, только вы его точно обнадежить можете; я желаю, чтобы онъ въ Генварѣ мѣсяцѣ изъ Парижа выѣхалъ и къ намъ въ Февралѣ пріѣхалъ. На сіе я буду ожидать отъ васъ отвѣта.

228.

Г-нъ Бакунинъ сообщилъ мнѣ присланные отъ васъ *Утренники* К. Пр. *) Сочиненіе сіе не инако какъ жестокою сатирою почитать должно. Здѣсь въ городѣ, какъ слышно, уже оные въ полученіи были, и я читалъ 6-й и 7-й Утренникъ; не достаетъ только 5-го. Ежели вы извѣстны о автерѣ, прошу мнѣ знать дать.

Для извѣстія твоего, мой другъ, увѣдомляю, что я намѣреніе принялъ будущею весною здѣшнее пребываніе оставить и ѣхать на лѣто въ Кимру, а оттуда въ Москву, и для того теперь стараюсь искать купить въ Москвѣ домъ, ибо въ моемъ Слободскомъ никакъ умѣститься не можемъ. Г-нъ Глѣбовъ продаетъ свой домъ на Тверской улицѣ за 12.000 рублевъ; я велѣлъ оной осмотрѣть и планъ сдѣлать и ежели способнымъ найдется, то и куплю, отдавъ здѣшній домъ въ смотрѣніе казенное. Сію резолюцію принять побудили меня домашнія обстоятельства и великіе расходы, которые я здѣсь содержать принужденъ; а нынѣ, распустя многихъ людей изъ службы моей, гораздо дешевлѣе въ Москвѣ себя содержать могу. Къ тому же и суровость здѣшняго климата и слабость здоровья моею главною причиною отъѣзда моего от-

*) Короля Прусскаго. П. Б.

да, хотя я и крайнее прискорбіе имѣю отлучиться отъ
й всемилостивѣйшей нашей Государыни. По пресеᴧеніи
мъ въ Москву мнѣ необходимо надобны будутъ для убран-
а двора нѣсколько разныхъ мобилей, и для того прошу
ъ, буде можете, за умѣренную цѣну въ аукціонахъ въ
стердамѣ и Гагѣ купить старыхъ стульевъ, креселъ, ка-
іе по нѣсколько дюжинъ, также столовъ, стѣнныхъ зер-
ъ и часовъ нѣсколько паръ и подержанныхъ обоевъ, и
бъ сія покупка болѣе двухъ или трехъ тысячъ гульденовъ
превосходила. А ежели вышеписанные старые уборы за
певую цѣну купить не сыщете, то извольте вовсе отста-
ть, ибо я и здѣшними мобилями запастись могу. На сіе
сьмо буду ожидать отъ васъ отвѣта, а для покупки и от-
авленія сюда на первыхъ корабляхъ довольно еще времени.

1765 Ноября 8 (19) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

Прошу васъ увѣдомить меня, дѣлаются-ли золотыя кожи
Голандіи и по какой цѣнѣ, штуками или обоями, продаются.

229.

Наконецъ совершенная зима наступила; только за стужею я принужденъ по большей части дома сидѣть, имѣя пріятное упражненіе въ читаніи книгъ.

На присланную отъ васъ Нѣмецкую книжку о достопамятныхъ вещахъ блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны я не могу мнѣнія моего сказать, не имѣвъ еще времени прослушать ее, только усматриваю, что многія пустоты писаны, по большей части изъ газетъ прежнихъ временъ взятыя.

Г-нъ Клифортъ намѣренъ вскорѣ отсюда въ Москву ѣхать и, возвратясь назадъ послѣ Новаго Года, чрезъ Ригу отправится. Я ему учинилъ пропозицію о займѣ 110.000 рублевъ для выкупу отъ г-на Фитингофа Лифляндской деревни, называемой Маріенбурхъ съ полагаемыми кондиціями, какъ вы изъ приложенной Французской записки усмотрѣть можете. Онъ охотно взялся писать къ отцу своему и фамиліи, и я надѣюсь, что сіи богатые господа охотно вступятъ въ сіе дѣло, потому что за сію сумму денегъ получатъ нарочитые интересы. Я къ вамъ только для извѣстія о семъ пишу, и въ случаѣ, ежели бы господа Клифорты вамъ говорить стали, вы, будучи отъ меня увѣдомлены, въ состояніи были имъ отвѣтствовать. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы они резонабельные проценты поставили, а именно: три или четыре на сто, потому что въ Голандіи болѣе двухъ и трехъ процентовъ едва-ли кто дастъ; а для надежности даваемой ими немалой суммы денегъ, оная деревня гипотекою будетъ; и сверхъ того для уплаты оныхъ денегъ сверхъ процентовъ,

буду платить по 10.000 рублевъ на годъ, какъ я о томъ ясь г. Клифорту говорилъ, что такимъ образомъ вся вышисанная сумма частями въ десять лѣтъ заплачена быть жетъ, и онъ о семъ хотѣлъ писать къ отцу своему; а для чшаго освѣдомленія о добротѣ Маріенбурха и льнянаго ргу намѣренъ писать въ Ригу къ знакомымъ своимъ Аглинамъ, что ему и дозволено съ кондиціею, чтобы въ сеетѣ происходило, дабы напрасной огласки не учинилось, ò онъ и обѣщалъ. Я также говорилъ г. Клифорту, что реводъ сихъ денегъ сюда нынѣ не потребенъ, потому что я выкупа деревни времени довольно, ибо по контракту Фитингофъ долженъ еще около пяти лѣтъ владѣть. Но гда я буду обнадеженъ, что вся сумма денегъ въ моей спозиціи готова будетъ, тогда я чрезъ негоціацію предъявлю Фитингофу о выкупѣ и что деньги находятся въ готовноти ему заплатить. Надѣюсь чрезъ сей способъ предуспѣть прежде сроку оную деревню выкупить, которая конечно олѣе 150.000 рублевъ стоитъ. Ежели господа Клифорты огласятся на сію пропозицію, то заключеніе сего дѣла не режде какъ въ будущемъ Февралѣ или Мартѣ мѣсяцѣ поѣдовать можетъ. Я не оставлю васъ безъ увѣдомленія о спѣхѣ сего дѣла, когда здѣшній Клифортъ отъ отца своего олучитъ отвѣтъ.

1765 Ноября 15 (26) дня.

230.

По письму вашему отъ 1 (12) Ноября я не оставлю знать дать г-ну Теплову, что вы поручите надежному антикварію для освѣдомленія о подлинности манускрыптовъ г. Юстиса.

Предъ послѣднею почтою здѣсь получено было извѣстіе о смерти г. Гросса, и того-жъ часа, какъ мнѣ сказано, назначенъ г. Пушкинъ изъ Гамбурха министромъ къ Аглинскому двору.

Уже болѣе мѣсяца, какъ я изъ двора почти не выѣзжаю; какъ только окутавшись по улицамъ проѣзжаю, не имѣя при нынѣшнемъ глухомъ и темномъ времени никакой забавы кромѣ скуки. Сіе состояніе возбуждаетъ желаніе паки отъѣхать въ Италію, только великіе расходы дорожные и худыя финанціи главнымъ препятствіемъ сей поѣздкѣ.

1765 Декабря 2 (13) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

231.

Г-нъ Клифортъ намѣреніе имѣлъ съѣздить въ Москву и, отмѣня сію поѣздку, на прошлой недѣлѣ отсюда въ Берлинъ поѣхалъ, обнадежа меня, что по предложенному дѣлу отецъ его ко мнѣ писать будетъ. Я не оставлю вамъ сообщить, ежели отъ него какой отвѣтъ получу.

Г-нъ Демарескъ намѣренъ отсюда вскорѣ въ Англію ѣхать; я съ нимъ пришлю новый календарь, и буде адресной изъ печати выдетъ, то и оной приложу.

Я крайне сожалѣю, что вы часто страждете зубною болѣзнію и флюсами; надобно вамъ ежедневную полицію и чистоту во ртѣ содержать; а отъ флюсовъ студеною водою мыться, а особливо за ушами долго тереть. Я увѣренъ, что вы, наблюдая сіе ежедневно, получите вскорѣ свободу. Н. И. Панинъ сказывалъ мнѣ, что онъ отъ сей тяжкой болѣзни свободился, полоская ротъ по три раза въ день стальною водою: взявъ кусокъ стали и раскаля, въ воду опустить нѣсколько разъ и сею водою ротъ и зубы полоскать. Вы можете для пробы сдѣлать.

Петръ Васильевичъ крайне боленъ тому уже съ двѣ недѣли, имѣя жестокую горячку, и доктора почти никакой надежды не имѣютъ. Я въ немъ теряю свойственника и думаю,

что онъ мнѣ вѣрнымъ другомъ былъ. Можетъ быть, что Богъ сверхъ чаянія людей избавитъ его отъ смерти *).

1765 Декабря 20 (31) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

Иванъ Алексѣевичъ Воронцовъ желаетъ при васъ опредѣленъ быть. Можетъ быть, что его превосходительство Н. И. для угодности къ фамиліи нашей и опредѣлитъ его въ Гагу. Только я опасаюсь, чтобы онъ вамъ въ тягость не былъ, потому что онъ худой хозяинъ и не знаетъ умѣрять содержаніе свое, чтобъ болѣе приходу расходовъ не имѣть; ибо въ Вѣнѣ хотятъ его за долги подъ караулъ взять, и онъ, видно, не жалѣетъ себя и фамилію, хочетъ жить на чужомъ囲 коштѣ и, будучи одинъ душею, не можетъ довольствоваться жалованіемъ по 1.200 рублевъ на годъ. Я сегодня къ нему въ сильныхъ терминахъ писалъ и послалъ въ подарокъ вексель на 500 имперскихъ гульденовъ.

*) Бакунинъ прожилъ еще свыше 20 лѣтъ. П. Б.

232.

На сихъ дняхъ совершена купчая двору г-на Глѣбова за 12.000 рублевъ, и сей дворъ съ пошлинами и передѣлкою покоевъ мнѣ около 20.000 рублевъ коштовать будетъ. Я совершенное намѣреніе принялъ въ будущемъ Маiѣ мѣсяцѣ отсюда и съ фамиліею въ Кимру ѣхать, а къ осени, по исправленіи дома, въ Москву переселиться. Прошу васъ, мой другъ, стараніе приложить и по обѣщанію статовъ генеральныхъ въ Мартѣ мѣсяцѣ принять достальныя 50.000 гульденовъ субсидныхъ денегъ и изъ оныхъ денегъ, оставя у себя до 10.000 гульденовъ на заплату г. Маруци и покупку порученныхъ вамъ комисій, чрезъ господъ Клифортовъ разными векселями перевесть сюда 40.000 гульденовъ, дабы я могъ сими деньгами заплатить г-ну Глѣбову за дворъ, потому что онъ мнѣ на три мѣсяца кредиту далъ. Если вы можете до принятія всѣхъ денегъ, по полученіи сего письма, получить отъ Клифортовъ или Боаса 20.000 гульденовъ и оныя деньги въ Генварѣ мѣсяцѣ сюда чрезъ векселя перевесть, тѣмъ мнѣ немалое одолженіе учините; а по принятіи отъ генеральныхъ статовъ въ Мартѣ мѣсяцѣ упомянутой послѣдней субсидной суммы, вы можете ихъ немедленно заплатить. Прошу васъ, буде можно, по сему исполнить и меня на первой почтѣ увѣдомить.

При семъ посылаю для извѣстія вашего подлинное мнѣ отъ Вомаля письмо, изъ котораго усмотрите о худомъ успѣхѣ присылки его сюда. Пожалуй, мой другъ, остерегайся въ

рекомендаціяхъ и высылкѣ сюда желающихъ людей, ибо понынѣ весьма мало было удачи въ пріѣзжавшихъ сюда.

1765 Декабря 28-го дня,
въ С.-Питербурхѣ.

233.

Теперь получаю ваше письмо отъ 20 (9) сего мѣсяца съ приложеннымъ отъ г-на маркиза Маруци, на которое слѣдуетъ мой отвѣтъ, и прошу къ нему переслать по первой почтѣ. Я его вторично приглашалъ сюда пріѣхать и писалъ нашимъ министрамъ въ Берлинъ, Данцигъ, Митаву и Ригу, къ генералъ-губернатору Броуну, чтобъ ему способствовали въ пути и угодности показывали.

Петръ Васильевичъ Бакунинъ начинаетъ оправляться, и онъ сверхъ чаянія докторовъ отъ смерти свободился.

У насъ настоятъ прежестокіе морозы, и я принужденъ по большей части дома сидѣть.

1765 Декабря 30 (10 Генваря),
въ Санктпитербурхѣ.

Прошу васъ прислать ко мнѣ на первыхъ корабляхъ *tous les oeuvres de m-r Le-Sage*, выбравъ лучшую печать и чтобы литеры не мелки были, потому что я мелкую печать безъ очковъ читать уже не могу, и оныя приказать переплесть. Что же касается до прежде данныхъ комисій купить изъ аукціоновъ разныхъ мобилей и картинъ, я предаю на волю вашу; ежели могутъ газардою за дешевую цѣну куплены быть, то можете до 2.000 гульденовъ употребить, а инако лучше отставить сію покупку, когда не можно будетъ за гораздо дешевую цѣну достать.

234.

ма вамъ благодарствую за пріемлемое вами участіе чаю моего переселенія отсюда и желаніе ваше быть и неразлучно; вы можете увѣрены быть, что и я не желалъ бы съ вами жить; но состояніе ваше съ моимъ щимъ весьма разнствуетъ: мнѣ должно о спокойствѣ й жизни помышлять, а вамъ надобно Государынѣ и тву послужить, и я удивляюсь, что вы нѣсколько дованы должностію вашею. Пожалуй, мой другъ, не нынѣшнимъ твоимъ состояніемъ, которое конечно со емъ къ пользѣ твоей обратится.

амѣренъ отсюда въ концѣ Маія мѣсяца въ Кимру а къ осени въ Москву, ежели новокупленной дворъ ою исправится. Я буду брату говорить, чтобъ васъ ми снабдилъ; только онъ жалуется о худыхъ обстоявахъ домашнихъ дѣлъ, и вы должны нѣсколько времеюсофомъ жить и довольствоваться умѣренностію.

766 Генваря 6 (17) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

235.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за увѣдомленіе о выѣздѣ графини Марьи Романовны и за сообщеніе копіи съ письма короля Прускаго къ его министру въ Гагѣ. Я васъ сердечно поздравляю съ полученіемъ подарка, а паче съ столь ласковымъ комплиментомъ сего монарха. Я не оставлю засвидѣтельствовать здѣсь его министру мое благодареніе, тоже и отецъ вашъ сдѣлаетъ. Не вѣдаю, писали-ли вы о семъ къ Никитѣ Ивановичу. При первомъ свиданіи моемъ я ему сообщить не оставлю. А вчерась его сіятельству вице-канцлеру, который у меня обѣдалъ, письмо ваше и съ копіею королевскаго къ прочитанію сообщилъ.

Анна Карловна благодаритъ васъ за напоминаніе и вамъ свой поклонъ отдаетъ и проситъ о присылкѣ къ ней на первыхъ корабляхъ нѣсколько цвѣтныхъ луковицъ и огородныхъ сѣмянъ; а отправленныя отъ васъ и отъ г-на Борегарда здѣсь не получены.

1766 Февраля 7 (18) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

236.

При семъ для любопытства вашего посылаю игранныя вчерась въ домѣ графа П. Б. Шереметева комедіи. О именахъ актеровъ и актрисовъ вы изъ приложенной піесы увѣдомитесь, и можно сказать, что съ большимъ совершенствомъ и похвалою роли свои играли, а особливо его императорское высочество, къ удовольствію Ея Императорскаго Величества и великой адмираціи всѣхъ присутствующихъ, будучи въ первый разъ на театрѣ, безъ малѣйшей ошибки и застѣнчивости представлялъ. О семъ вамъ сообщаю для единственнаго вашего извѣстія.

Я не помню, увѣдомилъ-ли васъ, что его превосходительство Н. И. Панинъ мнѣ знать далъ, что по его представленію Ея Императорское Величество соизволила пожаловать Ивану Алексѣевичу для заплаты долговъ его 2.000 рубл. съ вычетомъ изъ его жалованья по 400 рубл. на годъ. Сею Ея Императорскаго Величества милостію онъ съ честію изъ Вѣны выѣхать и достальными 800 рублями съ вами жить можетъ. И вы, мой другъ, наблюдать должны, чтобы онъ новыхъ долговъ у васъ не сдѣлалъ, которые конечно никѣмъ заплачены не будутъ.

Для заплаты г. Глѣбова за купленной у него домъ я ожидаю отъ васъ присылки хотя на 10.000 гульденовъ векселей.

Съ послѣдней почты я получилъ отъ Маруци письмо, которымъ увѣдомилъ меня, что въ концѣ сего мѣсяца изъ

Парижа выѣхать хотѣлъ. Я ему квартеру въ домѣ моемъ изготовилъ, и онъ будетъ пользоваться столомъ и экипажемъ безденежно. Сожалѣю, что онъ во время сего карнавала сюда не пріѣдетъ и не будетъ видѣть здѣшніе многіе и огромные спектакли.

1766 Февраля 22 (Марта 4),
въ Санктпитербурхѣ.

237.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за продолжаемыя ваши желанія быть при мнѣ неразлучно, и ежелибы сіе могло къ вашему авантажу учиниться, я конечно и съ моей стороны давно бы уже тѣмъ воспользовался; только для благополучія вашего лучше продолжать нынѣшнюю службу и должность вашу, хотя по горячести и усердію вашему къ службѣ Ея Императорскаго Величества и отечеству вы не имѣете знатной аказіи оную распространять, какъ бы вы желали; надобно терпѣніе имѣть и повиноваться Провидѣнію и попеченію Божію.

Я намѣренъ непремѣнно въ Маіѣ мѣсяцѣ ѣхать въ Кимру и по отстроеніи купленнаго двора Глѣбова въ Москву переѣду и теперь дожидаюсь присылки отъ васъ денегъ для заплаты оному Глѣбову. Пожалуй, мой другъ, поскорѣе пришли хотя на 10 тыс. гульденовъ вексель.

О выѣздѣ г-на Маруци я не получилъ еще отвѣта; напротивъ того, чрезъ знакомыхъ моихъ знаю о проѣздѣ графа К. Г. Разумовскаго чрезъ Миланъ, Болонію и Ливорну; уповательно онъ теперь въ Римѣ находится.

приятностію отъ васъ увѣдомился, что графъ П. А.
инъ въ Гагѣ въ добромъ здоровьѣ обрѣтается; прошу
ему отъ меня поклонъ и спросить, сколько денегъ
платить за присланное отъ него Гишпанское вино.
Стакельберхъ назначенъ къ Гишпанскому двору; а
Бѣлосельской къ Дрезденскому двору. Первой поѣхалъ
ь свой для учрежденія домашнихъ дѣлъ и, сказываютъ,
оро сюда прибудетъ; а послѣдній собирается къ на-
юму своему мѣсту ѣхать. Вы напрасно безпокоитесь,
съ отсюда о томъ не увѣдомляютъ; сія малая не-
ность всегда была и будетъ.

66 Марта 3 (14) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

238.

Вручитель сего Татищевъ сказалъ мнѣ объ отправленіи его изъ Коллегіи къ вамъ курьеромъ, и хотя я ни малѣйше ни отъ кого не былъ увѣдомленъ о причинѣ отправленія его въ Гагу, только не хотѣлъ оставить, чтобъ съ нимъ къ вамъ, мой другъ, не писать, хотя и никакой матеріи не имѣю, какъ токмо увѣряю васъ о непремѣнной моей дружбѣ и что мы здѣсь, слава Богу, обрѣтаемся всѣ здоровы. А какъ вы по любви ко мнѣ во всемъ пріемлете участіе, чтó насъ касаться можетъ, увѣдомляю, что намѣренъ на сихъ дняхъ просить Ея Императóрское Величество о принятіи по прежнему въ дворцовое вѣдомство пожалованныя мнѣ и Аннѣ Карловнѣ въ 1743 и 1762 годахъ деревни; а въ какой силѣ прошеніе мое написано будетъ, при семъ посылаю для единственнаго вашего извѣстія записку, которую, прочтя, съ симъ письмомъ извольте изодрать. Если Ея Величество по сему моему прошенію изволитъ оказать мнѣ милость, то я надѣюсь поправить домашнія мои обстоятельства и безъ большой нужды жить и могу, ежели Богъ благословитъ, будущаго лѣта въ Италію поѣхать. Сверхъ собственнаго моего желанія и нужды для здоровья моего перемѣнить здѣшнее житье, графиня Анна Карловна и дочь моя болѣе меня желаютъ ѣхать въ Италію, и я по любви къ нимъ не могу инако какъ согласиться; только недостатки доходовъ нашихъ въ разсужденіи великихъ расходовъ здѣшнихъ препятствовили мнѣ нынѣ принять сію резолюцію. А когда по

енію моему получу отъ Ея Величества милость, а
но перемѣну деревень или покупку оныхъ, тогда и бу-
свободенъ отъ службы, съ лучшею надеждою сію по-
у предпринять могу. А въ случаѣ ежели Ея Импера-
кое Величество не соизволитъ изъ сихъ двухъ альтер-
вовъ согласиться, и я при нынѣшнемъ разстроенномъ
ояніи останусь, то принужденъ буду другой аранжементъ
и моей сдѣлать и стараться распродать деревни и ѣхать
изъ государства для препровожденія уединенной хотя
ой, однакожъ спокойной жизни въ теплыхъ краяхъ. Вотъ
ъ и намѣреніе мое; Богъ вѣдаетъ, что̀ сдѣлается. А
ь, въ нынѣшнемъ моемъ состояніи, мнѣ остаться никакъ
ожно. Правда, что Ея Императорское Величество со-
олитъ меня весьма милостиво принимать, когда я счастіе
ю изрѣдка видѣть ея очи, ибо по слабости здоровья моего
студенымъ временемъ я часто, сколько ни желалъ бы,
двору ѣздить не могу, да и куртизаномъ быть уже не
ати, а не ѣздя часто ко двору и проживать достальное
ніе по здѣшней дороговизнѣ весьма неразсудно. И для
о принялъ намѣреніе въ Маіѣ мѣсяцѣ ѣхать въ Кимру и
нью въ Москву для избавленія великихъ расходовъ. О
ъ моемъ намѣреніи просить Ея Императорское Величе-
о я сообщилъ въ довѣренности Н. И. Панину (которой
ъ являетъ великіе знаки ласковости и дружбы) тому уже
мѣсяца, и онъ предъидуще увѣдомилъ Ея Величество,
ько донынѣ позитивнаго отвѣта мнѣ не учинилъ, пода-
ъ-ли мнѣ прошеніе и склонна-ли Ея Императорское Ве-
ество оказать снисхожденіе.

Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ и его братья ока-
зають мнѣ также ихъ ласковости; только, не будучи ни
какой конекціи съ ними, я еще къ нимъ не адресовался;

только примѣчаю, что безъ содѣйствованія и вспоможенія графа Григорія Григорьевича едва-ли въ прошеніи моемъ предуспѣть могу. Что же по сему дѣлу учинено будетъ, о томъ васъ въ свое время безъ извѣстія не оставлю, а до того не хотѣлъ васъ безъ извѣстія оставить.

1766 Марта 22 (2 Апрѣля) дня,
въ Санктпитербурхѣ.

Для единственнаго вашего извѣстія увѣдомляю, что, несмотря на многія протестаціи преданности и дружбы П. В. Бакунина, я, сначала пріѣзда моего изъ чужихъ краевъ, усмотрѣлъ великую предъ прежнимъ перемѣну въ обхожденіи, и ни малѣйшей откровенности мнѣ онъ не дѣлалъ, а послѣ болѣзни своей, я его очень рѣдко вижу; а извѣстной вамъ Убри совсѣмъ домъ мой оставилъ, хотя я имъ обоимъ ни малѣйшей причины не подалъ, чтобъ они отъ меня отщетились. Напротивъ того, вице-канцлеръ нелестную дружбу мнѣ всегда являетъ, и ежелибъ иногда васъ кто-либо хотѣлъ съ нимъ поссорить, я прошу не подавать внушеніямъ ни малѣйшей вѣры. Что же касается до желанія вашего возвратиться сюда, я вамъ, мой другъ, совѣтую остаться съ покоемъ при нынѣшнемъ вашемъ мѣстѣ и старайтесь сохранить усердіемъ и службою вашею Ея Императорскому Величеству сей постъ; ибо, потерявъ министерское мѣсто, вы здѣсь безъ всякой консидераціи и втунѣ жить будете.

Сергѣй Васильевичъ Солтыковъ сюда еще не бывалъ; сказываютъ, якобы онъ по повелѣнію въ Копорской деревнѣ своей живетъ.

124 Марта (4 Апрѣля) дня,
(1766).

239.

Вчерась я писалъ къ вамъ съ отправляемымъ изъ Коллегіи курьеромъ Татищевымъ (котораго братья находятся одинъ здѣсь при его сіятельствѣ вице-канцлерѣ, а другой въ Лондонѣ); а чрезъ сіе не хотѣлъ оставить, чтобы васъ не увѣдомить о полученіи сегодня письма вашего отъ 3 (14) сего мѣсяца. Благодарствую вамъ за сообщенныя увѣдомленія о бывшихъ у васъ торжествахъ, о которыхъ я читалъ въ Амстердамской газетѣ, сожалѣя, что принцъ Оранской замученъ былъ гарангами и присягами, въ препровожденіяхъ въ каждомъ судебномъ департаментѣ.

Я только сегодня увѣдомился отъ его сіятельства вице-канцлера о причинѣ отправленія къ вамъ курьера и надѣюсь, что вы, мой другъ, по предписаннымъ вамъ наставленіямъ, искусно и осторожно поступите, а особливо когда дѣло о казенныхъ деньгахъ идетъ.

Сегодня я получилъ письмо отъ секретаря при посольствѣ Вѣнскаго двора въ Гагѣ, которымъ увѣдомляетъ, что онъ дедиковалъ книгу сочиненія своего Ея Императорскому Величеству и вамъ вручилъ одинъ экземпляръ для пересылки ко мнѣ. На будущей почтѣ я буду къ нему отвѣтствовать, а сію книгу прошу прислать ко мнѣ съ прочими на первыхъ корабляхъ.

Здѣсь слышно, что Андрей Петровичъ Шуваловъ сюда пріѣдетъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ; а Иванъ Ивановичъ Шуваловъ

писалъ ко мнѣ, что поѣздку свою въ Италію отмѣнилъ до Августа мѣсяца и намѣренъ употреблять весною Спа-вассеръ. Ежели вы съ нимъ паки увидитесь, прошу оказывать ему ласковости, ибо онъ являетъ ко мнѣ многіе знаки дружбы своей.

1766 Марта 25 (5 Апрѣля) дня,
въ С.-Питербурхѣ.

О пріязни г-на Пушкина ко мнѣ я никакого сумнѣнія не имѣлъ и старался всегда оказать ему знаки моей дружбы, отдавая справедливое свидѣтельство достоинствамъ его и ревностной службѣ нашимъ монархамъ.

240.

Вчерась явился у меня г-нъ Борегардъ и письмо ваше вручилъ; я ему охотно по рекомендаціи вашей служить готовъ, и онъ, кажется, человѣкъ доброй. Мнѣ сказывалъ онъ, что по желанію вашему взялъ съ собою одного Француза, именуемаго Ламбертъ, которой ему многія въ дорогѣ прискорбности приключилъ, о чемъ онъ самъ къ вамъ писалъ. Я знаю ваше доброе сердце и склонность къ благодѣяніямъ, что вы охотно бѣднымъ людямъ помогать желаете; только многіе вѣтреные люди и авантюрщики, а особливо изъ Французовъ, къ вамъ являться могутъ и во зло употреблять ваше имя, того ради извольте совсѣмъ воздержаться отъ благодѣянія симъ непотребнымъ людямъ; ибо я чрезъ искуство довольно спозналъ о вертопрахахъ изъ сей націи,

оомѣ досады и неблагодарности ихъ никакой пользы гъ не должно.

присланнымъ отъ васъ векселямъ я чрезъ контору Ритера три, да пять чрезъ Мишеля по $46\frac{1}{2}$ и по 47 ровъ за рубль, деньги принялъ и надѣюсь, что по лкѣ сихъ векселей отъ банкира вашего исправной къ въ Амстердамѣ произведенъ будетъ.

го сего мѣсяца ввечеру графъ Алексѣй Петровичъ, жевъ умеръ, сдѣлавъ духовную и разныя распоряже- имѣніи своемъ съ выключеніемъ отъ наслѣдства сына только откладываніемъ до завтра подписаніемъ ду- й, скончался безъ подписанія оной. И такъ свойствен- его, которымъ опредѣлилъ разныя выдачи, и нѣсколько кулярныхъ людей лишаются теперь ожидаемаго по анію его награжденія, и сынъ исключенный отъ на- тва будетъ пользоваться имѣніемъ отцовскимъ.

1766.
Апрѣля 15 (26) дня.
Въ С.-Питербурхѣ.

241.

Я получилъ ваши письма и при одномъ изъ оныхъ росписку г-на Сарди въ пріемѣ денегъ для г-на Маруцци. Я вамъ благодарствую, мой другъ, за увѣдомленіе о томъ, а паче, что вы по совѣту моему спокойно остаетесь при нынѣшнемъ вашемъ мѣстѣ; равномѣрно мнѣ весьма пріятно было слышать, что вы въ добромъ здоровьи обрѣтаетесь и отложили намѣреніе проситься къ Акенскимъ и Спа водамъ; я надѣюсь, что вы, при воздержномъ житьѣ, въ пищѣ и питьѣ и имѣя движеніе ежедневное, можете и безъ употребленія лѣкарствъ и минеральныхъ водъ здоровье свое сохранять.

Я чаю, что Иванъ Алексѣевичъ уже къ вамъ пріѣхалъ; прошу сказать ему отъ меня поклонъ и что я желаю, чтобы онъ при нынѣшней перемѣнѣ мѣста перемѣнилъ и прежніе домашніе расходы, довольствуясь настоящимъ состояніемъ доходовъ, не надѣясь много на споможеніе сродственниковъ своихъ, хотя вы и похвально за него интересуетесь; ибо отецъ вашъ, ни я, не можемъ теперь, сколько бы ни желали, способствовать ему деньгами. Я также надѣюсь, что онъ и при министерствѣ вашемъ будетъ прилежно трудиться и вамъ способствовать въ исправленіи дѣлъ по канцеляріи, когда судьба его къ статскимъ, а не къ военнымъ дѣламъ опредѣлила.

Г-нъ Ферзенъ очень кстати и въ пору посланъ къ Датскому двору; теперь по смерти Корфа до опредѣленія другаго ми-

а можетъ показать усердіе свое къ службѣ Ея Импе-
скаго Величества, также искусство и разумъ свой въ
ъ. Нашъ здѣшній Корфъ, любезной Николай Андрее-
въ отчаянномъ состояніи жизни своей находится.

1766
Априля 21 (2 Мая) дня,
въ Сактпитербурхѣ.

8. Вчерась Н. А. Корфъ *) умеръ. Сіе письмо на по-
ей почтѣ ошибкою забыто послать.
афу Петру Александровичу прошу при всякомъ свида-
казать о моемъ дружескомъ напоминаніи; о его опре-
іи родители его много стараются, и я съ моей стороны
огаю, только едва ли до возвращенія его сюда можетъ
ору опредѣленъ быть.

25 Апрѣля (6 Маія).

ъ былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской, се-
анцлерши. П. Б.

242.

Что вы писали о полученной вѣдомости о смерти пос
ника Корфа въ Копенгагенѣ, то сколь скоро здѣсь о
извѣстіе получено было, то родители его стараніе пр
гали о опредѣленіи графа П. А. *) на его мѣсто и про
меня о томъ къ его превосходительству Н. П. отписа
я, любя ихъ и графа П. А., не оставилъ домогатель
учинить, какъ вы изъ концепта письма моего усмот
изволите, которое, прочитавъ вмѣстѣ, извольте изод
Его превосходительство Н. П. немалую склонность ок
ваетъ намъ благодѣянія дѣлать, то и въ семъ случаѣ,
Ея Императорское Величество намѣренія уже принят
изволила о опредѣленіи къ сему важному посту дру
субъекта, можетъ быть графъ П. А. опредѣленъ будет

Вы желали отъ меня знать, графъ Лестокъ при несча
своемъ отлучался ли отсюда въ чужіе краи на нѣско
время; я васъ заподлинно увѣрить могу, что онъ ни пре
ни послѣ несчастія своего ни на малѣйшее время отс
не отлучался, и причина несчастія его собственное с
вольное его поведеніе и дерзостныя слова, а паче з
господина Бестужева, преодолѣли милосердое сердце по
ной государыни.

Сегодня похороны Николая Андреевича Корфа, и
смерть его прибавляетъ болѣе гипохондріи.

1766.
Апрѣля 28 (Мая 9).
Въ Санктпитербурхѣ.

---

*) Бутурлина, женатаго на графинѣ Марьѣ Романовнѣ Воронцовой.

Письмо къ Н. И. Панину.

При свиданіи моемъ третьяго дня съ вашимъ превосходительствомъ не случилось мнѣ, по случаю полученной вѣдомости о смерти посланника Корфа въ Копенгагенѣ, пропозицію вамъ учинить о опредѣленіи графа П. А. Бутурлина на его мѣсто.

Въ надеждѣ благосклонности и дружбы вашей ко мнѣ, я имѣю честь вамъ рекомендовать и покорнѣйше васъ прошу, если всемилостивѣйшая Государыня еще не соизволила кого либо министромъ къ Дацкому двору назначить, въ пользу графа Бутурлина представленіе учинить, тѣмъ болѣе, что онъ, будучи при Гишпанскомъ дворѣ, министерство свое къ удовольствію Ея Императорскаго Величества исправлялъ. Я совершенно надѣюсь, что онъ по усердію и ревности своей къ службѣ Ея Величества удостоится вящаго Ея Императорскаго Величества благоволенія и вашего превосходительства апробаціи. Опредѣленіемъ его къ Дацкому двору ваше превосходительство меня, а еще болѣе родителей его, къ вѣчной благодарности одолжить изволите.

15 Апрѣля 1766.

243.

На прошлой недѣлѣ я ѣздилъ въ Царское Село благо
рить всемилостивѣйшую нашу Государыню за увольне
Анны Карловны со мною ѣхать въ деревню и что ей
детъ и въ небытность двора производиться жалованье ея
2000 рубл. на годъ. Ея Императорское Величество обык
венно весьма милостиво меня принять изволила, и я тепе
дожидаюсь возвращенія Ея Величества, уповая потомъ во
рѣ имѣть честь увольненіе принять и прежде 1-го Іюня
сюда прямо въ Кимру отъѣхать и теперь обрѣтаюсь въ
рочитыхъ суетахъ пріуготовленіями къ отъѣзду, распла
ваніемъ частію долговъ и оставляя здѣсь въ домѣ людей
прочихъ домовыхъ мобилей и экипажей. Братъ вашъ
нами же ѣдетъ для компаніи; и нынѣ время настоитъ весь
сухое и теплое.

Г-нъ Маруци сюда еще не бывалъ, и я ему изготови
съ дозволенія Ея Величества въ домѣ моемъ квартеру и
дѣюсь, что онъ наконецъ вскорѣ пріѣдетъ.

Я не помню, писалъ ли къ вамъ по желанію Анны К
ловны, чтобы вы лучшаго чернаго чаю 100 фунтовъ п
слали; я прошу васъ поручить надежному человѣку въ А
стердамѣ купить и сюда прислать съ счетомъ для запла
здѣсь какому-либо Голандскому купцу.

Я еще не подавалъ прошенія моего Ея Императорско
Величеству о покупкѣ или промѣнѣ деревень моихъ; а
перь продаю мой приморской дворъ за 20 т. рублей, ко
рой мнѣ болѣе 50 т. коштовалъ, и надѣюсь, что сіе дѣ
прежде отъѣзда моего окончаю.

1766
Маія 17 (28) дня,
въ СПбурхѣ.

244.

...ецъ вашъ отнюдь не въ состоянiи давать ежегодно по ... рублевъ Ивану Алексѣевичу; домашнiя его и мои об...тельства еще чрезъ нѣсколько лѣтъ въ порядокъ при...ны быть не могутъ, и наконецъ я думаю, что заводскiя ... вмѣсто ожидаемыхъ большихъ прибылей въ однихъ ...четахъ къ убытку нашему обратятся, въ разсужденiи ...кихъ расходовъ на содержанiе и промыслы заводскiе, а ...аочности управленiемъ людей нашихъ, по глупости и ...куству ихъ, кромѣ хлопотъ мало пользы ожидать долж... Я намѣренъ данные мнѣ четыре мѣдные завода въ казну ...дъ отдать или продать партикулярнымъ людямъ.

... сихъ дняхъ я надѣюсь купчую совершить на примор... мое мѣсто, которое покупаетъ Шемякинъ за 20 т. руб...; сею продажею я надѣюсь большую часть оставшихся ... долговъ заплатить и съ нѣкоторою выгодностiю отсюда ...хать.

...мерась въ вечеру г. Маруци сюда прiѣхалъ и у меня въ ... квартеру имѣетъ; а по отъѣздѣ моемъ отсюда отецъ ...ь хочетъ ему дать въ своемъ домѣ квартеру, гдѣ братъ ...ь нынѣ живетъ; а онъ съ нами въ Кимру поѣдетъ.

...ри семъ посылаю для прочтенiя вашего письмо отъ г-на ...вгарда съ приложенными при ономъ пiесами. Я вамъ ...наюсь, что я симъ поступкомъ вашимъ недоволенъ, что ...негодныхъ людей рекомендуете и потомъ за нихъ еще и

заступаете, а сверхъ того хотите и въ свою службу принять секретаремъ человѣка, которой убійцею былъ двухъ несчастныхъ людей. Я вамъ по дружбѣ долгъ мой отдаю и совѣтую больше воздержаться отъ постороннихъ переписокъ и никого больше въ здѣшнюю службу не рекомендовать; ибо донынѣ весьма мало нашлось добрыхъ людей, а по большей части все моты и бродяги, а особливо изъ Французской націи негодницы являются. Что же касается до Ламберта, сіе подлинно, что онъ безъ моего вѣдѣнія и позволенія Клеретомъ въ его квартеру принятъ былъ, котораго я велѣлъ немедленно съ двора сослать.

Отсюда я намѣренъ (если паче чаянія что-либо не остановитъ) въ первыхъ числахъ Іюня въ Кимру ѣхать, и теперь настоитъ у насъ преизрядная и жаркая погода.

1766.
Мая 23 (3 Іюня) дня,
въ С.-Пбурхѣ.

245.

прошлой недѣлѣ я ѣздилъ на краткое время въ Москву смотрѣнія перестройки въ купленномъ домѣ Глѣбова. съ великихъ расходовъ и убытковъ, употребленныхъ для ики, мы однакожъ сей годъ въ немъ жить не будемъ за стью и для несовершеннаго окончанія всѣхъ работъ и овъ. И такъ принуждены будемъ переѣхать отсюда въ одской старый дворъ и въ присутствіи нашемъ стася къ окончанію привести сея осени. Впрочемъ, будучи ужбѣ 38 лѣтъ, я еще не завелся въ Москвѣ домомъ и ь къ старости стараться долженъ какъ въ Москвѣ, осковной и здѣсь, такъ и въ Петербургѣ для будущаго да пріѣзда содержать домы; финанціи же мои столь плохи лы, что я почти ничего большаго и выгоднаго сдѣлать огу и нынѣ искуствомъ вижу, какая разница быть иеромъ честнымъ и безкорыстнымъ человѣкомъ, или, въ же чинѣ состоя, быть богатымъ, а не добродѣтельнымъ. ое состояніе для меня, правда, утѣшительно, только друбыло бы удовольствительнѣе; однакожъ я жребіемъ моне скучаю и ни малѣйше не раскаеваюсь о томъ, что почтительнѣе собственнаго интереса старался наилучше авить должность мою, и если благодать Божія продлитъ ь мою, которая донынѣ меня содержала, я надѣюсь ожнѣйше поправить на лучшее состояніе мое.

о касается до промѣну или продажи деревень моихъ, И. В. соизволила нѣкоторую милостивую склонность ь.

766 Іюля 7 (18) дня,
въ селѣ Кимрѣ.

246.

Вчерась я получилъ отъ кореспондента моего изъ Ливорны, г-на Жерми, извѣстіе, что онъ послалъ ко мнѣ чрезъ господъ Пелсовъ разныя посылки и за издержанныя по комисіи моей деньги платежъ на нихъ перевелъ; а какъ число Итальянскихъ денегъ по курсу Голандскому, также и сколько нашихъ денегъ заплатить, неизвѣстно, я писалъ къ господамъ Пелсамъ, чтобы они, принявъ платежъ на мой счетъ, перевели на Тамеса въ Москву, которому я заплатить обязуюсь: то прошу васъ, буде можно, повидаться съ оными Пелсами, и какъ о посланныхъ вещахъ навѣдаться, такъ и поговорить имъ, чтобы они, сдѣлавъ по счету г-на Жерми исчисленіе, прислали для заплаты вексель на онаго Тамеса или Гарднера, или какого другаго купца и чтобы полученныя изъ Ливорны вещи отправили до глубокой осени въ Санктпитербурхъ, а въ случаѣ поздняго годоваго времени оставили въ Амстердамѣ до будущей весны, и чтò по сему учинено будетъ, прошу на первой почтѣ мнѣ знать дать.

При семъ же посылаю образчикъ сукна, по которому прошу прислать на двѣ пары платья съ подкладкою того жъ цвѣта, да на двѣ же пары разнаго цвѣта лучшихъ ратиновъ съ томбаковыми пуговицами и подкладкою; а на покупку оныхъ можете отъ нихъ же Пелсовъ взять деньги и поставить въ одинъ счетъ, по которому Пелсамъ заплачено будетъ.

По послѣднимъ газетамъ увѣдомляли, что г-нъ Питъ на мѣсто Конвея статскимъ секретаремъ опредѣленъ будетъ. И если сіе случится, я не вѣдаю, сдѣлаетъ ли онъ по письму г-на Макартне въ претензіи моей удовольствіе. Вы, знавъ

его персонально, можете по случаю вступленія его въ министерство поздравленіе къ нему отписать и упомянуть о дѣлѣ моемъ, что̀ оставляю на вашу волю и благоусмотрѣніе сей поступокъ учинить.

1766, Іюля 25 дня,
въ Кирѣ.

247.

Письмо ваше отъ 30 Іюня (10 Іюля) я получилъ исправно, равно какъ и Французское касательно г. Борегарда, по которому ни способу не имѣю, ни нужды нахожу употребленіе учинить. Я вамъ сообщилъ его письма не для того, чтобы вы какое-либо огорченіе на него или сумнѣніе въ разсужденіи какой-либо импресіи въ мысляхъ моихъ о семъ происшествіи возымѣли, но единственно для осторожности и извѣстія вашего о поступкахъ Ламберта и о крайней прискорбности Борегарда, что онъ не могъ по заступленію вашему, сколько желалъ, благодѣяній ему оказать и опасался тѣмъ васъ прогнѣвить. Надобно со всѣхъ сторонъ сіе дѣло въ молчаніи и забвеніи оставить и если я онаго Борегарда увижу, не оставлю ему знать дать о мысляхъ вашихъ.

Благодарствую вамъ, мой другъ, за пріемлемое вами участіе о здѣшнемъ пребываніи. Кромѣ худаго нашего климата и ненастливой погоды я бы лучше нынѣшней жизни имѣть не желалъ и нахожусь теперь, благодаря Бога, нарочито здоровъ и съ сожалѣніемъ принужденъ здѣшнее мѣсто оставить и ѣхать въ семъ мѣсяцѣ въ Москву. За перестрой-

ками Тверскаго двора мы намѣрены въ Слободской дворъ переѣхать.

Письмо ваше къ Елисаветъ Романовнѣ отдалъ для пересылки брату вашему, ибо она съ мужемъ въ дальной деревнѣ обрѣтается. Вы весьма изрядное намѣреніе приняли объѣздить Голандскія провинціи; уповаю, что съ удовольствіемъ сію поѣздку учинили и теперь благополучно уже возвратились, чѣмъ васъ сердечно поздравляю.

При отъѣздѣ моемъ изъ Санктпитербурха я конечно не оставилъ просить Н. И. Панина о васъ; только о переводѣ вашемъ въ другое мѣсто не говорилъ. Я здѣсь получилъ отъ него весьма ласковое письмо и могу дружескимъ его обхожденіемъ хвалиться. По свиданіи съ нимъ сея зимы въ Москвѣ буду по желанію вашему говорить.

1766 Августа 5 (16) дня,
въ Кимрѣ.

248.

извѣстному моему дѣлу при Аглинскомъ дворѣ я не
никакого извѣстія, и чаятельно г-нъ Станле по пріѣздѣ
ъ объявить рѣшеніе его двора. На сихъ дняхъ я ѣздилъ
одмосковную нашу деревню, въ Милетъ, только безъ
на нашелъ не въ лучшемъ состояніи, и много еще сдѣ-
надобно, чтобы оная пользу и удовольствіе прино-
Мы, слава Богу, обрѣтаемся всѣ здоровы. Анна Кар-
благодаритъ за ваше напоминаніе и присылку цвѣт-
луковицъ, которыя сама въ горшки сажаетъ. Завтра
въ Конково стрѣлять тетеревей, ежели время удачно
ъ.

1766
тября 28 (8 Ноября),
въ Москвѣ.

249.

Благодарствую вамъ за увѣдомленіе въ послѣднемъ письмѣ вашемъ о выѣздѣ графа К. Г. Разумовскаго изъ Лондона. Я чаю, что и И. И. Шуваловъ съ нимъ же поѣхалъ. А что вы скучаете вашимъ мѣстомъ, что никакого дѣла, ниже матеріи нѣтъ, для составленія ко двору реляцій, надобно вамъ, мой другъ, терпѣніе имѣть и довольствоваться нынѣшнимъ жребіемъ вашимъ. Я признаю, что вы изъ усердія къ службѣ Ея Императорскому Величеству и отечеству желали бы въ другомъ мѣстѣ лучше услуги оказать; но когда случай къ тому не оказывается, надлежитъ въ ожиданіи онаго довольствоваться настоящимъ предѣломъ. Я не оставлю по прибытіи двора просить его превосходительство Н. И. Панина, чтобы васъ куды-либо въ другое лучшее мѣсто перевели; только я себѣ представить не могу, при которомъ бы дворѣ васъ опредѣлить можно безъ обиды предмѣстника ващего. Объявите мнѣ откровенно мнѣнія ваши.

Я начинаю отъ студеной погоды флюсы и припадки гипохондріи чувствовать.

1766
Ноября 6 (17) дня,
въ Москвѣ.

Петръ Васильевичъ Бакунинъ увѣдомилъ меня о смерти отца его и на послѣдней почтѣ подъ кувертомъ своимъ прислалъ письмо ваше отъ 8 (19) Октября. Я къ нему сегодня пишу мое сожалѣніе и сіе письмо чрезъ него къ вамъ посылаю.

250.

ьмо ваше отъ 23 го Октября ст. шт. сегодня полу-
исправно, которымъ въ отвѣтъ на мое отъ 21 Сен-
увѣдомляете. Я надѣюсь, что и всѣ послѣдующія къ
исправно дошли; а особливо желаю, чтобы на по-
ѣй почтѣ отправленное отъ 20-го числа съ рисунками
ичныхъ инструментовъ вѣрно получили, по которому
старание приложить, чтобы хорошими мастеровыми
и и изъ лучшихъ, крѣпкихъ матеріаловъ сдѣланы были,
передачи лишнихъ денегъ.

желали знать о наслѣдствѣ Н. А. Корфа, не отказалъ
ъ по духовной роднѣ его, которая въ Голандіи обрѣ-
; я не оставилъ сообщить присланныя отъ васъ бу-
наслѣдникамъ его, которымъ онъ завѣщалъ все имѣ-
именно роднымъ своимъ племянницамъ и племянни-
а болѣе никому другимъ Корфовой фамиліи.

насъ немного хуже Голандской осени здѣсь время на-
, только очень холодное, но сухое было; а теперь
кіе морозы и снѣгъ начали по перемѣнкамъ идти, и
й путь становится хорошъ.

гиня Дашкова не въ такомъ худомъ состояніи нахо-
какъ вы пишете; она проформа была у насъ съ ви-
, и болѣе ея не видали; а отца вашего склонять къ
енію по заочности невозможно, и было бы безъ успѣха.

1766
Ноября 23 (Декабря 4),
въ Москвѣ.

251.

Благодарствую вамъ за исправленіе порученныхъ комисій и за присылку рѣчи Неапольскаго министра, которой излишно выхвалялъ Голандію и ихъ правителей, забывъ, что городъ Неаполь съ уѣздомъ однимъ десять разъ лучше всей Голандіи, выключая богатство торговъ или ненасытную жадность къ имѣнію всѣхъ жителей.

Прошу васъ, мой другъ, радѣтельное стараніе приложить въ сдѣланіи по посланнымъ рисункамъ и описанію для мельницы потребныхъ вещей и чтобъ по настоящей цѣнѣ безъ передачи лишнихъ денегъ и лучшимъ мастерствомъ и изъ хорошихъ матеріаловъ все сдѣлано и на первыхъ корабляхъ послано было; также прошу навѣдаться, посланныя изъ Ливорны отъ Аглинскаго банкира Жерми вещи на имя господъ Пелсовъ въ Амстердамъ привезены-ли; а данной отъ оныхъ Пелсовъ вексель мною акцентованъ, и деньги вскорѣ заплачены будутъ здѣсь г-ну Томсону.

1766
Декабря 11-го дня,
въ Москвѣ.

252.

Государь мой графъ Александра Романовичъ.

рась получилъ я письмо ваше отъ 17 (28) Ноября,
отораго съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что вы съ прі-
тію слышали отъ г-на Тира о нашемъ пребываніи въ
ѣ, которой у насъ нѣсколько времени былъ.

сіятельство вице-канцлеръ по дружбѣ сообщилъ мнѣ
о ваше и отъ нѣкотораго Серіоне, которой оказыва-
еудовольствіе на меня, что ничего ему знать недано о
ванной имъ книгѣ Ея Императорскому Величеству.
синно не помню, что онъ ко мнѣ писалъ; только я
пняго лѣта получилъ отъ его сіятельства вице-канц-
двѣ книги его сочиненія, которыя вы ко мнѣ чрезъ
ятельство прислали, и не вѣдаю, къ угодности ли Ея
раторскаго Величества служила дедикація и сочиненіе
Вы можете у него Серіоне навѣдаться, послалъ ли онъ
зъ кого свою книгу къ Ея Императорскому Величе-
также и писалъ ли ко мнѣ, и буде скажетъ, что пи-
то можете взять у него копію, ибо я отнюдь не по-
чтобы отъ него письмо въ полученіи имѣлъ, инако безъ
а бы его не оставилъ; можетъ быть, что за переѣз-
моими прошлаго и сего года письмо его утратилось.
продолжающеюся у меня гипохондріею я намѣренъ
на будущей недѣлѣ для диверзіи съѣздить на нѣ-
ко въ Кимру.

О перемѣнѣ вашей я не оставлю по желанію вашему писать къ его превосходительству Н. И. Панину, только наилучшее думаю до пріѣзда двора оставить, не зная въ чемъ ни намѣренія вашего къ которому двору желаете, н склонности нашего двора куды васъ опредѣлить. Мнѣ жется, что Лондонъ и Берлинъ изъ лучшихъ постовъ; т ко неизвѣстно, похотятъ ли настоящихъ тамо министр смѣнить.

1766 Декабря 14 (25) дня,
въ Москвѣ.

Прошу увѣдомить меня, чрезъ кого получилъ Сер позволеніе написать дедикацію Ея Императорскому Вел ству въ своемъ сочиненіи.

Канцлеръ графъ Воронцовъ скончался въ Москвѣ 15 Февраля слѣдую года. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ

ГРАФА

А. Р. ВОРОНЦОВА

КЪ ОТЦУ ЕГО ГРАФУ

А. Р. ВОРОНЦОВУ.

1.

Гага, 27-го Февраля 1767 г.

Милостивый государь батюшка!

давшись наконецъ сея радостныя вѣсти, которую по-
ъ я стороною, о совершенномъ вашемъ выздоровленіи,
счастіе съ онымъ васъ поздравить. Сіе самое засви-
ствуетъ вамъ Иванъ Алексѣевичъ, и при мнѣ нахо-
я принимаютъ тоже участіе. Мнѣ также дано знать
правленіи будущемъ вашемъ въ Москву, и я не сум-
сь, что тамошній климатъ здоровѣе для васъ, и по-
аскаюся получать отъ васъ, милостивой государь,
пріятныя извѣстія. Сими желаніями преисполненъ
сь съ глубочайшимъ почтеніемъ и сыновнею предан-
ваш покорный слуга и сынъ графъ

Александръ Воронцовъ.

2.

Гага 27 (7) Марта 1767 года

Изъ разныхъ предъидущихъ моихъ легко видить безпокойство, въ коемъ находился я неимѣніемъ со извѣстій о васъ, почему и теперь судить, сколь я об ванъ былъ письмомъ вашимъ своеручнымъ изъ Москвы 1-го Марта. Поздравляю васъ съ счастливымъ вашимъ бытіемъ. Позвольте мнѣ вамъ нижайшую мою благодар оказать за откровенность, съ которою въ разсужденіи отзываться изволите, что я и самымъ дѣломъ заслу стараться стану. Позвольте нѣсколько еще упомянут одномъ плачевномъ приключеніи нашего дома, то е кончинѣ дядюшки, о чемъ не могу вспомнить безъ вѣдая, сколь онъ меня любилъ. Сіе происшествіе тѣм лѣе печально быть должно, буде оно произведетъ нѣкот холодность въ фамиліи. Анна Карловна и вы всегда въ ромъ согласіи были, и я не уповаю, чтобъ то и теперь должаться не могло; что жъ касается до Анны Михайл то, любя ее и имѣя нерѣдко опыты ея ко мнѣ дружбы легко представить себѣ можете, сколь несогласіе съ мнѣ сожалѣтельно и ежели бъ вы съ ней когда нибудь яснились, надѣюсь все бъ поправлено быть могло: ибо ко статься можетъ, что люди, кои украшаютъ всякую правду, ей толковали, а можетъ быть и на нее иногда чинилось предъ вами. Не прогнѣвайтесь, что я такъ и чистосердечно изъясняюся, но ничего такъ необыкнов какъ ссора и ненависти, происходящія отъ наговоровъ дей окружающихъ, окончатся чистосердечнымъ извинен

…перь остается мнѣ вамъ отвѣтствовать на откровенное …е сообщеніе о намѣреніи нѣкоторое награжденіе Елиса… Денисовнѣ (которую я всегда любилъ и почиталъ) учи… и ея дѣтямъ, а моимъ братьямъ. Нижайше благодаря …, видя изъ того, что вы справедливость отдаете, какъ …чности моей къ вамъ, такъ и любви моей къ моимъ …ьямъ, и что я въ самомъ дѣлѣ стараться стану сей …ъ вашей довѣренности оправдать. Они во мнѣ всегда …утъ вѣрнаго брата, а я о ихъ благополучіи помышлять …у, такъ какъ и чиню, въ разсужденіи старшаго; а буде …отчихъ двухъ мнѣ поручить изволите будущимъ годомъ, …нечно о ихъ воспитаніи должное попеченіе имѣть буду. …къ касается до ихъ устроеній, всегда мнѣ памятно было …что вы мнѣ рекомендовать изволили при послѣднемъ на…ь разлученіи, которое мною непремѣнно бъ исполнено …. Но я надѣюсь, что сей плачевной случай весьма уда… и что Богъ благословитъ васъ довольно долговремен… жизнію, чтобъ имѣли вы удовольствіе ихъ видѣть еще … устроенными; но паче чаянія, ежелибъ я столь несча…въ былъ, чтобъ васъ потерять, то отдадите мнѣ спра…ивость вѣрить, что я конечно все то, вами постанов…ое, не токмо исполню, но и всегда они, братья и сестры … опыты имѣть будутъ, равно какъ и мать. Когда вы … мнѣ сей знакъ довѣренности, толь ласкательныя для …, дать изволили, сообща о награжденіи, которое вы имъ … хотите, то я сіе съ радостію увижу, увѣряя васъ за…зе, что вы во мнѣ найдете должное послушаніе и испол…е всего того, еже вами на мѣрѣ положено будетъ. Не …ко за себя, но и за брата Семена Романыча ручаюсь …ь, что онъ не менѣе склоненъ будетъ, какъ повелѣнія … исполнить, такъ и о благополучіи и устроеніи дѣтей

вашихъ, а нашихъ братьевъ и двухъ сестеръ, помышлять и всякое вспоможеніе оказывать. Такимъ сообщеніемъ вашей воли вы мнѣ прямой знакъ довѣренности и любви даете, что я конечно и обязаннымъ считаюсь оправдать и заслужить такое ваше хорошее о мнѣ мнѣніе.

О чистосердечности и любви Лисабеты Денисіевны къ вамъ я никогда не сумнѣвался, слѣдовательно, и не удивляютъ меня труды ея, принятые во время вашей болѣзни. Я за оное тѣмъ болѣе обязаннымъ предъ нею почитаюсь, и она во мнѣ всегда имѣть будетъ вѣрнаго друга.

Протчія обстоятельства нашего дома, которыя вы упоминаете, тѣмъ болѣе сожалѣтельны и для меня печальны, что не могу я не чувствовать, сколь я вамъ тягостенъ былъ долженъ, когда нерѣдко въ принужденіи васъ безпокоить прошеніемъ помощи, что и не менѣе долженъ я васъ трудить въ теченіи нонишняго года, какъ отъ пяти до шести тысячъ рублей, ибо я имѣю обнадеживаніе переведеніемъ въ другое мѣсто, а безъ сей суммы никакъ выѣхать не можно будетъ, въ разсужденіи чего здѣшній банкиръ и вышлетъ вексели на Гома, одинъ 2500 рублей, для заплаченія въ Августѣ, а второй 1500 р. въ Октябрѣ, а онъ мнѣ сіи деньги тогда выдастъ для выѣзду съ честію отсюда. А остальныя двѣ тысячи, ежели вы мнѣ пришлете только тогда, когда о совершенномъ моемъ переведеніи отсюда увѣдомитесь, я тогда въ состояніи буду отсюда выѣхать и впредъ никогда уже васъ безпокоить не буду, какъ развѣ только буде назначете мнѣ по двѣ или три тысячи на годъ, что̀ для меня и достаточно, когда я изъ долговъ одинъ разъ выдерусь. Сія тягость, которую я вамъ причиняю, мнѣ столько нетерпима, что я истинно не желалъ ничего, какъ совсѣмъ дѣла оставить и продажею сервиза долги заплатить. Но я

не скрою вамъ, что, имѣя частые опыты благосклонности Н. И. *) и хорошаго его мнѣнія о мнѣ, я ласкаться могу, что, послужа нѣсколько лѣтъ еще, то есть два или три, при другомъ дворѣ, онъ наконецъ меня въ дѣлахъ употребитъ, и слѣдовательно въ Россіи устроитъ на такомъ основаніи, что не только вамъ въ тягость не буду но и можетъ быть въ состояніи найдусь фамиліи нашей помочь, и тогда дѣйствительно о устроеніи дѣтей вашихъ, а моихъ братьевъ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ стараніе имѣть. Вотъ, милостивой государь, для чего я еще одинажды испытать хочу своего счастія и тѣмъ нѣсколько вамъ нонишнимъ письмомъ быть въ тягость, послѣ чего конечно уже долговъ на мнѣ никакихъ не останется. А будежъ вы мнѣ сей милости не окажете, то я всегда буду въ нуждѣ и никогда изъ долговъ выдтить не могу, слѣдовательно въ бѣдности и въ неспокойствіи принужденъ жить буду здѣсь и въ другомъ мѣстѣ, куда Н. И. назначить меня обѣщаетъ. Г-нъ Гомъ можетъ, какъ сіи два векселя, которые высланы будутъ, заплатить и на васъ сей долгъ подождать, равно и тѣ двѣ тысячи, которыя предъ отъѣздомъ отсюда имѣть мнѣ надобно. Окажите великую милость и послѣднюю, которую требовать осмѣлюся, ибо она выведетъ меня изъ нужды и разоренія, доставитъ способъ службу продолжать, отъ которой и ожидаю я пользы себѣ впредь помощію Н. И., который дѣйствительно мнѣ много милости оказываетъ.

*) Н. И. Панина. П. Б.

3.

Письмо Дубровскаго.

Гага, 20 (31) Марта 1767.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивой государь!

По преданности моей къ вашему сіятельству мнѣ не можно утаить, что графъ Александръ Романовичъ крайне безпокоится, по причинѣ вашего молчанія. Для него были довольно сильные два удара: ваша болѣзнь и кончина графа Михайлы Ларіоновича. Сколько онъ ни писалъ къ вашему сіятельству, до сихъ поръ не можетъ изъ дому получить ни одной строчки, а причины сего происшествія угадать дѣйствительно нѣтъ способу. Мы и теперь еще въ неизвѣстности находимся въ разсужденіи вашего здоровья, не смотря на то, что имѣли извѣстіе о вашемъ выздоровленіи и приготовленіи къ отъѣзду въ Москву. Но сіе молчаніе подаетъ подозрѣніе, что можетъ быть послѣ болѣзни какимъ-нибудь образомъ не остерегли васъ, и вы опять занемогли. Не видя другихъ причинъ сея неизвѣстности, можно себѣ вообразить еще непріятнѣйшія приключенія, а особливо тому, кто имѣетъ отъ васъ и жизнь, и счастіе, и чувствителенъ въ разсужденіи наималѣйшихъ безпокойствъ, которыя бы могли случиться съ вами. Переводъ мой продолжается, и надѣюся чрезъ мѣсяцъ вашему сіятельству сдѣлать удовольствіе пересылкою одной книги. Мнѣ также нѣсколько знать желательно, служила-ли хотя мало къ удовольствію вашего сіятельства посланная комедія «Лицемѣръ» съ Татищевымъ на ва-

ше имя. Есть-ли ваше сіятельство удостоите меня увѣдомить о жребіи сея піесы, каково бы оно худо ни было, мнѣ придадите крайную охоту продолжать мои труды. Рекомендуя себя въ высокую вашу милость и покровительство, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію, милостивой государь, вашего сіятельства

всепокорный слуга Андреянъ Дубровской.

4.

Гага, 6 (17) Апрѣля 1767.

Имѣлъ уже я честь вамъ въ откровенность сообщить, что Н. И., изъ милости и благосклонности ко мнѣ, намѣренъ вскорѣ меня отсюда отозвать и опредѣлить въ мѣсто выгоднѣе для меня и чтобъ не быть вамъ долѣе въ тягость. Я хотя и ничего-бъ такъ не желалъ, какъ возвратиться въ Россію, однакожъ съ другой стороны и побуждаемъ, чтобъ не принебречь случай нѣсколько еще къ службѣ способнымъ учиниться, дабы тѣмъ и нѣкоторое увеселеніе вамъ подать и сдѣлаться въ состояніи быть со временемъ полезнымъ вашимъ дѣтямъ, а моимъ братьямъ о устроеніи ихъ, что̀ за первый долгъ всегда почитаемо мной будетъ. Но для сего надо мнѣ доставить способъ долѣе продолжать службу уплоченіемъ долговъ моихъ, о чемъ я пространнѣе къ вамъ писалъ на прошедшей недѣлѣ. Остается мнѣ теперь васъ нижайше трудить, чтобъ не прогнѣвались и милостиво приказали у Гома аксептовать два выданныя векселя: одинъ на 2.500 рублей, а другой на 1.500 рублей; срокъ имъ выдетъ

только въ концѣ Августа, а послѣдній въ Сентябрѣ. И такъ естьли сію милость мнѣ учинить похочете, то довольно остается времени для принятія мѣръ съ Гомомъ о уплатѣ оныхъ. Деньгижъ мнѣ по онымъ выдадутъ только тогда, когда Гомъ напишетъ сюда, что они имъ приняты, уплочены, а сіе сдѣлано мной въ осторожность, дабы въ состояніи хорошимъ образомъ выѣхать въ случаѣ отзыва моего отсюда. И такъ если вы сію милость учините, принявъ сіи векселя и чтобъ я наконецъ по онымъ и деньги получилъ здѣсь, то я въ состояніи буду помаленьку приготовляться къ выѣзду, такъ какъ и теперь уже карету дорожную дѣлаю. Въ случаѣ-жъ отзыва, я надѣюсь, что какъ отъ васъ извѣстенъ буду, что вы меня еще тысячи двумя рублей наградите, приславъ оные векселя; въ такомъ случаѣ я совершенно изъ тягости долговъ выду и впредъ ручаюсь никакой просьбы подобной не дѣлать, кромѣ опредѣленія двухъ или трехъ тысячъ рублей на годъ, для неприведенія впредъ меня въ долги, чтò для меня всего несноснѣе. И если вы мнѣ сію послѣднюю помощь милостиво учините, то усугубите всѣ ваши одолженія, а я обязываюсь, сверхъ сего опредѣленія мнѣ, никогда ничего уже не просить.

Впрочемъ надѣюсь, что вы милостиво упустите, что я осмѣлился векселя на васъ дать, но что и ихъ уплатите, въ чемъ получу нелицемѣрный опытъ отеческой вашей милости.

5.

Гага, 10-го Апрѣля 1767 года.

ы, надѣюсь, не сомнѣваетесь, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ
арался заслужить сіи опыты вашей довѣренности, и
овольствіемъ все то, еже вами постановится, мною ко-
исполнится, и они во мнѣ всегда найдутъ вѣрнаго
, а мать ихъ друга. Но я надѣюсь, что имъ въ томъ
никакой не будетъ и что Всевышній Творецъ насъ
словитъ, давъ вамъ совершенное здоровье и долговре-
сть жить, слѣдовательно и способъ всѣхъ ихъ устроить,
тогда быть при васъ, чтò я истинно желаю, особливо
въ такомъ состояніи, чтобъ быть полезнымъ моимъ
ямъ. Впрочемъ, когда вы заблагоразсудите мнѣ сооб-
чтò въ осторожность, и какъ мы всѣ смертны, чтò
ихъ установить, вы сумнѣваться конечно не имѣете
кмо о совершенномъ моемъ послушаніи, но и что я
не менѣе васъ о благосостояніи ихъ и Елисабетъ Де-
вны попеченіе имѣть буду. Естлижъ, какъ то мнѣ и
ано, нонишнимъ годомъ переведенъ буду отсюда, то на
щее лѣто я за милость особливую отъ васъ почту, естьли
таніе обоихъ братьевъ Ивана Романыча мнѣ поручи-
удя по Иванѣ Романычѣ, что оно не безполезно, ибо
съ добрымъ успѣхомъ здѣсь обучается, и я весьма его
ю. Дочерей же я бы совѣтовалъ вамъ отдать въ пан-
въ Петербургѣ въ какую-нибудь дѣвичью школу, а не
омѣ, гдѣ конечно не можно имѣть такое смотрѣніе за

Мнѣ весьма пріятно видѣть изъ послѣдняго письма вашего, что П. В. Бакунина вы часто видите и любите. Онъ конечно прямо намъ преданъ, и я отъ него многіе опыты дружбы имѣлъ. Ежели вы можете ему какое вспомоществованіе оказать, то я за знакъ вашей милости ко мнѣ приму. Онъ строитъ домъ; ежелибъ ему пожаловали кирпича съ завода вашего, то конечно сіе немалымъ бы его строеніе облегчило.

6.

Гага, 24-го Апрѣля 1767 года.

Съ крайнимъ удовольствіемъ увѣдомляюсь я о всѣхъ происшествіяхъ въ нашемъ отечествѣ, касающихся до выбору достойныхъ людей изъ всѣхъ мѣстъ для способствованія къ сочиненію уложенія. Но какъ извѣстно, что въ Іюнѣ начнется уже генеральное собраніе, то я и ласкаюсь прежде того времени получить отъ васъ, милостивой государь, полное изъясненіе о продолженіи всѣхъ сихъ прозорливыхъ попеченій нашея Монархини; также и о томъ, естьли жребій падетъ на васъ въ какой губерніи или провинціи, гдѣ вотчины ваши находятся.

7.

Гага, 24-го Апрѣля 1767 года.

тьяго дня былъ у меня Иванушка. Онъ поаглински аетъ говорить изрядно и въ протчихъ наукъ успѣ немало, разумъ же у него натурально изрядный. И уповаю, что онъ со временемъ человѣкомъ быть мо- и естьли я въ сей службѣ останусь, то годъ или два я буду просить Н. И. о опредѣленіи его коллегіи юн- ь при мнѣ; ибо съ остротою его разума онъ въ сей ѣ, думаю, свое счастіе найтить можетъ, особливо буде оной, не хуже другихъ служа, буду нѣсколько Импе- цей ободряемъ, для продолженія оной: ибо по сію пору огу похвалиться нонѣшнимъ отъ нея награжденіемъ, многіе изъ товарищей моихъ разныя награжденія и милости Ея Величества имѣли. Но когда командиры довольны и самой Ея Величеству, и фамиліи, и вамъ то угодно, то я конечно служить охотно и впредъ лжать буду. Будежъ меня отсюда выведутъ, то я за ивой знакъ милости вашей къ себѣ почту, поручивъ меньшихъ вашихъ сыновей, а моихъ братій, воспи- которыхъ я охотно на себя приму. А дочерей вашихъ уста для воспитанія отдайте въ пансіонъ. Сказываютъ, отеранской киркѣ школа, заведенная для дѣвокъ и маль- ь ученымъ пасторомъ Бушемъ (который уже выѣхалъ оссіи) очень хороша, а въ домѣ кому у насъ за ними

смотрѣть? А когдажъ ихъ воспитаніе пренебрежется, то никакія награжденія и потомъ издержки на нихъ то возвратить не могутъ. О сыновьяхъ же, поруча мнѣ ихъ однонождыы, вы никакой заботы имѣть не должны, ибо я конечно ихъ люблю, какъ братьевъ, и естьли Богъ допуститъ, то имъ не безполезенъ буду. Въ протчемъ подтверждаю вамъ, какъ и прежде то уже писалъ, что все то чтò вами учреждено будетъ въ пользу ихъ и Елисабетъ Денисіевны, не токмо мною исполнено будетъ, но я оное найду справедливымъ, и вы всегда во мнѣ найдете любовь, послушаніе и почтеніе сыновнее. Тожъ могу вамъ засвидѣтельствовать за брата Семена Романовича, который во всякомъ случаѣ со мною согласный поступокъ имѣть будетъ. Я его довольно знаю, чтобъ съ основаніемъ за него ручаться могъ.

*

Судьба Ронцовыхъ мало извѣстна. Ихъ потомство до селѣ существуетъ въ Керенскомъ уѣздѣ въ Пензенской губерніи. Одинъ изъ братьевъ (кажется, упоминаемый въ этомъ письмѣ Иванушка) долго жилъ въ Англіи, принималъ участіе въ тамошнихъ безпорядкахъ и имѣлъ политическія похожденія и въ Россіи. (См. Русскій Архивъ 1874, II. 403 депеши Мальмсбюри). П. Б.

8.

Гага, 27 Апрѣля 1767 года.

…къ я пребываніемъ моимъ 9 лѣтъ въ чужихъ земляхъ …тыми переѣздами конечно немалымъ способствовалъ къ …кенію вашихъ долговъ, то и справедливость требуетъ, … въ случаѣ какого-нибудь распоряженія, когда вы за… разсудите оное учинить, чтобъ и бо̀льшая тягость оныхъ …ѣ осталась, а не обще съ братомъ, которой конечно … столь въ тягость не былъ, какъ я. Все то, что̀ вы учи…или въ пользу для другихъ дѣтей вашей, мною найдено …ъ справедливымъ, и во всякомъ случаѣ найдете меня …ненным любовью, почтеніемъ и послушаніемъ къ вамъ. …мѣливаюсь я уже нѣсколько разъ рекомендовать вамъ … камердинера моего, добраго службой, которымъ я до…ъ. Онъ, я чаю, пономаремъ въ Москвѣ, а сынъ другой …ъ. Ежели можно ихъ устроить, вы мнѣ великую ми… окажете, также опредѣля имъ нѣсколько муки и дру… припасовъ съ деревень на годъ, за что я вамъ крайне …даренъ буду.

9.

Гага, 2-го Іюня 1767 года.

Мнѣ крайне сожалѣтельно, что я навелъ, милостивой
сударь, прискорбность объявленіемъ неполученія отъ в
писемъ послѣ вашего выздоровленія, а болѣе еще я с
далъ, что во время оной никто изъ дома не подавалъ
извѣстія. Но слава Богу, что все сіе кончилось; теперь
ложить можно бывшія печальныя мысли о сумнительн
вашего здоровья состояніи. Дай Боже видѣть непрерыв
онаго продолженіе. О Иванѣ Романовичѣ я имѣлъ уже ч
писать къ вамъ, что усматриваю я въ немъ склонность
министерству; однако естьли вамъ угодно непремѣнно о
дѣлить его въ морскую службу, то я, пославши его въ Анг
могу принять о немъ мѣры, сходственныя съ вашимъ на
реніемъ. Онъ, правда, не имѣетъ отвращенія и отъ на
гаціи, однакожъ больше склонности примѣтилъ я въ немъ
помянутому званію. Но, послѣдуя вашимъ повелѣніямъ
стану употреблять способы вперить въ него большую ох
къ морской службѣ. До сихъ поръ оказываетъ онъ по вс
наукамъ много способности и прилежанія. Я нимало
сумнѣваюсь, что со временемъ онъ полезнымъ сдѣлается
Россійской службы.

10.

Гага, (23) 12 Іюня 1767 года.

Письмо ваше отъ 14 (25) Іюня имѣлъ я честь получить должною благодарностію, видя изъ онаго новой опытъ шей милости и снисхожденія аксептованіемъ векселей, что ня обязуетъ вѣчною благодарностію. И вы легко повѣрить жете, что безъ крайней необходимости я бы сію новую вамъ гость не причинилъ, и впредъ никогда уже оныхъ высы- ть не буду, вѣдая обстоятельства нашего дому, а только ошу нижайше, въ случаѣ переведенія меня въ другое мѣ- о съ выгодою, какъ я о томъ новое обнадеживаніе имѣю ъ Н. И., чтобъ съ тою же почтою, буде обстоятельства зволятъ, нѣкоторую помощь пожаловать, дабы я могъ вы- хать съ честію, но и то небольшую сумму, ибо долги мои раздо уменьшаться начинаютъ.

О Иванушкѣ не распространяюсь я теперь, а ссылаюсь прежнія письма; и естьли, не смотря на описанныя въ омъ притчины, вы въ прежнемъ намѣреніи останетесь объ редѣленіи его въ морскую службу, то хотя съ сожалѣні- ъ, однакожъ волю вашу исполнить и ей повиноваться не ремину; токмо мое мнѣніе, что, съ дарованіями его и хоро- ими науками, онъ способнѣе будетъ къ статскимъ дѣламъ быть при мнѣ, когда въ сей службѣ надѣюсь не безъ спѣха остаться; и не позже будущаго года, я буду просить . И. о записываніи его въ оную при мнѣ коллегіи юнке- омъ, что, уповаю, онъ мнѣ и не откажетъ.

11.

Гага, 6 (17) Іюля 1767 года.

Какъ письмо ваше, такъ и тулупъ, чрезъ Ѳедора Ивановича Бабарыкина, имѣлъ я честь получить. Благодарю васъ, милостивой государь, за все сіе, сожалѣя, что я не имѣлъ случая служить по вашей рекомендаціи Б.: ибо онъ тулупъ, ваше и свое письмо прислалъ изъ Акена, откуда онъ отправляется для нѣкоторыхъ обстоятельствъ своихъ (какъ онъ пишетъ) въ Парижъ.

12.

Гага, 24 Іюля (4 Августа) 1767 года.

За увѣдомленіе ваше о подмосковныхъ увеселеніяхъ нижайше благодарствую, въ чемъ и принимаю искреннее участіе. Также заставляетъ меня засвидѣтельствовать вамъ, милостивой государь, равную благодарность за извѣстіе о акцептованіи векселей моихъ Гомомъ, которому естьли еще отпишете, чтобы онъ далъ знать кореспондентамъ своимъ въ случаѣ, что въ конторѣ его запамятовано о уплаченіи денегъ, усугубите вашу ко мнѣ милость. Я же съ сего времени, сколько возможность допуститъ, трудить васъ перестану, чувствуя вашу ко мнѣ горячность и зная домашніе недостатки.

P. S. Я видѣлъ планъ дома Вольфова на Петербургской сторонѣ, недалеко чаятельно отъ шурина. Г. Борегардъ,

сказывалъ мнѣ, что онъ торговалъ оной за 13 тысячъ рублей. Судя по плану, домъ, сады и оранжея, конечно, покойнику Вольфу стоили болѣ шестидесяти тысячъ. Естьлибы можно, мнѣ кажется, оно бы кстати было къ нашей мызѣ; и ежелибы я на вашемъ мѣстѣ былъ, я бы занялъ лутче изъ банку, да за 14-ть или 15 тысячъ купилъ такое прекрасное мѣсто и въ сосѣдствѣ нашей деревни. А мнѣ бы весьма удовольствительно было, когда буду я столь счастливъ, чтобъ съ своими жить, иногда лѣто тутъ препровождать. Можетъ быть, контора Вольфа онную сумму и желѣзомъ возметъ. Не прогнѣвайтесь, что я осмѣливаюсь вамъ въ домашнихъ дѣлахъ совѣты давать, они конечно отъ васъ зависятъ; но мнѣ кажется, что хотябъ и занять сію сумму, то еще немногимъ долги наши умножатся, а мы имѣть будемъ за 15 тысячъ и въ сосѣдствѣ Мурина загородной домъ, которой конечно за пятьдесятъ тысячъ сдѣлать не можно.

ПИСЬМА

ГРАФА

. Р. ВОРОНЦОВА

КЪ БРАТУ ЕГО

ГРАФУ

СЕМЕНУ РОМАНОВИЧУ

И ЕГО СУПРУГѢ

1783—1785.

1.

S-t Pétersbourg, 27 septembre 1783.

Je vous suis très-obligé, ma chère belle-soeur, du souvenir e vous me marquez dans les lettres de mon frère. Je vous ie d'embrasser Мишенька de ma part et de me marquer l commence à parler; il serait tems; je m'intéresse beau-up à tout ce qui le regarde. Nous avons eu, il y a quel-ıes jours, l'ouverture de la nouvelle salle de théâtre, mais n'y ai pas été; mais j'ai été il n'y a pas longtems à la omédie Française qu'on donne pour de l'argent, et j'en ai é assez content, de manière que je compte y retourner quel-ıefois. J'espère que vous avez déjà vu plusieurs opéras. musez-vous, portez-vous bien et donnez-moi quelquefois de os nouvelles, et celle de Мишенька.

M-r de Zavodovsky est tous les jours chez le maréchal azoumovsky; on croit qu'il veut s'y marier; mais moi, je rois qu'il y va pour y jouer aux cartes.

2.

Marténino, 15 décembre 1783.

Je suis si occupé à débrouiller le cahot qui règne dans les affaires domestiques que je n'ai pas un moment à moi. Je n'ai pas voulu cependant rester plus longtems sans vous dire que je me porte assez bien, quoique de la vie je n'ai eu autant d'embarras que dans ce moment-ci. Dès que je verrai un peu plus clair, je vous rendrai compte de l'état dans lequel j'ai trouvé les affaires de la maison. Mon arrivée a causé à vous et à moi bien des choses, ou pour mieux dire, cela a prévenu quelques dettes de plus, entre autres d'un seul coup: il y avait une lettre de change de 15 mille roubles, signé par mon père, qui m'a été rendu par celui à qui il l'avait donné. Je compte rester ici jusqu'au... ; après cela j'irai à Moscou pour y passer cinq ou six jours aussi relativement aux affaires, et ensuite je me rendrai à Pétersbourg.

Mes compliments à ma belle-soeur que j'embrasse, ainsi que vos chers enfans et vous-même aussi.

3.

S-t Pétersbourg, 17 avril 1784.

J'ai été fort longtems sans vous écrire, ayant eu beaucoup faire et rien d'intéressant à vous mander. Je dois réponse ssi à plusieurs de vos lettres, auxquelles je répondrai lorse je trouverai une voie sûre pour pouvoir m'expliquer libment avec vous sur la lettre que vous m'avez écrite relaement à vos affaires domestiques. En attendant je suis armé de voir que vous serez content des peines que je me is donné pour les débrouiller. Quand vous en saurez les tails et les embarras que j'ai même à présent, je crois que us trouverez vous-même qu'elles ont pu me donner quelques ines.

J'espère que les deux mille roubles, que je vous ai envoyés, us seront parvenus bientôt après que vous m'avez écrit tre dernière lettre, et à la fin de juin je vous enverrai les ois mille r. qui restent pour cette année. Je vous dirai que es affaires permettent que je vous envoie encore quelque ose relativement à votre transplantation; mais il m'est imssible de le faire cette année étant extrêmement à sec. Il t vrai que c'est ma faute, car j'ai trop compté sur le peu chose de ce que j'aurai à faire et j'ai employé l'argent que croyai qui pouvait me rester de ma part de revenus, à yer quelques dettes et à augmenter ma vaisselle, de maère que je me suis réservé très-peu d'argent comptant pour nnée; mais en échange il me restera de dette et une belle isselle. A propos de vaisselle je dois vous dire qu'il est resté rès mon père безъ нѣсколько фунтовъ, ибо я далъ только

три пуда серебра за покойной матушки Аглинской работы, которой, впрочемъ, даромъ что давно сдѣланъ, очень не дуренъ. Я думаю, вы его помните, считая, что такую штуку надо оставить въ домѣ, и для того половину мнѣ изъ онаго принадлежащаго я дарю Мишенькѣ, прося васъ, чтобъ вы изъ своей части тоже сдѣлали; а оно здѣсь и будетъ храниться, пока вы не будете сюда или, когда угодно, можно къ вамъ и въ Англію прислать; прочее жъ серебро я намѣренъ въ домъ употребить, ибо оно никуда и не годится, и по здѣшней цѣнѣ за половину онаго вамъ деньги переведу на будущій годъ, и вы можете ихъ употребить на прибавку своего сервиза въ нынѣшнемъ году. Я дѣйствительно предпринялъ больше чѣмъ надо, и потому въ собственныхъ своихъ доходахъ немного опустѣлъ.

M-r de Cobentzel a eu Dimanche passé son audience de l'Impératrice comme ambassadeur; la comtesse l'a eu comme ambassadrice le même soir; ils se sont soumis à notre étiquette sans la moindre difficulté, l'ambassadrice ayant baisé non seulement la main de l'Impératrice, mais aussi de m-me la grande-duchesse. Voilà les choses entièrement revenues où nous en étions avec la cour de Vienne il y a quarante ans, et j'espère que dans ce système-là la Russie s'en trouvera bien assurément. J'ai remis votre lettre à m-r Zavodovsky et à La Fermière. Ce dernier est parti aujourd'hui avec la cour pour Zarskoé Sélo. Nous commençons à avoir assez beau tems.

Votre expédition se prépare depuis longtems; mais, comme de pays, vous ne quitterez pas Venise de sitôt, car on veut que chacun des ministres soit relevé par le successeur. Впрочемъ для васъ тутъ убытка нѣтъ, развѣ немного скуки; ибо

жалованье ваше со дня назначенія считается по Аглинскому посту, то есть 12 тысячъ ефимковъ.

Здѣсь пронесся недавно слухъ, будто графъ Скавронской умеръ; но послѣ о семъ не было никакихъ подтвержденій.

Voici une lettre de m. de Poliansky. Ne vous ayant pas écrit depuis trois ou 4 postes, cette lettre a resté chez moi. Embrassez, je vous prie, ma belle-soeur et vos enfans pour moi, étant au reste tout à vous, mon cher ami. P. S. Dans une de vos lettres vous me marquez que vous m'envoyez des bougies et des confitures sèches que je partagerai ainsi que vous me l'avez marqué; mais si vous ne m'envoyez pas de connaissement, cet envoi pourra se gâter et se perdre même; car ne le sachant pas, je ne pourrai pas même la retirer à la douane dans le tems prescrit par les loix. А въ таможнѣ не зная, что сіи ящики ко мнѣ, они ихъ безъ фактурки въ амбаръ положатъ.

M-me Daschhow a demandé la permission d'aller passer l'été à Troïtska, vient d'en obtenir l'agrément; elle compte se mettre en route dans les premiers jours de may.

4.

S-t Pétersbourg, 4 mai 1784.

Je vous ai écrit la poste passée fort à la hâte et je vous avoue même que ne saurais écrire par la poste avec une sorte de liberté, considérant combien de pays cette lettre doit passer et combien de fois elle fera risque d'être ouverte.

Je vous envoye cependant une copie de ce qui a été écrite au vice-chancelier relativement au tems que les ministres nouvellement nommés doivent quitter leurs postes; en conséquence de quoi on va faire bientôt des expéditions. Jusqu' à présent on a pas encore réponse de m-r de Simoline; dès qu'on l'aura, je ne manquerai pas de vous le faire savoir; а между тѣмъ мой бы совѣтъ, чтобъ не прежде выѣхать изъ Венеціи какъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, и хотя очень хорошо чрезъ К. не ѣхать, однакожъ море переѣзжать не инако какъ въ *Кале*, ибо когда можно только пять или шесть часовъ моремъ ѣхать, какая нужда себя подвергать на двои и трои сутки?

Vous pouvez en attendant faire vos arrangements pour votre départ, et dès qu'il sera assuré que Simoline ne demande pas à rester et qu'on ne l'y laissera pas, ce que je vous manderai d'abord, vous pourrez faire embarquer vos effets pour Londres en faisant faire aussi une provision de vin et d'huile en Italie et du vin de table en France; car tout cela est très-cher en Angleterre, et à la première entrée des bagages et des provisions, les ministres ne payent pas de droits. Je travaille à une espèce de note pour vous sur l'Angleterre; mais je ne vous l'enverrai que lorsqu'il y aura une occasion

sûre, quand même vous ne la recevrez qu'à votre arrivée à Londres. Je suis enchanté de voir que vous êtes si content de cette transplantation. Je suis fâché que Миша ne soit pas plus grand, il en aurait profité pour son éducation.

Je vous enverrai le relevé de notre population que vous avez désiré, bien loin de l'avoir reçu de m-r de Besborodka. C'est, moi qui le lui ai donné au moyen de tous ces comptes et вѣдомости inutiles qu'on demande des chambres des finances que m-r le pr. Viasemsky leur..... quand il y a seulement omission d'une fraction. On n'a ni compte en règle, ni relevé arrêté de la dernière capitation; celle que j'ai est assez exacte, et que je crois que l'Impératrice ne l'a pas encore reçue jusqu'à présent. Je vous l'enverrai par la voie du premier courrier. Чтожъ касается до доходовъ, въ томъ также тайну дѣлаютъ, Богъ знаетъ для чего; однакожъ вообще ихъ можно полагать безъ ошибки въ сорокъ милiоновъ рублей, а издержекъ окладныхъ не болѣе 30 или 32-хъ; но и многiя другiя чрезвычайныя издержки въ конецъ года, конечно, восемь миллiоновъ, кои остаются. Еще и вреда нѣтъ; ибо вредно бы было деньги въ казнѣ держать, особливо еслибъ нѣсколько лѣтъ оно бъ продолжалось, то бы и всю циркуляцiю стѣснило.

Je vous enverrai une pièce assez intéressante, faite sur le commerce et notre balance; mais il faut que j'aie une voie sûre pour cela.

О посудѣ я вамъ скажу при вѣрной оказiи; а что касается до Ульянки, я писалъ къ вамъ для того, что вы здѣсь всегда не оказывали большаго желанiя къ ней. А впрочемъ я радъ, когда вы ее для себя оставить хочете; продавать же ее намъ большой нужды нѣтъ, ибо батюшкины долги, поколику онѣ донынѣ извѣстны, будущимъ годомъ, какъ я

прежде къ вамъ писалъ, всѣ заплачены будутъ. Я буду стараться Ульянку въ наймы отдать, дабы содержаніе ея ничего не стало; онажъ съ прошлой зимы крайне запущена, а содержать ее для кабака и лавки, тутъ бы счету не нашли доходовъ въ числѣ генеральнаго дохода. Je n'avais aucun besoin de la vendre; d'ailleurs, vous savez que je ne suis pas dans les principes de vendre ou de jeter: что̀ сегодня имѣется ненужнымъ, можетъ назавтра пригодиться.

Je vous prie de faire mes compliments au seigneur Braïko et de l'assurer que je ne négligerai rien de ce qui peut être à son avantage; а что вы писали, что для переводовъ будете употреблять у себя Тома, я не совѣтую, особливо если здѣсь о семъ провѣдаютъ. Оно столько можетъ повредить, что вы и представить себѣ не можете, ибо о немъ и теперь бываютъ напоминанія непріятныя, такъ какъ и недавно то случилось; вы знаете, что я ему самъ добра желаю.

На нынѣшній годъ должно къ вамъ еще мнѣ перевесть въ Іюлѣ мѣсяцѣ три тысячи рублей, но считаю за лучшее вамъ уже сіи деньги въ Англію перевесть, дабы вы что-нибудь и по пріѣздѣ нашли. Не уповаю, чтобъ переведенныхъ денегъ изъ дому и тѣхъ семи тысячъ, кои изъ Коллегіи къ вамъ посланы, не стало вамъ на переѣздъ и на выѣздъ изъ Венеціи, на что и буду ожидать вашей отповѣди, а для меня все равно, куда вамъ эти деньги перевести.

Г. Катерину Алексѣевну я цѣлую; радуюсь, что она довольна ѣхать въ Англію; Мишеньку также поцѣлуй.

5.

C.-П., 24 mai 1784.

vous remercie, ma chère soeur, pour tous les détails vous me donnez sur *Мишенька*. Je vous prie de conti- à me donner de ses nouvelles, ainsi que de votre pe- que j'aimerai aussi lorsque je la connaîtrai; mais, en dant, ne trouvez pas mauvais que cela soit Митенька est le favori. J'espère que le voyage d'Angleterre lui du bien et que son éducation s'en ressentira aussi. Adieu, chère soeur. Je vous souhaite un bon voyage et un par- contentement.

6.

(1784).

vous dois répondre sur une lettre que vous m'avez écrite a déjà près de six semaines en réponse à celle que je ai écrite de Matréuino. Je vous répondrai dès que j'au- ne occasion sûre. Je suis ici; la place a été donné à alow. J'entends celle du Cabinet. On attendait le prince nkine, selon les dernières nouvelles de Pétersbourg. spère que m-r Marcoff sera bientôt rendu chez vous; il onnera des détails de votre manière d'être à Venise. ère que vous vous mettrez bientôt en route.
i visité les possessions que nous avons eu sur la Cour- : il y a une petite ville dont on pourra faire quelque pour le commerce.

7.

(1784).

Je profte de l'occassion d'un de nos courriers qui va à Vienne pour vous écrire et vous envoyer une lettre de ma soeur et de m-r de La Fermière et vous envoyer aussi une exemplaire d'une traduction française de notre dialecte russe, qui me paraît assez intéressante, malgré que le style en est très-vieux: c'est la vie du patriarche Nicone.

Je vous envoie aussi le relevé de notre population; vous verrez qu'elle a considérablement augmenté. Ce relevé n'est pas tout-à-fait bien fait, mais encore est à ce qu'on a pu avoir de moins inexact. Я съ трудомъ могъ достать и Александру Андреевичу; я же далъ себя знать донынѣ Государынѣ не подлостію, да мелкими невѣрностями, кои ничего не значутъ однакожъ; mais vous savez la minutie de celui *) qui a ces choses entre ses mains, quoique de pareils relevés ne peuvent jamais être faits avec l'exactitude qu'on met à celle d'un village ou d'une petite ville.

Je vous ai promis de vous communiquer mes idées sur le nouveau poste que vous avez occupé. Je vais m'en acquitter à présent.

1° C'est un pays pour lequel vous avez toujours eu du faible et auquel il est impossible de ne pas s'attacher à mesure qu'on le connaït. Я желаю, чтобъ оно не подѣйствовало

*) Ген. прок. князь Вяземскій. П. Б.

надъ вами и въ дѣлахъ и для того считаю долгомъ вамъ изъяснить мои мысли. Правленіе ихъ конечно безпримѣрное, но дѣйствительно только что на ихъ островъ и сдѣлано. Нѣтъ народа, въ которомъ въ приватной жизни было болѣе добродѣтели, праводушія и дружбы какъ у нихъ; хорошо и жить и родиться тамъ. Но для министра иностраннаго, а особливо отъ знатнаго двора еще, исторія по многимъ причинамъ имѣетъ интересъ, и въ сохраненіи ихъ и пользу нѣкоторую имѣть можетъ; но система ихъ правленія дѣлаетъ многія неудобности далеко съ нами связывать, умалчивая несчастное ихъ нонишнее царствованіе; ибо, по моему мнѣнію, не персоналъ министровъ, а самая глава ихъ такова, что во всю его жизнь другаго ожидать не должно, какъ то, что̀ было донынѣ. Но и во всякое время въ Англіи перемѣна министерства дѣлаетъ общую перемѣну въ мѣрахъ, въ союзахъ, умалчивая, что всякія внутреннія распри, нерѣдко тамъ бываемыя, ихъ уже такъ занимаютъ, что всѣ Европейскія связи на то время жертвуемы бываютъ. Въ нонишнемъ вѣку мы видѣли оное Утрехтскимъ миромъ и миромъ въ Фонтенеблоː первымъ Австрійцы были жертвуемы, а вторымъ Пруской король для маленькихъ имперскихъ князей.... Между тѣмъ денегъ съ Англіи сорвать могли; но для знатной державы въ общія мѣры вступать съ однимъ министерствомъ, въ ожиданіи, что, при перемѣнѣ министерства, другія совсѣмъ и связи будутъ, весьма несовмѣстно. Наше положеніе таково, по нашей дружбѣ съ Вѣнскимъ дворомъ, что намъ обоимъ, дабы свою связь не ослабить, должно другихъ союзниковъ и не искать; а если имѣть, то конечно не инако какъ общихъ. Имъ же было бы очень невыгодно съ Англіей обязаться, ибо тогдабъ раздразнили Францію, которая однакожъ ихъ очень менажируетъ, а сію послѣднюю

тѣмъ бы самымъ сблизили съ Прусскимъ королемъ. Итакъ Вѣнскій дворъ, имѣвъ сихъ двухъ державъ противу себя и все то, чтò за Франціей въ слѣдъ идетъ, хотябъ и пріобрѣлъ Англію, но былъ бы весьма остановленъ на всякомъ шагу, и тѣмъ бы самымъ и намъ былъ менѣе полезнымъ. Здѣсь, правда, имѣютъ нѣкоторое отвращеніе къ Франціи, съ которою однакожъ можнобъ аранжироваться; но при всей той несклонности къ Франціи Г. весьма рѣшительна, чтобъ съ Агличанами не связываться, развѣбъ Франція разными оказательствами насъ къ тому принудила. Я все оное вамъ пишу, дабы вы по тому и сообразжались, хотя въ протчемъ вицъ-канцлеръ и во снѣ видитъ союзъ Англіи; но и не ему не удалось Г. въ оное втащить: вы видѣли всѣ попытки, кои употреблены были тому года два или три.

Есть еще пунктъ, въ которомъ надо очень остерегаться, о коемъ я тѣмъ удобнѣе говорить могу, что, признаться должно, что по молодости моей я не могъ отъ того спастись: чѣмъ болѣе ознакомишься въ Англіи, тѣмъ больше привяжешься въ ихъ дѣла, а сіе самое нечувствительнымъ образомъ, что и сдѣлаешься участникомъ дворовой ли партіи, или той, которые противу министровъ. Г. Симолинъ, не желая, отъ онаго все же не избѣгнулъ; а изъ сего родятся всегда непріятныя слѣдствія ко вреду иностраннаго министра; а въ оное, безъ большой осторожности, нечувствительнымъ образомъ впадешь.

Что касается до жизни Лондонской, хотя она чрезмѣрно дорога, но думаю, что съ нѣкоторымъ хозяйствомъ, съ жалованьемъ и съ тѣмъ, чтò вы изъ дому получаете, пробавиться можно. Во-первыхъ, тамъ пышности не требуютъ, да и въ ней нужды нѣтъ; но сего недовольно, надо нѣсколько себя женировать, если въ долги не захотите впасть, и дому

о, какъ вы здѣсь имѣли, чтобъ всѣмъ въ одномъ этажѣ за тысячу гиней не достанете, а неотмѣнно надо уже какъ всѣ тамъ живутъ: въ одномъ этажѣ столовая, и свой кабинетъ имѣть можно; въ другомъ—гостиная альня и уборная для Катерины Алексѣевны, а въ верху ѣтей. Такой домъ можно хорошій имѣть отъ 200 до сотъ фунтовъ стерлинговъ, а болѣе бъ я и не совѣто- на домъ употреблять. Убранство въ домѣ также надо енно, столъ также и не взыскиваетъ, да и тѣмъ нельзя удивить; людей держать немного, а особливо чтобъ обоихъ полу имѣли положенное и чтобъ имѣть какъ возможно менѣе.

радуюсь особливо для Мишеньки, что вы въ Англію , и ему воспитаніе дать можно такое, какова труднобъ здѣсь имѣть. И такъ все то, что вы для себя умѣрите ь, можетъ обращено быть на пользу впредъ для воспи- дѣтей.

одномъ изъ писемъ вашихъ, упоминая о ненадобности Лизакевича, что вы на переводы можете употреблять ко, я считаю долгомъ вамъ сказать, что еслибъ о семъ свѣдали, cela vous fera un tort considérable, car vous z pas d'idée, comment il est noyé ici; il n'y a pas long- qu'on s'est expliqué à son sujet, quelqu'un l'ayant nommé. ъ могло вамъ прямо повредить; вы знаете, сколько такія иногда здѣсь дѣйствуютъ. Чтожъ касается до Лизаке- я слышалъ, что онъ весь въ долгу, и вамъ конечно ятно будетъ и имѣть его; но на первой случай тому бить не можно; а когда я увижу возможность, я поста- ь, чтобъ къ вамъ Брайко перевели. Я бы и для Ми- ки желалъ, чтобъ онъ у него могъ по-русски впредъ ься.

8.

Riga, 9 juillet 1784.

Vous avez appris, mon cher amy, par ma derniè
Pétersbourg que je devais faire un voyage en Livo
à Revel. Je suis ici depuis une dizaine de jours, et une
tie de ma commission est déjà exécutée; но теперь заде
ваетъ меня другое дѣло: ибо во многихъ здѣсь селе
сдѣлалось ослушаніе у крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ,
что принуждены были и воинскія команды на то упо
лять; но я надѣюсь, что и сія безурядица вскорѣ пр
тится, après quoi je partirai d'ici pour aller à Revel, et
père pouvoir être à Pétersbourg vers le commencement d'

Depuis mon départ il est arrivé un grand événement à
tersbourg: c'est la mort de m-r de Lanskoy qui au bout
maladie de 4 à cinq jours a été emporté; c'etait un m
gorge qui a dégénéré en une fièvre.

Imaginez nos inquiétudes: c'est une maladie contagi
et l'Impératrice a été presque toujours auprès du ma
elle est très-affecté de cette perte, et jusqu'à présent trè
de personnes l'ont vu; elle a été saigné elle-même et, g
au Ciel, il n'y a plus de danger pour des jours qui nous do
être à tous très-précieux.—Les habitans d'ici, qui me ve
assez de bien, ont paru être contens de me voir, ainsi
notre respectable comte de Broun, qui jouit d'une très-b
santé. J'ai trouvé le commerce de cette ville dans la
grande activité. Il y a au delà de cinq cent vaisseaux, p
lesquels j'ai trouvé un fort grand vaisseau qui porte mon
Les douanes d'ici rapportent étonnement, et celle de Pé

s'est même surpassé; le mois de juin a rapporté six
mille roubles et quarante pouds d'argent. Il a fait ici une
ne exportation de grain, et à Pétersbourg même cette
he, qui n'avait pas existé, avait commencé à devenir
-tante.

i reçu ici deux de vos lettres: la première m'a donné
coup d'inquiétude sur la santé de ma belle-soeur, mais
conde m'a rassuré. J'espère apprendre par la première
qu'elle est entièrement remise. Embrassez-la de ma part,
que vos enfans.

vous ai mandé encore de Pétersbourg que j'avais remis
mille roubles à Suterland, de qui j'ai pris une lettre de
ge, afin de vous la faire passer, dès que je vous croirai
d'arriver à Londres. J'ai pris cette lettre de change avec
et je vous la ferai passer, dès que je vous saurai près d'y
er, afin que vous trouviez cet argent au moment que vous
à Londres. Je me porte au reste fort bien, et lorsque je
is pas occupé, je marche beaucoup à pied. Adieu, mon
ami. Je vous embrasse de tout mon coeur.

i reçu ici une lettre de notre ami Zavodovsky; m-r de
orodka, malgré les inquiétudes et les embarras, où il s'est
vé, m'a écrit aussi.

9.

Riga, 21 juillet 1784.

M-r de Marcoff a passé par ici il y a deux jours; il
beaucoup loué de toutes les marques d'amitié qu'il a épr
de vous, m'a beaucoup parlé de votre soeur et de l'a
ment qu'il a éprouvé dans votre société et n'a cessé auss
louer vos principes politiques; car vous tenez tous les
pour les trois royaumes et beaucoup dans des principes
gallicans. Je n'ai jamais vu quelqu'un avoir plus les man
françaises et aimer moins le gouvernement de France
notre ami Marcoff.

J'ai suivi ici tout ce qu'il y avait à faire; les désordres
paysans sont aussi quasi apaisés. Je compte partir der
d'ici par Revel et arriver à Pétersbourg vers le 7 ou
du mois d'août. Tout ce qu'on me mande de là-bas, me
une peine infinie. L'Impératrice est aussi affligée que le
mier jour de la mort de m-r Lanskoy; elle ne vois q
personne; il n'y a que le prince Potemkine et m-r de B
borodka qui la voyent. L'état de cette princesse peut f
regretter m-r Lanskoy, même à ceux qui n'ont eu auc
connexion avec lui. La conservation de l'Impératrice est
chose trop intéressante pour nous tous.

M-r et m-me de Broun me parlent sans cesse de vous, a
que de ma belle-soeur dont elle m'a dit mille biens. Ce
réellement des gens bien respectables et dont je suis fort a
J'avoue même que la ville et la province m'ont marqué q
ques affections.

Je viens de recevoir à la fin 4 lettres de vous qu'on m'a envoyé de Pétersbourg. Je suis enchanté de les avoir reçues ensemble, car j'aurais été très-inquiet sans la dernière sur la santé de ma belle-soeur. Je suis charmé d'apprendre par la dernière qu'elle est hors du danger Je vous prie de prendre garde qu'elle se ménage. Je m'intéresse à elle et personnellement à son égard et par l'intérêt que vous y mettez, sachant combien votre bonheur en dépend. J'embrasse aussi Миша. M-r Marcoff m'a dit qu'il parlait peu; je ne suis pas content de cela.

Je vous ai marqué encore avant mon départ que le reste de l'argent qui vous revient pour l'année 1784, je l'ai donné à Suterland au mois de juin; il l'a fait passé à son frère à Londres, et je garde chez moi les lettres de change pour vous les faire passer, dès que je vous saurai près d'arriver à Londres. Quant aux bougies dont vous me parlez, je vous les enverrai en présent на новоселье, dès que je serai arrivé à Pétersbourg. Adieu, mon cher Сенюша. Je vous embrasse et vous prie d'être persuadé que je serai toujours votre fidèle ami et frère.

Матушка сестрица Катерина Алексѣевна. Радуюсь, свѣдавъ, что вы выздоровѣли; берегите свое здоровье и вѣрьте, что я въ немъ искренно интересуюсь. Дѣтей обѣихъ поцалуйте, особливо Михаила Семеновича.

10.

Revel, 2 août 1784.

Votre dernière m'a fait une peine infinie, puisque j'avais vu qu'il nest plus question que de la maladie de ma belle-soeur. Le parti, que vous avez soin de demander à passer l'hiver à Pise, est très-raisonable; j'en ai ecrit dans l'instant à m-r de Besborodka, et j'ai ecrit aussi à Zavodovsky pour qu'il suive cette affaire auprès de lui. J'espère qu'il n'y aura aucune difficulté, même à l'égard des appointements; d'ailleurs, je serai moi-même à Pétersbourg dans cinq ou six jours d'ici.

Il ne faut pas risquer le séjour de Londres ce tems: ceux qui ont une poitrine faible redoutent extrêmement ce climat; après le chaud c'est le plus mauvais pour ceux qui sont menacé d'être poitrinaire.

Vous ne saurez vous figurer, combien cette lettre m'a causé du chagrin, non seulement à cause de vous, mais aussi pour **Екатерина Алексѣевна**, à qui je suit très-attaché. Vous ne me dites rien de vos enfans, et surtout de **Мишенька** qui devrait déjà balbutier beaucoup.

Dès que votre congé sera décidé, je remettrai à Suterland la lettre de change de 8 mille roubles que j'avais pris de lui sur Londres et je vous enverai la même somme à Pise. Je n'ai pas le tems de vous écrire davantage, étant extrêmement occupé. Adieu, mon cher **Сенюша**. Embrassez ma belle-soeur pour moi.

11.

Mourino, 29 août 1784.

e vous ai marqué dans ma dernière que, lorsque j'aurai peu de loisir, je vous parlerai, mon cher ami, de mar- Maroutzy; étant venu ici pour y passer le jour de ma , et en ayant le loisir, je m'acquitte de ma promesse.

'ai remercié m-r Maroutzy de toutes les attentions et ser- s que ses frères vous ont rendues. Lui faisant offre des ns, il m'a commencé d'abord par faire des lamentations ce qu'on ne lui avait donné ni terre, ni argent, ce qui conscience serait même déplacé. Lorsqu'on l'a pris à notre ice, on avait soin moins d'acquisition de sa personne que biens qu'il transporterait en Russie. Outre cela, je vous re que ce n'est dans le pouvoir de personne ici de lui curer ces deux choses-là. Je lui ai donc dit que pour ces prétentions il fallait y renoncer absolument; mais que se bornait à demander une place de ministre, comme celle Gènes, que lorsqu'elle vaquerait, j'employerais le crédit de amis pour la lui procurer. Tout cela l'a peu satisfait; 'a dit que son intention avait été de tout quitter et de aller d'ici, mais que ses frères lui avaient marqué que avez conseillé qu'il ne quitte pas la partie et qu'avec a patience qu'il obtiendrait justice; *qu'on avait fait mille ertinences à m-r de Simoline et qu' à la fin il avait obtenu eilleur poste.* Je lui ai dit que je doute fort que vous ayez dire de m-r de Simoline ce qu'on lui avait marqué, que 'était pas votre façon de s'exprimer. Il m'a dit alors: non, 'est pas tout-à-fait comme cela, mais qu'on lui avait ié une place de président qu'il n'avait pas voulu et qu'à

la fin on l'avait fait ministre à Londres, et qu'au fond c'était la même chose que ce qu'il avait dit avant. Je lui ai observé que quand on citait, il fallait être vrai; que d'ailleurs les mots et les paroles expriment les idées des gens, que leur exactitude n'était pas une chose si indifférente. Enfin j'ai vu à cette occasion c'est que je lui ai dit que de toutes sortes de gens il n'y en a pas de plus faibles, que en amitié et en inimitié on ne sait jamais comment se retourner avec eux, et ils se compromettent et vous compromettent à tout moment. Il excède ici tout le monde, et je vous assure qu'il n'y a pas moyen de l'aider; il se plaint à chacun de m-r de Besborodka, qui ne lui a rien fait que de ne le plus recevoir chez lui après en avoir excédé. Figurez-vous qu'il vient quelquefois chez moi et y reste des trois heures à me parler toujours d'argent et de terre qu'il faut lui donner, et des services qu'il a, dit-il, rendus. Enfin, je vous avoue que cela me pèse, et il y a longtems que je ne l'aurais pas reçu, si je n'avais égard à votre recommandation et au service que ses frères vous rendent.

J'ai reçu les bougies et les confitures que vous m'avez envoyés, ainsi que les liqueurs. Les confitures, qui étaient pour votre beau-père, vos belles-soeurs et m-me Poliansky, ont été remises à leur adresse.

Nous n'avons rien de nouveau. La cour restera, dit-on, à Zarskoé-Sélo jusqu'au 10; j'y ai été il y a quelques jours, et j'ai eu le bonheur de voir l'Impératrice, qui continue a voir peu de monde et j'ai resté avec elle près d'une demie-heure; elle se porte bien, et continue à travailler beaucoup.

Je vous prie d'embrasser ma belle soeur et vos enfans pour moi, étant au reste tout à vous, mon cher ami.

12.

Mourino, 30 août 1784.

r de Krudner, qui vous remplace à Venise, a désiré de connaître particulièrement et m'a prié, mon cher ami, ous le recommander. Je crois que vous aurez déjà su de à mon retour de Riga dès l'année passée, tout le cas je fais de m-r de Krudner, qui m'a beaucoup aidé alors les affaires que nous avons eu avec le duc de Cour-. Il est rempli d'intelligence et d'application pour les es; c'est, en général, un sujet qui pourra être avec le très-utile à son pays; en outre, il est très-aimable en té. Je vous prie donc de lui accorder cette amitié qu'il e extrêmement d'acquérir. Sa femme est d'une société ıble: c'est la fille de m-r de Vitinghoff.

suis au reste avec l'attachement que vous me connaissez, à vous, mon cher frère.

13.

. S-t Petersbourg, 13 septembre 1784.

Une lettre arrivée de Vienne m'a appris, mon cher ami, une nouvelle à laquelle je m'attendais en quelques suivans mois, qui, nonobstant cela, m'a causé un très-vif chagrin et me donne les plus grandes inquiétudes sur ce qui vous regarde. Au nom de Dieu, supportez votre perte avec la résignation, qui est dûe à des événements auxquels on est assujétti et auxquels naturellement nous sommes tous sujets. Je conçois facilement, combien vous devez être sensible à cette perte et quelle privation pour vous de n'avoir plus une personne que vous aviez tant aimé et qui vous prive de cette douceur domestique dont vous jouissiez; mais vous vous devez à vous-même, à vos parents et amis et à vos enfans. Je vous prie donc de ménager votre santé et de ne vous pas abandonner à votre chagrin. Je crois que vous ferez bien, si votre santé le permet, de partir le plus tôt que vous pourrez pour votre poste: les occupations que vous aurez à Londres rempliront peut-être le vide que vous devez sentir. D'ailleurs, un plus long séjour en Italie ne vous ferait que rappeler ce qu'il faut tâcher d'oublier. J'attends avec impatience d'apprendre ce que vous comptez faire à l'état où vous vous trouvez.

M-r de Zavodovsky, qui prend une part bien sincère a cet événement, croit que vous deviez revenir ici, que cela vous dissiperait. C'est à vous à décider ce qu'il vous reste à faire;

mais je crois que le meilleur serait d'aller en Angleterre où vous trouverez et de l'occupation et de l'agrément. Je conçois aussi l'embarras que vous aurez relativement à vos enfans; mais je crois que les avoir auprès de vous sera une consolation, dont vous avez sûrement besoin.

C'est une lettre de Vienne à m-r Alopéus qui nous apprend cet événement. J'avais espéré que c'est un bruit, mais il paraît qu'on ne peut plus en douter. Je ne vous offre aucune consolation; d'ailleurs, ce n'est pas le moment. Je sens toute l'étendue de votre perte et les agréments dont vous êtes privé; mais, au nom de Dieu, ne vous abandonnez pas à la douleur et ménagez votre santé. Adieu, mon cher Семюша. Soyez raisonable et croyez que je partage bien sincèrement votre affliction.

M-r de Zavodovsky veut vous écrire, et, s'il envoye sa letre à tems, je la joindrai ici.

14.

S-t Pétersbourg, 14 septembre 1784.

Je vous ai écrit hier, mon cher Сенюша, par un de nos courriers qui va à Vienne et à Francfort., sur la nouvelle fâcheuse qui nous est parvenue de Vienne et dont il paraît qu'on. ne peut douter de ce fâcheux événement pour vous et pour tous ceux qui s'intéressent à vous et qui savaient combien vous étiez content et heureux dans votre vie privée. Je sens combien il est douloureux de perdre en un moment une amie et une personne que vous aimiez et qui vous rendait heureux; mais, mon cher ami, c'est le sort qui nous attend tous et auquel il faut se soumettre avec résignation. Je vous conjure de ne pas vous abandonner à votre douleur. Conservez-vous pour vos amis, vos parens; d'ailleurs vos enfans ont besoin de vous.

Si votre santé le permet, quittez au plus tôt l'Italie. Le séjour de l'Angleterre, les occupations que vous pouvez y avoir, contribueront peut-être à dissiper votre douleur. Je vous conseille de le faire le plus tôt que vous pourrez. J'avoue que je m'attendais à cet événement depuis que j'ai vu cette maladie traîner. Je vous prie, mon cher ami, de me marquer l'état où vous êtes et surtout de votre santé et celle de vos lenfans. J'espère qu'ils vous serviront de consolation dans ce

moment-ci. Quel embarras pour vous que leurs soins, même dans l'âge où ils sont. Je suis dans la plus grande impatience d'avoir de vos nouvelles; mais comme c'est un courrier qui a apporté cette lettre de Vienne, ce n'est que dans huit jours que la poste pourra nous apporter de vos lettres après ce triste événement. Adieu, mon cher Сенюша. Ménagez-vous et croyez que je partage votre douleur et que je suis pénétré de la perte que nous avons faite.

P. S. Quittez l'Italie le plus tôt que vous pourrez. Ce séjour ne fera que vous retracer ce que vous venez de perdre. Voici une lettre de m-r de Zavodovsky qu'il m'a envoyé trop tard pour être expédié par le courrier que est allé à Vienne et à Francfort, et une autre de notre ami La Fermière, à qui j'ai fait part de notre perte, et il m'a envoyé la ci-jointe sans être cachetée. Je vous prie de suivre ses conseils.

15.

S-t Pétersbourg, 17 septembre 1784.

Je vous ai écrit, mon cher ami, par un courrier qui est parti pour Francfort et Vienne, et ensuite la poste passée, sur la fâcheuse nouvelle qui nous est parvenu de Vienne. Elle était du 11 septembre n. s. Au nom de Dieu, si elle se trouve vraie, ménagez-vous et ne vous abandonnez pas au chagrin. Vous le devez à vos enfans, à vos amis et parents. Je désirerais fort, si cet événement est vrai, que vous partiez le plus tôt possible pour votre destination. Les affaires que vous y aurez et le séjour d'une aussi grande ville pourront vous contribuer par les occupations, qu'on y rencontre, à diminuer au moins votre douleur.

M-r Braïko m'a écrit deux lettres, et quoique je les ai reçu après la lettre de Vienne, elles ne dissipent pas mes craintes, puisque, d'après mes calculs, ces deux lettres ne sont pas de fraîche date que les nouvelles qu'on a pu avoir à Vienne. D'ailleurs, elles ne sont pas consolantes sur l'état de ma belle-soeur; car il dit que les médecins en désespèrent. Je crois fort ce que vous perdez. Croyez que je partage bien sincèrement vos chagrins; mais enfin, mon cher, c'est, au bout du compte, à quoi nous sommes tous assujettis, et les regrets et l'affliction ne servent pour revivre ce qui est perdu une fois. Voici une lettre de ma soeur, elle est très-affecté sur ce qui vous regarde. Nos amis m-rs de Zavodovsky et Besborodka ne le sont pas moins. Je crois que m-r de Besborodka

écrira dans quelques jours et sur une matière qui vous
plaisir, si quelque chose peut vous toucher dans ce mo-
ci.

ощай, Сенюша; береги себя, не отдавайся въ печаль и
й своихъ отъ меня поцалуй.

16.

21 septembre 1784.

s inquiétudes sur votre état continuent toujours à être
nêmes. La dernière n'a pas apporté la malheureuse nou-
que nous attendions d'après les lettres de Vienne, mais
ivalent; car une lettre de Braïko à m-r Alopoeus de 4
mbre dit ma belle-soeur hors de toute espérance. Je vous
mon cher Сенюша, de supporter cet événement avec
nation. Il est certain que cela sera une perte irrépa-
pour vous, vu l'amitié qui vous unissait et les douceurs
vous jouissiez dans votre vie privé, le premier des bon-
s sans doute; mais enfin ce n'est ni la douleur, ni l'abat-
nt, ni en dérangeant vous-même votre santé, que çette
pourra se réparer. D'ailleurs le bien de vos enfans
e exige que vous preniez soin de vous-même. Cette nou-
venue de Vienne, et dont je vous ai parlée déjà dans
eurs de mes lettres, s'est répandue dans toute la ville;
la raison pourquoi je ne suis pas allé à la cour hier,
n'irai demain à la fête du couronnement. M-r de La
ière est revenu avec le grand-duc avant-hier de Gat-
. J'apprends qu' après les fêtes, c'est-à-dire demain, ils

retourneront de nouveau à Gatchina pour y rester jusqu' à la fête de la grande-duchesse. Il vous fait ses compliments et vous exhorte à avoir soin de vous conserver pour vos enfans et de recevoir ce malheureux événement avec la résignation que nous devons aux fâcheux événements qui nous surviennent dans ce monde.

Je désirerais que vous quittez au plus tôt l'Italie et que vous allez à votre poste, où vous trouverez assez d'occupations. Adieu, mon cher Сенюша. J'attends avec impatience de vos nouvelles.

La lettre de change de trois mille roubles a été envoyée par moi à m-rs Tompson et Bonar à Londrer, ainsi que vous l'avez désiré.

17.

1784. S-t Pétersbourg, 22 septembre, au soir.

Quoique je vous ai écrit par le même courrier et j'ai remis le paquet à m-r de Besborodka, vous ayant félicité sur l'ordre de Volodimer et vous ayant envoyé un crachat et le ruban du dit ordre, je vous écris encore par le dit courrier.... Protassow, ayant désiré que je lui donnâsse une lettre pour vous, je vous le recommande comme un homme qui appartient de très près à quelqu'un que vous connaissez depuis longtems. M-r de La Fermière vous salue et vous félicite.

L'affaire du commissariat à été décidée par l'Impératrice il y a quelques jours. M-r. Glébow, Апухтинъ et tous les principaux, qui étaient dans le commissariat, ont été renvoyés de service avec la clause même и впредь къ дѣламъ не опредѣлять, et m-r Glébow, en outre, ne doit pas entrer или въѣзжать въ обѣ столицы и во всѣ мѣста, гдѣ Ея Величество быть изволитъ. La place de намѣстникъ д'Уфа et de Симбирскъ, qu' Апухтинъ avait, vient d'être donnée à m-r *d'-Igelstrom.*

M-r Ribas a quitté le corps des cadets et a été inscrit à l'armée; on lui a donné un régiment. Le prince Repnine a obtenu la permission d'aller dans les pays étrangers et part dans une dizaine de jours. C'est la maladie de sa fille, la princesse Galitzine, qui est attaquée de la poitrine, qui le force

à quitter le pays: les médecins disent que c'est le seul moyen de la sauver, et il n'y a pas de tems à perdre.

Des deux gouvernements de feu mon père, Кострома и Володимиръ, почти всѣ судьи подъ слѣдствіемъ; ибо открылось много разнаго рода взятокъ, о чемъ и доносы были; beaucoup de gens qui entouraient mon père se trouvent impliqués, quoique sa personne en soit exempte, sinon de faiblesse à l'égard de tous ces gens. Vous pouvez concevoir que cela ne m'est pas trop agréable, et c'est une chose que j'avais toujours craint et dont j'ai souvent même averti le défunt.

Je suis au désespoir de ne savoir rien de votre état, mon cher Сенюша. Tirez moi de cette inquiétude en me marquant que vous supportez votre douleur avec patience. Adieu, mon cher ami; embrassez vos enfans. Vous devez vous conserver pour eux.

Je vous envoie copie de l'ukase à l'égard de la promotion de l'ordre de Volodimer.

18.

S-t Pétersbourg, 22 septembere 1784.

vous fais mes compliments sincères sur la croix de Vo-
ier de la seconde classe, dont l'Impératrice vous a ho-
Vous savez qu'on porte l'étoile, et quant à la croix, on
rte sur le cou. Je joint ici le ruban de l'ordre et un
iat. C'est à notre ami m-r de Besborodka à qui nous
vons l'obligation; mais ce qui vous flattera beaucoup,
que m-r de Besborodka m'a dit qu'à cette occasion
ératrice s'était expliquée à votre sujet avec beaucoup de
et d'une manière on ne peut pas plus flatteuse. C'est
ourrier qu'on expédie à Naples qui vous portera cet
.

y a eu trois chevaliers de la première classe: m-r de
e et les deux намѣстникъ de la Sibérie; vos confrères de
conde sont m-r de Saken, m-r d'Arkharoff qui est fait
стникъ à Tver et le gouverneur de Riga le général Be-
ow. Ce dernier a obtenu cette faveur par les bons arran-
nts qu'il a fait en Livonie dont m-r de Broun et moi
nt rendu témoignage auprès du trône, et c'est effective-
un homme de beaucoup de talents et plein de zèle: изъ
выдетъ изъ лучшихъ нашихъ намѣстниковъ; il a eu
en exécutant tout plein de choses, qui étaient des inno-
ns en Livonie, de se faire cependant aimer par eux, et
très-aimé à Riga; mais en échange pas trop bien avec
ocureur-général, qui a pris en grippe toute cette pro-
. Il y a beaucoup de croix de la troisième et 4 classe,

dont je crois inutile de vous parler; il y en a un
classe qui vous fera cependant plaisir: c'est celle
donnée à m-r de Радищевъ, que l'Impératrice a bie
donner à ma recommandation. Il était question auss
grande promotion civile, mais on la remis jusqu'au
novembre.

J'avais marqué tout cela d'après ce que j'ai sû hi
je ne vais pas à la cour n'étant pas sorti de chez m
puis cette lettre de Vienne, qui ne cesse de m'alarme
tant plus que je ne reçois pas de vos nouvelles et d
où vous êtes. La poste d'hier n'a apporté aucune le
Vienne, ni de Venise; enfin je suis dans des transes c
elles sur ce qui vous regarde. Au nom de Dieu, mo
Сенюша, ne vous abandonnez pas au chagrin. J'embra
enfans et suis tout à vous, mon cher ami.

Voici une lettre que le comte de Cobentzel m'a remis
vous. Le courrier qui vous apportera l'ordre est un
de m-r de Protassoff; je vous le recommande.

Политика, qui est auprès du prince de Galitzine, a
petite croix.

19.

S-t Pétersbourg, 27 septembre 1784.

ux lettres de Braïko m'ont confirmé, mon cher ami, la
elle qui nous était parvenue. Si quelque chose peut di-
er l'affliction que je ressens, c'est de savoir vos enfans
portants, comme il me le marque et que vous êtes as-
ien aussi, autant que dans une circonstance comme
là on peut l'être. Je vous conjure de supporter ce fu-
événement avec la résignation que vous devez avoir
les événemens fâcheux qui vous arrivent. Ménagez votre
, elle est très-essentielle pour vos enfans et vos parens
nis. M-r Braïko me marque que vous allez partir pour
Je suis très-charmé que vous quittez au plus tôt Venise,
ıe et les environs; mais je vous dirai même que vous
ous arrêterez pas à Pise longtems et que vous puissiez
plus tôt pour l'Angleterre, afin que les occupations que
y aurez et un autre état des choses puissent contribuer
s dissiper un peu. Je vous exhorte, mon cher Сенюша,
e cela le plus tôt que vous pourrez, et comme le voyage
er par la Hollande en Angleterre n'est pas trop bon au
de novembre ou de décembre, je vous conseille de pas-
ar Calais où il n'y a que cinq ou six heures de trajet.
ıbrassez vos enfans pour moi. J'ai été voir aujourd'hui
beau-père qui est très-affecté de la perte qu'il a faite;
il m'a promis cependant de m'envoyer une lettre pour
dès qu'il sera un peu remis. Adieu, mon cher Сенюша,
ıs embrasse de tout mon coeur.

20.

S-t Pétersbourg, 19 octobre 1784.

J'ai reçu une lettre de vous, mon cher ami, à votre départ de Padoue, vous remerciant de son contenu. Vous ne sauriez me donner assez souvent de vos nouvelles pour me tirer de l'inquiétude où je suis à votre égard.

Votre lettre à m-r de Siniavine lui a été envoyée sur-le-champ, et je vous envoie sa réponse.

J'espère que vous ne vous arrêterez pas à Pise au delà de cinq ou six semaines et que, si votre santé et celle de vos enfans le permet, vous irez d'abord à Londres, où les occupations même que vous y aurez seront une sorte de trève à votre douleur.

Вицъ-канцлеръ, по условію со мною, письма вашего, гдѣ вы проситесь въ отпускъ до Маія, Государынѣ не представлялъ, ибо оно толькобъ напрасную тревогу сдѣлало; а если здоровье ваше не дозволитъ вамъ ранѣе ѣхать въ Англію, то и безъ всякой просьбы вы остаться можете, и я сожалѣю, что такія просьбы, какъ не до дѣлъ касаются, вы прямо къ вицъ-канцлеру пишете, а не ко мнѣ адресуете для подачи ему: ибо, будучи на мѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ, я бы могъ ему такія письма, кои не до дѣлъ касаются, отдать или удержать. Вамъ кажется, можно на меня положиться; а теперь надо было ему въ одолженіе вмѣнить, что письма вашего не представилъ.

Александръ Андреевичъ сдѣланъ Имперскимъ графомъ. Государыня ему позволила сіе достоинство принять и по сему случаю ему весьма милостивое письмо написать изволила.

надѣюсь, что вы потерю вашу сносите великодушно. êtes sûrement privé d'une personne qui ne pouvait que être chère et qui vous rendait heureux; mais enfin, mon ami, nous sommes tous plus tôt ou plus tard assujéttis la. Embrassez vos enfans et croyez moi tout à vous.

21.

S-t Pétersbourg, 24 octobre 1784.

vous ai écrit il y a quelques jours par un de nos cour- et j'attends avec impatience, mon cher ami, d'avoir de nouvelles de Pise. M-r Marutzy m'a dit que vous êtes pour ce pays-là et que vous avez été à Venise pour un Je désire que votre santé se remette et celle de vos ns, et que vous puissiez partir pour Londres où vous serez x qu'en Italie, seulement que votre santé le permette, que celle de vos enfans, car cette considération doit avant les autres. Le voyage de la cour est toujours dé- pour Херсонъ vers le mois d'avril de l'année prochaine, que проскакиваетъ иногда въ Новороссійской губерніи дко чума, такъ какъ и недавно въ одномъ селеніи было. pouvez-vous figurer quels sont les arrangemens qui peu- être въ сей губерніи, развѣ прибытіе двора заставитъ ь лучшія предосторожности. M-r de Marcoff compte par- l'ici vers la mi-novembre. Nous n'avons au reste rien de eau ici. La Fermière, Zavodovsky et m-me Poliansky, que notre nouveau comte, se portent tous bien, et nous voyons assez souvent. Adieu, mon cher Сенюша; je vou- vous savoir bien portant et plus tranquille: печалію потерю не воротишь.

22.

S-t Pétersbourg, 1 novembre 1784.

J'ai appris de m-r Benachi que vous étiez arrivé à Pise, et une lettre de mon cousin à m-r Alopéus lui apprend qu'il va à Florence. J'espère, mon cher Сенюша, que vous commencez un peu à vous remettre et que le climat de Pise contribuera aussi à afferhir l'état de votre santé et celui de vos enfans que j'embrasse de tout mon coeur. Vous devez penser à votre conservation pour votis-même, et certainement toutes les douleurs et afflictions ne vous rendront pas ce que vous avez perdu.

Je voudrais aussi, si l'état de votre santé et celui de vos enfans peut le permettre, que vous vous acheminez à votre poste, et partant de Pise, si cela est possible, vers la fin de janvier, le séjour de Londres, les occupations que vous y aurez, pourront remplir une partie au moins le vide que vous devez avoir. Je ne dis rien pour affaiblir votre douleur, vous avez toutes les raisons certainement pour être pénétré de la perte que vous avez faite; mais enfin cela n'est plus à réparer, mon cher ami.

Le voyage de *Cherson* commence à être un peu douteux, et je vous avoue que je serai très-charmé s'il n'aurait pas lieu; car à l'âge de l'Impératrice et le germe de maladie qui règne

toujours dans cette province, il y a réellement du risque, et je ne peux pas me faire à l'idée de ce que nous deviendrons si nous avions le malheur de la perdre; mais, grâce au Ciel, elle jouit d'une bonne santé, et, à moins de quelques voyages comme cela, il n'y à pas le moindre risque.

Mon oncle m'a envoyé la lettre ci-jointe, telle qu'elle est, que je vous envoye. Nos amis et parents se portent bien. Nous parlons de vous très-souvent avec Заводовскій, il vous est très-attaché; j'ai aussi à me louer beaucoup de lui. Le comte de Bosborodka, qui continue toujours à être de nos amis, a été un peu incommodé, mais il se remet. C'est la suite de quelques dîners. Adieu, mon cher Сенюша. Embrassez vos enfans.

23.

С.-Петербургъ, 12 Ноября 1784.

Je vous aurais bien grondé, mon cher Сенюша, si pour avoir le tems sur l'abattement où je vous vois sur un événement certainement malheureux, mais auquel enfin nous sommes tous destinés, si vous n'avez plus rien au monde qui puisse vous attacher, nous avez au moins deux enfans auxquels vous vouz devez. Je ne réponds point à ce que vous me dites à leur sujet: en les recommandant à moi, je crois qu'il devrait être sous-entendu que vos enfans sont les miens. Au reste, quant à l'église de Mourino, je vous dirai que mon intention est certainement d'en bâtir une cette année; on a commencé à faire de la brique. Я желаніе ваше въ постройкѣ церкви охотно исполню; но не можетъ мнѣ пріятно быть все то, чтò по сему случаю васъ меланхолически заставило говорить. Adieu, mon cher Сенюша. Je vous écrirai plus au long au premier moment de loisir.

24.

S-t Pétersbourg, 16 novembre 1784.

i eu la lettre que vous avez écrite au sujet de Benachi. de Besborodka, à qui j'en ai parlé amplément avant qu'il ait reçu votre lettre, mais après celle que vous ez écrite au sujet de ce consul, il m'a dit qu'il ne deman- pas mieux que de le faire nommer consul-général, ainsi vous le désirez et lui faire même un traitement un peu avantageux que celui qu'il a actuellement; mais quant croix de Vladimir, c'est une chosė entièrement impos- puisqu'elle ne se donne pas pour décorer quelqu'un: il toujours qu'on présente le sujet aux chapîtres et qu'on ourquoi. Ainsi ce n'est que par la suite du tems que ce- ourrait se faire à l'égard de son avancement. Cela pourra lieu aussi по времени, а не теперь; онъ недавно, какъ Александръ Андреевичъ сказываетъ, былъ порутчикомъ. reste, vous pouvez être persuadé que m-r Besborodka ne ande pas mieux que de faire quelque chose qui vous est able, et que je ne négligerai rien pour l'y porter.

ne saurais m'empêcher de vous représenter sur la né- té qu'il y a pour la conservation de votre santé que vous ez trève à votre douleur. Je suis très-convaincu que vous fait une perte incurable, que vous devez y être sensible; enfin, si vous n'avez plus rien qui vous attache au monde,

vous avez au moins des enfans auxquels vous ne pouvez qu'-être nécessaire et auxquels vous vous devez par les liens possibles et tout au moins autant qu'à la personne que vous avez perdue; d'ailleurs, les chagrins et l'abattement ne vous pourront plus la rendre. A l'égard de l'église à bâtir à Mourino, c'est une chose que je ferai, vous pouvez en être assuré, et on a commencé cette année à préparer de la brique, ce qu'on fera encore l'été prochain.

J'ai appris de Braïko que m-r de Zinoview avait passé Venise et qu'il est allé à Pise. Je suis charmé qu'il vous regagne; j'espère qu'il contribuera aussi à vous dissiper un peu; mais les affaires et les occupations y contribueraient beaucoup. C'est pourquoi je vous exhorte, mon cher Сенюша, autant qu'il est possible et que l'état de votre santé et celle de vos enfans peut le permettre, de partir pour l'Angleterre à la fin de janvier; ce voyage jusqu'à Calais prendra toujours près de deux mois de tems, et vous pourrez passer la mer à la fin de may. Je voudrais que vous passiez la mer à Calais; c'est un très-petit passage.

Je vous prie de rendre la ci-jointe à mon cousin que je remercie de toutes ses amitiés pour vous. Vous savez l'équipée des Hollandais. Cette affaire sera, je crois, difficile à arranger, et l'Empereur s'est trop avancé pour pouvoir digérer l'insulte qu'on a fait à son pavillon; il a ordonné à m-r de Neichal de quitter la Haye et il envoye beaucoup de troupes dans les Pays-Bas. Notre cour exhortera les Hollandais à faire des avances pour terminer les affaires à l'amiable; mais je ne crois pas que ces exhortations puissent produire beaucoup. Je suis dans l'idée que non seulement la guerre entre l'Empereur et les Hollandais est inévitable, mais qu'elle finira même

être générale. La France et le roi de Prusse prendront et cause pour la Hollande, et si notre voisin bouge, il ít que nous ne pourrons pas nous dispenser d'y prendre aussi.

voyage de Cherson est remis à l'année 1785, c'est-à-à l'hiver de l'année prochaine, et peut-être qu'alors il ra pas lieu aussi; je suis très-aise qu'il est retardé.

vous ai marqué que j'ai envoyé à Londres à mrs *oson et Pieters* les trois mille roubles qui vous étaient le la maison pour cette année; ils m'ont écrit qu'ils vous envoyé pour être endossé. Marquez-moi ce que je dois avec les revenus de l'année 1785, savoir: 6300 dont sommes convenus et deux mille en sus, qui fera en tout mille trois cent, outre l'argent de la terre de *Псковъ.* -il vous en envoyer une partie en Italie ou que vous rouviez à Londres? Je vous prie de m'écrire sur cela eé 1785.

spère que les dettes de mon père seront acquittées aussi; revenu s'augmentera aussi à proportion, quoique au comme vous dites, ихъ больше нашлось и открывается, сначала думали. Въ Воронежѣ, по требованію Тамбов-Палаты, должно было заплатить двѣ тысячи, и въ Во-ıерѣ, и здѣсь вновь открывается mille autres embar-dont je ne veux pas vous fatiguer, mais qui ne laissent que de me donner beaucoup de chagrin.

l'égard de sept cent roubles *d'оброкъ* qui se prenait de la de ma belle-soeur, mon avis serait à commencer par année de les placer tous les ans à la banque en accu-nt les intérêts; ce qui à l'âge, où cette fille serait à ma-ferait déjà une somme au delà de vingt mille roubles,

считая проценты на проценты и внося всякой годъ оной оброкъ въ банкъ. Ainsi vous et moi, si nous vivions alors, nous pourrions y ajouter encore une vingtaine de mille roubles, et votre terre de Псковъ que m-r le comte Michel pourrait céder à sa soeur.... et m-r Michel aurait les terres de la famille. Marquez-moi ce que vous pensez sur tout cela; je m'intéresse beaucoup à m-r Michel et j'espère qu'il sera le second Michel de la même race, qui fera honneur à la famille.

Аркадій Ивановичъ Морковъ partira pour la Suède au commencement de décembre; j'espère qu'on l'avancera avant. Ma soeur vous salue, elle a été hier chez moi. La Fermière et Zavodovsky en disent autant. Adieu, mon cher Сенюша. Au nom de Dieu, ne vous abandonnez pas au chagrin.

25.

S-t Pétersbourg, 18 novembre 1784.

Je vous ai écrit fort amplement par le dernier courrier que est parti pour Vienne et aussi par la dernière poste, de manière que je n'ai rien à y ajouter, mon cher ami, que de vous exorter à supporter votre malheur avec résignation, d'autant plus que vos douleurs, en affectant votre santé, ne répareront pas la perte que vous avez faite, et que votre conservation, outre qu'elle est nécessaire à vos amis, elle est très-essentielle pour vos enfans, à qui vous vous devez. A l'égard de l'église à bâtir à Mourina, je vous ai déjà marqué que n'ayant pas perdu de vue cet objet et commençeant même à rassembler des matériaux pour cela, je travaillerai encore plus depuis que vous m'avez marqué le désirer. Vous n'avez même qu'à me faire faire un plan pour cette église en Italie et me l'envoyer par quelque occasion. Il faut observer seulement, что она должна быть на Востокъ такъ, какъ всѣ Русскія церкви, и притомъ чтобъ и колокольня была при томъ же строеніи; впрочемъ надо, чтобъ все строеніе было неогромно.

26.

S-t Pétersbourg, 22 novembre 1784.

Je vous écris presque chaque poste et toujours la même chose, mon cher ami; c'est de ne pas vous chagriner et de vous conserver pour vos enfans et vos amis. Ce qui est fait est fait: aucune douleur, ni abattement ne pourra pas réparer ce que vous avez perdu.

J'espère que vous prendrez avec vous le fils aîné de m-r de Bakounine.

M-r de Mordvinow est parti pour l'Italie. Notre ami Zavodovsky vous a écrit par lui. Hier, jour de fête du régiment de Sémionovsky, l'Impératrice a fait le maréchal Romantzow lieutenant-colonel des gardes à cheval et Н. И. Солтыковъ lieutenant-colonel du régiment de Sémionovsky.

Au reste, tous nos parens et amis se portent bien.

27.

S-t Pétersbourg, 25 novembre 1784.

Je vous envoye la liste des avancements qui ont été fait hier, et vous verrez, mon cher Сенюша, avec plaisir que l'Impératrice a eu la bonté de me faire conseiller privé actuel. Cette nouvelle marque des bontés de l'Impératrice m'a extrêmement touché. Le grand-duc m'a beaucoup parlé

ous hier et parut prendre un intérêt très-marqué à votre et à la perte que vous avez faite. Voici une lettre de soeur que j'ai oublié de vous envoyer encore la poste ée. Nous sommes toujours dans l'attente de la tournure prendront les affaires de Hollande. Si elles ne s'accommodent pas pendant l'hiver, je crois que cela nous amene une guerre générale, et quoiqu'on dise que le roi de se est vieux, qu'il ne veut que la conservation de la paix, e semble que pour peu que la France l'y porte, il ne andrait pas mieux que de prendre fait et cause pour la ande; mais dans ce cas-là je crois que nous ne resterons les bras croisés aussi. Adieu, mon cher Семюма. Je vous exe à partir le plus tôt que vous pourrez pour Londres, c'estre de quitter l'Italie vers la fin de janvier. Je suis peré que cela contribuera à vous dissiper de votre douleur. de Simoline doit avoir bientôt l'ordre d'aller à Paris sans dre même votre arrivée. Il laissera Lisakevitz chargé affaires; mais à cette occasion l'Impératrice a eu la bonté ire qu'il ne fallût pas vous gêner et vous laisser au conte le tems de vous remettre; malgré cela, je crois que si santé et celle de vos enfans peut le permettre, que feriez bien de quitter l'Italie avant la fin de janvier.

28.

S-t Pétersbourg, 30 novembre 1784.

vous ai écrit toutes ces dernières postes, mon cher ami, tre cela par un de nos courriers qui est parti pour Vienet ensuite par un qui était envoyé par m-r de Cobentzel. ce dernier vous aurez été informé de la promotion qu'il

y a eu le 24 et que j'ai été fait conseiller privé actuel. Les lettres que je reçois de vous me causent un chagrin infini, voyant l'abattement où vous êtes. L'Impératrice a ordonné de faire des nouvelles représentations très-fortes aux Venetiens en faveur de m-r de Mocénigo. J'espère que l'affaire de Benachi ne tardera pas non plus. Vous m'avez parlé du fils aîné de m-r de Bakounine dont vous n'êtes pas content. Je ne vous ai pas répondu en détail, puisque vous avez autre chose à faire dans la malheureuse circonstance où vous étiez que je vous bombarde sur cela. Je le fais donc à présent espérant que vous êtes un peu plus tranquille ou du moins que vous le serez lorsque vous recevrez cette lettre. Qu'il soit un peu vain ou qu'il ne se soit pas assez appliqué, c'est toujours notre pauvre parent: c'est le fils d'Анна Сергѣвна *) que vous avez toujours aimé. Son père a été de tout tems attaché à notre maison, et je ne puis que lui rendre cette justice qu'il l'est très-fort même à présent. Je ne saurais donc m'empêcher de vous recommander très-particulièrement Павелъ Петровичъ, comme notre proche parent et le fils d'un homme qui a eu de tous tems des liaisons très-étroites avec vous et moi. Je vous prie donc de le traiter d'après cet exposé et de le prendre avec vous à Londres, s'il faut qu'il part. L'amitié même que vous avez pour son père doit vous engager à le reprendre, mais en particulier, avec l'intérêt d'un parent, outre que vous y serez porté de vous-même. J'espère que vous aurez cette complaisance pour moi. J'ai appris que le fils de m-r Mocénigo, которой и не такъ уменъ какъ отецъ его, а сверхъ

---

*) Эта Анна Сергѣевна, супруга П. В. Бакунина, была двоюродная сестра братьевъ граѳовъ Воронцовыхъ, по своей матери Прасковьѣ Ѳаріоновнѣ Татищевой. П. Б.

того дурнаго поведенія, его во многія дурачества вводилъ, а все оное слышалъ, не подумайте, чтобъ отъ Петра Васильевича; я о сей матеріи и не говорилъ, но отъ одного изъ... къ кому о семъ писано изъ нашихъ служащихъ при Италіянскихъ миссіяхъ, и я тому показывалъ письма; сказалъ еще, чтобъ онъ П. В. сего письма не показывалъ.

A l'égard de l'église de Mourino vous pouvez être assuré qu'elle sera bâtie; vous n'avezqu'à en faire faire un plan en Italie, et envoyez le moi par quelque bonne occasion. On pourrait faire préparer aussi un mausolé qui pourrait être commandé à Carrara et dont je me chargerai des frais. О сестрицахъ покойницы croyez, que je ne demande pas mieux que de pouvoir leur être utile, но во фрелины я не вижу возможности, а развѣ такъ взять во дворецъ, какъ адмирала Сухотина дочь тамъ живетъ; о чемъ я и переговорю съ Алексѣемъ Наумовичемъ, сколь скоро черезъ рѣку можно будетъ ѣздить.

Il y a aujourd'hui un an que nous avons perdu mon père. Tous vos amis se portent bien. П. В. Заводовскимъ я крайне доволенъ; онъ никогда со мною такъ искренно и дружески не обходился, какъ съ годъ тому. Quant à Александръ Андреевичъ, je ne vous en parle pas: vous savez combien j'ai eu de marques et de son amitié et de sa confiance, et il n'y a pas de jour qu'il ne m'en donne de nouvelles preuves.

29.

S-t Pétersbourg, 4 décembre 1784.

La dernière poste ne m'a rien apporté de vous. J'espère cependant, mon cher ami, que votre santé est bonne et que petit à petit vous commencez à vous faire à votre malheur. Vous avez déjà reçu le courrier qui vous a été envoyé avec l'ordre de Volodimer, car nous savons déjà qu'il a passé Rome.

On presse extrêmement Simoline d'aller à Paris, puisque les affaires même l'exigent. Par la même raison je crois qu'on vous pressera aussi dans trois ou 4 semaines d'ici d'aller à Londres. Les affaires avec les Hollandais ameneront, selon toutes les apparences, une grande querelle, et alors vous concevez combien les postes de Paris et de Londres seront intéressants. Je crois donc qu'il faudra absolument que vous quittez Pise à la fin de janvier.

Je vous prie de me marquer si vous consentirez à avoir auprès de vous à Londres notre neveu de Boutourline. Le père lui donnera deux mille roubles par an pour son entretien; il a besoin d'être tiré d'ici, et je voudrais extrêmement qu'il fût sous vos yeux. Je vous prie de me marquer, si vous y consentez.

30.

6 décembre 1784.

e vous écris toutes les postes, quoique souvent sans avoir ı d'intéressant à vous dire. Il y a trois postes que je n'ai eu de vos nouvelles. J'espère cependant que vous vous tez bien, ainsi que vos enfans, et que vous continuez à ıs remettre un peu.

Je vous ai marqué à différentes reprises qu'on désire que r de Simoline aille à P. au plus tôt, après quoi il faut aller cette poste. Je vous prie donc, mon cher Сенюша, de faire sorte que vous puissiez quitter Pise et l'Italie avant la de janvier et vous pourrez alors passer la mer par Calais s la fin de mars. J'espère que la santé de vos enfans vous mettrait d'entreprendre ce voyage; le séjour de Londres ıs fera du bien, et vous et vos enfans pourront y être mieux gné, et, quant à vous, mon cher ami, les affaires même conbueront à vous dissiper. J'attends de vous pour savoir où je s faire passer vos revenus pour l'année 1785. Vous pouvez npter sur 8300 roubles, ainsi que vous l'avez reçu cette née outre les sept cent roubles de la terre de *Луна*; quant ces derniers, j'attends vos ordres pour les prendre et en re l'usage que je vous avais conseillé afin de les placer s les ans dans la banque Ce sera un commencement de pital *pour Katinka*, lorsqu'elle sera grande.

Vous aurez au printems les bougies que vous avez demandé, si vous pourrez déclarer à votre arrivée à Londres que

vous les attendez; ainsi, comme première entrée, ils ne payeront pas de droits.

Marquez-moi aussi si vous n'aurez pas besoin de quelques domestiques, je pourrai vous en envoyer par mer.

Le comte Ivan Soltikow est parti à part aujourd'hui pour le gouvernement de Wolodimer: il y a beaucoup de слѣдствій dans le gouvernement, ainsi que dans celui de Kostroma; tous les auteurs de mon père y sont mêlés, и даже до Ивана Романовича Ронцова. Outre ce désagrément il se découvre tous les jours des nouvelles prétentions. J'ai payé à Тамбовъ près de deux mille roubles et ici à Volodimer trois mille roubles de plus que je ne comptais, de manière que ces dettes ne sont pas de vingt mille roubles, comme je vous l'avais annoncé, mais au delà. Cependant j'espère toujours que dans le courant de 1785 et 1786 tout sera payé, et vous aurez l'année 1785—8300 et pour l'année 1786 peut-être même un peu plus et par la suite je crois que nous pourrons avoir chacun 12 à 14 mille r. de revenus de nos terres, ce qui me paraît assez honnête et, quant à moi, avec mes appointements, plus même que je n'en ai besoin.

P. S. Je vous écris au sujet du jeune Boutourline et j'attends votre réponse sur cet article. Ce serait une charité que de le tirer d'ici et, quant à moi, je voudrais bien que vous vous chargiez de l'avoir à Londres sous vos yeux; son père lui donnera deux mille d'entretien.

31.

S-t Pétersbourg, 14 décembre 1784.

me la grande-duchesse a accouché hier vers les cinq
s du soir d'une princesse qui a été nommé Hélène. Elle
nouvellement née se portent aussi bien qu'on peut le
er.

ant-hier le grand-duc Alexandre, ayant eu sept ans, a
pour la première fois les félicitations des gens du pays
s ministres étrangers; il a quitté aussi l'habit qu'il por-
et a pris l'habillement français.

Fermière, Zavodovsky vous saluent et se plaignent de
u'ils ne reçoivent pas de vos lettres, et voici trois postes
je n'en ai pas reçu non plus. L'Impératrice m'a deman-
vant-hier de vos nouvelles, de vos enfans et si vous êtes
re à Pise. J'ai dit que vous quitterez Pise dans le mois
anvier. J'embrasse vos enfans et leur père, et le prie de
énager et de se conserver pour eux.

32.

S-t Pétersbourg, 18 décembre 1784.

J' avais été trois postes sans avoir de vos nouvelles; mais, à ma grande satisfaction, je viens de recevoir votre lettre de 20 novembre, voyant avec beaucoup de joie que vous vous portez bien ainsi que vos enfans, que j'embrasse, et que vous avez auprès de vous m-r de Zinoview, à qui je vous prie de faire mes compliments; sa présence contribuera, à ce que j'espère, à vous dissiper un peu.

Quant à la lettre que vous avez écrite au vice-chancelier et dont vous m'avez envoyé copie, je ne puis qu'en être fâché: il ne l'est nullement attiré. Vous étiez assez au fait du train des affaires ici pour savoir qu'encore du tems de m-r de Panine il a été prescrit que toute lettre écrite à nos ministres dans les cours étrangères qui l'écrit отъ управляющаго иностраннымъ департаментомъ, должно прежде на апробацію быть вэнесено; сверхъ того при возвращеніи поста, если не дано повелѣнія отсутствовать или не дано какой резолюціи, то и концепта на апробацію не заготовляется. Сей порядокъ былъ при васъ, и вамъ его нельзя было не знать; по денежнымъ же дѣламъ надо получать повелѣнія, потомъ оныя жъ къ Вяземскому сообщить и сумму отъ него ассигнованную получить. И такъ и немудрено, если не скоро векселя платятся или деньги пересылаются; все оное впрочемъ и не стоило того, чтобъ къ вицъ-канцлеру такое письмо писать, тѣмъ паче, что онъ къ вамъ и къ памяти покойнаго дядюшки всегда доброжелателенъ, также и со мною живетъ

ки и недавно еще, когда вы писали, чтобъ до Маія не
въ Англію, что̀ бъ здѣсь не понравилось, онъ имѣлъ
о сіе письмо у себя удержать.
вы будете съ такимъ тономъ съ нимъ переписку
то вы напрасныя только непріятности себѣ на-
; ибо всегда тотъ, кто управляетъ департаментомъ,
ыветъ что имъ управляетъ, заслуживаетъ нѣкотораго
ія отъ тѣхъ, кои по службѣ съ нимъ переписываться
. Съ последнею почтою другой бы министръ въ правѣ
ъ вамъ примѣчаніе сдѣлать, ибо письмо ваше изъ
ъ вицъ-канцлеру о какомъ-то лекарѣ Венеціянскомъ,
го вы съ такимъ жаромъ рекомендовали съ Англин-
по вашимъ представленіямъ сюда выписанъ; а теперь
инако пишете, и сіе письмо ваше и старое я самъ
. Оно никѣмъ не подписано; и такъ по догадкамъ.
только думать, что оно отъ васъ.
елаю искренно, чтобъ вы въ дѣлахъ такъ не горячи-
считаю долгомъ дружбы вамъ о всемъ томъ пред-
ь. M-r de Zavodovsky, à qui j'ai montré votre lettre,
sagé la chose sous le même point de vue. Ma soeur et
rmière vous saluent. La grande-duchesse et l'enfant
u-né se portent bien; le baptême se fera Dimanche.
mon cher ami.

33.

S-t Pétersbourg, 26 décembre 1784.

J'ai reçu plusieurs de vos lettres et j'ai remis les incluses qui y étaient jointes. Je vois avec un vrai chagrin que vous êtes toujours encore saisi de la perte que vous avez faite, et j'avoue que la descriptiou même du chagrin, qui vous ronge, est accablant pour ceux qui vous aiment. Je ne vous dirai rien sur tout cela, mais j'espère que la raison, le tems et l'amour que vous avez pour vos enfans, vous feront revenir à des idées plus modérées et vous persuaderont qu'il convient que vous viviez et que vous ménagiez par conséquent votre santé.

Votre lettre de remercîment pour l'Impératrice lui a été présentée par m-r de Besborodka, et S. M. l'a reçue avec bonté. Nous avons eu Dimanche le baptême de la petite duchesse. Or, m-me Daschkoff, qui a porté, a eu pour présent le portrait de l'Impératrice en diamants. Il y a à cette occasion une grande promotion dans l'état civil: mrs Beck et Dahl ont été fait conseiller d'état actuel. La promotion a été très-nombreuse. Il y a eu aussi cinq gentilhommes de chambre, savoir: le prince Dolgorouky, gendre de m-r de Bakounine, le prince Lobanow, le comte Pouchkine, fils de la soeur de m-r Kamensky, le prince Щербатовъ, neveu du grand-veneur et m-r de Narischkine, neveu du prince Repnine. Au reste, tout est ici tranquille. Bien de compliments de ma part à m-r de Zinoview, et embrassez vos enfans et le père aussi.

Je suis extrêmement occupé; mais je vous écrirai la poste prochaine.

34.

S-t Pétersbourg, 17 janvier 1785.

Je dois répondre à plusieurs de vos lettres, mon cher ami, et je vous demande mille pardons de ne pas m'en acquiter même aujourd'hui étant extrêmement occupé dans ce moment-ci; mais je le ferai immanquablement la semaine prochaine. Excusez-moi aussi vis-à-vis de m-r de Zinoview, auquel je n'ai pas encore répondu, et remerciez-le de ma part pour les deux lettres que j'ai reçues de lui et lesquelles m'ont fait un sensible plaisir. Il m'a réellement obligé, et je ne saurais assez lui en témoigner mes remercîments.

M-r de Mocénigo sera content: il va être fait ministre plénipotentiaire à Florence avec sa mille r. d'appointements; c'est une affaire déjà décidée, et vous pouvez l'en féliciter, en lui disant cependant que pour en écrire ici ou en parler en Florence, il doit attendre que cela lui fût annoncé par m-r le vice-chancelier ou le c-te Besborodko. A compte de ces revenus particuliers pour l'année 1785, j'ai déjà donné trois mille roubles à l'intendant et puis une lettre de change payable à vu à un change très-avantageux, puisque c'est à 40. Je garde cette lettre chez moi pour vous l'envoyer à Londres vers le tems que je croirai que vous pouvez y être, et pour le mois de juin j'aurai soin que vous ayez outre cela encore cinq mille roubles, ce qui fera huit que vous recevrez de la maison pour

l'année 1785 et le revenu de la terre de feu ma belle-soeur. J'attends votre réponse pour savoir ce qu'il faut en faire, puisque je ne sais si vous agréerez la proposition que je vous en ai faite.

Votre beau-père s'est prêté à ma demande au sujet du portrait; il me l'a envoyé, et je vous l'enverrai à Londres; il est très-ressemblent; mais avant que de l'envoyer en Italie, je trouve que c'est plus sûr de le garder chez moi, et ensuite je l'enverrai à Londres.

Il y a une grande augmentation de résolu dans notre état militaire, et c'est assez si l'on pas le nombre de régiments qu'on augmente, mais leur force; ils seront tous de trois bataillons et le nombre de régiments de grenadiers, qui seront nouveaux, il y aura 10 régiments de grenadiers à 4 bataillons chacun.

35.

S-t Pétersbourg, 3 février 1785.

Je vous ai envoyé, mon cher ami, la poste passée, une lettre de crédit de quatre mille florins sur Francfort que j'ai pris de Suterland et le restant de ce qui vous revient de la maison pour cette année, outre les trois mille roubles que j'ai déjà pris en lettre de change et que j'enverrai à Londres pour le tems que vous pouvez y être. Je vous enverrai, dis-je, le restant vers le mois de juin ou de juillet. Le portrait vous sera envoyé à Londres, il est chez moi. Je vous prie d'être persuadé que toutes vos commissions je les ferai avec le plus grand plaisir et je ne vous demande en retour que de ménager votre santé et de tâcher de modérer votre douleur de chagrin et l'abattement. Je vous remercie de votre dernière lettre. Il me paraît qu'elle a été écrite dans un moment où vous avez été plus tranquille, et elle m'a fait grand plaisir. Je vous remercie de la part que vous avez pris à mon avancement

A l'égard de Braïko, je l'ai beaucoup recommandé à m-r Krudner à son départ d'ici, et je viens de nouveau de lui écrire sur cela; je crois que Braïko sera content de lui; d'ailleurs m-r de Krudner est d'un caractère fort doux, et tous ceux qui ont été auprès de lui, sont fort aimés; je ne fais aucun doute qu'ils ne vivent bien ensemble.

Embrassez vos enfans pour moi. Je vous marque que notre neveu Daschkoff est ici depuis quelque tems; le séjour, qu'il a fait dans l'intérieur du pays, lui a fait beaucoup de bien; il s'est aussi fort attaché au service et à son régiment. Il me

paraît même que plusieurs idées anglaises, assez
ici, sont sorties de sa tête, et c'est quoi, je vous avou
sister le bon esprit.

Je dois réponse à quantité de vos lettres, mon
mais je suis accablé d'affaires, et outre cela j'ai mé
de dissipations, car je me suis trouvé entraîné, Dieu
ment, à être plus répandu que je ne l'étais autre
serez étonné d'apprendre que je fais souvent mon
et à un bal de ville.

Vos dernières lettres m'ont fait, mon cher Сеню
grand plaisir, voyant que vous commencez à ê
plus tranquille; vous ne saurez croire la satisfaction
me cause.

Voici un crédit de quatre mille florins d'Holla
vous envoie sur Franfort et où vous pouvez toucher
vous trouverez en outre pour votre arrivée à Lo
mille r. à un change de 40 florins que j'ai déjà
par Suterland. La lettre de change est chez moi,
l'enverrai quand je vous croirai d'après mes calc
à Londres, et au mois de juin vous aurez encore
roubles, ce qui fait avec le crédit de Francfort
de huit mille roubles que vous aurez reçu pour l'a
ce qui fait tout ce qu'on peut vous faire passer c
Je suis charmé que vous approuvez mon idée au s
venu de la terre de ma belle-soeur: cela fera un
tal honnête, lequel sera grand avec la terre, et en
encore une cinquantaine de mille roubles, cela fe
honnête et sans faire tort à m-r Michel, qui, j'espè
plus pauvre que son père et son oncle; du moins
fort bon.

Письмо неизвѣстнаго лица изъ Петербурга въ Вѣну.

(5 Января 1762 года).

...лостивый государь мой, графъ Александръ Романо-...

...должность я себѣ почитаю всепокорнѣйше донесть ...му сіятельству, что его сіятельство канцлеръ, будучи ...которого времени болѣнъ, возымѣлъ вчера по полудни ...кой припадокъ, отъ котораго приведенъ въ несостоя-...правлять дѣлами. Сей припадокъ состоялъ, какъ и ...ій, въ астмѣ и спазмахъ, отъ которыхъ занималось ...іе съ немалымъ при томъ жаромъ. Теперь уменьшился ...лько жаръ, и тѣмъ прошла вся опасность, а особливо ... пусканія крови изъ руки.

...илагаю при семъ два печатныхъ экземпляра описанія ...чинѣ покойной государыни императрицы, да одинъ о ...щемъ траурѣ, также указъ о новопожалованныхъ.

...ilà, mon cher comte, toutes les nouvelles que je puis ... donner pour le moment; j'ajouterai seulement que s. e. ...e chancelier se trouve beaucoup soulagé depuis sa sai-... Dieu lui conservera la santé, je n'en doute pas, car ...est trop nécessaire dans le moment présent Le comte ...e Chouwalow va partir; on dit que ses jambes sont ... devenues toutes froides et que le pouls s'est interrompu,

voilà de mauvais symptomes. Le comte Pierre *).... va être décoré de l'ordre de S-t André; Sa Majesté en a déjà envoyé les marques à m-r le chancelier qui vous seront adressés par le premier courrier de Vienne. S'il arrive qu'avant votre départ de Vienne on vous apporte quelques paquets d'ici au cachet du chancelier à l'adresse du prince Galitzine: ouvrez-les hardiement, monsieur, au cas que le prince ne fut pas encore à Vienne.

M-r Keitz va demain avoir l'honneur de présenter à S. M. le corps des marchands anglais.

Aimez-moi toujours, mon cher comte, et croyez que je suis tout à vous.

Ce 5 janvier.

J'ai ouvert exprès le paquet pour ajouter que vos lettres, monsieur, ont été remises ici sous les № 74, 75, 76, 77 tant par le courrier autrichien que par celui de m-r Chouwalow, qui a expiré hier à quatre heures après midi.

Sa Majesté a témoigné être fort satisfaite de vos relations, qui lui ont été présentées les premières. Venez, mon cher comte; pressez-vous de venir et comblez mes désirs.

---

*) Имя не разобрано; говорится, должно быть, о графѣ П. Г. Чернышовѣ.
П. Б.

...ьмо графа А. Р. Воронцова къ Тамбовскому епископу Ѳеодосію.

Москва, отъ 14-го Іюля 1775 года.

...реосвященнѣйшій владыко, милостивый государь мой.

...исьмо вашего преосвященства, пущенное минувшаго ...ота отъ 31 числа сего года, я имѣлъ честь получить, за ..., а особливо за перемѣну въ Саранской нашей вотчинѣ ...ѣ Спасскомъ (Иса тожъ) нарушившихъ во время быв...го тамъ Пугачевскаго возмущенія свою должность поповъ ...ричетниковъ, покорную мою приношу благодарность. А ...ще къ вашему преосвященству по притчинѣ чинимыхъ ...одящимся въ Танбовской нашей вотчинѣ слободѣ Алабу...ъ попомъ Антономъ Ивановымъ разныхъ званію его про...ныхъ поступковъ имѣю просьбу; въ какой же она силѣ ...тоять будетъ, оное податель сего означенной слободы ...шей управитель Власовъ вашему преосвященству доне...ъ, что̀ покорно прошу терпѣливо выслушать и въ прось... его разсмотрѣніемъ и резолюціею вашего преосвященства ...вольствовать не оставить, чѣмъ крайне меня одолжить ...олите. Имѣю честь быть навсегда

Вашего преосвященства
покорный и вѣрный слуга
Г. Александръ Воронцовъ.

Два письма графа А. Р. Воронцова къ графу Н. И. Панину.

1.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Естьлибъ не самая необходимость меня принуждала, конечно не трудилъ бы я ваше сіятельство новымъ прошеніемъ, о коемъ распространился я довольно въ канцелярскихъ письмахъ сего дня. Но, на благосклонность вашего сіятельства совершенно полагаясь и на безпрерывные знаки вашей ко мнѣ милости, конечно остался бы я здѣсь долѣе, хоть и безъ всякой видимой пользы. Однакожъ, по признанію докторовъ, которымъ извѣстно мое сложеніе, совѣтовано, по несходству онаго съ здѣшнимъ климатомъ, стараться оной перемѣнить. Сверхъ того четырелѣтнее мое пребываніе въ Голандіи, какъ вы и сами, милостивый государь, знать изволите, принесло ли мнѣ какую пользу? Что̀ же можно ожидать и отъ дальнѣйшаго моего здѣсь недѣйствія, кромѣ того, чтобы совсѣмъ отъ дѣлъ отвыкнуть? Позвольте, милостивый государь, полагаяся на толь многіе опыты дражайшей вашей милости, изъясниться предъ вами, какъ бы я то учинилъ передъ покойнымъ моимъ дядею, котораго мѣсто въ разсужденіи меня вы одни теперь замѣнить можете. Уже седьмой годъ, какъ служу я министромъ. Имѣлъ ли я, милостивый государь, какое награжденіе или выгоды, кромѣ безпокойствъ и довольно частыхъ выговоровъ, которые, натурально, трогая человѣка нѣсколько чувствительнаго, не думаю, чтобъ и не произвели какого дѣйствія, вреднаго его здоровью, какъ то и случилось во время пребыванія моего въ Англіи? Правда, сколь скоро ваше сіятельство начали

править дѣлами въ отсутствіи покойнаго дяди моего, то и въ коллегіи начали имѣть въ разсужденіи меня болѣе снисхожденія. Потомъ, небезъизвѣстно вамъ, сколь неожиданнымъ и внезапнымъ отзывомъ изъ Англіи былъ я принужденъ раззориться; однако не отчаяваюсь, что заблагоразсудятъ принять сіе въ уваженіе и со временемъ наградятъ мои убытки. Покойному Гроссу и мнѣ дано тогда по 1000 рублевъ для переѣздки, чтò обыкновенно и повѣреннымъ въ дѣлахъ дается; однако получилъ онъ потомъ 5000 рублевъ въ удовлетвореніе, а мнѣ дано, и то милостивымъ вашего сіятельства старательствомъ, шесть мѣсяцевъ спустя, 2000 рублевъ. Но я не менѣе чувствую вашего сіятельства благодѣянія, тѣмъ болѣе, что я совершенно увѣренъ, что естьлибъ то зависѣло единственно отъ вашей ко мнѣ благосклонности, то бы и меня не различили въ семъ случаѣ отъ г. Гросса. Во время сей моей службы, въ которой старался я никому не уступать изъ моихъ сверстниковъ, въ одинъ день пожалованныхъ, всѣ награждены, повышены и имѣютъ отмѣнные знаки монаршаго удовольствія въ разсужденіи ихъ службы. О семъ упоминаю не для того, чтобы хотѣлъ я тѣмъ трудить ваше сіятельство; ибо конечно не могу весьма обрадованъ быть полученіемъ того, чѣмъ сверстники мои пять лѣтъ уже пользуются, а мнѣ бъ оное почтено было великимъ. Но всякая наружность которая бы мнѣ подать могла способъ ласкаться, что Ея Императорское Величество службою моею изволитъ быть довольна, не инако, какъ много обрадовать меня могла бъ. Излишно бъ было утруждать ваше сіятельство и примѣтить вамъ, что молодшіе меня при торжествѣ коронаціи въ прошломъ году произведены тайными совѣтниками, которые еще не были дѣйствительными статскими совѣтниками, когда былъ я уже камергеромъ,

Правда, что мы не по сей линіи производимся, но
уже (какъ сказываютъ) положено для камергеровъ не
линіи въ произведеніи, то думать надлежало, что тѣ,
употреблены въ министерствѣ и служатъ, сколь силы
дозволяютъ, безъ производденія не останутся.

Я истинно, вступая въ сіе изъясненіе передъ ваши
ятельствомъ, не имѣю намѣренія, чтобъ чрезъ то пр
что-нибудь въ удовлетвореніе. ибо не могу я считать
несчастливымъ, бывъ еще камергеромъ въ 27-мъ году
роду. Но естьли сіе обойденіемъ считать можно, то
со всею индиферентностію, какую бы я ни имѣлъ, м
подать поводъ къ размышленіямъ, будто бы службою
у насъ не довольны. Естьли изволите примѣчаніе сд
смотря на всѣ министерскія мѣста при разныхъ дво
вы не увидите, какъ только меня, который не имѣетъ
наружнаго награжденія съ 1762-го года. По извѣс
праводушію вашего сіятельства не можете принять въ
чистосердечныя мои выраженія, и не найдете намѣрен
совсѣмъ несправедливымъ, что я не желаю болѣе, а
бливо на семъ основаніи, оставаться въ Голандіи. Но
ли праздное мѣсто найдется въ одномъ изъ сосѣднихъ
сударствъ, я за счастіе почту быть употребленнымъ,
бливо ежели то учинится съ какою хотя наружною вы
дабы и публика видѣть могла, что Ея Величество и
сіятельство поступками моими и раченіемъ въ дѣла
менѣе довольны быть изволите, какъ и прочими пр
гихъ иностранныхъ дворахъ Россійскими министрами.

Естьли же празднаго мѣста не найдется нигдѣ изъ
дворовъ, упомянутыхъ въ прежнихъ моихъ письмахъ

---

*) Въ Варшавѣ, Копенгагенѣ или Стокгольмѣ. П. Б.

и доставленіи мнѣ желаемаго дозволенія на нѣкоторое эмя въ Россію отлучиться, я почту за счастіе быть и въ ллегіи членомъ на основаніи томъ, что́ Гроссъ покойной лъ при отзывѣ его изъ Варшавы, то-есть съ перемѣною на и опредѣленіемъ жалованья по оному. Въ коллегіи буду стараться дѣлать все, что́ прочіе, а въ канцеляріи вашего тельства все то отправлять, что́ мнѣ поручите, и при съ быть, какъ при второмъ отцѣ, и все то къ чему меня особнымъ найдете, мною исправлено будетъ по возможсти. Труды и работу конечно я не ненавижу, а еще болѣе идастъ мнѣ къ нимъ охоты, когда увижу я, что оные подъ дзираніемъ толь благоразумнаго и добродѣтельнаго мужа оизводятся. Силы и знанія коль ни малы, но можетъ быть илежаніе наградитъ сей недостатокъ, чѣмъ ласкаюсь и служить вашего сіятельства апробацію, довѣренность и родолженіе милости вашей и оказать вамъ чрезъ то сорошенную мою преданность. Ваше сіятельство, надѣюсь, припишите какому тщеславію упоминаніе мое о перемѣнѣ на; но вы сами найдете нѣсколько справедливымъ, что редѣленіе меня на томъ же основаніи, на какомъ графъ ловкинъ, не можетъ ни мною, ни публикою почесться наажденіемъ, когда онъ нигдѣ употребляемъ не былъ, какъ лько при покойномъ отцѣ своемъ. Сверхъ того, когда служать не изъ корыстливости, ни для имѣнія пропитанія, то натурально, что ожиданное мною воздаяніе не можетъ нако почесться, какъ только простымъ желаніемъ показаться, что и я не забытъ нахожусь между прочими, и чрезъ сохранить у всѣхъ нарочитое о мнѣ мнѣніе.

Не прося формально моего отзыва, а только дозволенія лучиться въ Россію, имѣлъ я въ виду (въ чемъ и прианаюсь предъ вашимъ сіятельствомъ), что по вашему ко мнѣ

снисхожденію, можетъ быть, мнѣ мое жалованіе оста
будетъ до окончанія года. Сверхъ того и для меня л
тельнѣе бъ было, естьлибъ отзывъ мой и опредѣлен
мѣсту воспослѣдовали въ одно время.

Въ прочемъ, я столько чувствую всѣ милости вашег
тельства, что хотя желаніе мое и есть одного или др
изъ помянутыхъ способовъ держаться; однако, естьлиб
несходственно было съ вашимъ мнѣніемъ, коему я ко
повинуюсь, то и сіе мое желаніе волею вашею уничтож
дабы хотя тѣмъ доказать всю ту благодарность, котор
толь чувствую и обязаннымъ предъ вами почитаюсь.

Наконецъ, нижайше прося о милостивой резолюці
сіи прошенія, которыми поистинѣ мнѣ совѣстно ст
утруждать васъ, имѣю честь быть съ глубочайшимъ
ніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства
лостиваго государя, покорный и вѣрный слуга графъ
сандръ Воронцовъ.

Гага, 21 Января (1 Февраля)
1768.

2.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

По преданности моей къ вашему сіятельству, о которой дѣюсь вы довольно удостовѣрены, легко представить себѣ кете, сколь я тронутъ былъ печальною вѣдомостію о приочені, которое вашему сіятельству толь прискорбно *). рьте, милостивый государь, что въ ономъ я столько уча я примаю, какъ бы оно со мною случилось; и естьлибъ ь моихъ желаній зависѣло, никто бъ на свѣтѣ толь мало двержeнъ былъ какой либо печали, какъ вы. И по спраливости добродѣтельми вашими будучи толь отличены ь прочихъ, должны были отличены быть и въ благополу. Но къ сожалѣнію общему обыкновенно добродѣтельные ди на семъ свѣтѣ болѣе прочихъ печалямъ и прискорбнoмъ подвержены. Изъ усердія моего къ вамъ и не менѣе пользы отечества желаю я сердечно, чтобы сіе печаль приключеніе приняли вы съ обыкновеннымъ вашимъ икодушіемъ, вѣдая всѣ слѣдствія суетной сей жизни, коoaя подвергаетъ насъ всѣхъ за одинъ часъ удовольствія счетнымъ прискорбностямъ и печалямъ.

Въ прочемъ, рекомендуясь въ продолженіе дражайшей ваго сіятельства милости, имѣю честь быть съ глубочайшимъ чтеніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства, лостиваго государя,

покорный и вѣрный слуга
графъ Александръ Воронцовъ.

Гага, (10) 21 Іюня
1768.

*) Кончина невѣсты, графини Шереметевой. П. Б.

Письмо графа Н. П. Панина къ графу А. Р. Воронцову.

Государь мой графъ Александръ Романовичъ.

При всей моей охотѣ не могъ я услужить вашему сіятельству исходатайствованіемъ временнаго сюда отпуска, ибо Ея Императорское Величество скорѣе соизволила на желаемой вами совершенной отзывъ отъ нынѣшняго поста, съ переведеніемъ въ оной изъ Лондона статскаго совѣтника Мусина-Пушкина, по смѣнѣ его тамъ посломъ графомъ Чернышовымъ. Теперь дѣйствительно уже заготовляется экспедиція отзыва вашего, и хотя оная не замедлится, но еслибъ однакожъ захотѣли ваше сіятельство воспользоваться къ отъѣзду вашему нынѣшнимъ лѣтнимъ временемъ, въ такомъ случаѣ можете вы, и не дожидаясь г-на Пушкина, по одномъ полученіи отзывной вашей грамоты, отправиться въ путь; ибо довольно будетъ представить между тѣмъ у господъ генеральныхъ статовъ посольства совѣтника господина Воронцова для престереженія дѣлъ Ея Императорскаго Величества и оставить у него архивъ, которой онъ послѣ преемнику вашему отдать имѣетъ, оставаясь и самъ у него. На проѣздъ опредѣлено вамъ три тысячи рублевъ, и я приказалъ уже, чтобы сіи деньги и двѣ первыя трети жалованія вашего немедленно къ вамъ переведены были.

Въ прочемъ, буду я съ особливымъ удовольствіемъ ожидать того пріятнаго времени, которое дастъ мнѣ удобность персонально увѣрить васъ о томъ отличномъ почтеніи и истинной преданности, съ коими я пребывать честь имѣю

Вашего сіятельства покорно-вѣрный слуга

графъ Н. Панинъ.

Въ Петергофѣ, 27-го Іюня
1768 года.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

вгустъ принцъ 309.
дамъ Пiетро 253, 261.
йенъ (д') герцогъ 93.
лександръ Павловичъ в. кн. 479.
лопеусъ 451, 455, 464.
льбани Ал-дръ кардиналъ 315,
.
нгальтъ-Цербстская принцесса
завета 88, 97.
ндерсонъ 309.
нна Іоанновна императрица 10,

нна Петровна великая княжна
88.
пухтинъ 457.
ртаболевскій Θедоръ 30.
рхаровъ 459.
рцыбашевъ 9.

*

абарыкинъ Андр. Ив. 310.
абарыкинъ Θедоръ Ив. 424.
аесъ Симонъ 283.
аженовъ 327.
акунинъ купецъ 46.

Бакунинъ П. В. 108, 109. 111, 223, 224, 242, 290, 308, 310, 315, 320, 322, 325, 342, 359, 370, 375, 378, 386, 402, 418, 472, 474, 475.
Бакунинъ Пав. Петр. 474.
Балкъ Матр. Павл. 42.
Бауръ банкиръ 295.
Бедфортъ герцогъ 208.
Безбородко князь Ал-дръ Андр. 64, 73, 74, 82, 435, 438, 443, 444, 446, 448, 454, 457, 459, 462, 465, 467, 475.
Беклешовъ 459.
Бекманъ 35.
Беле 263.
Бенаки 464, 474.
Бенкендорфъ 139.
Бергъ Петр. Ив. 72, 77, 136.
Бернсдорфъ баронъ 144.
Бестужевъ графъ Ал-ѣй Петр. 38, 187, 201, 212, 221, 236, 256, 267, 389, 392.
Бестужевъ графъ Мих. Петр. 19, 33, 83, 93, 98.

Билистейнъ 342.
Биндеръ баронъ 145.
Биронъ герцогъ 242, 343.
Боасъ 359, 377.
Бонаръ 456.
Боне 86.
Боно 298, 306.
Борегардъ баронъ 356, 380, 388, 395, 399, 424.
Бороздинъ 153.
Ботта маркизъ 249, 255.
Брайко 436, 441, 455, 461, 468.
Браунъ 343, 378.
Бретель баронъ 134, 150, 153, 218, 235.
Бриль графъ 84, 146.
Броиетъ Елисав. Денис. 56, 411, 412, 417, 420.
Броунъ графъ 442, 444.
Брюль графъ 23, 40, 459.
Брюсова графиня Праск. Александровна 204.
Букингамширъ 184.
Букингамъ графъ 175, 179, 188, 202, 203, 211, 213, 215, 218, 225—227, 231, 233, 241, 242, 276, 279, 319, 339.
Бутурлина графиня Варв. Александровна 204.
Бутурлина Ек. Борис. 39.
Бутурлина графина Елис. Петр. 46.
Бутурлина графиня Марья Ром. 39, 46, 62, 211, 380, 392.
Бутурлинъ графъ Ал-дръ Бор. 39, 148, 196.
Бутурлинъ графъ Петръ Александровичъ 39, 54, 101, 122, 126, 127, 204, 211, 364, 383, 391, 393, 476, 478.
Бушъ пасторъ 419.
Бѣлосельскій князь 383.
Бюлеръ 252.
Бютъ 156, 158, 199.
*
Вайновичъ 256.
Валь (де) 104.
Ванъ-Свитенъ 149.
Васильевъ Вас. 6.
Ватсонъ 362.
Везіенъ 311.
Веселовскій Ѳедоръ Павл. 115.
Вигніонъ 179, 302.
Винтеръ 300.
Виртембергъ принцъ 140, 150.
Власовъ 58, 61.
Волконскій князь Сем. Ѳедор. 26.
Вольтеръ 31, 180, 194.
Вольфъ 424, 425.
Вомаль 377.
Воронцова Анна Григ. 19.
Воронцова графиня Анна Карловна 25, 30, 46, 54, 55, 81, 94, 130, 144, 165, 175, 179. 185—187, 201, 219, 222, 228, 236, 240, 245, 262, 276, 279, 285, 291, 309, 316, 323, 333, 334, 348, 357, 359, 366, 369, 380, 384, 394, 401, 410.
Воронцова графиня Ек. Алексѣевна 70, 71, 75, 429, 430, 433, 436, 441, 445, 446.
Воронцова графиня Е. С. 477.
Воронцова Марѳа Ив. 3—16, 68, 69.
Воронцовъ Ал-ѣй Вас 36.
Воронцовъ графъ Артемій Ив. 357.
Воронцовъ Ив. Алексѣев. 170, 208, 376, 381, 390, 395, 409.
Воронцовъ графъ Ив. Лар. 21, 23, 25, 38, 54, 74, 81, 200, 217, 218, 307, 313.
Воронцовъ Лар. Гавр. 19.
Воронцовъ Ром. Лар. 3—77, 85, 92, 113, 122, 175, 177, 187, 190, 194, 217, 302, 325, 409—425.

Воронцовъ гр. С. Р. 218, 238, 250, 252, 297, 302, 305, 411.
Вяземскій князь Ал-дръ Алексѣевичъ 65, 75, 435, 438, 480.

*

Галифаксъ графъ 193, 199 218, 226, 233, 255.
Гандвигъ 297.
Гарднеръ 398.
Гержи 327.
Германсонъ 289.
Гессенъ-Кассельскій ландграфъ 280.
Гладышевъ Фил. 59.
Глѣбовъ 370, 377, 381, 382. 397, 457.
Гобаръ 198.
Гобартъ 215.
Гови 359.
Голицына княгиня 457.
Голицынъ князь Ал-дръ Мих. 147, 153, 162, 163, 199, 208, 219, 221, 223, 269, 364.
Голицынъ князь Дм. Мих. 36, 122—125, 132, 135, 148, 152, 225, 236, 237, 252, 255, 270, 272, 281, 282, 290.
Голицынъ князь Серг. Өедор. 67.
Голицыны князья 7, 460.
Головкинъ графъ 323, 341, 356.
Гольцъ баронъ 154, 155, 160, 161.
Гомъ 412, 413 415, 416.
Гопъ 265, 268, 424.
Гочковскій банкиръ 331, 335.
Гренвиль 193.
Грифъ врачъ 184.
Гроссъ 26, 84, 132, 153, 156, 171, 172, 242, 264, 265, 268—270, 275, 287, 326, 330, 347.
Гудовичъ 196.

*

Даламбертъ 360.
Далмодоваръ маркизъ 133, 134.
Дангоуръ 34.
Даунъ 47, 51, 146.
Дафри 156.
Дашкова княгиня Ек. Р. 3, 46, 77, 180, 183, 191, 193, 203, 210, 220, 260, 272, 301, 403, 433.
Дашковъ кн. М. И. 36, 54, 196.
Дашковъ кн. П. М. 485.
Де-Босетъ маркизъ 339, 356.
Де-Бросанъ 66.
Дебюше 297, 298, 307, 313.
Де-Верже 327.
Дель-Медико графъ 306.
Демарескъ 375.
Деменъ 263, 270, 271.
Деонъ 109, 236, 248, 284, 289, 309, 327, 353.
Дерфельтъ 150.
Дестейнъ графъ 160.
Дикъ 263.
Динги 362.
Дитрихштейнъ графъ 128.
Дмитріевъ-Мамоновъ 9.
Дмитріевъ Өедоръ 68.
Долгорукова княгиня Марөа Ив. 3.
Долгоруковъ князь Вас. 6.
Долгоруковъ князь В. С. 233, 237, 247, 317, 242.
Дубровскій Андреянъ Лар. 24, 26, 35, 55, 414.
Дугласъ 324.
Дѣевъ Мих. 46.
Дю-Шателе маркизъ 134, 144, 153.

*

Екатерина І-я 8, 332.
Елагинъ Ив. Перфил. 62.
Елена Павловна вел. кн. 479.
Елисавета Петровна императрица 5—152, 168, 372.
Ельсинкъ 24, 26.

Жерни 398, 404.

*

Заводовскій графъ П. В. 429, 432, 443, 446, 450 451, 453, 454, 463, 465, 470, 472, 475, 479.
Заворыкинъ Вас. 68.
Зиновьевъ 468, 480.

*

Игельстромъ 457.

*

Іоркъ (д') герцогъ 156, 270, 271, 361.
Іосифъ эрцъ-герцогъ 109.

*

Кайсаровъ Левъ Александр. 64.
Кальцабичи 321.
Каменскій Мих. Өедот. 71.
Кантемиръ князь 157.
Карлъ принцъ 298.
Касталинскій 111.
Каудербахъ 325.
Кауницъ графъ 108—110, 118, 120, 125, 128, 134, 136, 137, 140—142, 145, 150, 153.
Кевенгюллеръ 108.
Кейзерлингъ графъ 22, 24, 49, 108, 111, 113, 121, 122, 216, 311, 314.
Кейтъ 140, 158, 171—173, 178, 219, 245.
Кемпель 129.
Клеретъ 396.
Клифортъ банкиръ 265, 268, 270, 271, 275, 277, 294—296, 299, 300, 302, 305, 359, 367, 372, 373, 375, 377.
Клозель баронъ 103, 106.
Книпгаузенъ 247.
Кобенцель графъ 294, 297, 298, 432, 460, 474.
Кобленсъ 286.
Коллоредо 108, 110, 118, 153.
Комаровъ Ив. 58, 60.
Комеръ 36.
Конвей 398.
Кондоиди 50.
Корниловъ 15.
Корфъ баронъ 128.
Корфъ Ек. Карл. 391.
Корфъ Никол. Андр. 281, 295, 304, 327, 391—393, 403.
Кочетовъ Никол. Ив. 61.
Крюднеръ 449.
Кудрявцевъ 35.
Куленбахъ 199.
Куракина княжна Ек. Бор. 39.

*

Лаберзакъ графъ 32, 89, 93.
Ла-Карбіеръ 136.
Ламбертъ 388, 396, 399.
Ланской 442, 444.
Лаудонъ баронъ 51, 125, 126, 140, 143.
Лаферміеръ 252, 298, 301, 432, 438, 453, 455, 457, 463, 470, 478, 479.
Лестокъ графъ 392.
Лизакевичъ 441, 473.
Линденъ 327.
Лицау баронъ 316.
Логиновъ 58.
Локгардъ 140.
Ломоносовъ М. В. 111, 319, 353, 354.
Лопиталь маркизъ 25, 27, 32, 88, 89, 93.
Львовъ Никол. Александр. 77.
Любомирскій 24.
Любсъ 359.
Любучениновъ Ив. Сем. 66.
Людерсъ 157, 159, 160.
Людовикъ XV-й 28, 33, 86.
Люлейнъ банкиръ 295.

*

ринъ 9.
гинъ графъ 44.
артне 319, 323, 339, 398.
цовъ 192, 262.
я Өеодоровна великая кня-
32, 479.
уци маркизъ 253, 256, 261,
78, 282, 360, 367, 369,
81, 382, 390, 394, 395,
163.
нова Анна Григ. 19.
чертсгагенъ 269, 323, 326.
іенбургскій герцогъ 140,

іенбургъ Стрѣлицкій принцъ
166.
шиковъ князь А. Д. 9.
ышовъ Сем. 5—7.
ковъ 219.
нъ 283, 284.
си графъ 123, 129, 139,
50, 153.
дерскій князь 122, 146,
201.
ели 256.
ошановичъ 137.
инъ 5.
овичъ 312.
айловичъ 124.
ель 156, 245, 247.
нель 318, 319, 389.
уковъ 52.
шекъ графъ 337, 339, 340.
енскій герцогъ 274.
си 221.
сій врачъ 50.
генукули 138.
двиновъ 472.
ковъ графъ А. И. 437, 445,
170.
озини 225, 256, 282.
енигo 474, 475.
анъ 254, 263.

*

Нагаевъ 70.
Наліакъ 103, 106.
Нарышкина Марья Павл. 205.
Нарышкинъ Ал—дръ 8—10.
Нарышкинъ Ив. 8—10.
Натеръ 248.
Нелединскій Юр. Александр. 35.
Нелидовъ 76.
Нейшаль 468.
Николай І-й 369.
Ноалье 35.
Нольтъ аббатъ 32.

*

Обрѣзковъ 185.
Одаръ 181.
Одуевскій князь Серг. Ив. 146—148, 219.
Оксенстирнъ графъ 362.
Олесовъ Григ. 14.
Олсуфьевъ Ад. Вас. 24.
Оранскій принцъ 387.
Орловъ князь Гр. Гр. 71, 204, 236, 293, 356, 385, 386.
Орловъ графъ Ив. Григ. 71.
Орловъ Никол. 53.
Орловъ Тихонъ 77.
Орловы 136, 139, 140, 142, 174.
Остенъ 25.

*

Павелъ І-й 45, 81, 225, 236.
Панинъ графъ Никита Ив. 45, 60, 171, 209, 256, 260, 271, 272, 274, 290, 293, 301, 309, 314, 321, 328, 333—335, 345, 346, 356, 359, 375, 376, 380, 281, 385, 392, 400, 406, 413, 415, 419, 423, 480.
Панинъ графъ П. И. 162.
Пельсъ банкиръ 265, 268, 270, 271, 275, 277, 296, 398, 404.
Петръ І-й 5—8, 11—13, 114.
Петръ III-й 24, 54, 156, 158—165, 169.
Пиктетъ 180, 181.

Пите 193, 205, 388.
Питерсъ 469.
Питтъ 251, 276, 297, 321, 398.
Платенъ 136, 139.
Плещеевъ 37, 223, 225.
Пломанъ 40.
Полетика 460.
Полянская Елис. Ром. 24, 25, 54, 62, 68, 69, 102, 175, 180, 188, 191, 193, 201, 358, 367, 400, 448, 463.
Полянскій Ал—дръ Ив. 62, 358, 433.
Помпадуръ маркиза 86.
Потемкинъ князь Гр. Ал. 437, 444.
Поэсоньеръ 91.
Праленъ (де) герцогъ 285.
Прасъ 146.
Протасовъ Ал—дръ Яковл. 369, 457, 460.
Путятинъ 77.
Пушкинъ (Мусинъ) 75, 309, 311, 374, 388.

*

Рагозинъ 75.
Радищевъ 460.
Разумовскій графъ К. Г. 356, 367, 368, 382, 402, 429.
Регеръ 305.
Рейсъ графъ 337.
Рейхъ Яганъ 45.
Репнинъ князь Н. В. 161, 190, 311, 314, 316, 317, 336, 457.
Репнинъ князь Петръ Ив. 49, 288.
Рехтернъ графъ 361, 366.
Ржевскій 208.
Рибасъ 457.
Рибинскій 337, 339, 340.
Ритеръ банкиръ 186, 203, 389.
Рихтеръ 362.
Роде 282.
Ронцовъ Ив. Ром. 74, 417, 419, 422, 423, 478.
Ронцовы 56, 411—424.
Рославлевъ Никол. Ив. 66.
Румянцова графиня Марья Андр. 201.
Румянцовъ графъ П. А. 137, 139, 140, 149, 196, 472.
Руффортъ 363.
Рѣзановъ Ив. Гавр. 76.

*

Сакенъ 459.
Салтыкова Матр. Павл. 42.
Салтыковъ Ив. Алексѣев. 35, 478.
Салтыковъ Н. И. 472.
Салтыковъ графъ Петръ Сем. 33, 38, 40, 47, 162.
Салтыковъ Серг. Вас. 42, 46, 386.
Самойловъ Ал—дръ Бор. 74.
Сандвичъ 263, 279.
Санинъ 5.
Сарди 390.
Семенниковъ Режебъ Бухарецъ 14.
Сенявинъ Ал—ѣй Наум. 462, 475.
Сентъ-Елисабетъ герцогъ 131, 138, 150.
Серіоне 405, 406.
Сиверсъ баронъ Карлъ Ефим. 28, 39.
Симолинъ 284, 327, 341, 434, 440, 447, 473, 476, 477.
Скавронскіе графы 332.
Скавронскій графъ М. К. 328, 356, 433.
Собакинъ Савва 24.
Стакельбергъ 383.
Станле 401.
Старембергъ графъ 107, 286.
Стегельманъ 323, 326.
Стормонтъ 252.

екаловъ 153, 487.
огонова графиня Анна Мих. , 56, 81, 116, 130, 185, 24, 3?2, 337, 410.
огоновъ графъ Ал—дръ 111, 116, 122, 323—325, 331, 332, 349, 361.
омиловъ 76.
ароковъ Петръ Спиридонов.

мина Марѳа Ив. 3—16.
мина Ѳедосья Петр. 3.
минъ Ив. Мих. 3—16.
овцовъ 122.
ерландъ 77, 443, 445, 446.
отина 475.

*

есъ 188, 398.
ищева Анна Серг. 474.
ищевъ 348, 384, 387.
муразъ Николаевичъ 127.
ловъ Г. Н. 256—259, 374.
инъ 339.
ь 149, 167, 179, 182, 186, 405.
стые 76.
сонъ 404, 456, 469.
ъ 436.
нтонъ банкиръ 203.
лебенъ 52.
чаниновъ Ал—ѣй Ѳедор. 59.

*

ı 342.
агенъ 339.
ковъ 16.

*

еръ 309.
ье 95, 96, 109, 191.
ель 317.

Фердинандъ принцъ 47, 150.
Ферзенъ 275, 289, 295, 307, 327, 349, 356, 366, 390.
Ферморъ графъ 51, 52.
Финкенштейнъ графъ 164, 318.
Фирміани графъ 272.
Фитингофъ 372, 373, 449.
Флемингъ графъ 146.
Фогель 280.
Фоксъ 193.
Франсоа кардиналъ 316.
Физъ баронъ 283.
Фричъ 199.

*

Хрущова Дарья Лар. 60.
Хрущова Нат. Петр. 60.
Хрущовъ Петръ Мих. 60.

*

Цербстскій принцъ 309.
Цитенъ 139.

*

Черневичъ 123.
Чернышовъ графъ Зах. Григ. 35, 52, 132, 133, 162, 171.
Чернышовъ графъ Ив. Григ. 23, 143, 195, 236.
Чернышовъ графъ Петръ Григ. 49, 182, 488.

*

Шаловеронъ 322.
Шаховской князь Мих. Ив. 53.
Шверинъ графъ 160, 161, 162.
Шемякинъ 395.
Шереметевъ графъ П. Б. 381.
Шидловскій Петръ 5, 6.
Шилингъ врачъ 50.
Шимельманъ 310.

Шипуновъ Андр. 30.
Шоазёль герцогъ 98, 160, 161.
Шольнесъ герцогъ 93.
Шпрингеръ 145, 153.
Шувалова графиня Анна Ив. 147.
Шуваловъ графъ Андр. Петр. 204, 597, 387.
Шуваловъ Ив. Ив. 21, 23—25, 32, 211, 318, 343, 368, 387, 402.
Шуваловъ графъ Петръ Ив. 31, 147—149.

*

Эгремонтъ графъ 160, 161.
Эйлеръ 322.
Эрнстъ-Іоганнъ герцогъ 242.
Эрцбергъ 199.
Эстергази графиня 108.
Эстергази графъ 25, 109, 111, 128—130, 143, 146.
Юстисъ 374.

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXXII.

БУМАГИ

ГРАФОВЪ

ВОРОНЦОВЫХЪ.

И. Шуваловъ.—Графъ Д. П. Бутурлинъ.—Н. А. Львовъ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

СОДЕРЖАНІЕ
РИДЦАТЬ ВТОРОЙ КНИГИ АРХИВА
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

*

ПИСЬМА ГОСУДАРСТВЕННАГО КАНЦЛЕРА ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА КЪ ЛЮБИМЦУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ.

Стр.

1755 Января 10.......................... 3
. 12 Февраля.......................... 4
. 1755 Мая 24.......................... 5
. 1756 Іюля 3, въ С.-Петербургѣ.......................... 7

Копія съ письма, полученнаго графомъ М. Л. Воронцовымъ, отъ неизвѣстнаго лица, изъ Парижа, отъ 25 Іюня 1756.......................... 8
. 1756 Іюля 4, въ С.-Петербургѣ.......................... 10
. 1756 Іюля 6, въ С.-Петербургѣ.......................... 12
. 1756 Іюля 13, въ С.-Петербургѣ.......................... 13
. 1756 Іюля 14, въ С.-Петербургѣ.......................... 15
. 1756 Іюля 14. въ С.-Петербургѣ.......................... 16
. 1756 Іюля 18, въ С.-Петербургѣ.......................... 17

11. 1756 Іюля 20, въ С.-Петербургѣ........
12. 1756 Октября 27........
13. 1756 Октября 30........
14. 1756 Октября 31........
15. 1756 Ноября 3........
16. 1756 Ноября 12........
17. 1757 Января 16........
18. 1757 Февраля 12........
19. 1757 Марта 3........
20. 1757 Августа 18 въ С.-Петербургѣ........
21. 1757 Декабря 11........
22. 1758 Сентября 8........
23. 1758 Октября 2:........
24. 1758 Ноября 3........
25. Безъ числа (объ исторіи Петра Великаго, сочиненіи
тера) и о Фридрихѣ Великомъ........
26. 1759 Октября 1, въ С.-Петербургѣ........
27. 1760 Января 18........
28. 1760 Марта 3........
29. 1761 Ноября 5........
30. 1761 Декабря 7........
31. Безъ числа........
32. 1761 Декабря 13........
33. 1761 Декабря 14........
34. 1761 Декабря 15........
35. 1762 Іюля 3........
36. 1763 Марта 4, въ Москвѣ........
37. 1763 Апрѣля 5, въ Москвѣ........
38. 1764 Мая 26 (6 Іюня), Вѣна........
39. 1764 Іюня 5 (16), Вѣна........
40. 1764 Октября 30 (10 Ноября), въ Берлинѣ........
41. 1764 Декабря 4 (15), въ Берлинѣ........
42. 1764 Декабря 25 (5 Января 1765), въ Берлинѣ....
43. 1765 Февраля 9 (20), въ Дублинѣ........
44. 1765 Марта 29, въ С.-Петербургѣ........
45. 1765 Апрѣля 15 (26), въ С.-Петербургѣ........
46. 1765 Сентября 17 (26), въ С.-Петербургѣ........
47. 1765 Октября 12 (23), въ С.-Петербургѣ........

48. 1765 Ноября 15, въ С.-Петербургѣ.................... 62
49. 1765 Декабря 16 (27), въ С.-Петербургѣ.............. 64
50. 1766 Февраля 17 (28), въ С.-Петербургѣ............. 65
51. 1766 Марта 10 (21), въ С.-Петербургѣ................ 68
52. 1766 Марта 21 (1 Апрѣля), въ С.-Петербургѣ.......... 69

*

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА

(Написанный вскорѣ по его кончинѣ).

*

ПИСЬМА ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА КЪ БРАТУ ЕГО ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ РОМАНОВИЧУ.

Изъ поѣздки по имѣніямъ.

Стр.
1. 1760 Марта 15, Егошиха.............................. 79

Изъ путешествія съ дядею-канцлеромъ.

2. 1764 Марта 16 (27) Флоренція....................... 81
3. 1764 Апрѣля 1 (12), Миланъ......................... 82
4. 1764 Сентября 23 (3 Октября), Берлинъ.............. 84
5. 1764 Декабря 11 н. ст., Берлинъ.................... 87
6. 1765 Января 18 (29), Данцигъ....................... 89
7. 1765 Сентября 2, С.-Петербургъ..................... 90
8. 1765 Октября 11, С.-Петербургъ..................... 91
9. 1766 Января 31, С.-Петербургъ...................... 93
10. 1766 Іюня 29, Кимра............................... 95
11. 1767 Февраля 15, Москва............................ 97
Письмо графини Анны Карловны Воронцовой по кончинѣ ея супруга, государственнаго канцлера. 1767 Апрѣля 15, Москва......... 99
12. 1767 Іюня 9, Москва............................... 101
13. 1767 Іюня 17, Москва.............................. 102

Стр.

14. Письмо графини А. М. Строгановой. 1767 Октября 1, Москва съ припискою графа Семена Романовича.......... 105
15. (1767).......... 108
Письмо графини А. М. Строгановой. 1767 Августа 23, Москва.......... 109
Письмо графини А. М. Строгановой. 1767 Ноября 8, Москва.......... 110
16. 1767 Ноября 29, Москва.......... 112
17. 1767 Ноября 22, Москва.......... 114

Письма во время Турецкой войны.

18. 1769 Января 5, Москва.......... 116
19. 1769 Января 19 въ 10 ч. веч., Москва.......... 118
20. 1769 Января 16, Глуховъ.......... 120
21. 1769 Января 23, Кіевъ.......... 121
22. 1769 Января 31, Кіевъ.......... 122
23. 1769 Февраля 9 Глуховъ.......... 124
24. 1769 Марта 3, Глуховъ.......... 126
25. 1769 Марта 25, Глуховъ.......... 127
26. 1769 Апрѣля 8, Глуховъ.......... 130
27. 1769 Іюня 22, изъ лагеря на Ингульцѣ, близъ Диковки.. 137
28. 1769 Августа 21, изъ лагеря передъ Виссой.......... 138
29. 1769 Октября 30.......... 146
30. 1770 Августа 14.......... 143
31. 1770 Октября 10.......... 144
32. 1771 Іюня 25.......... 147
33. 1771 Октября 30, изъ лагеря близъ Фальчи.......... 149
34. 1772 Января 5, Яссы.......... 150
Письмо неизвѣстнаго лица (вѣроятно Лафермьера) къ графу А. Р. Воронцову о поединкѣ графа С. Р. Воронцова съ Стакельбергомъ. (1772) Марта 21.......... 151
35. Письмо графа С. Р. Воронцова (вѣроятно къ Лафермьеру). 1772 Февраля 29, Яссы.......... 155
36. 1772 Октября 11, изъ лагеря близъ Уванчи.......... 161
37. 1772 Ноября 8, изъ лагеря близъ Фальчи.......... 164

Стр.
1773 Іюня 11 165
1773 Сентября 7 166
1773 Декабря 1, между Браиловымъ и Фокшанами 171
1774 Января 10, Маргенени 173
1774 Февраля 9, Корнешти 175
1774 Апрѣля 9, Маргенени 177
1774 Апрѣля 26, изъ лагеря близъ Бакова 180
1774 Мая 9, изъ лагеря близъ Браилова 183
1774 Мая 14, Фокшаны 184
1774 Мая 27, на Яломицѣ 186

После войны.

1775 Ноября 8, С.-Петербургъ 188
1776 Октября 17, Рига 190
1777 Марта 17 (28), Пиза 192
1777 Октября 6 (17), Пиза 193
1778 Апрѣля 16 (27), Римъ 194

Въ бытность посланникомъ при Венеціанской республикѣ.

1784 Февраля 16 (27), Венеція 195
1784 Іюля 13 (24) 198
1784 Ноября 8 н. ст., Пиза 199

Передъ Лондонскимъ посольствомъ.

1785 Января 13 (24), Пиза 200

*

ИЗЪ ПИСЕМЪ ГРАФА ДМИТРІЯ ПЕТРОВИЧА БУТУРЛИНА КЪ ДЯДЬЯМЪ ЕГО ГРАФАМЪ ВОРОНЦОВЫМЪ.
(1780—1821).

При Екатеринѣ.

Къ графу Семену Романовичу. 1780 Января 1. 209
Къ графу Александру Романовичу. 1782 Сентября 12, Москва 211
Указъ о перечисленіи графа Д. П. Бутурлина изъ военной въ штатскую службу, 16 Октября 1786 214

Стр.

3. 1788 Мая 7, Москва 215
4. 1789 Апрѣля 23, Москва 216
5. 11792 Апрѣля 25, Москва 220
6. 1793 Мая 8, Москва 223
7. 1793 Іюня 21, Вороново 224
8. 1793 Іюля 2, Москва 226
9. 1793 Іюля 26, Москва 227
10. 1793 Октября, 16, Москва 230
11. 1794 Мая 3, С.-Петербургъ 232
12. 1794 Мая 28, С.-Петербургъ 233
13. 1795 Января 9, Вороново 234
14. 1795 Іюня 8, Москва 236

При Павлѣ.

15. 1797 Октября 6, Москва 238
16. 1798 Апрѣля 27, Москва 239
17. 1798 Іюня 2, Москва 242
18. 1798 Августа 17, Москва 244
19. 1798 Октября 6, Москва 246
20. 1798 Ноября 9. Москва 247
21. 1799 Апрѣля 20, Москва 250
22. 1799 Іюня 15, Москва 251
23. 1799 Іюля 13, Москва 252
24. 1799 Іюля 20, Москва 253
25. 1799 Августа 24, Москва 254
26. 1799 Сентября 6, Москва 255
27. 1799 Сентября 14, Москва 256
28. 1799 Сентября 26, Москва 257
29. 1799 Октября 12 Москва 258
30. 1799 Октября 26, Москва 260
31. 1799 Ноября 2, Москва 262
32. 1799 Ноября 9, Москва 264
33. 1799 Ноября 16, Москва 266
34. 1799 Ноября 29, Москва 268
35. Къ графу Семену Романовичу. 1800 Марта 26, Москва 269
36. Къ графу Александру Романовичу. 1800 Апрѣля 11, Москва 272

Стр.
1800 Мая 2, Москва.. 273
1800 Мая 22 Москва.. 274
1800 Мая 30, Москва.. 275
1800 Іюня 20, Москва.. 277
1800 Іюля 4, Москва.. 278
1800 Іюля 26, Бѣлкино.. 279
1800 Сентября 26, Москва.. 280
1800 Октября 11, Москва.. 281
1800 Октября 31, Москва.. 283
1800 Ноября 7, Москва.. 284
1800 Ноября 21, Москва.. 285
1800 Декабря 6, Москва.. 286
Къ графу Семену Романовичу. 1800 Декабря 12, Москва.. 287
Къ графу Александру Романовичу. 1800 Декабря 13, Москва.. 288
1800 Декабря 26, Москва.. 289
1801 Января 10, Москва 291
1801 Марта 4, Москва.. 294

При Александрѣ.

1801 Марта 15.. 296
(1801) Марта 20.. 296
1801 Апрѣля 2, Москва.. 298
1801 Апрѣля 18, С.-Петербургъ.. 300
1801 Ноября 25, Москва.. 303
Къ графу Семену Романовичу. 1802 Сентября 26, С.-Петербургъ.. 307
1802 Октября 10, С.-Петербургъ.. 308
1802 Октября 23, С.-Петербургъ.. 309
1802 Ноября 6, С.-Петербургъ.. 311
1802 Ноября 14, С.-Петербургъ.. 313
1802 Ноября 27, С.-Петербургъ.. 315
Письмо графа Александра Романовича къ брату, писанное рукою графа Бутурлина 1802 Декабря 20, С.-Петербургъ.. 316
1803 Января 3, С.-Петербургъ.. 317
Письмо графа Александра Романовича. 1803 Января 8, С.-Петербургъ.. 319

66. 1803 Января 10, С.-Петербургъ........
67. 1803 Января 16, С.-Петербургъ........
68. 1803 Февраля 22, С.-Петербургъ........
Письмо графа Александра Романов
1803 Марта 13, С.-Петербургъ........
69. 1803 Апрѣля 1, С.-Петербургъ........
70. 1803 Мая 10........
71. 1803 Мая 22, С.-Петербургъ........
72. 1803 Іюня 3, С.-Петербургъ........
73. 1803 Іюля 3, С.-Петербургъ........
74. 1803 Іюля 30........
75. (1803) Сентября 5........
76. 1803 Октября 10, С.-Петербургъ........
77. 1803 Ноября 12, С.-Петербургъ........
78. 1804 Февраля 13, С.-Петербургъ........
79. Къ графу Александру Романовичу. 1804
враля 28, Петербургъ........
80. 1804 Марта 3........
81. Къ графу Семену Романовичу. 1804 Ап
10, С.-Петербургъ........
82. Къ графу Александру Романовичу. 180
рѣля 15, С.-Петербургъ........
83. Къ графу Семену Романовичу 1804 Мая
С.-Петербургъ........
84. Къ графу Александру Романовичу. 1804
7, С.-Петербургъ........
85. 1804 Іюня 9, С.-Петербургъ........
86. 1804 Ноября 1, Москва........
87. Къ графу Семену Романовичу. 1803 Де
3, Андреевское........
Письмо графа Д. П. Бутурлина къ И. И. Смирнову..
88. 1806 Февраля 20, Москва........
A l'ombre d'un ami (къ тѣни друга), стихотвореніе г
Д. П. Бутурлина на кончину графа А. Р. Воронцова
кабрь 1805)........
Письмо неизвѣстнаго лица о кончинѣ графа А. Р. Во
цова, безъ означенія мѣста, 9 (21) Декабря 1805...
89. Москва, 12 Октября 1806........

Стр.

90. Москва, 18 Января 1807.......................... 444
91. Москва, 9 Декабря 1810.......................... 447
92. Бутурлиновка, 24 Апрѣля (6 Мая) 1812.......................... 449
93. Бѣлкино, 20 Іюня 1814.......................... 453
94. (1819).......................... 454
95. Флоренція, 5 (17) Іюня 1821.......................... 458

*

ПИСЬМА ГРАФА А. Р. ВОРОНЦОВА КЪ ЕГО ПЛЕМЯННИКУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ ВОРОНЦОВУ.

1803—1805.

1. С.-Петербургъ, 14 Сентября 1803.......................... 463
2. (1803).......................... 464
3. С.-Петербургъ, 2 Октября 1803.......................... 464
4. С.-Петербургъ, 26 Октября 1804.......................... 465
5. С.-Петербургъ, 6 Ноября 1803.......................... 466
6. С.-Петербургъ, 18 Ноября 1803.......................... 468
7. С.-Петербургъ, 25 Ноября 1803.......................... 467
8. С.-Петербургъ, 8 Декабря 1803.......................... 467
9. С.-Петербургъ, 5 Января 1804.......................... 470
10. (1804).......................... 471
11. 19 Января 1804.......................... 472
12. 28 Января 1804.......................... 473
13. 5 Февраля 1704.......................... 474
14. Матренина, 8 Сентября 1804.......................... 475
15. Москва, 9 Марта 1805.......................... 476
16. Матренина, 1 Іюня 1805.......................... 478
17. Матренина, 20 Іюня 1805.......................... 479
18. Матренина, 30 Іюня 1805.......................... 480
19. (1805).......................... 481
20. Матренина, 7 Іюля 1805.......................... 481
21. Матренина, 21 Іюля 1805.......................... 482
22. Матренина, 12 Августа 1805.......................... 483
23. Матренина, 18 Августа 1805.......................... 484
24. Матренина, 25 Августа 1805.......................... 485
25. 1 Сентабря 1805.......................... 486
26. Матренина, 15 Сентября 1805.......................... 487

27. Матренина, 22 Сентября 1805............
28. Матренина, 27 Сентября 1805............
29. Безъ числа... ....
30. Матренина, 25 Октября 1805.............

*

ПИСЬМО ГРАФА А. Р. ВОРОНЦОВА КЪ ГРАФУ А. А. БОРОДКѢ О КАМЕННОМЪ УГЛѢ. 1787.

Воронежъ, 3 Февраля 1787...................

ПИСЬМА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЬВОВА КЪ ГРАФАМЪ А. Р. и С. Р. ВОРОНЦОВЫМЪ.

1. Петербургъ, 12 Мая 1784...................
2. Царское Село, 27 Августа...................
3. Москва, 26 Іюня 1785...................
4. Валдай, 5 Августа 1786...................
5. Валдай, 25 Августа 1786...................
6. Севастополь въ Тавридѣ, 28 Мая 1787...................
7. Петербургъ, 26 Августа 1787...................
8. Москва, 4 Августа 1791...................
9. 29 Марта (1793)...................
10. Петербургъ, 4 Апрѣля 1793...................
11. Вышній Волочекъ, 30 Мая 1794...................
12. 19 Іюня 1794...................
13. Москва, 22 Іюня 1799...................

ПИСЬМА

ГРАФА

М. Л. ВОРОНЦОВА

КЪ

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ.

Жизнь И. И. Шувалова подробно описана нами въ „Ру
Бесѣдѣ“ 1857 года. Съ тѣхъ поръ эта біографія могла б
явиться въ тройномъ противъ прежняго объемѣ, благодаря
открытымъ бумагамъ и облегченнымъ условіямъ историч
печати. Онъ жилъ въ покояхъ императрицы Елисаветы П
ны и, вслѣдствіе ея малообразованности и болѣзненности,
зовался, самъ того не желая, преобладающимъ значеніемъ
кого позднѣе не имѣли любимцы Екатерины Второй, не
чая самаго Потемкина. Когда потомъ уѣзжалъ онъ въ чужіе
Вольтеръ писалъ про него: C'est ex-émpereur de Russie qu
vient. Своими склонностями, дарованіями и характеромъ не
онъ въ уровень съ политическимъ положеніемъ своимъ,
нему могутъ быть отнесены извѣстные стихи И. И. Дмит

> Любимецъ красоты и счастія богини,
> Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ.

Тѣмъ не менѣе все преклонялось передъ нимъ и доби
его милостей и ходатайства предъ Государыней. Онъ же не
тѣлъ принять и графскаго титула.

Подлинники нижеслѣдующихъ писемъ сохранились въ бум
его и переданы въ „Архивъ Князя Воронцова“ Иларіоном
колаевичемъ Толстымъ, супруга котораго, родная пра
сестры и наслѣдницы И. И. Шувалова, княгиня Прасковьи
новны Голициной, владѣетъ его письменнымъ наслѣдствомъ

П. Б

1.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

Не будучи въ состояніи за моею болѣзнію сейчасъ ко двору ѣхать и подвергнуть себя къ стопамъ всемилостивѣйшей нашей Государыни за пожалованіе ко двору своему въ камеръ-юнкеры графа Сапѣгу [1]), о которой высочайшей милости ваше превосходительство дружескимъ письмомъ мнѣ знать дать изволили, покорнѣйше васъ прошу мое рабское благодареніе Ея Императорскому Величеству принести.

При семъ посылаю къ высочайшей Ея Величества апробаціи указъ въ Штатсъ-Контору о Токе [2]). Равномѣрной отъ меня всенижайше былъ поднесенъ Ея Величеству съ проектомъ письма моего въ Парижъ; я весьма желаю, дабы сіе дѣло окончаніе свое возъимѣло къ удовольствію всемилостивѣйшей Государыни.

За благосклонное ваше поздравленіе и принятіе участія въ пожалованіи графа Сапѣги вѣчное благодареніе вашему превосходительству имѣть буду. Вручая себя въ непремѣнную вашу дружбу, пребываю навсегда вашего превосходительства покорнѣйшій и вѣрный слуга

графъ Михаилъ Воронцовъ.

Генваря 10
1755.

---

[1]) Сапѣга былъ женатъ на графинѣ Софьѣ Карловнѣ Скавронской, сестрѣ жены графа М. Л. Воронцова. П. Б.

[2]) Извѣстномъ живописцѣ, отъ котораго осталось немало превосходныхъ портретовъ тогдашней Русской знати. П. Б.

2 *).

Покорнѣйше благодарствую за дружеское и утѣш
ное ваше письмо. Я въ самомъ дѣлѣ много чувству
шенія отъ дружбы и благосклонности вашего прево
тельства ко мнѣ, токмо le mal que je souffre n'est q
réel et non imagination; mais que la volonté de Die
Malheureusement je suis né pour trop souffrir, quoiq
grande espérance de main de Tout-Puissant et de la b
Sa Majesté pour être une fois délivré de mes justes do

Покорнѣйше благодарствую за сообщеніе письма
Г. **) и при семъ посылаю отъ него полученныя, съ
рыхъ копіи Ея Величеству сей вечеръ всенижайше
сены будутъ.

Февраля 12.

*) Въ этомъ и дальнѣйшихъ письмахъ обычныя начала и оконча
скаются. П. Б.

**) Графа Ивана Григорьевича Чернышова, который много путешес
за границею. Года на письмѣ нѣтъ. П. Б.

3.

Включенный здѣсь пакетъ покорно прошу ваше превосхо-
гельство при удобномъ случаѣ всемилостивѣйшей Госу-
рынѣ поднести. Содержаніе онаго есть вознамѣренный
ъѣздъ графа Михаила Петровича *) изъ Данцига 16-го
сла сего мѣсяца; я надѣюсь, что онъ теперь уже въ Ми-
вѣ находится.

Сегодня я получилъ выписанныя изъ Рима малыя біздѣ-
цы для вашего превосходительства, которыя по пріѣздѣ
шемъ въ городъ имѣть честь буду вамъ вручить, желая
кмо, чтобы оныя къ угодности вашей были. Я также по-
чилъ разныя эссенціи изъ Италіи, токмо не осмѣливаюсь
я Императорскому Величеству поднести.

Почта иностранная сей вечеръ сюды пришла и, вмѣсто
онфирмаціи разглашеннаго слуха о бывшемъ будто сраже-
и между флотами Аглинскимъ и Французскимъ, предъяв-
ется, что якобы уже конвенція перемирія на два года за-
ючена, въ которое время сіи державы будутъ соглашать-
о разграниченіи земель спорныхъ въ Америкѣ. О сихъ
бстоятельствахъ мы отъ нашихъ министровъ ни откуда еще
увѣдомлены.

Настоящая пріятная погода не обѣщаетъ намъ скораго
озвращенія въ городъ всемилостивѣйшей Государыни. Ваше

*) Бестужева. Это старшій братъ государственнаго канцлера, въ то
емя посланникъ при Саксонскомъ дворѣ. П. Б.

превосходительство меня много одолжить изволите, ег
томъ дружески мнѣ знать дадите, сколь для собств
моего желанія вѣдать, такъ и для отвѣта на вопросы
странныхъ министровъ, которые при свиданіи со мною
шивать о томъ не оставятъ, а я невѣдѣніемъ отзы
принужденъ буду.

1755.
Мая 24.

Завтра Турецкой посланникъ будетъ въ публичной
менадѣ въ дворцовые сады, и я намѣренъ послать к
превосходительству оберъ-маршалу, чтобъ приказал
гротѣ изготовить для посланника кофе и лимонаду.

4.

Сегодня я получилъ отъ Мишеля [1]) письмо, съ котораго осылаю копію для извѣстія вашего превосходительства, и жели заблагоразсудите о томъ Ея Величеству донести; а ъ господина Бехтеева кромѣ послѣдняго изъ Данцига отъ го Іюня въ полученіи еще не имѣлъ.

Я ласкалъ себя надеждою прежде отъѣзда двора въ Царкое Село получить чрезъ ваше превосходительство высоайшее повелѣніе на всенижайшее мое представленіе по звѣстному дѣлу г. Дукласа; а нынѣ отнюдь не смѣю утрудать напоминаніемъ, крайне опасаясь прогнѣвать Ея Величество и тѣмъ приключить какое либо препятствіе въ заавахъ въ толь веселомъ и любимомъ мѣстѣ. Надѣюсь однаожъ, что при свободномъ часу вспамятовано будетъ и, наонецъ, разрѣшится жребій г. Дукласа; ибо онъ въ крайемъ опасеніи находится впасть въ вину у своего двора и олагаетъ надежду на благосклонность вашего превосходиельства. О моихъ собственныхъ нуждахъ не упоминаю, преавъ себя совершенно Промыслу Божію и вашему дружескому одатайству въ склоненіи милосердаго сердца Ея Величества, а инако безъ помощи Ея Величества я въ крайнее стощеніе и бѣдность прихожу.

1756.
Іюля 3-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

---

[1]) Французскій купецъ въ Петербургѣ. П. Б.

[2]) Ѳ. Д. Бехтеевъ, нашъ повѣренный въ Парижѣ. См. III-ю книгу, „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

На будущей почтѣ я намѣренъ въ Италію къ графу С
ману писать; ежели угодно вашему превосходительству
слать мѣрку съ тѣхъ картинъ, кои желали имѣть, о
буду ожидать вашего приказанія.

P. S. Цесарской посолъ присылалъ ко мнѣ своего
таря, желая видѣться со мною сегодня; я ему назначи
часъ по полудни. Ежели отъ него будутъ какія важн
общенія, то не премину завтра чрезъ ваше превосход
ство донести всемилостивѣйшей Государынѣ; а въ пр
испрашиваю позволенія, смѣю ли иногда присылать въ
ское Село дѣлà къ свѣдѣнію Ея Величества; о томъ
меня увѣдомить.

Копія съ письма, полученнаго изъ Парижа.

Monseigneur

Je crains bien de devenir importun; mais les b
avec lesquelles votre excellence m'a toujours ho
me rassurent. Je suis revenu cette nuit de Vers
où je suis resté trois jours; j'ai vu toutes les pers
du bureau qui continuent à avoir les mêmes sentin
Il y a aujourd'hui huit jours que l'on a envoyé a
valier de Douglas les lettres de créance nécess
je doute qu'à l'arrivée de la présente elle lui soi
venue à cause des détours qu'on est obligé de
faire, pour la faire passer des mains en mains
espère bien que m-r de Bechteyew sera égale
muni d'une pareille lettre de créance; on l'atte
avec la plus grande impatience du monde, et
son arrivée, il n'est pas possible de rien faire. De
je me flatte qu'il ne trouvera ici la moindre diffi
tout est applani; on s'occupe à l'heure qu'il est

recherche d'un ambassadeur qui ait toutes les qualités requises. J'espère recevoir bientôt des nouvelles de m-r Bechteyew et compte qu'il sera bientôt à la Haye; je l'attendrai ici pour l'ammener à son arrivée à Compiègne où sera le roi de France, pour y passer une partie de l'été. J'entretiens votre excellence toujours de choses qui lui sont indifférentes; mais comme elle m'a recommandé de l'instruire de ces nouvelles, je n'ai garde d'y obvier.

J'ai à remarquer à votre excellence qu'il sera difficile que l'ambassadeur d'ici se rend à la fin d'hyver à S-t Pétersbourg à cause de l'impossibilité d'y envoyer son équipage, au moins que l'on ne lui en prête un en attendant, ainsi que la maison; car tout cela ne pourra guère s'arranger avant un an; il est donc nécessaire que l'on soit prévenu là-dessus. J'avais pensé, si l'on pouvait lui prêter ces choses; en attendant on fera sur cela ce que l'on jugera à propos, et je crois qu'il était essentiel que l'on en fût prévenu.

Paris,
ce 25 (14) juin 1756.

5.

На письмо вашего превосходительства, сегодня полученное, при моемъ покорнѣйшемъ благодареніи, имѣю честь донесть, что я первымъ долгомъ и главнѣйшимъ правиломъ моихъ поступковъ почитаю во всемъ съ крайнимъ усердіемъ наилучше исполнять волю всемилостивѣйшей Государыни и все чтȯ къ высочайшей ея славѣ и интересу служить можетъ, болѣе какъ жизнь мою сохранить желаю; и на семъ основаніи мнѣ мнится, что при нынѣшнемъ происшествіи съ г. Дукласомъ надлежитъ учинить слѣдующее: 1) Объявить ему, чтобъ онъ въ письмахъ своихъ кредитивныхъ г-ну Рулье постановилъ датумъ, отъ котораго числа куріеръ къ нему съ депешами посланъ и оныя потомъ канцлеру и мнѣ подалъ; 2) обнадежить его, что по принятіи оныхъ, на другой или на третій день, такія же кредитивныя письма отъ министерства здѣшняго къ Бехтееву, или вмѣсто его особливая персона въ характерѣ chargé d'affaires отправится, и сіе въ самомъ дѣлѣ учинить должно.

О семъ способѣ я не знаю, согласится ли Дукласъ или нѣтъ; токмо мнѣ видится инаго дѣлать нечего какъ его къ тому принудить, ежели Ея Императорскому Величеству угодно неотмѣнно сей поступокъ отъ Французскаго двора обдержать.

Что же ваше превосходительство чаять изволите, не имѣетъ ли Дукласъ отъ двора своего позволенія по желанію здѣшнему поступить, то сколько изъ оригинальныхъ его депешей я усмотрѣть могъ (съ которыхъ точные переводы къ Ея Императорскому Величеству я всенижайше отправилъ), именно ему повелѣно и предписано, чтобъ въ письмахъ кре-

дитивныхъ съ обѣихъ сторонъ отъ одного числа датумы поставлены были.

Я немало удивляюсь деликатности Французскаго двора въ семъ дѣлѣ; токмо сіе подлинно, и никто оспорить не можетъ, что Французской дворъ подобный поступокъ дѣйствительно учинилъ, а требуетъ токмо съ здѣшней стороны взаимнаго снисхожденія; ибо великіе дворы всѣ дѣла свои учреждаютъ на равномъ взаимствѣ, дабы ни которой сторонѣ никакого предосужденія быть не могло. А нынѣ Дукласъ въ нашихъ рукахъ, и можемъ съ нимъ все сдѣлать, что̀ Ея Величеству угодно. И такъ ежели вышеписанное мое представленіе Ея Величество апробовать изволитъ, я прошу вашего превосходительства меня увѣдомить, дабы я, призвавъ къ себѣ Дукласа, ему о томъ объявить могъ. Также прошу высочайшее повелѣніе исходатайствовать о сообщеніи Цесарскому послу о присылкѣ сюды Дукласа; ибо Французской дворъ Вѣнскому о томъ уже знать далъ, и мнѣ вчерась графъ Эстергази читалъ письмо отъ Кауница, на последней почтѣ полученное, понеже долгое съ нашей стороны молчаніе при Вѣнскомъ дворѣ приметсн за знакъ нѣкоторой недовѣренности къ себѣ, чего избѣгать дружба обѣихъ державъ требуетъ, о чемъ ссылаюсь на всеподданнѣйшія мои примѣчанія на поднесенные Ея Величеству переводы съ Дукласовыхъ депешей. Въ заключеніе сего прошу не прогнѣваться, что васъ много утрудилъ; ежелибъ персонально съ вами видѣться могъ, то бъ на словахъ короче изъясниться могъ.

При семъ посылаю переводъ съ Берлинской Нѣмецкой газеты, въ которой гораздо увеличена свита посланника князя Долгорукова.

1756,
Іюля 4-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

При семъ же посылаю записку о бытности у меня Цесарскаго посла и графа Горна, которую прошу Ея Величеству поднести.

6.

Я уповаю, что всемилостивѣйшая Государыня не соизволитъ прогнѣваться, что я по полученіи чрезъ графа Петра Ивановича *) милостиваго повелѣнія мнѣ быть въ Царское Село того жъ часа не поѣхалъ: истинно я и теперь въ великой слабости еще нахожусь. Сей день у меня обѣдалъ графъ Горнъ съ прочими чужестранными министрами кромѣ пословъ, котораго я пригласилъ прежде повѣстки, чтобъ въ Царское Село мнѣ ѣхать; завтра поутру съ великою горячностію васъ видѣть въ Царское Село поѣду, гдѣ буду имѣть честь изустно увѣрить о моемъ совершенномъ высокопочитаніи и истинной дружбѣ.

1756.
Іюля 6-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

Мнѣ стороною вчерась сказано, что г. канцлеру повелѣно въ Царское Село завтра быть; я не вѣдаю, велѣно ли ему и дѣла къ слушанію Ея Величества съ собою привезти.

Господинъ Токе въ концѣ Іюня мѣсяца изъ Данцига сюды поѣхалъ; я чаю, что онъ уже въ Ригу прибылъ. Прошу о квартирѣ для него вспомнить.

*) Шувалова.

7.

Покорнѣйшее мое благодареніе приношу за дружеское ваше напамятованіе съ днемъ моихъ имянинъ; я всячески стараться буду заслужить вашего превосходительства оказанныя мнѣ многія благодѣянія и вяще себя достойнымъ учинить вашей благосклонности и твердой дружбы.

Сего утра я былъ у г-на канцлера на острову *) и, повелѣніе всемилостивѣйшей Государыни по извѣстному дѣлу исполняя, его сіятельство съ особливою ласковостію со мною обошелся и унималъ у себя обѣдать; токмо я затѣмъ у него не остался, что онъ г. Дукласа къ себѣ пригласилъ для принятія кредитивнаго письма, дабы въ публикѣ не показать себя предводителемъ онаго Дукласа. Теперь онъ съ моихъ рукъ снятъ и долженъ своимъ характеромъ себя управлять. А я не менѣе вашему превосходительству имѣю одолженіе въ сильномъ вашемъ вспомоществованіи по его комиссіи, которая къ бо́льшей славѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни и отечеству нашему служить имѣетъ.

При семъ случаѣ я не могу оставить по должности моей вашему превосходительству представить, что честь нашего двора требуетъ пожаловать Бехтееву отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ рублевъ на экипажъ, ибо онъ уже отъ лица Ея Величества къ королю Французскому за дѣлами посланъ и

*) Т. е. на дачѣ у великаго канцлера графа Бестужѣва-Рюмина. П. Б.

акредитованъ; понеже онъ собственнаго достатка, кромѣ бѣд ности, не имѣетъ, слѣдовательно печальную фигуру по сво ему чину (а паче для двора нашего безславно) въ Париж представлять будетъ; также и жалованье ему прибавит должно. По семъ прошу Ея Императорскому Величеству до ложить и исходатайствовать милостивую резолюцію и мен благосклонно увѣдомить. По требованію Аглинскаго посла съ его сіятельствомъ канцлеромъ согласился послѣ завтр имѣть конференцію на острову; онъ, чаятельно, намъ мно жество представлять будетъ; токмо по нынѣшней разстройк дѣлъ едва ли сходство найти можно будетъ что-нибудь ем удовольствительное сказать.

1756,
Іюля 13-го дня,
въ СПбурхѣ.

P. S. Ежели на сегодняшней почвѣ отъ Бехтеева письм получу, не премину завтра къ вашему превосходительств во извѣстіе прислать.

8.

Сейчасъ, возвратясь изъ публичной променады дворцовыхъ садовъ, я имѣлъ удовольство получить вашего превосходительства письмо, которымъ знать дать изволили о высочайшемъ желаніи Ея Величества вѣдать, какія затрудненія Дукласъ чаетъ имѣть и прочее; въ приложенномъ здѣсь пакетѣ я обстоятельно Ея Императорскому Величеству всенижайше описалъ о всемъ, что́ мнѣ отъ Дукласа сказано было, который прошу всемилостивѣйшей Государынѣ поднести и меня дружески увѣдомить, угодно ли Ея Величеству покажется мое доношеніе. О содержаніи онаго здѣсь повторять излишно нахожу, ибо вы по справедливой довѣренности Ея Величества къ вамъ свѣдать изволите; къ томужъ сіе пишу и дремлю: не въ состояніи больше написать.

1756,
Іюля 14-го,
въ СПБурхѣ.

9.

При семъ посылаю въ оригиналѣ письмо отъ г-на Бехтеева; поданныя имъ извѣстія о Пруссіи кажутся весьма обстоятельны.

Г-нъ Дукласъ, возвратясь вчерась въ вечеру отъ г-на канцлера, мнѣ знать далъ, что онъ, по отзывамъ его, ничего добраго себѣ не предвѣщаетъ и опасается, чтобъ при самомъ началѣ возобновленія съ Французскимъ дворомъ дружбы, оная въ наивящее отдаленіе приведена не была, о чемъ при первомъ свиданіи вашему превосходительству донести не оставлю.

О Бехтеевѣ повторяю мое прошеніе по вчерашнему письму исходатайствовать высочайшее повелѣніе Ея Величества, ибо мы собою отъ Коллегіи не можемъ ему никакого жалованья, ни на экипажъ денегъ опредѣлить; также прошу припамятовать и о соболяхъ.

1756, Іюля 14-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

10.

При семъ имѣю честь вашему превосходительству послать полученное на вчерашней почтѣ отъ графа Головкина и отъ г-на Бехтеева, которое прошу съ симъ посланнымъ возвратить для сообщенія его сіятельству канцлеру, куды завтра поѣду для конференціи.

1756, Іюля 18-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

P. S. Я писалъ къ брату Роману Ларіоновичу, чтобъ ваше превосходительство увѣдомилъ о спорѣ въ земляхъ съ князь Б. В. Голицинымъ и что дѣйствительно отъ межевщиковъ найдено, что церковь, часть палатъ съ садами и деревня поселена на Коньковской землѣ *). Чрезъ сей случай я ласкаю себя имѣть удовольство васъ сосѣдомъ видѣть, понеже князь Б. В. долженъ будетъ свое сѣло Ускоe продать за резонабельную цѣну, и я прошу вашего превосходительства не упустить сію оказію и оную деревню купить; а я съ охотою принадлежащую къ тому землю вамъ уступаю, а не кому другому.

---

*) Коньково, подмосковная графа М. Л. Воронцова, за Серпуховскою заставою, купленная имъ у графа Головкина, нашего посланника въ Голландіи. П. Б.

11.

По письму вашего превосходительства рескриптъ къ Гросу о Игельштромѣ на сегодняшней почтѣ отправится. При семъ слѣдуетъ спесификація именамъ мѣстъ и персонъ, которую ваше превосходительство имѣть желали.

Отъ надежной руки я увѣдомленъ былъ третьяго дня, якобы отъ короля Прускаго сюды шлется генералъ-поручикъ *Вартенслебенъ*; а вчерась, будучи у канцлера на острову, онъ мнѣ сообщилъ письмо изъ Риги, въ коемъ ему знать дается, будто генералъ-поручикъ *Винтерфельдъ* отъ короля Прускаго министромъ назначенъ и вскорѣ въ Ригу пріѣхать имѣлъ. На приходящей сегодня почтѣ, можетъ быть, подлиннѣе о томъ свѣдаемъ. Ежели въ самомъ дѣлѣ король Пруской такъ незапно министра къ намъ пришлетъ, находящіяся теперь дѣла въ нарочитомъ замѣшаніи обращаются, и оныя по большей части еще умножатся. Токмо все сіе да будетъ къ наивящей славѣ царствованія всемилостивѣйшей нашей Государыни.

1756, Іюля 20-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

12.

Съ крайнимъ моимъ сожалѣніемъ я принужденъ чрезъ сіе ваше превосходительство трудить, пожаловать меня не оставить и для расплаты съ каменьщиками ссудить взаймы 4000 рублевъ. Отъ господина барона Вольфа я въ семъ мѣсяцѣ уже занялъ 5000 рублевъ, и оные всѣ на расплату поставщикамъ и работнымъ людямъ розданы; а теперь сихъ бѣдныхъ людей мнѣ должно немедленно удовольствовать, и я нигдѣ занять сыскать не могу.

Прошу увѣреннымъ быть, что сія ваша ко мнѣ милость безъ признанія и дѣйствительной заплаты не останется, хотя бы меня и на свѣтѣ больше не было.

Я отнюдь не смѣю трудить всемилостивѣйшую Государыню, ибо и такъ преизобильно пожалованъ; токмо строеніе моего двора меня въ крайнее разореніе и печаль приводитъ. Всепокорнѣйше прошу не оставить сей моей просьбы.

1756,
Октября 27-го.

13.

Не будучи въ состояніи за болѣзнію моею вашему превосходительству изустное мое благодареніе учинить за дружеское ваше одолженіе ссудою 4000 рублевъ (для нужды моей расплатою работникамъ несчастнаго строенія моего двора), я чрезъ сіе вашему превосходительству наичувствительное мое признаніе и благодарность засвидѣтельствовать преминуть не могу, покорнѣйше васъ прося великодушное терпѣніе возымѣть, доколѣ Богъ чрезъ высочайшую милость и щедроты нашей всемилостивѣйшей Государыни въ состояніе приведетъ съ благодареніемъ вамъ заплатить всю сумму девятнадцать тысячъ рублевъ, которыми вы столь благосклонно меня одолжить изволили; а паче сего одолженія я чувствую и признаваю вашу дражайшую дружбу и любовь ко мнѣ, которыхъ и вяще себя достойнымъ учинить при всякихъ случаяхъ стараться не оставлю.

1756,
Октября 30-го дня.

14.

При семъ возвращаю извѣстную піесу, принося вашему превосходительству покорнѣйшее благодареніе за сообщеніе оныя.

Я признаваю за излишно присовокупить здѣсь мои примѣчанія: ваше превосходительство по просвѣщенному разуму сами объ ней судить лучше изволите. Токмо сего вамъ скрыть не могу, что я съ крайнимъ ужасомъ читалъ пасажъ на страницѣ 12 и № XVI; равномѣрно удивленія достойны означенныя дѣла, на 14-й, 16-й и 17 изображенныя, гдѣ увѣдомляютъ о совѣтахъ, держанныхъ при дворѣ въ Москвѣ и здѣсь, съ такимъ ругательнымъ заключеніемъ: *il en avait profité pour attacher le grelot à la bête.* Вашему превосходительству извѣстно, что сіе взято изъ 23 фабулы Езоповой, которую прошу для припамятованія прочитать. Въ прочемъ же обнаженныя въ сей піесѣ разныхъ родовъ интриги, чтò до насъ касается, не столько удивленія, сколько омерзенія и крайняго презрѣнія быть достойными кажутся; единственно о томъ только сожалѣю, что нынѣ весь свѣтъ видитъ, сколь долгое время насъ всячески проводили и почти обманомъ въ игру втянуть старались. Сіе по откровенной дружбѣ вашему превосходительству пишу, желая токмо, чтобы мы отъ сего времени больше проводимы не были и всѣмъ каверзамъ конецъ сдѣланъ былъ.

1756,
Октября 31-го дня.

15.

Покорнѣйше благодарствую за милостивое ваше писаніе и присылку соболей, которые въ назначенное мѣсто исправно отошлются.

Я не въ состояніи былъ вчерась къ вашему превосходительству отписать, имѣя прежній припадокъ и кризисъ отъ моей болѣзни; а чрезъ сіе вѣрно доношу, что о бывшемъ у меня гостѣ ни малѣйшаго безпокойства Цесарской посолъ ко мнѣ не являлъ, будучи у меня четвертаго дни, а Дукласъ и подумать не смѣетъ; да и въ самомъ дѣлѣ, сей случай никакой консеквенціи по себѣ имѣть не можетъ.

Смѣю ли, милостивый государь, напамятовать о исполненіи намѣреннаго пожалованія столовыхъ денегъ? Истинно вамъ доношу, что я чрезъ строеніе совсѣмъ банкрутомъ сталъ. Въ большой нуждѣ надобно и большое вспоможеніе, инакожъ совсѣмъ въ упадокъ придти долженъ. Вы одни меня съ своею дражайшею дружбою подкрѣпляете. Дай Боже, чтобъ я вамъ хотя малѣйше отслужить могъ.

1756,
Ноября 3-го дня.

16.

Не будучи въ состояніи учинить вашему превосходительству моего искренняго поздравленія со днемъ тезоименитства вашего, я не могу оставить чрезъ сіе засвидѣтельствовать вамъ мое истинное желаніе, дабы Всемогущій Богъ даровалъ вамъ непремѣнное благополучіе и совершенное здравіе къ удовольствію всѣхъ вѣрныхъ вашихъ друзей и честныхъ людей, въ которыхъ я по преданности моей къ вамъ не послѣднимъ себя считаю.

1756,
Ноября 12-го дня.

17.

Покорнѣйше благодарствую за поднесенный пакетъ всемилостивѣйшей Государынѣ.

Двѣ реляціи Бехтеева немедленно по полученіи отъ курьера послалъ къ г-ну канцлеру, и едва-ли къ сему вечеру перепискою поспѣютъ; а съ письма ко мнѣ отъ Бехтеева, сколь скоро копія спишется, немедленно къ вамъ пришлю для поднесенія Ея Величеству.

Я великой флюсъ въ головѣ и болѣзнь зубную получилъ, для того принужденъ дома остаться.

18-го Генваря 1757.

18.

При семъ посылаю полученное въ моемъ пакетѣ письмо къ вашему превосходительству отъ графа Ивана Григорьевича; а по разобраніи съ цифровъ моего немедленно къ вамъ пришлю. Также прилагаю отъ Бехтеева къ прочитанію и прошу вашего превосходительства сему вѣрному и честному человѣку отъ всемилостивѣйшей Государыни исходатайствовать знакъ высочайшей милости и награжденія.

Смѣю-ли, милостивый государь, напомянуть о пожалованіи бѣдныхъ коллежскихъ служителей, которые уже четыре года дожидаются милостиваго пожалованія? Мнѣ кажется, что при нынѣшнихъ спокойныхъ дняхъ болѣе свободнаго времени есть высочайшую милость показать.

Я отъ болѣзней моихъ, а болѣе отъ печали свободиться не могу и въ непрестанномъ страданіи бѣдные дни мои провождаю.

1757, Февраля 12-го дня.

19.

Злоключительное мое состояніе, которое я отъ великихъ долговъ имѣю, вашему превосходительству совершенно извѣстно; ежели вы по милости своей не испросите по прошенію моему отъ Ея Императорскаго Величества позволенія о выпускѣ до 300 тыс. четвертей хлѣба, мнѣ никогда изъ горестнаго состоянія выйти не можно. Я слышу, что отъ Сената нѣкоторымъ купцамъ уже дозволено отсюда хлѣба выпустить; не лучше-ли бы было, чтобъ сею милостію я пожалованъ былъ? На сихъ дняхъ срокъ минуетъ по векселю заплатить барону Вольфу 25 тыс. рублевъ; можетъ быть, что онъ на нѣкоторое время мнѣ отсрочитъ. Да я никогда не въ состояніи ему заплатить, а еще менѣе прочимъ должникамъ. Vue cette affreuse situation, je conjure votre excellence de faire tout son possible pour me faire obtenir cette grâce de Sa Majesté Impériale, et j'offre encore une fois à votre excellence d'être de moitié avec moi dans cette négoce. Il vaudrait mieux à votre excellence d'avoir en moi un ami puissant et riche, que je ne suis que faible et pauvre; mais pauvre ou riche, je serai toujours votre intime ami et très-fidèle serviteur jusqu'à trépas.

Je ne veux pas vous importuner davantage, mais je me réfère à ma lettre du 27 décembre, étant dans la grande confiance que j'ai de votre amitié, que vous vous intéressiez vivement pour moi, et je ne doute pas que Sa Majesté Impériale n'accordera pas à vos prières cette marque généreuse de sa bienveillance, d'autant plus qu'elle ne coûtera rien à

Sa Majesté, et je répète encore ici que tout le profit que je me flatte d'en avoir sera en propre pour l'Impératrice. Je vous prie aussi d'avoir une indulgence de mon mauvais français et de l'importunité que je suis obligé de vous réitérer, puisque la nécessité est trop grande.

Въ заключеніе сего усугубляю мое покорнѣйшее прошеніе о исходатайствованіи отъ всемилостивѣйшей Государыни послѣдняго милосердія, которое будетъ для меня вѣчнымъ монументомъ ея щедроты.

1757, Марта 3-го дня.

P. S. Милостивый государь, ежели Богъ умилосердитъ сердце Ея Величества, что по вашей просьбѣ соизволитъ акордовать мнѣ свою высокую милость, не соизволитъ-ли повелѣть оную чрезъ графа Петра Ивановича въ Конференціи объявить и оттуда для вѣдома въ Сенатъ отпишется, и симъ кратчайшимъ путемъ совершится мое благополучіе; ибо время уходитъ, чтобъ можно было успѣть въ семъ важномъ предпріятіи надлежащія распоряженія учинить.

Я сердечно сожалѣю, что частые припадки болѣзней моихъ лишаютъ меня пріятнаго удовольства часто при дворѣ быть и вашему превосходительству засвидѣтельствовать мое совершенное высокопочитаніе.

20.

Всепокорнѣйше вашему превосходительству благодарствую за исходатайствованіе отъ всемилостивѣйшей Государыни высочайшей резолюціи на поданную отъ меня записку. Я съ чувствительною радостію о томъ увѣдомился и вашему превосходительству много обязанъ.

Что же подлежитъ до опредѣленнаго подарка г. Рулье, я покорно прошу вашего превосходительства быть гарантомъ безкорыстныхъ моихъ сентиментовъ, и что я о сей матеріи напоминать не для собственнаго моего интереса или тщеславія, но единственно въ разсужденіи высочайшаго достоинства Ея Императорскаго Величества за должность мою признаю.

Предаю на соизволеніе Ея Величества, что̀ заблагоразсудить изволитъ послать, будучи всегда того мнѣнія, что въ подобныхъ случаяхъ по равенству дворовъ равное и взаимство наблюдать должно. И такъ подарокъ имѣетъ состоять отъ 6 до 7 т. рублевъ; чего ради принужденъ паки утруждать ваше превосходительство при удобномъ случаѣ доложить Ея Величеству, понеже Дукласъ дѣйствительно въ Четвергъ, 20-е число, отсюда поѣдетъ и сей день обще съ Французскимъ посломъ обѣдать у меня будутъ на приморскомъ дворѣ, а оттуды прямо въ путь свой отправится.

При семъ посылаю къ вашему превосходительству полученное письмо отъ Бехтеева, также сообщенныя мнѣ отъ Дукласа письма Французскихъ пословъ изъ Стокгольма и Константинополя, которыя вмѣсто перлюстраціи почты въ оригиналѣ прочитать изволите.

Будущій мой зять за милостивое ваше объ немъ напоминаніе покорнѣйше благодаритъ и нижайшій свой поклонъ отдаетъ.

1757, Августа 18-го дня,
въ Санктпитербурхѣ.

P. S. Александръ Ивановичъ Глѣбовъ мнѣ сказывалъ, что Ея Императорское Величество, при милостивомъ дозволеніи пасынку его *) отъѣздъ во Францію, соизволила хотѣть повелѣть мнѣ, чтобъ о надзираніи его къ послу нашему изъ Коллегіи писано было; я буду о томъ съ симъ посланнымъ отъ вашего превосходительства дружескаго увѣдомленія ожидать.

Теперь я свѣдалъ отъ г-на Волкова, что Ея Величество повелѣть изволила Конференціи быть завтра въ Царское Село; симъ случаемъ я буду имѣть пріятнѣйшее удовольство видѣть ваше превосходительство.

Господинъ резидентъ Вольфъ часто присылаетъ ко мнѣ навѣдаться о взятомъ ко двору перстнѣ, понеже изъ Англіи къ нему на всякой почтѣ пишутъ, требуя обратной присылки. Я покорно прошу вашего превосходительства доложить Ея Величеству, чтобъ приказала оный перстень ему отослать, буде не изволитъ оный купить.

*) Чоглокову. Его мать, Марья Симоновна, урожд. гр. Гендрикова, двоюродная сестра императрицы Елисаветы Петровны, была во второмъ бракѣ за А. И. Глѣбовымъ. П. Б.

21.

Изображенные въ дружескомъ вашемъ письмѣ отъ вчерашняго числа сентименты вашего праводушія и честности мнѣ столько извѣстны и оцутительны, что я совершенно увѣренъ, что и самые ваши непріятели, ежели они есть, неинако чувствуютъ. Продолжайте токмо по сей принципіи и правилу поступать: Богъ васъ не оставитъ, и весь честный свѣтъ справедливость вамъ всегда окажетъ.

При семъ посылаю въ дружеской откровенности сочиненное мною по слабѣйшему разсужденію представленіе къ всемилостивѣйшей Государынѣ о награжденіи и пожалованіи своихъ вѣрныхъ рабовъ, которыхъ безъ всякой парціальности и по совѣсти моей признаю быть достойными монаршаго ея призрѣнія. О, какъ бы счастливъ былъ, ежелибъ Ея Величество, для дражайшаго своего здоровья и вѣчнаго прославленія славнаго своего царствованія, сіе слабое представленіе въ милостивое уваженіе принять изволила и въ нынѣшніе праздники высочайше конфирмовать соизволила. По меньшей мѣрѣ ежели что́ Ея Величеству неугодно покажется, я надѣюсь на милосердое ея сердце, что о томъ прогнѣваться не изволитъ и излишное отставитъ, а прочее по природной своей щедротѣ апробовать соизволитъ. Истинно, милостивый государь, Ея Величество сама по проницанію своему усмотрѣть изволитъ, что подобныя милости и награжденія учинить надобно. Я все оное поручаю дружескому вашему заступленію и попеченію, будучи удостовѣренъ, что вы сами не токмо отъ того не удалены, но и весьма склонны будете преклонить Ея Величество къ милостивой резолюціи.

1757, Декабря 11-го дня.

22.

Вѣдая довольно, сколь много ваше превосходительство любопытны вѣдать, что̀ происходитъ при нашей арміи, я при семъ посылаю въ дружеской конфиденціи къ прочитанію пространное письмо отъ его высочества принца Карла и покорно прошу до времени оставить безъ употребленія во ожиданіи надежнѣйшихъ и точнѣйшихъ увѣдомленій отъ генерала Фермора; понеже онъ планъ баталіи съ обстоятельствами прислать немедленно обѣщалъ; а изъ присланнаго плана (которой при семъ же посылаю), также и обвиненія о нѣкоторыхъ проступкахъ г. Фермора, весьма бы неправедно и рановременно было осуждать, въ чемъ и надѣюсь, что ваше превосходительство въ семъ мнѣніи со мною согласны быть изволите.

При семъ же посылаю для извѣстія вашего письмо отъ г-на Гроса съ оригинальнымъ отъ г-на Лашиналя, изъ котораго явственно изволите усмотрѣть, что и принцово письмо̀ расположено по разсужденію отъ онаго Лашиналя, въ чемъ я ему мало вѣрю. Здѣсь же включаю отъ графа Сапѣги полученное и прошу по прочтеніи оныхъ сегодня ко мнѣ возвратить.

Я сегодня лекарство принималъ, чего ради опасаюсь на вечеръ съ двора съѣхать; а впрочемъ гипохондрія и многія нужды меня мучатъ.

Сейчасъ былъ у меня г. Прасе и показывалъ портретъ королевскій съ бриліантами, присланный къ Петру Александровичу Бутурлину, съ тѣмъ, что оный ему при немъ обѣщалъ при отъѣздѣ своемъ прислать. Г-нъ Прасъ навѣ-

дывался у меня о соизволеніи на то всемилостивѣйшей нашей Государыни, и я обѣщалъ ему о томъ доложить Ея Величеству, на чтò и испрашиваю отъ вашего превосходительства дружескаго увѣдомленія.

1758, Сентября 8-го дня.

23.

Сего утра я получилъ чрезъ прибывшаго курьера изъ арміи письма отъ Н. А. Корфа *), которыя при семъ къ вашему превосходительству посылаю; онъ ко мнѣ такія же извѣстія прислалъ, и для того моихъ не посылаю, чтобъ излишно васъ не утрудить.

Что же до меня собственно принадлежитъ, то я, милостивой государь мой, немного начинаю оправливаться, будучи еще очень слабъ, къ тому же по дѣламъ моего департамента ничего не вижу исполненнымъ, тѣмъ болѣе въ печали и сокрушеніи остаюсь; а о моихъ собственныхъ недостаткахъ и нуждахъ не упоминаю, оставляя все Промыслу Божію и милостивому призрѣнію Ея Императорскаго Величества и вашему дружескому вспомоществованію.

1758, 2-го Октября.

---

*) Генералъ-губернаторъ занятой нами Восточной Пруссіи, женатый на графинѣ Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской. П. Б.

24.

При семъ въ дружеской довѣренности и надеждѣ на вашу ко мнѣ благосклонность посылаю теперь полученное письмо отъ ея свѣтлости принцессы Цербсткой; по прочтеніи прошу ко мнѣ возвратить для перевода и поднесенія Ея Величеству.

Также посылаю къ прочтенію и извѣстію вашего превосходительства письмо генерала Фермора и другое отъ него же къ Н. А. Корфу, которое курьеръ забылъ ему въ Кенигсберхѣ отдать; а я нарочно распечаталъ для знанія объ его содержаніи, за что Н. А. Корфъ на меня сердиться не будетъ. Въономъ усмотрѣть изволите, что́ при арміи происходило.

1758,
Ноября 3-го дня.

25.

Monsieur.

Je renvoye à votre excellence le livre que vous m'avez fait le plaisir de me prêter. Rien de plus injuste et de plus odieux que la manière dont nous y sommes traités. Je pense comme vous, monsieur, qu'il serait à propos que m-r de Voltaire y répondît, mais je ne sais s'il entend y faire une réfutation particulière ou seulement donner, dans l'histoire de Russie à laquelle il travaille, une idée de notre gouvernement, de nos moeurs, des loix et établissements, de nos souverains, qui puisse comme prévenir et détruire les fausses imputations du Philosophe de Sans-Souci. En tout cas, quelque soit son dessein, les armes ne lui manqueront pas, dès que votre excellence prend sur elle de lui en fournir. Un coup d'oeil sur les divers évènements, qui rendent à jamais célèbre le règne de Sa Majesté, suffira pour démontrer que, loin qu'il se soit glissé le moindre relâchement dans aucune des parties de l'état, on a au contraire redoublé d'application et d'ardeur pour atteindre le grand objet que Pierre Premier proposa—la gloire et l'avantage de cet empire. Le succès couronne de si sages mesures, et nous le devons à l'attention constante et suivie de l'Impératrice à procurer le bien de ses sujets, attention que le roi de Prusse ne peut pas méconnaître et dont les effets viennent d'être si humiliants pour lui.

Nous voudrait-il forcer à lui rappeller le gain de quatre batailles et la conquête de son royaume? Ses sujets aujourd'hui sous la puissance de Sa Majesté seront les premiers à publier la douceur de son gouvernement, l'exactitude avec laquelle la justice leur est rendue, l'ordre et la discipline que les troupes observent dans leur pays, enfin les soins que l'on prend, au milieu d'une guerre si longue et si opiniâtre, de leur en diminuer le fardeau autant qu'il est possible.

Le roi doit être étonné lui-même d'avoir si mal connu nos soldats. Il les a trouvé à Francfort esclaves de leur amour pour leur Souveraine, de l'obéissance à leurs chefs et du désir de vaincre. La cruauté dont il les accuse n'était-elle pas chez lui qu'une vaine terreur? Toute l'Europe apprit comment ils en ont usé à l'égard des prisonniers et des blessés qui sont tombés en leur pouvoir; on les a vus se priver du nécessaire pour les sécourir, et il n'est point de peuple qui ne se fit honneur de l'humanité qu'ils ont fait paraître. Où trouver donc le fondement de tant d'outrages, à moins que de dire que la haine que le roi de Prusse portait au ministère a fait le crime de la nation. Si Sa Majesté Impériale a tardé à condamner et priver de ses emplois celui qui fut ci-devant à la tête des affaires, n'a-t-on pas compté de tout tems la clémence et la retenue à punir parmi les premières qualités d'un souverain? Il ne manquait assurément pas de sujets fidèles et assez éclairés pour lire dans la conduite du ministre ses desseins et ses artifices; mais devaient-ils éclater, et le respect ne leur imposait-il pas la loi d'attendre le moment où l'Impé-

ratrice aurait commencé à marquer son mécontentement?

Je crois ainsi qu'il ne sera pas difficile à Voltaire de réfuter tout ce qui est avancé dans le livre en question, pourvû qu'il prenne la plume de bonne foi. L'ouvrage ne lui était pas inconnu; l'auteur, aussi jaloux peut-être de la réputation de savant et de bel esprit que de celle de conquérant, n'aura pas manqué de le consulter, du moins on y retrouve assez sa morale et sa métaphysique. Ne serait-il point à craindre que, charmé d'une occasion, où il se croira le maître de tout dire, Voltaire ne se répande en invectives contre le roi de Prusse, et sans garder ni décence, ni ménagement, n'aille faire mille outrages sanglants, très-fondés, à sa conduite et à son gouvernement?

Votre excellence ne trouverait-elle point qu'il y eût un autre parti à prendre en faisant défendre l'entrée de ce livre dans toute l'étendue des états de Sa Majesté, comme renfermant les principes les plus pernicieux du matérialisme et de l'irréligion?

J'ai l'honneur d'être avec un parfait attachement, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur.

C. Mich. Woronzow.

26.

Драгоцѣнная вашего превосходительства дружба, которой вы мнѣ толь часто существенные опыты оказывать изволили и происшедшая отъ того совершенная на оную довѣренность подаютъ мнѣ право просить васъ о новомъ одолженіи представленіемъ Ея Императорскому Величеству всемилостивѣйшей Государынѣ той крайней нужды, въ которую я разными обстоятельствами приведенъ.

Правда, я столько щедротами и награжденіями Ея Величества не по сравненію съ заслугами моими, но изъ высочайшей ея милости взысканъ, а особливо въ прошломъ году возвышеніемъ въ канцлерское достоинство и пожалованіемъ знатной суммы денегъ, что не остается мнѣ другаго средства изъявить благоговѣйнѣйшую чувствительнаго и вѣрностію преисполненнаго сердца благодарность, какъ только желаніемъ жертвовать службѣ Ея Императорскаго Величества посвященную оной жизнь и возсыланіемъ ко Всевышнему во весь мой вѣкъ непрестанныхъ молитвъ о сохраненіи въ цѣлости на многія лѣта дражайшей жизни толь великодушной и человѣколюбивой Монархини; но, будучи однакожъ принужденъ, какъ въ соотвѣтствованіе положенному знатному чину содержать себя съ пристойною честію, то и нажитые по причинѣ состроеннаго въ семъ же самомъ уваженіи дома немалые долги заплатить, я ваше превосходительство покорнѣйше прошу исходатайствовать у

Ея Императорскаго Величества предстательствомъ вашимъ, чтобъ, въ разсужденіи сихъ справедливыхъ причинъ, всемилостивѣйше повелѣно было, взявъ Кексгольмскія мои деревни къ придворному вѣдомству въ залогъ, выдать мнѣ, буде не вдругъ, то въ нѣсколько лѣтъ, стопятьдесятъ тысячъ рублевъ съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ мнѣ, по расплатѣ долговъ моихъ, сію сумму чрезъ десять лѣтъ въ казну взнести, или въ противномъ случаѣ имѣютъ тѣ деревни къ дворцовымъ приписаны быть; а что оныя сихъ денегъ стоятъ, тому служитъ явнымъ доказательствомъ, что и генералъ-маіоръ Штеинъ сію цѣну мнѣ представлялъ.

Но еслибъ иногда сія сумма великою показаться могла, то я не меньше за высочайшую щедроту почелъ бы, еслибы, для необходимо нужнаго домашнихъ моихъ дѣлъ поправленія, всемилостивѣйше указано было дать мнѣ изъ монетной канцеляріи съ возвратною въ десять лѣтъ заплатою шестьдесятъ тысячъ рублевъ въ ссуду, которые равномѣрно въ разные сроки и разною монетою, то есть серебряною и мѣдною, выдаваны быть могутъ.

Когда же бы по симъ обоимъ представленіямъ нѣкоторыя теперь непредусматриваемыя затрудненія случились, то, полагаясь на дружеское вашего превосходительства ходатайство, всенижайше прошу, чтобъ мнѣ въ облегченіе изъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости одинъ или два амта въ завоеванномъ оружіемъ Ея Величества королевствѣ Прускомъ до указу пожалованы были. Слово *до указу*, видится, надобно при томъ употребить по той причинѣ, что и такія обстоятельства скоро, а можетъ быть и будущею еще зимою, наступятъ, по которымъ бы сіе завоеваніе королю Прускому возвратить надлежало. Слѣдова-

тельно и нужно весьма предостеречь, чтобъ инако высочайшее достоинство и малѣйше компрометировано быть не могло. А впрочемъ сей способъ, безъ всякаго казнѣ убытка, ниже отягощенія, могъ бы между тѣмъ до того, хотя и на малое время, служить къ поправленію моего состоянія.

Я утруждаю ваше превосходительство сею просьбою въ твердой надеждѣ, что вы уклониться не изволите сдѣлать мнѣ въ толь существительномъ для меня случаѣ новое и никогда незабываемое одолженіе, а при томъ еще въ чинимыхъ по оному Ея Величеству вашихъ представленіяхъ и ту справедливость мнѣ предъ всемилостивѣйшей Государынею отдадите, что я, отнюдь не желая какого-либо вновь къ обогащенію моему пожалованія, всенижайшимъ моимъ прошеніемъ имѣю только въ виду, чтобъ, единожды освободясь отъ долговъ, избыть всякаго попеченія и заботы и тѣмъ лучше съ большею свободою исправлять должность ввѣреннаго мнѣ чина, доколѣ Ея Императорскому Величеству служба моя угодна будетъ или слабое здоровья моего состояніе мнѣ допуститъ оную съ вѣрноподданническимъ усердіемъ продолжать, устремляя всѣ подвиги къ тому только концу, чтобъ поступками моими удостоиться высочайшей апробаціи, когда я по великой Ея Величества милости столько уже награжденъ, что все отъ оной имѣю и, не стараясь оставить по себѣ знатнаго наслѣдства, уповаю, что по раздѣлкѣ съ заимодавцами въ состояніи буду жить съ пристойностію.

Откровенность, съ какою я къ вамъ, милостивой государь мой, въ семъ случаѣ адресуюсь, должна служить вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я всего отъ вспомоществованія и благонамѣреннаго вашего совѣта ожидаю, безъ котораго

не хочу я персонально обезпокоивать Ея Императорское Величество прошеніями моими.

Ваше превосходительство, зная предовольно искренность моихъ мнѣній, можете легко заключить, сколь велика будетъ моя благодарность за дружеское ваше вспомоществованіе. Конечно употреблю я всѣ силы изъискивать случаи, которые могли бы доставлять мнѣ удовольствіе удостовѣрить васъ самымъ дѣломъ о чувствительнѣйшемъ моемъ признаніи.

Въ С.-Питербурхѣ,
1-е Октября 1759 года.

27.

Сейчасъ я получилъ повелѣніе Ея Величества пріѣхать завтрашняго числа въ Царское Село, куды и намѣренъ къ обѣду быть. А между тѣмъ ваше превосходительство покорно прошу дружески чрезъ сего посланнаго меня увѣдомить о счастливомъ прибытіи Ея Величества въ Царское Село, а наипаче о дражайшемъ ея здравіи. Также прошу приложенной при семъ пакетъ реляцій нашихъ министровъ въ Константинополѣ Ея Величеству вручить; содержаніе оныхъ депешей будетъ Ея Величеству къ угодности служить.

1760,
Генваря 18-го дня.

Ежели вашему превосходительству извѣстно, гдѣ квартира для меня назначена, покорнѣйше прошу приказать сему посланному объявить, чтобъ я могъ туды экипажъ отправить. Прошу отпустить мнѣ, что о семъ васъ утруждаю.

28.

Принявъ сегодня лекарство, я не могу имѣть чести видѣться съ вашимъ превосходительствомъ, и для того не хотѣлъ оставить, чтобъ на почтенное письмо ваше симъ не отвѣтствовать.

Возвращенныя при ономъ піесы столь пространны, что переписываніемъ ихъ набѣло сколько ни спѣшить, едва ли прежде Понедѣльника и Вторника въ Коллегіи исправиться можно будетъ; но сіе не мѣшаетъ, чтобъ ваше превосходительство по благосклонному вашему обѣщанію изволили меня завтра посѣщеніемъ вашимъ почтить, которое мнѣ всегда весьма пріятно будетъ.

Гаданіе вашего превосходительства о полученіи графомъ Эстергазіемъ давно ожидаемаго на здѣшнюю промеморію отвѣта и самому мнѣ тѣмъ вѣроятнѣе кажется, что онъ съ того времени, какъ посолъ Французской свой отвѣтъ здѣсь предъявилъ, не только стафету получилъ, но и чрезъ пріѣхавшаго къ послѣднему курьера отъ графа Кауница надлежащія наставленія имѣть могъ. Со всѣмъ тѣмъ, когда содержаніе вручаемой нынѣ ему графу Эстергазію записки въ рескриптѣ Конференціи точно предписано, то не въ состояніи уже Коллегія собою прибавить что-либо въ показаніе большаго сверхъ того удивленія о напрасномъ продолженіи времени въ дачѣ помянутаго отвѣта. Признавая однакожъ основательнымъ разсужденіе вашего превосходительства въ томъ,

я не оставлю на завтрашней конференціи возобновить у сего министра многократныя мои навѣдыванія, на кои онъ по сю пору именно отвѣтствовалъ, что отъ двора своего никакихъ еще наставленій не имѣетъ. Не могу я себѣ представить, чтобъ графъ Эстергазій тѣмъ только отговаривался, по опасенію, дабы съ здѣшней стороны, въ случаѣ неудовольствительнаго съ Австрійской отвѣта, какъ въ приступленіи къ Копенгагенскому трактату какого вновь замедленія, такъ и въ постановленномъ операціонномъ планѣ, предосудительной перемѣны не произошло: ибо увѣренія ея величества императрицы-королевы столь торжественны и точны, что по крайней мѣрѣ содѣйствованія и способствованія ея въ большей части нашихъ требованій ожидать можемъ.

Въ 3-й день Марта,
1760-го года.

29.

По письму вашего превосходительства немедленно будетъ повелѣно г-ну Кейту, чтобъ ко двору пріѣхалъ сегодня въ 12 часовъ, и я никакого несходства въ томъ не нахожу, чтобъ аудіенціи быть въ тотъ же день, когда и повѣстка о томъ учинится.

Съ 10-го часа вечера, во всю ночь и теперь стражду несносными мученіями гипохондріи и отнюдь не въ состояніи присутствовать при сей аудіенціи, и для того крайне сокрушаясь, прошу ваше превосходительство всемилостивѣйшей Государынѣ о томъ донести.

А кому должность церемоніймейстера отправлять, оставляю на ваше благоизобрѣтеніе. Доложите Ея Величеству, не соизволитъ ли повелѣть г-ну Лобкову или полковнику Самарину сіе мѣсто заступить. О послѣднемъ я при первомъ свиданіи съ вами говорить хотѣлъ и Ея Императорскому Величеству докладъ учинить; покорно прошу ваше ходатайство объ немъ употребить.

Въ 5-й день Ноября,
1761-го года.

По притятіи королевской грамоты должно и отвѣтную Ея Величества отправить, которая предъ нѣкоторымъ временемъ къ подписанію Ея Величества поднесена. Я прошу ваше превосходительство всемилостивѣйшей Государынѣ о томъ напамятовать и о подписаніи прочихъ дѣлъ и докладовъ.

30.

Вчерась въ вечеру г-нъ Бретель получилъ стафету, на которой чаятельно отъ двора его прислана къ нему резолюція по извѣстному дѣлу жены его, и можетъ быть сегодня мнѣ о томъ сообщитъ. А какъ отъ графа Чернышова получена на почтѣ реляція, коею токмо доноситъ о полученіи здѣшняго рескрипта, то для непотерянія времени я посылаю сію реляцію къ вашему превосходительству, дабы вы о содержаніи ея словесно донесли Ея Величеству для извѣстія: ибо по случаю продолжающейся немощи всемилостивѣйшей Государыни посылкою дѣлъ Ея Величество не утруждаю и прошу при возвращеніи оной реляціи дружески увѣдомить, соизволили ли Ея Величеству о томъ донести.

7 Декабря 1761.

31.

При семъ возвращаю письмо графа З. Г. Чернышова, покорнѣйше благодаря за дружеское сообщеніе. Сердечно ваше превосходительство поздравляю съ полученною радостною вѣдомостью, тѣмъ болѣе, что когда слишкомъ 100 т. нашихъ людей не могли или, лучше сказать, не хотѣли безсмертными побѣдителями быть, то хотя два маіора съ 700 человѣками нашихъ войскъ имѣли участіе въ славномъ предпріятіи храбраго генерала Лаудона. Ежели бы я на мѣстѣ А. Б. *) и прочихъ генераловъ былъ, получа сію вѣдомость, съ печали и досады едва ли живъ остался; стыдно, что мы не умѣемъ или смѣлости не имѣемъ бездѣльнаго городишка Кольберха въ третій разъ взять.

Рекомендованнымъ графомъ Чернышовымъ двумъ маіорамъ Паткулю и Постникову, также и присланному съ извѣстіемъ Кашкину, прошу предстательствомъ вашимъ исходатайствовать отъ всемилостивѣйшей Государыни награжденіе и перемѣну чиновъ.

При семъ посылаю краткую записку, какимъ образомъ я велѣлъ знать дать союзнымъ министрамъ.

*) Т. е. графа Александра Борисовича Бутурлина. П. Б.

32.

Поздравляю васъ съ полученною вѣдомостью о взятіи Кольберха и при семъ посылаю для извѣстія вашего полученныя письма, которыя прошу возвратить. Ваше превосходительство изволите усмотрѣть, съ какою радостію князь А. М. *) увѣдомился, что Ея Императорскому Величеству угодно было его въ министерствѣ здѣсь употребить; токмо къ общему сожалѣнію сіе дѣло донынѣ безплодно осталось. Даруй Боже Ея Величеству скорое облегченіе, то я надѣюсь, что дружескимъ вашимъ ходатайствомъ долго не замедлится подписаніе отзывныхъ объ немъ грамотъ. Ея Величество истинно искуснаго министра въ князѣ Голицынѣ найти изволитъ; а мы пріобрѣтемъ надежнаго себѣ друга и въ дѣлахъ помощника. Я считаю васъ, какъ бы вы точно уже въ Конференцію опредѣлены были; да и въ самомъ дѣлѣ необходимо надобно, чтобъ по слабѣйшему моему разумѣнію Ея Императорское Величество соизволила для блага всего государства Конференцію на добромъ основаніи учредить: инако всѣ дѣла истинно въ великую разстройку придутъ. Нижайше прошу увѣдомить меня о состояніи здоровья Ея Величества, изволитъ ли принимать лекарство и пульсъ спокоенъ ли.

13 Декабря 1761.

*) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, передъ тѣмъ посланникъ въ Англіи, за тѣмъ вице-канцлеръ, въ послѣдствіи оберъ-камергеръ. П. Б.

33.

Между множествомъ привезенныхъ вчерась курьеромъ Дерфельтомъ писемъ и бумагъ находилось одно къ вашему превосходительству, которое тогожъ часа за разобраніемъ и читаніемъ писемъ ошибкою къ вамъ не отослано; оное при семъ посылаю и прошу дружески меня извинить.

По разлученіи моемъ вчерась съ вами я вскорѣ получилъ вновь мученіе отъ гипохондріи, а сегоднишную ночь столь худо проводилъ, что истинно чрезъ великій трудъ сіе къ вамъ пишу и ежели хуже со мною сдѣлается, я отнюдь не въ состояніи буду ко двору пріѣхать и прошу васъ благосклонно меня увѣдомить о состояніи дражайшаго здоровья Ея Величества. Прй семъ посылаю полученный отъ племянника моего календарь Вѣнской. Предыдуще васъ искренно поздравляю съ приходящимъ новымъ годомъ, который даруй Боже намъ начать и проводить въ благополучіи и здравіи.

1761,
Декабря 14-го дня.

34.

Будучи въ болѣзненномъ состояніи и непрестанномъ безпокойствѣ и печали отъ продолжаемой болѣзни всемилостивѣйшей Государыни, не могу ни единой минуты спокоенъ быть. Прошу васъ увѣдомить меня, что господа лейбъ-медикусы, находятъ ли перемѣну къ лучшему и скорому выздоровленію Ея Величества и соизволитъ ли употреблять предписанныя ими лекарства, также жаръ уменьшается ли и пульсъ спокоенъ, дабы я, точно вѣдавъ о дражайшемъ ея здоровьи, хотя нѣсколько обрадованъ и успокоенъ быть могъ; ваше превосходительство меня много тѣмъ одолжить изволите.

За слабостію моею, а паче для болѣзни Ея Величества, вчерась и сегодня я всѣмъ пріѣзжающимъ ко мнѣ чужестраннымъ министрамъ отказывать велѣлъ и прежде ихъ видѣть не хочу, пока точно не могу имъ радостное извѣстіе сказать, что Ея Величество внѣ всякой опасности. Завтра, ежели хуже со мною не будетъ, намѣренъ я ко двору поутру пріѣхать, гдѣ имѣть честь буду персонально васъ увѣрить о моемъ непремѣнномъ высокопочитаніи.

15 Декабря
1761.

35.

По взаимному соглашенію нашему о цѣнѣ продаваемыхъ Новгородскихъ деревень я прошу ваше превосходительство возвратить врученной вамъ экземпляръ крѣпости для переписанія набѣло; хотя я симъ образомъ и неналичными деньгами долгъ мой уплачиваю, только можетъ быть не худшею монетою ваше превосходительство удовольствованы будете. Но одолженіе, которое я вамъ по сему случаю имѣю, останется у меня съ благодарностію и признаніемъ навсегда. Желаю только, чтобы сіи деревни, какъ и не сумнѣваюсь, къ пользѣ вашей служили.

1762,
Іюля 3-го дня.

36.

Въ кадетскомъ корпусѣ находится кадетъ Ѳедоръ Экъ уже два года, которой, ссылаясь на свидѣтельство своихъ офицеровъ и учителей въ классахъ о добромъ его поведеніи и прилежности, проситъ о пожалованіи его ундеръ-офицеромъ, и для того я, въ надеждѣ вашего превосходительства ко мнѣ дружбы, прошу его въ томъ не оставить милостію и покровительствомъ вашимъ; а я съ моей стороны за такое одолженіе не оставлю при всѣхъ случаяхъ увѣрить васъ въ непремѣнной моей преданности.

Въ Москвѣ,
4-го Марта 1763-го года.

37.

По содержанію присланной отъ вашего превосходительства цидулки я не оставилъ сообщить брату моему графу Роману Ларіоновичу о неудовольствіи и нареканіи вашемъ по случаю требованныхъ имъ отъ васъ денегъ; а въ приложенной при семъ запискѣ усмотрѣть изволите его изъясненіе.

Я крайне сожалѣю, что сія непріятная экспликація между вами произошла и ваше превосходительство столько противу брата моего огорчаетесь, когда онъ довольные знаки почтенія и исканія своего вамъ всегда оказывалъ, и дѣло разсчетовъ денежныхъ могло между вами такія непріятности произвесть. Сіе подлинно, и я всегда того мнѣнія былъ, что не должно никогда у друзей и свойственниковъ денегъ взаймы брать, и для того представленный вами платежъ за должныя вами процентныя деньги Александра Сергѣевича Строгонова я не возьму.

Впрочемъ я надѣюсь, что сіе дѣло между вами дальнихъ слѣдствій имѣть не будетъ, но паче совершенному забвенію предастся.

Въ Москвѣ,
5-го Апрѣля 1763.

38.

Чрезъ сіе имѣю честь увѣдомить о полученіи вашего письма отъ 1-го сего мѣсяца, покорнѣйше благодарствуя за поданныя во ономъ увѣдомленія, а паче за дружескія изображенія вашихъ сентиментовъ. Я уповаю, что ваше превосходительство два письма мои, отсюда отправленныя, уже получить изволили; а чрезъ сіе доношу, что я намѣренъ отсюда вскорѣ выѣхать и весьма желаю васъ увидѣть въ Парижѣ въ добромъ здоровьи. Получа здѣсь изъ Россіи нѣсколько печатныхъ листовъ, при семъ для извѣстія и любопытства вашего посылаю, вѣдая о усердіи и любви вашей къ отечеству, что съ пріятностію увѣдомиться изволите. Я имѣлъ честь съ фамиліею моею обѣдать съ ихъ императорскими и королевскими величествами въ Лаксенбурхѣ, и при всякомъ случаѣ, сколь часто мы при дворѣ бываемъ, оказываются намъ отъ ихъ величествъ многіе знаки милости. Я писалъ къ князю Дмитрію Алексѣевичу о пріисканіи нанять для меня двора и о томъ же ваше превосходительство просилъ способствовать. Повторяю нынѣ мое о томъ же прошеніе и буду ожидать въ Страсбурхѣ пріятнаго увѣдомленія.

На сихъ дняхъ сюды пріѣхалъ капитанъ Меркъ и привезъ копію съ заключеннаго съ королемъ Прускимъ союзнаго трактата для сообщенія здѣшнему двору. Онъ поѣдетъ отсюда въ Ратисбонъ, Гагу, Лондонъ и Парижъ для сообщенія нашимъ министрамъ; о семъ трактатѣ въ Парижѣ безъ сумнѣнія происходятъ многія разсужденія.

1764,
Мая 26-го дня (6 Іюня).
Вѣна.

39.

Съ послѣдней почты я получилъ вашего превосходительства дружеское письмо отъ 2-го Іюня; покорнѣйше благодарствую за прилагаемое стараніе въ способствованіи пріискать нанять для меня хорошую квартиру. Завтра отсюда я намѣренъ съ Божіею помощію въ путь мой отправиться и уповаю въ Страсбурхъ пріѣхать чрезъ двѣ недѣли. Прошу вашего превосходительства дружескимъ увѣдомленіемъ меня не оставить.

1764,
Іюня 5 (16) дня,
Вѣна.

40.

Два письма ваши отъ 8-го и 28-го Октября я здѣсь получилъ исправно. Покорнѣйше вашему превосходительству благодарствую за пріемлемое участіе о путешествіи моемъ и о состояніи моего здоровья, которое, благодаря Бога, нѣсколько получшѣло, исключая случающіеся припадки. Мы сюды пріѣхали 22-го Октября благополучно и живемъ въ домѣ князя Долгорукова покойно. Третьяго дня я ѣздилъ въ Потсдамъ къ королю и былъ весьма милостиво принятъ отъ его величества и оставленъ при обѣденномъ столѣ; а здѣсь ея величество королева и вся фамилія пріемлютъ насъ весьма милостиво. При нынѣшнемъ позднемъ и худомъ времени года, я не могу безъ подверженія моего и фамиліи здоровья въ

путь отправиться и принужденъ здѣсь до крѣпкой зимы или и до просухи остаться, и мнѣ весьма пріятно будетъ получать отъ вашего превосходительства пріятныя извѣстія о здоровьѣ вашемъ.

При семъ посылаю для любопытства вашего копію съ стиховъ общаго нашего друга г. Ломоносова, вѣдая, сколь много вы его любите и съ пріятностію читаете его сочиненія.

Прошу вашего превосходительства мнѣ одолженіе сдѣлать и ссудить на проѣздъ г-ну Баженову до здѣшняго мѣста потребное число денегъ. Я думаю, что немного будетъ коштовать его поѣздка на ординарныхъ почтовыхъ дилижансахъ отъ одного города до другаго; а я его отсюда съ собою возьму, и мнѣ онъ здѣсь надобенъ для снятія нѣкоторыхъ плановъ; я надѣюсь, что онъ затрудненія не учинитъ сюда пріѣхать и прошу о томъ съ нимъ поговорить и меня увѣдомить.

Анна Карловна отдаетъ вамъ поклонъ и собирается сама на ваши письма отвѣтствовать.

Въ Берлинѣ,
Октября 30-го (10 Ноября)
1764.

41.

Чрезъ сіе имѣю только о полученіи вашего письма отъ 20-го Ноября увѣдомить и васъ благодарить за изображенныя во ономъ дружескія обо мнѣ изъясненія. Прошу увѣреннымъ быть и о взаимныхъ моихъ мнѣніяхъ и благодарности моей. А какъ ваше превосходительство по благосклонности вашей и дружбѣ пріемлете участіе, что̀ до мѣня касаться можетъ, то имѣю я откровенность (хотя и о публичномъ уже дѣлѣ) увѣдомить, что неудачный мой бывшій зять Строгоновъ подалъ челобитную Ея Императорскому Величеству о разводѣ съ женою своею, которая ему обратно отдана была. Но онъ потомъ не устыдился Санктпитербурхскому архіерею подать, съ котораго при семъ посылаю копію, которую прочтя обще съ княземъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, объявя ему мой поклонъ, прошу ко мнѣ обратно прислать.

Вотъ, милостивой мой государь, первая пріятная встрѣча къ возвращенію моему въ отечество! Даруй Боже, чтобъ оная и послѣдняя была. Вы можете легко признать, что къ мучительнымъ моимъ болѣзнямъ г-нъ Строгоновъ мнѣ еще чувствительную рану прибавилъ; только я оную нынѣ перенесъ, довольствуясь немало тѣмъ, что я лишусь неблагодарнаго человѣка и непотребнаго зятя, котораго свинствомъ ни чести, ни удовольствія во всѣ семь лѣтъ не имѣлъ; а жена моя еще менѣе того имѣла. Ежели сіе письмо графа Якова Александровича *) въ Парижѣ застанетъ, то прошу ему о горести моей сообщить и спросить его, получилъ ли онъ пакетъ съ письмами моими въ Италію о немъ адресованныя.

*) Брюса, женатаго на графинѣ Румянцовой. П. Б.

За обѣщанное отправленіе Баженова покорнѣйше вашему превосходительству благодарствую; я уповаю, что онъ меня здѣсь еще застанетъ, ибо по нынѣшней непроѣздимой распутицѣ я долженъ до надежной дороги здѣсь остаться и уповаю чрезъ 4 или 5 недѣль отсюда выѣхать.

Н. А. Корфъ обрѣтается теперь въ Курляндіи, въ деревнѣ г-на Симолина, и ему есть легче.

Прошу сказать дружескій поклонъ г-ну Саншіу, И. Г. Гурьеву и Хотынскому.

1764,
Декабря 4 (15) дня,
въ Берлинѣ.

О негодномъ зятѣ моемъ писано было ко мнѣ, что онъ совсѣмъ промотался, лучшія деревни распродалъ и достальныя взаймы далъ. Сказываютъ, что изъ лучшихъ друзей его находится Филипъ Ивановичъ Генингеръ, которой имъ руководствуетъ. Ваше превосходительство сами признаете, что мы всѣ обманулись въ немъ, думая, что онъ хорошаго воспитанія и честныхъ сентиментовъ; но, сверхъ легкомысленности и вѣтрянаго нрава его, онъ и злое сердце имѣетъ.

42.

По долгомъ ожиданіи зимняго пути наконецъ наступили здѣсь сильные морозы, отъ которыхъ уповательно рѣки и болота крѣпко замерзнутъ; чего ради, не смотря на суровость времени, я намѣренъ вскорѣ отсюда выѣхать и нигдѣ въ дорогѣ не останавливаться, но буду поспѣшать пріѣздомъ моимъ въ С.-Питербурхъ; развѣ состояніе моего здоровья и жестокость стужи препятствіе учинятъ.

Вѣдая о благосклонности вашей ко мнѣ, я не хотѣлъ оставить васъ безъ увѣдомленія, ласкаясь, что вы не безъ пріятности о томъ увѣдомитесь.

Въ Берлинѣ,
25-го Декабря 1764-го года
(5-го Генваря 1765).

Третьяго дня Иванъ Григорьевичъ Гурьевъ сюда благополучно прибылъ, и я имѣлъ удовольствие получить благосклонное ваше писаніе, за которое приношу покорнѣйшее мое благодареніе.

43.

Чрезъ сіе имѣю только увѣдомить о полученіи вашего письма отъ 12-го Генваря, коимъ и отвѣтъ на мое отъ 25-го Декабря писать изволили; покорнѣйше вашему превосходительству благодарствую за дружеское пожеланіе счастливаго продолженія моего путешествія, которое, слава Богу, до сего мѣста благополучно имѣлъ.

Здѣсь, у г-на Симолина, три дни отдохнулъ, завтра въ Митаву отъѣзжаю, гдѣ не болѣе одного дня, равно какъ и въ Ригѣ, пробыть намѣренъ, уповая въ концѣ сего мѣсяца въ Санктпитербурхъ пріѣхать.

Я понынѣ не получалъ отвѣта на письмо мое отъ 4-го Декабря, изъ Берлина отправленное, которое, уповаю, чрезъ князя Д. А. Голицына до рукъ вашихъ дошло, въ которомъ просилъ васъ о возвращеніи ко мнѣ приложенной при ономъ піесы, и о томъ здѣсь повторяю.

1765,
Февраля 9 (20) дня,
въ Дублинѣ.

44.

Вчерась получилъ я ваше письмо отъ 17-го Февраля съ пакетомъ въ домъ вашъ, и при семъ слѣдуетъ отвѣтъ отъ управителя вашего. Покорнѣйше вашему превосходительству благодарствую за пріемлемое дружеское участіе о пріѣздѣ моемъ въ отечество. При семъ посылаю для извѣстія вашего копію съ указа Ея Императорскаго Величества о увольненіи по прошенію моему отъ всѣхъ дѣлъ, и я не по заслугамъ моимъ получилъ отъ Ея Величества въ награжденіе 50 т. рублевъ. Теперь старанія прилагаю долги мои расплатить, чтобы жить умѣренно по приходамъ моимъ.

1765.
Марта 29-го,
въ СПБурхѣ.

45.

Изъ письма вашего отъ 10-го Марта я съ пріятностію увѣдомился о счастливомъ пріѣздѣ вашемъ въ Лондонъ; искренно васъ поздравляю, желая, все путешествіе ваше благополучно окончивъ, въ добромъ здоровьи въ отечество возвратиться. А что ваше превосходительство упоминать изволили, что моего письма, изъ Берлина отправленнаго, вы получить не изволили, сіе меня крайне удивляетъ, ибо оное подъ кувертомъ князя Голицына въ Парижъ отправлено.

На сихъ дняхъ отъѣзжаетъ отсюда графъ К. Г. Разумовской въ Акенъ, откуда намѣренъ поѣздку учинить во Францію, Италію и Англію; а я собираюсь на краткое время съѣздить нынѣшнимъ лѣтомъ въ село Кимру.

1765,
Апрѣля 15-го (26-го),
въ СПБурхѣ.

46.

Дружескія вашего превосходительства четыре письма отъ 1-го Іюля изъ Лондона, 4-го того же мѣсяца изъ Парижа, 17-го Іюля же изъ Гаги и послѣднее отъ 12-го Августа изъ Брюсселя я частію въ деревнѣ и частію здѣсь по пріѣздѣ моемъ получилъ исправно. Покорнѣйшее вамъ благодареніе приношу за содержаніе меня въ памяти вашей и неоставленіе пріятнымъ увѣдомленіемъ о состояніи вашего здоровья, искреннее пріемля участіе, желаю и прошу впредъ писать ко мнѣ о благополучномъ вашемъ пребываніи, давая знать, куда бы я могъ письма мои къ вамъ адресовать. Я ни мало не сумнѣваюся, чтобъ вы по достоинствамъ вашимъ хорошо приняты не были въ Англіи и думаю, что еще лучше вы довольны будете въ Италіи и сожалѣю, что вы нынѣшнюю зиму не будете проводить въ сей пріятной землѣ, хотя климатъ въ Провансѣ, можетъ быть, не хуже Итальянскаго. Я чаю, что вы съ графомъ К. Г. Разумовскимъ во Франціи или Италіи съѣдетесь. Прошу его сіятельству сказать мой поклонъ.

О себѣ имѣю честь донести, что я десятинедѣльнымъ пребываніемъ моимъ въ деревнѣ весьма доволенъ былъ; только по испорченному моему здоровью въ концѣ Іюля мѣсяца посѣщенъ былъ старою полюбовницею *жабою*, отъ которой страдалъ 8 дней мучительски, и мнѣ три раза кровь пускали, и тѣмъ хотя болѣзнь разорвана была, только я въ великую слабость приведенъ былъ, а инако я бы изъ деревни пріѣхалъ не только съ лучшимъ здоровьемъ, но и нѣсколько бы подобрѣлъ. Теперь, слава Богу, нахожусь нарочито здоровъ;

только погода ежедневно настоитъ дождливая и холодная, а улицы и дороги за городомъ непроѣздимыя, чего ради къ изнуренію моего слабаго здоровья я принужденъ почти безвыѣздно дома сидѣть, какъ напротивъ того въ прежнихъ двухъ осеняхъ я всякій день пѣшкомъ ходилъ и верхомъ ѣздилъ, довольствуясь воздухомъ и хорошимъ климатомъ. И такъ принужденъ нынѣ паки помышлять о выѣздѣ въ теплые краи противу воли моей, ибо я сердечно люблю въ началѣ всемилостивѣйшую нашу Государыню и его императорское высочество, отечество, родъ и друзей; только суровость нашего климата выгоняетъ меня противу воли моей. Только сіе помышленіе мое въ самомъ дѣлѣ оказывается суетно, потому что довольнаго достатка не имѣю для дорожныхъ расходовъ и содержанія въ чужихъ государствахъ; однакожъ ежели остатки имѣнія моего дозволятъ еще въ жизни поѣздку учинить, то конечно по извѣстной милости Ея Императорскаго Величества уповаю получить вновь увольненіе отлучаться изъ государства и ежели сіе въ самомъ дѣлѣ исполнится, я не оставлю по дружбѣ васъ предъидуще увѣдомить.

Мнѣ весьма пріятно было увѣдомиться изъ письма вашего, что племянникъ мой въ Гагѣ оказалъ вамъ должныя услуги; я желалъ бы, чтобы онъ въ лучшемъ состояніи былъ оказать вамъ угодности. Много вашему превосходительству благодарствую за сообщеніе о добротѣ Англіи и проѣзда вашего чрезъ Голандію. Не вѣдаю, изволили ли знакомство свести съ тамошними матадорами, а именно съ Пельсами и Клифортами. Сего послѣдняго сынъ недавно сюда пріѣхалъ; онъ съ братомъ своимъ отъ отца отдѣленъ, и въ Лондонѣ, какъ сказываютъ, не менѣе отца своего репутацію имѣетъ

богатымъ банкиромъ быть. Говорятъ, что онъ намѣренъ съ здѣшнею Аглинскою конторою вступить въ торги. Желательно, чтобы такіе богатые люди у насъ торговали.

Графиня Анна Карловна свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

1765.
Сентября 17-го (28) дня,
въ Санктпитербурхѣ.

47.

Вчерась я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 3-го Сентября и весьма сожалѣю о приключившихся вамъ болѣзненныхъ припадкахъ; я опасаюсь, чтобъ вы и болѣе не претерпѣли отъ ревматизмовъ болѣзней, которыя въ осеннее и зимнее время, живучи въ Парижѣ, получить можете по сырому и холодному тамъ воздуху, и вамъ дружески совѣтую какъ наискорѣе оставить сей городъ, ѣхать въ Италію и зимовать въ Пизѣ или Неаполѣ; а я нимало не сумнѣваюсь, чтобъ знакомые мои вамъ не оказали всякихъ услугъ и ласковостей. Прошу тоже сказать и графу Кирилѣ Григорьевичу, объявя мой дружескій поклонъ.

По милости Ея Императорскаго Величества мы здѣсь многія забавы имѣемъ при дворѣ; а именно: дважды въ недѣлю спектакль въ театрѣ, одинъ день концертъ и одинъ день маскарадъ и куртагъ. Локатели также даетъ каждую недѣлю маскарадъ; только ежедневная худая погода и стужа много мѣшаютъ пользоваться сими удовольствами, и я почти запертъ по неволѣ въ домѣ моемъ, по слабости моего здоровья. Можно сказать, что мы много хорошаго имѣемъ,

только не достаетъ климата, и я, любя отечество, однакожъ по Италіи сожалѣть принужденъ.

Жена моя благодаритъ васъ за писаніе и прилагаемое стараніе ваше въ исполненіи ея комиссіи, къ чему и я присовокупляю мое благодареніе. Она, согласуясь съ представленіемъ вашимъ, употребитъ 600 франковъ для бриліантовъ къ портрету Ея Императорскаго Величества блаженныя памяти, и проситъ васъ, когда сдѣлана будетъ табакерка, прислать оную чрезъ надежную оказію.

1765.
Октября 12 (23) дня,
въ Санктпитербурхѣ.

Я любопытенъ знать, полюбился ли Парижъ и тамошнее обхожденіе графу Кирилѣ Григорьевичу. Вы, какъ старожилъ Парижской, многимъ ресурсомъ находитесь Русскимъ вояжирамъ.

48.

За дружеское ваше писаніе изъ Фонтенбло отъ 19 (30) Октября и благосклонныя ваши о мнѣ мнѣнія, равно какъ и за пріемлемое участіе о состояніи моемъ, приношу наичувствительнѣйшее благодареніе. Теперь, по наступленіи у насъ совершенной зимы, я нахожусь, славу Богу, въ лучшемъ состояніи моего здоровья, хотя къ скукѣ моей и сожалѣнію по большей части дома сидѣть принужденъ, опасаясь отъ ежедневнаго выѣзду получить жабу или флюсъ, которыхъ я однакоже внѣ отечества не имѣлъ. Желаю сердечно, чтобъ и ваше превосходительство отъ случающихся коликъ и рюматисмовъ свободны были; только климатъ Парижской не совсѣмъ полезенъ, а особливо осенью и зимою, къ сохраненію здоровья. Я радуюсь, что вы твердую резолюцію приняли ѣхать въ Италію и что скорѣе сдѣлаете, то лучше; напрасно опасаетесь въ пути имѣть безпокойства, потому что Итальянскіе обержи не хуже Французскихъ, а дороги, кромѣ ужасныхъ горъ, лучше Французскихъ. Прошу васъ дружески увѣдомлять меня о времени выѣзда вашего изъ Парижа и о продолженіи путешествія вашего по Италіи. Только крайне сожалѣю, что вы находитесь въ худомъ состояніи финанцій вашихъ; сей пунктъ великимъ препятствіемъ удовольствія въ жизни нашей, а паче въ чужихъ областяхъ. По сему артикулу я имѣю пространную матерію здѣсь вамъ много репрошей или выговоровъ учинить. Только воспоминаніе прошедшаго времени не поправитъ настоящаго; къ тому же искренность и любовь моя къ вамъ того учинить не дозволяютъ. Что же касается до моего состоянія, о которомъ ваше превосходительство дружески желали

знать, я намѣреніе принялъ здѣшнее пребываніе оставить и переселиться будущею весною въ Москву, сдѣлавъ большую реформу въ моемъ домѣ и расходахъ, и уже писалъ въ Москву о пріисканіи купить приличнаго двора и, можетъ быть, куплю дворъ г. Глѣбова на Тверской, за которой онъ проситъ 12.000 рубл. Буде предуспѣю распродать нѣсколько деревень и, расплатясь съ достальными долгами, найдусь въ состояніи поѣздку въ Италію учинить, то уповаю на благость Божію и милость Ея Императорскаго Величества получить увольненіе. Тогда васъ увѣдомить конечно не оставлю, а паче желаю, чтобы вы къ будущей зимѣ въ отечество пріѣхали и по младости лѣтъ и талантамъ вашимъ основались здѣсь къ пользѣ и службѣ Ея Императорскаго Величества и любезнаго отечества. Надѣясь, что сіи мысли мои сходны съ вашими, сердечно желаю видѣть въ самомъ дѣлѣ исполненными.

Анна Карловна много благодаритъ васъ за обѣщаніе исполнить порученную комиссію, только мы оба просимъ пощадить передачею денегъ и расходовъ; она еще проситъ васъ прислать къ ней три дюжины лучшихъ рукавицъ разнаго сорта и доброты; также нѣсколько кусковъ всякихъ новыхъ лентъ.

На прошедшей почтѣ я пространно писалъ къ князь Дмитрію Алексѣевичу о худомъ жребіи заказанной мною сдѣлать у Мартына лаковой чернильницы и о моемъ неудовольствіи. Прошу для извѣстія вашего оное письмо прочесть и съ своей стороны повторить сказать Мартыновой женѣ Цыганкѣ, что она худо исправила мою комиссію.

15-е Ноября 1765,
въ Санктпитербурхѣ.

49.

Письмо вашего превосходительства отъ 17 (28) Ноября я здѣсь получилъ исправно, изъ котораго съ пріятностію увѣдомился, что вы въ добромъ здоровьи обрѣтаетесь и положили непремѣнное намѣреніе весною ѣхать въ Италію. Вы конечно не будете раскаиваться сею поѣздкою. Я весьма желаю знать о успѣхѣ путешествія и пребыванія вашего въ Итальянскихъ городахъ, дабы знать могъ, чрезъ какой каналъ къ вамъ письма пересылать. Прошу дружески увѣдомить.

О себѣ имѣю донести, что при непостоянной нашей стужѣ я нѣсколько разъ боленъ былъ простудою и флюсомъ и принужденъ по большей части, къ немалой скукѣ, дома сидѣть. Я намѣреніе принялъ будущею весною въ Кимру ѣхать и оттуда переселиться въ Москву и для того покупаю дворъ г. Глѣбова на Тверской за 12.000 рублевъ. О семъ для того васъ увѣдомляю, будучи увѣренъ, что вы по дружбѣ о состояніи моемъ знать и участіе принимать изволите.

За сообщеніе о бытности графа К. Г. въ Фонтенбло и о скоромъ выѣздѣ его въ Италію много вашему превосходительству благодарствую; прошу увѣдомить о успѣхѣ г. Поссонера въ предпріятіи его дѣлать прѣсную изъ морской воды, о чемъ всѣ газеты наполнены.

1765, Декабря 16 (27) дня,
въ СПБурхѣ.

И я вамъ, милостивый государь мой, нижайше кланяясь и принося всепокорное благодареніе за напамятованіе ваше, пребываю завсегда съ совершеннымъ почтеніемъ.

Анна Карловна вамъ свой поклонъ отдаетъ; она и съ братомъ своимъ сейчасъ отъѣзжаютъ къ Петру и Павлу *) на панафиду для завтрашней нашей дражайшей имянинницы, дабы слезами своими хотя малѣйшую часть изъявить любви и благодарности къ покойной, которыя память вѣкъ намъ изъ мысли не выйдетъ.

17-го Декабря.

50.

Сколь пріятно было мнѣ получить дружеское ваше письмо отъ 19-го числа, столь съ прискорбіемъ увѣдомился я изъ онаго, что вы частыми коликами страждете; будучи увѣренъ о воздержаніи вашемъ въ пищѣ и питьѣ, приписываю сіи припадки ваши худому воздуху Парижскому въ зимнемъ времени и что по сырости онаго нельзя уберечься отъ простуды. Я желаю, чтобъ сіе письмо не застало васъ въ семъ огромномъ городѣ и ласкаюсь, что вы прилежаніемъ и совѣтами г-на Саншеса совершенно воспользованы и получили прежнее здоровье; а поѣздка въ Италію, при благорастворенномъ весеннемъ воздухѣ, совсѣмъ васъ оправитъ. Я сердечно желаю, чтобъ сія поѣздка къ удовольствію вашему исполнилась, и мнѣ весьма радостно будетъ слышать о благополучномъ продолженіи пути вашего; только по отдаленіи

*) Т.-е. въ Петропавловскую крѣпость. 18-го Декабря—не имянины, а день рожденія императрицы Елисаветы Петровны. П. Б.

отъ границъ сѣверныхъ я не ласкаюсь часто получать отъ васъ писемъ, тѣмъ паче, что и я въ Маіѣ мѣсяцѣ намѣренъ отсюда выѣхать въ Кимру. Однакожъ, не смотря на сіи разныя и дальныя разлученія, прошу отъ времени до времени дружескимъ увѣдомленіемъ о вашемъ пребываніи въ Италіи меня безъ извѣстія не оставить; а я конечно не премину отвѣтными служить, только бы зналъ, куда письма мои адресовать.

Графъ Кирила Григорьевичъ писалъ ко мнѣ изъ Милана, и я по слогу письма его заключаю, что онъ весело путешествіе свое продолжаетъ. Прошу вашего превосходительства при свиданіи сказать его сіятельству мой поклонъ.

Графъ Мартынъ Карловичъ поручилъ мнѣ приложенное при семъ письмо къ вашему превосходительству переслать.

Сегодня я писалъ къ маркизу Боттѣ *), чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ портреты великаго герцога Тосканскаго и его супруги. Я прошу васъ по прибытіи во Флоренцію ему о томъ припомнить и освѣдомиться чрезъ маркиза Гваданжи о заказанныхъ нами сдѣлать большіе портреты Ея Императорскаго Величества и его высочества живописцу Макферзону, которые онъ обѣщалъ лучшимъ письмомъ съ оригиналовъ нашихъ написать; толвко мы и понынѣ никакого извѣстія отъ него не имѣемъ, и ежели оные портреты готовы, я прошу вашего превосходительства приказать оному Макферзону отослать въ Ливорну къ Аглинскому купцу Жерми, который ему за работу заплатитъ и оные сюда моремъ отправитъ. На сіе письмо я буду ожидать отъ васъ дружескаго отвѣта.

1766, Февраля 17 (28) дня,
въ СПБурхѣ.

---

*) Извѣстный по своему заговору маркизъ Ботта, въ началѣ Елисаветинскаго царствованія бывшій Австрійскимъ посломъ при нашемъ дворѣ. П. Б.

Для извѣстія вашего дружески увѣдомляю, что я сегодня послалъ чрезъ маркиза Жерома во Флоренцію золотую медаль аббату Ларонци. Вы можете съ симъ аббатомъ знакомство вести, который отмѣннымъ мастерствомъ въ живописной работѣ пишетъ, какъ и пастелью въ миніатурѣ. Я недавно получилъ здѣсь одну картину его искусства и имѣю честь его рекомендовать вашему превосходительству.

При семъ для любопытства вашего посылаю эпитръ Ея Императорскому Величеству, сдѣланный господиномъ Мармонтелемъ, который прошу сообщить графу Кирилѣ Григорьевичу.

5*

51.

Увѣдомясь, что ваше превосходительство здѣшніе дворы продавать изволите, Анна Карловна желаетъ купить одинъ изъ маленькихъ вашихъ дворовъ, а именно: на Угольной, который вы отъ Савы Яковлева купили. Мы оба просимъ васъ объявить оному двору цѣну и буде въ состояніи найдемся по назначенной цѣнѣ купить, то и купчая совершена быть можетъ съ тѣмъ, кого вы уполномочить изволите. Я, полагаясь на дружбу вашу къ намъ, въ откровенности прямо къ вамъ и адресуюсь, уповая, что вы по взаимному удовольствію въ семъ дѣлѣ соглашеніе учинить изволите.

1766, Марта 10 (21) дня,
въ СПБурхѣ.

52.

Изъ письма вашего отъ 15 (26) Февраля я увѣдомился, что вы поѣздку въ Италію нынѣшнею весною отмѣнили и намѣрены были въ южныя Французскія провинціи ѣхать; я сердечно вашему превосходительству желаю, благополучно окончивъ поѣздку, съ пользою употребить Спаасскія воды и поправить здоровье ваше. Вы конечно много удовольствія имѣть будете въ Провансѣ и Ландегокѣ, только не столько какъ въ Италіи.

На послѣдней почтѣ я къ вамъ письмо мое въ Римъ адресовалъ, которое, уповаю, возвратно къ вамъ пришлется, буде въ дорогѣ не пропадетъ.

По присланному счету за исправленныя комиссіи жены моей деньги исправно заплачены будутъ; она не престаетъ васъ своими бездѣлицами утруждать и въ приложенномъ при семъ письмѣ вновь поручаетъ комиссію. А что касается до разсчета за проданную вамъ деревню ваше превосходительство лучше меня памятуете, якобы вы еще нѣсколько должны остались. Я истинно думалъ, что мы по сему дѣлу совсѣмъ квиты, выключая тѣ долги, которые мы другъ другу по взаимной любви и дружбѣ осталися на вѣкъ должны. Впрочемъ мы оба столь худые хозяева были и есть, что прямо своихъ денежныхъ долговъ не знаемъ. Я большую часть моего экипажа въ Москву отправляю и всѣ старыя письма и счеты туды-жъ сосланы. И такъ теперь не въ состояніи вамъ вѣрный разсчетъ объявить. Покорнѣйшее вамъ благодареніе приношу за дружеское пожеланіе о бу-

дущемъ моемъ пребыванiи въ Москвѣ. Я ласкаюсь по меньшей мѣрѣ нѣсколько лучшаго времени тамо нежели здѣсь найти и ежели что́ непредвидимое меня здѣсь удержать можетъ, я намѣренъ и съ фамилiею моею въ Маiѣ мѣсяцѣ въ Кимру ѣхать, гдѣ уповаю имѣть удовольствiе слышать о благополучномъ вашемъ пребыванiи чрезъ газеты. У насъ теперь начались оттеплины, и дороги становятся въ городѣ непроѣздимыми. Вотъ плоды хорошаго климата, что въ 63-мъ году зачатiя сего города, со всѣмъ употребленнымъ велiимъ коштомъ, не можемъ имѣть одной путной дороги на улицахъ. Умалчиваю о другихъ полезныхъ полицейскихъ учрежденiяхъ.

Если вы съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ паки съѣдетесь, прошу дружески мнѣ знать дать, доволенъ-ли онъ своею поѣздкою въ Италiи.

1766, Марта 21 (1 Апрѣля),
въ Санктпитербурхѣ.

Почтенному старику Лопиталю *) прошу вашего превосходительства при всякомъ свиданiи сказать отъ меня дружеское напоминанiе.

---

*) Бывшему Французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ. П. Б.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

ГРАФА

С. Р. ВОРОНЦОВА.

Краткій очеркъ жизни графа С. Р. Воронцова [1]).

Le comte Simon Woronzow naquit à Moscou, en 1744, d'une famille qui après celles des princes russes, descendantes de Rurik et de S-t Vladimir, ne le cède à aucune autre de l'Empire en ancienneté et en illustration.

Son père était général en chef et gouverneur-général de Vladimir. Le comte Simon fut d'abord page de l'impératrice Élizabeth, fille de Pierre-le-Grand, et à sa mort entra comme lieutenant dans le régiment des gardes Préobragenski. A la révolution qui fit monter sur le trône Catherine II, le comte Woronzow fut un du petit nombre d'officiers qui, fidèles à l'empereur Pierre III, s'opposèrent au mouvement en faveur de l'impératrice. Il fut arrêté ensemble avec le capitaine de sa compagnie, qui avait pris la même ligne de conduite. Catherine avait l'âme trop grande et le caractère trop bon pour en vouloir à des gens qui n'avaient fait que leur devoir, et toute opposition contre elle ayant disparu, le comte Woronzow fut mis en liberté au bout de trois jours [2]).

---

[1]) Этотъ очеркъ написанъ вскорѣ послѣ кончины графа Воронцова († 9-го Іюня 1832).

[2]) По свидѣтельству самаго графа Семена Романовича, онъ находился въ заточеніи десять дней; такъ разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи, напечатанной въ VIII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова". Прочитавъ эту автобіографію, покойный государь Александръ Николаевичъ выразился графу С. Г. Строгонову: „Будь графъ Воронцовъ постарше лѣтами, Петръ III-й усидѣлъ бы на престолѣ". (Слышано отъ графа С. Г. Строгонова). П. Б.

Avant que de rentrer en activité, son père le fit voyager d'abord dans l'intérieur de la Russie, qu'il parcourut en tout sens, et bientôt après il accompagna son oncle le grand-chancelier comte Michel Woronzow à l'étranger, fut a Vienne, en Italie, et à Paris l'année 1765. Il est curieux de remarquer qu'il ne revit la capitale de la France pour la première fois après ce premier séjour que l'année 1815, c'est à dire après un intervalle de 50 ans.

La guerre entre la Turquie et la Russie ayant éclaté en 1769, le comte Simon demanda de l'emploi, et il reçut, comme lieutenant-colonel, le commandement d'un bataillon de grenadiers, avec lequel il entra le premier dans le retranchement turc à la célèbre bataille de Kahul (1770), qu'on a appelée justement le tombeau des Janissaires et de l'ancienne renommée militaire des Turcs: 17000 Russes sous les ordres du maréchal Roumanzow y attaquèrent et défirent complètement l'armée du grand-visir, forte de 150000 hommes et garantie par un triple retranchement. Le comte Woronzow fut nommé colonel en récompense de sa conduite dans cette journée, reçut l'ordre de S-t George de la 3-e classe, et eut le commandement du 1-er régiment de grenadiers. En 1772, lors d'une retraite momentanée sous la forteresse de Silistrie, ce régiment, fort seulement de 600 hommes, fut entouré et attaqué par 10 à 12 mille hommes de cavalerie turque et se soutint plusieurs heures seul, jusqu'à ce qu'il fût dégagé par une division aux ordres du général (depuis prince) Potemkine.

Les services du régiment et de son colonel furent dignement récompensés à la paix de Kainardji en 1774. Le comte Woronzow fut fait brigadier, et le régiment reçut le titre de grenadiers du corps de l'impératrice,

qui s'en déclara colonel et voulut qu'il fût présent à Moscou à la célébration de la paix.

Bientôt après, le comte Woronzow voyagea de nouveau en Italie, et de retour en Russie il épousa en 1780 mademoiselle Catherine Seniavine, fille de l'amiral de ce nom et d'une famille qui depuis le commencement du règne de Pierre-le-Grand s'adonna particulièrement et héréditairement à la marine. En 1782 il fut nommé ministre de Russie à Venise. Il perdit sa femme en Italie en 1784, et en 1785 il fut nommé à la mission de Londres. Il joua un rôle distingué depuis dans les affaires politiques tant de la Russie avec l'Angleterre, que dans celles de l'Europe entière. D'un caractère véritablement libéral, suivant l'ancienne et vraie acception de ce terme, il fut cependant, dès le commencement, de coeur et de principe, opposé aux maximes de la révolution française et un des partisans les plus chauds et les plus actifs de l'ordre et de la légitimité.

D'abord très-bien traité par l'empereur Paul à son avènement au trône de Russie, il quitta le service quand ce souverain s'allia avec le premier consul Bonaparte. A l'avènement d'Alexandre, il fut nommé de nouveau ambassadeur à la cour de S-t James, et fit un voyage en Russie en 1802, quand son frère le comte Alexandre Woronzow était chancelier et ministre des affaires étrangères.

Revenu à Londres, il prit, quelques années après, sa démission, et ne quitta plus l'Angleterre (où il maria sa fille au comte de Pembroke) que pour faire quelques courses en France entre 1815 et 1819, pour visiter son fils, qui commandait le corps russe d'occupation, sous les ordres du duc de Wellington.

Le comte Simon Woronzow mourut à Londres le 21 juin 1832, à l'âge de 88 ans moins sept jours *).

Le calme parfait de l'âme et la douceur de son esprit si élevé, qui étaient les traits distinctifs de son noble caractère, ne l'ont pas quitté d'un seul instant. C'est en souriant à ses enfans, en les bénissant, qu'il s'est doucement éloigné de la vie avec cette confiance que donne à la dernière heure la certitude d'avoir rempli pendant sa longue carrière les devoirs de citoyen, de père et d'un vrai chrétien. Il a voulu être déposé sans aucune pompe à l'église de sa paroisse, et a défendu qu'aucun monument ne lui fût érigé, qu'une simple planche en marbre avec son nom, la date de sa naissance et celle de sa mort. Ces ordres furent scrupuleusement remplis; mais les bienfaits qu'il répandit avec une charité inépuisable diront plus que les marbres les plus fastueux.

Le comte Simon Woronzow a laissé un fils, le général comte Michel Woronzow, à présent gouverneur-général de la Nouvelle Russie, qui se trouvait en congé en Angleterre au moment de sa mort, et une fille, la comtesse Catherine de Pembroke, veuve du dernier comte de ce nom.

Nous avons voulu donner un court aperçu de la longue et vertueuse carrière du comte Simon Woronzow, sans autre panégyrique de ses belles et brillantes qualités; mais nous croyons pouvoir ajouter que peu de gens ont été aimés, estimés et regrettés dans un pays étranger autant que le comte Woronzow l'a été en Angleterre.

---

*) Неточность, отъ разности стилей: графъ Семенъ Романовичъ родился 15-го Іюня стараго стиля 1744 въ Москвѣ. П. Б.

ПИСЬМА

ГРАФА

С. Р. ВОРОНЦОВА

КЪ БРАТУ ЕГО ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ РОМАНОВИЧУ.

*

Собраніемъ писемъ графа С. Р. Воронцова къ старшему его брату и другу наполнены IX и X книги этого изданія. Нижеслѣдующія письма также были приготовлены къ печати; но въ то время покойный князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ не пожелалъ выпускать въ свѣтъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ слишкомъ семейныя, и въ особенности тѣ, гдѣ рѣзко выражена скорбь по кончинѣ графини Екатерины Алексѣевны Воронцовой. По словамъ князя, обнародованіе этихъ писемъ огорчило бы его матушку, княгиню Елисавету Ксаверьевну, которая почитала свекра своего образцомъ здраваго благочестія. Рѣшено было начать печатаніе съ писемъ позднѣйшихъ. Нынѣ, когда уже нѣтъ въ живыхъ ни князя Воронцова, ни его матери, ничто не препятствуетъ появленію этихъ писемъ, служащихъ важнымъ матеріаломъ для біографіи графа С. Р. Воронцова.

П. Б.

1.

Изъ поѣздки по имѣніямъ.

Милостивый государь братецъ Александръ Романовичъ.

Вы конечно думать можете, что молчаніе мое происходитъ отъ лѣности; но повѣрь, голубчикъ, что оно происходитъ отъ недостатка времени, и я бъ весьма сожалѣлъ, ежели бъ оное мое молчаніе могло перемѣнить ту дружбу, въ которой мы съ младенчества воспитаны и которую я сберечь стараюсь. Чтобъ дать тебѣ нѣкоторую идею о нашемъ вояжѣ, то напишу имена тѣхъ городовъ, которые мы проѣхали. Изъ Москвы были мы въ Володимерѣ и въ Матренинской волости. Изъ Володимера были въ Муромѣ, Арзамасѣ, въ Саранскѣ, отъ котораго Иса въ 30 верстахъ отстоитъ. Въ ономъ селѣ мы сутки были; оттуда поѣхали мы на батюшкинъ винной заводъ, гдѣ Жемчужниковъ управителемъ; оттуда были въ Симбирскѣ, потомъ въ Казань пріѣхали. Оною дорогою ѣхали мы только для Исы и винокуреннаго завода; а прямая дорога изъ Москвы въ Казань, то должно ѣхать съ Мурома на Нижній Новгородъ, потомъ на Кузьмодемьянскъ и Чебоксаръ, а потомъ въ Казань. Сія дорога ближе первой. Въ Казани были мы три дни, откуда пріѣхали на Егошиху, мѣдной заводъ дядюшки Михаила Ларивоныча. Потомъ въ Кунгурѣ были, изъ Кунгура въ Екатеринбургѣ, также и на Верхъ-Исецкомъ

нашемъ желѣзномъ заводѣ, гдѣ управителемъ Андрей Аѳанасьевичъ и Ѳедоръ Артоболевской. Оттуда отправились въ Тобольскъ чрезъ Ирбитскую ярмарку и Тюмень; потомъ чрезъ тѣже города возвратились на Егошихинскіе заводы, гдѣ теперь находимся. Впрочемъ, какъ мы теперь въ дикомъ мѣстѣ и вѣстей о Европейскихъ дѣлахъ не имѣемъ, то пожалуй награди сей нашъ недостатокъ. Enfin, mon cher frère, je finis pour vous demander la continuation de votre amitié, chose plus chère pour moi que vous ne sauriez vous imaginer.

Je reste votre très-fidèle serviteur, ami et frère

S. de Woronzow.

1760⁹/₁₈ Егошиха.

Это самое раннее письмо въ большомъ собраніи писемъ графа Семена Романовича любопытно потому, что изъ него мы узнаемъ отчасти причину, отчего онъ, не смотря на долговременную жизнь въ чужихъ краяхъ, оставался кореннымъ Русскимъ человѣкомъ: въ первой молодости своей онъ объѣхалъ значительную часть Россіи и побывалъ даже въ Сибири; путешествія же въ то время не были такъ верхоглядны какъ нынѣ и могли обогащать путешественника множествомъ новыхъ и прочныхъ впечатлѣній. Егошиха—это село подъ городомъ Пермью. Писавшему не исполнилось тогда 16-ти лѣтъ. Старшій братъ находился во Франціи. П. Б.

2.

Изъ путешествія съ дядею.

Florence, le 16 (27) mars 1764.

Mon cher frère et ami.

J'ai eu pendant huit jours une maladie que je ne connaissais de ma vie: c'est un mal de tête, mais si violent que je ne pouvais me tourner seulement, et ce qu'il y avait de plus fâcheux pour moi, c'est qu'aucun remède ne pouvait me soulager. A la fin, Haledy, notre docteur, impatienté autant que moi, m'a forcé de me saigner, c'est ce que jusqu'à présent je craignais toujours de faire. Il fallait pourtant le faire. Il m'a saigné donc du bras droit et très-heureusement, et au bout de deux jours je fus quitte du mal de tête; mais j'en ai été quatre sans pouvoir mettre l'habit et rien faire avec la main droite: car, comme c'était la première fois de ma vie que cela m'arrivait, je ne savais après comment m'y prendre, и на другой день, заснувши, я такъ ее разбередилъ, что два дни послѣ того правою рукою я дѣйствовать былъ не въ состояніи и другого надѣвать какъ шлафрокъ. Pardonnez moi, mon cher, tous ces détails ennuyeux, mais je ne les ai faits qu'en connaissant votre amitié pour moi *).—Nous devions partir demain de Florence, mais ce départ a été empêché par une occasion très-désagréable: car la nuit passée mon oncle s'est trouvé si mal que nous avons cru avoir le malheur de le perdre. Les sangs lui ont monté, la respiration lui manquait; enfin, il expirait dans la minute, si Haledy, qu'on avait éveillé, ne l'avait saigné dans

*) Докторъ Галеди былъ знаменитостью того времени; а юношѣ, которому приказалъ онъ отворить кровь, не исполнилось тогда и 20 лѣтъ. П. Б.

l'instant. Cela est arrivé à deux heures après minuit. Il se porte un tant soit peu mieux à présent et commande de vous remercier pour vos lettres.

3.

Milan, le 1 (12) avril 1764.

Nous sommes ici depuis avant-hier. Mon oncle, dont la santé ne se remet nullement, à notre grand chagrin, dans ce climat que je croyais lui être salutaire, a été saisi pendant la route à Milan d'une toux si violente qu'on a été obligé de le saigner du pied. D'abord que nous fûmes en ce lieu, il a reçu vos lettres et m'a chargé de vous en remercier et l'excuser en même tems, s'il ne vous répond par cette poste. Mais c'est son incommodité qui l'en empêche.

Je vais vous dire un mot de notre route. De Florence nous sommes venus en deux jours à Bologne, le premier d'avril. Nous nous arrêtâmes là trois fois vingt-quatre heures, pendant les quelles je n'ai suivi nulle part mon oncle dans ses visites, excepté chez le fameux Farinelli, qui nous régala de deux airs, on peut dire, divins et à beaucoup plus juste titre que ne le donnait Bélogradsky, si vous vous en souvenez. C'est beau chant à la tambourin. Pour le reste, j'ai été courir par toute la ville pour voir les belles peintures dont elle est pleine.—A Modène nous avons resté quatre jours, je ne sais pourquoi: car la ville, et la cour, et la société ne valent pas qu'on s'y arrête une heure.—A Parme nous avons passé trois jours. C'est un endroit charmant. J'ai vu là le fameux tableau de Corrège, où la Made-

leine baise le pied de Notre Seigneur encore enfant. C'est un des plus beaux que j'aie vus en Italie. J'ai trouvé une très-belle dame à cette cour, laquelle vous a connu à Paris: c'est la marquise de Malaspina, avec laquelle vous avez dîné quelquefois à Versailles chez m-me de l'Hôpital.—Pour Milan vous avez pour connaissance m-me Simonetti, qui vous aime beaucoup, et hier, que j'ai été à côté d'elle à table chez le comte Firmian, elle a bu à votre santé, m'a chargé de vous faire ce compliment, et a parlé de vous à tout ce monde qui était là, comme tous ceux qui vous connaissent, c'est à dire avec beaucoup d'éloge. Le comte Firmian, qui est ici le plénipotentiaire de l'impératrice-reine, est un homme d'un mérite supérieur. J'ai vu peu de personnes qui aient l'abord si prévenant et si honnête. Il vous comble de politesses.

Pour ce qui est du tems que nous resterons ici, je l'ignore encore, mais je ne crois pas que cela puisse être les dix jours.—A propos: vous savez que Maruzzi de Venise a été proposé par mon oncle pour être le résident de notre cour auprès de la république. Le chancelier vient de recevoir des lettres de Pétersbourg, d'où on lui marque que quoique cette affaire ne soit pas finie encore, mais on lui donne l'espérance qu'elle finira comme il le désirait.—Je pense qu'au retour de mon oncle en Russie, je viendrai passer une couple d'années avec vous à la Haye. et plût à Dieu que ce fût pour le reste de mes jours et pour ne plus revoir ma jolie patrie.

4.

Berlin, le 28 septembre (3 octobre) 1764.

J'ai reçu ici votre lettre sans date, dans laquelle il y avait la copie de celle que vous avez envoyée à m-r Pitt. Je vous remercie, mon cher frère et ami, tant pour l'une que pour l'autre. Il me paraît, si j'ose le dire, que vous êtes un peu enthousiaste pour celui à qui vous avez écrit la seconde, et vous lui parlez comme à l'oracle de l'Europe. Il est vrai que c'est un si grand homme, qu'il est plus pardonnable d'outrer les choses en sa faveur qu'en celle d'un autre; mais il m'a semblé que c'était poussé un peu loin de votre côté. Vous lui faites entendre que la tranquillité de l'Europe dépend presque de son retour dans le ministère, et ce n'est qu'en faveur de votre enthousiasme que je vous le passe. Autrement ce serait une adulation de votre côté, de quoi vous n'êtes pas capable. Il me paraît déjà que vous froncez les sourcils et que vous vous écriez: „De quoi est-ce que ce morveux-là s'avise de me moraliser, moi, qui ai le privilége exclusif de moraliser tous les autres“. Mais pardonnez-moi cette fois-là: je n'ai pas pu m'empêcher de vous dire ce que je pense sur votre enthousiasme pour Pitt et sur votre attachement pour tous les révoltés. Je ne vous conseille pas de retourner avec ces sentimens-là chez nous.

A propos de retour: vous avez fort bien fait de vouloir écrire à la chancelière sur cette matière, puisqu'elle s'y opposait sans savoir pourquoi. Faites-le au plus vite.

Il faut que nous parlions d'une autre matière plus sérieuse et plus affligeante pour tous ceux qui sont attachés à ma cousine *). Ses affaires vont de mal en pire. Quant aux nouvelles de Pétersbourg, on lui marque de tous côtés les indignités de son misérable mari, et sa tante lui vient de marquer précisément la même chose que Bacounine à mon oncle. Pour ce qui est de l'effet qu'a pu produire votre admirable lettre au chancelier, je l'appelle admirable; car je n'ai rien vu de mieux et plus prudent dans une circonstance pareille, et je me fais un fait conforme au vôtre, touchant la demeure de m-e de Stroganoff chez ses parens, et elle n'y est nullement éloignée. Elle craint seulement que cette séparation à l'amiable ne la mette un jour dans la dépendance encore, surtout si elle a le malheur de perdre son père, en quoi je la rassure toujours. Vous ferez fort bien de lui marquer la même chose, puisqu'il est certain que si cela se fait de la manière que vous l'avez marqué à mon oncle et que cela arrive de l'aveu de l'Impératrice (ce que mon oncle cherchera sans doute et ce qu'il obtiendra de même), m-r de Stroganoff ne pourra jamais l'inquiéter. Revenons à l'effet que votre lettre a pu produire. Je vous dirai qu'elle ma paru en avoir fait un très-bon, et quoiqu'il ne m'ait rien dit de ses sentimens, mais puisqu'il me l'a montrée et d'un air fort satisfait, cela me prouve qu'il entre

---

*) Графиня Анна Михайловна Строгонова, единственная дочь канцлера графа Михаила Ларіоновича, окончившая жизнь (1769) въ разводѣ съ мужемъ, о чемъ см. Записки Порошина (268 и 285). Она была соединена горячею дружбою съ обоими своими двоюродными братьями. Нѣкоторыя письма ея къ графу Александру Романовичу помѣщены ниже для показанія ихъ отношеній. П. Б.

dans vos raisons. Ma cousine m'a montré la copie de celle que vous avez écrite à la chancelière. Je la trouve pour le moins aussi bonne que la première. Ces deux lettres sont certainement propres à émouvoir les plus insensibles, et je suis sûr qu'elle a touché ma tante jusqu'au vif. Madame de Stroganoff est malade, et d'une façon que Haledy attribue cela à quelques chagrins qui la tourmentent, ayant été faire le rapport aujourd'hui à la mère, qui lui a répondu les larmes aux yeux: „Si elle a des chagrins, comme vous le croyez, ils sont très-légitimes, malheureusement, pour elle". Vous ne sauriez croire, mon cher, toute la reconnaisance que ma cousine vous témoigne. Son sort est si à plaindre, qu'on ne peut la voir, depuis quelques jours, sans être pénétré de douleur, et je souffre, sans vous exagérer, quand j'en parle seulement. Ma tante est très-résolue de la seconder dans l'affaire de séparation à l'amiable, comme vous le leur avez marqué; mais elle ne dit rien jusqu'à présent d'avoir reçu votre lettre. Elle est piquée très-fort contre mon père de ce qu'il ne marque rien à mon oncle des démarches que m-r de Stroganoff fait à Pétersbourg, et elle a chargé ma cousine de lui en écrire et de me dire que je fasse la même chose, ce que je ferai avec plaisir la poste prochaine.

Nous sommes ici depuis avant-hier et nous n'avons vu personne que madame Kameke et le prince Tchertorysky, qui part demain pour Varsovie. C'est le cousin du chancelier de Lithuanie. Il doit avoir 50 ans et paraît être fort poli et très-aimable. Il a été chez nous hier, et mon oncle l'a invité aujourd'hui à dîner. La commission était, à ce que l'on prétend, de prier cette cour pour qu'elle ne fasse plus de violence sur le territoire de la république du côté de Posnanie, où on en

a fait de terribles. Lorsque nous serons présentés au roy et que je ferai des connaissances, je ne manquerai pas de vous informer de tout ce que j'ai su et vu. Mes complimens à m-r Fersen, Maltzoff et Doubrowsky. Pour votre Jacques, vous m'ennuyez à mort avec ce personnage: voilà la quinzième lettre, je crois, où vous ne me parlez que de lui. Il m'impatiente bien plus que ne l'a jamais fait le cofichenke.

5.

Berlin, le 11 décembre n. st. 1764.

Je ne vous écris point par le courrier russe qui part aujourd'hui pour Londres par la Haye, car c'est un courrier du pape, on peut dire: il a mis seize jours de Pétersbourg jusqu'ici, a resté à Berlin près de deux jours pour se reposer et compte être à Londres dans deux semaines au plus tôt. C'est bien différent de Zemtzoff, qui pendant la dernière guerre est venu en 17 jours de Pétersbourg à Londres. Ce courrier est un jeune homme comme moi, assez simple. Il est sous-lieutenant dans ce même régiment aux gardes que j'espère quitter bientôt. Il porte sur soi la commission que notre cour donne à m-r Gross de présenter au ministère anglais le projet du traité de commerce et de le négocier même; et puis d'autres ordres touchant les affaires de Suède, pour lesquelles notre cour veut engager l'Angleterre à agir avec nous de concert. J'ai appris tout cela par une lettre du vice-chancelier *) à mon oncle, expediée par une autre estafette pour Londres, quatre jours après le départ du courrier, et qui est venue ici en même

*) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. П. Б.

tems que lui. Le vice-chancelier dit, dans la même lettre à mon oncle, que les affaires de Pologne ayant occupé toute l'attention de notre cour. ont été cause qu'on n'a pas pensé à finir les traités projetés avec l'Angleterre; mais comme elles viennent d'être finies le plus heureusement du monde, on va donner toute l'attention possible pour achever celles d'Angleterre. Cette lettre, que mon oncle m'a montrée, était remplie d'expressions qui voudraient marquer beaucoup d'attachement et de reconnaissance (c'est ce qu'on n'a pas pourtant) pour toutes les bontés que mon oncle lui a témoignées toujours. Tout cela me fait croire, mon cher, que le chancelier est très-bien auprès de l'Impératrice et que m-r le vice-chancelier commence à craindre son retour indispensable. Il a changé totalement de style, qui était, à la vérité, extrêmement poli toujours, mais il devenait assez familier de tems en tems, au lieu que celui de la dernière lettre et de quelques autres est déjà des plus soumis.

Bacounine me marque que m-r Stroganoff continue à parler mal de sa femme et du chanceliermême. J'ai montré cette lettre à mon oncle, qui m'a répondu: **Вѣдь и мы бранимъ его также!**

Vous me demandez de Berlin ce qui en est. Je vous réponds que, quant à moi, c'est la plus triste ville du monde, et nous y resterons encore quatre semaines, à ce que je vois, pour le moins même. Le roy n'est pas ici encore. On l'attend dans cinq jours.—M-r Kniphausen vous fait ses complimens; il parle de vous avec beaucoup d'éloge. Le courrier si diligent s'appele Protassoff.

6.

Dantzig, le 18 (29) janvier 1765.

N'attribuez mon silence qu'aux embarras des préparatifs pour le voyage et au triste carnaval de Berlin, qui, quoique le plus ennuyeux qu'on puisse jamais voir et fatigant on ne peut davantage, tous les jours sont pris: tantôt c'est cour chez la reine, tantôt chez le prince Henry, tantôt chez le prince Ferdinand, puis chez la princesse de Prusse. Après toutes ces cours, on est toujours invité à souper. Puis, il y a par semaine une fois redoute, deux fois opéra et une fois comédie française, touts trois l'un plus ennuyeux que l'autre. Surtout c'était la dernière qui est insupportable. Il fallait pourtant nous y traîner, car c'est la cour qui donne tous ces prétendus divertissemens, et il n'y a que mon oncle qui se dispense d'y aller régulièrement; mais ma tante, ma cousine et moi, nous y étions toutes ces soirées.

Vous voulez savoir comment mon oncle a quitté Berlin. Je vous réponds que le roy, sans faire de politesse outrée, lui en a témoigné toujours infiniment, et mon oncle est très-content de la réception qu'on lui faisait toutes les fois qu'il allait à la cour.

7.

S-t Pétersbourg, le 2 septembre 1765.

Je suis venu aujourd'hui loger dans la maison de mon oncle, et c'est pour deux ou trois semaines, à cause que mon appartement est si humide que je me suis gâté absolument la poitrine, et je crois que je serai assez longtems sans pouvoir la bien remettre. C'est pourquoi on raccommodera mes chambres chez nous, autant qu'il sera possible, en attendant que je serai ici. C'est dans une aile que je loge chez mon oncle, dans le même appartement qu'occupait Bacounine.

Je viens d'apprendre qu'il y a un nouveau livre de paru: *La philosophie de l'Histoire*. Vous m'obligerez bien sensiblement, si vous pouvez me l'envoyer, de même s'il paraît quelque chose en Angleterre sur l'état présent de ce royaume. On prétend que le premier livre est de Voltaire.—Il y a comédie aujourd'hui, mais mon mal de poitrine me fait garder la chambre. Hors badinerie, vous ne sauriez croire à quel point je suis amaigri. Vous savez vous-même comme je désirais d'être maigre, mais de la façon que je le suis à présent j'en suis déjà allarmé moi-même.

8.

S-t Pétersbourg, le 11 d'octobre 1765.

Il m'est arrivé un malheur assez étrange, c'est que voulant me faire arracher une dent qui me faisait souffrir, on n'a jamais pu parvenir à le faire, et comme c'est une dent d'en haut, il faut que la racine soit entreliée avec les os de la partie haute de la mâchoire. Vous ne sauriez assez vous figurer ce que j'ai souffert pendant qu'on faisait tous les efforts imaginables pour me l'arracher, sans pouvoir y parvenir.

Je ne reçois rien de mon père, ni n'ai aucune espérance d'en avoir rien de fixe. Je reçois quelquefois, c'est à dire toutes les cinq ou six semaines, 20, 25 ou 30 roubles, et voilà tout. On dit toujours qu'il n'y a pas le sol dans la maison, de sorte que je suis indispensablement endetté déjà de 400 roubles depuis le tems que je suis ici. Dès que l'on a vendu la terre, j'ai prié mon père qu'il vous envoyât au moins deux mille roubles, mais je n'ai vu que de la morale et un refus pour la réponse. Je ne sais si cela est vrai, mais Михаила m'a juré que de cette vente il n'est pas venu un sol dans la maison. Gomme, à qui la terre a été vendue, a commencé par décompter 15 m. roubles qui lui étaient dûs; le reste a été payé, à ce que l'on m'a dit, à la banque, à la couronne pour les mines de fer, et à des particuliers pour des dettes anciennes, entre lesquelles je sais qu'il y en a beau-

coup de m-e Boutourline *), laquelle, par parenthèse, a régalé mon père d'une autre lettre de change de 2 m. r., sans s'embarrasser si la première de 4 m. a été acceptée ou non. Mais il ne l'a pas acceptée pourtant. Sa tendresse pour elle ne s'est manifestée que par son silence. Если бъ что со мною или съ тобою случилось, то весь бы городъ услышалъ его противъ насъ жалобы, и я увѣренъ, что по пріѣздѣ Марьи Романовны онъ возьметъ на себя и сіи шесть тысячъ ея долгу. Enfin, j'ai pris le parti de le prier encore s'il ne pourrait pas consentir à emprunter chez m-r Gomme, qui ne le lui aurait pas refusé, au moins 2500 r., 2000 pour vous et 500 pour moi, que cet emprunt ne le ruinerait pas et que par cette bonté de sa part il nous tirerait l'un et l'autre d'une peine et besoin extrême. Cela m'attira des injures, et l'on a sonné bien haut les 13 m. r. que j'ai dépensés dans mon séjour dans les pays étrangers. Si je n'étais pas persuadé qu'il m'aurait laissé dans la même indigence dans les pays étrangers, je me repentirais bien d'être venu ici.

*) Графиня Марья Романовна, самая старшая изъ дѣтей графа Романа Ларіоновича. П. Б.

9.

S-t Pétersbourg, 31 janvier 1766.

J'ai obtenu mon congé du service, comme lieutenant-colonel, ce qui me rend satisfait on ne peut davantage. Je n'ai pas encore remercié Sa Majesté, à cause que je ne sors pas de ma chambre depuis une semaine, ayant eu deux abcès dans la gorge, mais je compte pouvoir le faire dans quatre jours d'ici, ce qui sera Dimanche.

Il faut aussi que je vous instruise d'une petite chicane que le vice-chancelier vous a voulu faire. M-r de Panine vous a obtenu 2000 r., comme vous le savez. Sur cela on avait préparé pour vous un rescript au Collège, dans lequel le prince Galitzine a fait mettre nommément: *Надлежитъ вамъ дѣлать празднество, и какимъ образомъ оное сдѣлаете, должно вамъ насъ о томъ увѣдомить.* On porta donc ce rescript à m-r de Panine, pour qu'il l'approuvât. Il a d'abord effacé ce que je rapporte ci-dessus. On avait beau lui dire que c'est le vice-chancelier lui-même qui a mis cette phrase. Il l'effaça toujours, en disant que le Collège n'a rien à vous écrire là-dessus, et qu'il vous marquera lui-même ce qu'il faut que vous fassiez. Krock, que vous connaissez et qui sort de chez moi, m'a conté cette histoire, comme arrivée devant lui. Toutes les bontés de Никита Иванычъ pour vous vous étonnent certainement; mais, après que vous aurez reçu ma lettre que le docteur Dumaresk vous porte, tout ce mystère vous sera débrouillé.

Faites bien mes complimens à Doubrowsky et excusez moi auprès de lui de ce que je ne lui ai pas écrit depuis si longtems et surtout rien de sa comédie, si je l'ai donnée pour être représentée, ou non. Je l'ai refusée aux comédiens, non qu'elle soit mauvaise; au contraire, je la trouve excellente; c'est même uniquement pour ça que je ne la leur ai pas donnée: car ils l'auraient gâtée. Ils sont si mauvais dans leur métier, ces messieurs, que cela fait pitié à voir. Des deux Волковъ l'un est mort, et l'autre a quitté le théâtre, et le seul Дмитревскій qui restait de bon et qui était en état de faire valoir la pièce, et auquel j'étais résolu de la donner, a été envoyé depuis plus de quatre mois à Paris pour étudier le spectacle.—A propos de Doubrowsky, je pense que vous pourriez fort bien écrire dans une relation pour qu'on l'avance. Il y a plus de trois ans qu'il est toujours dans le même grade. Comme vous l'aimez et qu'il le mérite, je suis persuadé que vous le ferez avec plaisir.

10.

De Kimra *), ce 29 juin 1766.

Je reconnais votre bon coeur et votre amitié pour moi dans l'impatience dans laquelle vous êtes pour savoir au plus tôt quand je serai placé; mais il faut que vous vous fassiez une raison à ne pas vous chagriner quand cela viendrait à manquer. Je commence déjà à m'accoutumer assez avec les malheurs que j'ai eus dans le service, et je crois que je ne serais guère abattu après que la dernière attente qui me restait dans ce pays viendrait à ne pas réussir. J'ai eu trop de malheur dans le service et depuis que j'existe, pour me figurer d'être plus heureux à l'avenir. Ce changement de ton dans mes expéditions doit vous étonner, mon cher; mais quand je vous ai marqué le commencement de mon entreprise, il y a de ça 4 à 5 mois, j'ai eu la faiblesse de me laisser trop emporter par l'espérance, et tout enthousiasmé d'une lueur de bonheur après une suite continuelle de chagrins et de disgrâces, j'ai pris l'apparent pour le réel; mais après avoir réfléchi de sens-froid sur ma situation présente, j'ai vu que j'ai eu tort de me réjouir déjà d'une chose qui probablement n'arrivera jamais. Il est certain que m-r de P. me veut du bien, et j'en serai reconnaissant pour toujours; mais il ne dépend pas de lui absolument pour me placer dans un poste, où l'Impératrice, comme de raison, ne

*) Помѣстье на Волгѣ, пожалованное Петромъ III-мъ графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой. П. Б.

voudra mettre que des gens qu'elle connaît et qui lui sont agréables. Et il faut que vous sachiez que je ne sais par quel malheur elle est prévenue contre moi; du moins il faut le croire, parce qu'elle n'a voulu rien faire pour moi, quand les comtes Orloff même l'ont prié pour qu'elle répare le passe-droit qui m'a été fait et me fasse lieutenant-colonel, ce qui m'était de droit. Ainsi j'ai tout lieu de croire que la bonne volonté de m. de P. ne me servira de rien dans cette affaire. Je vous prie seulement, par l'amitié que vous avez pour moi, de ne pas vous chagriner quand vous apprendrez la mauvaise réussite de mon affaire. Pour moi, je tâcherai à me faire une raison pour ne pas me désoler. Je vous jure, et c'est sans faire le philosophe ou l'indifférent, que cela ne m'aurait touché nullement et que je n'aurais fait même aucun pas pour rentrer au service. si dans ce pays un homme hors de service et surtout avec un aussi petit grade comme moi ne serait méprisé. Adieu, mon cher ami. Amusez-vous autant que nous nous ennuyons ici.

11.

Moscou, le 19 février 1767.

Je n'ai eu ni le coeur ni le tems de vous écrire, mon cher ami, la poste passée. C'était le jour même de la mort de notre bienfaiteur et de notre père: car nous pouvions bien le nommer de ce titre. Bacounine vous a écrit sur sa mort. Il faut que je vous en marque les détails.

Quatre ou cinq semaines avant sa fin, Haledy m'a dit que le chancelier était attaqué d'une consomption terrible, provenant de cette toux perpétuelle qui le minait depuis quatre mois et qu'il le croyait incurable, espérant pourtant qu'il irait jusqu'au mois de mai, à moins qu'il ne survienne une diarrhée qui l'emporterait dans moins d'une semaine, et c'est ce qui est arrivé quatre jours avant que nous le perdîmes. Haledy me dit d'abord: il a une diarrhée, et nous allons le perdre. Ce fut un jour de poste, et je vous écrivis d'abord qu'il n'y a plus d'espérance. Haledy et Dahl, qui était le consultant, ont fait tout ce qui était humainement possible pour arrêter cette diarrhée; mais c'était inutile, puisqu'elle était une suite nécessaire de la maladie qui le consumait. Depuis ces quatre jours nous l'avons vu dépérir à vue d'oeil. Enfin, il est mort comme un saint, avec une tranquillité inconcevable et conservant tous les sens, excepté la vue, qu'il perdit une heure avant

sa fin: car, ayant deux bougies devant ses yeux, il demandait pourquoi il fait si sombre et pourquoi on a éteint les lumières. Sa femme, sa fille et son médecin lui ont rendu tous les devoirs imaginables, et il est mort entre les mains des deux derniers. Sa fille lui a fermé les yeux. Elle a été a son chevet, Haledy à ses pieds, ét moi j'ai été entre eux deux. Je suis tout saisi encore, en me rappelant ce terrible spectacle. Il n'a pas dit trois mots le dernier jour et il a fini le 15 de ce mois, à 9 heures et 40 minutes, une heure après que l'archevêque Крутицкой le communia. Ma tante, ma cousine et Haledy ont été dans un accablement inconcevable. Ils ont été tous trois saignés, et le dernier est encore malade. L'Impératrice a envoyé Кузминъ le lendemain chez ma tante pour la consoler. M-r de Panine a eu beaucoup de soin de ma tante. Il l'a accompagnée à l'enterrement, auquel tout le monde a assisté avec un regret vraiment sincère, excepté les Aigles *) qui n'ont pas été dans la maison, ni à l'enterrement. Il a été enterré à Воздвиженской монастырь, là où est enterrée toute notre famille, et il a été enterré entre son père et sa mère: car il s'est trouvé assez de place entre ces deux tombeaux pour mettre un troisième.—Ma tante et ma cousine ont passé à la maison de Twerskoy **) d'abord après l'enterrement, qui a été le 17. On n'a pas pu retenir ma tante

---

*) Разумѣются графы Орловы, одному изъ которыхъ, четыре года назадъ, покойникъ помѣшалъ жениться на Екатеринѣ. П. Б.

**) Т. е. изъ дома на Знаменкѣ, что̀ нынѣ М. С. Бутурлиной. Въ сосѣдней церкви Воздвиженія Креста Господня доселѣ уцѣлѣлъ, въ правомъ нижнемъ предѣлѣ, великолѣпный мраморный памятникъ, воздвигнутый графинею Анною Карловной надъ могилою ея супруга. П. Б.

pour qu'elle n'aille pas à l'enterrement; mais pour ma cousine, on l'a empêchée d'autorité. Ma tante s'est trouvée si mal pendant le service qu'à peine on l'a pu transporter hors de l'église à l'air, où à force d'eau fraîche elle est un peu revenue. M-r de Panine qui l'a menée à l'église, l'a ramenée aussi à la nouvelle maison. Je suis aussi chez eux.

Письмо графини Анны Карловны.

Другъ мой графъ Александръ Романовичъ.

Послѣ несчастной потери мужа моего, ничто меня столь не утѣшаетъ, какъ видѣть, что друзья наши и сродственники столь чистосердечно его оплакиваютъ и входятъ въ толь горестное мое состояніе. Зная же, какъ онъ покойникъ горячо тебя любилъ и зная честность и благодарность твоего сердца, я всегда предвидѣла, что ты толь наичувствительнѣйшимъ образомъ примешь всеобщую сію нашу горесть. Осталось мнѣ теперь тебя только просить, чтобы не углубляся бы ты въ толь жестокую печаль. Полагайся во всемъ на волю Божію, мой другъ, и береги свое слабое здоровье для насъ, кои тебя прямо любимъ. Не отчаевайся. Всевышній тебя подкрѣпитъ; старайся только слѣдовать стопамъ дяди твоего, которой тебя любилъ какъ сына и оставилъ тебя на дорогѣ, на которой ты можешь себѣ, сродственникамъ твоимъ и пріятелямъ сдѣлать честь и утѣшеніе. Впротчемъ это бы излишно почти было повторять тебѣ, мой другъ, какъ я тебя люблю чистосердечно: ибо ты долженъ о томъ быть удостовѣренъ. Я знаю твое доброе сердце, знаю твои честныя мысли, знаю, какъ ты любилъ и почиталъ нелице-

мѣрно покойнаго Михайла Ларіоныча и какъ онъ тебя любилъ взаимно. И такъ сколько причинъ, чтобъ мнѣ тебя любить, мой другъ, непрестанно! Съ сими мыслями остаюсь навсегда доброжелательная и другъ графиня Анна Воронцова.

Въ Москвѣ,
въ 15-й день Апрѣля 1767.

«Не прогнѣвайся, что я не своею рукою пишу. Пожалуй, пришли двѣ шпаги такія, какую ты С. Романовичу прислалъ; а я деньги переведу къ тебѣ. Другъ мой, будь во мнѣ увѣренъ, какъ въ покойникѣ дядѣ твоемъ. Я тебя столько же люблю, какъ и онъ» *).

*) Отмѣченное вносными знаками писано самою канцлершею; остальное рукою графа Семена Романовича.—Оба племянника остались въ добрыхъ отношеніяхъ съ графиней Анной Карловной; но съ отцомъ ихъ у нея возникла тяжба изъ за помѣстій ея мужа. Она пережила единственную дочь свою и скончалась въ 1775 году. П. Б.

12.

Moscou, le 9 juin 1767.

Ayant reçu avant-hier votre lettre et l'incluse pour m-r de Panine, en présence de ce dernier chez ma tante, je lui remis la sienne. Il me chargea de vous marquer, après l'avoir lue, qu'il ne peut rien faire avant le retour de l'Impératrice [1]), ce qui sera dans une semaine. Il m'a dit encore de vous ajouter qu'il vous assure que vous aurez pour sûr votre permission d'aller aux eaux sans perdre vos appointemens et qu'il travaillera aussi pour vous obtenir 7 à 8 mille roubles à descompter dans 3 ou 4 ans sur vos gages, et qu'il espère d'y réussir. Ninette [2]), qui l'a déjà prié aussi et qui le verra encore aujourd'hui, lui en parlera derechef. Bien obligé, mon cher ami, pour la petite brochure en vers de m-r de Voltaire que vous m'avez envoyée. Je viens de lire un livre qu'on m'a prêté, intitulé: *Des délits et des peines* [3]), ouvrage extrêmement intéressant par les sentimens philosophiques et généreux avec lesquels l'auteur s'explique. Obligez-moi en m'envoyant ce livre en français et en italien, puisque c'est l'original, et des gens qui ont lu en l'une et l'autre langue m'ont assuré que le traducteur a eu tort de rechanger la liaison des chapitres, et que même il ne l'a pas traduit fidèlement. Le professeur Muller, qui est ici, m'a dit que quand on lit la traduction, il paraît que le traducteur ait eu raison; mais quand on lit l'original italien, on trouve que le traducteur a grand tort.

---

[1]) Изъ путешествія по Волгѣ. П. Б.

[2]) Т. е. графиня Анна Михаиловна Строганова. П. Б.

[3]) Знаменитое сочиненіе Беккаріи, коимъ пользовалась тогда Екатерина для своего Наказа. П. Б.

13.

Moscou, 1767, le 17 juin.

J'ai reçu hier votre lettre du 1 juin n. st. et avec la brochure de Voltaire sur les panégyriques. Cet ouvrage m'a beaucoup plu, quoique j'y trouve toujours des répétitions de ses autres ouvrages; et c'est à quoi l'on peut toujours reconnaître tout ce qui paraît à présent de cette plume. Ce qu'il dit ici de l'oraison funèbre du chancelier Tessier par Bossuet et ce que disait le comte de Grammont du même chancelier, je me souviens de l'avoir lu dans son Siècle de Louis XIV et encore quelque autre part. A propos des ouvrages de Bossuet: cette brochure me fait ressouvenir d'une lettre qu'il vous a écrite et que vous m'avez communiquée et pour laquelle j'avais oublié de vous remercier. Cette lettre donc, à mon avis, est beaucoup mieux écrite que la brochure sur les panégyriques, et vous m'obligerez beaucoup en m'envoyant les lettres qu'il pourrait vous écrire à l'avenir [1]).

Je crois que je ne vous ai pas écrit que ma tante a distribué ainsi la bibliothèque de mon oncle: les estampes à ma cousine, et les livres à Павелъ Мартынычъ [2]) et à moi. Mais elle me donna la préférence sur lui, m'ayant permis de choisir auparavant ce que je trouverais à mon gré. J'ai pris entre 300 à 400 volumes, tout de livres historiques, des mémoires et quelques

---

[1]) Письма Вольтера къ графу А. Р. Воронцову напечатаны въ V-й книгѣ сего изданія. Очевидно, ихъ было больше, нежели сохранилось. П. Б.

[2]) Скавронскій, родной племянникъ канцлерши. П. Б.

dictionnaires. Le petit comte Scawronsky a eu 300 volumes de livres à sa portée ou de livres qui peuvent lui servir à l'avenir. Haledy a eu aussi plus de 200 vol. de livres russes, français et latins sur la médecine et sur la physique. Il est resté encore plus de 800 vol., mais si dépareillés qu'il fallait les jeter, et c'est ce que l'on a fait. Vous ne sauriez croire comme cette bibliothèque a été mutilée par m-r Oubril *), quand, du vivant de mon oncle, il en avait la direction, et je sais de très-bonne part que la Dachkoff a eu par son canal plus de 500 vol. des meilleurs livres de mon oncle, sans compter ceux qu'il a perdus en prêtant à droite et à gauche. Parmi ceux que j'ai à présent il y a le dictionnaire de Trévaux, auquel il manque le 4-me tome, lequel doit comprendre les lettres G, H, I, K, L.: ainsi si vous pourrez m'envoyer ce tome, vous me rendriez un service essentiel. Je crois que l'on peut acheter séparément; mais il faut déjà que ce soit de la même édition que j'ai et qui est de MDCCLII à Paris par la compagnie des libraires associés.

Je vais vous prier encore pour d'autres articles de livres, et pour que cela ne vous coûte rien, puisque c'est une affaire de près de 400 roubles, faites-moi le plaisir de tirer une lettre de change sur mon père pour cette somme, en lui marquant que c'est pour des livres que vous m'envoyez; mais ayez soin surtout de ne l'envoyer qu'au commencement de septembre, quand notre fer sera vendu. Moi, de mon côté, je tâcherai à le disposer pour ça, et il aura honte, j'espère, de me refuser une somme aussi modique. J'au-

---

*) Предокъ нынѣшнихъ Убри, Французъ, начавшій службу въ канцеляріи графа М. Л. Воронцова. П. Б.

rai soin surtout de le prier en public, et la lettre de change sera payée.

Il faut commencer par me compléter un autre ouvrage que j'ai incomplet et qui est l'Histoire générale des voyages, auquel il me manque le X-me tome et puis la continuation. L'édition que j'ai est: *A la Haye, chez Pierre de Hordt.* Après quoi il me faut l'Encyclopédie toute entière et avec les planches, ce qui fera 25 volumes. On dit qu'il y a deux éditions; ainsi je vous prie de m'envoyer la meilleure et qu'elle soit reliée. Puis, le grand dictionnaire italien de l'académie de la Crusca, qui doit être très-volumineux aussi. Et surtout tâchez, je vous prie: que ce soit la dernière édition et que ce soit relié. Je crois qu'il faudra le faire venir de Florence, mais je ne suis pas sûr de cela. Les libraires d'Hollande vous diront eux-mêmes où la dernière édition a été exécutée.

Puis, les oeuvres de Palladio, 3 vol. in fol. en italien ou en français avec les plans. L'italien n'en serait que mieux.

Puis, le Vitruve français, par Perrault.

Puis, les deux dictionnaires italien et français et français et italien de l'abbé Antonini, dernière édition de Paris. Elle ne coûte pas plus de 4 louis.

Et puis un bon atlas complet du monde; pour cela il faut s'adresser à Paris, où sont à présent les meilleurs cartes géographiques, comme celles de Delille. Danville et autres. Et puis encore, l'Histoire universelle, traduite de l'anglais par une société de gens de lettres, de laquelle je n'ai que les premiers XIII volumes, édition d'Amsterdam chez Arkstée et Merkus.

Tous les livres que je vous prie de m'envoyer, je vous prie de ne les acheter que quand la lettre de

change sera payée et je vous prie aussi, mon cher, de ne me les envoyer que le printems prochain: car je crains la navigation d'automne où il périt tant de vaisseaux annuellement dans notre diable de Baltique.

14.

Письмо графини А. М. Строгановой.

Moscou, le 1 octobre 1767.

Vous me dites s'il est donc dit que Сенюша ne sera jamais placé. Il me paraît que jusqu'à présent cela n'a pas été possible, puisque je crois que ceux qui m'ont promis de s'y intéresser sont trop honnêtes gens pour me tenir inutilement en suspens. Mais je sais que s'il y avait une personne qui le plaçât, je lui serais redevable plus, sur mon Dieu et sur mon honneur, que si l'on m'eût fait Dieu sait quoi: puisque l'amitié de Сенюша pour moi lui a tout fait perdre, et encore grâce à la calomnie qui l'a honoré du titre d'amant. Au moins aux yeux des gens sensés et qui connaissent me rendre justice sur ce chapitre, on.....

Начинаются строки графа Семена Романовича.

Ninette vous demande mille pardons de ce qu'elle n'a pas eu le tems de finir cette lettre. J'ai été aussi un tems infini sans vous donner de mes nouvelles. Nous avons été empêchés par la maladie de ma tante, qui a été assez sérieuse. Elle se plaignait depuis longtems du mal hystérique et étant allée il y a de ça 15

jours à la cour pour l'audience des Polonais, ses chevaux prirent le mors aux dents, de quoi elle s'est tellement effrayée qu'en arrivant à la cour, elle s'est trouvée mal et a été obligée de s'en aller chez le comte Scawronsky. Là on a pris des chirurgiens et des médecins de la cour. M-r de Panine, mon père et tout plein de monde sont allés la voir, et elle est restée là jusqu'au soir, presque sans connaissance. Nous étions à la maison avec Анна Михайловна et nous ne savions rien. Enfin, la Talysine me l'envoya dire, et j'étais au bain, de sorte que je ne pouvais y aller, et ma cousine était malade elle-même et avait pris médecine ce jour. Enfin, on l'a amenée vers le soir, mais si faible qu'à peine pouvait-elle monter les escaliers; mais à présent elle se porte beaucoup mieux et commence à se promener en carrosse.

Le pauvre Иванъ Петровичъ Воронцовъ *) est mort aujourd'hui. Il a fait quelques dettes et, n'ayant d'autres moyens pour les payer que de vendre sa terre, il est tombé dans une si cruelle mélancolie qu'il a refusé de prendre aucune nourriture, et c'est un fait qu'il a été 15 jours sans boire et manger. Sa femme et sa belle-mère, chez qui il logeait, ont eu l'indignité de n'avertir personne de cela; car, si on avait su cela au commencement, on l'aurait pu sauver. Je n'ai appris cela que le troisième jour et j'y suis allé avec Haledy, mais c'était déjà trop tard: il n'avait plus que la respiration, et tout son intérieur était désséché, détraqué et paralytique; il ne pouvait plus parler, ni ava-

---

*) Вотчинной Коллегіи членъ, дальній родственникъ графовъ Воронцовыхъ. П. Б.

ler la moindre chose. Enfin, je n'ai jamais rien vu de si terrible et de si pitoyable en même tems.

Je vous envoye, ou plutôt c'est m-r Lafermière qui vous envoye la copie d'un petit mémoire qu'il a présenté à m-r de Panine au sujet d'un travail qu'il veut entreprendre pour le grand-duc, avec un ami qu'il a, homme de mérite et que j'ai beaucoup connu à Vienne chez le pr. Galitzine de qui il était secrétaire, et qu'il voudrait attirer ici *). Il a joint aussi quelques vers qu'il a faits pour le grand-duc pour le 20 de septembre.

*) Баронъ Николаи? П. Б.

15.

(1767).

Je viens de recevoir la tragédie de Scythes que vous m'avez envoyée, et je vous en rends mille grâces. Je vous avoue qu'elle m'a paru bien faible. J'ai le coeur très-sensible, et il faut qu'une tragédie soit bien faible, quand elle ne produit en moi aucun sentiment de terreur et de pitié. C'est le but auquel toute bonne tragédie doit prétendre.

Je vous écris peu cette fois, parce que je suis pressé d'aller dans l'appartement de ma tante, où m-r de Panine vient d'arriver. Ce que Golowkine a écrit à sa femme touchant une personne, n'est que trop vrai. Cela a commencé à Pétersbourg 6 ou 7 mois après notre retour, sans que rien ait pu remédier, et cela désole la pauvre Ninette et tous ses vrais amis. Merck et Lafermière vous saluent. Je vous ai écrit il y a de ça 4 mois que ce dernier est fait bibliothécaire du grand-duc avec 1000 r. d'appointements. C'est mon oncle défunt qui avait prié m-r de P.; mais c'est Ninette qui a terminé cette affaire. Je désire bien que vous vous amusiez bien dans votre voyage.

Письмо графини А. М. Строгановой.

Moscou, ce 23 août 1767.

Je suis enchantée que vous ayez déjà reçu la permission pour aller aux eaux et, selon ce que vous me mandez dans votre dernière que j'ai reçue hier, la présente ne vous trouvera plus à la Haye; mais votre plénipotentiaire 13 pour la 12-me vous la fera parvenir. Vous me reprochez à tort la lenteur de vous informer de nos affaires domestiques. Que voulez-vous que je vous dise, mon très-cher, qu'elles sont aussi mauvaises que jadis, pour ne pas dire plus. J'espère toujours jusqu'au dénouement de la pièce, et pour lors on verra si j'aurais de quoi chanter victoire ou non. Ce qu'il y a de certain, c'est que je ne manquerai pas de vous informer de tout, lorsqu'il y aura de décidé, sachant la part que vous voulez bien prendre à tout ce qui me touche. Maman a reçu les mouchoirs que vous lui avez envoyés. Elle prétend que ce n'est pas ce qu'elle vous a demandé, qu'elles les voulait avec des petits bouquets des Indes, comme par exemple la veste que je vous ai brodée.

Vous me faites rire, mon cher, en me marquant que m-r de Boutourline vous a écrit que je l'ai pris en grippe. C'est en vérité bien faux, et je ne lui veux ni bien ni mal: c'est sur mon honneur vrai, qu'il m'est parfaitement indifférent. Son père se meurt; le fils a demandé qu'on lui permît de jouer un opéra-comique, ce qu'on lui a accordé. Cela sera *Le Roy et le Fermier*. Il doit faire le rôle de Richard, et sa femme doit faire

la mère, et la Bariatinsky le rôle de Jenny, et la princesse Troubetskoy Betsy, et m-r de Stroganoff le roy. Je ne sais si le vieux Boutourline s'avise de mourir et empêchera ce beau spectacle.

Nous ne partirons pas avant l'hiver pour S-t Pétersbourg.

Письмо графини А. М. Строгановой.

Moscou, ce 8 IX-bre 1767.

Malgré la défense que les médecins m'ont faite d'écrire, je ne puis m'empêcher, mon très-cher ami, de vous prier par la présente de bannir même l'idée de retourner dans votre patrie, comme vous nous le marquez par votre dernière lettre à Сенюша. Je vous conjure de prendre patience et de ne garder ce violent remède que pour la fin. Vous dites que vous êtes abîmé de dettes. Permettez-moi de vous dire que je ne conçois pas, mon cher, comment vous en avez tant contracté. D'ailleurs, il vous est plus facile de les payer petit à petit d'un revenu de 8 mille r. que de rien, en diminuant vos dépenses soit en repas, ou achats, ou cartes, et vous bornant à dépenser le moins possible. Dans un an ou deux sûrement vous pourrez en être quitte: car, jusqu'à ce que votre père les paye, je vous prédis que vous serez bien plus d'un an à la Haye, ou bien faire un trou à la lune, dont vous n'êtes pas capable, et tout cela pour venir jouer le rôle de Boutourline, qui du moins a la paix dans son logis, chose que sûrement, je suis persuadée, vous n'auriez pas. Et de croire que votre père vous louât une

maison, vous la meublât et vous fixât quelque somme par an, c'est vouloir se flatter de pure chimère, et il y a gage cent contre un qu'il ne le ferait pas. Et puis, quelque fût modique votre dépense comme chambellan, vous devez faire le service et par conséquent les jours de gala être vêtu comme les autres, et vous n'ignorez pas que tout coûte fort cher ici. Si même l'on vous prenait au Collége comme membre, quel gage auriez-vous, mon cher? D'ailleurs, quoique je sois très-convaincue de votre zèle et capacité, mais vous conviendrez que vous ne pourrez faire aucun fond sur les gratifications, puisque vous voyez l'exemple de Bacounine qui, avec toute la capacité et la routine, est obligé d'attendre et vivre de jeu.—Ainsi, mon cher ami, mon avis serait d'attendre patiemment à la Haye que le poste de Danemark ou de Suède ou de Varsovie fût vacant, et en attendant vendre votre vaisselle et vos diamans, payer vos dettes, ne donnant ni dîners, ni soupers, comme font les trois quarts des ministres ici et *surtout ne point jouer*. Pardon de la licence que je me donne de vous prêcher, surtout sur cet article; mais c'est qu'en vérité, mon cher, ni vous, ni moi ne sommes pas faits pour faire fortune par cet ignominieux métier. Il faut être joueur de profession ou bien être heureux, et c'est ce que vous n'êtes ni l'un, ni l'autre. Je vous jure que je n'envisage pas de plus grand bonheur que de passer ma vie avec vous et Census; mais pour cela il vous foudrait être maître de votre bien. Mais autant cette idée me charme et me satisfait, autant l'autre me glace d'horreur que de vous voir exposé à toutes les tracasseries dont cinq ans d'absence vous ont fait oublier jusqu'à l'idée, et il m'est assez de me

voir moi et un ami aussi cher que Сенюша dans les chagrins, tracas, besoin, sans encore l'augmenter par un tiers, non moins chéri que le premier.

16.

Moscou, le 29 novembre 1767.

...Vous me demandez des nouvelles de Лизынька *). Elle est dans une situation très-malheureuse du côté de la fortune, n'ayant presque pas de quoi vivre, et mon père, toujours cruel vis-à-vis de nous trois, ne pense aucunement la secourir: car vous savez, je crois, qu'il ne lui a pas donné de dot, prétextant toujours ses grandes dettes. Il promit de donner dix mille roubles pour tout potage, et en attendant le payement de la somme, il promit de donner mille roubles par an, et il ne donne pas ceci même. Quant à moi, il m'a promis l'année passée de payer mes dettes, consistant dans près de 3000 r. dont la plupart a été faite par la plus urgente nécessité, tant dans les pays étrangers, quand je voyageais avec mon oncle, que de retour ici, obligé de m'entretenir de tout, moi et mes gens. De ces 3000 r. je dois 2200 r. à Ninette, qui elle même n'a plus le sol, et non seulement ne peut plus rien me donner, mais même a besoin elle-même: et puis je dois 600 r. à Haledy et quelques autres petites dettes de rien. Mais, malgré ces promesses, malgré mes besoins, je puis dire même mes misères, et malgré mes importunités, il ne me donne aucun secours. A la fin j'ai dit à . . . . . que je ne puis ni vivre d'air, ni rester plus longtems dans cette terrible situa-

*) Т. е. графини Елисаветы Романовны. П. Б.

tion; que je serai obligé enfin de donner des lettres de change comme la Boutourline et qu'il sera obligé de les payer un peu plus justement que les autres. Mais tout ceci est comme si je parlais à des pierres. Il y a de ça une semaine que j'ai été chez lui, et il ne m'a rien dit, sinon qu'il est vieux et qu'il veut faire son testament, en ajoutant d'un ton fort sec: **И для того надо вамъ пріѣхать на этихъ дняхъ, чтобъ вы видѣли оную духовную.** Je lui ai dit qu'il n'est pas d'âge encore à se préparer pour ça, mais que du reste il est le maître de faire comme il le juge à propos.—Enfin, quoiqu'il en arrive, mais s'il nous reste, à vous et à moi, de quoi vivre honnêtement, je suis content et si avec cela je vois Ninette et **Лизынька** heureuses: je ne veux rien de plus; car je ne me soucie plus de rien, ni de place, ni de fortune. Je suis devenu si maladif et surtout si hypocondre que je ne puis plus déjà être dans le grand monde: il me devient insupportable, et je ne suis jamais si content que quand je ne sors pas de mes quatre murailles. Je suis avec notre chère Ninette, mon seul soutien; je suis avec mes livres, je pense à vous, à **Лизынька**, quand elle n'est pas présente (ce qui lui arrive assez souvent, étant aussi solitaire et sédentaire que moi) et puis j'oublie tout le monde, excepté deux ou trois amis à qui je pense.

17.

Moscou, le 22 novembre 1767.

...Quand je pense à vous et à moi pour ce qui est de nos affaires domestiques, et alors quand je combine tout ce que nous avons à souffrir ici du physique et du moral, je ne conçois pas, cher ami, l'impardonnable idée qui vous tourmente de revenir chez nous. Au nom de Dieu, n'y pensez plus, à moins que vous ne vouliez vous rendre malheureux et que vous n'ajoutiez plus foi à tous ceux qui vous aiment sincèrement. Soyez persuadé, mon cher, que tellement mal que vous fussiez là où vous êtes, vous le serez cent fois davantage ici. Je vous en conjure en frère et surtout en ami et en homme qui vous parle d'après sa propre expérience [1]).

Vous m'obligerez inexprimablement, si vous écriviez à Paris pour avoir *le opere d'Annibale Caro*, en italien: mais prenez garde de ne pas prendre *le opere* pour opéra, car cela veut dire les oeuvres, et de me les envoyer tome par tome, en commençant par la belle traduction de l'Enéide en vers italiens. J'apprends aussi que m-r Vatelet, connu par son poëme sur la peinture, travaille à une traduction en vers français de la Jérusalem du Tasse; ainsi quand cet ouvrage paraîtra, je vous prie de me l'envoyer de même. L'Ingénu [2]) m'a fait un plaisir extrême, surtout le chapitre du baptême. C'est la meilleure plaisanterie du monde. En général on ne

---

[1]) Не смотря на эти предостереженія, графъ Александръ Романовичъ въ томъ же 1767 г. покинулъ Голландію и возвратился домой. П. Б.

[2]) Одна изъ лучшихъ повѣстей Вольтера. См. по поводу ея письмо Екатерины Великой къ Гримму (1778) въ XXIII-мъ томѣ Сборника Импер. Русскаго Историческаго Общества. П. Б.

peut mieux attaquer et persiffler l'absurde contradiction dans laquelle sont tombées presque toutes les religions connues, de prendre quelque chose pour base et fondement et puis d'introduire des préceptes, des institutions toutes contraires à la base. Dans la Chrétienne tout est fondé sur la Bible et tout se fait contrairement à elle, d'autorité, d'institution ecclésiastique. Le Nouveau Testament, fondé et appuyé sur le Vieux, est souvent en contradiction avec lui. Déjà on ne peut suivre strictement le premier sans passer pour Juif, et si quelqu'un s'avisait de suivre le Nouveau à la lettre et de ne faire rien que ce qui est ordonné là-dedans, ce pauvre diable serait regardé comme sectateur hérétique par les Chrétiens-Grecs, les Chrétiens-Latins, les Chrétiens-Luthériens, les Chrétiens-Calvinistes, et unanimement par toutes les différentes sectes Chrétiennes qui existent, excepté les Quakers. Pour moi, ma profession de foi est de faire du bien à tous, de ne faire du mal à personne et de croire à l'existence d'un Dieu tout bon, tout puissant, tout juste et Qui nous punira ou nous récompensera dans la vie d'avenir, suivant nos actions et notre conscience.

L'ouvrage que vous m'avez envoyé contre Hume et Voltaire ne m'a plu en rien, et je ne puis me résoudre à croire si légèrement Hume aussi méchant qu'on le suppose dans cet ouvrage. J'aime à croire Hume aussi honnête homme qu'il est excellent moraliste, grand philosophe et le meilleur historien qui ait jamais été. Revenons à l'Ingénu. Savez-vous que la fin de ce livre m'a déplu extrêmement? Il l'a fini si tragiquement que (joint à l'hypocondrie qui me tourmente) cela m'a laissé les impressions les plus tristes, et sûrement je ne le relirai plus.

Письма во время Турецкой войны.

18.

Moscou, le 5 janvier 1769.

Après mille embarras à cause des chevaux qui manquaient presque à toutes les postes, parce qu'ils sont tous employés pour les transports des choses nécessaires à l'armée, je suis venu ici sur un извощикъ que j'ai rencontré avant que d'entrer en ville, avant-hier matin. J'ai souffert beaucoup en route. Je vous avoue ma faiblesse que j'ai beaucoup pleuré et qu'il me coûte cher de me voir séparé de Ninette et de vous, mon cher frère et ami. Tout le chemin est couvert de chariots, remplis de préparatifs militaires; entr'autres on transporte beaucoup de plomb pour régaler messieurs les Turcs. On envoye des canonniers par poste à trois par cheval, ce qui a abîmé tous les chevaux. Un de mes fourgons a été fracassé, et cela m'arrêtera jusqu'au Vendredi, puisque, par malheur, dans ces six jours que je reste à Moscou, il se trouve un Dimanche et une fête comme celle de demain où l'on est deux jours ivre mort, ce qui retarde tous les ouvrages de nos ouvriers.

J'ai été la plupart du tems à disputer et à crier pour avoir des chevaux, ce qui m'a quasi-enroué. A peine suis-je arrivé que mon oncle *) m'a envoyé féliciter, et j'ai été chez lui sur ce soir et hier à dîner, et il m'accable de politesses, s'informe beaucoup de vous, désire vous voir et se plaint qu'il n'a eu qu'une lettre de votre part depuis votre retour, et use en un mot de toute la

*) Графъ Иванъ Ларіоновичъ, президентъ Вотчинной Коллегіи, находившейся въ Москвѣ, родоначальникъ графовъ Воронцовыхъ-Дашковыхъ. П. Б.

politique et la dissimulation possible. J'ai été chez la c-sse Roumantzow [1]) qui m'a très bien reçu et qui m'a promis une lettre. Demain j'irai chez le maréchal [2]) et chez tout plein d'autres à faire mes visites. M-r Paliansky est arrivé ici deux jours avant moi, comme une bombe, sans avoir rien marqué à sa femme. Elle est tout enchantée, cette pauvre femme, de ravoir ce beau bijou. Je vous avoue que j'étais bien fâché en route, quand j'appris qu'il a passé; car j'aurais bien voulu être avec ma soeur sans être importuné par ce magot. Vous croyez, peut-être, que j'ai quelque mécontentement de sa part à cause de la manière honorable dont je le cite; au contraire, il me fait mille politesses; mais je vous avoue que quand je le vois avec ma soeur que j'aime tant, j'entre en fureur et je ne lui pardonne pas de lui avoir fait tourner la tête.

Marquez-moi, mon cher ami, tout ce que vous faites; cela m'intéresse. Marquez-moi aussi si ce que nous avons signé est pour notre ruine on non, et quelle démarche vous êtes résolu de faire à ce sujet [3]). Marquez-moi aussi ce que je dois faire pour ça. Vous faut-il un plein-pouvoir de ma part? Vous faut-il des lettres d'aveu, des lettres que vous pourrez montrer à la comtesse Bruce [4]) ou à quelqu'un de plus grand qu'elle, pour qu'on voie que nous sommes d'accord en tout et que vos démarches sont censées être aussi les miennes.

. . . .

[1]) Супругѣ графа Румянцова, подъ начальство къ которому графъ Семенъ Романовичъ тогда ѣхалъ. П. Б.

[2]) Т. е. къ фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову, тогдашнему главнокомандующему въ Москвѣ. П. Б.

[3]) Говорится о полученіи отъ отца материнскихъ имѣній. П. Б.

[4]) Графиня Прасковья Александровна, сестра графа Румянцова. П. Б.

Je suis résolu de prendre Еремѣй avec moi; il y consent et me prie de vous recommander sa femme. Adieu, mon cher Алексаша.

19.

Moscou, le 10 janvier 1769, à 10 heures du soir.

Bien obligé, mon cher Алексаша, pour toutes les informations que je reçois de vous, de même que pour le manifeste imprimé que j'ai reçu par la première lettre. Notre réponse me paraît assez bien écrite, sinon qu'il y a toujours cette *humanité* qui est déjà assommante. Ce qui m'a plu davantage, c'est comme on relève le ridicule grief de la Porte contre le roy de Pologne à cause qu'il n'est pas fils de roy. Je vous suis aussi très-obligé, голубчикъ, des soins que vous prenez pour la pauvre Ninette. Je sais que vous l'aimez par elle-même; mais quand je vois que vous ne la quittez pas, je me flatte toujours que j'ai bonne part à toutes les tendresses que vous lui témoignez. Dans l'éloignement où je suis de vous deux, je n'ai pas d'idée plus agréable et plus consolante que celle que vous m'aimez et que vous êtes lié avec elle d'une amitié indissoluble. Je suis resté ici trois jours plus que je ne devais à cause des équipages, qui ne sont pas prêts encore; mais je pars pourtant aujourd'hui, et je laisse à Тихонъ le soin de finir tout avec mes fourgons. J'ai reçu aujourd'hui l'argent que je devais recevoir et je pars dans un demi-quart d'heure; mes chevaux sont prêts depuis une heure, et je n'ai qu'achever cette lettre et dire adieu à Лизынька. Elle compte partir dans dix jours d'ici pour venir à Pétersbourg avec son mari.

Hier, étant allé prendre les ordres du maréchal, j'ai soupé et j'ai trouvé là une foule de monde à cause de l'arrivée de m-e Schouwalow [1]). Elle m'a dit qu'elle vous a vu avec Ninette. Je vous assure que si j'avais pu savoir qu'elle était là, je ne serais venu. Mon oncle avait dit que la maréchale avait dit avant-hier que sa fille partirait le 5 de ce mois; ainsi elle ne pouvait venir que le 10 ou le 11. Son frère Иванъ Петровичъ, qui me témoigne mille amitiés, m'a voulu engager de rester jusqu'au Lundi; mais j'ai dit qu'il m'était impossible et que je pars la même nuit. J'ai été chez Muller [2]) et chez Sabakine, qui est le chef de ce premier. L'un m'a dit qu'il en avait fait le rapport au vicechancelier et qu'il ne peut plus en disposer sans ses ordres, et le second que puisque l'autre ne peut rien faire sans des ordres de Pétersbourg, il ne peut pas prendre sur soi que d'ordonner une chose à m-r Muller sur laquelle il ne l'avait pas consulté même. Embrassez Protassoff, Plestchéeff, Haledy et mon cher Lafermière.

[1]) Графиня Екатерина Петровна, дочь фельдмаршала графа Салтыкова и супруга графа Андрея Петровича Шувалова. П. Б.

[2]) Знаменитый историкъ. П. Б.

20.

Gloukhow, le 16 janvier 1769.

Bon jour et bon soir, mon cher Алексаша! Ce préambule ne vous paraîtra plus singulier, quand vous saurez qu'il est deux heures et trois quarts après minuit et qu'à cinq il faut que je me lève. Je suis venu ici aujourd'hui avant le jour. D'abord qu'il fît clair, j'ai été chez mon général, qui m'a reçu d'une manière très-satisfaisante. Je suis déjà à son quartier-général, et comme il part demain avant le jour pour aller faire une course indispensable à Kiew, il m'a proposé de l'accompagner, ce que j'ai accepté avec joie, parce que je n'aurais eu rien à faire ici et parce que j'aurais plus tôt de vos nouvelles, mes lettres étant toujours adressées directement au comte Roumantzow.—Remerciez bien m-e Bruce et sa mère pour l'accueil qu'on m'a fait ici: car réellement j'en suis enchanté. De Kiew j'aurai l'honneur de leur écrire moi-même. J'ai passé la soirée chez lui. Je demeure assez loin de lui, et il est trois heures et plus que je ne fais qu'écrire. Je finis par vous dire que je ne saurais assez payer les amitiés que je reçois dans ce pays de mon ami Goudowitz.

21.

A Kiew, le 23 janvier 1769.

Malgré les bontés du comte, malgré l'amitié que me témoignent tous ceux qui l'entourent, mes meilleurs momens sont ceux que j'emploie à lire vos lettres et celles de ma chère Ninette: elles font toute ma joie et ma consolation. Le comte est venu ici, parce qu'il a reçu il y a de ça 8 à 9 jours son instruction et la copie de celle du prince *): il a fallu donc qu'ils concertent ensemble. Il ne restera pas ici plus de quatre jours, d'autant plus qu'il a mille affaires à Gloukhow et qu'il a reçu avant-hier la nouvelle de l'apparition des Tartares sur nos frontières du côté de la forteresse de S-te Élizabeth et de la Сѣчь Запорожская.—Il fait ici depuis quatre jours un froid horrible; mais ce froid est excellent pour nous: car dans ces quatre jours il a dû faire périr plus de Tartares que deux jours de canonnade n'en auraient faire expédier dans l'autre monde. Envoyez-moi par le premier courrier l'Histoire de la paix de Belgrade. Le comte voudrait lire cet ouvrage. C'est étonnant combien il lit, malgré qu'il est si occupé. Il a beaucoup d'estime pour vous.

Nous sommes arrivés ici hier au soir, et le prince Galitzine a été d'abord le voir aujourd'hui. Nous avons dîné chez le prince, qui m'a très bien reçu, quoique je ne m'attendais pas à ça. Envoyez-moi aussi les gazettes.

---

*) Князя А. М. Голицына, главнокомандующаго одной изъ двухъ армій, которыя тогда дѣйствовали противъ Турокъ. П. Б.

22.

Kiew, le 31 janvier 1769.

Nous nous sommes arrètés ici pour mieux apprendre les nouvelles de ce qui se passe autour de la forteresse S-te Élizabeth, et ces nouvelles sont arrivées à présent, au grand mécontentement de notre géneral. C'est une chose affreuse et déshonorante à nous de voir quels généraux subalternes que nous avons. Le comte Roumantzow a mis m-r le général Isacow avec un corps de dix milles hommes près de la dite forteresse pour couvrir la forteresse et surtout la province, avec ordre de marcher droit aux ennemis partout où ils paraîtront sur les frontières et même d'entrer à Balta, qui est aux ennemis et de dévaster tous ces territoires. Il a ordonné à m-r le général Dalke de secourir, avec le corps de 6 ou 7 mille hommes qu'il a, le premier; mais ce premier, à la première apparition des Tartares, sans penser à défendre le pays, s'est enfermé avec tout son corps et même les troupes légères dans la forteresse, où avec la garnison il avait 11 à 12 mille combattans, et il a vu tout le pays dévasté, plus de deux mille pauvres habitans traînés dans l'esclavage, sans permettre que personne sortît de la forteresse. A la fin, il y a eu des troupes irrégulières qui sortirent de bonne volonté et qui battirent partout ces Tartares, sans que cela ait pu encourager ce timide général, qui, enfermé avec sa chère femme, a perdu totalement la tramontane et n'est sorti de là qu'après que les Tartares se sont retirés vers la Pologne et étaient déjà éloignés à 40 verstes de S-te Élizabeth.—Mais pour que vous sachiez l'état misérable

de cet ennemi et toute la lâcheté de m-r Isacow, sachez qu'il y a eu des petits forts dans le pays, déféndus par 40 et 50 husards et soldats, attaqués par toute l'armée tartare et défendus si bien, qu'ils se sont toujours retirés avec perte, et m-r Isacoff a souffert qu'ils passâssent à trois verstes de sa forteresse, ayant 11 à 12 mille hommes sous ses ordres avec un train d'artillerie et tout le feu de rempart qui pouvaient lui servir d'asyle contre 100 mille Turcs, non seulement contre 20 ou 30 mille misérables Tartares, la plupart sans armes et tous à demi gelés du froid horrible qu'ils avaient à essuyer, n'étant jamais à couvert, sans oser tomber sur eux. M-r le général Dalke, au lieu d'envoyer tout son corps, s'il ne voulait aller lui-même, n'a envoyé qu'un régiment de carabiniers, et même trop tard, en gardant tout son corps autour de lui, sous prétexte de danger, quoiqu'il était à **Кременчукъ**, c'est-à-dire en-deça du Dniepr et où jamais aucun ennemi n'oserait venir, laissant une forteresse derrière soi.—Mon général est furieux, et il dit avec raison que la réputation de toute la guerre dépend souvent des premières rencontres et que si on ne fait pas une punition exemplaire de ces messieurs, personne n'aurait l'ambition et cette fermeté que des troupes, aussi réglées que les nôtres, doivent avoir contre un ramas de monde sans armes et sans discipline.—Je vous prie, mon cher ami, de ne montrer cette lettre à personne et de n'en parler aussi: je ne veux pas être l'écho des fautes des autres. La cour et la ville sont sans doute informées déjà, et je ne vous le marque que pour votre propre connaissance.

23.

Gloukhow, 9 février 1769

Je vous recommande le porteur de la présente m-r Натальинъ, conseiller et membre du Collége de la Petite-Russie *) C'est un drôle de corps, voilà tout ce que je puis vous dire; mais comme il se charge de vous porter quelque chose et qu'à son retour vous pourrez m'envoyer du vinaigre et quelques brochures nouvelles, seules choses que je voudrais avoir, je vous prie de lui faire quelques politesses. Le comte Roumantzow m'a prié de lui faire faire une canne toute pareille à la mienne, avec ses armes gravées en haut. Ainsi je vous prie, mon cher, de choisir une des deux la meilleure que j'ai laissée dans mes chambres et de dire à Озеровъ qu'il la fasse monter par le même maître qui a monté la mienne, mais qu'il ait soin de lui dire que l'or soit plus pur; car à la mienne il est bien pâle. Voici deux cachets du comte que je joins ici et d'après lesquels l'orfévre gravera en haut de la canne. Tâchez aussi que cela soit fait le plus tôt possible, en faisant un accord avec l'ouvrier pour que cela soit fait dans deux semaines, et envoyez Озеровъ tous les deux jours pour presser l'ouvrage. Pour ce qui est de l'argent, prenez en chez mon père de ma part, ou payez du vôtre. Si c'est mon père qui paye, je gardarai pour moi l'argent que le comte me déboursera; si c'est vous, je vous l'enverrai; mais ne me trompez pas: vous êtes capable

*) Незаконный сынъ графа П. А. Румянцова. П. Б.

de dire que c'est mon père qui a payé, tandis que ce serez vous: je m'en informerai.

Je suis occupé à présent à acheter les chevaux de train. Je m'attendais à les trouver plus chers qu'ils ne le sont en effet: car ils ne me coûteront pas plus de 450 r., tandis que je m'attendais à payer 600. Je suis étonné que vous avez acheté les chevaux d'Artus: il me paraît, mon cher ami, que vous auriez pu fort bien attendre quatre mois et faire écrire à Иса, où il y a de très-bons chevaux, qui auraient été certainement meilleurs que ceux que vous avez achetés et qui ne vous auraient rien coûté.

Ne pourriez-vous pas me procurer par Bacounine ou quelque autre un petit écrit en forme de mémoire qui a été fait, je crois, par ordre de la cour, relatif à la guerre présente? Le comte Zachar en a envoyé un petit exemplaire en manuscript au comte Roumantzow. J'ai été présent quand le comte l'a reçu, et il a dit qu'il est question de toutes les trois guerres qu'on a faites avec la Porte.

Comme c'est un homme sûr, celui qui vous remettra la lettre, je puis vous dire ici qu'après tout ce que j'ai remarqué et entendu des autres à Kiew, le pr. Galitzine est très-embarrassé de sa personne: il commence à perdre la tête, le poids est grand pour lui, et vous verrez si les affaires n'iront pas mal de ce côté. Quant à nous autres, pauvres gens de la seconde ou très-petite armée, nous ne ferons pas de merveilles non plus, à cause que nous n'avons qu'une poignée de monde; mais nous ne ferons pas de sottises et nous ne serons ni battus, ni affamés.

M-r Натальинъ vous remettra une tasse et un manchon pour Ninette, et puis 4 pipes turques et du tabac

turc aussi pour vous et pour Lafermière. Prenez chez Озеровъ mon flacon de cristal que j'ai oublié et envoyez-le moi par la première occasion, de même que 4 vestes d'été de celles qui sont sans or et argent, mais rayées et fines et qui se lavent, et envoyez-moi ça par le jeune Кочубей, qui est parti hier comme courrier pour Pétersbourg.

24.

3 mars 1769. Gloukhow.

Aurais-je jamais pu m'imaginer de recevoir la nouvelle que je reçois! Je n'ai donc plus ma chère amie! Je n'ai plus celle qui m'a démontré pendant cinq ans l'amité la plus vive, la plus sincère et la plus constante, m'a toujours soutenu dans mes malheurs et a été toujours ma consolation! Elle n'est donc plus ma chère Ninette! Elle m'est enlevée à la fleur de son âge et de sa santé. Qu'ai-je fait envers Dieu pour être si malheureux et pour recevoir ce coup qui m'accable! Je suis le plus malheureux de tous les hommes. Plaignez-moi, mon cher Алексаша. Au nom de Dieu, tranquillisez-vous sur ma santé. Elle n'est que trop bonne et si je n'avais pas même la constitution robuste que j'ai, soyez persuadé que je vous aime trop, pour vous donner, en ne me ménageant pas, le coup que je viens de recevoir. Pour ce qui est de mon coeur, il est dans une situation horrible. Hélas! Je ne trouverai jamais ce que j'ai perdu.

Dites à Lafermière que je l'ai toujours regardé comme mon ami; que j'aime au delà de toute expres-

sion. Sa lettre me confirme dans l'idée que j'ai de son attachement pour moi.

Le comte et Goudowitz m'ont servi de père; je ne saurais assez leur être reconnaissant. Ils ont arrangé tout et m'ont préparé, comme vous le vouliez. Plaignez votre malheureux frère!

25.

Gloukhow, le 25 mars 1769.

Messieurs de Worontzow ont été ici, et je suis très-mécontent de leur conduite. Ils ont emmené un de leurs parents du côté de leur mère et qui ne porte pas notre nom. Cet homme là a plus de 20 ans. Il est inscrit dans la liste des étudians de l'université de Moscou, où il étudie depuis 6 ans, sans avoir rien appris pourtant car il ne sait pas seulement les langues. Ces messieurs lui ont dit qu'il n'a qu'à les suivre et qu'il sera placé dans quelque régiment, et il est parti sans congé de l'université et sans aucune vue de la Герольдія ou autre commandement, de sorte que si j'avais voulu même prier le comte qu'il le fasse sergent, il n'aurait pas pu le faire. Je leur ai lavé la tête à tous les trois et je l'ai renvoyé à Moscou avec un voiturier que j'ai payé en lui donnant par-dessus 10 roubles pour se nourrir, en lui conseillant d'obtenir un congé de l'université et d'aller à Pétersbourg chez mon père pour le prier qu'il lui obtienne un drapeau chez le comte Zachar: puisqu'il ne convient pas à un gentilhomme de servir bas-officier, surtout en tems de guerre où les bâtons sont employés plus que jamais pour entretenir la disci-

pline, si nécessaire. Mais je vous prie de dire à mon père qu'il ne fasse rien de tout cela, car j'ai vu après que c'est un fort mauvais sujet. Dès qu'ils étaient arrivés, je les ai pris chez moi tant pour faire voir au comte que je les reconnais pour parens et que je m'intéresse à eux, que pour leur épargner les dépenses de l'auberge et de la table. Ils avaient encore un quatrième compagnon, m-r Жеребцовъ, qui est officier et qui a été bas-officier aux gardes et dont la mine et les manières ne promettent rien de bon; enfin, je les ai pris tous chez moi. J'ai prié le comte qu'il ait la bonté de placer les deux Worontzow dans un même régiment pour leur épargner les frais, ce qu'il a bien voulu faire, et j'ai appris depuis qu'ils ont prié l'auditeur du comte pour que Жеребцовъ soit aussi dans le même régiment, ce qui a été fait, puisqu'ils l'ont prié de ma part. Je ne l'ai su qu'après leur départ, et j'ai eu honte de les désavouer. Ce n'est pas tout. Après les avoir tenus chez moi trois jours, je les ai expédiés, l'étudiant à Moscou, et les deux Worontzow à leur destination, après leur avoir donné 50 r. pour s'acheter deux chevaux de train et un de monture, en leur donnant aussi quelques livres nécessaires, comme Строевой Уставъ, Должности полковыхъ чиновъ etc. Ils sortent de chez moi, au lieu d'aller leur chemin, dans une auberge où ils ont couché et après s'être enivrés le lendemain d'importance, ils se sont séparés, et je ne l'aurais jamais appris, si le voiturier de l'étudiant ne fût accouru chez moi, ayant laissé sa voiture, son cheval et le monsieur qu'il menait, pour me dire qu'il est ivre-mort et après l'avoir rossé il l'a sabré encore; et de fait il était ensanglanté, et c'est alors qu'il m'a raconté toute leur procédure de l'auberge. J'ai eu honte de faire venir l'étudiant qui

était resté sur le chemin à 3 verstes d'ici, pour ne pas faire une scène dans la ville; mais j'ai envoyé Koukarine avec le pauvre voiturier pour lui laver la tête et pour lui dire que s'il ne se conduit autrement pendant la route, je saurai le retrouver à Moscou et le faire punir de ses extravagances. J'ai envoyé à l'auberge pour voir si les autres y étaient encore, mais ils étaient partis un quart d'heure avant. Je ne manquerai pas de leur laver la tête d'importance, quand je les reverrai à l'armée, et je prierai le colonel de les tenir un peu serrés.

J'ai deux grâces à vous demander, mon cher ami, qui sont d'obtenir de ma tante la liberté d'Аннущка qui a si fidélement servi ma chère Ninette, et celle de Koukarine. Ce garçon m'attache à lui par la sensibilité qu'il a témoignée pour la mort d'Анна Михайловна: il pleure encore tous les jours, et comme je crains toujours que ma tante ne puisse supporter son malheur, après sa mort il doit revenir à Мартынъ Карлычъ où il sera malheureux. C'est après le buste ce qui me tient le plus à coeur. Il y a ici 50 roubles que je vous prie de remettre à Аннушка et de lui dire que c'est une pension qu'elle aura de moi sa vie durant et que dès que je serai en état, je lui donnerai le fonds de cet argent.

26.

Gloukhow, le 8 avril 1769.

Le prince Mecherskу *) et mon cousin sont arrivés ici depuis avant-hier; le premier m'a remis une lettre, un anneau et une breloque de ma chère Ninette. C'est la quatrième que je reçois tandis que je sais qu'elle n'est plus. Tout cela ne fait que rouvrir ma plaie, et je ne fais que penser à ma malheureuse situation. J'ai été toujours très-persuadé qu'elle m'aimait sincèrement, mais c'est surtout depuis que j'ai été assez malheureux que de me séparer d'elle, que j'ai vu combien j'étais aimé, et dans le tems qu'elle me devenait encore plus chère, je la perds pour toujours. Si nous nous revoyons, nous lirons ses lettres que je conserverai tant que je respire, et vous avouerez que je suis le plus malheureux de tous les hommes.

Le prince Mecherskу se loue beaucoup de vos amitiés; c'est un bien honnête homme et qui est bien attaché à la mémoire de ma chère amie, et il me devient plus cher par là. Ils resteront ici encore trois jours, et moi je pars d'ici demain avec le comte et trois ou quatre personnes encore, parmi lesquelles est Broune. Nous irons à Переволочная, puis à droite et puis retournant à Переволочная à gauche, toujours le long de la ligne, après quoi nous entrerons au camp. Je ne puis assez me louer de Broune; c'est un homme des plus estimables. Il s'est pris d'amitié pour moi et, me voyant triste et abattu, il a pris tous les moyens imaginables pour me distraire, et il a trouvé un, qui s'il ne me détourne pas de mon chagrin, au moins il me sou-

*) Князь Сергѣй Васильевичъ Мещерскій, двоюродный братъ графа П. А. Румянцова, по матерямъ ихъ, внукамъ боярина Матвѣева. П. Б.

lage: c'est par l'étude. Il m'apprend la tactique, me prête des livres sur l'art de la guerre et me fait faire des extraits. Il veut aussi m'apprendre le génie, autant qu'il est nécessaire pour la castramétation; en un mot il me donne du goût pour un métier que je n'ai embrassé que par gloire. Il m'a donné un catalogue des livres et quelques cartes que je dois absolument avoir, et que je vous envoye, mon cher ami, pour que vous me fassiez le plaisir de les faire venir cette année-ci encore. La petite feuille ci-jointe où il y a des livres qu'il me faudrait avoir au plus tôt, est incluse dans le catalogue, et vous m'obligerez bien fort, si vous les chercheriez à Pétersbourg chez Pachet, chez Weitbrecht et chez d'autres et si vous me les enverriez par trois et quatre, toutes les fois qu'il y aura des courriers pour notre armée. Je vous prie aussi de m'envoyer par la première occasion des instrumens de mathématique et un crayon d'ivoire qui en même tems peut servir de règle, car il n'est pas rond. Pachet a tout ça, et ça m'est absolument nécessaire. Il y a encore ici-jointe une feuille allemande: c'est une explication de certaines tablettes qu'on fait à Dresde et que Broune veut faire venir. Ça coûte une misère. Je vous prie de prier m-r Saken, si vous le connaissez, qu'il en fasse venir deux, et si vous ne voulez pas vous adresser à lui, priez Bacounine qu'il envoye cette feuille chez le secrétaire qui est auprès de Béloselsky pour qu'il fasse la commission.—Mon cousin m'a dit que mon oncle est d'accord sur ce que mon père a proposé de laisser à ma tante sa vie durant le bien de mon oncle. C'est une nouvelle que je suis bien aise d'apprendre. Tâchez de maintenir mon père dans cette idée et d'entretenir entre lui et elle la bonne harmonie. Je ne souhaite rien tant

que de la voir tranquille, si elle ne peut plus être heureuse. Ne l'abandonnez pas aussi, mon cher: c'est la femme et la mère de deux personnes que nous avons chéries par-dessus tout au monde et dont la mémoire nous séra toujours chère et douloureuse.

M-r Pozniakow ne sait rien que les écritures et ne vaut rien pour le front. C'est donc à Bock que j'ordonnais tout ce qui regarde l'exercice; c'était lui qui avait soin d'exercer toutes les gardes que le régiment devait fournir, et surtout celle du maréchal, et si quelque chose n'était pas en ordre, c'était à lui que je m'en prenais. Vers le milieu de l'été, quand nous étions au camp, je remarquai qu'il s'est glissé dans les différentes compagnies quelque peu de changement dans le maniement des armes, malgré que pendant l'hiver on avait introduit dans tout le régiment une conformité absolue (c'est une chose qui arrive souvent, et il est nécessaire de le rajuster quasi deux fois par an), et comme Bock était sans cela trop occupé avec les gardes et que Stackelberg, qui était plus ancien qu'Olsoufiew, me demandait de l'employer en quelque chose, je lui ai donné la commission d'exercer journellement pendant 8 jours 40 hommes rassemblés de toutes les compagnies, 4 de chacune. Je lui dis comme je voulais qu'ils le fussent, afin que, retournés à leurs compagnies, ils puissent servir de modèle et rétablir par là l'uniformité, et je lui ai ordonné, après qu'ils seront exercés, de les présenter auparavant à Bock qui est son ancien et de me les présenter après. Il me répondit que pour les exercer, il est bien aise; mais que comme Bock est second-major, comme lui, il se trouve offensé de lui présenter quelque chose et qu'il me demande plutôt

d'aller dans le corps de Bauer où il aurait d'autres occupations. Ceci me parut fort singulier, et je lui dis qu'il ne savait pas le service, qu'il n'y a pas d'égal dans le militaire, que de deux hommes du même rang celui qui est le plus ancien commande au plus jeune, aussi bien que s'il avait 10 rangs de plus; que je pourrais le forcer à faire ce que je lui ordonne, mais que puisque je vois qu'il a goût à ne rien faire, je lui permets d'aller demander la permission pour aller au corps de Bauer, où il alla. J'ai donné sa commission à Olsoufiew, qui l'exécuta au mieux. Quelque tems après, Bock, ayant été commandé d'aller à Kiew pour les recrues de la première division, Olsoufiew fit ses fonctions et les fit même avec beaucoup plus d'intelligence et d'application, ce qu'il continue de faire. Au mois de décembre, quand nous étions à Jassy, Stackelberg, qui fit le fainéant tout l'été, retourna au régiment et voulût que je le charge de la fonction d'Olsoufiew, ce que j'ai refusé, parce qu'étant tous deux surnuméraires, j'étais le maître d'employer qui je veux et que je ne voulais pas, pour faire plaisir à un homme qui s'est amusé à ne rien faire, mortifier un autre qui a travaillé pour quatre; et comme le maréchal ordonna que de chaque régiment on envoyât journellement un major au quartier-général, pour recevoir du général de jour la parole que le maréchal lui donnait, après quoi les majors la portaient écrite aux chefs des régimens qui la distribuent à qui il appartient, je donnai donc cette commission à Stackelberg, qui la faisait toujours de très-mauvaise grâce et eut même l'impertinence un jour que j'étais malade et au lit, au lieu de la porter au lieutenant-colonel qui était alors au régiment, de la

remettre à mon valet de chambre **Михайла**, qui ne sachant ce que c'était l'a prise. Il faut que vous sachiez que c'est un cas de mort dans notre code militaire et dans tous les codes militaires des autres nations et qu'il n'y a pas de crime plus grave et que c'est plus fort que la désobéissance: puisque tout officier qui donne la parole à qui il n'appartient pas, ou à quelqu'un qui n'est pas militaire, est puni comme traître, et si j'étais chicaneur, je n'avais qu'à l'arrêter et en faire mon rapport, après quoi il n'y aurait que l'Impératrice qui l'aurait pu sauver, si elle avait voulu enfreindre la loi jusqu'à présent la plus sévèrement observée; car le maréchal l'aurait d'abord fait soldat. Mais je me contentai de lui faire une réprimande, à laquelle il ne répondit autre chose, sinon qu'il ne savait pas que c'était si important et s'en alla le plus brusquement du monde, en frappant de la porte, au lieu de me faire des excuses et de me remercier de ma modération, et c'est même le lendemain qu'il demanda à être placé dans le régiment de Sibirsky où il a un frère. Le maréchal, qui avait déjà remarqué depuis longtems qu'il s'était gâté, me fit des compliments de ce que j'allais être débarrassé de ce mauvais sujet *).

Quand à l'épaulette, je vous jure que je ne pouvais pas ne pas la redemander; car outre qu'elle appartenait au **казначейство** du régiment d'où je lui avais permis de la prendre, tandis qu'il était au régiment, mais c'est que j'avais plus d'un tiers d'officiers qui n'en avaient pas et qui, montant la garde chez le maréchal, les empruntaient les uns chez les autres. Si j'avais voulu

---

*) На сестрѣ этихъ Штакельберговъ былъ женатъ младшій изъ Орловыхъ (тогда еще въ большой силѣ), графъ Владиміръ Григорьевичъ. П. Б.

le chicaner, j'aurais mille autres moyens. Il devait 192 roubles à la caisse du régiment; je pouvais et je devais même, suivant la forme, envoyer dire au commissariat qu'on ne lui donnât pas à l'avenir ses appointemens, mais qu'on déboursât de cet argent sa dette à la caisse, après quoi on pouvait lui donner le reste. Cela aurait fait qu'il aurait été deux tiersals et demi sans rien recevoir; mais je ne le fis pas. Il vient de payer ce mois-ci seulement 100 r. et les autres il a promis de payer dans six mois. Je pouvais aussi lui reprendre ses deux денщикъ, qu'il pouvait ravoir à la vérité du régiment de Sibirsky, mais en attendant il serait sans domestiques. Je ne le fis pas non plus. Ainsi, quoique je ne fis rien d'extraordinaire, pourtant je n'agis pas en chicaneur. Quand à son arrêt, je ne pouvais pas agir autrement sans renverser le service et sans me rendre méprisable dans le régiment après qu'il a osé me dire, qu'il ne m'écoute pas. Après cela il aurait fallu le souffrir de tous mes subalternes, ou passer pour un homme qui pense moins au service qu'à soi et qui souffre tout de ceux qui sont parens des favoris.

Pour ce qui est de mes officiers, je suis rigide, parce qu'il faut l'être, parce que le maréchal l'exige et parce qu'il n'y a pas de service sans rigidité. Mais qu'est ce que vous croyez que j'eusse par là? Sachez qu'elle consiste chez moi à punir un officier pour des cas où le code militaire exige une punition. Personne n'a été chez moi puni par caprice ou par partialité; ceux qui ont été punis ont vu que ce n'est pas moi, mais la loi qui l'ordonne. D'ailleurs personne n'a été puni chez moi ignominieusement; jamais arrêt au prêvot, quoique l'instruction de colonel l'ordonne et que dans toute l'armée

russe cela se pratique. Ajoutez à cela que tout bon officier chez moi est avancé plus tôt que chez les autres, parce que j'intercède pour eux. Ils sont d'abord connus du maréchal, à qui je les recommande. En un mot, il n'est sorti du régiment que les officiers à qui j'ai dit de sortir, puisque c'étaient des mauvais sujets. Ajoutez à cela que dans les autres régimens on ruine les officiers par les comptes d'apothicaire et que chez moi, tout au contraire, on les aide autant que cela est possible. Menchicoff m'a voulu débaucher plusieurs officiers, et aucun n'est allé, au lieu que des siens tous désertent; et il n'est pas rigide, mais il les ruine et ne leur rend jamais justice: car, quand on loue une compagnie chez lui, il ne dira pas que le capitaine est un tel et que c'est un excellent officier, de sorte que ces pauvres diables restent toujours ignorés du maréchal et de toute l'armée, ce qui étouffe l'émulation. Enfin, ne croyez pas, mon cher Alexacha, que je sois un chicaneur ou un tyran.

27.

Du camp sur l'Ingoulctz, près de Dikowka,
22 juin 1769.

Me voilà donc commandant d'un bataillon de grenadiers et dans le corps de réserve qui plus est, c'est-à-dire dans le poste d'honneur. Je vous avoue que cela me flatte et que j'en suis bien reconnaissant de cette bonté du comte. La vie que je mène à présent est toute autre que celle que j'ai menée. Je suis si occupé à présent que je commence à entrer dans les détails du service et que je ne vois pas comment le tems se passe. Mais je vous avoue aussi que je me trouve bien neuf et qu'il n'est pas si facile que je le croyais de connaître bien le service militaire. Comme je ne suis aussi souvent au quartier-général que je l'aurais voulu, à cause de mon devoir que me retient à mon bataillon, je ne suis pas en état de vous donner des nouvelles détaillées, et vous devez les mieux connaître que moi-même par vos amis et surtout par la cour qui a été de tout tems et de tout pays bavarde et indiscrète. Bien obligé pour tout ce que vous m'avez écrit par le prince Troubetzkoy, qui est arrivé chez nous avant-hier.

Voici une lettre que mon ami Broune vient de m'envoyer pour vous. Il est en avant pour tracer le camp que nous allons occuper. Les obligations que j'ai à cet homme pour l'amitié qu'il me témoigne et pour les instructions qu'il me donne, ne sont pas exprimables. Envoyez-moi, je vous prie, le journal militaire dont j'ai vu chez vous à Pétersbourg le prospectus.

28.

Du camp devant Wisse, le 21 d'août 1769.

Ce n'est que par accident et deux fois seulement que je vous ait écrit par la poste, et je vous conjure de ne pas vous servir de ce moyen. Comme m-r de Panine écrit par tous les courriers au comte, écrivez-moi régulièrement deux fois par semaine et remettez-les ou à Bacounine ou à Lafermière, qui les donneront à m-r Козловскій, qui les mettra dans les paquets de m-r Panine.

J'ai une commission à vous donner, c'est de vous informer, combien Иванъ Симонычъ Генриковъ a de fils et de quelles moeurs, de quelle conduite sont ces messieurs. Je vous prie, mon cher ami, d'en faire des recherches très-exactes et de m'informer avec détail. Il y a ici un homme des plus estimables et qui est très de mes amis; il a une soeur qui a des filles. Cette soeur est voisine de m-r Генриковъ, lequel voudrait bien marier un de ses fils à une de ces domoiselles. dont la mère ne veut rien conclure, ne les connaissant pas, sans en avoir fait les informations nécessaires. Comme je m'intéresse beaucoup à cet ami, qui aime beaucoup sa soeur et ses nièces et qui pour ça m'a très-instamment prié de m'informer à ce sujet, je vous prie de me procurer le plaisir de le servir en l'informant sincèrement d'une affaire qui l'intéresse.

Nous sommes ici depuis avant-hier. Ce camp est à 25 verstes de S-te Élizabeth. C'est Broune qui l'a choisi, et il s'est fait par là un honneur infini, car c'est le camp le plus fort qu'on puisse voir sur toute la dislocation qu'il a faite des troupes. Il est tel qu'on pourrait avec 20 mille hommes attendre 80 de troupes réglées; et pour ce qui est des Turcs et des Tartares, on ne craindrait pas 150 mille. Je ne sais si nous resterons longtems ici, ou si nous avancerons jusqu'à Mirgorod qui est à 22 verstes d'ici et d'où la Pologne n'est qu'à trois verstes.

Marquez-moi, je vous prie, sur quel pied seront les légions et si l'on pense à augmenter nos troupes, car elles ne sont guère suffisantes pour faire la guerre avec vigueur. Je sais de très-bonne part qu'à la première armée il n'y a jamais plus de 28 mille hommes sous les armes. Il y a de quoi se battre, mais il n'y a pas de quoi avancer bien dans le coeur de l'ennemi.

29.

Le 30 VIII-bre. 1769.

...Quelquefois, ayant fait ma lettre trop tard pour la mettre dans le paquet du comte, je la donne moi-même au courrier, et ces messieurs les perdent souvent dans le chemin. Quant à ce que vous me marquez de vous envoyer toujours mes lettres par m-r Strékaloff, j'y trouve bien des inconvénients. Le comte est l'homme le plus soupçonneux qui ait jamais pu naître; il l'est si fort et si peu raisonnable sur ce point, qu'il est capable de prendre ombrage, voyant les adresses à m-r Strékaloff et s'imaginera que je suis un homme à donner des nouvelles à la cour de ce qui se passe ici. Cela doit vous paraître bien surprenant; c'est pourtant la pure vérité. J'ai eu tout lieu de bien étudier son caractère et j'ai vu que la méfiance est ce qui le domine et le tourmente le plus, jusqu'au point de ne se fier à âme qui vive et de prendre ombrage des choses les plus futiles.

Vous me conseillez de prier le comte de me recommander à la cour, ce qui pourrait me faire obtenir un régiment. Je ne puis suivre ce conseil, puisque je ne puis me résoudre à demander quelque chose pour moi. D'ailleurs je ne veux faire de passe-droit à personne et je serais honteux d'être avancé hors de ligne, n'ayant rien fait qui puisse justifier le tort que je ferais aux autres. Une chose que j'ai fort à coeur et où le comte

ne peut rien m'aider, est qu'on me rende mon ancienneté de lieutenant-colonel, que j'ai droit de demander du jour que j'ai quitté les gardes, et si on ne veut pas me l'accorder, au moins du jour que j'ai été fait lieutenant-colonel, quand j'ai quitté le service. C'est le comte Zachar *) qui peut le faire, et c'est pour ça aussi que je vous prie, mon cher ami, de le cultiver. D'ailleurs, je vous l'avoue qu'il n'y a rien qui me flatterait tant que d'avoir la croix militaire, si j'ai le bonheur de me distinguer la campagne prochaine, et c'est aussi une chose qui dépend du comte Zachar. Je vous prie donc de vous lier avec lui autant qu'il vous sera possible. C'est un homme qui promet souvent et qui après oublie; c'est pourquoi il faut lui parler à plusieurs reprises.

Aujourd'hui ou demain on expédiera à Pétersbourg m-r Ruffin, le consul de France auprès du chan de Crimée. Il a demeuré ici trois semaines, et j'ai passé pendant ce tems toutes les soirées avec lui. J'ai lieu de regretter son départ; car il est si aimable que je n'ai jamais passé si bien, ni si gaiement mon tems depuis mon malheur. C'est un homme qui, quoique jeune, a beaucoup de connaissances, infiniment d'esprit et d'un caractère fort doux et très-gai. Une chose surtout qui m'a donné beaucoup d'estime pour lui, c'est la constance avec laquelle il a supporté son malheur. Il a rabattu un peu la caquet du prince Repnine, qui l'ayant pris en grippe, l'a desservi auprès du comte et qui étant venu l'interroger avec un air de hauteur devant Mechersky, m-r Ruffin, sans s'intimider aucunement, le força de parler un peu moins haut et le mena après

---

*) Тогдашній президентъ Военной Коллегіи, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ. П. Б.

tambour battant, de sorte que le prince abrégea d'abord sa visite. Hors ce prince, il a plu à tout le monde. Bruce et Kamensky, qui ne l'ont vu qu'une fois seulement, en sont enthousiasmés. Je crois qu'il ne serait pas éloigné d'entrer à notre service, étant las de la vie vagabonde qu'il a menée chez les Tartares, et autant que j'ai pu démêler son caractère, il est trop rempli de candeur pour qu'on puisse se méfier de lui. Il a eu tous ses effets pillés, si bien qu'il ne lui reste rien. J'ai emprunté 100 r. que j'ai eu toutes les peines du monde à lui faire accepter j'usqu'à ce qu'il reçoive de l'argent de son frère, qui est un riche négociant de Thessalonique. S'il ne sera pas remis en liberté, malgré le droit des gens engagé, je prie Bacounine de le prendre dans sa maison.

30.

Ce 14 août 1770.

Il y a quatre jours que j'ai reçu la petite croix, et hier le même courrier qui a apporté le bâton de maréchal au comte m'a apporté aussi mon avancement de colonel *). On a fait tant pour moi que je ne suis pas en état de témoigner assez suffisamment ma reconnaissance. Il ne me reste qu'à désirer d'être assez heureux que de pouvoir trouver l'occasion à témoigner par des effets le zèle ardent que j'ai de mériter les bienfaits que l'Impératrice m'a faits sans que je les aie mérités, n'ayant jamais fait jusqu'à présent que mon devoir, jamais plus que ça et jamais suivant mon désir. Je vous prie, mon cher ami, de faire faire deux croix, l'une pour moi et l'autre pour Goudowitz et d'y joindre aussi deux pièces de ruban de l'ordre: car l'émail de ces croix est fort cassant, et on ne trouve personne qui puisse les raccommoder ici. Comme le comte a absolument voulu que je reste dans le 1-er régiment de grenadiers, malgré que j'aurais voulu troquer avec Coulbars (puisqu'il a le régiment dans lequel j'ai servi), je vous prie de dire à Péterson qu'il ne commande plus les épaulettes dont je l'ai prié. Bien des grâces pour l'argent. Adieu, mon cher Алексаша. Je vous baise les mains.

*) Послѣ сраженій при Кагулѣ и Ларгѣ. П. Б.

31.

Le 10 octobre 1770.

Monsieur de Falkenshild, qui veut bien se charger de cette lettre et qui a été particulièrement lié avec moi, a certainement assez de titres vis-à-vis de vous, mon cher frère et ami, pour que vous recherchiez sa connaissance et lui fassiez toutes les politesses imaginables. Il vous racontera en détail le procédé singulier du général Bauer à mon égard, que je vais vous dire ici en raccourci. Ce général, sous les ordres duquel j'ai servi toute la campagne et duquel j'avais toujours tout lieu de me louer, me détacha en avant de son carré à la bataille de Kagoul et m'ordonna de pénétrer dans les retranchemens ennemis, où il ne m'a joint qu'une grosse heure après. Il fut fort content de ma conduite, me remercia, m'embrassa, me loua au comte et dans son rapport par écrit rapporta au maréchal tout ce que je fis. Depuis son retour de Bender, ayant vu la relation imprimée, il se trouva offensé de ce qu'il a été mis en parallèle avec Bruce et de ce qu'on n'avait pas mis que c'est lui qui a gagné la bataille. Et comme il y avait longtems qu'il fait le mécontent, quoiqu'à tort, vis-à-vis du comte, qui pourtant lui a toujours rendu justice dans ses relations et lui a procuré par là toutes les gratifications dont il a été comblé, il commença à frauder la relation de cette bataille, où il prétendait avoir fait ce qui n'a jamais existé, et ne sachant

à quoi s'accrôcher, il prétendit qu'elle est fausse en ce qui me regarde, qu'il ne m'a jamais détaché et que je ne suis jamais sorti de son carré. Il eut l'impudence de dire la même chose à Zawadowsky, qui, sachant le contraire et indigné de ce procédé, lui fit ressouvenir qu'il se contredit manifestement avec son rapport par écrit au comte, et que d'ailleurs le maréchal m'avait vu lui-même dans les retranchemens ennemis avant que lui, général Bauer, m'ait joint, comme c'était effectivement vrai. Pendant ce tems-là j'étais au plus fort de ma maladie, et Zawadowsky, voyant le danger où j'étais, ne voulait pas me dire une chose qui naturellement ne pouvait que me donner des inquiétudes. Bauer venait pourtant me voir d'un air très-amical. A la fin, quand Zawadowsky me vit hors du danger, il me raconta la chose, qui, comme vous pouvez le croire, me surprit au dernier point. La même chose me fut confirmée par plusieurs personnes qui étaient venues me voir. Le lendemain, le secrétaire de m-r Bauer, en qui il a toute confiance et qui même le mène, étant venu chez moi, je lui marquai ma surprise des discours de son général, discours qui me revenaient de tout côté et qui ne pouvaient que m'offenser. Il fit semblant d'être étonné et prétendait que c'était des choses inventées sur le compte du général. Le même jour, sur le soir, m-r de Bauer vint chez moi. Son secrétaire lui avait déjà raconté ce que je lui avais dit, et quoique nous nous trouvâmes tête-à-tête, il ne toucha pas cette corde. Voyant donc qu'il s'obstinait à ne pas vouloir d'explication, j'allai la commencer moi-même, lorsque malheureusement le comte Soltikow et d'autres entrèrent chez moi, et comme je ne voulais pas faire scène et que j'espérais de voir une autre fois m-r de Bauer, je

me tus pour lors. Mais Bauer ne retourna plus chez moi et partit pour Pétersbourg. Comme il m'est de la dernière importance d'avoir un éclaircissement sur cette affaire, car si ce que débite Bauer était vrai, je serais indigne de porter la croix dont l'Impératrice a daigné m'honorer en dernier lieu: j'ai donc écrit une lettre à m-r Bauer, que Falkenshild vous montrera et qu'il ne lui remettra qu'après que vous vous serez informé par votre ami m-r Zinowiew, si m-r Bauer a parlé sur le même ton au comte Orlow, comme il a parlé ici. Je serais fâché de perdre l'amitié de m-r Bauer, mais je serais encore plus fâché de perdre ma réputation par son injustice. Mon honneur m'est plus cher que tout, et tout bien pesé, l'amitié d'un homme qui a la basse jalousie d'envier un peu de réputation que s'est faite un homme qui a servi sous ses ordres et qui a toujours recherché son amitié, n'est guère à rechercher. Il est très-injuste aussi vis-à-vis du comte, puisqu'il oublie tous ses bienfaits et se fâche de ce qu'il n'a pas menti en ne marquant pas que lui Bauer a gagné la bataille, ce qui réellement n'a jamais existé. Je vous prie de me répondre au long à ce sujet et de concerter bien avec m-r Falkenshild qui est un de mes amis, ce qu'il y a à faire dans tout ceci. Adieu, mon cher Alexacha; faites des amitiés à Neibousch, qui m'en a fait ici beaucoup.

32.

Le 25 juin 1771.

Si j'ai été si longtems sans vous écrire, mon cher ami, c'est à ma maladie que je dois m'en prendre de m'avoir privé de ce plaisir. C'était un reste de mauvaises humeurs rassemblées dans mon corps et provenant des fatigues et de la mauvaise nourriture de la campagne passée et que la maladie mortelle que j'ai eu après la campagne, malgré qu'elle était suivie d'une fièvre, n'a pas pu extirper totalement: puisque le tems rigoureux de l'arrière-saison et les marches continuelles ont obligé l'habile médecin à qui je dois la vie, à précipiter la guérison pour lors. Ainsi il s'est formé chez moi, à la fin du mois passé, un abcès extérieur entre la poitrine et l'épaule, qui, sans être dangereux, m'a fait horriblement souffrir, puisqu'il fallait recourir à une incision fort large et très-profonde, après quoi je n'ai plus eu rien à souffrir, et quoique la blessure occasionnée par l'incision n'est pas fermée encore, je me porte déjà beaucoup mieux que je ne me suis porté depuis dix ans. Je peux en surtout me promener à pied et à cheval; il n'y a que l'habit que je ne puis mettre encore, et le maréchal a eu la bonté de me permettre de venir chez lui en surtout.

Иванъ Романовичъ est arrivé depuis 4 jours. Il a été fait adjudant dans mon régiment trois semaines avant son arrivée. Je suis fort content de lui. C'est un fort joli garçon qui a de l'esprit et de la vivacité. Tout dépend à présent entre quelles mains il tombera: car

à son âge on prend le caractère de ceux avec qui on est. J'ose me flatter qu'il ne se gâterait pas ici, parce qu'il n'y a pas de régiment chez nous qui puisse se vanter d'avoir un corps d'officiers comme ceux que j'ai: on ne connaît ni la boisson, ni le jeu; tous sont fort assidus au service, très-délicats sur le point d'honneur et de très-bonne société en même tems. Vous avez pris 100 roubles de lui et vous m'écrivez que je les lui rende. Hélas, mon cher ami! Ce n'est pas à un homme qui n'a pas le sol à donner de l'argent aux autres. Je suis dans le cas de donner 50 pour 100 au premier qui me prêterait 500 r.; mais malheureusement on ne trouve pas ici ni des gens obligeants, ni des usuriers: car tout est si cher, et ce pays, étant totalement ruiné, oblige d'avoir des équipages monstrueux, ce qui ruine tout le monde, et c'est ce qui fait que personne n'a le sol.

Le roy de Pologne a fait présént au comte d'une miniature dans le goût de ces deux que j'ai laissées à Pétersbourg, quoique elle ne vaut pas les miennes. Par le plaisir qu'il a eu de l'avoir, j'ai vu qu'il aime ces choses. Je lui ai promis les miennes. Je crois que vous approuverez cette démarche vis-à-vis d'un homme à qui je dois tout. Je vous prie donc d'écrire à Pétersbourg à Lafermière ou à Bacounine pour qu'on fasse une petite caisse pour ces deux miniatures et après les avoir bien emballées qu'on me les envoye à mon adresse par le premier courrier.

33.

Du camp près de Faltchi, le 30 octobre 1771.

Malgré que j'ai été continuellement malade cet été, je n'ai cessé de vous écrire par toutes les occasions possibles. Voici notre campagne finie le plus glorieusement du monde. Je ne vous écris rien en détails, parce que comme cette lettre va par Pétersbourg, vous la recevrez avec les détails imprimés. Le prince Cantemir *), avec qui je suis fort lié et qui mérite toute l'estime imaginable par son excellent caractère et par sa bravoure distinguée, vient de reprendre Jourgea. Le maréchal l'envoye à Pétersbourg où j'espère qu'il sera récompensé, comme il le mérite. Le général Wéissman a non seulement détruit Toultcha, mais battu et chassé le vésir de son quartier-général à Babadé. On a pris et détruit aussi les châteaux d'Issaktcha, de Matchin et de Hirsova, de sorte que toute la côte droite du Danube est nettoyée.

*) Кажется, это тотъ самый князь Кантемиръ, о которомъ такъ много сказано въ Запискахъ Пассека (Р. Архивъ 1863) П. Б.

34.

A Yassy, le 5 janvier 1772.

Je profite du départ du colonel prince Wolkonsky, pour vous donner de mes nouvelles. Je me porte bien, je désire d'apprendre de vous la même chose. Il y a un siècle que je ne reçois pas de vos lettres, ce qui m'inquiète beaucoup, d'autant plus qu'il y a plus de danger maintenant de rester en Russie que d'être parmi nous autres. Au moins, les terribles descriptions qu'on nous fait des ravages que la peste fait autour de Moscou me font frémir pour vous, mon cher ami. Mon père m'écrit que vous n'allez plus en Sibérie, c'est de quoi je suis bien aise; mais je voudrais bien que vous retourniez à Pétersbourg, où l'on est beaucoup plus sûr contre la peste, à cause des précautions qu'on prend. Si vous êtes résolu à ne plus servir, vous pouvez toujours y rester après avoir pris votre congé.

Письмо неизвѣстнаго лица (вѣроятно Лафермьера) къ графу А. Р. Воронцову о поединкѣ графа С. Р. Воронцова съ Стакельбергомъ.

Ce 21 mars (1772).

Je vous envoye ci-jointe, monsieur le comte, une lettre de m-r votre frère. M-r Bacounine, à qui je l'ai communiquée, m'a dit qu'il vous avait mis au fait de l'affaire dont il y est question, de peur que l'apprenant d'ailleurs vous ne vous en fissiez des idées trop fâcheuses et qu'ainsi je pouvais vous en faire part. C'est ce que je viens de marquer au comte Simon à qui je n'ai point cru devoir cacher les bruits désavantageux pour lui qui en ont couru ici: non seulement on lui a donné tout le tort, mais la blessure qu'il a faite à son adversaire, on a prétendu que c'était lui qui l'avait reçue. On a prétendu que m-r le maréchal avait désapprouvé sa conduite que l'on représentait comme aussi violente qu'irrégulière; on lui assignait pour cause une faveur que m-r le maréchal avait faite de son propre mouvement à m-r de Stackelberg, sans que celui-ci l'eut sollicitée en aucune façon. J'ai ajouté qu'il y avait des personnes qui lui étaient même attachées, qui prétendaient encore qu'il n'avait eu aucun droit d'exiger que m-r de Stackelberg laissât son épaulette au régiment; que celui-ci, en le quittant, ne pouvait plus la porter, mais que puisqu'elle lui appartenait, l'ayant payée, le comte ne pouvait la lui demander. J'ai parlé à cette occasion de ce que je vous ai marqué

que l'on disait qu'il n'était plus si bien avec le maréchal. Je lui ai fait part de l'impression que cela avait fait sur vous, quoique je ne vous en eusse parlé que comme d'une chose dont je n'étais pas sûr. Je n'ai pas manqué d'insister sur le triomphe que ce serait pour ses ennemis, si elle avait le moindre fondement.

Pour ce qu'il est de la personne qu'il soupçonne dans sa lettre d'avoir divulgué son affaire, comme on m'a assuré que ce n'était point elle et qu'il n'en avait point été question dans tous les propos que l'on avait tenus là-dessus, j'ai effacé son nom, que je vous dirai une autre fois si vous en êtes curieux. Mais je n'ai point cru devoir parler à m-r votre frère de ceux que l'on m'a nommés pour s'être signalés à dire du mal de lui dans cette occasion, de crainte que cela ne donnât lieu encore à des querelles. M-r Bacounine, qui les connaît, pourra vous les nommer, s'il ne l'a déjà fait. Ce qui me fait croire pourtant que m-r votre frère est toujours bien avec le maréchal, c'est qu'il me semble que toute la cause de ce grand déchaînement contre lui est toujours cette faveur.

J'ai fait part aussi de sa lettre à mesdames vos soeurs. J'en ai lu aussi ce que j'ai voulu à m-r et m-me de Chouwalow à cause de l'intérêt qu'ils prennent à lui et parce que la dernière peut dans l'occasion dire son mot. M-r de Strékalow était présent, ce qui peut encore servir au même but.

Je ne vous dirai pas, m-r le comte, combien j'ai souffert et combien je souffre de tout cela. Vous connaissez mes sentiments pour m-r votre frère. Mais ce qui ne me chagrine pas moins, ce sont vos tracasseries à vous. Il est bien cruel que vous en ayez tant à essuyer et au dedans, et au dehors. Voilà sans doute

ce qui vous donne tant de répugnance à revenir ici. Je sens parfaitement toutes les raisons que vous avez de prolonger votre absence, quoique je crie toujours contre: c'est que je sens aussi le tort qu'elle fait à votre fortune. Enfin, je ne puis digérer la vie que vous menez et je ne dois cesser de vous exhorter à trouver des moyens qui vous remettent dans un chemin autre que celui où vous êtes et qui sûrement ne peut pas vous convenir longtems.

Mais je veux vous parler d'autre chose, de peur de retomber dans des redites fatigantes. M-me de Boutourline, que j'ai vue hier, m'a dit que son mari devait revenir au mois de mai. M-me Paliansky est fâchée contre le comte Simon, qui a écrit à m-me Dachkow et pas à elle. Cela se racommodera à la première douceur qu'il voudra lui dire. Le fils de la princesse Dachkow vient d'être fait officier dans le régiment qu'avait feu m-r son père. Ce m-r Pouchkine, célèbre pour la friponnerie des médailles envoyées à m-r de Voltaire, vient d'en faire encore une, qui probablement sera la dernière: il a comploté avec son frère pour aller en Hollande fabriquer des faux billets de banque pour des sommes immenses *). La chose a été découverte même avant que d'être consommée, et tous deux ont été arrêtés avec leurs autres complices. M-r Marcow est parti, à ce que m-r Fonvisin m'a dit, pour la Hollande. M-r de Simolin (celui de Ratisbonne) n'est pas encore de retour de son expédition. M-r de Stackelberg (celui d'Espagne) est allé en Livonie et n'est pas encore de retour non plus.

---

*) Это братья Михаилъ и Өедоръ Пушкины. Первый изъ нихъ—родной дядя іезуита-Гагарина. П. Б.

Voilà des choses dont apparemment vous ne vous souciez pas beaucoup et que je ne vous ai contées que pour détourner mon esprit d'une matière dont sans doute vous vous souciez encore moins. Vous ne voulez donc revenir que cet automne, et encore Dieu sait si l'on peut y compter? Quoiqu'il en soit, m-r le comte, apprenez-moi du moins vos intentions à cet égard... Il faut que vous m'appreniez un peu cela, surtout pour supporter patiemment, paisiblement de nouvelles affreuses de votre part: car, malgré vos promesses, le passé me montre trop à quoi j'ai à m'attendre pour l'avenir. Malgré cela, il faut vous aimer, car où placer son affection? S'il ne fallait jamais aimer que des amis parfaits! C'est aussi ce qui fait que j'espère que vous ne cesserez pas que de m'aimer un peu.

35.

Письмо графа С. Р. Воронцова (вѣроятно) къ Лаферміеру.

Je viens de recevoir la lettre où vous êtes si inquiet pour moi à cause de la petite affaire que j'ai eue et de laquelle je n'ai rien dit à personne, encore moins à mon frère, parce que c'était une bagatelle et que je ne m'attendais pas qu'elle allât jusqu'à Pétersbourg. Voici comme elle s'est passée, et vous pouvez la communiquer à m-r Bacounine et à mon frère, si vous le jugez à propos. M-r Stackelberg, second-major de mon régiment et frère de la comtesse Orlow, devant quitter mon régiment pour aller dans celui de Sibirsky, où il a un frère lieutenant-colonel, je lui ai ordonné de laisser son épaulette au régiment, comme elle ne lui appartenait pas et qu'il n'en avait pas besoin. Il m'a fait répondre qu'il ne m'écoutait pas. Surpris de sa réponse, je l'ai fait venir chez moi, où il me dit la même chose, sur quoi je l'ai mis aux arrêts et dans le même instant j'en fis mon rapport à mon brigadier, qui rapporta au lieutenant-général, et celui-ci au maréchal. Toute l'armée quasi me donna le tort, et il y a eu des colonels assez ignorants pour me dire sérieusement que j'ai outrepassé ma puissance en faisant arrêter un officier d'état-major, parce que dans l'Instruction de colonel, où sont marquées les différentes punitions qu'on peut infliger à ses subalternes, il est dit que les officiers d'état-major le colonel les punit ou par des réprimandes, ou en leur ôtant le com-

mandement. Mais je leur fis voir qu'ils ne savaient pas le service, car l'affaire de Stackelberg ne regarde plus l'Instruction de colonel, mais nos Articles de guerre; que la première n'est que pour l'économie et la police du régiment; qu'il n'y est question que de faute et non de crime et qu'elle n'a jamais supposé une désobéissance dans un subalterne, qui par le 27-me article du 3-me chapitre de nos Articles de guerre est taxée de révolte et comporte ipso facto punition de mort. Ainsi je n'aurai égard à l'Instruction de colonel vis-à-vis des officiers d'état-major que quand ils ne feront pas ou n'exécuteront pas bien ce que je leur aurais commandé, et alors ce serait à ma volonté ou de les réprimander, ou de leur ôter le commandement; mais dès qu'il s'agit de désobéissance formelle, c'est nos Articles de guerre qui doivent me servir de guide, et ça non seulement vis-à-vis d'un major ou d'un lieutenant-colonel, mais vis-à-vis même d'un colonel qui se trouverait sous mes ordres et qui oserait me dire qu'il ne m'écoute pas. Il n'y a que cette différence entre un officier-major et un autre subalterne, c'est que de l'arrêt du dernier je ne rends compte à personne et que je lui rends son épée quand je veux, au lieu que de l'arrêt du premier je dois dans 24 heures faire mon rapport à mon chef, et sans sa résolution je ne puis lui rendre son épée. Le maréchal, qui sait mieux le service que qui que ce soit, trouva que j'avais agi suivant les règles et le laissa aux arrêts, où il aurait resté une couple de mois, peut-être, si je n'avais prié moi-même le lieutenant-général qu'il priât le maréchal de lui pardonner, ce que le maréchal a accordé au bout d'une semaine. Il y a eu des gens qui dirent à ce dernier que Stackelberg voulait lui porter ses plain-

tes contre moi; il leur répondit qu'il ferait mal: car, bien loin de demander satisfaction de son colonel, il devrait lui demander pardon et le remercier que dans son rapport il n'a pas demandé de conseil de guerre.

Vous voyez que le fond de l'affaire est une misère pour un homme qui n'est pas militaire, et à bien des militaires elle a paru telle, et c'est parce qu'on traite ainsi la subordination qu'elle est totalement éteinte chez nous: dans presque tous les régiments les colonels sont mal obéis par les officiers d'état-major, ceux-ci par les officiers subalternes, qui à leur tour ne sont guère écoutés du commun des soldats, et voilà pourquoi les assauts de Braïlow et de Jourgea ont manqué, à la perte et à la honte de l'armée russe. Quant à moi, je me suis fait un système d'une subordination si rigide que j'obéirai toujours aveuglement à mes chefs et que je me ferai obéir également de mes subalternes. Il n'y a ni parenté, ni faveur qui puisse me faire relâcher sur la moindre petite chose qui ait rapport à la subordination, et dût-il m'en coûter tout, tant que je serai au service, je ne me départirai jamais de notre code militaire qui est, comme celui de toutes les nations, d'une rigidité extrême. La subordination est l'âme du service militaire: si elle est anéantie, il est renversé de fond en comble. Aussi il n'y a que deux sortes d'officiers que je ne souffre pas chez moi: c'est les lâches et les désobéissants. Les premiers, je les chasse; pour les seconds, ou à force de punitions je les rends obéissants, ou ils sont obligés de passer dans d'autres régiments. En revanche, tout ce qu'il y a de bons officiers et qui sont exacts veulent venir chez moi, et je puis dire sans me vanter

qu'il n'y a pas de corps d'officiers chez nous comparable au mien: car, dès qu'on est exact dans le service, on est sûr d'être très-bien avec moi. D'ailleurs, il n'y a aucune partialité, ni chicane; le service va son train que c'est un plaisir à voir. Je céderai en tout plein de points à mes camarades; il se peut qu'il y ait des régiments mieux habillés et mieux exercés pour la parade; mais je prétends qu'il n'y en a pas dans toute l'infanterie russe qui soit si discipliné et où la subordination soit plus exacte.

Pardon, mon cher ami, de ce qu'à force de raisonner sur ma matière favorite, je vous laisse toujours en suspens au sujet de ce qui vous intéresse. A peine Stackelberg a-t-il eu sa liberté, que tout plein de poltrons qui m'en veulent et qui ne veulent pas se battre ont été enchantés d'avoir une occasion pour se servir de la main d'un autre. Ils lui représentèrent (sachant qu'il est brave) qu'il est déshonoré pour toujours s'il ne se coupait pas la gorge avec moi, et comme il est un peu simple, il prit cela pour de l'argent comptant et m'abordant un jour que je passais seul par la rue, il me demanda satisfaction, ce que je lui accordai très-volontiers, et nous réglames que ce serait le lendemain à la pointe du jour, sans témoins, ni seconds, dans un jardin qu'il avait dans son quartier. L'affaire se passa très-galamment, et le résultat fut que je fus blessé très-légèrement au bras, et qu'il reçut deux terribles blessures desquelles il a pensé perdre la main. La perte horrible qu'il faisait de son sang a interrompu le combat, et à peine a-t-il eu la force de se traîner chez le chirurgien du régiment qui logeait à 20 pas de lui et où à peine était-il entré, qu'il tomba

évanoui. Cette affaire n'a fait aucun éclat, car je n'en ai parlé à personne d'autre qu'au chirurgien qui m'a pansé et à Péterson et Menchicow, qui logeaient chez moi et desquels je suis sûr. Quant à Stackelberg, d'abord après l'affaire il m'a demandé pardon, et nous sommes convenus de tenir l'affaire secrète. Il n'y a que ceux qui l'ont poussé à cela à qui il l'a dit, je crois, et cela pour leur reprocher de l'avoir induit à une affaire dont il se repentait sincèrement: car au bout de quelque tems on en parla dans la ville, quoique je la niasse. Le maréchal ne m'en a point parlé, soit qu'il l'ignore, soit qu'il fasse semblant de l'ignorer. J'ai été en état de sortir au bout de trois jours; pour l'autre, il a été trois semaines malade, et étant venu me voir avant que de partir pour la Pologne, où est son régiment, j'ai vu qu'il n'était pas encore totalement guéri.

Après avoir bien pensé à celui qui a pu raconter cette affaire à Pétersbourg, je vois que ce ne peut être personne autre que *), un des plus grands poltrons de l'armée et un des instigateurs de Stackelberg. Il faut que vous sachiez que dans la campagne que nous avons faite en Bessarabie, pendant laquelle je commandais un bataillon de grenadiers dans le corps de l'avant-garde, ce beau monsieur commandait une batterie entre mon bataillon et celui de Neibousch, et à la moindre petite affaire il criait miséricorde et que nous étions perdus. C'est ce que Neibousch attestera. Impatienté de sa lâcheté, je l'ai traité un peu rudement dans une affaire où il venait à force de jéré-

*) Въ подлинникѣ имя этого офицера вымарано. П. Б.

miades décourager mes gens. Il avala très-bien les pilules que je lui donnai, et comme c'est un homme d'une prudence consommée, il m'a toujours fait mille politesses et parlait de moi pire que pendre quand j'étais absent, ce que j'ai toujours méprisé, sachant combien il est lâche et qu'il serait déshonorant d'avoir affaire avec un poltron avéré.

Ce 29 février 1772.
à Yassy.

36.

Du camp près d'Ouvantchi, le 11 octobre 1772.

En envoyant Michel pour recevoir la provision de Pétersbourg et celle que je dois tirer de Moscou, je vous prie d'ordonner à Wlasow pour qu'il l'expédie au plus vite. J'envoye aussi par lui une de mes chemises que je vous prie de prendre avec vous à Pétersbourg. C'est le moins pourrie et le moins déchirée que j'ai pu choisir; toutes les autres sont en lambeaux: car je m'en suis déjà servi une année et demie avant la guerre, et voici quatre ans que la guerre dure, ce qui use plus le linge que huit ans de paix; puisqu'on l'empaquète souvent très-mal, puisque c'est à la hâte. Les blanchisseuses sont fort mauvaises, l'eau souvent ne vaut rien, et surtout qu'on n'a pas pour la pluspart le tems de les sécher, et cela les fait pourrir. Ainsi, comme j'en ai un besoin très-pressant et que malgré que c'est ma passion pour le linge fin (puisque j'aime mieux avoir un habit très-simple et du linge très-fin, qu'un habit très-riche avec du linge médiocre), je vous prie de me faire faire deux douzaines de chemises telles que vous pourrez et de me les envoyer au plus vite, et d'obtenir en même tems de mon père qu'il me fasse faire 4 douzaines en Hollande, où la plus fine toile est à meilleur marché que chez nous la médiocre, et alors vous me ferez l'amitié d'envoyer

ces chemises à Oldecop par un courrier (ce que Bacounine vous procurera, puisqu'il en part souvent pour l'Angleterre et qui passent par la Hollande), et Oldecop pourra les envoyer par les premiers vaisseaux qui viennent chez nous au printems. C'est par la même occasion que je vous prierai de me faire venir 6 douzaines de bas de fil fin d'Angleterre, qui me sont d'une nécessité indispensable, grâce à cette guerre qui m'a mis le scorbut dans le corps, surtout aux jambes, qui tout le printems sont couvertes de plaies, ce que Michel pourra vous dire. C'est à cause de cela que je ne puis plus porter sur la chair les bas de soie ou de coton, et même quand je serais dans le cas d'aller en souliers, je serais obligé de porter des bas de fil sous ceux de soie. Il y a trois ans que j'écris continuellement à mon père pour qu'il me fasse venir des bas de fil fin d'Angleterre; on ne me répond rien et on m'envoye, comme l'année passée, des bas de fil de Russie si gros que je puis en avoir de Pologne et qu'on vend ici, et quoiqu'ils m'incommodent infiniment, la nécessité me force à les porter. Ce n'est pas une affaire de luxe ou de fantaisie pour moi, mais d'une nécessité malheureuse. Ainsi je vous conjure d'avoir soin que cette commission soit exécutée.

Vous me dites dans une de vos lettres que mon procédé envers Stackelberg vous paraît avoir l'air d'une chicane et que dans ma lettre à vous ou à Lafermière j'ai laissé entrevoir envers mes officiers un esprit de despotisme. Comme vous m'êtes la personne la plus chère que j'aie au monde, je serais fâché que vous le pensiez et je dois me justifier vis-à-vis de vous

sur ces articles. Je dois vous dire que Stackelberg m'a poussé à bout depuis très-longtems: car le printems de l'année passée, ayant fréquenté très-mauvaise compagnie, il en a pris toutes les habitudes. Cette même compagnie lui faisant mille bassesses, à cause de la parenté, cela lui tourna la tête au point de se méconnaître. Comme il était second-major surnuméraire, aussi bien qu'Alsoufiew, et que c'était Bock qui était du complet, ils n'avaient rien à faire dans le régiment, et comme mon premier-major *).....

*) Конецъ этого письма не отысканъ.

37.

Si vous pouviez par l'occasion de quelqu'un de votre connaissance qui part pour chez nous ou par quelques courriers m'envoyer quelques livres, vous m'obligeriez au-delà de toute expression. Tous les livres que j'ai ici, je les ai tant lus et relus, que je pourrais les réciter: tant je les sais par coeur. Ici il n'y a pas moyen d'en trouver ou d'en faire venir d'autre part: on ne trouve à Yassy que des livres d'Église; encore sont-ils tous en langue grecque. Il faut rendre justice aux nations valaque et moldave qu'elles sont les plus ignorantes de toute l'Europe. La privation de la lecture est pour moi une chose insupportable. Au nom de Dieu, secourez-moi dans ce besoin urgent. Si vous pouviez entre autres livres me procurer, quand vous serez à Pétersbourg, *Les mémoires politiques et militaires de Santa-Crux, Les campagnes de m-r du Gage* et celles du prince Ferdinand de Brunswic, vous m'obligeriez infiniment. Ne croyez pas que je ne veux que du militaire: je serais très-charmé d'avoir aussi quelque chose d'historique ou de belles lettres. Je n'ai rien vu de ce qui a paru depuis quatre ans que nous vivons dans ce pays barbare. Si vous recevez le Journal Encyclopédique, envoyez-le moi, je vous prie, depuis le commencement de l'année 1768. Je vous promets de ne pas l'égarer et de vous le rapporter moi-même.

Du camp près de Faltchi.
Ce 8 novembre 1772.

38.

Ce 11 juin 1773.

Avant-hier mon régiment et celui de Péterson ont passé le Danube, et nous sommes à présent en Bulgarie. Nos deux régiments sont dans le corps du lieutenant-général Stoupichine, qui s'est joint avec le général Weissman. Le jeune comte Roumantzow est aussi avec nous; il commande un bataillon de grenadiers. Nous nous portons très-bien. Jamais l'armée n'a eu si peu de malades. Le maréchal a passé le Danube et nous est joint aujourd'hui. Si vous pouviez me trouver chez les Anglais une lunette d'approche de poche anglaise de Dolon ou de quelque autre, vous me rendriez un service essentiel; elles sont petites et de cuivre et coûtent 40 roubles au plus. Herfst m'avait fait venir une hollandaise, mais elle ne vaut rien. J'avais une excellente dans ce goût-là que Bauer m'a prise en 1770, sans me la rendre. S'il n'y a pas chez les marchands, il y en a peut-être chez quelqu'un de vos connaissances qui vous la céderont, et si vous me l'envoyez par la voie de Петръ Васильевичъ Бакунинъ par le premier courrier, vous m'obligerer inconcevablement. Quant à m-r Potemkine, qui est fait brigadier et qui était lieutenant aux gardes tandis que j'étais déjà colonel et qui certainement a moins servi que moi, c'est une chose qui me force de me retirer du service d'abord après la campagne. Plusieurs de mes camarades sentent aussi leurs malheurs et feront la même chose.

39.

J'ai beau envisager notre situation sous tous les points de vue possible: elle est toujours affreuse. D'un côté ruinés sans ressource, si nous ne nous séparons pas de notre père; de l'autre côté l'éclat que cette triste affaire va produire, le scandale qu'on tâchera de jeter sur nous, la mauvaise impression qu'on tâchera d'inspirer au public sur notre compte, tout ceci fait une alternative horrible. N'y aurait-il pas moyen d'éviter le grand éclat que cela doit nécessairement produire, en intéressant quelqu'un pour qui mon père aurait eu une considération indispensable? Il vaut mieux intéresser et s'ouvrir à quelque peu de personnes, que de mettre tout le public de la partie. J'ai entendu dire que le prince Orlow a de l'amitié pour vous. J'entends dire qu'il est bienfaisant et honnête. Confiez-lui notre situation malheureuse, engagez-le à faire des exhortations fortes et convenables, conjurez-le de vouloir bien remettre la tranquillité dans une famille et la sauver du déshonneur qu'il y a de plaider contre notre père ou du malheur de mourir de faim, si ce train continue. Je crois même qu'on pourrait en parler à l'Impératrice elle-même; car aussi bien cette affaire ne pourra pas lui être cachée, quand tout le public la saura, au lieu que s'il n'y a qu'elle et le prince Orlow qui la sachent, le public peut fort bien l'ignorer. La Souveraine devant être regardée comme la mère de ses sujets, c'est à elle qu'ils doivent avoir recours dans toutes leurs infortunes. C'est à elle aussi à faire

rentrer chacun dans son devoir; c'est à elle à protéger les faibles et les malheureux, et c'est à elle à empêcher la ruine qu'on nous prépare par des voies obliques et illicites. Il ne faut que lui demander une audience et lui expliquer toute notre situation depuis la mort de notre mère, les acquisitions qu'on a faites d'après des prétentions à elle et qu'on a converties comme des acquisitions faites sur d'autres fonds; lui expliquer la manière dont on nous a tiré les pleins-pouvoirs qui ont achevé notre ruine, tandis que nous étions dans les pays étrangers pour le service de l'Impératrice, et moi pour me rendre capable de la servir un jour; lui raconter l'honnêteté avec laquelle nous avons arrangé la fortune de nos frères et soeurs naturels, et comme tout ceci n'a pas pu contenter et comme on ne travaille à autre chose qu'à notre ruine totale. Je ne doute nullement que Sa Majesté, touchée de compassion, de notre innocence et de nos malheurs, ne se donne la peine de porter mon père à finir avec nous à l'amiable et qu'elle ne souffrira jamais de voir opprimés ceux qui recourent à sa justice. Je ne doute nullement aussi que le prince Orloff ne s'employe volontiers pour nous servir, et cela parce que nous sommes innocents et persécutés. Toutefois je me remets à vous, à vos sentimens honnêtes et à votre prudence, mon cher Alexacha. Si vous voulez une lettre de ma part à mon père, envoyez-moi la forme, dictez-moi les termes, et je ferai tout ce que vous croyez que je dois faire, et je vous l'enverrai dans l'instant. Si vous croyez que ce que je vous viens de projeter par rapport à l'Impératrice et au prince Orlow est juste, cette lettre que vous pouvez montrer servira de preuve que je suis avec vous de sentimens inséparable.

Vous blâmez, mon cher ami, l'idée que j'ai de quitter le service et vous me conseillez de ne pas le faire. C'est comme si on conseillait à un amant fou de sa maîtresse de ne pas se séparer d'elle. Vous me prenez par mon faible, mon ami: vous savez l'enthousiasme que j'ai toujours eu pour le militaire et combien j'ai perdu par là, ayant refusé d'être gentilhomme de la chambre du tems de Pierre III. Cet enthousiasme, bien loin de diminuer, ne fait que s'accroître; mais il m'a été bien sensible de voir que m-r Potemkine est devenu mon supérieur, ayant même moins servi que moi. Toutefois vos conseils et ma passion allaient triompher de ma sensibilité, quand votre lettre sur nos affaires domestiques est venue à la traverse: car, dès que nous sommes ruinés, je ne puis plus servir, n'en ayant plus les moyens. Personne chez nous, en tems de paix même, ne peut vivre avec ses appointemens, à plus forte raison pendant la guerre, et surtout dans le rang de colonel, où on est sans cesse dans le cas de voir les gens dans la dernière nécessité, et j'aime mieux mourir que d'en voir et de ne pas les secourir. Je ne puis vous cacher que je dois 4000 roubles, que je puis payer si je quitte le service: car, s'il nous revient mille ou 800 paysans à chacun, en vendant 400 de ma part, je paye ma dette, et avec le reste je vis au village fort tranquillement; puisque, quittant le service, je suis très-résolu à vivre dans la retraite. Après la perte que j'ai faite à Pétersbourg *), cette ville m'est insupportable; Moscou tout autant. Le monde en général ne me plaît pas. Ne pouvant plus vivre comme par le passé, je serai mieux au village

---

*) Т. е. послѣ кончины графини А. М. Воронцовой. П. Б.

qu'autre part. J'aurais voulu faire encore une campagne, si je pouvais compter sur l'entretien annuel qu'on m'envoye, joint à la provision annuelle aussi (car sans ces deux articles je ne puis subsister ici); mais comme je ne puis plus y compter, après tout ce que vous venez de m'écrire, je m'exposerais pendant la campagne prochaine à une indigence horrible. Je me retirerai du service, quoique cette idée seule me cause un chagrin mortel. Je n'envoye plus même Michel à nos terres de Voronège, regardant cet envoi comme inutile et je n'attends plus que votre réponse pour présenter ma supplique et quitter l'armée.

Mais si, contre toute attente, les affaires s'accommodent à l'amiable, je vous prie de faire expédier au plus vite l'ordre au приказщикъ de nos terres de Voronège d'apporter les 3000 r. à Kiew, à Яковъ Васильевичъ Ельчаниновъ et de faire expédier les provisions ordinaires aussi à Kiew, qu'on m'envoye de Pétersbourg et de Moscou. Des premières, on les a laissées à la maison, et Wlassow connaît les autres. Mais sans ce secours je ne puis continuer le service, même si l'on m'avançait: car je n'ai aucun mérite pour pouvoir demander une récompense pécuniaire et si j'en avais même, je n'aurais jamais le coeur de le faire. Si le tout s'accommode et que vous m'avertissez que je recevrai mon entretien annuel, je vous prie de l'instant même de commencer par m'envoyer des livres, et cela par toutes les occasions possibles: car, pour le bien du régiment et pour éviter la ruine totale de mes pauvres grenadiers, le maréchal m'a promis de faire cet hiver avec mon régiment, comme il a fait l'hiver passé avec celui de Kaulbars, c'est à dire de l'exempter de la garnison du quartier-général, où on est abî-

mé de gardes et de dépenses pour ces pauvres gens, qui sont excessives: le régiment sera donc dans le village où je passerai un hiver fort solitairement, puisque les compagnies seront séparées, et je n'aurai peut-être que la moitié d'une dans le village où je serai. Ainsi, malgré toutes les occupations que le colonel a pendant les quartiers d'hiver, j'aurai bien du tems de reste pour m'ennuyer suffisamment.

Vous me dites dans votre lettre par Tchélischew qu'on tâchera de nous désunir. Vis-à-vis de moi on ne l'a pas même tenté, et si on le faisait même, ce serait inutilement: car rien au monde ne me désunira d'avec mon cher Alexacha, le seul ami que j'aie et pour le quel je sacrifierai toujours ma vie avec une satisfaction extrême. Votre amitié m'est la chose du monde la plus chère, car elle fait la consolation de ma vie. Voici mes sentimens. Ils sont aussi sincères qu'inaltérables.

7 septembre 1773.

40.

Je vous écris cette lettre, quoiqu'elle vous arrivera peut-être fort tard, à cause que je ne sais pas quand partira le porteur. Il est allé à Yassy chez le maréchal pour avoir un semestre. C'est m-r Hibertowsky, second-major de mon régiment, officier de beaucoup de mérite, estimé du maréchal et de tous ceux qui le connaissent. Il a été déjà officier dans la dernière guerre. Ce sont ses besoins de famille qui l'obligent d'aller à Wibourg, où son père est mort il y a une année. Sa mère est restée avec un tas d'enfants et beaucoup de proches, et comme ils n'ont aucun protecteur, je vous supplie, mon cher Alexacha, de le devenir et de les aider de tout votre pouvoir que vous avez et que vos amis peuvent avoir.

Je vous prie de me faire expédier mes provisions au plus vite, parmi lesquelles je vous prie que l'huile de Provence et le vinaigre ne soient pas en petite ni médiocre quantité. Nous ne mangeons quasi que du froid pendant la campagne, et elle dure ici ordinairement plus de huit mois; ainsi vous pouvez croire quelle consommation il doit se faire, surtout du vinaigre que je donnais à mes gens dont j'ai une vingtaine: car c'est le seul préservatif contre les fièvres putrides qui sont ici plus communes et plus dangereuses que la peste. Pour l'huile, je vous prie qu'elle soit de chez Michel, et pour ce qui est du vinaigre, il faut que la

grande quantité soit ce qu'on appele Ренской ординарной, et une quinzaine de bouteilles. Pour du vin ordinaire et de la bière d'Angleterre qu'on m'envoyait autrefois, il n'est pas necessaire; mais il faut une centaine de bouteilles au moins de vin doux, d'une ou de deux sortes. Ceux qu'on m'a envoyés l'année passée de Malaga et de Tintillo di Rotta ont été excellents. Mais ce que je vous prie le plus, c'est des livres français et italiens, entre autres Métastasio, et puis des bas de fil, deux paires de bottes, un portefeuille, un crayon de poche, de l'emplâtre d'Angleterre, de la poudre et de la pommade pour toute une année, quelques livres de chocolat à la vanille et un couteau de chasse, avec un ceinturon.

Le 1 décembre 1773.
Entre Braïlow et Fokchani.

Et je suis encore fort loin de mes quartiers d'hiver.

41.

Margeneni, le 10 janvier 1774.

Monsieur Cointoux, qui vous remettra celle-ci, après avoir fait la campagne ici avec distinction, voyant qu'il n'avait rien à espérer dans le service militaire, l'a quitté pour voir s'il n'aurait pas le bonheur d'être placé chez nous autre part et avec moins de désavantage. Il a été 13 ans officier en France et, après avoir été déjà lieutenant, on lui fait perdre ici à sa réception un grade, de sorte qu'il se trouva être sous-lieutenant, voyant des lieutenants et des capitaines qui n'étaient pas nés quand il servait déjà. Ajoutez à ce désagrément celui d'être hors d'âge pour apprendre la langue du pays. Il devait être avancé comme lieutenant, mais il voyait bien que cela ne l'avançait pas de beaucoup, nos appointements étant tels qu'on ne peut absolument en subsister. Le général Mélessino le prend avec lui pour tâcher de lui procurer quelque place honnête, et comme c'est un fort honnête garçon, si vous pouvez par vous-même ou par vos amis lui faire quelque chose d'avantageux, vous m'obligerez particulièrement. Faites aussi quelqu'amitié au général Mélessino, qui m'en a témoigné ici.

Tous les ans mes gens me perdaient quelque chose des couverts de la table. Enfin, au bout de cinq ans je n'ai plus presque de couteaux et peu de cuillères et fourchettes, et ils ne sont pas fautifs pourtant: car

en campagne souvent, au milieu du dîner, on bat la générale; alors on arrache les tentes et on s'empaquète à la hâte et en confusion. Je vous prie donc de me faire l'amitié de m'envoyer par quelque occasion sûre deux douzaines de couteaux de France d'ébène et une douzaine de cuillères et une douzaine de fourchettes d'argent. Si vous pouvez me faire l'amitié de me faire faire 6 petites чарки d'argent et dorées en dedans avec un très-petit подносъ aussi d'argent, le tout pour l'usage de водка, dont il faut présenter à tout venant, suivant l'usage établi à l'armée, vous m'obligerez beaucoup. Je vous prie que ces чарки et ce подносъ soient très-petits et de la façon la plus simple.

Marquez moi, quand il y aura une occasion sûre, tout ce que vous savez sur le faux Pierre III.

42.

Kornechti, le 9 février 1774.

Ayant reçu votre lettre dont les fils du maréchal ont été les porteurs, je suis venu ici tant pour faire ma cour au maréchal, que pour les voir. Je suis ici depuis 3 jours et j'y resterai encore 4. Ils ne logent pas ici, mais à Yassy. Mais comme ce n'est que 8 verstes, ils y viennent tous les jours et ne font que coucher en ville. Ils sont tous les deux fort aimables, fort polis et fort prévenants; en un mot, il y a une grandissime différence entre eux et leur aîné *). Il paraît que le maréchal sent cette différence, et il ne peut le cacher par sa manière d'être avec eux: il est enchanté de leur présence. C'est réellement un plaisir de les voir ensemble. Avant que de partir d'ici, je vous écrirai par eux. Le maréchal me comble toujours de ses bontés, et je ne puis assez lui être reconnaissant.

Quant à ce que vous me marquez qu'on vous a bercé de fausse espérance pour moi, vous avez tort, mon cher ami, de vous fâcher: votre amitié pour moi ne doit pas vous aveugler. On ne pouvait et on ne devait pas me distinguer des autres; cela aurait été injuste, et j'aurais été le premier très-fâché très-sincèrement de cela. J'ai été recommandé avec le prince d'Anhalt, Péterson et Klitchka. Je n'ai rien fait plus que les deux premiers et infiniment moins que le dernier, qui certainement, après Weissman, est l'homme qui a le plus et le mieux servi la campagne passée,

*) Графъ Михаилъ Петровичъ. Два другіе брата, графы Николай и Сергѣй, пріѣзжали на время къ отцу, въ сопровожденіи Гримма. П. Б.

et cela tellement que si on l'avait avancé tout seul, personne de nous, sans une injustice extrême et un aveuglement impardonnable, ne pourrait se plaindre. Croyez que ce que je vous dis là est la vérité la plus pure. Je vous avoue aussi que je ne suis nullement ennuyé d'être colonel; que la seule chose qui m'a touché et qui me touche encore est de voir que Potemkine, qui a infiniment moins servi que moi, ce qui est assez dire, et qui a été lieutenant aux gardes tandis que j'étais déjà colonel, se trouve à présent brigadier. Quand je serai avancé, je serai toujours sous ses ordres, et cela m'est tellement sensible que d'abord après la guerre je prends mon congé. Klitchka est plus jeune que moi; on n'a qu'à l'avancer, je suis le premier à l'applaudir et je servirai sous lui avec agrément, parce que je sens qu'il mérite d'être avancé plus tôt; mais l'avancement de Potemkine est pour moi une pilule que je ne puis avaler. On a beau dire que je ne suis pas le seul à qui ce tort est fait: cela ne diminue pas celui qui m'est fait, et il est permis aux autres de le sentir ou non.

Pour revenir donc au nouvel an, je vous prie très-instamment de ne pas vous fâcher contre le comte Tchernischow et de continuer toujours à être bien avec lui. Vous croyez qu'il est fâché contre moi. Je ne sais pourquoi il le serait: je ne lui ai donné aucun sujet pour cela. Mais enfin, il est le maître; ce n'est pas lui que je sers, mais mon pays, et je le servirai tant que la guerre dure, à moins qu'un autre Potemkine ne me chasse avant qu'elle soit terminée.

43.

Le 9 avril 1774. Marguenini.

Votre lettre du 1 de mars avec le brouillon de celle que je dois écrire à m-r Élaguine vient de m'être envoyée hier seulement de Yassy. Je vous avoue, mon cher Alexacha, que votre écriture en russe est un vrai chiffre et que je n'ai pu la copier en entier, bien heureux si j'aie pu seulement attraper le sens. Je vous l'envoye; vous n'avez qu'à la cacheter et y mettre l'adresse. Je crains que vous n'attribuiez à un manque de sensibilité de ma part ce que je ne vous réponds jamais quasi dans mes lettres sur nos affaires domestiques; mais c'est par trop de sensibilité, au contraire, que je parle le moins possible d'une chose qui m'afflige et qui me tourmente même. Je voudrais n'y jamais penser, car toutes les fois que cette affaire me vient dans la tête, j'en suis accablé. Les procédés qu'on a eus envers nous sont d'une cruauté incroyable, et quand je me figure l'activité de ceux qui veulent notre ruine, il me semble alors que nous succomberons. Soyez actif aussi de votre part, mon ami; ne négligez pas, au nom de Dieu, le prince Orlow, qui, à ce qui me semble, nous veut du bien et qui est le seul qui peut nous soutenir. Quant à la portion inégale que vous

voulez faire de nos revenus, supposant que j'ai plus de dépense à faire, je n'y consentirai jamais, d'autant plus que mes besoins vont finir: c'est la dernière campagne que je fais.

Ma santé est encore plus délabrée que ma bourse, et mon régiment qui était, je vous avoue, la chose qui, après l'honneur, m'attachait le plus au service (car je ne me suis jamais soucié d'avancer) va être bientôt séparé de moi. Car, après la dernière promotion qu'on vient de faire, je reste déjà parmi les anciens colonels; ainsi, bon gré mal gré, il faut qu'on m'avance l'hiver prochain, et alors je quitte. Si l'on ne m'avance pas, je quitte encore, ne voulant plus être la victime de la malignité du climat et de fatigues horribles, tandis qu'on se soucie fort peu de ceux qui sont assidus à leur devoir. Je trouve très-désagréable d'être un jour sous les ordres de m-r le général Stroganow, qui au commencement de la guerre, sans avoir servi, est devenu colonel, qui n'a pas fait le quart d'une campagne: car pendant la première il se disait malade et avant qu'elle fût finie, il quitta l'armée; depuis ce tems il s'est promené dans les pays étrangers ou à Pétersbourg, et le voilà général. Le consolant c'est qu'il n'est pas le seul et qu'on se trouve avoir plusieurs supérieurs de cette trempe. Sans les bontés du maréchal, ma rage pour la cocarde et mon attachement pour mon régiment, j'aurais quitté encore d'abord après la campagne passée; mais tout s'use, et je suis déjà usé au dernier point. De tous mes camarades aucun ne s'est ruiné; plusieurs même ont eu le
t que je méprise de s'enrichir au dépens de la
et des pauvres soldats; mais j'ai fait 6.000 r. de

C'est une chose inévitable pour un quelqu'un qui est humain et qui a pendant quatre ans quinze cents braves, honnêtes et pauvres gens à commander et quand en les aidant il peut leur procurer d'être moins malheureux et moins malades. Après notre séparation de biens d'avec mon père, je vous supplie, mon ami, de vendre une petite terre de 150 paysans, comme Семеновское, pour que je puisse, en payant mes dettes, quitter l'armée avec honneur, après quoi, vivant tranquillement à la maison, quinze cents roubles par an seront plus que suffisants pour ma dépense.

44.

Au camp près de Bakow, le 26 avril 1774.

Le général Goudowitz m'a remis avant-hier votre lettre du 22 mars, où vous me parlez de certaines propositions faites à mon père à mon égard et sur lesquelles notre ami Lafermière vient de m'écrire, à ce que vous dites; mais je vous jure que je n'ai pas reçu la lettre de Lafermière et que mon père ne me dit mot sur aucune proposition faite à mon sujet. Ainsi, ne sachant en quoi elles consistent, je ne puis rien répondre. Je vois seulement qu'elles viennent de Григорій Александровичъ *), auquel je vous supplie de faire mes respects et de lui témoigner ma sensible reconnaissance pour la bonne volonté qu'il me témoigne et avec laquelle, si elle continue, je ne suis plus dans le cas d'être persécuté à l'avenir par m-r de Tchernischew. Autant qu'il me paraît, on veut me placer aux gardes; mais il y a mille choses qui m'empêchent de prendre ce parti. Primo, parce que tant que la guerre dure, ou je ne servirai qu'à l'armée, ou je ne servirai pas du tout, comme je le ferai aussi après cette campagne, ayant résolu de quitter le service. Secondo, si on fait la paix, comme il faut croire qu'on la fera cet hiver, je ne puis entrer dans les gardes que comme premier-major, et cela encore dans un régiment où il n'y a pas d'autre premier-major plus ancien que moi,

*) Потемкинъ, звѣзда котораго въ это время заблистала ярко. Онъ смѣнилъ графа Чернышова въ управленіи Военной Коллегіей. П. Б.

sans quoi je serais un zéro en chiffres, c'est ce que je ne veux être en aucune façon et, étant ancien premier-major, je servirai comme je suis accoutumé de servir, c'est à dire avec la plus stricte exactitude possible, et c'est ce qui n'est pas praticable dans les gardes, où le relâchement dans la discipline et dans la subordination est au comble. Ainsi je me ferai beaucoup de mauvais sang, je me procurerai beaucoup d'ennemis et de calomniateurs et après m'être donné mille peines inutiles, je serai obligé d'y renoncer, ayant par dessus le marché mille ennemis sur le dos.

Voilà tous les inconvénients que je vois; mais si Григорій Александр. veut me faire du bien, il en a tous les moyens, d'autant plus qu'il est témoin oculaire si j'ai bien servi ou non, et si c'est par partialité ou par justice que le maréchal m'a recommandé pour les affaires du 12 et du 18 de l'année passée. Je ne serai pas du tout flatté d'être fait brigadier sans rime et raison. Cela a un air de faveur que je ne trouve pas honorable; mais, si en m'avançant on fait mention de ces deux quantièmes et qu'on me donne l'ancienneté dès l'un de ces deux jours de l'année passée, cela me sera honorable, cela répondra aux recommandations du maréchal et cela prouvera que si on ne m'a pas avancé, c'est m-r de Tchernischew qui en est la cause.

Si Григорій Александровичъ croit qu'il est difficile de renouer cette affaire et qu'il me veut du bien en même tems, il peut fort décemment faire intervenir le maréchal, en lui écrivant une lettre pour l'engager à faire une représentation en ma faveur. Le maréchal me fait beaucoup de bien, et il le fera dès qu'il croira qu'il ne

sera plus aussi utile, comme par le passé. Je vous avoue toujours que la guerre finie, je quitte; mais au moins j'aurai la consolation de n'avoir pas été trop maltraité au service; car, malgré l'ancienneté du 12 et du 18 de l'année passée, il y a toujours plusieurs, comme Drewitz et Prosorowsky, qui m'ont fait des passe-droits. Enfin, après cet avancement, si l'on veut me faire premier-major dans un régiment aux gardes, où il n'y aurait pas de plus ancien major que moi, ce ne sera que pour vous complaire, mon cher ami, que je prendrai sur moi cette charge désagréable, d'autant plus qu'il faudrait absolument que je loge au régiment, et après la campagne finie je me rends à Pétersbourg. Mais pour être premier-major plus jeune qu'un autre, je ne puis y consentir; car, après avoir déjà commandé à plusieurs reprises par 4 et 5 bataillons et après avoir commandé deux régiments d'infanterie, je trouve très-ridicule de mener gravement à cheval 150 hommes qui montent la garde et de n'être au reste qu'un zéro en chiffres.

Au reste, je ne conçois pas comment mon père ne m'a rien écrit sur cela et comment la lettre de Lafermière ne m'est pas parvenue.

45.

Du camp près de Braïlow, le 9 mai 1774.

On commence plus que jamais à parler de paix, et il semble qu'elle se fera indubitablement. Ainsi je me remets totalement à votre disposition par rapport aux gardes, pourvu que ce soit comme premier-major.

Le fils du maréchal a raconté ici dans toute l'armée comme si vous avez présenté une supplique contre mon père. Vous ne sauriez vous représenter combien cette calomnie me cause de chagrin par la mauvaise impression que cela fait dans le public. Je suis persuadé que vous ne viendrez jamais à une pareille extrémité, qui me mettrait au désespoir. Je suis indigné de voir à quel point on est méchant dans ce monde et avec quelle satisfaction on saisit toutes les occasions pour calomnier son prochain.

Tâchez de faire que Rontzow soit fait, dans le même régiment où je serai, lieutenant aux gardes. C'est un joli garçon, excellent officier, qui a parfaitement servi la campagne passée, qui a été blessé, qui enfin de toute façon mérite qu'on fasse sa fortune. Mon père aura beau être injuste envers nous, je ne pourrai jamais cesser d'aimer Rontzow, comme un frère, qui mérite toute l'amitié et la tendresse possible. Je vous le recommande, mon cher Alexacha; aimez le: il le mérite.

46.

A Fokchany, le 14 mai 1774.

Je suis venu ici pour deux jours faire ma cour au maréchal et pour m'ouvrir à lui sur la proposition qui m'a été faite, parce que j'ai cru qu'il n'était pas convenable, qu'il n'était pas décent et qu'il était même ingrat de ma part de cacher quelque chose que ce soit qui me regarde à mon bienfaiteur et à l'homme à qui je dois tout dans cette guerre. Il a pris très-bien cette ouverture, m'a conseillé d'entrer dans les gardes, en tâchant pourtant de n'être pas exclu du rôle de l'armée, m'a conseillé d'écrire une lettre de remercîment à Григорій Александровичъ et m'a dit de la lui remettre et qu'il l'enverra dans celle qu'il écrira lui-même à Григорій Александровичъ en ma faveur. Je vous envoye la copie de la mienne, ou plutôt c'est l'original: car c'est de la main de mon ami Zawadowsky, qui me l'a composé. Je parle dans cette lettre des passe-droits qu'on m'a faits en général. Ici je vous expliquerai les plus sensibles qu'on m'a faits.

Je ne parle pas de Prozorowsky, quoi qu'il était encore à l'école, que je servais déjà effectivement comme lieutenant aux gardes et que j'étais, au commencement de cette guerre, lieutenant-colonel et commandant d'un bataillon de grenadiers à la seconde armée, tandis qu'il n'était que premier-major. Григорій Александровичъ peut se ressouvenir lui-même que ce Pro-

zorowsky a été fait colonel pour avoir porté la nouvelle d'une affaire où 4 mille Turcs se sont enfuis devant 40 milles Russes et leur ont abandonné deux mauvais canons de fer. Je ne parle pas non plus de deux capitaines aux gardes qui ont été en Morée et qu'on a fait brigadiers l'année passée et généraux-majors cette année-ci, car on dirait que je pense trop tôt à être général; mais je parlerai seulement de Бѣгичевъ, qui a été plus jeune lieutenant-colonel et plus jeune colonel que moi et qui, par le moyen du comte Tchernichew, est devenu brigadier, je ne sais comment, quoiqu'il y ait deux ans qu'il n'est plus à l'armée. Ainsi au moins, après avoir cité les autres, appuyez, je vous prie, sur celui-ci. Parlez aussi, je vous prie, à m-r Strékalow pour qu'au moins on fasse mention dans l'oukase de l'affaire du 12 juin de l'année passée et qu'au moins j'aie l'ancienneté de cette date et surtout, qu'en me plaçant dans les gardes, je ne sois pas *выключенъ изъ военнаго списка*. Le maréchal le désire, et je le désire encore plus ardemment.

Je m'en retourne à l'armée.

47.

Ce 27 mai 1774. Sur la Yalomitza.

Le comte Razoumowsky *) vient d'arriver et m'a remis une lettre de mon père, par laquelle il me prie d'accepter la proposition de Григорій Александровичъ et m'en parle comme d'une chose dont il croit que j'étais déjà informé. Le comte Razoumowsky m'a dit qu'il croit pour sûr que ce n'est que second-major qu'on veut me faire. Je vous prie donc, aussitôt que vous recevrez celle-ci, d'aller vous éclaircir tout droit chez Григорій Александровичъ et le prier vous-même et par m-r Élaguine que si on ne me fait pas premier-major, je regarderai comme une grâce de n'être pas fait second, quand même on me ferait général-major avec cela: parce que dans les gardes, quand on se trouve dans des commandemens avec d'autres régimens de garde, on suit l'ancienneté qu'on a dans ce corps, et par là je pourrai me trouver sous les ordres de Tolstoï, chose que je ne puis supporter. Je sais qu'il y a des lieutenants-généraux, second-majors et des généraux-majors, qui, étant premiers, les commandent: tant pis pour ces lieutenants-généraux qui restent dans les gardes. Pour moi, je n'y consentirai jamais.

---

*) Графъ Левъ Кириловичъ. П. Б.

On a fait Dolgorouki de colonel premier-major dans le régiment de Préobrajensky; si on ne peut pas pour moi faire la même chose, Григорій Александровичъ peut, sans me placer aux gardes, me faire du bien ici; mais, au nom de Dieu, empêchez qu'on ne me fasse second-major, par quoi vous m'éviterez beaucoup de disgrâces: car, dès que j'apprends que je suis fait second-major aux gardes, je prends mon congé à l'instant-même, ayant déjà ma supplique toute prête.

ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

48.

A Pétersbourg, le 8 novembre 1775.

J'ai reçu aujourd'hui votre lettre de Matrénino du 2 de ce mois, ce qui est, à ce que vous me marquez, la veille de votre départ de cette terre. Elle doit être bien embellie après les dépenses de 16 milles roubles faites depuis 5 ans, et comme il est très-nécessaire de continuer à la bien entretenir et arranger ce qui y manque encore (puisque ce sera notre port de retraite, quand les vents nous seront contraires, ou pour mieux dire plus contraires encore qu'ils ne sont déjà à présent), il n'y a pas à regretter la somme de 1000 roubles que vous destinez annuelement pour cet article. Nous sommes assez riches en arbres fruitiers, à ce que j'ai vu par la liste. Je suis bien aise surtout de ce qu'il y a tant de cerises. Votre petit Boriska écrit joliment.

Mon père a pris fort bien la dépense que nous avons faite de son argent. Il m'a dit qu'il en est bien aise, puisque cela nous a été utile. Je suis pénétré de reconaissance pour tous ses procédés envers nous. Il cherche sincèrement toutes les occasions possibles à nous faire des avantages, et si jamais il a eu quelques torts envers nous, il les répare bien. Je ne

lui ai pas encore parlé de la cession de la maisonde Moscou, parce que je suis d'un caractère que plus on me fait du bien, plus je suis réservé à demander des nouveaux bienfaits; plus il m'accable de bontés, moins j'ai de courage à lui demander quelque chose. Pourtant je tâcherai de me vaincre et je le prierai avant mon départ d'ici, qui sera dans quatre jours. Je ne puis partir avant, parce que mon père me retient jusqu'à présent et que je ne puis lui refuser ce plaisir.

Mon père m'a dit que m-r Élaguine a écrit à sa femme qu'il courait un bruit à Moscou que mon père s'est marié avec je ne sais quelle fille. Ça le chagrine beaucoup. Vous ne sauriez croire combien il est sensible à ce bruit.

49.

Riga, le 17 octobre 1776.

Nous sommes arrivés ici hier au soir. La journée d'aujourd'hui a été employée à dîner chez le gouverneur, qui nous fit beaucoup d'amitiés. Il s'est informé de vous et a parlé de vous comme un homme qui prend part à tout ce qui vous regarde. Madame Browne, que je n'ai jamais connue (car il n'était pas encore marié quand nous retournâmes des pays étrangers), est une femme très-polie et très-obligeante. Elle m'a dit qu'elle vous a connu à votre retour de Hollande. Après dîner nous avons fait des visites, couru la ville et les boutiques, parmi lesquelles il y a celle d'un libraire qui est assez bien fourni de livres. J'ai à me louer de m-r Dahl et de m-r Бухвостовъ, qui est aussi de la douane et qui, parce qu'il est sous vos ordres, est venu me faire mille politesses. Je vous prie de les remercier tous les deux.

Plus je m'éloigne de vous, mon cher Alexacha, plus le coeur me saigne. Je ne me suis jamais séparé de vous avec tant d'amertume et de douleur que cette fois-ci, et certainement toutes les autres fois j'ai senti un chagrin inexprimable.

Adressez mes lettres jusqu'au mois de novembre à Vienne, et après cela adressez les à Venise.

Mes complimens à m-rs Nicolaï, Épinus, Péterson, Tamara et Neibousch. Embrassez de ma part Петръ Васильевичъ et Анна Сергѣевна. Faites bien des amitiés à m-r Grimm. Mon compagnon de voyage *) me devient de jour en jour plus cher. Vous vous souvenez sans doute de la prédilection que j'avais toujours eue pour lui. Elle se tourne à présent en une amitié fondée sur la douceur de son caractère, sur sa modestie, sur sa sensibilité d'âme avec une gaieté charmante; en un mot, il m'a captivé absolument. Je regarde comme un bonheur particulier d'aimer sincèrement le fils de mon bienfaiteur, indépendamment des bienfaits que j'ai reçus du père.

*) Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ? П. Б.

50.

Pise, le 17 (28) mars 1777.

Il y a ici un homme de lettres que je connais, qui a été en Russie et qui sait un peu notre langue. Comme je reçois mille politesses de lui et que je profite avec lui dans mes progrès de la langue italienne, ayant vu qu'il désirait avoir quelques livres russes, je veux les lui procurer. C'est pourquoi je vous prie de m'envoyer par la voie du comptoir de Tomson et Piters une petite pacotille de livres, consistant dans tout ce qu'il y a d'imprimé de Ломоносовъ et de Сумароковъ, les Ежемѣсячныя Сочиненія, qui se trouvent à l'Académie, Жилблазъ, Камчатская Исторія и переводъ Квинта Курція покойнаго Крашенинникова. Dans les oeuvres de Lomonossow il ne faut pas oublier sa Rhétorique. Vous ordonnerez au егерь qu'il adresse le paquet à m-r Henri et Abel Fonnereaux à Livourne.

51.

Pise, le 6 (17) octobre 1777.

Hier au soir je suis retourné dans cette ville, ayant débarqué à Serici, très-content de ma navigation et ayant vu le plus beau pays du monde, c'est-à-dire les côtes de l'état de Gènes. Serici, où j'ai mis pied à terre, est dans le golfe de la Spezzia. Le golfe est, je crois, le port de l'univers le plus admirable: puisque 5 escadres, chacune de 50 vaisseaux de ligne, peuvent entrer dans les sinuosités, sans être vues l'une de l'autre, et être toutes à couvert de tout vent. Je m'arrêterai ici 4 à 5 jours, j'irai à Livourne, où je passerai autant. En retournant à Pise, je ne m'arrêterai que 2 ou 3 jours et j'irai à Florence et de là à Rome.

52.

Rome, le 16 (27) avril 1778.

Je resterai encore ici 10 à 12 jours, après quoi j'irai en Toscane, de là à Venise pour y passer un mois, de là à Vérone, Bergamo, Vicence, Brescia et peut-être aux lacs de Côme et Maggiore; après ça, vers le mois d'août, je quitterai l'Italie, je passerai par la Saxe, par Varsovie, Kiew et les terres de notre ami *), où je m'arrêterai quelque tems, et par le premier traînage vous me verrez arriver à Pétersbourg. Ecrivez moi plus souvent et avec un style moins lacédémonien.

*) Говорится про графа П. В. Завадовскаго, который передъ тѣмъ удалился отъ двора въ Черниговскую свою деревню. П. Б.

53.

Въ бытность посланникомъ при Венеціанской республикѣ.

Venise, le 16 (27) février 1784.

Je vous remercie infiniment pour la lettre détaillée que vous m'avez écrite de Matrénino du 24 décembre. Je ne puis que vous remercier encore pour tous les arrangemens que vous avez pris et pour tout ce que vous faites pour moi.

Quant à mon ombrage et mécontentement de la donation de la maison d'Абуховъ *), permettez moi de vous dire que c'est absolument de votre faute, si je les ai eus. Pourquoi ne me l'avez vous pas dit dans le moment et l'intention dans laquelle vous le faisiez? Mais vous ne m'avez parlé de cette donation que deux jours après le départ de mon père et sans ajouter autre chose que: tant que vous ne demeurerez pas dans cette maison, vous me donnerez le loyer que paye la duchesse de Kingston. Jugez vous-même quelle impression cela devait me faire? Le revenu de cette maison m'avait été donné, comme vous le saviez, par mon père, pour m'aider quand je voulais me marier, et je le perdais par cette donation: puisque, si je re-

*) Т. е. у Обухова моста, въ Петербургѣ.

tournais et que vous alliez y loger, je n'avais plus rien à prétendre. Je perdais donc ce revenu et la valeur de la moitié du capital de cette maison, après m'être marié, après avoir eu un fils, ayant ma femme grosse d'un autre enfant, ayant par conséquent indispensablement plus de dépenses à faire que vous, et ces dépenses devant s'augmenter à mesure que mes enfants croîtront en âge. Ajoutez à cela que ceci m'arrivait dans l'année où vous aviez eu une gratification et puis l'argent de table. Vous savez que je ne suis envieux de personne, encore moins de mon frère; mais il m'était très-sensible que dans ces circonstances on me privait de ce que mon père m'avait donné sa vie durant et de la moitié qui devait me revenir de cette donation après sa mort. Considérez donc, je vous prie, s'il m'était pardonnable de m'en ressentir. Je vous assure pourtant et je l'ai dit alors même à ma soeur, que j'étais moins mécontent de vous que de mon père.

J'étais pourtant résolu de ne me plaindre vis-à-vis d'aucun de vous deux; mais le ressentiment augmentait à mesure que je voulais l'étouffer. Je n'ai pu résister à l'envie de m'expliquer avec celui que je croyais m'avoir lésé davantage et j'écrivis à mon père deux lettres trop vives sans doute et que le sentiment d'une injustice éprouvée peut justifier à peine. A la fin, je lui ai écrit une fois que je lui demande pardon et que de la vie je ne lui parlerai plus sur cette matière. Aussi je n'aurais jamais soufflé le mot sur tout ce qui me serait arrivé de pareil, ayant pris le parti de m'en remettre absolument à la Providence. Je suis bien aise que vous avez vu ces lettres, car vous avez dû voir que je ne me plains que de lui-même et je

retourne à vous dire que, quoique j'étais persuadé que vous aviez tort, je croyais que mon père en avait beaucoup plus vis-à-vis de moi, et tout ceci venait, comme je le crois à présent, non de la chose, mais de la manière dont vous l'avez faite. Votre intention était pure. Vous le prouvez invinciblement par la manière dont vous arrangez nos affaires et qui est digne de tout ce que vous m'avez témoigné d'amitié autrefois; mais, bien loin de m'expliquer alors votre intention, vous me l'avez rendue si obscure et si énigmatique que qui que ce soit qui aurait été à ma place, aurait été dans l'opinion qu'on agissait mal envers lui. Sans doute, il aurait été plus beau à moi de ne pas croire alors à vos propres paroles ou de les interpréter autrement que ne le portait leur sens précis. Je ne l'ai pas fait, et j'en suis très-mortifié.

La manière dont je croyais que nous étions ensemble depuis cette maudite affaire empoisonnait ma vie. Il était affreux qu'après avoir passé plus de la moitié de notre carrière en frères, nous avions à terminer le reste en étrangers. Cette idée était affreuse; mais heureusement ce voile horrible, qui nous cachait l'un à l'autre depuis 9 mois, est déchiré, et nous allons être comme par le passé. Au moins c'est ce que je désire ardemment, parce que cela augmentera ou pour mieux dire me rendra le bonheur de ma vie.

54.

13 (24) juillet 1784.

Je commence à avoir un rayon d'espérance de plus pour le rétablissement de ma femme. Nous la faisons promener deux fois par jour en carrosse. Toute la difficulté est de l'amener jusqu'à la voiture; car elle est si faible que, soutenue de deux côtés, à peine traîne-t-elle les jambes. Elle est méconnaissable; mais il paraît qu'elle commence à reprendre des forces. Le lait passe bien. Toutes les fois qu'elle tousse, ce qu'elle fait déjà moins fréquemment, elle crache une matière cuite, et sa respiration est moins gênée. En un mot, j'ai l'espérance que dans 5 ou 6 semaines elle sera en état d'aller à Pise, où elle se remettra totalement dans ce climat béni.

55.

Pise, le 8 novembre n. s. 1784.

J'ai reçu depuis cinq jours cinq de vos lettres, du 13, 14, 17 et deux du 22 de septembre. Les trois premières m'apprennent que la nouvelle de mon malheur vous est parvenue indirectement de Vienne. Je suis bien reconnaissant, mon cher Алексаша, pour la part que vous prenez à mon horrible sort et surtout pour les regrets que vous témoignez pour la mort de ma chère Катерина Алексѣвна. Je vous assure sur mon honneur qu'elle vous était attachée. Mon malheur n'a pas de pareil. Chaque jour empoisonne de plus en plus mon âme. J'ai été trop heureux pour ne pas sentir que je ne suis plus ce que j'ai été et que l'horrible état dans lequel je me vois durera tant que durera ma misérable vie. J'ai toujours présents à ma mémoire ces mots de ma femme le premier mois de sa maladie, quand elle croyait et que nous étions tous persuadés qu'elle était hors de danger: *En vérité, mon cher Сенюша, Dieu aurait eté trop cruel, s'Il nous avait séparés.* C'est en pleurant et en m'embrassant qu'elle me disait ces paroles. Nous voilà séparés! Il n'y a plus de Dieu pour moi, et s'il y a quelque être, ce ne peut être qu'un très-malfaisant, qui accable avec atrocité ceux qui jouissent de leur bonheur avec pureté et innocence *).

---

*) Конецъ этого письма напечатанъ въ IX-й книгѣ. П. Б.

56.

Передъ Лондонскимъ посольствомъ.

Pise, 13 (24) janvier 1785.

Vous me pressez toujours, mon bon ami, de partir au plus vite et vous avez même répondu à l'Impératrice que je quitterai Pise à la fin de janvier; mais sur mon honneur, cela m'est impossible: car, à part ma santé, qui exige que je fasse une cure pendant tout le mois de mars, je ne puis en conscience risquer mes pauvres enfans. Ayant été obligé d'envoyer Bonachewsky, qui est auprès des jeunes Bacounine, à Venise, il a trouvé tant de neiges sur les Apennins entre Florence et Bologne, qu'il n'a pas pu avancer et qu'il fallait rassembler les paysans des environs pour se frayer une route; il a pensé mourir de froid. Or, s'il y a tant de neiges sur les Apennins, que sera-ce sur les Alpes? D'ailleurs, ma santé est telle que si je ne fais pas une cure bien suivie, je ne crois pas pouvoir arriver plustôt à Londres, étant persuadé que j'aurai quelque part en route une maladie sérieuse, et peut-être dans un endroit où je manquerais de tout secours. Je ne crains pas la mort, mais l'endroit où cela pourra m'arriver: car, si c'est ici, à Francfort ou à Londres, je sais que le comte Mocenigo, le comte Roumantzow et la famille et les amis de Harris auront soin de mes enfans jusqu'à ce que vous en puissiez prendre soin; mais que devien-

draient-ils entre les mains d'un enfant étourdi comme B....e, un maître d'hôtel italien et des domestiques dont le meilleur ne vaut pas grande chose quant à la tête et au jugement.

Je vous supplie donc de ne pas trouver mauvais que je reste ici jusqu'à la moitié d'avril nouveau style, ou au moins jusqu'au 8 ou 10, ce qui revient jusqu'à la fin de mars v. s. Je suis persuadé que vous ne me presserez de partir que parce que vous croyez que l'Italie entretient ma douleur; car vous ne pouvez pas croire sérieusement que ma présence soit nécessaire à Londres. De la manière dont on nous traite, nous sommes absolument inutiles: on ne nous écrit jamais rien, on ne nous informe que des ordonnances imprimées en Russie et on ne nous répond sur aucune de nos dépêches, dont on ne daigne pas même nous accuser la réception. Si on nous tient pour avoir seulement des nouvelles un peu plus certaines que les gazettes, on pourrait dans ce cas ménager mieux l'argent de l'Impératrice et ne tenir que des agens. Je suis persuadé que tout ce que me communiquera le ministère anglais, tout ce que je lui dirai, si jamais j'ai occasion de lui dire quelque chose, tout cela le même ministère le communiquera à Fitzherbert, au lieu que tout ce que celui-ci dira et ce qu'on lui communiquera chez nous, ne me sera jamais communiqué par mes chefs.

En un mot, la manière dont on traite chez nous nos ministres au dehors, depuis que mon oncle a quitté les affaires, est humiliante *), et je vous proteste que si

*) Графъ Михаилъ Илларіоновичь, управляя Иностранною Коллегіею, переписывался часто со всѣми нашими послами, посланниками и ди-

j'avais assez de bien à moi pour pouvoir vivre en Angleterre sans le service de la couronne (ce qui m'est nécessaire pour l'éducation de mes enfans), j'aurais pris mon congé, préférant de vivre en particulier que d'être ministre sans ministère. Dans la fameuse instruction qu'on m'a donnée à mon départ pour Venise, qui n'était faite que pour m'induire en erreur si je ne savais particulièrement les sentimens de l'Impératrice, parmi le verbiage dont elle était remplie, il m'était ordonné de tâcher d'obtenir le pardon du comte Mocénigo. Avant que de présenter mon mémoire à son sujet*) et après l'avoir fait, j'ai représenté à la cour, à plusieurs reprises, qu'il fallait appuyer ma demande en parlant fortement à Foscari à Pétersbourg. On ne l'a fait que quand la chose fut terminée et on ne m'accusait rien; on ne me répondit pas même, ainsi que sur une pareille représentation que j'ai faite au sujet d'un autre mémoire que j'ai donné par rapport à Benachi, qui fut dépouillé par les Vénitiens d'un manière si impudenté que celą ressemble plutôt à une scène d'Algérie ou de Tripoli qu'à une procédure d'un gouvernement bien organisé et équitable. La justice et la dignité de la cour exigeaient qu'elle protégeât son sujet opprimé; mais comme on ne me fit pas l'honneur de répondre, je ne sais jusqu'à présent si on l'a fait ou non.

пломатичискими агентами, сохранялъ черновыя свои къ нимъ письма и кромѣ того велъ своеручно краткій дневникъ своихъ сношеній и дѣлъ по службѣ. Все это сохранилось въ архивѣ князя Воронцова, въ Одессѣ, и не печатается только потому, что заняло бы собою еще нѣсколько книгъ. П. Б.

*) Гдѣ эта Записка, не знаемъ. Сохранялась въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ другая Записка графа Воронцова о графѣ Моцениго, напечатанная въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 года. П. Б.

Je vous dirai à présent pourquoi j'ai été obligé d'envoyer à mes frais Bonachewsky à Venise. Ayant appris qu'on n'a donné aucune instruction à m-r Krudner, auquel on ordonna de s'en rapporter à celle qui m'a été donnée, et comme on ne m'ordonna pas de la laisser, je l'avais prise avec moi pour la remettre à mon retour au département des affaires étrangères. Je fus donc obligé de renvoyer cette fameuse pièce à mon successeur. A moi on ne donna rien pour l'Angleterre, me renvoyant aux papiers que je trouverais sur les lieux; mais il se peut que m-r Simoline aura pris plusieurs papiers avec lui, car tout est possible chez nous.

J'ai fait mon rapport à mon arrivée à Venise, que non seulement je n'ai trouvé aucun papier, mais que j'ai vu qu'il y avait même des clefs de chiffres perdues, à quoi on ne fait aucune attention chez nous. Il me semble que le comte Panine a ensorcelé le Collége, que même après sa mort l'ordre ne peut se rétablir. Гр. Александръ Андреевичъ n'a pas le tems, le vice-chancelier manque de moyens et m-r Bacounine de volonté; aussi ce département est le plus désordonné de l'Empire.

Il y a quelques semaines que je me trouve en état de lire, et j'ai relu de nouveau les Négociations de m-r d'Estrade et la Correspondance du cardinal Mazarin et de m-r de Brienne avec les plénipotentiaires français à Munster. Quand je considère comme la cour informait ses ministres non seulement sur tout ce qui regarde les affaires du pays où ils se trouvaient, mais même sur tout ce qui se faisait dans les autres cours à la même époque, je ne m'étonne guère de ce que

ces messieurs faisaient bien les affaires, et c'est le seul moyen de former des ministres.

Toute mon espérance est dans votre amitié. J'espère que vous m'informerez toujours des choses principales et que pour les choses courantes vous chargerez (n'en ayant pas le tems vous-même) Saugy de m'en informer régulièrement, et que vous obtiendrez par le comte Bezborodko qu'il sera ordonné au vice-chancelier de me communiquer tout ce que dira Fitzherbert et tout ce qui lui sera communiqué de chez nous. Le bien des affaires demande qu'on fasse la même chose avec tous nos ministres. Je vous conjure aussi de m'envoyer par le premier courrier qui passera par Francfort (en priant le comte Roumantzow de garder le paquet jusqu'a mon arrivée) un tableau circonstancié de notre position vis-à-vis de toutes les cours de l'Europe: quelle fut la conduite de celle de Berlin envers nous dans les affaires que nous avons eues au sujet de la Crimée; comment est allée la négociation par rapport à Dantzig et quelle opinion avez vous sur cette négociation, et si le comte Stackelberg a su bien masquer sa partialité pour le roi de Prusse; enfin, comment ce dernier a agi à Pétersbourg dans les démêlés actuels des Pays-Bas. Je vous prie surtout de me détailler notre disposition pour l'Angleterre et s'il est probable qu'on reprendra à cet égard le système des années 46 et 47.

J'ai vu dans les gazettes une prétendue lettre de l'Impératrice au roi de Prusse et je désire bien sincèrement qu'elle fût vraie, car elle s'y explique franchement de vouloir soutenir l'Empereur avec toutes

ses forces. Elle ne peut pas faire autrement après ce qu'il a fait pour elle, quoique cela ne soit pas l'avis de m-r Wisin *) qui, en passant par ici, a dit au comte Mocénigo que l'Impératrice ne doit pas soutenir l'Empereur, que la seule alliance naturelle à la Russie est celle de la Prusse unie avec la France; enfin, il termina son discours en faisant un éloge pompeux du roi de Suède. On dirait que l'âme du c. Panine est passée dans son corps. Mais ce qui m'a étonné, c'est son indiscrétion: car il désapprouve hautement notre ministère actuel et prétend qu'avec la fin du ministère de son protecteur est fini aussi l'éclat dont a brillé la Russie eu Europe. Mon cousin Ларіонъ Ивановичъ m'a dit l'avoir vu à Rome du dernier bien avec le cardinal de Bernis, qui le distinguait prodigieusement.

Quelques Russes ont reçu la nouvelle comme si le prince Wiasemsky allait se retirer et comme si Krétchetnikow aura sa place. Ce dernier article me paraît si singulier que je ne crois pas même au premier. Braïco m'écrit que le duc de Courlande a été fort intimement avec l'agent du roi de Prusse à Venise et qu'il a dit à tous ceux qui voulaient l'entendre toutes les horreurs imaginables de Krudner. J'ai eu des nouvelles de Naples que le le c-te Scawronsky se conduit comme un extravagant et qu'il a très-malhonnêtement agi envers le c-te Razoumowsky. Il va d'un train à se ruiner au bout de 3 ans.

Je me ferai un plaisir d'avoir auprès de moi le jeune Boutourline. Est-il à la fin officier aux gardes?

---

*) Знаменитый Д. И. Фонвизинъ, приверженецъ графа Н. И. Панина, писавшій въ то время свои письма къ брату сего послѣдняго. П. Б.

Comme il partira à la fin du mois prochain un vaisseau de Livourne pour Pétersbourg, j'enverrai par cette occasion 6 petits barils du meilleur vin de Syracuse pour vous, pour mon beau-père, pour Петруша*), pour le c. Bezborodko et pour m-r Bacounine.

Comme j'ai à passer par la Flandre autrichienne et française, il me semble que j'ai besoin d'avoir un passeport de notre cour comme un ministre qui va résider en Angleterre; car il est ridicule que je présente, surtout arrivé à Douvres, mon passeport d'envoyé à Venise. On a la rage de les demander aux voyageurs dans toutes les places de guerre, et comme dans ce pays-là peu ou personne entendent l'allemand, je voudrais que sur le dos du passeport russe on mît la copie en français au lieu de l'allemand.

Je me flatte que vous serez content de mon cousin Ларіонъ Ивановичъ. Il s'est beaucoup formé; il s'est beaucoup appliqué à la lecture et a un excellent caractère.

---

*) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ

ГРАФА

ДМИТРІЯ ПЕТРОВИЧА

БУТУРЛИНА.

Директоръ Императорскаго Эрмитажа, племянникъ графовъ Воронцовыхъ, сынъ старшей сестры ихъ графини Маріи Романовны, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ род. 14 Декабря 1763 года, скونч. 7 Ноября 1829 года во Флоренціи (гдѣ имѣлъ дворецъ съ православною церковью и гдѣ потомство старшаго его сына живетъ доселѣ). Это былъ истинный другъ наукъ и искусствъ, любовь къ которымъ унаслѣдовалъ онъ отъ своихъ дядей, въ особенности отъ графа Александра Романовича, облегчавшаго ему возможность заниматься собираніемъ книгъ и учеными занятіями: графъ Бутурлинъ былъ очень богатъ, и въ тоже время дѣла его были въ постоянномъ разстройствѣ, изъ котораго выручалъ его старшій его дядя, старый холостякъ, опытный хозяинъ и дѣлецъ. Въ ученомъ мірѣ знаменита библіотека, собранная графомъ Бутурлинымъ и имѣвшая нѣсколько печатныхъ каталоговъ. Біографія графа Д. П. Бутурлина помѣщена въ Русскомъ Архивѣ 1867 года. П. Б.

1.

Къ графу Семену Романовичу.

Ce 1 janvier 1780.

La mode, ce tyran de la raison, oblige un chacun de féliciter ses parents et ses amis au renouvellement de l'année. Je me hâte donc de me conformer à cet usage que je trouve très-sensé et qui me plaît beaucoup, puisqu'il me fournit l'occasion de vous répéter combien je vous aime et combien je suis affligé d'être privé si longtems du plaisir de vous voir. Oui, mon très-cher oncle, lorsque je réfléchis sur le tems qui s'est écoulé depuis que je n'ai reçu de vos nouvelles, je suis quelquefois tenté de croire que vous ne m'aimez pas autant que je le désire, et si cette idée vient à s'enraciner dans mon cerveau, vous courez risque d'être noyé dans un déluge de lettres. Je vous prie donc de venir me voir: vous vous épargnerez ce fatras de papier barbouillé, et moi je serai persuadé que mes doutes sur votre amitié sont mal fondés.

Vous ne me croirez peut-être pas, mais il n'en est pas moins vrai, que vous êtes sans cesse dans mon imagination. Si je suis dans la classe de logique, je cherche un argument qui vous démontrât le tort que vous avez de faire souffrir celui qui vous aime tant. Dans les langues je suis indécis de celle que je dois préférer pour vous exprimer tout mon attachement. Dans les mathématiques je calcule la distance qui nous sépare, le tems qui me reste à être éloigné de vous. Enfin, dans toutes mes occupa-

tions je ne vois que vous, je ne pense qu'à vous. Tout récemment encore vous m'avez fait souffrir le supplice de Tantale: c'était au spectacle de la cour, le jour que débuta la nouvelle danseuse. Vous y étiez, je vous y vis, mais il me fut impossible de vous approcher. Jugez de mon affliction. Mais je m'écarte de mon sujet; j'étais intentionné de vous complimenter sur la nouvelle année, de dire que je vous souhaite... quoi? Des biens, des honneurs. Non, je sais que vous êtes trop philosophe pour désirer cela et vous êtes audessus de ces bagatelles. Je vous prie de me continuer cette année, ainsi que les suivantes, votre estime et votre amitié—deux trésors qui sont inapréciables à mes yeux. Assurez aussi monsieur le comte Alexandre que c'est avec le plus sincère attachement que je prends part à tout ce qui le regarde. Dites lui que je désirerais qu'il m'honorât quelquefois de sa présence ou de ses lettres. Je sais fort bien que son Collége *) l'occupe beaucoup. Mais néanmoins citez lui Cicéron, qui employait ses loisirs à l'instruction de son fils, le lord Chesterfild, qui se délassait des affaires du cabinet par un commerce de lettre avec son fils Stanhope, enfin tout ce que vous jugerez nécessaire pour l'engager à m'écrire.

*) Коммерцъ-Коллегіи, въ которой графъ Александръ Романовичъ былъ президентомъ. П. Б.

2.

Къ графу Александру Романовичу.

A Moscou, ce Dimanche 12 VII-bre 1782.

Il y a aujourd'hui sept semaines que nous sommes partis pour notre terre de Boutourlinowka, et depuis ce tems je n'ai pas reçu une seule lettre, car elles sont toutes restées à Moscou; comme j'ignorais cela, j'ai cru que l'on ne pouvait point en envoyer, et en effet il aurait fallu mander un exprès à Woronège pour les remettre à la poste. Voilà le motif de mon silence, et je désire qu'il dissipe les soupçons que l'on pourrait avoir sur moi.

Je suis content d'avoir fait ce petit voyage et n'ai rien négligé pour m'instruire des détails de cette province, qui mérite à tous égards l'attention du gouvernement. Un climat beaucoup plus doux que celui de nos deux capitales, une terre fertile autant qu'on peut le désirer, jamais on n'y fume les terres. Des eaux en assez grande quantité. Il n'y a que du bois qui manque dans quelques cantons. Ce n'est point que la nature en ait refusé, mais l'effroyable consommation qu'en font les cosaques Tscherkesses en est la cause. Ils ne se servent point de poëles russes, qui une fois chauffés et fermés suffisent pour 24 heures. Ils ne ferment jamais leurs fourneaux et entretiennent toute la journée un petit feu. Le bois le plus commun dans cette pro-

vince est le chêne. Si ce peuple était plus laborieux, ce serait un trésor qu'un bien-fond dans ces environs. Mais le Tscherkesse est naturellement (à ce que je crois avoir observé) paresseux, d'un caractère inquiet, turbulent, vagabond et n'aimant que la liberté et les liqueurs fortes.

J'ai appris que vous aviez acheté un terrain dans l'intention de bâtir une maison à Woronège. Nous avons restés dix jours dans cette ville. Les marchands en sont assez instruits. Ce qui m'étonne c'est qu'ils ne fassent pas un plus grand commerce par le Don. Ce fleuve n'est éloigné d'eux que d'une très-petite distance. Ils pourraient faire une association pour le commerce des bleds, en faire l'entrepôt à Павловской et l'envoyer par le Don au fort S-t Dimitry Rostowskoy, à Kertsch, à Yanicul etc., enfin dans toute la Mer Noire. Selon ce qu'on m'en a dit, il y aurait tous frais faits 150 pour cent de gain; comme cette denrée est à très-bas prix dans leur province, ils pourraient en faire une grande exportation et rendre ce commerce très-lucratif. On trouve à Woronège des vins excellents qui leur viennent par cette voie. Le vin de Cypre entre autres, qui y coûte 6 r. le wedro, est délicieux. A trente werstes de cette ville, en creusant à quelques pieds sous terre, on trouve des dents d'éléphants. J'en ai conservé une pour la curiosité. On m'a montré des anciennes monnaies que l'on dit de trouver dans le Don. J'en ai vu une dont l'effigie et l'inscription est de rite Vespasien. Comme elles se trouvent en quantité, cela pourrait faire croire que les Romains ont été jadis dans ce pays-là. Ce fait peut donner plus de créance au système de m-r de Bayle et de m-r de Buffon sur la révolution de notre globe.

Présentez mes respects à monsieur le comte Simon et faites lui, je vous prie, mes félicitations sur sa nomination à Venise. Je désirerais ardemment l'y accompagner et commencer sous ses auspices une carrière que je crois préférable à celle que j'ai embrassée. Je vous prie de présenter aussi mes respects à ma tante la princesse Dachkow et de féliciter son fils sur son entréé dans les gardes. J'ai appris que l'Impératrice avait fait don à la princesse de 2.500 âmes et de 30.000 roubles. Je lui en fait mon compliment. Je n'eusse pas manqué de lui écrire dès la première nouvelle de son arrivée à S-t Pétersbourg, mais n'étant presque pas connu d'elle je n'ai pas osé prendre cette liberté.

*

1786 года Октября 16 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ общемъ всѣхъ департаментовъ собраніи, по рапорту генералъ-фельдмаршала, Екатеринославскаго и Таврическаго генералъ-губернатора и кавалера князя Григорія Александровича Потемкина, коимъ Правительствующій Сенатъ проситъ, чтобъ казацкихъ полковъ секундъ-маіора графа Дмитрія Бутурлина въ штатскую службу вступить желающаго, опредѣлить въ область Таврическую съ награжденіемъ чина надворнаго совѣтника, приказали: по представленію генералъ-фельдмаршала и кавалера князя Григорія Александровича Петемкина, казацкихъ полковъ секундъ-маіору графу Дмитрію Бутурлину, по увольненіи отъ воинской службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ въ Таврической области дать чинъ надворнаго совѣтника и назначеніе для него мѣста предоставить на разсмотрѣніе его господина генералъ-фельдмаршала, о чему Бутурлину объявя указъ, привесть къ присягѣ, за повышеніе чина взять у него по указамъ Таврической Казенной Палаты патентъ, напечатавъ взнесть къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества подписанію, и о томъ куда надлежитъ послать указы, а въ Московскіе Сената департаменты вѣдѣніе. Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

*

3.

Moscou, ce 7 mai 1788.

Dans l'espérance, peut-être, douteuse que vous prenez encore quelque intérêt à ce qui me regarde, je prends la liberté de vous informer que je suis arrivé ici hier, Samedi au soir. Je n'ai pas encore sorti, mais demain je ferai mes visites et me flatte que vous daignerez un jour me rendre une amitié qui faisait mon bonheur pendant un an et demi. Vous m'avez promis que ce retour dépendait de la conduite que je tiendrai ici, et d'après cela je suis assuré de le mériter.

Ayez la charité, mon cher oncle, de croire que, malgré les sottises sans nombre que j'ai faites, je ne suis pas indigne de regagner les sentiments que vous eûtes pour moi.

4.

Moscou, 23 avril 1789.

Tu ton et de la société.

Comme le ton qui règne dans la société (en général) est, à mon avis, le thermomètre civil, d'après lequel un observateur peut fixer le degré d'urbanité d'une nation, je me suis attaché à examiner celui dominant ici, et voici quelqu'uns de mes apperçus.

Moscou ressemble beaucoup moins à Pétersbourg que ce dernier à toute autre capitale policée de l'Europe. Ces deux villes n'ont de commun que la langue des habitants: hors de cela pas la moindre ressemblance. Esprit, manières, conception, opinion même, tout y diffère. La faveur de la cour détermine l'existence civile d'un particulier à Pétersbourg; ici c'est son bien. C'est d'après cette échelle que l'on mesure son importance et les égards qui lui sont dûs. Voilà pourquoi plusieurs personnes, retirées volontairement ou involontairement des affaires, se retirent ici de préférence à tout autre point du globe. Bien que dans la retraite, ils ont encore l'expectative d'usurper une considération ou par le récit de leurs hauts faits passés, ou par la route commune des candidats à la gloire, c'est-à-dire, en frondant généralement tout ce qui se fait depuis leur retraite. Les femmes sont ici moins retenues qu'à Pétersbourg, les intrigues y sont plus avouées, et c'est une suite nécessaire de la liberté et de l'oisiveté qui règnent.

Dans les sociétés particulières il n'y a pas de ton déterminé: il varie selon la complexion de l'hôte et le caractère des membres qui la composent.

Quant aux assemblées publiques, les voici: théâtre de Médox, les vauxhalles et les promenades au jardin pendant l'été et les jours de club de la noblesse pendant l'hiver.

Le théâtre est une infâmie, cela crie vengeance. Le propriétaire, grâce à son privilège, en a fait un monopole, et il nous considère tous comme ses vassaux; il nous donne ce qu'il veut, comme il veut et quand il veut. Comme cette année l'argent blanc a été soumis à un agio de 12 pr. %, il a fait publier qu'il ne recevait que de l'argent blanc, et il a fallu obéir. Son spectacle est détestable, et cependant avant que de lever la toile, au commencement de l'année, il a déjà encaissé 33 mille rbl. d'abonnement de loges. On peut voir dans quelques ouvrages que le Grand-Opéra à Paris n'a pas cela de fixe des loges. Mais, je l'ai dit, nous sommes ses *оброчныя статьи*.

Le vauxhalle d'été est aussi de la dépendance du propriétaire du théâtre et est géré dans les mêmes principes. Il faudrait (pour que le public fut content) à la tête d'une entreprise pareille un homme d'esprit et qui ne fût intéressé que médiocrement ou qui sût établir et allier l'intérêt de sa bourse sur celui de nos plaisirs. Mais cela suppose un homme de tête, et il faudrait l'avoir perdue pour se charger de pareille entreprise.

Le jardin d'été *). C'est à mon avis un charmant lieu. Dans la belle saison il y a foule. Mais les grands

*) Сколько намъ извѣстно, это садъ нынѣшнихъ перваго и втораго кадетскихъ корпусовъ. П. Б.

jours de parade sont les Dimanches et les Jeudis. Les femmes s'y rendent parées comme des châsses, et l'on conçoit facilement que c'est moins pour s'y promener que pour y faire assaut de toilette. Les hommes, bien qu'en frac, n'ont pas le privilège ces jours-là de mettre le chapeau, surtout dans la grande allée. Ils s'y rendent quelquefois jusqu'à cinq mille hommes. Mais tout cela se fourre dans la grande allée, et tout le reste est désert: preuve convainquante que c'est un lieu de parade plus que de promenade, et que le but principal est de s'y faire voir. D'après cela, c'est superbement monotone et gênant.

Il me reste à vous entretenir du club de la noblesse. Le public y tient ses assises pendant l'hiver tous les Mardis. C'est le chef-lieu de la noblesse en public. Vous connaissez le local, je ne vous en parlerai pas. Parmi la petite noblesse c'est un crime que d'y manquer un seul jour, et l'on se passerait plutôt du pain (les femmes surtout) que d'un habit ou d'un bonnet pour y figurer. La société est tenue de s'y rassembler à six heures, mais dès les quatre il y a déjà foule: ce sont les vieilles Sybilles de *за Москвой-рѣкой*. C'est positivement le Marais *) de ce pays-ci: toutes les nouveautés y parviennent un mois plus tard que dans le reste de la ville. Aussi, on distingue les dames des quartiers par leur mise; mais, en révanche, elles occupent les premiers bancs dans le club, et là, comme dans une cour d'amour, on discute gravement sur un mariage à faire, sur le prix du bléd, etc. Mais le sujet le plus ample de ces doctes conversations, c'est les jeunes filles et les jeunes gens de la société.

---

*) Одинъ изъ Парижскихъ кварталовъ. П. Б.

J'ai vu ce grave comité tout étourdi de l'apparition de mon cousin avec ses moustaches; mais, parmi ces matrones, il y en avait qui savaient fort bien considérer en lui l'homme en faisant abstraction à ses moustaches. C'était des commentaires à ne pas finir.

Au commencement de novembre il vient ici une foule de petite noblesse qui passe sa vie dans les campagnes. Les boutiques russes en sont inondées les premiers jours de leur arrivée. Au bout de quelques jours les dames ont déjà fait les achats pour leur première métamorphose; alors commencent les visites, dans le courant desquelles elles trouvent quelque parente qui réside ici et qui les conduit un jour chez des marchandes de modes françaises. Là commence la seconde métamorphose, ou plutôt elle s'achève. Les vieux chapeaux à la Malbrouk, les fourreaux Merdoye sont retirés des greniers de la boutique et leur sont étalés. Vous voyez ces vieilles physionomies qui se recueillent pour admirer; elles n'osent pas marchander, car la maîtresse de boutique, plus élégante et plus hardie qu'elles, leur en impose. On s'en rapporte aveuglement à ce qu'elle prononce, et vous jugez que celle-ci ne manque pas de leur flanquer tout le rebut de la boutique. Le Mardi d'après vous retrouvez toutes ces guénilles au club de la noblesse sur les carcasses de ces momies, et vous vous représentez facilement l'effet que doit produire une chemise à la Guimard toute décolletée sur une taille de deux archines de circonférence. Ne croyez pas que ce soit une fiction. Je vous certifie que c'est la pure verité. Je continuerai ce chapitre une autre fois.

5.

Moscou, ce 25 avril 1792.

Mont très-cher oncle!

Il y a près de deux ans que je n'ai commencé une lettre par un pareil intitulé, et cependant, Dieu sait par quoi j'ai mérité ce délaissement. J'ai examiné avec une scrupuleuse attention, j'ai scruté avec la rigidité d'un casuiste toute ma conduite envers vous et particulièrement les circonstances de mon voyage manqué, époque d'où date votre abandon, et dans tout cela je me suis trouvé malheureux, mais pas coupable. J'ai supporté je ne dirai point, avec patience, mais enfin, une résignation, la perte de ce qui m'était le plus cher au monde—vos bontés, espérant toujours que cet état si violent pour moi aurait un terme. Jamais je ne me suis permis la moindre plainte, le plus léger murmure, et quoique mon délit me fut inconnu, j'ai mieux aimé et à présent j'aime encore mieux me croire coupable que de vous supposer injuste. Mais enfin, cette indifférence cruelle, ce total oubli sera-t-il éternel? Je vous avoue que plusieurs fois je me suis informé sous main des dispositions que vous faisiez paraître à mon égard, et j'ai toujours appris que quand vous parliez de moi, c'était toujours avec une froideur, avec un mépris avilissant. Or, je ne sache avoir rien fait digne de votre mépris. Que j'aie été un tems honoré de vos bontés, qu'ensuite vous me le retiriez, je n'ai d'roit de m'en prendre qu'au sort. Mais que n'ayant rien fait pour les perdre (ou du moins rassuré par la pureté de mes intentions), je passe tout-à-coup dans un

état d'indifférence absolue. Or, pour le coup, cela me semble trop violent, et j'ai droit de me plaindre de vous à vous-même et à vous tout seul. Mais permettez moi, mon cher oncle, de trancher le mot. Je puis avoir quelques torts et je ne m'en deffends pas; mais je sais à n'en pas douter que des âmes charitables (auxquelles je donne un exemple de modération dont elles ne profitent point) se plaisent à aggraver les torts que je puis avoir, m'en fabriquent d'imaginaires et se rejouissent toutes les fois qu'elles veulent vous parvenir quelque méchanceté sur mon chapitre. Le seul tort que j'ai eu aux yeux de toutes ces âmes charitables, c'est d'avoir été honoré de vos bontes. Oui, c'est parce que vous m'avez, j'ose le dire, distingué parmi vos proches que des envieux me jettent la pierre. Voilà ce qu'ils ne me pardonneront jamais. Mais, en vérité, autant je me sens en force pour les mépriser, autant je me sens faible et accablé quand je réfléchis que c'est pourtant par de pareilles manoeuvres qu'on m'a aliéné vos bontés. Je fais ici le serment de ne vous importuner jamais sur quoi que ce puisse être, qui me mette en concurrence avec qui que ce soit, faveur, protections, grâces, emplois; je ne vous demanderai rien que votre estime pure et simple, accompagnée de vos anciennes bontés. Seul dans l'univers, sans ambition, avec une fortune honnête, je saurai remplir ma carrière dans une tranquille obscurité. Retiré absolument du monde, je ne suis sur le chemin de personne. Pourquoi faut-il qu'on me poursuive jusqu'à mon dernier retranchement—l'opinion favorable que vous aviez de moi. Je ne tiens qu'à vous, à vous seul, mon cher oncle, et si vous ne me rendez vos bontes, je suis absolument isolé sur la terre. Quatre années

de retraite et de réflexions ont, je crois. bien mûri ma tête, et je vois combien il faut peu de chose avec la tranquillité d'âme pour être heureux Cependant je ne saurais l'être sans votre amitié: c'est un véhicule indispensable à mon existence, et sans elle je ne ferai que végéter tristement. Veuillez donc par charité me donner parfois de vos nouvelles. Permettez moi de penser que vous vous rappelez dans moi le fils d'une soeur que vous aimâtes et qu'indépendamment des liens du sang, que je puis réclamer, j'ai encore en ma faveur mon attachement personnel à tout ce qui vous regarde, qui n'est point méprisable. Enfin, excusez le désordre de cette lettre que je vous écris d'abondance de coeur. Je n'ai jamais cherché à faire des phrases, et j'aurai mauvaise grâce à symétriser mon style quand mes idées se présentent toutes en confusion. Mais, quelle que soit l'assiette de mon âme, je n'en serai pas moins pour la vie avec l'attachement le plus respectueux etc..

6.

Moscou, ce 8 mai 1793.

J'ai été jusqu'à présent sans vous écrire, mon cher oncle, parce que je voulais vous fairė une surprise. Je voulais que la plupart de vos commissions fussent exécutées et pouvoir avec ma première lettre vous en faire le rapport; mais le Ciel, les ouvriers et le grand nombre de fêtes ne l'on point voulu; et je me suis décidé à vous écrire tout simplement que tout était commandé et en train. La cheminée pour Andreyewsky sera expédieé aujourd'hui, l'autre est achetée aussi, et on est à la poser. Les serrures et les cloquets seront achevés cette semaine; la petite table pour modèle est achevée. Bref, tout sera accompli. Je ne sais pas si vous avez meilleur tems qu'ici. Je vous le souhaite toujours, car ici nous avons de la pluie tous les jours. La comtesse Parascovia Fédorowna *) me confirme chaque jour de poste qu'elle sera à Moscou à la fin du mai. Conformement à vos ordres j'ai envoyé Alexis, mon intendant, à Pétersbourg pour terminer l'affaire du payement de la banque; il sera de retour, j'espère, dans quelques jours, et je ne manquerai pas de vous en informer. Je suis moi-même dans les réparations jusqu'aux oreilles, et les ouvriers de toute espèce me font enrager. Nos parents d'ici, avec lesquels je suis tous les soirs, me chargent de vous dire mille jolies choses. Il vous plaira en dire de ma part à m-r La Fermière. Adieu, mon cher oncle. Portez-vous bien. Aimez moi et croyez que je vois aime à toute outrance.

---

*) Супруга графа Артемія Ивановича Воронцова (ур. Квашнина-Самарина), будущая теща графа Бутурлина. П. Б.

7.

Woronowo, ce Mardy 21 juin 1793.

Avant-hier Dimanche nous nous sommes tous rendus ici, où je me trouve merveilleusement. Je me suis arrangé de manière à passer pendant toute la belle saison cinq jours de la semaine ici et deux à Moscou pour mes affaires et votre maison. L'air de la petite campagne et le plaisir d'être près d'Annette font ensemble un régime qui me paraît convenir très-bien. Vous avez connu Woronowo du tems de Iwan Lariwonitch et moi aussi. Eh bien, vous n'y reconnaitrez rien. La maison est un palais à peu près dans le genre de celle de Moscou et même encore plus grande. Le goût de Lwow se reconnaît aux colonnes et aux rotondes. Dieu sait quand ce sera fini. Pour ma part, j'habite la maison hollandaise bâtie encore par Blanck du tems d'Iwan Lar. La campagne est magnifique, les bois etc. sont de toute beauté. Bref, je m'accomode merveillesemeut de cette manière de vivre et j'attends avec assez de patience l'arrivée du comte Artéme pour terminer totalement mon affaire par le sacrement. J'aime bien mieux qu'elle se fasse ici et à petit bruit que chez moi à la campagne. Par cet arrangement l'évite bien de l'embarras, et puis il y a dans le mariage un tas de petites minuties que j'ignore absolument et que les femmes possèdent à ravir. Le plus commode est de les laisser faire, surtout quand elles sont raisonnables. La comtesse-mère l'est au suprême degré; elle est avec moi aux petits soins, et je vois que réellement j'ai sa

confiance. Dans quelques discours on a touché indirectement le chapitre des arrangements du trousseau etc., avec l'air de me consulter; j'ai répondu par un axiome général que je ne me mêlerai jamais de cela; qu'il ne me convenait également ni d'exiger rien, parce que je n'en avois pas le droit, ni de refuser rien, car il n'y a point de place intermédiaire de juge entre une fille et sa mère; qu'au surplus c'était à chacun à savoir ce qu'il avait à faire; que mon devoir se bornait à rendre ma femme heureuse et qu'à cela je m'engageais solemnellement, mais que pour tous les autres petits calculs ils etaient trop loin de ma manière de voir, qu'on me ferait même plaisir de ne m'en parler que le moins possible. Cette déclaration faite avec sens-froid et gravité a eu le succès désiré. J'ai observé ensuite que l'âge d'Annette et son changement total d'état ne lui permetteront pas de rester sans ennuis, au moins les premiers téms, et que je désirerais une personne de confiance qui pût lui servir de compagnie. Cette idée a été généralement accueillie, et en conséquence on a écrit à une suissesse que la comtesse-mère et fille connaissent. En effet, Annette seule de femme dans ma maison se trouverait embarrassée au lieu que deux femmes ensemble se soutiennent mutuellement. Ne fut-ce qu'à table, elle seule parmi tant d'hommes doit nécessairement éprouver une gêne, et puis j'en aurai plus de tems à moi.

8.

Moscou, ce 2 juillet 1793.

Le prince Georges [1]) est ici depuis quelques jours; toute la ville lui fait la cour. Il va partir après demain pour prendre la partie militaire qu'avait feu *Кречетниковъ*. Si l'on peu juger de la faveur d'un homme par le nombre des courtisans, il doit être fort bien, car il y a tout le jour au moins 60 carosses à sa porte. Le seigneur Valérien [2]) est aussi à Moscou. On lui donne des fêtes tous les jours. *Волынской* et Demidow se piquent d'émulation à qui se surpassera. Il n'y a pas jusqu'au vieux *намѣстникъ* qui ne lui sert de guide et ne le quitte pas plus que son ombre. Au dernier vauxhalle de la S-t Pierre on m'a conté que tout le public faisait cercle autour de lui et se rangeait quand il passait. C'est du dernier ridicule. Quele ciel les conduise? Votre maison avance; la dorure sera retardée par un ordre de la cour qui enlève pour trois semaines le maître-doreur à Pétersbourg. Il est chargé de la dorure du lit et autres meubles pour les fêtes de septembre [3]). J'ai voulu en charger un autre, mais comme il y a une trop grande distance de ses ouvrages à ceux des autres, il nous faudra patienter.

---

[1]) Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, женатый на теткѣ писавшаго П. Б.

[2]) Графъ Валерьянъ Александровичъ Зубовъ. П. Б.

[3]) Къ свадьбѣ великаго князя Александра Павловича.

9.

Moscou, ce 29 juillet 1793.

Pour le terme de mon mariage, je ne sais pas positivement quand il se terminera. La comtesse, par affectation sentimentale. n'aime pas à en parler; mais j'augure qu'il aura lieu dans la dernière quinzaine d'août, parce que le carême finit le 16, et le comte Артемій Ивановичъ doit retourner à Pétersbourg dans les premiers jours de VII-bre. Il est arrivé à Woronowo le 24 courant. Le 25 était la fête d'Annette, le 26 celle de la comtesse-mère. Enfin, nous avons été en fêtes jusqu'aux oreilles. J'en suis parti hier pour donner un coup d'oeil à ce qui se passe ici. J'y retourne demain. Mon absence d'ici ne hâte pas les ouvrages. *L'oeil du maître est nécessaire.* Mais quand tout ne serait pas fini pour le mois prochain, cela ne m'arrêterait pas. J'aime mieux rester tout marié à Woronowo jusqu'à ce que tout soit terminé. J'ai vu Арина Ивановна *); je l'ai trouvé très-bonne personne. Elle n'a passé qu'un jour à Woronowo. Elle compte partir bientôt pour Pétersbourg. On m'a conté ici qu'on attend un nouvel oukase relativement aux mariages entre parents; on dit qu'il vient à l'occasion du bruit qu'a fait Gabriel avec Apraxine. Aussi ce dernier, craignant les suites, a brusqué l'aventure; il est marié depuis huit jours. Je ne sais pas si tout cela est vrai; je vous le donne

*) Это графиня Воронцова, ур. Измаилова, сестра извѣстной княгини Голицыной или Княгини Ночной (Princesse Nocturne), супруга графа Иларіона Ивановича Воронцова. П. Б.

comme je l'ai reçu. A tout hasard, si vous écrivez à Артемiй Ивановичъ, mandez lui que vous désirez fort que mon affaire soit terminée pour bien des raisons; qu'entre parents, comme nous sommes, on peut sauter sur des cérémonies qui ne font que retarder. Votre voix est de poids, et il opérera.

Quant à l'откупъ de Воронежъ, il est vrai que nous avons l'intention de prendre à ferme tout le gouvernement. Le nouveau cordon de S-te Anne nous favorise fort. Si nous l'obtenons (ce qui dépendera de l'importance des autres concurrents, parmi lesquels il n'y a à craindre que Тулиновъ et Викулинъ), vous pouvez être assuré que vous conserverez votre petite part aux mêmes arrangements que vous l'avez à présent. Mais quand même nous ne l'obtiendrions pas, et qui que ce soit qui l'obtienne, je puis presque vous assurer d'avance que j'aurai au pis-aller pour moi les deux *округи* de *Бобровъ* et de *Павловскъ*, et comme votre domaine est situé dans cette dernière, vous le conserverez sur l'ancien pied; mais au lieu d'avoir affaire à *Зацѣпинъ*, Булатовъ s'entendera avec mon *повѣренный Петръ Алексѣевъ*. Vous savez que Зацѣпинъ a fourni à *Воронцовка* d'eau de vie provenant d'une fabrique à *Гвозда*, qui m'appartient. Mais ce que vous ne savez pas et que je vous apprendrai, c'est que ayant de moi 25 pour cent du bénéfice de ce *заводъ*, Зацѣпинъ, pour vendre davantage, lâchait quelquefois le prix et engageait par là mes buveurs à s'approvisionner chez lui préférablement à mon заводъ de ma slobode, ce qui par les *вѣдомости*, que je reçois chaque mois, m'est très-visible. Depuis que j'ai fait la maladresse de lui laisser ce заводъ, il se consomme chez moi un bon quart de moins qu'avant. Je n'ai pas

voulu durant tout le terme faire même semblant de le savoir, car ce monsieur n'aurait pas manqué de rompre ses engagements avec vous et de m'en attribuer la cause. J'ai donc mieux aimé attendre patiemment que les quatre années fussent révolues. D'ailleurs, comme il est intime avec tous les *однодворцы* de *Гвозда*, *Пузовка*, *Кленовка* et autres habitations, nos voisines communes, il aurait pu me laisser sans bois, et j'ai dû le ménager en conséquence. A présent que j'ai et j'aurai du bois sans lui, je n'aurai plus les mêmes considérations. Dès qu'il y aura quelque chose de fixé sur cela, je ne manquerai pas de vous en faire part. En attendant, soyez tranquille: personne ne peut vous priver de votre part. Le *винной уставъ* est formel là-dessus. *Помѣщикъ—первой откупщикъ*. Vous êtes surpris, peut-être, de ce que je vous développe ma théorie sur cette partie. Mais, devant vous répondre cathégoriquement, je n'ai pu être plus bref. Je sais d'ailleurs que vous aimez à parler d'affaires, et celle-ci nous intéressant tous deux, j'ai mieux aimé vous ennuyer un peu que de vous dire mal ce qui était à dire. Je vous envoye une écritoire. Pour dès cloches de verre il n'y en a pas dans tout Moscou.

10.

Moscou, Dimanche, 16 VIII-bre 1793.

A mon arrivée en ville, j'ai passé trois semaines à faire des visites, ce qui est une bien sotte chose; mais que faire, l'usage le veut. Je crois sans mentir que nous avons visité toute la ville, et les vieilles femmes n'ont garde de se contenter d'une simple carte. Elles reçoivent impitoyablement de nouveaux mariés; elles ouvrent des yeux comme des mansardes pour toiser la mariée qui souvent est forcée de baisser les siens. J'imagine que leur goût pour ces visites vient de ce qu'elles leur rappelent de vieilles folies dont elles jouissent par le souvenir, et c'est toujours cela quand les autres jouissances ont décampé. Après les visites j'ai été fort occupé du départ du comte Artème et de la comtesse. Le comte est parti quinze jours avant elle, et elle Vendredi passé. Annette, comme de raison, en a été fort affectée, parce que c'est la première fois qu'elle se sépare de ses parens, mais que faire! C'est une des mille et une petites différences que le sexe éprouve dans sa transfiguration de fille en femme. J'avais en effet l'intention d'aller passer une partie de l'hiver à Boutourlinowka avec de grands projets d'économie pour l'avenir; j'en avais même parlé à Boulatow dans cet esprit. Mais le Ciel, à ce qui me semble, a ordonné autrement. Je crois que ma femme est grosse; le mois prochain décidera la chose, et si cela est, adieu mon voyage de Woronège. Vous sèntez que je n'irai pas l'exposer aux fatigues et au froid,

inévitables dans cette saison. Faire le voyage tout seul et me séparer d'elle est encore moins admissible dans une position comme celle-là. De sorte que, tout bien considéré, si j'ai les honneurs de la paternité, il faut que je renonce à Woronège. Je pense au contraire la conduire par le dernier traînage à Pétersbourg et lui faire faire ses premières couches au moins sous les yeux de sa mère. Cet arrangement m'est d'autant plus indispensable que n'entendant rien à ce tripotage, absolument neuf pour moi, j'y perdrai la tête, et dans une pareille circonstance il m'est assez important, j'imagine, de ne rien négliger. Je me le reprocherai toute ma vie, si j'avais le malheur de faire quelque bévue au lieu que sa mère pare à toutes mes craintes et me tranquillise. Dites moi, mon cher oncle, ce que vous pensez de cette affaire. Et si, par hasard, votre petite maison de Pétersbourg se trouvait vide, je vous la demanderai tout naturellement; car c'est encore une de mes lubies. Je pourrai loger chez ma belle-mère ou chez ma soeur, mais je n'aime point à loger chez les autres. D'ailleurs, je ne sais pas combien de tems je serai forcé d'y rester. Cela dépendra absolument des circonstances, et d'après cela j'aime mieux m'arranger à tout évenement. Parlez moi de tout cela, vous qui m'aimez.

On commence aujourd'hui seulement à sonner les cloches pour la célébration du mariage de Leurs Altesses Impériales. Voilà avec la neige ce qu'il y a de plus nouveau à Moscou. Je ne vous parle pas de mon amitié: c'est une vieillerie, mais elle durera tant que moi.

11.

S-t Pétersbourg, 3 may 1794.

Tous les esprits sont occupés de l'affaire de Pologne, sur laquelle il y a plusieurs versions toutes différentes, mais aucune d'authentiques. Ma tante est dans des agitations au sujet de sa fille, qui y était lors du massacre, et n'en a pas de nouvelles certaines. Le prince Georges, qui est ici et qui va partir dans quelques jours pour visiter les frontières de la Finlande, n'a rien su me dire de positif encore au sujet de m-r Scherbinine. Il s'est répandu aujourd'hui que le général Apraxine devait se rendre ici pour sa justification. Alors on sera mieux instruit. Mais on dit, et ce sont des militaires avancés, qu'il leur sera difficile de se justifier. En attendant sa belle-mère *) affecte une grande sécurité et sous main travaille à force à le blanchir par Passek et Maria Sawichna. A l'arrivée ici du comte Besborodko on dit que le crédit de m-r Marcow avait diminué, mais qu'il va mieux à présent. Je vous débite tout cela pour propos du public.

---

*) Знаменитая княгиня Наталья Петровна Голицына, Княгиня Усатая (Princesse Moustache). Пассекъ въ то время уже жилъ въ зимнемъ дворцѣ. П. Б.

12.

S-t Pétersbourg, 28 may 1794.

Mon oncle le prince Georges a été visiter la frontière de Suède; on l'attend après-demain. Sa femme et sa fille ont été présentées à Sarsko Selo; on les a très bien reçu. L'ambassadeur de Suède a reçu ordre de sa cour de rompre tout commerce avec le ministre de Naples à cause du refus de cette cour de livrer Armfeldt sur sa réquisition qui lui en avait était faite. La correspondance de ce dernier a été publiée en suedois, on en a déjà ici. On dit qu'il y a des choses très-curieuses et que cela justifie tout-à-fait ma soeur et son mari *) des bruits qui avaient couru dans le tems; mais en même tems plusieurs autres personnes y sont gravement inculpées.

---

*) Елисавету Петровну и Адріана Ивановича Дивовыхъ, находившихся тогда въ Стокгольмѣ. П. Б.

13.

Woronège, ce 9 janvier 1795.

Je suis arrivé ici, mon cher oncle, le Samedi pour le dîner. Je n'ai été en route que trois jours, car vous saurez sans doute que je suis parti de Moscou un jour plus tard que je ne l'avais compté. L'arrivée de Kroupennicow que j'attendais depuis si longtems de Pétersbourg et un вѣрющее письмо qu'il a fallu enregistrer en ont été la cause; mais je n'ai rien perdu pour ce retard. Pendant la route j'ai souffert du froid: il a été jusqu'à 25 degrés, et depuis trois jours que je suis ici, il se soutient à 20. Mes повѣренные sont entrés en régie dans les trois villes et округи du gouvernement de Woronège: Бобровъ, Павловскъ et Бѣловодскъ le 2 de janvier et ont fourni leur argent tout juste le 1-er de l'an.

C'est 12.308 rbl. qu'il faut par mois pour ces trois districts. *Новохоперскъ*, qui est du gouvernement de Saratow, est entré en analogie le 4, la couronne satisfaite.

Усмань et *Липецкъ* du gouv. de Tambow n'ont pas voulu encore se livrer, ils n'ont point encore reçu l'oukase du Sénat. Mais depuis le 3 j'y ai installé mes *цаловальники*, et *ad interim* c'est moi qui les abreuve; car dans le gouv. de Tambow la *Казенная Палата* n'a point du tout contracté de *поставка*. Tout va fort bien. Voilà pour mes affaires. Pour les vôtres: Воронцовка est toujours sur l'ancien pied jusqu'à ce que je m'abouche avec Boulatow, et ayant parlé là-dessus avec

Sontzow qui est mon conseil général, il m'a fait voir que cela pouvait fort bien s'arranger ainsi que nous l'avions déterminé. Boulatow lui en avait déjà parlé d'avance.

Nous autres fermiers en corps avons donné une requête à m-r Sontzow pour qu'il fût procédé à l'examen du заводъ en présence de nos *повѣренные* conformément aux priviléges du Sénat. Il y a eu égard, et l'examen va son train, ce qui fait fort crier tous les gentillatres d'ici, mais on leur répond que c'est la loi. Si le gouvernement continue à nous tenir la main, comme il le fait jusqu'à présent, cette effrayante *наддача* ne sera du tout pas sensible, et je suis assuré qu'à l'adjudication prochaine ce gouvernement pourra l'augmenter encore. Je resterai ici tout le mois pour établir la régie, satisfaire la couronne pour le mois de février et voir si la balance est à notre avantage. En cas qu'elle ne le fût pas suffisamment, il y a beaucoup d'amateurs auxquels on peut la recéder avec un bénéfice moyen, mais assuré. Afin d'avoir plus de tems à moi, je me suis mis sur le pied de dîner chez les autres tant qu'on veut. mais je ne soupe nulle part et à huit heures je suis à la maison. En général, je me découvre beaucoup de conformité avec vos goûts et votre manière d'être, et je m'en glorifie. Adieu, mon oncle. Voyez souvent Annette et redoublez d'amitié pour elle pendant mon absence. Hier j'ai reçu d'elle une lettre qui m'a fait pleurer. Elle et vous, vous êtes les uniques objets de mes affections. N'oubliez pas m-r Zawadowsky.

14.

Moscou, 8 juin 1795.

Depuis votre obligeance dernière, mon cher oncle, si je ne vous ai pas écrit plus tôt: n'en accusez pas ma négligence. J'attendais de jour en jour Kroupennicow, qui a fini à Pétersbourg l'affaire de la banque et qui dans ses lettres ne m'explique pas suffisamment et me renvoye toujours à son retour. Il n'est pas encore venu, mais je l'attends tous les jours. Ma belle-mère est partie de chez moi il y a une dizaine de jours. J'avais tout son monde, et je vous avoue que quelque plaisir qu'ont ait à voir ses parens, leur foule peut à la longue gêner. Annette s'est parfaitement remise, elle commence ses visites, et dans quelques jours ce sera fini. J'ai terminé aussi cette affaire sur laquelle vous avez eu la bonté de m'avertir, celle du staroste de Kolomna. J'ai présenté *въ ревизскихъ сказкахъ* tous ceux qui passaient pour être *въ бѣгахъ*, et la police de là-bas *Земская*, утвердила, что такie-то, которые были въ бѣгахъ и на которыхъ были поданы *явочныя челобитни*, пришли обратно и включены въ ревизiю. De cette manière je crois l'affaire arrangée, ou du moins elle ne me compromettra plus. Dites m'en votre avis, mon cher oncle. A l'égard de mon départ pour Woronège, je vous dirai qu'il est de toute nécessité que j'y aille. Ce principe une fois établi, la conséquence est naturelle—que le plus tôt est le mieux dans ces sortes d'affaires. Les fermes ne vont pas mal, c'est-à-dire, qu'il n'y a point de *началъ* et qu'on est exact à payer

la couronne, ce qui pour la première année est déjà passable. Mais depuis janvier, pour mettre la machine en train, j'y ai mis de ma poche 70 mille rbl. tant en argent qu'en boisson, et il serait tems de les retirer. Mes voisins, les fermiers de Woronège, ont déjà retiré leurs mises et roulent sur le bénéfice. Toutes ces considérations (à laquelle il faut ajouter la plus puissante de toutes, c'est une désertion de mes paysans occasionnée, dit-on, par la *ревизія*) me font penser à partir avec femme et enfans dans le courant de l'automne prochaine, c'est-à-dire, à la fin du VII-bre ou au commencement d'octobre. Ma belle-mère veut aller à Tambow au commencement d'août, et alors cela m'arrangerait à merveille. Voilà, mon bon oncle, ce que je projette. Je déclare ici à tout le monde que je pars pour deux ans; mais entre nous, je vous confesse que je pense que la moitié de ce tems me suffira. Cependant, à tout hasard, il faut se menager de la marge, et si les circonstances venaient à varier, il vaut mieux qu'on y fut préparé. Quitte alors à revenir plus vite, mais il ne faut que l'on y compte. Je suis assuré qu'Annette ne se plaindra pas du tout de cette éclipse; pourvu que Dieu nous conserve en santé ainsi que les enfans, tout ira fort bien. Je suis dans ce moment à la recherche d'un bon chirurgien pour le conduire avec nous. C'est un meuble absolument indispensable. S'il survient quelque changement dans tous ces plans, je ne manquerai pas de vous en informer. Adieu, mon bon ami, mon ange gardien. Je vous embrasse de toutes mes facultés. Aimez moi, voilà tout.

Dans une semaine je vous enverrai des cerises.

15.

Moscou, ce 6 VIII-bre 1797.

Les casernes (ci-devant palais) sont occupées depuis huit jours, et le nombre des malades a déjà presque triplé. Les pauvres soldats n'ont ni air, ni eau, ils mourront comme des mouches. L'altesse Besborodko, à ce que m'a dit Pestel, gardera mes hautes-lisses pour 7.000 roubles. Il m'a fait demander aussi le tableau de Vandermeulen Louis XIV. Comme 2500 roubles qu'il me coûte ne me rendront ni plus riche, ni plus pauvre, je lui ai fait répondre par m-r Pestel aussi que j'étais charmé de trouver une occasion de lui faire plaisir et que je le lui offrais gratis.

C'est le plus beau sans contredit de mes tableaux, et le vendre seul, je ne l'eus jamais fait; mais je lui en fait cadeau de bien bon coeur. N'oubliez pas, mon cher oncle, de me renvoyer par la première occasion le catalogue des livres de l'archive que je vous ai prêté. Vous l'aurez oublié, et on en a besoin. A cette occasion je vous rapellerai aussi quelques articles qui me sont promis par vous depuis longtems, comme:

Catalogue de la bibliothèque du roi.
Recueil A. B. C. etc.
L'oeuvre de Vandermeulen.

Parmi les nouvelles d'ici il y a une histoire des traités de paix etc. par Koch. 4 vol in 8°. Si vous ne l'avez pas, je vous l'enverrai; elle m'a fait grand plaisir. Un ouvrage de Diderot sur la peinture. Excellent!

16.

Moscou, ce 27 avril 1798.

Le prince Besborodka ne m'a point fait de réponse. Mais comme j'avais fait la même réflexion que vous, j'ai écrit à ma ci-devant locatrice, qui m'a répondu hier très-gracieusement que m-r de Grimm n'avait obtenu sa retraite que parce que notre cour n'avait plus besoin d'avoir un ministre à Hambourg et qu'il ne serait remplacé par personne, qu'au demeurant elle me continuerait ses bons offices, quand l'occasion s'en présentera. J'ai écrit hier pour l'en remercier. Ainsi j'attendrai patiemment qu'il se présente quelque chose, ce qui paraît ne pas tarder, car on me mande des bureaux de là bas que m-r Mestmacher s'apprette à quitter. Ma femme a été avec sa soeur aînée passer quelques jours chez ma tante à Троицкой. On l'y a fort bien reçue, et on est toute glorieuse et contente de la permission octroyée d'aller où l'on veut. Je suis fâché que m-r Betsy l'a quitté pour toujours. Ma tante se trouvera isolée. Le prince Serge Gagarine est mort d'une fièvre chaude et putride qu'il à gagnée dans les caves du Kremlin. Il n'a été malade que neuf jours. On dit ici qu'il laisse 22 mille paysans, 200 mille roubles de rente annuelle et un mobilier immense. C'est une jolie succession. Le baron Sprengporten que vous

avez vu chez moi, a été appellé à Pétersbourg; un feld-jäger est venu le chercher de la part de l'Empereur, et il n'a eu que quelques heures pour faire ses paquets. Il ne conçoit pas lui même pourquoi. Cette manière de faire venir les gens est très-allarmante; mais je ne crôis pas qu'il puisse lui venir mal, car depuis longtems que je le connais, il m'a toujours semblé très-doux et très-prudent.

Je sors très-peu; je ne vois que mes amis Pestel et le prince Jacques Lobanow. Ce dernier aura une terrible besogne pendant le séjour que la cour fera ici. Il fera tout l'office du prince Alexis *). Je lui donne un logement chez moi pour être plus près de la cour. On mande de Pétersbourg que depuis le 15 courant la banque d'assignation escompte sans perte les obligations de la nouvelle, sauf la restriction de ne donner pas à la même personne plus de 500 roubles par jour.

Les concours pour adjudication des fermes au Sénat ne sont rien moins qui brillantes, ce qui indispose le prince Alexis. Non seulement on ne donne pas les anciens prix, mais pour plusieurs gouvernements personne ne se présente pour marchander. Je le conçois, car les nouveaux impots et les terres distribuées aux particuliers ont diminué sensiblement l'aisance du peuple qui ne boit que fort peu. A Воронежѣ et Тамбовѣ dont je me suis réservé à recevoir les *вѣдомости*, quoique je n'y suis pour rien, je crois qu'il y a un bon tiers de moins en débit que les années précédentes.

---

*) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. П. Б.

Absolument rien de nouveau en librairie. J'ai trouvé l'Esprit des Journaux pour l'année 1796; si vous ne l'avez pas lu dans le tems, il vous intéressera; les extraits y sont fort bien faits. Si vous voulez, je puis vous les envoyer. Je vous recommande pareillement une nouvelle traduction de *Thucydide* par m-r *Lévesque*. Je suis à la lire, et elle m'intéresse fort. Ce n'est pas à comparer aux versions du Du-Rier, ni d'Ablancourt que je connaissais auparavant. Elle se trouve ici chez Engelbach, mais il n'y a que peu d'exemplaires.

17.

Moscou, 2 juin 1798.

Grâces à vous et à la bonté de son coeur, le prince Besborodko me paraît fort bien disposé à mon égard. Je l'ai vu assez souvent, mais peu chez lui; car comme il y a presque toujours foule les matins, il ne paraît que peu et presque toujours en passant. Tous les jours on lui donne des festins, et il lui arrive parfois de se ressentir à son estomac de toutes ces fêtes, mais il continue. Je me suis bien apatrié avec *Чернышъ*, qui est vraiment un bon et brave garçon. C'est une connaissance encore du corps des cadets *). Vous sentez que la liaison s'est rétablie facilement. J'ai tout lieu de croire qu'il me servira cordialement, quand il le pourra, et d'après la carte du pays que j'étudie c'est le meilleur agent que je puisse avoir pour concourir secondairement à mes vues. Mais pour le moment il ne se présente rien de fixe; je dois donc me borner à maintenir les gens en bonne disposition en attendant que le hasard fournisse le point où il faudra s'arrêter. Voici ci-joint une lettre d'un ami de Pétersbourg, qui me donne parfois des renseignements utiles. Demain notre ami Pestel donne à dîner au prince, et j'en suis. Point de foule.—Je ne sors qu'à mon corps deffendant et ne vois presque que le prince Jacques dont tous les jours je reconnais mieux les belles qua-

*) См. объ этомъ Чернышѣ въ Воспоминаніяхъ П. И. Полетики въ Р. Архивѣ 1885, вып. 10-й. Кажется, что онъ—дѣдъ Т. Н. Грановскаго. П. Б.

-lités. C'est réellement une calamité qu'il n'aye point plus d'ambition; car dans la plus brillante passe du monde et merveilleusement secondé par le prince Alexis il ne respire que pour sa retraite qu'il saisira absolument pas plus tard qu'en septembre prochain. L'expectative que son cousin le prince Alexis lui ménage de le remplacer ne le flatte d'aucune façon, et il met tout en oeuvre pour parer le coup autant que sa prudence et son esprit le lui permettent; mais sa résolution en est bien prise, et elle s'effectuera à moins que des circonstances qu'on ne peut prévoir ne le lient encore pour quelque tems.—La perte du procès de mon oncle Georges est décidée. La manière dont cette affaire a été conduite, et pour le fonds et surtout pour les formes, est inouïe. J'ai cherché à en approfondir les détails et je vous en ferai part.—Nous avons ici d'arrivé depuis trois jours m-r Kotchoubé de Constantinople. S'il vous arrive de lui écrire, ayez la bonté de me ménager sa bienveillance; votre appui est de poids chez lui, je le sais, et pour moi il m'est essentiel d'avoir au moins un des membres du Collège sur lequel je puisse tabler. D'ailleurs à sa tournure et à ses relations je pressens qu'il sera le faiseur du tripot et je crois que la besogne sera bien entre ses mains. Sa mission de Constantinople, comme il l'a remplie, doit le mener loin, et il est d'âge de prendre le vent en poupe. Faites moi donc encore ce plaisir-là.

Voici quelques nouveautés littéraires. Le Siècle de Louis XV vous fera plaisir; non qu'il vous apprenne rien de neuf, mais il est traité d'une manière concise, les rapprochements en sont heureux, et c'est d'ailleurs une époque de l'histoire que vous aimez de prédilec-

tion; elle reporte votre attention sur un tems que vous avez vu et où vous avez commencé à prendre votre part des événements. Je n'ai pas encore lu *Les Réactions*, mais je les ai pris sur la foi d'un journaliste allemand d'Erfurt, qui en dit force bien.

18.

Moscou, 17 août 1798.

Je me flattais de jour en jour mettre fin à une multitude de petites affaires et vous en rendre un fidèle compte après; mais le bouleversement de la résidence, venu tout d'un coup, me renvoye aux calendes grecques, et Dieu sait quand tout finira.

Sans m'arrêter à une multitude de bruits qu'on répand ici, voici le certain.

1. Le comte Fedor Orlow *) renvoyé de Pétersbourg dans 24 heures; il est arrivé ici encore tout étourdi du coup.

2. *Петръ Ивановичъ Новосильцовъ* renvoyé, il est déjà ici.

3. *Татариновъ* renvoyé.

4. *Буксгевденъ* renvoyé. Palhen a sa place.

5. *Лопухинъ Петръ Васильевичъ* fait procureur-général. L'ukase est du 8; je l'ai vu.

6. Nélédinsky, perdu sa place. Défense de sortir de Pétersbourg jusqu'à nouvel ordre.

7. Nepluyew, qui était aux affaires étrangères, prend la place de Nélédinsky.

---

*) Ошибка въ имени, и надо разумѣть графа Алексѣя Григорьевича: братъ его Өедоръ умеръ за два года передъ тѣмъ. П. Б.

8. Le prince Alexis ne garde que la banque sucursale et l'*Удѣльное*.

9. M-r Zawadowskoy la banque d'assignation et celle de vingt ans.

10. *Растопчинъ* rappellé; il a passé par ici hier.

11. Le prince Gabriel Gagarine appellé. 30 mille roubles pour son voyage.

12. *Плещеевъ* congédié.

Voilà les effets visibles; les causes sont encore inconnues. On dit qu'il a passé un courrier au prince Jacques Labanow, qui est par semestre à sa terre de *Вязьма* depuis un mois. Il y a longtems que je n'ai eu de ses nouvelles. Mon ami Pestel est malade depuis 8 jours. Tous les esprits sont tendus à découvrir les causes. Les troupes d'ici ont ordre de marcher. Le comte Soltikow prendra ses quartiers à Kiew; Miatlew y va aussi avec sa femme.

Il n'y a rien du tout en libraire. La censure étouffe toute espérance à cet égard. Le journal littéraire de Pétersbourg est une drogue.

19.

Moscou, 6 VIII-bre 1798.

Voici le voyage du ci-devant marquis de Châtelet. Vous m'obligeriez de me faire passer les Mémoires de Clery *); il n'y en a encore ici qu'un exemplaire unique, et on se l'arrache. Dans les № 136 et 140 de Pelletier avez-vous observé un extrait d'un ouvrage qu'on dit de m-r Ségur sur le règne passé et une lettre de Richer de Serizy sur le dit ouvrage? Si cela vous a échappé, revenez-y.—Rien de nouveau ici que le passage du prince Alexis; il a eu lieu avant-hier; il ne s'est arrêté ici que 3 heures: arrivé à 3 heures de l'après-midi, il a fait une collation, a dormi un instant et à 6 heures est reparti. Il est parfaitement calme, sans la moindre humeur et tout-à-fait sage. J'en ai vu qui ont moins déchu, ou plutôt de moins haut et qui témoignent plus de jactance. La comtesse Apraxine Елисавета Кириловна part aujourd'hui pour dire adieu à son père et de là par Kiew à Prague.

J'ai été hier d'un très-grand dîner chez Miatlew; toute la famille du maréchal en était. Nous étions, je crois, une trentaine. Très-bonne chère.

Mandez moi, je vous prie, si vous savez quelque chose de positif sur la résolution que prendra ou a pris mon oncle Simon. J'ai dans l'idée qu'il tâchera de s'en dispenser. On croit ici que ce serait très-impolitique et que ses enfants perdraient à son refus. Je sais bien qu'à sa place moi je refuserais; mais je souhaite aussi qu'il fasse autrement.

*) Камердинеръ Людовика XVI-го, бывшій при немъ и въ заточеніи. П. Б.

20.

Moscou, le 9 novembre 1798.

C'est un vrai malheur pour moi de perdre mon ami Pestel. Il est malheureusement décidé qu'il reste à Pétersbourg, il en fait membre du *Почтовое Правленіе* et prend en même tems la place de Hahn. Ce dernier a eu sa retraite avec une pension. La place d'ici a été donnée à son frère Nicolas qu'il avait pour adjoint. Je suis inconsolable de ce déplacement. Cela dérange tout-à-fait mon système d'habitude et le cercle entier de liaisons que je m'étais formé pour le présent et l'avenir. La poste d'hier a pareillement apporté la retraite du prince Jaques Labanow. On faisait un pont d'or à ce dernier pour qu'il restât au service, mais il n'en a tenu compte. On lui a laissé ses appointements pour pénsion. C'est une vraie perte pour le service.

J'ai dîné hier chez le prince Alexandre Kourakine, qui me charge de vous dire combien il est sensible à votre souvenir. Comme il passe l'hiver ici, il se promet de vous voir beaucoup. Nous jouons Vendredy prochain la comédie: Le Bourru Bienfaisant et Les Filles Amoureuses. J'ai bataillé longtems, mais la maréchale me l'a fait promettre, elle l'a demandé avec tant d'instance que je n'ai pu lui refuser cette satisfaction. Ce sont ses filles qui jouent avec. M-me Miatlew s'en acquitte fort bien. Le prince Bélosselskoy en partant nous a laissé la jouissance de son théâtre. et c'est la ma-

réchale qui en fait les honneurs. J'ai été le 6 au bal qu'ils ont donné; l'assemblée était des plus brillantes. Tous les congédiés de Pétersbourg y étaient. Le comte Nicolas Romanzow m'a demandé de vos nouvelles et si vous reviendriez bientôt. Il compte qu'Anna Nikitichna viendra ici cet hyver. Notre Moscou se peuple fort.

Vous savez sans doute déjà qu'il y a eu des avancements au Sénat. Mon beau-père a été fait *дѣйстви-тельной тайной* et mon beau-frère Divow *отставленъ тѣмъ же чиномъ*. Ma soeur est toujours à Teplitz et ne se porte pas bien; il y a trois mois qu'elle ne m'a écrit.

Protassow m'a dit que le refus de mon oncle Simon ne lui fera pas le moindre tort et qu'on le pressentait d'avance. Il se répand ici que le congé de mon cousin Dachkow pourra avoir de mauvaises suites, que le maréchal Kamenskoy a écrit et veut aller en personne se jeter aux pieds de Sa Majesté et demander un *военной судъ* pour juger son fils, disant que s'il est en effet coupable, l'exclusion du service n'est pas une peine suffisante et que s'il ne l'est pas, on lui fasse réparation et justice du *фальшивой* et *ложной доносъ*. On dit avoir vu la lettre, et les militaires prétendent que dans cette affaire Kamenskoy n'est pas du tout fautif.—*L'отставка* de mon cousin est attribuée ici à une vivacité qu'il a eu dans la maison de m-r Bekléchow et surtout au peu de liant et à la morgue qu'il a mis avec ce dernier depuis ses succès de Pétersbourg. Je vous donne tout cela comme je l'ai reçu, bruits de ville et pas davantage.

Je ne saurais me figurer que mon ami Pestel soit aussi bien là-bas qu'il était ici; à coup sûr il y sera

moins tranquille: il aura à combattre des abus enracinés depuis longtems, et les exemptions particuliaires qui troublent l'ordre général auront en lui un vigoureux adversaire. Il aura à balayer les étables d'Augias et taxé de réformateur; il aura mille petites contrariétés qui ensemble produiront un dégoût et un découragement général. Fasse le Ciel que je me trompe; mais voilà l'expectative que je lui prévois. Il a déjà écrit à sa femme de tout préparer pour l'aller joindre au premier traînage. J'ai le coeur ulcéré de les voir partir. Ce sera un motif de plus qui me fera désirer d'être placé dans l'étranger. Faites moi le plaisir d'entretenir cette idée quand vous écrivez soit au chancelier, soit à son neveu *). Ce dernier m'a témoigné de l'amitié, et il lui serait facile de me procurer ce bien, le seul que je désire. Il a été encore question de la retraite de Mestmacher; nos flottes en mer pourront peut-être avoir besoin d'un agent à Hambourg. Tout cela peut s'arranger, et moi je ne demande à Dieu qu'une de ces places tranquilles dans un climat plus doux. Je commence à avoir des craintes sur la poitrine de ma femme.

*) Викторъ Павловичъ Кочубей. П. Б.

21.

Moscou, 20 avril 1799.

Gloire dans les hauts et paix sur la terre! Je ne bouge pas de mon jardin; le printems nous est venu si subitement qu'on n'a pas eu le tems de faire les travaux qu'il nécessite, et les fêtes de Pâques qui s'y joignent encore retardent la besogne. Cependant à force de criailler je fais un peu avancer les choses. J'ai dans ce moment des giroflées d'hyver en fleur d'une beauté miraculeuse. Tout Harlem réuni ne saurait en avoir de plus belles.

On assure ici que mon oncle Simon vient prendre la place du défunt, qu'il y a même déjà un указъ qui le déclare chancelier de l'empire. Je vous assure que si cela est, j'en serai à la fois fâché pour lui et bien content pour moi.

Ma tante Dolgorouky *) m'a chargé de vous saluer de sa part quand je vous écrirai. Elle disait en parlant de vous: *вотъ настоящій умница; во время онъ умѣлъ и успѣлъ убраться.*

---

*) Княгиня Екатерина Александровна, супруга князя Юрія Владимировича, урожд. графиня Бутурлина. П. Б.

22.

Moscou, ce 15 juin 1799.

Ce que nous n'avons cessé de prédire, vous et moi, mon cher oncle, est enfin arrivé: notre bon ami Pestel a eu le 6 de ce mois son congé de la façon du monde la plus sèche. La veille au soir il avait encore été chez Sa Majesté, en a fort bien été reçu, a fait confirmer le testament de la pauvre m-me Barasdine (jadis comtesse du Montel), qui l'avait fait tuteur de ses enfants du premier lit avec son mari Barasdine, et le lendemain vers le midi il reçoit un ukase qui le renvoye *въ Герольдію впредъ до опредѣленія*, et sa place donnée au comte Golovine Nicolas Nicolaïtch, qui en même tems est fait sénateur ou 1-er département. C'est un tour de Rostopchine, j'en suis sûr. Voilà les plus belles espérances de fortune au diable. Ils comptent venir bientôt ici et vivre à la campagne. Dans cette bouffée de faveur il ne peut pas avoir eu encore le tems d'asseoir sur des bases un peu solides ni sa fortune, ni l'état futur de ses enfants. Je le plains bien sincèrement. C'est une victime de l'ambition de plus. On dit que le nouveau *штатъ* de la poste, qu'il a fait passer et confirmer d'un trait, lui a fait une quantité d'ennemis puissants. Je suis attéré du coup.

Rien en littérature. La censure retient presque tout.

23.

Moscou, 13 juillet 1799.

Je suis seul dans la maison; tout le monde est parti pour Belkina, et je fais des réparations pour tâcher de rendre la maison plus chaude qu'elle n'était l'hyver dernier. Le peintre qui s'est brûlé la cervelle était un Allemand nommé *Massenhausen*; je l'ai beaucoup connu et je l'aimais, d'infiniment d'esprit, de génie, et avec cela très-instruit. Il s'est trouvé impliqué dans l'affaire d'un nommé *Kaufmann* qu'on a arrêté ici, qui faisait des faux assignats de banque, et le peintre craignant les suites s'est tué au moment que le maître de police venait chez lui. *Kaufmann* le coupable est un fabricant de papier, c'est lui qui a fourni et fabriqué à Kehl celui qui a servi pour le Voltaire de Beaumarchais, et c'est sa soeur qui l'a fait venir ici. Cette soeur est la femme de *Bentheim*, apothicaire jadis des martinistes dans la maison d'*Hendrikow* *) et à présent établi pour son compte dans l'apothicairerie de la Nikolskoy, chymiste du premier talent et très-riche.

*) Нынѣ Спасскія казармы близъ Сухаревой башни. П. Б.

24.

A Moscou, ce 20 juillet 1799.

Que dites-vous du froid de cette canicule? Il y a quelques jours que n'était la honte j'eus fait du feu dans la cheminée.—Riss, le petit libraire, va partir pour Pétersbourg afin de faire lui-même ses expéditions; d'après les notes nous devons avoir cette année des articles intéressants. Connaissez-vous un ouvrage périodique qui s'imprime à Kehl et qui se nomme *Le Nord* etc.? J'en ai parcouru quelques cahiers; il me paraît s'occuper fort de nous et avoir des notices très-fraîches et assez exactes. Il doit être très-fort à l'index. Si vous l'avez, communiquez le moi sous le sceau de la prudence, comme aussi les derniers numéros de Pelletier. Il y a d'excellents prunes de France d'arrivés. Mandez moi si vous en voulez une caisse; elles sont de 2½ à 3 pond.

25.

Moscou, ce 24 août 1799.

Riss mande de Pétersbourg que jamais la censure n'a été aussi rigide et aussi lente qu'à présent; m-rs les censeurs n'ouvrent de caisses que deux fois par semaine et ne font leurs séances que de deux heures, de sorte qu'il ne sort guères de leurs griffes que quatre caisses par semaine. Or, il y en a plus de 500 d'arrivées; jugez quel tems il leur faudra pour lire et censurer tout cela. Dieu les assiste! Mais ils me font sécher de curiosité et d'impatience.

L'altesse Lapoukine a été ici quelques jours. On lui a fait une cour assidue et nombreuse. Il ne compte plus retourner en cour, à ce qu'on dit. Vous n'êtes peut-être pas informé encore de la retraite de m-r Kotschoubé. C'est le comte Panine qui le remplace *въ должности вице-канцлерской*. Ce sont les termes de l'указъ. Le comte Rostopchine toujours très-puissant. Tatichew très-assidu et bien auprès du comte. On dit quil aura la place de Berlin. Notre ancienne connaissance Bekléchow conduit sa barque très-doucement et très-prudemment. Des gens qui connaissent bien la cause du pays prétendent qu'il consolide fort sa place et qu'il s'y maintiendra longtems. Je le désire pour l'état, car c'est un galant homme, et surtout pas brouillon.

26.

Moscou, ce 6 VII-bre 1799.

Vous vous rappellez un certain m-r Laval de la Loubrerie, employé dans les bureaux du vice-chancelier Kourakine et qui m'écrivit quelquefois des lettres que vous trouviez bien écrites. Eh bien, ce m-r Laval a été marié par ordre suprême (et cela dans une demie-heure) à m-elle Kositzkoy la riche, soeur de la princesse Bélosselskoy. La demoiselle l'aimait; mais comme il n'a absolument rien que ses gages et pas trop avancé dans le service, tous les parents n'en voulaient pas, surtout la mère de la demoiselle; l'heureux a engagé sa belle d'écrire le fait à Sa Majesté, et pour réponse est venu l'ordre de les marier dans une demie-heure. C'est m-r Pahlen qui y a aidé, car Laval lui a été attaché à Riga.

Le prince Dolgorouky Василій Васильичъ a eu ordre de sortir avec sa femme de Pétersbourg dans 24 heures et d'aller vivre sur ses terres. C'est la première fois, autant qu'il me souvienne, qu'il s'est fait mention de la femme dans un oukase. On ignore encore le pourquoi. Ils ont passé par ici Dimanche dernier, et la mère du prince en est saisie au point qu'on craint pour sa vie.

La princesse Kourakine (femme d'Alexis) est ici depuis une 15-ne de jours, et je la voie très-souvent. Le prince Alexis et Alexandre seront ici pour le 15 de ce mois. Madame Pestel est arrivée aussi avant-hier. Je continue à les voir comme auparavant, car depuis leur chute il semble que je les aime davantage.

27.

Moscou, ce 14 VII-bre 1799.

Voici les oeuvres posthumes de d'Alembert qui vous feront grand plaisir, j'en suis sûr. La notice sur Mylord-Maréchal m'a instruit de tout plein de choses que j'ignorais, et il y a quelques particularités sur m-me Geoffrin que peut-être vous ignoriez aussi. Dans l'ouvrage de m-elle Clairon l'épisode du margrave d'Anspach m'a fait bien plaisir. Je lis dans ce moment un voyage d'un Anglais *Swinton* en Suède, Danemark et Russie. Il était à Pétersbourg en 1790 et 1791, lors de la guerre avec la Suède. Jusqu'à présent je n'y trouve rien de saillant; peut-être cela vaudra-t-il mieux à la fin.

J'apprends dans le moment, mais avec certitude, que la comtesse Chouvalow a été remerciée, et sa place donnée à m-me de Pahlen.

28.

Moscou, ce 26 VII-bre 1799.

J'ai reçu deux de vos lettres, et me voilà tranquille sur votre santé. A force d'attendre il nous arrive pourtant quelques nouveautés, et toute la rigidité de la censure n'empêche point que dans tout plein d'ouvrages qu'elle laisse passer il ne se trouve tout plein de choses qui visiblement lui ont échappées. Il est question de nous dans les suivants:

1. Tableau historique, politique et moderne de l'empire Ottoman, traduit de l'anglais de Williams Eton, jadis consul d'Angleterre en Russie et en Turquie. 2 vol. in 8°.

2. Voyage à Constantinople, Archipel etc. en 1792. Sans nom d'auteur (mais très-piquant). 1 vol. in 8°.

3. Le Poëte. 4 vol. in 12.

Ce dernier est aussi sans nom d'auteur, mais à la fin je l'ai reconnu: c'est *Desforges*, qui a été comédien à Pétersbourg, principalement pour l'opéra comique, et auteur dramatique. Cet ouvrage est parfaitement bien écrit, mais obscène comme l'Arétin dans plusieurs endroits. Ce sont ses amours et ses aventures qu'il raconte. Il les a fort embellis comme de juste, mais on y trouve tout plein d'intérêt. Les noms sont indiqués assez clairement pour être reconnus; et il y a inséré une prétendue aventure amoureuse arrivée à Sarsko-Sélo entre le favori Korsakow et la comtesse Bruce ou Branitzky. Plutôt la première.

4. Voyage dans les États-Unis de l'Amérique, par La Rochefoucault. Liancourt, 8 vol. in 8°.

5. Voyage à Canton etc. par Charpentier, 1 vol. in 8°.
6. Histoire philosophique des révolutions d'Angleterre en 3 vol. in 8°.

Tous les princes Kourakine sont ici. Je suis presque tous les jours chez Alexis, où se rassemblent les autres. La princesse et ses enfants forment une société charmante; on y fait presque tous les soirs de la musique.

. . . .

29.

Moscou, ce 12 octobre 1799.

Le mariage de Kotschoubé a eu décidément lieu le 24 ou 25. La cérémonie s'en est faite à *Стрѣльна Мыза*, et c'est une affaire finie.

Quelques jours après m-me Zagriasky a eu une verte allarme. M-me Zoubow *Марья Войновна*, jouant au boston chez m. Z., a été frappée d'un coup d'apoplexie et est tombée roide morte. Jugez de la confusion que cet événement a du produire.

Le mariage de m-elle Tatichew, auquel vous vous intéressiez ici, ne se fait plus. La ville en jasera, mais le pis de l'affaire est que la demoiselle est, dit-on, très-amoureuse de celui qu'on lui avait permis d'aimer, et ce sont les parens qui défont le mariage à cause de prétendus dettes que le prétendu doit avoir. J'en suis fâché pour la famille, car les nopces annoncées et manquées laissent toujours une impression défavorable sur le compte de la jeune personne. En général la fin du siècle est fertile en mariages manqués ou peu solides.

Mes collègues en Archive, Bantisch et Sokolowskoy viennent d'être avancés par ancienneté. Autant doit m'en

venir bientôt, car ils n'étaient mes anciens que de quatre mois. Au demeurant je suis à présent tout-à-fait indifférent, car je ne compte pas vieillir au service. Le Collège à pris une tournure qui ne me revient guères, et la perspective d'une place dans l'étranger me tente bien moins que jadis. Tout cela est beaucoup trop versatile pour qu'on puisse compter dessus.

Que dites vous de m-r Tatichew devenu troisième membre du Collège? Voilà le salaire de tous les services passés de m-r Alopéus. J'en suis fâché pour ce dernier qui, dit-on, n'a pas les moyens de quitter. Non, je ne me ferai jamais aux vicissitudes. Je suis rustique et fier et j'ai l'âme hautaine.

Il faudra voir à présent comment et combien de tems le comte Panine demeurera dans la bagarre. Pour les connaissances il serait à désirer qu'il restât; mais il manque, je crois, de cette souplesse qui fait le plus grand mérite de ses collègues. Je voudrais entendre raisonner sur les matières du tems ces apprentis diplomates. On doit en entendre de belles. Le tems découvrira le fruit de leurs oeuvres.

Vivons et laissons vivre; cultivons nos laitues et tant que nous pouvons lire, transportons nous dans le passé. Ces reminiscences ont leur charme.

30.

Moscou, le 26 VIII-bre 1799.

Nous sommes ici dans les fêtes; j'ai appris cela hier par le tintamarre des cloches; on les sonnera pendant trois jours pour les nopces des grandes-duchesses [1]. Mais jusqu'à présent ce n'est encore que le clergé qui en est instruit, car les gouverneurs civil et militaire n'en ont point encore avis. Le prince Alexis Kourakine est bien sensible à la bonne opinion que vous avez de lui. Vous devez avoir dit à un nommé *Nowitsky* (qui a perdu une pêcherie par la donation qu'on a faite à mes cousins) que vous étiez assuré que les princes ne le laisseraient pas dans le besoin, que tout deux étant à Moscou, il ne pourrait faire mieux que de s'adresser directement à eux etc. Il a suivi votre avis avec succés, car mes cousins [2], sans information ultérieure que la déclaration du quidam de ce que cette pêcherie lui donnait, lui ont assuré la même somme en pénsion viagère. Quoique ces affaires paraissent se traiter en commun par les deux frères, je vois néanmoins que c'est Alexis qui conduit principalement la barque, et à tous égards elle en sera mieux conduite. Cette nouvelle vous fera sans doute plaisir, puisque vous connaissez l'homme.

---

[1]) Великія княжны Александра и Елена Павловны обвѣнчаны почти одновременно. П. Б.

[2]) Бабка графа Д. П. Бутурлина была урожд. княжна Куракина. П. Б.

Je vous recommande fort le Voyage dans l'Amérique de La Rochefoucault, Liancourt. Je suis à la lire dans ce moment, et il me fait plaisir.

Deux ou trois banqueroutes à Londres en ont fait faire une cinquantaine à Hambourg et quelques-uns à Pétersbourg. On prétend entre autres que celle de Maas est des plus frauduleuses. La veille encore de sa faillite il a reçu plusieurs sommes des marchands russes qui sont furieux et qui l'ont fait arrêter. Le sucre était fort tombé, mais depuis huit jours il remonte. On dit que jamais la douane n'a été aussi mal administrée que dans ce moment. Tous les magasins regorgent d'objets de contrebande, et les droits d'entrée sont dit-on très-minces cette année. Toutes les boutiques de S-t Pétersbourg ont été scellés pendant trois jours, on ne sait au juste pourquoi. Il y a un oukase pour faire voyage des sénateurs, comme nous avons fait il y a 12 ans[3]). Ce sont messieurs Трощинской et le prince Stcherbatow qui viendront inspecter Moscou.

[3]) Въ 1787 году графъ А. Р. Воронцовъ объѣзжалъ Поволжье. П. Б.

31.

Moscou, ce 2 novembre 1799.

Nous n'aurons les Mémoires de Bertrand que par le traînage.

M-r Wasiliew restitue de sa poche toutes les années qu'à couru la pension de m-r Laharpe. Ce dernier déchu de tous ses ordres et blâmé authentiquement.

La cour de Vienne, pensant bien faire, avait envoyé la princesse Dietrichstein pour ramener la grande-duchesse après qu'elle aurait été mariée à son palatin; point du tout. La princesse et le prince Dietrichstein qui était venu avec, ont été arrêtés au schlagbaum de Gatschina sans passer outre, et il leur a été enjoint de quitter l'empire dans huit jours au plus tard. On prétend que c'est pour avoir cherché à dissuader la grande-duchesse de faire ce mariage. Bref, ils sont partis ignominieusement, et la comtesse Chouwalow *) en est fort affligée comme de raison.

Mon pauvre baron Sprengporten est encore exclus pour avoir demandé son congé. Or, il est de fait qu'il est presque aveugle et tout-à-fait éthique. Il y a des gens qu'en vérité la fatalité poursuit et qui me feraient quasi croire au destin d'Oedipe.

---

*) Мать княгини Дидрихштейнъ. П. Б.

Dites-moi, je vous prie, si pendant votre séjour en Angleterre vous avez connu personnellement le lord Orford, alors Horace Walpole? Je me suis mis à lire en anglais ses oeuvres dont on a fait une nouvelle édition complette et belle, et je m'interesse fort à lui. Il a été longtems à Paris et il était dans l'intimité de madame Du Deffant. C'est à tous égards un homme intéressant.

Donnez-moi des nouvelles de mon oncle Simon. On dit qu'il à la sur-inspection de la jonctin de nos troupes avec celles d'Angleterre en Hollande. On dit que notre armée en Hollande a manqué de pain pendant trois jours, et d'autres munitions de guerre pendant plus longtems.

On dit que dans la banqueroute frauduleuse de Maas le pauvre Defkine *) perd 20 mill. roubles qu'il lui avait confié deux jours avant la culbute.

---

*) Сохранились письма этого Дѣвкина къ графу А. Р. Воронцову. П. Б.

32.

Moscou, 9 novembre 1799.

J'ai été au bal du maréchal le 6 de ce mois. L'assemblée était nombreuse et très-brillante. Là j'ai appris de gens que je crois peu hâbleurs que

1. Nos troupes et les anglaises ont évacué la Hollande par une capitulation bien honteuse pour le duc d'York.

2. Souworow a battu une partie de l'armée du général Masséna; 6000 de tués, 3500 prisonniers; mais après ce beau coup il part tout de suite et se joint à l'archiduc. Pour ce fait d'armes il est fait *généralissimus*.

3. Le grand-duc Constantin pour ses exploits militaires a reçu le titre de *Цесаревичъ*. L'oukase est du 28 octobre. Je l'ai lu hier de mes yeux chez le prince Repnine où j'ai dîné.

4. Il y a dans les derniers *приказы* des exclusions bien ignominieuses, item des renvois de service; entre autres trois généraux, qui, blessés dangereusement dans la première affaire de Korsakow, étaient restés à Zurich des suites de leurs blessures, pris dans leurs lits par les Français à leur retour; ils ont été exclus de notre service.

5. On assure que Buonaparte est de retour en France et qu'il a débarqué à Toulon sur trois bâtiments en passant à la barre de l'escadre de Nelson.

6. On croit que la cour passera tout l'hyver à Gatchina.

Voilà mon chapelet au bout.

Dites moi, je vous prie, si vous n'avez pas reçu de mon oncle Simon une lettre pour moi. Il a tiré sur moi pour 21 livres sterlings et 16 schilings que j'ai accepté à tout événement. C'est la maison *Tames* qui m'a présenté l'effet et qui l'a reçu de *Thompson* et *Peters*. Je suppose que ce sera pour quelque objet que je lui ai demandé et dont je n'ai pas encore avis. C'est moi-même qui l'ai prié l'année passée d'en user ainsi pour éviter toute gêne de part et d'autre.

Nous avons ici un tems affreux: de la crotte jusqu'à l'échine; il fait nuit en plein jour, et je ne sais plus comment est fait le soleil. Toutefois je vous attends pour le 6 du mois prochain.

Je lis dans ce moment le Tacite de la traduction du *Dureau de la Malle*, dont je vous ai parlé l'hyver dernier, et par ma foi c'est du bon. Je me suis avisé de comparer la vie d'Agricole de cette traduction avec celle de d'Alembert dans ses mélanges, et d'Alembert a le dessous.

33.

Moscou, ce 16 IX-bre 1799.

Les papiers étrangers vous auront donné la ridicule et humiliante capitulation du duc d'York; mais ce que les papiers ne disent pas et qu'on sait ici par voie sûre, c'est que non-seulement les Anglais et surtout le duc d'York n'ont pas tenu ce à quoi il s'étaient engagés, mais ils ont toujours fourré nos troupes partout où il y avait le plus de danger, et le duc était continuellement dans les vapeurs bachiques. Le prince Repnine, ayant son petit-fils bien aimé Nicolas auprès du général Hermann, a eu sur cette affaire les plus grands détails, et il affirme que le pauvre Hermann n'est que malheureux, tandis que le duc d'York est pis que cela. En général nous ne sommes pas heureux quand nos armées sont jointes à d'autres, et la graude nation n'a pas mal calculé de compter beaucoup sur le peu d'union interne de ses adversaires coalisés. La grande relation du généralissimus que vous aurez sans doute vue tout au long dans la gazette de Moscou en est encore une nouvelle preuve. Je suis fâché à par moi qu'on aie publié cette pièce en entier. Les allégations contre la conduite de l'archiduc Charles n'avaient (à mon avis) nul besoin de cette publicité, et sous cape cela en aigrira d'autant les esprits de part

et d'autre. Il y a longtems que je pressens que nous serons dans cette affaire dupés par la cour de Vienne, qui en vérité ne met nulle bonne foi dans sa façon d'agir, et je suis d'avis que dans la publication de l'Empereur au sujet de la marche de ses troupes les termes de *conserver l'intégrité de la France*, de ne la *point démembrer* en cas de succès, ces termes, dis-je, doivent être de dure digestion pour nos alliés. On ne demanderait pas mieux que de se servir de la patte du chat pour tirer les marrons du feu. Mais aussi je désirerais que les meneurs redoublassent d'attention pour que nous ne soyons pas les dupes. Mon Dieu, comme hors des affaires il semble qu'on les voit dans un jour plus juste, que ceux qui sont dans le courant.

Je donne aujourd'hui un grand dîner au prince Repnine et sa famille, ainsi qu'à celle du prince Alexis, que de jour en jour j'aime davantage. Il est en vérité admirable dans sa condition privée.

34.

Moscou, 29 novembre 1799.

Ma belle-soeur Machou vient d'être pardonnée et rappelée à la cour. C'est la princesse Lapoukine qui a obtenu ce rappel. Il résulte de cette affaire que c'est encore à ma femme à faire cette course pour la ramener, le père ne pouvant pas quitter son Sénat et les tantes peu disposées à jetter de l'argent pour courir le pays. Qu'il advienne malheur ou bonheur dans la famille, la fatalité me met toujours en avant moi, pour payer les pots cassés. C'est toujours à moi à jouer de la poche. Je suis absolument comme les ballets de l'opéra. Quand la princesse est gaie, on partage sa gaieté, *et l'on danse*. Est-elle affligée ou triste, on cherche à dissiper son chagrin, *et l'on danse*. Soit fait comme il plaît à la Providence! Ce sera six semaines d'inquiétudes pour ma femme et environ deux mille roubles qu'il faudra lâcher de surérogation. Je vous avoue que je ne m'attendais pas à ce petit bénéfice, mais Épictete et la fin du siècle m'ont appris à prendre le tems comme il lui plaît venir.

La retraite de Walouyew est une fausse nouvelle; on a confondu: c'est sa fille cadette qui a été renvoyée de la cour pour avoir dit des choses déplaisantes à la princesse Lupoukine. La belle Dolgorouky est aussi pardonnée de son exil; il lui est permis et à son mari d'habiter ici, où ils sont arrivés hier.

35.

Къ графу Семену Романовичу.

Moscou, ce 26 mars 1800.

J'ai à vous remercier pour les livres que vous m'avez expédiés l'année dernière et que je n'ai reçus moi que depuis quelque semaines. Ils ont séjourné plusieurs mois à la censure de Pétersbourg, tandis qu'au premier coup d'oeil il eût été facile de les juger incensurables.

Je ne sais si vous êtes informé que j'ai eu mon congé du service dans la réforme qu'on a faite à l'occasion des nouveaux штаты du Collège. On a réformé plusieurs sujets qu'apparemment on a jugé inutiles; j'ai été de ce nombre et m'en suis facilement consolé. Je ne suis nullement ambitieux, et c'est réellement par un acquit de conscience que j'ai cru devoir il y a trois ans renouveller mes offres de service, dans la seule partie où je croyais pouvoir être de quelque utilité. J'ai fait ma besogne pendant trois ans sans appointements, et au moment où par ancienneté je devais être avancé, je me suis vu à l'index. La volonté de Dieu soit faite! Je ne vous en parle, mon bien cher oncle, que parce que très-jaloux des garder votre estime il m'importe beaucoup que vous soyez con-

vaincu que dans cette affaire il n'y a nullement de ma faute et que je n'ai de mérite d'aucune manière.

Je me fais un plaisir de voir et de lier amitié avec mon cousin Michel. Sauf changement il était question de sa venue ici cet été, et comme je ne doute pas qu'il ne sache bien voir, cette tournée dans sa patrie ne peut que lui être fort profitable pour la connaissance du local. A son retour auprès de vous je suis persuadé que ses récits seront pour vous d'un grand intérêt. Quelque fidèles et détaillés que puissent être les renseignements que vous pouvez avoir sur votre patrie, je vous garantis que vous êtes loin d'en avoir une idée juste. Depuis près de vingt ans que vous en êtes absent, le globe en général a essuyé de trop fortes secousses pour que certaines parties n'ayent varié du tout au tout. Pour ma part, je bénis Dieu de mon heureuse obscurité, et comme Jean Lapin dans mon gîte, je vis beaucoup plus avec les livres et les plantes qu'avec les hommes. Non que je les fuie; je n'en suis pas là, mais des 24 heures de la journée plus de la moitié est certainement dévolue aux livres et au jardinage.

Mon aîné *Петруша* a fait la conquête de ses grands-oncles et tantes. La princesse Dachkow en raffole, et mon oncle Alexandre (d'ailleurs assez froid de sa nature) passe des heures à causer avec ce bambin. Que Dieu lui conserve cette bienveillance des siens! C'est à mon avis la vraie bénédiction d'Israél. A son sujet je ne vous cacherai point que je l'ai trouvé cet hyver bien plus faible que les années précédentes. Les pertes d'amis qu'il a faite ont à mon avis fort influé sur lui.

Celle surtout du feu prince E. et de m-r Protassow, qui se sont suivies de près, l'ont beaucoup ému.

Je suis persuadé que la situation générale des affaires dans lesquelles il a autrefois eu sa part ne lui saurait être indifférente; dès lors il est également naturel qu'il s'en affecte quelquefois, et la mutabilité des tems prête fort à ses craintes.

Je prends la liberté de vous envoyer par cette occasion aussi du gruau de deux différentes sortes. Je sais que vous l'aimez.

36.

Къ графу Александру Романовичу.

Ce 11 avril 1800, Moscou.

Le prince Sibirskoy et Tourtchéninow ont enfin subi leurs sentences, le premier *за упущеніе* et l'autre *за воровство и похищеніе.*[1] Tous deux la même peine: l'épée cassée sur la tête, privés de grades et noblesse, leurs biens confisqués, promenés par les rues de Pétersbourg, les fers aux pieds et aux mains, et enfin envoyés pour leur vie aux mines de Nertchinsk, où ils vont à la chaîne avec les autres galeriens. Le premier venait d'être fait général en chef par ancienneté pendant l'instruction de son procès qui n'a pas arrêté son avancement. On dit que cette sentence et surtout sa prompte exécution a frappé tout le monde à Pétersbourg, et je le crois facilement.

Le prince Mecherskoy, marié à la fille de Петръ Ивановичъ Измайловъ, est mort le jour de Pâques.

Ma femme a été hier à l'assemblée de la noblesse qui a eu lieu pour la dernière fois de cette année. La société était très-nombreuse et très-brillante.

Nous avons eu le Vendredy Saint une très-belle passion à S-t Louis prêchée par l'abbé Surrugues qui a enchanté tout le monde. Le prince Wiasemsky est malade; ses accès me semblent devenir plus fréquents.

37.

Moscou, 2 may 1800.

L'oukase du 18 dernier interdit l'entrée de tous les livres, dans quelque langue et sur quelque sujet que ce puisse être, idem la musique avec paroles et sans paroles, le tout jusqu'à nouvel ordre.

Les libraires en sont désespérés. Nous savons, vous et moi, ce qu'en diront les amateurs de livres.

Jeudy dernier ordre aux deux frères Архаровъ de quitter Moscou dans 12 heures et de se rendre à leur terre à Tambow, ce qui a eu lieu. Au départ de Jean, il a reçu des témoignages de regrets si véhéments et si tumultueusement authentiques de toutes les classes de la société, surtout des soldats, que l'on croit qu'ils exciteront l'attention supérieure *). Au moment qu'il a reçu l'ordre, il se trouvait sans argent, et il lui en fallait et pour la reddition des comptes militaires et pour ses affaires personnelles. Dans une heure et demie 40 mille roubles ont été rassemblés, et lui ont été offerts sans intérêts, dont il n'a accepté que 26 mille, assurant que cela lui suffisait. Le même oukase lui intimait de rendre sa chancellerie et tout le gouvernement militaire et son régiment et ses commissions, enfin tout, au maréchal, ce qu'il a effectué dans quelques heures. Sa femme et ses enfants sont partis trois jours après lui, et ces trois jours sa maison et sa cour ne

---

*) Дочь Ивана Петровича Архарова, покойная Александра Ивановна Васильчикова помнила это переселеніе въ Тамбовское помѣстье Разсказово и передавала намъ, что предъ выѣздомъ изъ Москвы Карамзинъ, желая выразить свое сочувствіе, привезъ родителямъ цѣлый мѣшокъ книгъ для чтенія дорогою и въ деревнѣ. П. Б.

désemplissait pas; ils ont été accompagnés à quelques verstes de la barrière par une quantité de monde de tout rang et de toute condition. En un mot, grande commotion publique. Quant au Nicolas, on l'a vu partir peu regretté.

38.

Moscou, 22 may 1800.

De jour en jour tous les prix haussent, et on n'en débite pas moins. Le goût du luxe n'a plus de bornes. Le marchand assure que ce sont les derniers prix, mais le numéraire est tellement rare ici que je suis assuré qu'à la vue de l'effectif il en rabattra 10 et même 15 pour %.

Le bruit de la grâce du prince Sibirsky qui s'était répandu ici ne se confirme nullement. On assure que m-rs Cobentzel et Withfort sont partis et que les cartes s'embrouillent davantage. On attend la maréchale de jour en jour, et il paraît que son voyage aura relevé les affaires de son mari.

Il est question de la vente de Woronowo assez sérieusement et quoique l'acheteur ne se nomme pas, il paraît que c'est le comte Rostopchine. Mon beau-père en demande 350 mille, et je crois que cela s'arrangera pour 300 mille. Je dirai toujours que c'est beaucoup de roubles pour 750 paysans.

39.

Moscou, 30 may 1800.

Tous les izwotschiks sont bannis de Pétersbourg à cause d'un individu de cette classe qui a été saisi à la parade sur ce qu'il portait toujours la main sous son habit. La police, attentive aux moindres mouvements, a présumé qu'il voulait présenter une requête en main propre (ce qui est sévèrement défendu) et l'a fouillé. On lui a trouvé une paire de pistolets et un poignard, et sur cela interrogé en justice criminelle il a dit en fait des aveux dans le genre de Ravailhac, que c'était une vocation du Ciel et que plus de mille de ses confrères étaient dans la même voie, auxquels on n'échapperait pas. Enfin il doit avoir étonné par ses réponses. Il a été knouté et mort quelques heures après. On varie encore sur les détails; mais ceux-ci sont les plus généraux et semblent être les plus vrais.

Grande rumeur ici dans le monde agioteur. Le général de police a annullé et déchiré plusieurs lettres de change, sans autre enquête préalable que l'aveu du débiteur qu'il y a dans cette sienne dette une partie à lui fournie point en argent, mais en effets, et sur cela, sans examiner le *quantum* effectif, on fait venir le créancier porteur du titre et on réduit la dette au

tiers, au quart et souvent à moins. Le sieur Tatichew de la grande maison de la Porte Rouge *) vient la semaine passée de payer de cette façon près de 100 mille roubles. On dit que pour moyens conciliatoires dans ces transactions forcées on propose aux créanciers l'alternative des frontières dans le moment, de la Sibérie, des travaux publics et autres pareilles gaietés, ce qui ne laisse pas que de les presser un peu. Aussi c'est, dit-on, fini dans une matinée. Malheur à qui pour le moment a besoin d'argent! Toutes les bourses se serrent à la vue d'une jurisdiction aussi expéditive.

Il s'est répandue hier au soir la nouvelle, comme si le maréchal Valentin Pouchkine avait reçu dans la journée par un feld-jäger l'avis confirmé par Sa Majesté du divorce effectué entre son fils et sa femme, née *Bruce*, qui sur sa demande en séparation a prétexté une spoliation de ses biens qu'on lui avait fait faire en âge de *minorité*. On a obtempéré à ses prétentions, et elle reprend tous ses biens avec la liberté de sa personne, et m-r *Derjavine* pour tuteur. On dit que cette nouvelle a été un coup de foudre pour la famille et que tous en sont atterrés.

*) Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, извѣстный мартинистъ. П. Б.

40.

Moscou, ce 20 juin 1800.

M-r de Viomenil a eu son congé du service (dans les приказы) pour n'avoir pas quitté l'Angleterre tout aussitôt qu'il en a reçu l'ordre, et l'on assure ici que cela n'était pas praticable par tout plein d'empêchements venants du gouvernement anglais. Dieu sait ce qui en est, car pour nous les gazettes mutilées qu'on reçoit ne sont nullement propres à rien savoir de certain.

Il a éclos du cerveau financier du prince Gabriel *) une nouvelle race de commis de douane pour l'intérieur de l'empire, lesquels, fixés aux barrières de la ville et sans autre *donnée fixe* que la sûreté de leur coup d'oeil, arrêtent au *schlagbaum* toutes les caisses, ballots etc. qui entrent en ville, et soit à la barrière même, soit chez le propriétaire à qui les ballots sont adressés, visitent les caisses avec la seule formule: *nous croyons qu'il y a de la contrebande*. Cette salutaire institution a commencé ici avant-hier. Lundi dernier et hier déjà les clameurs du monde commerçant m'en ont donné la nouvelle. Ces exécutions sont, dit-on, accompagnées d'un appareil plus militaire que financier et qui ajoute à l'allarme que donne déjà cette nouveauté par elle-même. Vous teniez toujours au principe suranné (*de douane et visite aux frontières et libre circulation dans l'intérieur*). Il paraît que vos successeurs ont sur cette partie des idées ou des principes à la hauteur desquels vous n'avez pas sçu vous élever. *Вѣкъ живи—вѣкъ учись*!

---

*) Князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ. П. Б

41.

Moscou, ce 4 juillet 1800.

On dit que les fêtes de Мареино ont été superbes et très-sentimentales.—Je vous annonce le mariage de ma cousine Dolgorouky avec un prince Горчаковъ, neveu du feu généralissime. Ma tante en paraît très-contente, quoique ce ne soit pas un parti riche. On dit qu'il n'a pas 500 paysans, mais que c'est un très-aimable et bon jeune homme.

Les fouilles douaniques aux barrières d'ici continuent de plus belle. On a déjà, dit-on, beaucoup saisi de marchandises. Chaque jour voit éclore quelque nouveauté en police. C'est tout à tour de l'argent ou des hommes en nature ou des cartiers à fournir. Pour ma part j'ai dans ce moment à la fois 72 soldats en quartier, 2 hommes au *siège* du quartier et des *складочныя деньги* pour je ne sais combien de chambres. C'est d'une gaieté étonnante surtout par l'arbitraire et la politesse des formes qu'on met dans toutes ces formalités.

Il faut de tout remercier la Providence!

42.

Belkina, ce 26 juillet 1800.

J'ai pour lecture dans ce moment Fréron. La collection complète de ses écrits périodiques serait à mon avis une précieuse rareté. Il y faudrait joindre les volumes de son prédécesseur Desfontaines.

Quelque partisan que je suis de Voltaire, je ne puis me refuser à donner mon assentiment à Fréron dans quelques-unes de ses analyses. Marmontel surtout et La Harpe sont ses plastrons favoris. Ce sont les années 1756—1763 que je tiens dans ce moment, et elles me paraissent des meilleures: Les Disputes Musicales, l'Encyclopédie, la Prise de Minorque, les pièces de théâtre de ce tems-là: tout cela sont de si beaux thèmes pour Fréron, que quand je tiens un volume, je ne le saurais quitter sans l'achever. Vous, mon cher oncle, qui avez vu cela sur les lieux et dans le tems, vous devez reporter vos souvenirs sur ces volumes avec bien plus d'intérêt que moi. Cependant, je trouve que pareille lecture, quelqu'amusante qu'elle soit d'ailleurs, laisse dans l'esprit une teinte de mélancolie. Après avoir quitté le livre, je me demande à moi-même: est-ce le monde en général, les hommes qui ont changé, ou serait-ce moi qui ne les vois plus des mêmes yeux? N'ayant pas quarante ans et remplissant à souhait toutes les fonctions animales tant du corps que de l'entendement, je ne saurais encore attribuer à l'âge cette dégradation de sensibilité, qui me fait voir ces années plus en noir que les vingt précédentes. Toutefois, en m'égarant sur la cause, je ne saurais en nier l'effet.

43.

Moscou, ce 26 VII-bre 1800.

J'ai vu hier le maréchal chez sa fille la comtesse Orlow. Il m'a donné la nouvelle du renvoye du service du trop fameux *Lindener* *). Dieu en soit béni! On dit que ses faits et gestes vont être épluchés. S'ils le sont avec justice, Dieu sait ce qui l'attend; car il a dit-on, fait des horreurs de tout genre.

Jeudy 27.

On disait que m-r Lwow le bâtisseur en terre était à toute extrémité et qu'on doutait qu'il passât la journée. Je ne savais seulement pas qu'il était ici.—Le roi de Naples a envoyé un comte de Belmonte Pignatelli avec quatre cordons de son nouvel ordre de S-t Ferdinand; l'Empereur, le grand-duc Alexandre et les comtes Rostoptchine et Panine en ont été décorés, et par contre S. M. I. envoye *Василій Ивановичъ Левашовъ* porter à Naples le S-t André à sa majesté napolitaine. Il se pourrait faire que Bonaparte abrégeât la route de Léwachow en faisant aller vers Vienne sa majesté sicilienne.

---

*) Это былъ Полякъ Лининскій, для успѣховъ по службѣ назвавшійся Линденеромъ. Угождая страсти Павла Петровича къ воинскимъ внѣшностямъ, погубилъ онъ много Русскихъ людей. (Слышано отъ А. П. Ермолова). П. Б.

44.

Moscou, ce 11 octobre 1800.

En fait de nouvelles il n'y a que celle de l'ex-procurer-général Samoylow reclus dans la forteresse avec une *clause nouvelle.* C'est *pour sa vie,* dit-on, et en même tems une tutelle établie pour la régie de ses biens au nom de ses enfants sans faire la moindre mention de sa femme. Que la régie soit établie et lui retranché de la société, ces deux points sont très-certains; mais on varie encore sur le lieu de sa reclusion: les uns opinent pour la forteresse, les autres pour la Sibérie. On ne dit pas un mot du *pourquoi.*

On attend aujourd'hui le retour de notre général de police qui doit revenir avec un vigoureux renfort de puissance exécutive et d'autorité. On préannonce diverses ordonnances somptuaires, entre autres celle de l'abolition totale de l'usage de la couleur *bleue foncé* pour tous les sexes et pour tous les états. On dit que c'est par sa généralité que cette couleur a encouru sa prescription.

Le public de Gatschina reprimandé dans un *приказъ* et déclaré sans goût et mal poli, *невѣжи,* pour avoir applaudi à contre-sens dans un spectacle.

Des gouverneurs de province militaires et civils changés, entre autres m-rs Teplow, Barasdine, Lwow Serge Лаврентьичъ.

L'autre *Львовъ Николай* va un peu mieux, et l'on commence à espérer son rétablissement.

Le baron Sprengporten le père est chargé d'une commission secrète pour l'étranger. Il part le 15 de ce mois. On croit que c'est pour prendre enfin possession de Malthe au nom de S. M. I. Il a dans sa suite plusieurs chevaliers de l'ordre, et on dit que les difficultés sont toutes levées.

Je vous envoye aujourd'hui deux банка de truffes préparées dans un fort bouillon épais et bonnes à manger avec le bouilli et toute viande froide. Goutez-les aussitôt arrivées et mandez-moi si vous en voulez encore.

45.

Moscou, 31 octobre 1800.

Le jeune baron Sprengporten (fils du fameux que vous connaissez), avec qui j'étais lié depuis quelques années, et qui à la plus belle âme du monde joignait la plus mauvaise tête, passe avec nous toute la journée de Samedy dernier, dîne avec nous chez mon beau-père, ne nous quitte pas d'un instant, soupe chez nous, se retire après minuit et dix minutes après se brûle la cervelle. On a trouvé dans sa poche une lettre toute préparée dès le matin et adressée au maréchal Soltikow, où il lui parle de ses affaires, de ses malheurs et des volontés qu'il laisse pour son bien. Il avait passé 100 mille roubles. Je ne puis vous dire à quel point cet événement m'a ébranlé. Ma main tremble d'y penser. C'est réellement une victime de la fatalité. Je l'ai beaucoup connu, et sa vie n'a été qu'un tissu de malheurs. Son père *) est cause de tout. J'abrège, car je suis encore tout ému.

---

*) Извѣстный Шведскій генералъ, перешедшій въ нашу службу. П. Б.

46.

Moscou, ce 7 novembre 1800.

Le comte Léon Razoumovsky est revenu de Pétersbourg plus vite qu'il n'y était allé. On lui a donné 24 heures à y passer, et au bout de 3 jours on l'a renvoyé même de *Три Руки*, où il s'était mis pour quelque tems.

Nouvel embargo sur tout ce qu'il y a de vaissaux et comptoirs anglais. Toujours au sujet de Malthe, à ce qu'on dit.

On inquiète dans ce moment le clergé du couveut *d'Androneiw* pour avoir enterré un jeune homme qui était *exclus* et comme tel ne pouvait entrer en ville. Le père a été interrogé sur ce point par écrit, *запросные пункты*, et doit avoir répondu aussi par écrit qu'il a toujours pensé et vu que toute action civile, comme humaine, était finie avec la mort, qu'il croyait pouvoir joindre les cendres de son fils à celles de tous ses parents qui y reposent et que personne ne lui avait rien dit que ce fût défendu. On croit qu'il y aura ordre d'exhumer. Vous savez le retour de m-r Pahlen à Pétersbourg. C'est une noirceur, suite d'une personnalité entre le procureur-général et *Сенчинъ*, qui a eu un congé sec et qui vient s'établir à Moscou.

47.

Moscou, 21 novembre 1800.

Ma tante Dachkow est arivée hier matin. Je l'ai été voir tout de suite avec Annette. Je l'ai trouvé maigrie et vieillie, mais toujours elle a conservé beaucoup de feu dans le discours et sa jactance habituelle au sujet de ceux qu'elle n'aime pas. On ne change plus à son âge. Au sujet de la vente de Woronowo elle s'est étendue avec un peu trop de facilité sur mon beau-père et surtout sur sa défunte femme. Cette dernière corde a affecté Annette qui a fort bien défendu sa mère et a conclu sa défense en disant: *Je suis assurée, ma chère tante, que vous ne sauriez blâmer la chaleur que je puis avoir employée dans cette matière; car ayant vous-même sacrifié toute votre vie pour vos enfants, en pareille occasion ils ne peuvent tenir un autre langage que le mien, et vous-même intérieurement m'estimeriez moins, si je ne relevais pas des inculpations que je ne dois pas entendre.* Cette conclusion prononcée avec sensibilité a réussi: Annette en a été plus caressée après, et l'on s'est séparé avec tout plein de tendresse.

Elle nous a dit qu'elle venait de donner à son fils 24 mille roubles pour achever de le liquider avec la couronne, et que depuis décembre dernier elle avait payé pour lui 85 mille roubles.

48.

Moscou, 6 décembre 1800.

On met le scellé sur toutes les marchandises anglaises, de quelque nature qu'elles soient, même dans les boutiques russes. Le voisinage des fêtes fait paraître aux marchands cette opération encore plus dure que dans tout autre tems. Mais que faire? On a des nouvelles certaines de l'arrivée de sa majesté suèdoise. M-r Narichkine *Михайла Петровичъ* a été arrêté et conduit à Pétersbourg. Plusieurs étrangers ont eu le même sort. On débite ici que le comte Koutaïzow est à la forteresse, ainsi que m-me Chevalier. Je n'en crois à rien encore. Il est probable pourtant qu'il y a un grand remue-ménage là-bas. Cela se saura bientôt. M-r Nélédinsky a été fait sénateur à 5-me département; il a gagné cela à aller à Pétersbourg. Mais il y en a qui sont pour les fraix de la route.

49.

Къ графу Семену Романовичу.

Moscou, 12 décembre 1800.

Quand vous partîtes de Pétersbourg, j'avais dix-neuf ans; après-demain je vais en avoir trente huit, et depuis que nous ne nous sommes vus,

La Parque à la sourdine a diablement filé.

Pour ma part je n'ai jusqu'à présent que des grâces à lui rendre pour la partie de son fuseau qui m'est échue.

Je n'ai pas comme vous le voisinage de la mer; mais j'ai au bout de mon jardin une rivière qui a été témoin des jeux de votre enfance, *la Yaousa*; ses bords assez agrestes, quand vous les fréquentiez, se sont peuplés depuis, et dans les mille et une mutations de ce globe je suis venu me fixer auprès d'elle. J'ai des serres, quelques plantes curieuses et beaucoup de livres. Avec tout cela je file mes journées paisiblement et rends grâce à Dieu le soir des vingt quatre heures écoulées. Voilà au juste le régime de votre neveu. Vous voyez qu'il a quelques traits de ressemblance avec le vôtre.

50.

Къ графу Александру Романовичу.

Moscou, 13 décembre 1800.

Il y a un Pestel qui est allé à Pétersbourg, mais ce n'est pas le nôtre, c'est son frère le militaire qui se nomme André et qui a été repris au service. Quant au nôtre, je ne crois pas qu'il soit dans le cas d'aller à cette fin, car il n'est pas tout-à-fait congédié, mais simplement *въ Героль∂iи*.

Les enlèvements de police continuent ici, mais ce ne sont que des étrangers qui y passent, de sorte qu'on présume dans le public que c'est toujours pour des correspondances imprudentes.

Le roi de Suède a reçu l'ordre de S-t Jean de Jérusalem, et son ambassadeur m-r de Stéding celui de S-t André.

Il y a eu Lundy dernier un petit spectacle chez le comte Chouwalow. Des convenances de société ont en quelque façon obligé Annette d'y prendre un rôle, elle qui de sa vie n'avait dit une phrase en public; cependant avec l'aide de son heureux naturel et de mes conseils elle s'est assez bien tirée du rôle de Lisette dans la *Bonne Mère* de Florian. Mais elle a eu tellement peur qu'elle s'en ressent encore. Cependant elle a été fort applaudie. J'ai admiré en cette occasion comment la maréchale peut encore à son âge suffire à toutes ces corvées de société. Elle a soupé et fait sa partie jusqu'at près de deux heures du matin, tandis qu'Annette et moi étions dans notre lit à onze.

51.

Moscou, le 26 X-bre 1800.

En fait de nouveautés je tiens les suivantes de la bouche du maréchal. Les impériaux rossés près de Lintz au point de neuf mille tués, sept mille prisonniers, dont 4 généraux, 85 canons et tout le bagage de l'armée au pouvoir des Français qu'on assure être dans Vienne à l'heure qu'il est. C'est Moreau qui a fait cette belle affaire.—Deux cordons de S-t André: le procureur-général et le comte Koutaïtzow. Le comte Panine a obtenu sa retraite du Sénat et de tout. Tous les déportés d'ici sont revenus: c'était une fausse accusation d'un coquin piémontois, nommé *Demerme*, qui a été knouté et envoyé en Sibérie. Il y a quatre ans qu'il était bibliothécaire chez le *prince André Wiasemskoy*. Il était venu en Russie avec le ministre piémontois *Laturbie*, et l'on assure qu'on a des preuves certaines de son espionnage et des relations politiques qu'il a conservées. Le fait est qu'il est knouté et envoyé en Sibérie.

Jeudy, 27 décembre 1800.

Il est décidé que le comte Panine a été exilé à sa terre de *Дугино*, où il s'est déjà rendu. *Щерпинской*

n'est décidément point ici, et je saurai sa venue dès qu'elle aura lieu.

J'ai été hier voir *Львовъ* et je lui ai dit que vous m'avez nommément donné la commission de le voir et de vous en rendre compte. Il a été on ne peut plus sensible à cette attention et vous en offre ses sincères gratitudes. Il revient de loin et a encore tout-à-fait l'air d'un Lazare ressuscité. Ce n'est absolument qu'un squelette ambulant *). On attend ici le prince Lapoukine qui, dit-on, n'a pas eu là-bas de merveilleux succès. On le craignait fort, dit-on, et on était arrangé d'avance de manière à ne le pas laisser s'ancrer.

Annette et les enfans vous baisent les mains; moi je baise vos yeux que j'aime beaucoup.

*) Своякъ Державина и домашній человѣкъ у князя Безбородки, по его кончинѣ утратившій дворское значеніе, Николай Александровичъ Львовъ, человѣкъ разнообразныхъ дарованій и дѣятельности. Его біографіей можно наполнить цѣлую любопытную книгу. П. Б.

52.

Moscou, ce 10 janvier 1801.

M-r de Kalitschew vice-chancelier est nommé publiquement ambassadeur à Paris.

Voici un couplet tout chaud de Paris et venu ici de Pétersbourg:

Des géographes je me ris,
De leur méthode je m'écarte:
Berlin, Pétersbourg et Paris
Se sont rapprochés sur ma carte.
J'éloigne Portsmouth de Riga,
Je place Vienne auprès de Gênes,
Et je maintiens que le Wolga
Doit communiquer à la Seine.

On dit que ce couplet a fort réussi chez nous. On n'a pas encore de nouvelles sûres de l'arrivée du prince Alexandre *) là-bas. Toute sa famille a soupé hier chez moi et n'avait encore rien de positif.

On a assuré hier, comme un fait certain, que le général Moreau avait battu une seconde fois les impériaux à Lintz, de là avait poussé jusqu'à *Schönbrunn* et que là il avait *fait et conclu* la paix particulière de l'Autriche aux conditions qu'il avait voulu imposer.

On assure avoir senti à Pétersbourg un tremblement de terre; un mur de la cathédrale dans la forteresse en a, dit-on, failli tomber et est resté lésarde.

*) Князь А. Б. Куракинъ. П. Б.

Le siècle ou l'année, comme il vous plaira, commence ici très-gaiement: il y a bals tous les jours et souvent plusieurs dans la même journée.

Je compte la semaine prochaine donner un grand bal pour le mariage de ma cousine Dolgorouky. Mais cela ne m'empêchera pas d'être dans mon lit à onze heures.

L'asile de la paix.

Lorsque de toutes parts le fer luit, l'airain sonne;
Sur leur trône écroulé lors que cent potentats
Ont vu leurs malheureux états
Sans ressources livrés aux fureurs de Bellonne;
Quand plus criminelle qu'eux tous
L'Opinion, cette reine fantasque,
Des plus saintes vertus sait emprunter le masque
Pour que rien n'échappe à ses coups;
Enfin, lorsque l'Europe entière
Voit ses liens dissous, ses états éperdus,
Par leurs propres erreurs ses peuples confondus
Maudire la rage meurtrière,
Qui sans retour les a perdus:
De ces tableaux d'erreur je détourne la vue
Et pour rasseoir mes sens, pour reposer mes yeux
Je vois chercher de plus agrestes lieux,
Où bien plus doucement mon âme soit émue.

Un dieu m'exauce! Un dieu vient diriger mes pas
Dans ce modeste asile habité par un sage.
C'est là que, retiré du monde et son fracas,
Il voit avec douleur, mais calme et sans nuage,

Dans le lointain se préparer l'orage
Qui jusqu'à lui n'atteindra pas.
Au bien de son pays qu'il aime avec tendresse
Il consacra longtems ses veilles, ses travaux
Et modéré dans tout, sans fierté, sans bassesse,
Dans le conseil des rois il eut peu de rivaux.
Mais deux fois trente hyvers ont mûri sa sagesse;
Il sait se mettre un terme, il le fait à propos,
Et du bien qu'il a fait l'image enchanteresse
Revient le consoler dans ses jours de repos.

A peine ai-je approché de cette solitude
Qu'un air plus épuré vient rafraîchir mes sens;
De mes pensées flottants la vague inquiétude
A passé tout à coup. Je renaîs, je le sens:
Mon sang plus mollement circule dans mes veines,
Un horizon plus pur se découvre à mes yeux.
Tel respire un captif qui voit briser ses chaînes
Et qui de son bonheur vient rendre grâce aux cieux.
Tout plaît dans ce séjour à mon âme attendrie:
J'y vois des coeurs unis, des visages contents.
L'hôte, enchanteur, aimable, ou bienfaisant génie,
A faire des heureux met sa philosophie,
Et d'un bienfait nouveau date tous ses instants.
Il n'a point cette morgue austère
De ces vieux sages d'autrefois:
Aimable, mais profond, il rit avec Voltaire,
Avec Blakstone il donnerait des loix.
Mais avec moi surtout tour à tour gai, sublime,
Il rit de mes travers, il guide mon esprit.
Et pour parler de lui quand j'employe la rime
A mes faibles essais je le vois qui sourit.

Oh, mon ange gardien, parent chéri, coeur tendre,
Toi que j'aime par goût, bien plus que par devoir!
A la tienne mon âme a sçu se faire entendre.
Dans ses replis profonds, ah, que ne peux-tu voir?
Tu saurais que, rempli de respect, de tendresse,
J'ai réuni sur toi mes plus chers sentiments,
Et lorsqu'à l'Éternel humblement je m'adresse,
Ce n'est que pour toi seul, ma femme et mes enfants.

C. D. B.

Matrénina, février 1801.

53.

Je n'ai pas la moindre inquiétude sur votre résignation philosophique à prendre comme il faut ce qui arrive, mais je ne laisse pas d'en avoir sur votre santé [1]). La partie de l'указъ qui traite de confiscation pour arrérages aux baunquiers, est une misère de 500 r, que vous boucherez tout de suite, et pour le séquestre, tout le monde ici n'a qu'une voix pour assurer qu'aussitôt que mon oncle touchera au continent, le séquestre sera levé ipso facto, et j'imagine qu'il ne tardera pas à le faire dès qu'il sera informé de ce qui se passe ici. Mais en général je vois que Дугинъ [2])

---

[1]) Говорится про состоявшійся указъ о конфискаціи всѣхъ имѣній графа С. Р. Воронцова. Графъ Александръ Романовичъ уже распорядился сдачею ихъ въ казну и обратился къ Государю съ прошеніемъ указать, какъ ему быть съ тѣми имѣніями, которыя были у него во владѣніи нераздѣльномъ съ братомъ. Съ восшествіемъ на престолъ Александра Павловича кончилось это дѣло. (См. ниже, письмо 55-е.) П. Б.

[2]) Ѳедоръ Дугинъ, крѣпостной прикащикъ графа А. Р. Воронцова. Сынѣ его Петръ Ѳедоровичъ въ наши дни служилъ совѣтникомъ въ Москвѣ въ Горномъ Правленіи. П. Б.

prend cela en beaucoup plus noir que cela n'est. Il voit d'abord 50 mille r. là où tout le monde ne voit que 5. Au reste, cela ne vient que de son profond attachement pour vous.

Moscou, ce 4 mars 1801.

1. M-r Rostopchine est ici depuis 4 à 5 jours; il partira dans peu pour Woronowo, où il compte se fixer.

2. Le comte Panine est aussi ici, et il n'est pas question de sa rentrée aux affaires.

3. Le prince Alexandre Kourakine est vice-chancelier, comme il était auparavant son voyage ici.

4. M-r de Pahlen est à la tête et de la poste et des affaires étrangères.

5. On a acheté *Robscha* pour 480 mille roubles.

6. On a acheté du c-te André Razoumowsky 5500 paysans à 110 roubles pièce.

7. La paix avec la France et la maison d'Autriche est faite; on en a reçu hier des nouvelles officielles.

Tout cela est certain.

54.

Vendredy, 15 mars 1801.

Il y a une heure que le courrier vient d'arriver qui annonce que S. M. I. Paul Premier est mort subitement le Lundy 10 courant, et on prête déjà serment à Alexandre Premier. Je me dépêche de vous en informer. Kawerine est arrivé aussi vite que le courrier pour prendre la place de Hertel *).

Adorons les desseins de la Providence!

55.

Ce 20 mars le soir.

La joie du nouveau règne est universelle; à la cathédrale, quand j'ai été prêter mon serment, tout le monde s'embrassait et se félicitait avec des transports inouïs.

Le comte Panine est fait vice-chancelier et déjà parti. On dit le prince Alexandre Kourakine chancelier, mais cela n'est pas encore confirmé.

Bekléchow procureur-général; en attendant Trostchinsky fait ses fonctions.

Tout le monde part d'ici, et il n'est pas impossible qu'après les fêtes je n'aille moi-même voir la cérémo-

---

*) Павелъ Никитичъ Кавеpинъ, впослѣдствіи, въ 1812 году, Калужскій губернаторъ, заступилъ мѣсто Эртеля, который переведенъ на оберъ-полицеймейстерскую должность въ Петербургъ. П. Б.

nie de l'enterrement du défunt *) et tout ce qu'il y a de nouveau à Pétersbourg.

On ne sait encore rien de positif sur le tems du couronnement, mais cela ne saurait traîner, attendu que l'Impératrice est décidément grosse et plus qu'à demi-terme.

Je crois qu'il vous sera fait des propositions de service, et pour le bien de l'état je désirerais que vous y adhériez. Mais pour votre repos à vous ce n'est pas à souhaiter. Cependant, pensez que dans ce moment il n'y a presque pas une seule bonne tête dans les affaires, et les circonstances sont critiques. Je crains que l'on ne s'avance trop avec l'Angleterre par précipitation et qu'on ne gâte les affaires du continent. Dieu sait encore qui aura la confiance. On parle d'un Conseil Suprême à former. Quoiqu'il arrive cependant, on aura toujours gagné au change, car pire que c'était est impossible. Je vous félicite sur l'oukase du 14 qu'on me communique dans le moment. Vous voilà tout-à-fait tranquille grâce à Dieu!

---

*) Павла Петровича похоронили еще до праздника Св. Пасхи. Кончина его послѣдовала въ Понедѣльникъ на пятой недѣлѣ великаго поста. П. Б.

56.

Moscou, ce 2 avril 1801.

Rien, absolument rien de saillant de là-bas. Miatlew et le comte Orlow ont dîné hier chez moi. Pour ma part j'ai dîné avant-hier chez le maréchal.

Depuis le courrier qui a apporté la nouvelle du nouveau règne il n'y en a pas eu; les postes viennent très-tard et n'apportent rien. Il paraît que c'est dans le plus grand silence que se préparent les événements qui doivent avoir lieu. Mais en revanche, si l'on se tait tout-à-fait sur les nouveautés de ce règne, on met une publicité et une impudeur affreuse à s'occuper des détails sur la fin du défunt. Je crois dans cette affaire et surtout dans la manière dont elle est reçue par ceux même qui devraient l'ignorer une démoralisation qui peut avoir les plus funestes conséquences. La masse se familiarise avec ces idées, et l'influence des Zoubow et consorts, qui se renforce de la faiblesse et de la facilité actuelle, peut produire un relâchement très-dangereux. La police même s'est relâchée beaucoup trop subitement, et les extrêmes en tout genre ne produisent rien de bon. Fasse le Ciel que je me trompe dans mes conjectures, mais jusqu'à présent pour ma part je me rejouis bien plus des maux auxquels nous avons échappés que des biens qu'on doit espérer. L'ordre, tel que je le conçois, n'est pas facile à rétablir, et trop de gens ont intérêt de ne le pas

hâter. Triste réflexion, mais que je ne puis chasser de ma pensée.

La permission du voyager s'obtiendra facilement, je n'en doute nullement; mais il me faudrait que la cour fît emplette de ma maison, qui pour n'en pas jouir est d'un entretien trop dispendieux.

Quant aux projets d'être employé en diplomatie, je doute fort que cela puisse se réaliser à présent. Il est dans les vues du c-te Panine de diminuer le nombre des missions. C'est par son avis qu'on a joint celle de Dresde à celle de Berlin.

57.

S-t Pétersbourg, Jeudy, 18 avril 1801.

Je suis arrivé ici sain et sauf avant-hier après 7 jours de marche et des chemins affreux. Nous sommes logés chez le c-te Tschernichew et très-bien logés sans le gêner du tout. Je vous assure que l'âge et surtout sa femme l'ont fort rassis *). Ce n'est pas un aigle pour la tête, mais c'est un ange pour le coeur, et pour ma part j'aime bien mieux les bonnes gens que les gens d'esprit.

Je n'ai pas encore été chez les ministres du jour, c'est-à-dire le c-te Panine et m-r de Bekléchow, car je n'aurai mon habit noir que demain. Mais j'ai été sur le quai qui est le rendez-vous universel de tout le monde. Vous ne sauriez vous faire une idée du ton d'ici; j'en suis encore tout étourdi. Excepté les militaires qui sont en uniformes, tout le reste va comme on veut: fracs, chapeaux ronds, surtouts, grosses cravates, tout est de mise. Excepté la Douairière qui va toujours en carosse drapé et de chevaux de parade, tout le reste de la famille impériale va en voiture simple sans armes et rien qui annonce une voiture de la cour, attelée de quatre chevaux d'iswotschiks. L'Impératrice, la grande-duchesse Anne, les autres grandes-duchesses, enfin tout le monde va ainsi; on se contente d'ôter le chapeau, et tout est dit. L'Empereur

---

*) Графъ Григорій Ивановичъ и его супруга, графиня Елисавета Петровна, урожд. Квашнина-Самарина. П. Б.

et son frère sont tous les jours à cheval suivis d'un seul aide-de-camp; souvent il descend à pied sur le quai et parle à ma femme toutes les fois presque qu'il la rencontre. Il en fait autant à presque toutes les femmes qu'il connaît.

Tout présage jusqu'à présent un gouvernement doux, sage et surtout très-modéré de toutes manières. J'ai sçu hier d'assez bonne part que l'on avait reçu votre réponse sur l'invitation de venir ici et que vous viendriez; j'en suis aux anges, et si en effet cela a lieu, je me fixe ici sans faute. La nomination des diverses membres de ce nouveau Conseil Suprême est ce qui occupe le plus la curiosité actuelle du public. Je suis assuré qu'il y aura encore tout plein de changements à cet égard. D'abord si vous en êtes (comme je n'en doute pas), il y a tout plein de gens avec lesquels vous ne pourrez jamais traiter, et comme il n'y a ici qu'une voix sur votre compte, ce sera vous qui aurez raison.

J'ai retrouvé avec plaisir mon ami Rall tout comme je l'avais laissé pour l'amitié et ayant beaucoup acquis en fortune et en considération.

A propos de mon oncle Simon, j'ai sçu ici que le premier courrier qui lui avait été expédié sous ce règne, ne l'avait plus trouvé à Southampton, qu'il avait passé sur le continent, ce qui avait même retardé le retour du courrier qui devait le joindre partout où il serait. Ce courrier est de retour depuis peu de jours.

On présume que mon oncle est à présent déjà à Londres où sa personne est devenue plus nécessaire depuis la venue de la flotte anglaise dans la Baltique et le passage du Sund forcé. Ce dernier article me

paraît à moi d'une importance majeur en ce que j'y vois un pas terrible de fait dans l'opinion publique de l'Europe sur la possibilité de forcer ce passage. Un préjugé accrédité par des siècles et qui se détruit dans un moment produit dans les esprits un renversement d'idées dont les réactions sont incalculables. C'est l'histoire de la banque d'Amsterdam dont le crédit consistait dans l'ignorance de ses fonds réels et qui a été réduite à rien dès qu'elle a pu être calculée par les Français.

Tout le monde revient. A notre première vue je vous dirai une multitude de traits détachés que je recueille soigneusement sur les personnes et les événements.

Il paraît qu'on ne se presse du tout pas pour le couronnement, et je vois dans cette lenteur une sorte de symptome de sécurité qui me plaît fort.

Je vous avoue que j'ai été on ne peut plus sensible à l'amitié que me témoignent toutes mes connaissances d'ici que j'ai perdu de vue depuis des siècles. Le c-te Strogonow m'engage fort à prendre service sous lui à la bibliothèque, qui sera publique quand elle sera rangée et à laquelle on a joint celle de Voltaire et la particulière de Catherine II.

58.

Moscou, ce 25 novembre 1801.

Les adjudications du bail des fermes sont terminées à Pétersbourg. Une rivalité entre Злобинъ et Рюминъ a fait monter les enchères jusqu'à deux millions de plus, et c'est Рюминъ qui les a obtenues. Cette hausse a été fort accueillie par la cour et a produit deux cordons au gouverneur Pankratiew et au vice-gouverneur. Les adjudications d'ici viennent de commencer. Le comte Vladimir Orlow s'en mêle aussi sous le nom de Крамаринъ, mais son залогъ et ses relations avec cet homme le font reconnaître.

C'était hier la fête de ma tante; j'y ai envoyé ma femme, mais ma tante n'était pas à la maison. Quant à moi, je n'ai pas le bonheur (à ce qui me revient) d'être fort avant dans ses bonnes grâces, mais j'en suis tout consolé. Elle se permet sur mon compte des exprèssions peu ménagées qui me reviennent par son auditoire composé de caillettes bavardes. La semaine dernière elle me fit la politesse de m'envoyer dire par une espèce d'intendant qu'elle craignait que je parte d'ici sans la payer. Je lui ai fait répondre qu'elle pouvait être tranquille, et en effet je lui avais envoyé hier par ma femme le payement qu'elle désirait, et ce matin dès huit heures j'y ai envoyé. Que le bon Dieu la conduise! Il n'est pire affaire que de traiter avec les femmes. Je ne sais ce qu'elle a dans l'esprit, mais on me dit que l'aigreur est très-sensible. Ce sera quelques prétentions répercutées qui se renouvelleront à coup

sûr, si on vient l'été prochain, comme on se le propose, à Pétersbourg.

Parmi les arrivants de la résidence il y a un prince Stcherbatow qui commande les gardes à cheval, qui est venu ici par semestre. Il a eu une rixe fort vive avec le grand-duc et il compte prendre son congé. Tout le monde assure que S. M. écoute beaucoup son frère, surtout pour la partie militaire.

Il y a déjà à Pétersbourg un agent de la grande république; c'est un m-r de Collaincourt, venu pour ratifier le traité et y attendre l'arrivée de Berthier. C'est un ci-devant noble et qui a très-bonne façon. On répand ici que ce sera le comte Panine qui ira de notre part au congrès d'Amiens *). Pour ma part je crois que ce congrès ne sera pas de longue durée. Messieurs les plénipotentiaires trouveront la besogne toute mâchée, grâce à la prévoyance et la bonne étoile du grand-consul. En attendant, la grande nation s'occupe fort du rétablissement de sa marine; tous les marins émigrés rentrent, on achette des bois dans les isles Ioniennes et dans les villes anséatiques; Bremen en a déjà fourni une bonne partie. Les Anglais ne le verront pas impunément, et ils feront quelque chose.

Mardy, 26 novembre 1801.

J'ai toujours une arrière-pensée que vous-même ne ferez pas un long séjour dans les latitudes polaires, et sans vous rien dans le monde ne m'y fera rester. C'est

---

*) И такъ графъ Н. П. Панинъ, хотя и удалившiйся отъ дѣлъ вслѣдъ за коронацiею Александра Павловича, не находился тогда еще въ полной опалѣ, подъ бременемъ которой вскорѣ очутился и прожилъ весь остальной свой вѣкъ. П. Б.

une très-belle chose que la chose publique, mais quand elle ne roule pas comme il faudrait, je tiens qu'il est inutile de se tenir près du timon. Nous avons d'ailleurs d'excellentes raisons pour ne pas rester enchaînés éternellement. Votre âge et vos services vous en sont une suffisante; j'ai pour ma part mes affaires à arranger et mes enfants à élever. Au surplus, nous n'aurons pas refusé de nous présenter comme dans la parabole du banquet de l'Évangile. Mais s'il arrive que le Maître dise, comme dans la parabole: *faites entrer les aveugles et les boiteux*, alors ceux qui ne sont pas écloppés se retirent.

Je vous envoye ci-joint de vers russes *) qu'on a fait sur les exploits en coups de poings et en coups de cannes qui ont signalé le passage de m-r Nicolas Zoubow sur la route de Pétersbourg. La femme du c-te Valérien a écrasé un enfant sur la route. Leur passage marquera comme celui des comètes.

Mercredy, 27 novembre 1801.

J'ai lu et vous communiquerai deux pièces qui vous feront plaisir. C'est l'original de deux instructions données par le ministère de France au c-te Modène. La première est de 1762, quand il fut envoyé à Hambourg, comme ministre auprès des villes anséatiques et du cercle de Basse-Saxe. C'était au moment de la guerre des alliés contre la Prusse, et le cercle étant composé de tant de souverainetés diverses, les unes en alliance, les autres en guerre avec la France à cette époque,

*) Этого приложенія при письмѣ не нашлось. П. Б.

cette variété d'intérêts demandait dans le négociateur une adresse qui lui est on ne peut mieux indiquée. La partie concernant le commerce y est aussi très-bien traitée, et les fournitures prétendues neutres y sont discutées avec sagacité. En général, cette pièce m'a fait grand plaisir, et je la préfère même à la suivante qui est plus intéressante par le sujet. La seconde pièce est pareillement une instruction au même c-te de Modène; elle est datée de Compiègne 28 août 1768. C'était quand il fut envoyé à la mission de Stockholm un an environ avant la fameuse diète dans laquelle il a beaucoup contribué au rétablissement de l'autorité royale. Le tableau du gouvernement suédois, les deux factions, des chapeaux et des bonnets, le caractère des principaux chefs des deux partis, tout cela y est très-bien développé. L'ambition de la Czarine y est citée etc.

Ce sont les originaux mêmes des deux pièces que j'ai sous les yeux, signés par Louis XV, contresignés par le duc de Choiseul et munis du sceau du conseil d'état. C'est le fils du dit comte qui me les a prêtés. Son père étant mort depuis deux ans, il n'a reçu que depuis peu de tems les papiers de la succession dont les deux pièces font partie. Je les garderai jusqu'à votre arrivée.

J'ai acquis aussi une médaille frappée par la république pour la paix de Luneville. Elle porte pour devise: *Bonheur au continent*, et l'Angleterre y figure dans les brouillards.

59.

Къ графу Семену Романовичу *).

S-t Pétersbourg, Vendredy, 26 septembre 1802.

Salut, mon bien cher oncle! Je ne vous parlerai pas du vide que nous éprouvons tous depuis votre départ. Il y a aujourd'hui spectacle à l'Hermitage; on y donne un drame russe *Liza* que ma cousine avait fort envie de voir. Mon oncle d'ici a été fort ému le jour de votre départ. J'ai passé toute la journée avec lui, et il n'a reçu personne jusqu'au soir qu'il y a eu conférence. Mais il semble qu'on a juré de ne pas lui donner le tems de se livrer aux regrets sur votre départ: des courriers nous tombent comme la grêle; depuis vous il y en a d'arrivés de Vienne, de Rome, de tous les côtés. Il y a enfin un grand maître de S-t Jean de Jérusalem déconfirmé par le S-t Père, c'est *Barthelemy prince Ruspoli*. Il est en Angleterre dans ce moment, et le Saint Père l'a envoyé quérir.

Je ne vous parle pas de l'inondation: vous devez en avoir vu des fragments. Le maximum de l'eau au nilomètre de l'Académie a été 8 pieds 4 pouces, mesure anglaise, au dessus du niveau ordinaire.

---

*) Который провелъ лѣто 1802 года въ Россіи и въ Сентябрѣ уѣхалъ назадъ въ свое посольство въ Лондонъ. Живучи въ Петербургѣ въ одно время съ старшимъ своимъ дядею, графъ Бутурлинъ уже не имѣлъ надобности писать къ нему. П. Б.

60.

S-t Pétersbourg, ce 10 octobre 1802.

Parlons de votre frère; il se porte fort bien; il fait sa besogne très-lestement. Quand je vous dirai qu'il est très-content de la marche des affaires, ce sera vous dire qu'elles vont bien. Je suis dans tout cela comme la mouche du coche, qui, parce qu'elle est placée derrière, s'imagine qu'elle pousse et fait avancer. Je me suis assigné ma place par impulsion, et je ne la crois pas sans utilité. Vous savez que la nature dans ses harmonies, que nous ne comprenons guères, a presque toujours placé auprès de ses grandes créations de toutes petites qui sont fixées à la grande. La balaine a des poissons souffleurs qui l'accompagnent. L'éléphant a un rat musqué qui ne le quitte pas. Eh bien, c'est moi; je me suis établi *rat musqué* de mon oncle. Je le vois tous les matins à son lever, j'y dîne de deux jours l'un, et cela pour le faire promener. Cette semaine-ci j'ai réussi à le faire promener trois fois, et j'en suis tout content, car sans moi il ne promenerait jamais.

Les spectacles continuent à l'Hermitage tous les Vendredis; aujourd'hui entre autres il y aura opèra allemand *La Flûte Enchantée.*

61.

S-t Pétersbourg, ce 23 octobre 1802.

J'ai vu aujourd'hui de mes deux yeux sur le thermomètre 15 *degrés de froid*, accompagnés d'un vent finnois à gêler tout chrétien; la Néva charrie de petites glaces, faibles à la vérité, mais suffisantes pour clore la navigation. Et comme il faut que dans la nature les ridicules ne viennent jamais seuls, c'est dans une pareille température qu'il plaît à la nature de régaler Moscou d'un tremblement de terre. On croit décidément qu'on en a senti un. Par ma fois, je n'y comprends plus rien. Que les élus qui habitent la Sicile ou l'Espagne soient de tems en tems secoués pour ne pas s'endormir dans les délices, je le conçois; mais nous malheureux, avec nos *sei mesi di fresco et sei mesi di freddo*, être gêlés et secoués par dessus le marché: cela n'est ni beau, ni honnette, et ce meilleur des mondes possibles me paraît radoter en vieillissant. Voilà pour notre atmosphère physique. Je ne crois pas que l'atmosphère administratif, auquel vous vous intéressez tant, soit tout-à-fait exempt d'entraves et de chocs. Ce sont toujours les parties internes du corps humain qui sont les plus difficiles à bien conduire, et c'est presque toujours le siège des maladies; c'est probablement par ces parties aussi que l'organisation animale

sera attaquée la première. Je ne suis pas de la faculté, mais d'après les *on dit* du public on croit voir un germe de faiblesse et même de fausse suffisance dans le Médecin qui traite cette partie. On assure que dans une des dernières consultations on a pris une résolution toute opposée à l'exposé qu'il y avait fait sur l'état des choses. Son opinion doit avoir été fortement combattue, et les conclusions de la faculté doivent ávoir été bien différentes de celles qu'il attendait. Je ne vous donne cela que pour des *on dit*, mais souvent *vox populi—vox Dei*. Pour ma part, j'y crois. Vous savez que nous avons toujours été d'accord sur l'opinion qu'il fallait avoir sur ce sujet, et je persiste dans mon opinion.

Il y a aujourd'hui bal à Gatschina; Michel y est allé. et c'est tout au plus si cela l'amuse. J'espère pourtant que ces froids rameneront la Douairière en ville. Je n'ai rien de nouveau dans mon genre de vie. Je vois mon oncle presque tous les matins et je passe le reste de la journée au coin de mon feu avec un livre ou des paperasses. On n'a pas eu aujourd'hui de vos lettres, mais le consul de Koenigsberg a accusé votre passage par cette ville. Le prince Galitzine, qui est chez moi dans ce moment, vous présente les assurances de son tendre et respectueux attachement *).

---

*) Князь Александръ Николаевичъ, уже въ то время лицо приближенное къ Государю. П. В.

62.

S-t Pétersbourg, ce 6 novembre 1802.

Il y a eu hier deux S-te Anne de la seconde classe données pour *intégrité* et *désintéressement*. C'est superbe! Voici le fait. Deux *правители канцелярiи*, l'un du ministre de la justice et l'autre du ministre du commerce, ont reçu chacun un cadeau d'argent de quelque client qui apparemment avait besoin de protection. Mais comme la probité et le désintéressement doivent surtout être à l'ordre du jour, ces messieurs en ont averti leurs chefs qui l'ont porté à la connaissance de S. M., et tout de suite les clients suborneurs ont été punis et la probité de m-rs les bureaulistes a été récompensée par la S-te Anne au cou. Comme dans une grande ville il y a toujours des esprits de divers genres, quelques incrédules prétendent que cette affaire n'est rien qu'un coup monté et préparé pour attraper le petit bout de ruban. D'autres ne voient dans cela qu'une fanfarre de prétendue intégrité pour appuyer le nouvel ordre de régie dans les bureaux. Quant à moi, j'aime à croire les choses comme on les annonce, et puisque l'oukase reconnaît ces m-rs pour probes et désintéressés, je me le tiendrai pour dit.

Vous eussiez bien voulu être à ma place il y a quelques jours. J'ai eu l'avantage de tenir compagnie

pendant près de deux heures à l'Impératrice Elisabeth. C'était à l'Hermitage; elle donnait séance à un sculpteur pour un buste; il n'y avait qu'elle, l'artiste et moi. Vous voyez que je ne m'endors pas sur les revenans bons de ma charge. La semaine prochaine ce sera Mounier qui aura séance pour achever le tableau qui vous appartient. Vous jugez bien que je ne manquerai pas l'occasion de m'y trouver. Le grand-duc est de retour ici depuis hier matin. Il a fait diligence pour revenir, car à peine les gazettes annoncent sa venue à Vienne. On dit que dans les derniers 24 heures il a fait 400 werstes. Vous n'allez pas aussi vite que lui, mon cher oncle; je ne vous crois pas encore à Francfort au moment où j'écris.

63.

S-t Pétersbourg, ce 14 IX-bre 1802.

Mécène aime mes vers, prions donc pour Mecène! Il y a tout à l'heure deux mille ans qu'on a dit cela aux échos du beau lac de Mantoue, et je vous répète le même refrain en réponse à votre paternelle et amicale lettre du 1 (13) courant. Votre amitié embellit mes lettres, c'est elle qui vous fait illusion, et puisque le prestige m'est si flatteur, je n'aurais garde de rompre l'enchantement. Je ne sais plus où la présente épître vous trouvera, car depuis Berlin (où vous avez fait plus long séjour que vous ne comptiez) vous pourrez aller plus vite que vous n'avez fait jusqu'ici. Je ne doute bien qu'on vous aura comblé de politesse à Berlin. Il y a trente six mille raisons pour cela, et vous n'aurez pas manqué de distinguer judicieusement celles qui étaient pour vous d'avec celles qui étaient de circonstance. L'eau bénite de cour ne mouille plus que les dindons. Nous avons dans la gazette le menu du dîner que doit donner le lord-maire à son installation, et j'ai observé qu'il n'y a pas de proportion entre la quantité de soupe à la tortue et celle de bouteilles de Champagne qui doivent l'arroser. Mais j'aime à croire qu'on augmentera le Champagne, si le citoyen Andréossy sera arrivé pour ce dîner.

A propos de tortue il faut pourtant vous parler de ce qui se fait chez nous. Notre administration continue ses assises, d'où je conclus qu'elle marche. Le grand justicier paraît jetter de profondes racines. Il y a un nouveau sénateur qu'on dit de sa façon, et comme je m'étonne facilement, la nomination d'un m-r Ananiewskoy au Sénat m'a étonné. J'avais pensé que pour relever la dignité des pères conscripts il n'était plus nécessaire d'en augmenter le nombre. La marche lente de la nature les eut insensiblement réduit à ce qui leur convient d'être; mais si on les multiplie spontanément et sans dire gare, il n'y a plus de raison pour que cela finisse un jour. Je traite cela comme l'éternité: je l'adore sans la comprendre.

Avant-hier s'est fait enfin le mariage de la princesse Chakowskoy. C'est une perte pour l'Impératrice qui y était fort attachée, aussi a-t-elle était très-émue en l'habillant pour la cérémonie et pendant l'office. Au reste, la nouvelle mariée compte bien donner à l'Impératrice la majeure partie de son tems et pourra l'accompagner presque toujours comme avant son mariage.

64.

S-t Pétersbourg, ce 27 novembre 1802.

Il y a eu dans le peuple quelques traits de barbarie particulière, entre autres un assassinat atroce: quatre hommes d'égorgés par un seul, plusieurs vols. Mais au moins si la police n'a pas le talent de prévenir les crimes, elle a celui de les découvrir. De ces faits-là j'augure que la canaille de ville (qui n'est pas le peuple) n'est nullement propre à être conduite par la douceur. Un régime austère et dur la contient bien mieux. Mais vous savez comment est composée la basse classe ici. Il y a bien plus de Finnois, de fugitifs Polonais, d'Estoniens, d'Allemands enfin que de Russes, et il resulte de ce mélange un repaire de tous les vices.

Il y a eu ces jours-ci chapitre de S-t Georges. On a distribué plus de cent petites croix, mais toutes pour des services de 25 ans. Comme il y avait longtems qu'on ne s'en était occupé, les années se sont accumulées, et les prétendants ont multiplié. Pour ma part je suis fâché que cet ordre multiplie. Quand il suffira de ne pas mourir pour l'avoir, il viendra au pair des autres dans l'opinion publique, et depuis le règne précédent les autres ordres ont tant pullulé, que c'était une plus grande distinction pour quelqu'un de bien né de n'en avoir pas que d'en avoir.

Письмо графа Александра Романовича къ брату, писанное рукою графа Бутурлина.

S-t Pétersbourg, 20 décembre 1802.

Je ne veux point laisser passer cette poste sans vous écrire, mon bon ami. Je n'ai plus d'accès de fièvre, mais les précédens m'ont fort affaibli. M-r Rogerson et Pomo ont tous deux bien soin de moi; autant j'ai à me louer de la constance avec laquelle ils suivent ma maladie, autant j'ai à me plaindre de toutes les horreurs de drogues qu'ils me donnent et que j'avale avec soumission. Je suis fâché que la prolongation de ma maladie retarde l'expédition d'un courrier pour vous. Dès que je serai rétabli, c'est la première chose dont je m'occuperai. Je suis très-impatient d'apprendre par vous les détails de votre entrevue avec m-r de Marcow. Adieu, mon ami. Je vous embrasse, ainsi que Catinka.

Приписка графа Бутурлина.

Et moi, écrivain indigne, je rectifie que pendant que j'écrivais ce qui dessus, est entré dans la chambre m-r Rogerson qui, ayant vu l'article qui le concerne, récuse et proteste contre la mauvaiseté des drogues; mais, en revanche, assure le c-te Simon de son sincère et constant attachement.

65.

S-t Pétersbourg, le 3 janvier 1803.

Il y a eu une démission assez marquante, c'est celle de Mordwinow; l'oukase porte simplement *по прошенію*, mais il y a quelques détails ultérieures que vous aurez par mon oncle lui-même et que peut être avez vous déjà par *Чичаговъ*.

Nous avons eu le jour de l'an une magnifique fête à la cour; c'était une mascarade dans tout le palais pour *15 mille* personnes. Sur le théâtre de l'Hermitage il y eu souper pour *quatre cent personnes*. On y avait admis ceux qui ont leurs entrées aux spectacles de l'Hermitage, du corps diplomatique les ambassadeurs et ministres, et en étrangers ou voyageurs de distinction il n'y a eu que l'Américain Smith. On a servi sur 24 tables rondes sans distinction. Au milieu était la table au service d'or; il n'y avait à celle-là que les deux Impératrices, la famille impériale, les *статсъ-дамы* et l'ambassadeur d'Angleterre. M-me l'ambassadrice, qui en eut été aussi, n'a pu venir à cette fête à cause d'un mal de gorge à la suite d'un refroidissement. Nous avions ce jour 23 degrés accompagnés d'un vent finnois à fendre les pierres. L'Empereur ne s'est point assis; il a rodé autour des tables pendant le souper et a causé avec différents personnes. Malgré la grandeur de l'Empereur, la foule se portait toujours dans les salles où était la

famille impériale. Vous pouvez vous représenter une presse de 15 mille personnes. La jeune Impératrice et l'Empereur ont presque toujours dansé. L'Impératrice-Mère a fait une partie de jeu dans la salle de S-t Georges à côté du thrône. En général, la fête a été magnifique. La public a mis une élégance et une richesse dans les habits de masque qui surprenait. Le souper était d'une abondance et d'un goût exquis: vins et fruits en profusion. Vingt fois dans la soirée j'ai regretté que Catinka n'y fût pas. C'était un tout autre genre que la fête de Peterhoff, et le luxe était dans tout son éclat.

Письмо графа Александра Романовича.

S-t Pétersbourg, ce 8 janvier 1803.

L'ambassadeur d'Angleterre expédiant un courrier à sa cour, sans que je sache trop ce qui le nécessite à ce surcroît de fraix et de diligence, car il ne s'est rien passé d'assez important pour cela, j'en profite néanmoins, mon bon ami, pour vous donner de mes nouvelles.

Quoique malade encore, j'ai reçu l'ambassadeur d'Angleterre et l'ai remercié formellement et par ordre de Sa Majesté Impériale et de sa part pour les politesses et l'attention que vous a témoigné la cour de Londres par l'envoi du bâtiment pour votre trajet de Calais à Douvres. Je lui ai témoigné en même tems combien pour ma part j'y étais sensible.

Vous trouverez ci-joint deux lettres que leurs altesses impériales mesdames les grandes-duchesses Marie et Catherine m'ont remis pour Catinka; vous les lui remettrez en l'embrassant de tout mon coeur.

Приписка графа Бутурлина.

Voilà de la part de mon oncle; à présent c'est de la mienne.

Je vous dirai que mon oncle continue à se remettre de jour en jour; cela ne va pas vite, mais au moins la pente vers le mieux est bien marquée. M-r Rogerson m'a chargé de vous annoncer que pour vous tranquilliser tout-à-fait il vous écrira lui-même *la pure vérité* par ce même courrier anglais.

66.

S-t Pétersbourg, ce 10 janvier 1808.

Il y a eu avant-hier un très-grand incendie; c'est l'hôpital bâti par Pierre-le-Grand на *Выборгской сторонѣ* dont la moitié a été consumée. Il y avait près de 400 malades dans la partie qui a été brûlée, et grâces à Dieu tous ont été sauvés. L'Empereur y était avant quatre heures du matin et n'y trouvant pas 3 aides-de-camp de place et de police qui y devaient être avant lui, ils ont été mis aux arrêts. J'y ai été pour ma part à l'encendie le matin avec le cousin Michel, et cela brûlait encore dans l'intérieur. Heureusement que le froid s'était radouci, car les pauvres malades eussent bien souffert.

Il y aura le 13 *) une fête à la cour dans le genre de celle du jour de l'an, dont je vous ai parlé dans une de mes précédentes.

*) День рожденія императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

67.

S-t Pétersbourg, ce 16 janvier 1803.

Je ne balance pas un moment à attribuer la maladie qu'a fait mon oncle au changement de façon de vie qu'il lui a fallu éprouver en se transportant ici. J'ai vu successivement se former en lui le germe de cette maladie. L'année dernière, 1801, lorsque, tout de suite après le changement de règne, nous sommes venus ici, qu'il était logé dans la maison Bezborodko, vers l'époque où Michel est arrivé, j'ai observé que mon oncle ne mangeait plus avec le même appetit. Les jours même qu'il se promenait à pied, il n'y avait pas dans son appetit de différence assez sensible entre les jours où il ne faisait pas d'exercice. L'automne de la même année, les fêtes du couronnement ont absorbé tout le tems qu'il aurait pu donner au soins de sa santé, et la saison d'ailleurs ne le permettait plus. A la suite du couronnement le peu de tems qu'il a passé à Matrénina lui a à peine suffi pour règler la multitude d'affaires que son déménagement futur nécessitait. Arrivé ici l'hiver dernier, il n'a du se considérer lui-même que comme campé pour un tems limité. Il a toujours remis jusqu'à votre arrivée pour établir une résolution fixe sur le terme de son séjour. Je ne dirai rien sur le tems que vous avez

passé ici: son âme vous a été ouverte, et vous avez vu tout ce qui s'y passait. Seulement je vous observerai que le jour de votre arrivée, dans l'émotion de plaisir et de tendresse qu'il a éprouvé, j'ai vu combien profondément il en était affecté, et cette commotion, la plus forte sans contredit qu'il a eu depuis près de 20 ans, n'a pas laissé que de l'ébranler si fortement qu'à coup sûr elle a laissé des traces qui ont influé jusqu'aujourd'hui. Vous avez vu ici comment les circonstances locales d'ici ont successivement varié de forme et ont à leur suite fait varier les déterminations qu'il se proposait pour ses vues futures. Dans toutes ces mutations je n'ai pas tergiversé un moment et j'y ai vu constamment ce que j'y vois encore: un bien *probable* pour l'état, mais en revanche un mal *certain* pour mon oncle.

La probabilité de bien pour l'état vient de ce que, dans ce mélange de biens et de maux qui caractérise toutes les entreprises des hommes, il y aura nécessairement des parties mieux conduites les unes que les autres. La machine est trop-vaste pour être embrassée et dirigée par une seule et même main. Elle doit donc nécessairement être divisée par parties. Or, il n'est pas douteux que de ces parties celle que mon oncle conduira ira au mieux. Nous le savions d'avance, et l'expérience du moment ne nous montre rien de nouveau. Mais qu'est-ce que cela fait à la totalité de jeu de la machine? C'est un verre d'eau douce et limpide versé dans l'océan. Seul il eut désaltéré un pauvre diable qui a soif, versé dans la masse il est perdu pour tout le monde et lui-même. Lorsque dans un concert quelques

musiciens vont en mesure et que d'autres précipitent ou ralentissent le mouvement: l'harmonie est également troublée, et l'auditeur sent à peine ceux qui vont juste. C'est l'histoire de toutes les affaires, lorsque leur réussite tient à un concours de moyens que toute la prudence humaine peut rarement réunir.

Quand la machine s'organisait, vous étiez ici; je vous ai entendu recommander l'union, la concorde. Cela me rappellait les prédications de S-t Jean dans le désert. Il y a trop d'éléments de discorde dans les hommes pour que les choses fondées sur l'union puissent être d'une durée un peu stable. Il n'y a *qu'une manière* d'aller bien, tandis qu'il y a des *millions de manières* d'aller mal. C'est la proportion entre la ligne droite qui n'est *qu'une* et les lignes courbes qui *vont dans les millions*.

Voilà pour *le bien probable de l'état.* A présent voyons ce que j'appelle *le mal certain* pour mon oncle.

Au terme presque d'une carrière glorieuse, à la suite de plus de quarante ans de services honorables, lorsqu'il faudrait ne plus penser, selon le conseil d'Horace, qu'à un *repos avec considération*, *otium cum dignitate*, il doit être bien pénible de rentrer dans une arène qu'on a quitté depuis quelques années et surtout lorsque durant ces années de retraite la scène a tout-à-fait changé. Or, voilà pourtant le cas dont il s'agit. D'ailleurs, durant ces années que mon oncle a passé dans la retraite, l'âme comme le corps a pris certains plis, contracté certaines habitudes desquelles à cet âge on ne se départit plus sans quelques dangers. Libre de ses actions

comme de son tems, il avait adopté certain régime de vie qu'il lui a fallu abandonner en quittant sa retraite. Parmi quelques mesures de santé je citerai les bains de souffre qu'il prenait chaque année dans la belle saison et qui lui étaient infiniment salutaires. Il lui a fallu renoncer à tout cela en venant s'établir ici. L'exercice plus régulier, la tranquillité d'esprit, l'air salubre de la campagne, enfin mille autres causes de ce genre qui ont varié ont dû nécessairement influencer sur son organisation physique. J'ai vu la gradation succèssive de ces changements; je l'ai plusieurs fois fait observer au c-te Kotchoubey; bien plus, je serais tenté de croire avec quelque fondement que pendant un tems mon oncle s'est fait lui-même illusion sur son état: il a présumé de ses forces plus qu'il ne fallait en attendre. A chaque dérangement de santé, soit par la digestion, soit par le sommeil, il croyait remédier par une diète, et ces diètes revenant avec fréquence n'aboutissaient plus qu'à affaiblir le corps par le manque de nourriture, lorsqu'à mon avis il ne fallait que calmer l'esprit par un genre de vie plus tranquille. Aussi, lorsque dans cette maladie la fièvre est venue travailler un corps tellement affaibli, elle a eu beau jeu.

A son arrivée ici, après quelques conversations avec l'Empereur, mon oncle a reconnu une des plus belles âmes émanées du Créateur. Il a vu dans ce jeune prince un désir sincère, constant et fortement prononcé vers toute espèce d'amélioration. Dès lors, se flattant des plus belles espérances pour le bien de sa patrie, mon oncle a cru que tout allait prendre une face nouvelle, qu'il suffisait presque qu'un abus fût reconnu pour qu'il y fût sur-le-champ remédié etc. etc. etc.

Mais cela ne va pas ainsi dans notre monde sublunaire. Il a fallu Hercule pour nettoyer les étables d'Augias, et les coups de massue ne sont point dans la manière de voir ni du souverain, ni de mon oncle. C'est donc du tems seul et de quelques moyens modérés qu'il faut attendre une épuration d'esprits et de coeurs qui ne peut arriver que bien lentement.

La suite non interrompue d'erreurs et de sottises qui dans l'histoire portera le nom du règne précédent, a jetté de si profondes racines que je ne sais plus quelle époque assigner pour n'en plus craindre de rejetons. Les quantités idéales ou algébriques qu'on pousse, dit-on, à l'infini est la seule figure sous laquelle je me représente cette infestation générale et universelle. L'esprit public en est encore gangréné. Cette masse informe de caméléons qu'on appelle *le public* est à mes yeux un objet continuel d'observation et de surprise. Ce public sous le règne précédent, placé continuellement entre la forteresse et le cordon de Sainte Anne, entre la Sibérie et un don de 4000 paysans, a contracté l'habitude d'être toujours fortement ému. Il lui faut de grandes craintes et de grandes espérances. Un ordre de choses paisible et coulant ne saurait plus lui convenir, et le calme de l'ordre est aux yeux de la majeure partie l'image du silence de la mort. Dans cette disposition il y a des foux qui aiment mieux souffrir pour avoir le sentiment de leur existence que de rester dans une heureuse tranquillité qu'ils ne savent ni goûter, ni sentir.

Comment voulez-vous d'après ce tableau qu'on ramène à la saine raison une multitude égarée? Avec

les plus belles dispositions pour que *les choses* aillent bien, où trouver *les personnes* pour les mettre en pratique? Dailleurs, dans toutes les actions des hommes il faut un stimulant, un but pour les conduire. Quel est donc celui qu'on peut offrir à une multitude immorale? L'ambition, principe ordinaire du monde moral, a perdu ici presque tous ses prestiges. Elle fera encore quelques victimes, mais en petit nombre, et ses prosélytes diminuent tous les jours. Jusqu'à présent Dieu m'a garanti des fumées de l'ambition; mais si jamais j'en étais atteint, je crois que le remède ne serait pas loin: il me suffirait de me dire à moi-même que je poursuis une chimère et, quelque heureux que j'y puisse être, je n'aurais jamais les succés du barbier de Bagdad, devenu grand, écuyer et mis au bleu comme la sauce des macquereaux.

Pendant la maladie de mon oncle, le ministre de la guerre a coulé un *докладъ* au sujet des bas-officiers nobles, qui les oblige à servir 12 ans sans pouvoir quitter. Jamais cette pièce n'aurait passé au comité en présence de mon oncle. Bref, elle a passé.

L'oukase qui en faisait une loi à excité dans le public d'ici la plus grande rumeur. A Moscou bien davantage encore. Je vous l'envoye ici coté № 1 avec l'extrait de la *дворянская грамота*, ainsi que de *l'oukase de 1762* et de l'acte *donné par l'Empereur actuel* etc.: toutes pièces, qui se trouvent en contradiction avec le *докладъ* du ministre de la guerre.

Tout le monde se plaignait de cette nouvelle loi; on sentait qu'elle attaquait les privilèges de la noblesse, mais la masse du public murmurait seulement et s'en

tenait à cela. Le seul comte Sevérine Potocki, en sa qualité de sénateur, croit qu'il est de son devoir de faire des représentations sur cet oukase. Il écrit la pièce que je vous envoye ici sous № 2 et la remet au procureur de 3-me département où il siège pour la présenter au *plénum* du Sénat. Le procureur lui répond qu'avant de la produire, il est obligé de la soumettre au procureur-général. Soit, répond le comte. Quand le ministre de la justice voit cette pièce, il se trouve embarrassé. Que faire cependant? La pièce avait un peu transpiré dans le public, il n'était plus séant de la supprimer sans bruit (comme quelques-uns le proposaient cependant). On se resout à l'offrir aux regards du *plénum*, après quelques démarches toutefois, pour s'assurer d'une majorité de voix contre la pièce de Potocki.

Qu'arrive-t-il? Au plénum dernier du Vendredy, 16 courant, la pièce est présentée. Le procureur-général déploye une pompe, une solemnité extraordinaire: l'écritoire de Pierre-le-Grand, le marteau, attribut de sa charge, rien n'est oublié. Les ministres du comité, qui siègent cependant au Sénat, déclarent qu'ils ne peuvent donner leur voix sur cette affaire, attendu que le *доклад* du ministre de la justice ayant passé à leur Comité, ils sont censés l'avoir approuvé. On lit la pièce de Potocki, ensuite les loix dont il fait mention; on discute; au bout de 29 minutes le procureur-général frappe de son marteau et dit qu'il est tems de recueillir les voix; chacun émet son opinion, et il résulte que.... l'opinion de Potocki passe à la *presqu'unanimité* des suffrages. Je dis *presque unanimite*, car dans le nombre entier des opinions il n'y a eu que *deux voix* contre Potocki

pour le ministre de la guerre. Ces deux voix étaient messieurs Шепелевъ et Gouriew.

Je suis fâché pour ce dernier, il perdra dans l'opinion publique; mais j'aime à croire qu'il s'est exprimé comme il a pensé. On peut varier dans ses jugements suivant le point de vue sous lequel une affaire se présente à notre esprit; mais la multitude prête à cette opinion des vues de courtisan. Pour ma part il me répugnerait trop de le croire.

A présent il faudra voir la tournure que prendra cette affaire. Ce premier choc de l'autorité du Sénat contre l'autorité du Comité donnera quelques lueurs sur les poids respectifs des deux corps. Mais le plus grand bien que cela peut produire sera de faire voir à l'Empereur, combien il doit avoir de circonspection et de prudence dans le travail particulier qu'il fait avec chaque ministre. C'est toujours dans ces séances de tête-à-tête qu'on lui extorque toutes les décisions ou les faveurs particulières qui craignent le grand jour.

Je réclame votre attention sur le *докладъ* du ministre de la guerre. Je le trouve d'une impudeur exemplaire. Ordinairement on se tait sur une loi, quand on veut la transgresser, mais ici il commence par citer et s'étayer de cette même loi, pour y trouver le contraire de ce qu'elle dit: de libre que la noblesse était pour le service, il la fait esclave; il l'assimile presque aux *однодворцы*, car ceux-là ont 15 années de service fixé, et le *докладъ* en accorde généreusement 12 à la noblesse. Je saute aux nues quand je vois cette série continuelle de bassesses et de cupidité qui se fait sentir dans les neuf dixièmes des actions qui se passent journellement sous mes yeux.

Ce Dimanche, 18 janvier 1803.

68.

S-t Pétersbourg, ce 22 fevrier 1803.

L'affaire du Sénat à la suite du papier de Potocki a produit encore une séance remarquable. Le procureur-général a entrepris de refuter ou du moins de faire un *докладъ* sur cette affaire. Il a dans l'intervalle essuyé lui-même une maladie, de sorte qu'entre la séance de Potocki et celle où le justicier a fait lire sa réponse il s'était écoulé quelques semaines, et les esprits auraient pu se calmer. Il a paru cependant que dans ce cas, comme dans le sonnet du Mysanthrope, *le tems ne fait rien à l'affaire.* La réponse du ministre de la justice (que vous recevrez en nature par mon oncle) n'a ni réuni ni apaisé les esprits. On la trouve dans le public plus poétique que judiciaire pour le fond de la question, mais surtout beaucoup trop tranchante et peu convenable à la dignité des sénateurs par la virulence des expressions, et en général par le ton pédagogique et magistral qui y règne. Il en est résulté que la majorité des pères conscripts a répondu: *Остаемся при нашемъ старомъ мнѣніи*, et pour les expressions peu convenables dont on les a régalé, on a conclu de faire encore des représentations à l'Empereur sur l'inconvenance de ces expressions, et on a chargé aussi en corps m-r Trostchinsky de composer la pièce. Voilà où en sont les choses ostensibles. Quant aux dispositions réciproques intérnes, je les crois bien plus ulcérées, et les éléments de discorde ne font que se renforcer par la fermentation. J'oubliais de

vous dire que l'opinion de Potocki, qui dans la première séance n'avait d'opposant que deux voix, a eu trois voix de plus contre elle. Mais en général il me semble que le plus ou le moins ne fera rien à cette affaire, et je serai fort trompé si dans cette occurrence il résultera autre chose que de la faiblesse et de l'intrigue. Nul, dit-on, n'est prophète dans son pays, mais je crois pour le moment que j'ai la lunette de Merlin l'Enchanteur.

Vous admettez pour mon oncle l'alternative de ne point travailler l'après-midi, ou de quitter tout-à-fait la besogne; je suis parfaitement d'accord avec vous de l'urgence d'un de ces deux cas. Je suis encore du même avis que vous et que l'univers entier sur l'avantage qu'il y aurait à adopter la première des deux chances. J'entends la continuation du travail, mais modéré et nul après le dîner. Mais quand on vient à l'application pratique de cette règle, on découvre malheureusement qu'elle n'est pas admissible. 1) Il y a deux postes étrangères par semaine. 2) Une poste de Constantinople tous les 15 jours. 3) Deux jours de travail avec l'Empereur. 4) Deux jours pour les assemblées, j'entends un au palais au comité d'administration, et un au moins au Sénat. Ajoutez à présent à cette kyrielle les courriers qui arrivent et qui partent assez fréquemment; les comités particulières dont il est déjà et dont il sera encore chargé, les notes des ministres auxquelles il faut répondre, les conférences verbales, et puis tâchez de me placer tout cela dans les matinées de sept jours de la semaine. Impossible! Le contenu dépasse le contenant, et la première proposition d'Euclide dit qu'un tout est plus grand que sa partie, Dans tout ce qui dessus, je ne vous ai parlé

que du courant journalier, sans admettre un seul des mille extraordinaires qui peuvent revenir.

Vous connaissez trop bien votre frère pour n'être pas assuré qu'en matière d'affaires et de travail il ne se prêtera jamais à ce que de son aveu la besogne aille plus lentement ou plus faiblement qu'il n'a coutume de la faire marcher. Remettre une chose quand elle peut être faite est pour lui aussi difficile que de la hâter quand rien ne la presse. Il n'a qu'une manière de faire marcher les choses; il y a 40 ans qu'il la pratique, et il n'est plus dans les possibles d'en changer. Je dirai plus: quand bien même on parviendrait à obtenir de lui qu'il ne travaille pas les après-diners, on ne gagnerait encore rien pour sa santé.

Or, voici ce qui adviendrait. Un papier intéressant qu'il aurait lu dans la matinée et sur lequel il faudrait résolution, deviendrait pour lui le suplice de Tantale toute l'après-dîner. Engagé par sa parole à ne pas s'occuper d'affaire, il chercherait à remplir sa promesse; mais dans une tête comme la sienne l'impression des idées est profonde. Involontairement et avec obstination l'idée du matin troublerait son après-midi, et pour ne rien faire, lire ou écrire sa pensée n'en serait pas plus tranquille et, loin de reposer, il lui faudrait un surcroît de forces à employer contre l'idée qu'il faut chasser.

Je ne vous ai cité là qu'un seul cas des millions qui s'offrent tous les jours; et encore je vous l'ai dépouillé de tous ses venans et aboutissans qui presque toujours l'accompagne.

Au lieu d'un papier dans la matinée, il peut s'en offrir dix: la méditation involontaire de la journée en est tout de suite décuplée. Pendant l'après-midi qu'on ru-

mine (sans repos) sur ces dix sujets, il s'en pérsente dix de nouveau. Faut-il aussi les remettre au lendemain matin? Soit, mais alors les papiers s'accumulent dans une progression effrayante, et il advient quelques fois que vous n'êtes plus maître d'arrêter ou de diriger le torrent et qu'il vous entraîne en deça ou au delà du point où vous vouliez vous fixer. Quand on ne lira pas l'après-dîner des papiers, ils n'en arriveront pas moins. Depuis Josué, personne que je sache n'a su arrêter la marche du temps, et il faudrait répéter ce miracle afin de se mettre au courant après quelques semaines que les papiers se seraient accumulés matin et soir et qu'on ne les aurait fait écouler que les matinées. Dans tout ceci je suppose encore un cours de choses paisible et régulier, ce qui n'est pas cependant en permanence et peut être troublé dans sa régularité par des causes étrangères dans le principe, mais qui, liées par une analogie imperceptible, ne laissent pas que d'agir ou de réagir au moment et de la façon qu'on s'y attendait le moins.

Parfaitement d'accord avec vous sur l'utilité majeure *vu la position des choses*, je différe d'opinion sur cette même utilité *vu la position des personnes*.

D'abord, dans le chef il y a une disposition bien marquée (et qui s'accroît de jour en jour) à la défiance et à l'obstination. Avec un aussi beau moral que le sien, comment expliquer ces tâches? Pour ma part je les attribue au sentiment de sa faiblesse. Je ne saurais les expliquer autrement, mais cela n'en existe pas moins. En suite de cette dispposition, il y a un décousu dans la marche, une irrégularité dans les déterminations qui trouble et désapointe totalement ceux qui par état doivent suivre sa marche. Vous rencontrez souvent et à peu de distance un abandon, un laisser-aller qui

semble être de confiance et de facilité sans bornes sur des cas assez graves, et le moment d'après sur un cas très-futile vous rencontrez une résistance et une opiniâtreté que souvent on ne saurait vaincre. Cette diversité d'assiettes qu'on ne peut prévoir, oblige à multiplier les ressorts à employer journellement, et vous conviendrez qu'il est fastidieux et dégoûtant à la longue d'être toujours sur le qui vive et d'employer sur la route droite du vrai, du grand, de l'honnête, les mêmes subterfuges dont se sert la bassesse et la cupidité dans leurs sentiers tortueux.

Les casuistes défendent de faire le bien quand il faut pour l'opérer employer des moyens illicites. Le public nous juge sur nos oeuvres, Dieu seul connaît les intentions internes, et la malignité n'a garde de laisser tomber des démarches qui pourraient prêter à ses interprétations. Toutes ces considérations décourageantes pourraient encore être méprisées si l'on avait la certitude de parvenir au but, d'arriver à faire le bien. Mais point. Vous combattez l'hydre de Lerne avec courage et au moment où vous allez triompher de ce monstre redoutable, un moucheron vous pique et vous renverse. On s'est consumé en efforts et l'on n'est également pas arrivé au but. Voilà pour les difficultés qui proviennent de la source même, et vous concevez combien cela prête aux espérances des intrigants subalternes et peu délicats sur les moyens d'arriver au but. Ceux-ci ne combattront pas l'hydre, mais écraseront le moucheron.

Je vous répète encore, mon très-cher oncle, que cette mienne manière de voir je ne la développe qu'à vous *uniquement*. Toutes ces acceptions, ces faces de l'affaire je ne les développe pas avec cette même

étendue à mon oncle d'ici. Ce n'est point de ma part *restriction mentale.* Mais comme il s'agit de *lui* dans cette affaire, je le traite comme *partie intéressée* du procès et je ne développe les moyens qu'à *vous,* que je tiens pour *juge.* Que Dieu me préserve d'influencer d'un cheveu sur ses déterminations dans un cas de cette importance. Je sens trop bien de quelle nécessité urgente il est pour l'état d'une part et de l'autre pour lui-même et pour nous. Au reste, la manière dont il se sentira au printems pourra peut-être lui donner à lui-même des notions plus certaines sur ces forces physiques, sur le régime à tenir et déterminera définitivement ses résolutions. Nous faisons tous les jours une promenade en voiture; hier, 28 février, il a fait le premier essai d'une promenade pédestre dans le jardin d'hiver du palais Tauride qu'on a remis en ordre. Il en a été un peu fatigué, mais nous voyons au moins que les forces reviennent. Quand je dis les *forces,* j'entends celles des jambes, car toutes les autres sont déjà revenues. Il faut avouer aussi que l'hiver de cette année n'est guères propre à un convalescent. Il a été long, rigoureux et dure encore aujourd'hui, 1 mars. Les intervalles courts qu'il y a eu de temps doux ont toujours été des jours de neige et de vent finnois. Le soleil fort rare, et quand le moment du dégel viendra, ce sera humide et boueux à bouche que veux tu. Il y a de la neige de quoi tapisser toutes les Alpes du monde.

Il y a un nouvel oukase encore qui agite les esprits. Celui-ci a passé aussi sans la participation de mon oncle. Vous voyez que l'époque de sa maladie ne laissera pas que d'être mémorable dans les faites de la

Russie. Il s'agit d'une création de cultivateurs libres, *вольные хлѣбопашцы*, les quels pourront posséder des terres en propriété etc. etc. etc. C'est une conception sortie de la téte du comte Serge Romantzow, et il paraît qu'elle a mérité l'approbation de la cour, puisque le dit comte a reçu une boîte avec le portrait de S. M. Le public a sur cela différentes idées et prétend que la mise en pratique de cette innovation ne laissera pas que d'occuper les autorités civiles et peut-être militaires. Le temps donnera la solution du problême, mais en attendant je crois qu'on peut être tranquile en se rappelant que dans l'oukase qui crée la nouvelle administration il est dit que *les ministres qui émettent de nouvelles choses sont tenus à répondre de leurs suites etc.*; de sorte que je ne doute nullement qu'avant que de proposer cette nouveauté on n'ait calculé d'avance les inconveniens qu'elle pourrait produire et que pareillement on ne se soit préparé d'avance à la responsabilité à laquelle on est tenu. L'affaire précédente, celle de la voix du comte Potocki, n'est pas encore entièrement terminée au moment où j'écris. Quelle que soit son issue, il y aurait cependant une observation importante à en tirer déjà: c'est que *la force d'opinion*, qui jusque à présent a été peu sensible chez nous, commence à se renforcer d'une manière étonnante. Quand une fois elle aura bien jetté des racines, il ne sera plus tems de l'écraser ou l'extirper par une opinion opiniâtre, et je crois qu'un gouvernement sage évite autant que possible de la heurter de front, mais cherche à s'en emparer pour la diriger, surtout lorsque, comme ici, elle n'est encore que naissante. Dans des mains prudentes elle peut devenir l'instrument le plus salutaire de la conduite des hommes,

mais il faut pour cela un système fixe que je ne vois pas encore.

J'apprends dans ce moment et pour certain que le plénum du Sénat, suivant sa coutume ordinaire et légale, ayant reçu différents oukases renvoie chaque oukase d'après sa matière au département qui en connaît. Celui du comte Serge par la nature écheoit au 1-r département, et la majorité du plénum du jour l'y renvoyait. Mais le ministre de la justice, craignant, à ce qu'il paraît, une opposition pareille à celle de l'affaire de Potocki, à présenté le lendemain un oukase de S. M. qui défend de renvoyer l'oukase en question au 1-r département et ordonne au plénum de s'en occuper sans l'examen préalable du 1-r département. Voilà donc de fait le Sénat troublé même dans les formes usitées de classer et d'examiner les affaires, et vous observez que cette tactique ministerielle est employée et dictée même par le même homme qui l'année dernière, convoitant le poste qu'il a à present, reprochait justement cette même manoeuvre sourde à son dévancier Bekléchow. Il cherche et réussit, à ce qu'il paraît, à réduire à rien les mêmes prérogatives du Sénat qu'il a appuyées et dont l'oukase est écrit de sa main. C'est tout juste Sixte Quint qui était rampant pour chercher les clefs du paradis et insolent quand il les eut attrapées. Voilà en partie vos craintes justifiées. Je me rappelle que la tête chaude de cet homme vous donnaît des inquiétudes. Il ne vous semblait que trop fou, mais à present il surpasse votre attente. Il y a de même un oukase par lequel S. M. élude de recevoir la députation du Sénat sur l'affaire de Potocki. Ces deux pièces sont du même jour, 2 mars.

Tout cela et beaucoup d'autres événements journaliers me ramenent toujours à ma théorie favorite que le choix *des hommes* est bien autrement important que le règlement *des choses*, et je vois sur cette matière tantôt une facilité coupable et tantôt une prévention opiniâtre, l'une et l'autre fomentée par un esprit de parti dont les suites à l'avenir sont incalculables.

J'ai eu hier encore une bonne fortune dont vous seriez jaloux. J'ai passé hier trois heures avec l'impératrice Élisabeth presque en tête à tête, car il n'y avait que le peintre Monnier en tiers. Le portrait que vous connaissez, vous étant donné [1]), il a fallu que le peintre en fît une copie pour rester ici, et pour achever cette copie S. M. lui a accordé encore trois séances. Elles se font à l'Hermitage, elles durent trois heures, et vous concevez combien je suis empressé de jouir des droits de mon emploi [2]). Je lui fais la lecture ou je cause durant ces séances, et je vous avoue, qu'il faut toute ma sagesse pour ne pas permettre à mon âme d'outrepasser le degré d'adoration qu'elle enlève, quand on a le bonheur de la voir de plus près et surtout de l'entendre.

Je ne vois rien dans la nature existante sous mes yeux et n'ai rien rencontré dans mes lectures qui lui puisse être comparé. C'est l'union parfaite du beau, du noble, du bon physique, moral et intellectuel. Rappelez-

---

[1]) Лѣтомъ 1802 года графъ С. Р. Воронцовъ сопровождалъ Елисавету Алексѣевну въ Швецію, куда она ѣздила видѣться съ королевою своею сестрою. Съ подареннаго портрета сдѣлана въ Англіи гравюра. П. Б.

[2]) Графъ Бутурлинъ былъ директоромъ Императорскаго Эрмитажа. Б. П.

vous un dialogue de Platon où il traite (d'après son imagination) du *Beau par excellence* qu'il appelle *To-kalon.* Eh bien, voilà ce qu'elle rappele. C'est absolument, suivant l'expression de Métastase. *le raggio del ciello* que le Destin doit respecter.

Je ne crains pas causant avec vous de paraître exagéré sur ce beau chapitre. Je sais combien nous sommes d'accord sur ce point, et vous ne me trouverez jamais sur cette matière ni trop poétique, ni trop prolixe. Depuis votre retour en Angleterre vous ne nous avez rien marqué au sujet de ce portrait; je m'imagine que, devant revenir ici dans 15 mois ou peut-être avant, ne serait-il pas plus prudent de ne point faire courir à ce portrait le risque du voyage. Ce n'est au reste qu'une idée qui m'a passé par la tête et qui ne prouve rien. Je crois pareillement que si vous êtes intentionné de l'avoir où vous êtes, ce sera probablement la maison Bonnar que vous chargerez de vous le faire passer. Tout cela sont des suppositions de ma part, et je ne vous en parle que pour demander vos ordres si vous avez à m'en donner sur cette affaire.

Mon oncle vous aura mander sans doute que S. M. a eu, il y a quelque tems, la pensée de me charger de la fonction de *grand-maître de cérémonies* pendant l'absence du comte Golowkine. Je vous avoue que rien dans le monde n'étant moins cérémonial que moi et ayant toujours professé une répugnance invincible pour toutes les parades de cour, j'ai cherché si je ne pouvais pas décliner cette affaire, sans offenser les puissances, et le pouvant. Je l'ai fait, demeurant au reste on ne peut plus sensible à cette marque de souvenir et d'intérêt de Sa Majesté.

Ce 1 mars 1803.

Письмо графа Александра Романовича.

S-t Pétersbourg, 13 mars 1803.

Je vous envoye, mon bon ami, une médaille de l'impératrice Elisabeth I-re, faite par Dassier. Depuis longtems je désirais en avoir une et j'ai eu assez de difficultés à en trouver. Faites-moi le plaisir de me la faire monter en tabatière, pourvu qu'elle soit faite solidement et que la matière n'y soit point épargnée; je m'en rapporte à vous pour le goût et la façon. C'est une fantaisie que je voulais me passer il y a déjà plusieurs années, et quand cette boîte sera faite, je compte m'en servir journellement. Il faut que cette boite soit grande, et non comme celles que vous avez envoyées ici qui sont toutes trop petites. „Je vous prie de mettre quelques soins à cette commission" *).

*) Означенное кавычками писано своеручно; остальное—рукою графа Бутурлина. П. Б.

69.

S-t Pétersbourg, 1 avril 1808.

Il n'est plus question chez nous depuis quelques jours que de guerre.

On doit avaler la Finlande suèdoise comme une pillule, au dire de nos jeunes officiers. Fort bien, messieurs; je connais fort bien que quand on se bat, c'est celui qui bat le plus fort. qui a raison; mais s'il n'est question que du ridicule pont d'Abersford, ce jeu ne vaut pas la chandelle, et je vois du ridicule à déployer de grands moyens pour avaler une mouche. Mais, me répond-on, vous avez raison; ce n'est plus du pont seul dont il s'agit et si une fois nous marchons, nous nous dédommagerons des fraix de la marche en prenant la Finlande suèdoise et en nous formant une frontière conforme à la nature et qui ne soit plus sujette à contestations perpétuelles. Il est dit dans la *Межевая Инструкція*, sortie en 1767 du cerveau du prince *Вяземской*: *Надлежитъ сколько можно для утвержденія межи пограничной пріискивать живыя урочищи.* Voilà ce qu'il nous faut. Dans ce cas il ne saurait y avoir de plus belles barrières naturelles que la mer. S'il est ainsi, qu'on se batte, qu'on éloigne ses frontières pour les rendre plus stables et qu'on rogne les ailes à un roitelet insolent et étourdi qui veut s'élever plus haut qu'il ne lui convient. Voilà qui va à merveille. A présent, pour que je sois tout-à-fait tranquille, il ne faut plus que me rassurer sur un point: quand nous aurons *pris à la guerre* ce qui est

à notre convenance, n'arrivera-t-il pas de *le rendre à la paix?* Dans la guerre de 1740 on a *pris* bien plus que ce qu'on a *gardé* par le traité d'Abo. Et s'il faut ne prendre que pour restituer, alors, comme je le disais, le jeu ne vaut pas la chandelle. Il en est des états comme des individus dans la société: rien ne leur est aussi dangereux qu'un ridicule. Le vice le plus affreux ne fait pas autant de mal. Et, grâce à la moralité générale du siècle, il faut plus de soins et d'attention à se garantir d'une fausse démarche, d'un pas inutile que d'une mauvaise action véritable. On suppose Dieu sait sur quel fondement qu'un vicieux, un méchant homme peut s'amender, se corriger, mais on n'accorde pas au ridicule la faculté de s'effacer. La sottise est comme ces sacremens qui dans la Catholicité impriment caractère. Le baptême, la prêtrise sont de ce genre. Je voudrais donc que ceux qui ont voix au chapitre d'un jeune souverain se pénétrassent bien profondément de cette vérité. Ce n'est jamais le premier effet d'une démarche qui fixe son bien ou son mal, mais c'est presque toujours la réaction de cette même démarche. Un rayon du soleil devient encore plus lumineux après qu'il a été représenté sur un prisme ou une glace; c'est donc ce second effet qui devrait être l'objet de l'attention de ceux qui dirigent la marche des choses. Mais pour cela il faut tout plein de choses, qui nous manquent encore. J'allais dire: *espérons!* Mais il me revient dans l'esprit le proverbe italien: *Chi vive sperando, muore cacando.*

Revenons à nos moutons. Nous parlions de la Finlande. Je vois ici que presque tout le monde désire se chamailler avec les Suèdois. Les militaires dans l'espérance qu'il y aura des avancements. Vous

observerez au sujet d'avancement qu'il n'y en a presque pas eu sous ce règne. La multitude des exclus du règne précédent, qu'on a repris sans rime ni raison, a plus que doublé le complet de tous les régiments, et une quantité d'officiers reste encore sous la dénomination vague d'*à la suite de l'armée*, de sorte qu'à moins d'une peste ou d'une guerre cette jeunesse vieillira dans ses grades. D'une autre part, quelques courtisans (et même de ceux qui approchent du soleil) espèrent que la guerre donnera je ne sais quel branle, quelque surcroît d'activité ou de réflexion au chef même, ce qui (à leur dire) peut produire de bons effets.

Nous voyons quelquefois dans le monde physique qu'une bourrasque de vent épure un champ, fait périr une multitude de petits insectes qui rongeaient le bled sans aucune utilité. Si la guerre doit produire une épuration de ce genre dans notre monde politique, elle serait à souhaiter. Pour ma part, je trouve le remède un peu violent, mais je le bénirai s'il nous produit cette utilité.

Ce 4 avril, Samedy.

C'est avant-hier, Jeudy, que votre courrier nous est arrivé au moment où mon oncle sortait de chez lui pour venir chez moi. J'ai une chapelle dans ma maison, et c'est la où nous avons communié. C'est la première tentative que fait mon oncle pour essai de monter un grand escalier; il en a été fatigué. La messe n'a pas laissé aussi que d'être longue; aussi, en rentrant chez lui, s'est-il mis au lit, et quelques heures de repos, sans dormir pourtant, l'ont remis.

Mardy de Paques.

L'égalite ou plutôt l'égalisation que je vois se propager ici, est à coup sûr un des mille déguisements que sait prendre à propos la philosophie moderne, qui a fait dè si belles oeuvres dans le midi. Véritable Prothée, toutes les formes sont à sa disposition, et elle sait les adopter aux tems, aux lieux, aux personnes avec un discernement admirable. Cependant, je ne sais par quelle raison, elle ne nous fait pas l'honneur de se déguiser beaucoup pour s'impatroniser chez nous. Il y a dans sa négligence une sorte de mépris. Nous somme apparemment une conquête facile à ses yeux, car elle ne se met pas en fraix de mascarader: elle nous arrive tout bonnement sous une forme qui lui est habituelle. On l'a déjà vu ailleurs et plus d'une fois prendre les livrées du civisme, de l'amour de la patrie et de l'esprit républicain pour arriver au despotisme le plus complet. Or, c'est pourtant (autant que je sais voir) sous ces ridicules pantalonnades qu'elle étend ses racines chez nous. Ce manque de précautions, peut-être apparent de sa part, devrait nous en faire redoubler. La voix qui crie dans le désert: *préparez les sentiers du Seigneur* devrait retentir dans ceux qui sont préposés pour entendre. Examinons nous bien, mettons la sonde dans la plaie. Quand un ennemi puissant et adroit ne déploye qu'une médiocre force pour s'approcher d'une place réputée forte jusqu'alors, c'est qu'il compte sur les intelligences du dedans. Qui sait s'il ne s'en est pas menagé depuis longtems? Qui sait si nous ne sommes pas plus gangrénés que nous ne le paraissons? On confond très-souvent l'enflure et l'embonpoint, et pourtant il y a une belle différence pour la santé.

Une des choses qui me fait encore bien de la peine parmi celles qui j'observe journellement, c'est le succés constant et continu des charlatans de toute espèce: charlatans en militaire, charlatans en législation, charlatans en patriotisme, en science, en sagesse, en beaux arts, en éloquence, en un mot en tout, charlatans de toute espèce, jusqu'en attachement individuel. Ils ont conquis la société, et l'on ne vit plus qu'avec des apparences; il n'y a plus de réalité. Tel homme que vous connaissez depuis longtems et qui ne s'est jamais occupé de telle partie se métamorphose tout-à-coup en savant dans cette partie. A l'aide d'applaudissements que la complaisance prodigue il finit par se persuader lui-même de son mérite, après en avoir persuadé les autres. Une fois arrivé à ce point, toute opposition est inutile: il a planté la foi, la foi pousse des racines, et toute l'obscurité de sa vie passée est couverte par l'éclat du moment. Vous jugez combien de petits artifices sourds il faut employer, combien de petits manoeuvres tortueuses sont nécessaires pour soutenir et étayer un édifice de capacité établi sur d'aussi frêles fondements. N'importe, on trouve des amis qui poussent à la roue, et la machine va. Avec cet échafaudage d'intrigue on réussit à merveille chez nous.

Que le bon Dieu les conduise! Pour ma part j'y renonce de bien bon coeur. Je borne tous mes voeux à une place de ministre dans un pays plus chaud. Il faut absolument un climat plus doux pendant quelques années à ma femme, et pour moi il faut également n'être point ici. J'y dérange absolument mes affaires. Avec ma famille et le train de ma maison il me faut presque quarante mille roubles par an, et je suis loin

de pouvoir les tirer de mes revenus. D'ailleurs, je suis encore persuadé que pour ce qui concerne l'éducation morale de mes enfants il est de nécessité urgente que leur adolescence s'écoule loin d'ici. Notre cher pays est beaucoup trop grec et trop lumineux pour des organes faibles qui se dévelloppent. Comme je ne saurais y changer le ton de la société, ni les usages reçus, je veux préserver mes enfants de la contagion de cet atmosphère. Dans le séjour de la cour on ne saurait se claquemurer en hermite, et dans les campagnes on manque de ressources pour les moyens d'instruction *). Le tout bien pesé, je trouve encore qu'une place de ministre obvie à toutes ces difficultés. Je n'ai pas à vingt ans désiré ma maîtresse avec plus de ténacité que je désire cette mission.

Vendredy, 10 avril.

Le courrier sera expédié aujourd'hui ou demain au plus tard, il faut clore ma longue épître. Je ne sais en vérité plus ce que je vous ai écrit, mais je n'en suis pas inquiet: je ne la relirai pas. Au diable une correspondance quand il faut peser ses paroles et arrondir ses périodes oratoires! Il faut que la pensée jaillisse de source pour être pure, et l'expression sera toujours bonne du reste quand l'idée vient du coeur et non de la tête. Or, voilà mon cas avec vous et votre frère. Tous deux vous êtes pour moi une seconde conscience à laquelle il n'y a rien de câché. Il y a seulement plus longtems que je débite mes fagots au comte Alexandre qu'à vous; mais je ne trouve plus de différence dans la sécurité et l'épanchement avec lesquels je vous compte mes calambredaines.

---

*) Это напоминаетъ собою выраженіе одного государственнаго человѣка нашихъ дней: чтò за страна, въ которой, живя въ деревнѣ, поштѣешь и, живя въ сточицѣ, подлѣешь. П. Б.

70.

Il y a eu Dimanche, trois courant, un duel au pistolet entre mon ami Dolgorouky, aide-de-camp de S. M., et Borosdine Nicolas, colonel au chevaliers-gardes. Mon pauvre ami y a attrappé une balle à la cuisse qui le fera rester quarante jours au lit. Il est encore heureux dans ce malheur que ce soit à la cuisse, car c'était à six pas que ces messieurs tiraient. *Amour, tu perdis Troye!* C'est la comtesse Valérien Zoubow qui est l'héroïne et le motif de ce combat. Je suis doublement fâché de cette aventure pour mon ami: d'abord pour sa blessure et ensuite parce que cela lui donnera un air de petit étourdi dans le monde, qu'il sera difficile de faire oublier.

Ma négociatiou au sujet du portrait de notre Impératrice est terminée. J'ai exhibé mes pleins-pouvoirs; on les a duement examiné et reconnu pour bons et authentiques, justes pour le fond de la question et légaux pour la forme. Ce premier pas franchi, j'ai demandé qu'en vertu des dits pleins-pouvoirs il me fût octroyé la faculté de me saisir du portrait, objet de ma mission, pour en user selon la teneur et contenu de mes instructions. La cour m'a répondu par l'organe de son grand-maréchal que les fêtes de Pâques une fois passées, il serait fait droit à ma demande. J'ai donc pris acte de cette promesse et, les fêtes écoulées, j'ai laissé encore passer quelque tems pour ne point paraître importun, et je suis revenu à la charge. Sur cela la cour m'a autorisé à m'adresser au sieur Monnier pour

lui demander le portrait. Jusque là ma marche avait été droite et loyale, mais pour ce moment j'ai usé d'un peu de jésuitisme, et voici le fait.

Sentant fort bien que l'artiste ne se détaillerait pas sans peine du chef-d'oeuvre que je veux lui ravir, j'ai fait usage de la *restriction mentale* tolérée par les casuistes de Loyola. Je me suis tû sur mon intention, et j'ai fait dire simplement au sieur Monnier qu'il eût à porter ses deux portraits à l'Hermitage pour que leurs majestés pussent les comparer. Il m'était urgent de faire entrer ce portrait dans un cercle de mon activité et, une fois dans l'Hermitage, j'étais bien assuré que je tenais ma proye et qu'elle ne m'échapperait plus. Tout s'est passé comme je l'avais prévu: les deux portraits ont été apportés; je les ai fait mettre sous clef et j'en puis disposer à souhait. Voilà ma conquête en ma puissance. A présent un autre scrupule me retient. Le sieur Monnier assure qu'il y aurait du danger à faire voyager tout de suite ce portrait, car la figure en profil qui se répète dans la glace a été achevée depuis peu, et les couleurs (à ce qu'il dit) ont besoin de se fixer plus fortement sur la toile.

Les noms ne changent rien à chose, et il peut arriver avec le Hanovre ce que j'ai fait avec le portrait. J'aime à croire que sa destinée sera la même.

Nous avons fait il y a deux jours, mon oncle et moi, une petite course du matin à Mourina. Le tems était magnifique et toute notre partie très-agréable. Nous avions avec nous du pain et du vin. La nourrice de Michel nous a régalé de crême et d'oeufs frais. C'était une charmante matinée; l'air d'abandon, de délaissement, des jardins répandait un ton de mélancolie. Quel bel établissement c'était il y a dix ans!

Nous y allions autrefois la semaine sainte y faire nos dévotions et manger les premiers légumes. Cela nous a transporté à douze ou quinze ans en arrière. Cependant nous y avons vu une preuve nouvelle d'ingratitude de notre climat. On travaille pendant dix ans, on plante, on creuse, on enterre des milliers de roubles: vient un hiver comme les hivers de 60 degrés, tout est au diable!

On va dans quelques jours célébrer le jubilé de la fondation de Pétersbourg; ce sera le 16 courant; la statue du Fondateur recevra les hommages de la cour, du peuple et de l'armée. Au milieu de toutes ces adorations, si je lui disais un petit mon à l'orielle, voici quel serait à peu près mon apostrophe: „Grand homme, si tu es sensible à l'hommage de cette foule ressemblée autour de ton monument, combien tu jouirais davantage, si ce même culte de Latrie t'était rendu aux bords du Volga, de l'Oka ou même à Moscou au lieu des marais fangeux qui bordent la Néva! Que ta ville soit un point de commerce, rien de si juste; mais pourquoi en faire la résidence d'un Empire qui occupe lui seul presque autant de place que l'Europe? Ta cité, semblable au Saturne de la fable, dévore ses enfants; le sang de tes sujets cimente les édifices superbes que l'étranger admire. J'aime à croire que tes successeurs ont outrepassé tes intentions. Sans doute ta prévoyance n'eût point porté à demeure le siège d'un Empire à sa plus mauvaise extrêmité."

Aujourd'hui, 10 courant, mon oncle est allé à Pawlowsk faire sa cour à l'Impératrice-Mère. Michel est du voyage par invitation expresse. C'est la fête de la grande-duchesse Catherine, et il y aura spectacle et bal.

Dimanche, 10 may 1803.

71.

S-t Pétersbourg, ce 22 mai 1803.

Votre frère se porte à ravir. Nous faisons toutes les matinées des promenades et pour peu que les affaires aillent bien, il est d'une gaité charmante dans ces courses. Sa partie (la diplomatie) n'a jamais été sur un pied plus respectable et plus respect. Voilà les affaires d'Allemagne terminées comme il le jugeait et la rixe actuelle entre la France est Angleterre eût pu pareillement s'arranger, n'était la stupidité de lord Witworth et sur tout n'était la faiblesse et la fluctuation du cabinet où vous êtes. Notre médiation pouvait encore intervenir à temps pour arrêter les débordements consulaires qui vont innonder toute l'Allemagne et une partie de l'Italie. Le système voleur de la France, tout immorale qu'il est, ne me révolte pourtant pas autant que la conduite tortueuse et avide de la cour de Berlin. La grande nation a au moins parfois la franchise du brigandage, au lieu que le cabinet Prussien, montrant selon le vent tantôt les dents et tantôt la queue, ne laisse pas échapper une occasion de pêcher en eau trouble. Depuis qu'il a gobé la Silésie, l'appetit lui est venu en mangeant, et il n'a cessé de prendre toutes les fois qu'il l'a pu faire impunément. A présent le Hanovre serait fort à leur convenance et surtout les Villes Anséatiques du voisinage, et le tout sous prétexte d'empêcher les Francais de l'occuper. Je ne doute nullement que si nous eussions chamaillé avec les Suédois, Berlin se serait occupé de la Poméranie Suèdoise. Ils sont habiles à suc-

céder, et vous verrez que de la crise actuelle ils trouveront encore moyen de tirer aile ou pied. J'enrage quand je vois qu'on prend encore le change sur leurs intentions à notre égard. Ils nous craignent, je le crois; mais ils ne sauraient nous aimer en aucune façon, et nous devrions bien les traiter en conséquence. Mais il y a encore mille *impedimento*, à ce qu'on en vienne là. Patience!

Notre administration ici va toujours de même. Comment varierait-elle, puisque c'est toujours les mêmes sujets? Les charlataneries de tout genre ne réussissent pas mal. Le temps seul désillera les yeux qui doivent voir. J'espère pour ma part avoir dans peu la mission de Rome, qui remplira tous mes voeux. Mon oncle me fait espérer que cette affaire sera terminée pendant le voyage de l'Empereur qui doit commencer demain, Samedi, 23 courant. J'ai quelque impatience que cela soit décidé, non pas pour partir (ce que je ne compte faire que vers la fin de l'automne, attendu les couches de ma femme), mais un déplacement nécessite mille arrangements préalables, et je ne puis rien entreprendre tant que je n'ai pas un oukase en forme qui justifie mes démarches. J'espère, Dieu aidant, être tout aussi utile au service que je le suis ici, et mille fois plus utile pour l'éducation de mes enfants, la santé de ma femme et surtout l'économie de ma bourse. Par une singularité qui m'est particulière, je n'ai jusqu'à présent jamais palpé un sou de la couronne. On ne m'a jamais proposé des appointements, et je n'en ai jamais demandé. C'est pourtant à la longue une duperie de faire la guerre à ses dépens, surtout lorsque (comme moi) on a des enfants et des affaires assez dérangées. Depuis que j'ai quitté Moscou, c'est-à-dire, depuis ce règne, loin de

payer quelque chose sur les dettes que j'avais à cette époque, j'ai emprunté plus de 50 mille roubles à la Banque, j'ai vendu le cabinet de physique, brillants etc., et je n'ai eu pour tout cela qu'un peu d'honneur et beaucoup d'ennui. Dans le courant de l'année dernière, quand j'ai failli successivement perdre ma femme, puis mon fils et ensuite mon oncle, je broyais du noir dans mon âme Dieu sait combien! Je vous assure que Jérémie et ses lamentations étaient couleur de rose auprès des réflexions que mon cerveau enfantait. Grâces à Dieu, tout cela est passé; mais quand ma mémoire revient sur ces sujets, j'en frissonne encore de souvenir.

Je ne vous fais point des détails de la fête séculaire qui a eu lieu ici le 16 courant; je sais que Michel vous en a parlé; mais je ne comprends pas pourquoi à ce sujet on n'a frappé que trois médailles. J'avais cru jusqu'à présent que des médailles étaient destinées à perpétuer dans l'avenir le souvenir d'un événement marquant et, dans ce cas, plus elles étaient nombreuses, plus elles présentaient de chances à parvenir à la postérité. Nous voyons encore celles d'Alexandre, comme celles de Pertinax et d'Augustulle. Comment ferons mes arrières-petits-neveux pour voir celles du 16 may 1803? Je me prosterne et j'adore en silence, quand je ne comprends pas.

Les 12 ou 15 jours que durera la course en Finlande de S. M., mon oncle compte les passer à Sarsko-Sélo pour faire une cour plus assidue à notre Impératrice. Si le temps le favorise, il jouira du bon air et d'un peu plus de repos qu'en ville. Mais s'il fait mauvais, il n'aura rien gagné au déplacement. Je compte l'y aller voir une couple de jours. Mais tout cela est encore dans le vague et peut varier de jour

au lendemain. Nous marchons ici sur un terrain si mobile que la scène change à tout moment. L'aspect du matin ne ressemble pas à celui du soir, et dans cette rotation perpétuelle bien fou est celui qui forme des plans. Vivons au jour la journée, c'est notre lot; le reste est chimère.

Dimanche, 24 may 1803.

L'Empereur est parti hier à 9 h. du matin pour la course en Finlande. Sa suite est composé de Tolstoy. Czartorijky, Nowosiltzow, Wolkonsky l'aide-de-camp, Lieven, Van-Suchteln, Whely l'esculape. Voilà tout. Il me paraît, qu'on veut faire cette course très-vite. mais alors on ne verra pas ce qu'il faut voir, à ce que disent les experts dans cette partie. Tout le monde croyait que le ministre de l'intérieur *) serait du voyage. et je ne sais pourquoi il n'en est pas. A propos de celui-ci, écoutez ce qui suit. Vous serez informé, je crois, déjà de l'assassinat d'un colonel Lasarew, par une ex-reine de Géorgie ou de Mingrélie que cet officier était venu engager à évacuer ses états, suite des arrangements que fait Tsitsianow dans ces pays-là. Eh bien, il devait arriver ici des princes députés de cette Colchide. Vous sentez qu'on est peu curieux de traiter avec ces Marabouts dont la reine et sa confidente reçoivent les gens à coup de poignards. Nos ministres en conséquence se renvoyaient l'honneur de recevoir ces princes. Celui de l'intérieur voulait en charger le chancelier, comme chef du département asiatique. Le chancelier observait avec raison que la Géorgie étant soumise à la Russie, ces messieurs arrivants n'étaient plus du ressort de la diplomatie et revenaient

*) Графъ Кочубей. П. Б.

ipso facto au ministère de l'intérieur, ajoutant avec égale raison que s'il était nécessaire de se donner quelque peine pour ces réceptions, il était plus naturel que ce fût le ministre intérieur qui en eût la besogne que lui, attendu qu'il était plus jeune. Il paraît que cela s'est arrangé ainsi, car je rencontre ces Asiatiques dans les rues et ne les vois pas chez mon oncle. Tant mieux! Aujourd'hui il y a promenade à Catherinhoff, pendant de celle du 1 mai. Nous ferons, mon oncle et moi, comme nous avons fait le 1 mai. Nous dînerons chez Tatischtchew *) qui a loué une maison à Catherinhoff, et nous irons à la promenade à pied. Tatischtchew, chef de Préobragensky, ayant insisté à obtenir sa démission, l'a obtenue avec un petit changement dans la forme du congé. On a mis *увольняется до излеченія* au lieu *отпускъ* ou *отставки* afin qu'il ne soit pas dit que le comte Tatischtschew n'est plus au service. Vous sentirez j'espère la subtilité de cette destination dont je doute qu'un casuiste se fût avisé dans le siècle des controverses théologiques. Mais c'est encore une régle générale de la marche des choses. Quand on employe peu de discernement à la *suite des choses*, il faut redoubler de discernement dans la *suite des mots* pour couvrir autant que possible la turpitude des procédés. Voilà où nous en sommes, et ce sont les faits qui parlent.

---

*) Дмитрій Павловичъ, будущій посолъ въ Вѣнѣ и подъ конецъ жизни оберъ-камергеръ, внукъ Прасковьи Ларіоновны, сестры графа А. Р. Воронцова. П. Б.

Lundy, 25 mai.

J'ai dans l'idée que le jeune Nicolaï doit arriver aujourd'hui et que j'aurai une lettre de vous. Il y a longtemps que je n'en ai. Ce n'est pas que je doute de vos bontés pour moi, mais j'aime à vous entendre me le dire. Voici à peu près le temps où vous étiez avec nous l'été passé. A présent nous sommes loin les uns des autres. Pourquoi dans ce bas monde les mêmes époques de l'année ramènent-elles des positions si différentes? Et que des choses ce sont passées dans l'intervalle de douze mois! Quand on résume cette série de biens et de maux qui fait le chapelet de la vie, quand on compare les courts instants de bonheur avec les longues années de tribulation, on est frappé de l'énorme différence des uns aux autres, et pour ne point en accuser la Providence, il ne reste à l'homme que la ressource de s'en accuser soi-même. Oui; j'aime à croire que ce sont nos erreurs, nos folies qui, prises en masse dans tout le monde, produisent cette disproportion entre les biens et les maux dont en détail chacun de nous ressent les effets. Nous étions réunis l'été passé; qu'avons nous fait pour ne l'être pas cet été-ci? Qui sait, si nous le serons encore? Quand le serons nous? Le serons nous sous les mêmes données? Le temps ne mettra-t-il plus de lacune entre nous? Ah, bon Dieu! Quelle foule de questions et de doutes se présentent à l'esprit, dont l'avenir seul donnera les réponses. Baissons la tête et attendons en paix!

Je ne veux pas clore mon épître par un sujet aussi grave que celui qui s'est présenté tout à l'heure à ma plume. Horace défend de s'aller cou-

cher avec des idées tristes et, pour nous égayer l'un et l'autre, je vous parlerai du bon état de la santé et de la totale remise de mon oncle. Que Dieu le conserve comme il est jusqu'à l'hiver et qu'alors il plie bagage pour Moscou et Matrénina. Alors je serai tout-à-fait tranquille sur son compte, et nous en jouirons encore pendant quelques dizaines d'années. Jeudi passé, 21 courant, dans son dernier travail avec S. M. il a obtenu la grâce d'un déporté. Ce n'était point de son ressort, mais faire du bien est toujours du ressort de toute belle âme. Il fallait voir la sérénité de son visage! Il a passé lui-même chez Trostchinsky (que cette affaire regardait) pour faire tout de suite expédier la grâce et le retour du malheureux qui avait déjà passé la frontière. Il a été toute la journée d'une humeur charmante. Nous avons promené à pied dans l'après-dîner, pris des glaces dans un café au troisième jardin. C'était une journée délicieuse de toute manière. C'est la première vraie jouissance de l'âme que je lui vois goûter, depuis que nous sommes ici, et je suis assuré que quand il aura réglé le sort de toute l'Europe, prévenu l'effusion du sang en empêchant la guerre, arrêté le torrent dévastateur consulaire et fait une demi-douzaine d'électeurs par dessus le marché, il n'aura pas la sérénité qu'il avait ce jour-là. Les jouissances de l'esprit ne sont rien au prix des jouissances de l'âme. A propos des jouissances de l'âme, demain, 26, nous fêtons la naissance de Petroucha. Il aura demain neuf ans, il entre dans sa dixième. C'est un jour d'émotion pour moi.

72.

S-t Pétersbourg, ce 3 juin 1803.

Le tems, ce grand machiniste de l'univers, a donné un coup de sifflet. La scène change. Nicolaï arrive; je reçois de vos lettres, et le lendemain l'oukase qui me fait ministre à Rome me vient de grand matin. Vous sentez que *Messire Tempus* n'a pas seul les honneurs de cette dernière métamorphose et tout vieux que peut être Saturne, il n'eût pas été assez sorcier pour l'opérer. C'est à un enchanteur plus aimable et bien plus aimé que je dois cette faveur, et je vous avoue que depuis je suis dans l'âge de raison, il y a plus de vingt ans, je n'ai encore rien éprouvé qui me fît le même plaisir que cette affaire. En général je n'ai pas été gâte par la fortune, de sorte que quant il lui plaît me sourire, je sens vivement ses faveurs.

Enfin, vous vous déclarez *converti*. Nous sommes d'accord sur le point de vue pour l'avenir, et je vois que je n'ai point prêché dans le désert. Mais quelque gloire que je puisse tirer de cette conversion, modeste dans mes triomphes, j'avoue sincèrement que l'on doit votre conversion non pas à la force de mon éloquence, mais bien à la force de l'évidence, à laquelle il n'y a que les sots qui ne se rendent jamais. Cependant comme il est plus important et plus difficile de conserver une conquête que de la faire, je continuerai, comme par le passé, à vous entretenir dans

cette dispostion, et quelque puissent être les changements momentanés que la crise actuelle doit apporter, j'espère que ni vous ni moi, n'en resterons pas moins à notre détermination sur ces futurs contingens.

Kamenostrow, ce 6 juin.

Me voici ici depuis deux jours. On appelle cela chez nous *être à la campagne;* moi j'appelle cela *être dans les marais.* Grâce à Dieu, il pleut tous les jours, et je n'ai pas encore trouvé le moment de mettre le nez dehors. Je me doutais du coup, et je n'avais nulle envie de déménager pour m'établir dans cette grenouillère; mais les femmes ont vu un rayon de soleil, et il a fallu venir ici. Je suis également tous les matins chez mon oncle. Je suis aux portes de la cour comme si j'en étais à cent lieues.

10 juin.

Rien de changé ici au régime intérieur du palais que vous avez vu l'année dernière: toujours la même société, aux mêmes heures l'Impératrice se promène tout comme l'été passé, il n'y a de différence pour moi que celle de ne vous pas voir, et Dieu sait à présent quand je vous reverrai.

Je compte me mettre en route pour ma destination dans les premiers jours de Septembre. A quarante ans on est assez mûr pour courir le monde avec fruit. D'ailleurs, je suis frappé de l'idée que le cours des choses actuelles, et sur le pied où elles sont à présent, ne saurait durer chez nous. Il y a trop d'incohérence dans les ressorts de la machine pour que rationellement le jeu s'en puisse prolonger. Ou l'édifice

sera réparé de fond en comble, ou il croulera. Eh bien, tout cela se passera dans mon absence; les choses s'éclairciront, quelques têtes mûriront, et alors, si je dois fournir mon contingent de travail, je mettrai gaiement la main à l'oeuvre.

15 juin.

L'Empereur est allé aujourd'hui à Cronstadt, où plusieurs vaisseaux de ligne sont prêts à tout événement. Michel est de garde ici à côté de nous, et je compte lui faire goûter d'un pâté de Périgueux, qui le consolera de l'ennui du corps de garde. A propos de manger, je suis persuadé qu'une des raisons de la constante et générale admiration qu'on a pour Homère, c'est qu'il ne manque jamais l'occasion de parler d'un repas. C'est le poëte de la nature, car les repas sont dans la nature. Un buveur disait que les rois ne se font la guerre que parce qu'ils ne boivent jamais ensemble. Il y a de la vérité dans ce propos. Mais je suis assuré aussi qu'il y a tel roi qui serait bien mauvais compagnon de table. Quand ma bonne étoile m'aura conduit dans le Latium, quand je foulerai cette terre classique, la patrie de Cicéron, d'Horace et de Virgile, j'éprouverai une sorte de régénération. Mon imagination va au devant de ce que je dois éprouver de sensations à Tusculum, à Tibur, à Albano. J'irai à Terracina avec Pline-le-Jeune. Je m'arrêterai où il s'est arrêté; mais les *Paludi Pontani* étaient fertiles de son tems, et à présent ils me rappelleront peut-être les marais de la Finlande.

J'ai jeté quelques idées sur la nature des occupations d'un ministre de Russie à Rome.

73.

S-t Pétersbourg, ce 3 juillet 1803.

Il y a une semaine que nous sommes revenus ici. Sa Majesté a eu la bonté de donner son cutter pour cela. Il fait depuis dix jours des chaleurs comme en Ethiopie.

... Il s'agit de retirer son épingle du jeu sans choc, sans bruit et abandonner la place à ceux qui par leur âge, leur ambition ou d'autres circonstances locales veulent et peuvent se prêter aux fluctuations journalières qui font encore et feront longtems le *caractère essentiel* de l'administration actuelle. Il est de toute impossibilité (de fait) qu'il puisse se renfermer dans les seules fonctions de chancelier et qu'il abandonne tout-à-fait le Conseil, le Sénat et les Comités. S'il le faisait, il ferait une grande peine au chef de l'état, qui est pleinement convaincu (et avec raison) que la présence de mon oncle dans ces assemblées y maintient l'ordre et la justice plus que la sienne propre. Mais c'est pour cela même qu'elles sont fatiguantes pour lui: toujours disputer, toujours combattre épuise à la longue. Et malheureusement, il n'y a point de remède à cela. On sent parfaitement bien qu'il y a tout plein de gens très-déplacés dans leurs postes, mais on les y laisse; car tout mauvais qu'ils puissent être, leur déplacement ferait un vide qu'on ne trouverait pas à remplir. Nous n'avons pas de sujets à employer dans des postes de chef; absolument il n'y en a pas pour

le moment. Le règne passé a tellement dénaturé et bouleversé jusqu'aux éléments de l'état, qu'il n'y a pas dix sujets à citer dans les âges de quarante ou à peu près; tout est devenu militaire, ou bien tout s'est retiré faute d'espérances, ou tout a déjà été éprouvé, ou bien se trouve entaché par le coeur ou la tête. Une pareille pasition est triste à avouer; mais c'est pourtant cela. Dans les âges de 20 à 40 il y a des sujets qui donnent les plus belles espérances, oui. Mais peut-on sur de simples espérances confier à leurs mains des timons importants? Mille exemples, et tout récents encore, ont déjà démontré jusqu'à l'évidence que *tel brille au second rang qui s'éclipse au premier*. Ce n'est donc que du tems qu'il faut attendre un remède à cette cruelle position des choses. La conduite du chef doit aussi de son côté contribuer à hater ou développer cette maturité; s'il ne distingue que ce qui doit être distingué, s'il accueille ou rejette avec discernement, les sujets se présenteront, et il y aura dans quelques années de quoi choisir. Mais tant qu'il n'y aura pas d'espérances à offrir à l'ambition ou aux autres passions, des sujets seront de plus en plus rares. Un coup d'oeil sur les époques brillantes de l'histoire des peuples nous prouve cette vérité. Les siècles de Péricle, de Léon Dix, de Louis XIV ont fourmillé de grands hommes dans tous les genres. Pourquoi? C'est que dans ces époques de grands intérêts offraient à la multitude de grandes espérances. La justice distributive est le vrai secret pour satisfaire et exciter les esprits. Qu'on rende à chacun selon ses oeuvres, et tout ira bien. Mais tout clochera et doit clocher si l'on pose en même ligne de compte vingt ans d'études et d'observation ou la formation d'un bataillon; une vue pro-

fonde et juste sur un point d'administration ou une parade à la prussienne.

Mon oncle ne pouvant donc (tant qu'il est ici) se refuser à toutes les parties où il est employé, doit se contenter d'empêcher tout le mal qu'il peut et aider de ses lumières pour le présent en établissant quelques principes généraux pour l'avenir. La confiance intime dont le chef lui donne journellement des preuves, les succès de notre diplomatie depuis qu'elle est en ses mains, tout cela sont autant de raisons puissantes qui suffiraient pour le retenir ici, n'étaient des causes plus importantes et réelles qui le font persister dans ses projets de retraite: le motif sacré de sa propre conservation, et l'espoir justement mérité de passer en paix ses dernières années. Certainement il est à présent très-bien remis de sa maladie, mais il n'a pas encore la totalité de ses forces, il ne supporte pas les fatigues comme auparavant, et quand on veut me faire accroire qu'il est plus fort et plus frais qu'avant sa maladie, je ne saurais me prêter à cette illusion, Je le vois journellement faire toutes ses fonctions spirituelles et animales; je le vois penser, parler, écrire, manger, boire, digérer, et dans tout cela je crois que le moral n'a seulement pas été touché, tandis que le physique l'a été fortement. Oui. Je demande à Dieu qu'Il nous le conserve tel que je le vois à présent; mais j'affirmerais aussi devant Dieu que je le trouve en général plus faible qu'il n'était. Tout le monde ici veut à toute force que sa maladie l'ait rajeuni; moi je ne le vois pas.

Il continuera donc son train de vie actuel jusqu'à l'époque qu'il a déterminé pour sa retraite, régulier pour ses deux jours de travail du matin chez S. M.,

les Lundi et les Jeudi, assez fidèle aux Mardi et Vendredi soir au comité d'administration; de la plus scrupuleuse régularité chez lui pour l'expédition des postes, il poursuivra cette méthode sans l'altérer, et à l'époque qu'il s'est fixé pour sa retraite il aura tout droit de ne chercher point d'autre prétexte et de n'en point alléguer d'autre que celui du *repos* qu'il désire et qu'il a justement mérité.

Soyez bien persuadé qu'il ne laisse pas échapper une occasion de dire la vérité à la source même, et que si votre méthode eût pu porter le moindre fruit, il s'en fût servi. Mais le local d'ici est trop mobile pour que des résolutions prises dans le lointain s'y puissent adapter sans modifications, et pourvu qu'on parvienne à retirer son épingle avec honneur et sans offenser ni blesser aucune convenance, ce sera toujours une excellente affaire. Il lui faudra une ténacité opiniâtre quand il en viendra à l'exécution.

Tout ce qu'il y a ici de têtes pensantes à la cour, comme à la ville, voyent en lui seul *le vrai timon de l'état.* De jour en jour l'Empereur se pénêtre davantage de cette vérité, et les symptomes en sont sensibles quand on suit la marche des choses. L'Impératrice-Mère ne târit point dans son intérieur sur l'importance dont il est pour son fils. La ville (j'entend les têtes sensées) le tient pour *ministre unique*, car on se moque des autres. Tout cela est si bien d'accord que quand viendra le moment de se retirer, ce ne sera qu'un cri général de désolation et de craintes. Je ne serai plus ici à cette époque; mais vous verrez, si je suis bon prophête et combien il aura de difficultés à effectuer son projet.

Le public et la cour n'ont pas tort, j'en conviens; mais cependant *une porte doit être ouverte ou fermée.* Cela ramène toujours à la question de savoir si un homme doit se sacrifier quand il a la *certitude évidente* de se perdre, tandis que pour opérer le bien de son pays il n'y a que les plus *grandes probabilités,* mais qui toutes peuvent être mille fois dérangées par tout plein de circonstances qui ne sont nullement à son pouvoir et qu'il ne peut ni prévoir, ni prévenir.

Je me suis prescris la plus stricte neutralité. Je ne me permets plus la moindre observation qui ferait pencher la balance d'un ou d'autre côté. Je me suis interdit absolument tout élan d'espérance ou de crainte sur cette affaire que dans ma tête je considère comme la clef de la voute pour les destinées futures du pays.

74.

30 juillet 1803.

Vous vous rappellerez sans faute d'un m-r Bock, qui a servi dans votre régiment, qui depuis a été dans les vivres, en chef je crois, qui est roux, comme Judas Iscariote, qui est venu vous voir, il me semble, pendant que vous étiez ici. Vous savez à présent de qui je veux parler? Et bien, ce m-r Bock vient d'être assassiné par les paysans. C'est dans le gouvernement de Pleskow, une terre jadis à la couronne, et par conséquent peu fatiguée d'impots et de travaux. Feu Paul, de turbulente mémoire, dans ses profusions de terres donna celle-ci au prince Alexandre Kourakine, celui-ci la vendit à m-r Bock, et ce dernier, voulant y introduire l'économie Livonienne, y fit des fabriques, des corvées etc., etc. Tout cela n'étant pas du goût des paysans, ils saisirent un moment que le seigneur se promenait seul à cheval, et trois ou quatre d'eux, postés dans un bois, lui tirèrent deux on trois coups de fusil à bout portant, qui l'étendirent roide mort. Notre public raisonne de cet événement avec sa judiciaire de coutume. Il est possible que le défunt a mis trop de hâte dans ses établissements, mais ce n'est pas une raison suffisante de le tuer pour cela. D'ailleurs, s'il faut consulter les paysans avant que d'entreprendre quelque objet d'économie rurale, il est certain qu'on ne fera rien. Fasse le Ciel que je me trompe dans mes idées, mais je vois dans cette affaire une victime des idées de liberté qu'on a fait germer dans quelques têtes. Ce

sont tentatives que l'anarchie populaire essaye, et si elles passent sans une forte opposition, vous verrez dans quelques années qu'on ne pourra plus sans danger vivre sur ses terres. La liberté individuelle est absolument chez nous une chimère (pour le peuple), car elle seule ne donne pas les moyens de subsister, et ceux de nos gens qui ont l'esprit plus juste, ne se font pas des illusions là-dessus. M'apprêtant à partir pour Rome, j'ai publiquement déclaré à ceux de mes gens qui m'accompagnent, que nous allions dans des pays où tout le monde était libre, que par conséquent ils seront les maîtres de me quitter à leur volonté, mais que comptant sur eux, ils me mettraient dans l'embarras, s'ils le feraient sans me prévenir; que pour leur éviter ce pêché, si quelqu'un d'eux en était tenté, je leur offrais moi-même à présent des actes de liberté (отпускныя) qu'ils feraient enrégistrer où et comme ils voudraient, et que la seule différence qu'il y aurait entre les serfs et les libres serait dans la faculté que j'aurais de mettre à la porte un serviteur libre quand il ne me conviendrait plus, ce que je ne puis faire avec un serf, dont je suis en quelque façon responsable d'après nos usages; que pour le reste céla ne changerait en rien le service intérieur et que je continuerais à les garder par habitude. Aucun n'a voulu d'acte de liberté, et jusqu'à mon départ je le leur offrirai toujours. Je vous avoue que je suis très-content de cette épreuve: elle prouve au moins que la liberté toute seule, à ses risques et périls, n'est pas si tentante pour nos gens et que notre prétendu esclavage n'est pas si affreux que l'on se le figure. Dans ma manière de voir j'ai toujours eu bien plus d'indulgence et moins d'exigeance dans le service d'un homme

à moi que d'un libre. Il y a je ne sais quoi de paternel et de doux dans la relation réciproque entre le maître et le serviteur né, tandis que cette même relation me semble purement mercantile entre le serviteur mercénaire et son maître. C'est un marché libre, un échange de son service contre mon argent, et dès lors il me semble que je suis acquitté de tous quand je l'ai payé, puisque j'ai satisfait par là à tout ce que j'avais promis. C'est une transaction momentanée, un fait isolé, et qui par lui-même ne laisse aucune trace dès l'instant qu'il est rompu ou terminé. Il ne porte par lui-même pour aucun des contractants ni souvenirs du passé, ni espérance pour l'avenir. Tandis que dans notre manière d'être on reconnaît dans les enfants les services rendus par les pères—voilà pour le passé. On assure une subsistance et une retraite à de vieux serviteurs, quand ils ne servent même plus—voilà pour l'avenir. Tout cela a un caractère plus humain, plus doux qu'un simple marché pécuniaire. Il faut plus que de l'argent pour compenser des services; cela a quelque chose de plus vénérable, cela rappelle des idées morales de réciprocité de soins, de reconnaissance, malgré la distance des rangs et de la naissance.

En Italie on appelle la *famiglia* les domestiques d'une maison, et ce ne sont que des gredins mercénaires. Chez nous, quand le maître est bon, c'est véritablement que les serviteurs sont de la famille.

10 août.

Je ne suis du tout pas content du rôle que nous jouons dans la crise actuelle. Notre nullité est encore *volontaire* jusqu'à présent, mais à force de durer elle pourra bien n'être plus volontaire. Nous avons beau offrir notre médiation banale et désintéressée, je crois qu'elle opère comme un cautère sur une jambe de bois. Il n'est guères glorieux d'offrir ainsi ses services, et il est très-dangereux pour l'avenir d'habituer les esprits à cette manière de recevoir vos propositions. Voilà plusieurs mois qu'on se contente de phrases vides de sens, on nous endort avec ces pavots, et pendant le tems d'autres ne dorment pas. La partie n'est du tout pas égale, lorsque les uns se bornent à parler, quand les autres agissent. L'électorat est flambé. Les villes Anséatiques troublées dans leur prétendue neutralité. Les ports de l'Italie dans l'Adriatique garnis de trouppes. Naples (le royaume au moins, si ce n'est la ville) occupé aussi par les Français. Voilà pour la terre. Quant à la mer, la plupart des ports bloqués, les autres en surveillance. Tout cela n'est pas pour des prunes, et quand la danse sera générale, il y en aura qui danseront hors de mesure et d'autres hors d'haleine. Et quand on remónte à la source, quand on cherche le *pourquoi* de cette horrible position, on est forcé de l'attribuer à la faiblesse des uns, à l'audace des autres et surtout à la fausseté, l'infamie, la turpitude de la Prusse. Oui, je suis intimement convaincu que la cour de Berlin est la clef de la voute sur laquelle repose tout l'édifice de la grande nation. La dissolution du camp de Magdebourg a livré l'électorat. Les réponses dilatoires et le message de m-r

Lombard obtiendront sans faute le succès désiré. Le but unique de toutes ces démarches tortueuses est de gagner du tems en paralysant et frappant de nullité les cabinets qui peuvent encore agir et qu'on redoute. Je désire me tromper, mais il me semble qu'une foule d'arrières-pensées se mûrisse et se développe avec trop de méthode pour être l'effet du hasard. Je ne sais où, mais il doit exister quelque part un dépot de malveillance et de haine contre nous qui tôt ou tard éclatera. Je ne saurais affirmer rationnellement quel il peut être, mais j'ai des mouvements vagues de malaise qui me font sentimentalement éprouver une oppression. J'en sens l'effet sans pouvoir approfondir la cause. C'est le silence-précurseur de la tempête, pendant lequel nous avons la sécurité de l'ignorance. Fasse le Ciel que mes allarmes soient vaines, mais au moins je crois qu'on peut, sans être taxé de folie, redoubler de vigilance dans l'immoralité générale des tems.

Je ne vois sur le continent que deux grandes puissances: nous et la France. Tout le reste est impuissant ou vénal. Les uns tremblent et les autres sont vendus. Or, entre la France et nous il y a encore la différence qui se trouve entre un corps gangréné, usé de toute manière et un corps sain, mais qui n'a pas peut-être encore tout le sentiment de ses forces. Voilà pour la constitution physique. Quant à la morale, j'espère qu'il n'y a pas de comparaison. Cette supériorité marquée suffit (sans les raisons particulières) pour nous faire un tas d'envieux. Notre position géographique, d'une autre part, nous a jusqu'à présent garanti des atteintes de l'esprit révolutionnaire. C'est encore un objet de jalousie. Les folies du règne de Paul ont donné à l'Europe un petit échantillon de ce que nous

sommes capables de faire. La cour de Vienne est payée à présent pour pleurer ses fautes passées; il lui en cuit pour n'avoir pas mieux chanté d'accord avec Souworow. Nos bons amis de Berlin en rient à la sourdine, et messieurs Thougout et Lucchesini nous estiment à coup sûr (dans leur intérieur) ce que nous valons. Dans cette position de choses quel parti devait donc prendre la haine et la malveillance? Quelle marche devait-elle suivre? La seule qu'elle suit à présent: celle de ne pas nous heurter de front, de ne point nous offenser ostensiblement, mais de nous endormir, de nous frapper de nullité, en nous parlant toujours de notre sagesse; de nous paralyser sur les intérêts de nos alliés, comme objets partiels qui un jour (Dieu sait quand) se retrouveront dans le plan général bâti sur les nuages. Et pendant que nous expliquons le sens des phrases qu'on nous débite d'une main libérale, les autres parlent peu et agissent davantage. La France, tranquille sur la barrière du Rhin, sur le Piémont anéanti, sur la république italienne, sur la jadis Hollande, sur la Suisse organisée à sa volonté, peut après s'occuper du Levant, de la Turquie, de l'Égypte etc. etc. Le nombre de troupes qui sont déjà en Italie, les armées de réserve qu'on prépare dans le Milanais, celles pour Gênes, à Ancone etc., tout cela portera ses vues sur la Morée, et nous n'avons qu'une poignée d'hommes à Corfou. Sur le continent l'électorat d'Hanovre payera peut-être les complaisances de Berlin, qui à son tour manifestera sa reconnaissance sur quelque autre point de la domination prussienne. Ainsi, de proche en proche et toujours à force de bons procédés, on pourra se rapprocher de nous par la Turquie, la Pologne ou la Suède. Alors

peut-être paraîtra la solution de beaucoup d'incohérences que l'on voit aujourd'hui et qu'on ne peut expliquer.

Tout ce que je vous débite là est peut-être chimérique, mais c'est au moins dans les possibles, et tant que l'impossibilité ne m'en sera pas démontrée, tant que je verrai les opinions du dedans coïncider avec les effets du dehors, je ne saurais attribuer au seul hasard cette régularité de marche, ce concours de symptômes allarmants, au milieu de cette sécurité plus allarmante encore. On doit croire à tout depuis la révolution de France, et il vaut mieux craindre sans raison que d'être pris au dépourvu.

15 août.

Parlons un peu de Berlin. A mon avis le Grand Consul doit une statue d'or à cette cour. Jamais dans la crise actuelle la France n'eût osé se répandre sur le continent comme elle le fait, sans s'être concertée auparavant avec Berlin. Ils s'entendent comme larrons en foire. Je ne doute nullement que cette complaisance de Berlin ne lui soit richement payée. L'électorat peut-être acquittera tout cela; mais dans ce cas je ne puis m'imaginer que les autres puissances (sans en nommer aucunes) puissent souffrir un agrandissement subit à Berlin, qui détruirait absolument toute espèce de contre-poids avec Vienne. Voilà beaucoup de tems qui s'écoule en pourparlers, et l'on traînera les choses tellement en longueur qu'il ne sera plus tems d'agir quand on voudra. J'observe que depuis que la France fait tout avec ses armées, les autres puissances ont pris le parti de ne plus rien faire avec les leurs.

Quand il est question de l'armée prussienne, j'entends dire que le roi n'est pas le maître de la faire marcher à son gré, que le soldat prussien est révolutionné dans l'âme et que l'état craint de lui fournir l'occasion de s'insubordonner de fait. Mais si cela est ainsi, pourquoi tient-on des armées? N'est-ce que pour la parade? Ou pour dévorer leur propre patrie? Ce ne sont donc que des mannequins pour en imposer par la figure, et alors ils sont plus à charge qu'utiles. Je ne saurais croire que ceci soit la vraie et seule cause de l'inaction où on les tient. Tranchons le mot. La Prusse trouve son intérêt temporel à cette conduite, mais les cabinets ne meurent point comme les hommes: ils conservent longtems le souvenir des griefs, et la conduite actuelle de celui de Berlin doit lui préparer de terribles embarras pour l'avenir. Depuis un siècle l'électeur de Brandebourg s'est tellement étendu que le roi de Prusse actuel peut avoir perdu le souvenir de son origine. Mais on ne s'étend pas sans s'affaiblir, et si c'est par analogie avec nous qu'ils s'agrandissent ainsi, si c'est notre exemple qui les tente, ils font un bien mauvais calcul. Comparons les deux constitutions. Nous sommes sains, vigoureux, vierges presque pour toute espèce d'amélioration, *d'improvements*. Tandis qu'eux sont gangrenés, débiles et usés de toutes manières. Toute espèce de corruption les à déjà travaillé, et en fait de moralité je ne sais à quoi les comparer. Le génie du Grand Frédéric, dont le souvenir se garde encore, est leur plus solide appui. Mais examinez de près, et vous verrez qu'il n'y a plus rien de ce génie. C'est une vielle coquette qui vit sur la réputation passée, et l'on prend ses grimaces pour des grâces. Quant à ses dispositions bienveillantes pour

les autres états, on sait à peu près à quoi s'en tenir. Vienne a éprouvé plusieurs fois ce qu'elle doit espérer et attendre de Berlin. Pour nous, sans nous arrêter à ses protestations amicales, nous ne devons pas douter que notre puissance ne lui pèse fort sur les bras, et que si jamais elle se mettait en force pour nous parler, elle ne nous ménagerait pas. On se rappelle sa conduite avec la Pologne avant le dernier partage. Qui sait, si la partie de Pologne qu'elle tient de nous, n'est pas envisagée par elle comme une pomme de discorde, qu'elle jettera dans le festin des dieux. Soigne-t-elle cette partie comme ses autres états? Cherche-t-elle à se concilier l'amitié des propriétaires polonais? Les reçoit-elle même à son service? Rien de tout cela. Il est clair, qu' elle nourrit des arrières-pensées sur ce pays-là, et nous ne saurions n'y pas faire attention *).

Mon oncle a été passer huit jours à Mourina, et j'ai été l'y voir. Le tems l'a favorisé; il a pu durant ce tems se reposer un peu de l'ennui de sa vie beaucoup trop sédentaire. Ce n'est pas qu'il y ait travaillé moins qu'en ville; au contraire. Mais il y venait moins d'importuns, et il avait plus de tems libre.

---

*) Эти строки показываютъ политическую проницательность писавшаго: черезъ нѣсколько лѣтъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, его опасенія оправдались. Нельзя безнаказанно преклонять колѣна передъ гробницею Фридриха Великаго. П. Б.

2 septembre 1803.

Michel est absolument sur son départ. Je prendrai la route de Rome pendant qu'il suivra celle de Tiflis.

On n'est pas meilleur pour le moral que mon cousin. C'est la droiture, la candeur et l'honnêteté personnifiée. Il l'est presque avec excès pour son pays et son siècle. Oui, dans la carrière qu'il a embrassé et dans le cercle qu'il doit parcourir il fera dissonance et ne sera pas au ton du temps ni des circonstances. s'il conserve toujours cette rectitude d'esprit et cette candeur d'âme qu'il a naturellement. C'est se plaindre que la mariée est trop belle, j'en conviens; mais cela n'en est pas moins vrai. D'après mes aperçus sur notre avenir, je crois le voir extrêmement orageux. Notre horison se compose tous les jours des élemens si disparates entr'eux qu'il en doit nécessairement résulter un état de choses tellement compliqué et si mobile que je ne conçois plus quand et comment tout cela se débrouillera. Pour ceux qui comme Michel auront à conduire leur barque au milieu de cet atmosphère, il faudra une habileté consommée, et la morale seule y sera, je crois, un bien mauvais pilote.

J'ai dans l'idée que cet hiver sera très-fertile en événements. Toute l'Europe prendra peut-être une autre face. La grande descente en Angleterre doit à cette époque être achevée d'une manière ou d'autre, et le continent saura à quoi s'en tenir. Quelle foule des conséquences en doivent découler! C'est au dessus de tout calcul. Mais pour en revenir à nos moutons, je prévois d'ici tous les obstacles que mon oncle rencontrera au momentrqu'il voudra exécuter son projet. Ce ne sera qu'un cri général pour l'arrêter.

75.

5 VII-bre.

Michel est parti ce matin. Je l'ai embrassé avec une émotion qu'il a partagé. Il avait la larme à l'oeil. Je conçois qu'à son âge et dans le militaire on doit s'ennuyer de la vie monotone et fastidieuse d'ici. Les parades sont très-belles, mais comme on les nomme, ce ne sont que des parades. Cela devient à la longue un théâtre de marionettes, et je craindrais presque que ce cercle continuel de petits détails, de pratiques si minutieuses, ne finisse par rétrécir les facultés qui pour se développer (avec âge surtout) auraient besoin d'une plus grande sphère. L'habitude de l'observations, le goût de l'étude, tous les moyens enfin que l'homme a de s'améliorer et d'avancer dans la connaissance du monde et des hommes, tout cela est peu compatible avec la vie militaire d'ici. Le petit détail du sérvice absorbe presque tout le tems et peut à la longue ôter le vouloir et le pouvoir de s'occuper de plus grands objets. Grâces à Dieu, Michel n'est pas encore dans ce cas: la bonté et l'élévation de son âme l'en ont garanti.

76.

S-t Pétersbourg, ce 10 octobre 1803.

L'idée de laisser mon oncle ici seul (depuis que le voyage de Michel a été arrêté) m'a ôté le courage de me mettre en route. Quelques mois de séjour ici pourront éclaircir bien des choses, et il n'y a pas de tems mieux employé que celui qu'on destine à l'attachement et à la reconnaissance. Le Saint-Père a bien vécu sans moi jusqu'à présent, j'espère donc qu'il patientera encore quelque mois. D'ailleurs, j'imagine que l'envoyé de Dieu l'occupe plus que l'envoyé du Nord.

A propos de l'énvoyé de Dieu. Il serait tems qu'il remontât à sa source, et dans nos jours maudits s'il ne nous donne bientôt le spectacle de sa transfiguration, nous n'éviterons pas le spectacle d'un embrasement universel. Il y a des siècles que je corne aux oreilles de tout monde (comme le barbier du roi Midas) qu'on ne fera rien avec des écritures, et je tremble quand je pense au tems précieux qu'on a perdu à parlementer. La scène qu'il a fait au comte Marcow m'indigne, mais ne m'étonne aucunement. Habitué au agir et ne parler que par convulsion, il est toujours selon l'impulsion du moment en deça ou au dela du point qu'il se propose. Dans une organisation de cette nature tout doit aller par sauts et par bonds, et il fait une bravade alors qu'il croit prendre une contenance

ferme. Et puis, les bravades font effet quelquefois sur les spectateurs. La multitude moutonnière se dit: „Cet homme est fort, puisqu'il est impertinent“, et les petits roitelets de l'Allemagne, frappés de stupeur à la vue d'un si bel exploit, se laissent tondre, même écorcher avec plus de résignation. Cassel ouvrira sa bourse un peu plus vite sur l'hypothèque d'Hanovre que jamais il ne touchera si Dieu est juste. Je suis tenté parfois de me dire pour me tranquilliser: „C'est fort bien; ceux qui souffrent tout cela n'ont que ce qu'ils méritent, et comme on fait son lit, on se couche, et quand on se fait brebis, le loup vous mange“. Ainsi soit-il!

La Providence divine avec l'aide de quelques humains nous a libéré enfin de notre ministre justicier, enfant d'Apollon. Je croyais les poëtes foux, mais tendres; celui-ci a été coriace. Il a bataillé vigoureusement jusqu'au dernier moment de sa chute, et l'on peut le comparer à un chaîne altier, car il en a toute la dureté. Le prince Lapoukine, qui le remplace, aura de la besogne à débrouiller le cahos que le poëte a mis dans toutes les affaires, et il n'y a qu'un cri de joie à cette mutation. Mais nous avons encore de grands imbéciles en place, sans compter ou en comptant mon cher cousin du commerce.

Il n'y a rien de saillant à vous mander de la cour. Elle est toujours au palais Tauride où elle restera jusqu'à la rentrée en ville de l'Impératrice-Mère. Le deuil actuel ne nous promet pas beaucoup de gaïté pour l'hyver, de sorte que l'année finira tout tranquillement. Probablement les fiançailles du prince de Weymar égayeront les premiers mois de l'année prochaine.

J'ai toujours dans l'idée que le Grand Consul viendra faire une visite aux Danois, et cela plus tôt qu'on ne l'imagine. La Morée, l'Albanie ne tarderont pas non plus à être visitées, à ce que je crois. Tout cela se fera plus facilement que la descente en Angleterre. Grâces au régime de la conscription universelle, les soldats ne lui manquent pas, et l'entretien de cette nombreuse armée ne l'embarrasse pas non plus. Ce sont les battus qui payent l'amende, et malgré cela personne n'a le courage de bouger.

Lundi, 12 octobre.

La scène qu'a essuyé le comte Marcow commence à se répandre un peu dans le public. Elle m'est déjà revenue de différentes bouches, et le cri d'indignation est universel. J'ignore encore absolument quel parti notre ministère prendra à cet égard, mais je sais de science certaine qu'il vaut mieux n'en prendre aucun que d'en prendre un faible. Je me casse la tête pour trouver un *mezzo termine* qui me satisfasse et qui s'accorde avec les données que je me fais de la disposition des esprits. J'ai beau chercher, je ne vois dans ma tête rien à y faire. Je ne crois pas qu'aux mesures promptes et vigoureuses, et celles que je crois probables ne me satisfont pas. Tout cela me tracasse l'imagination comme si cela me concernait personnellement.

22 octobre 1808.

Le prince Galitzine a été fait procureur du Synode et secrétaire d'état, et m-r Novossiltzow a été fait collègue, товарищъ, du ministre de la justice, prince Lapoukine, lequel lui-même n'a cette place que depuis

quelques semaines par la retraite (forcée) de Dergiavinè.

Cet évenement, très-simple au premier aspect, m'a fait naître quelques réflexions que je veux consigner ici, pour servir de matière à mes propres observations.

Il me paraît que le prince Galitzine a été joué dans cette affaire. On a beau me dire que la place qu'on vient de lui donner est très-importante; nous venons de voir Yakovlew qui l'a occupé, et la comparaison n'est ni honorable, ni flatteuse pour Galitzine.

Il y a quelque tems que le public nommait à la place du compagnon justicier le prince Jacquês Labanow, sur la moralité et la capacité duquel il n'y a qu'une voix. Cependant, tout en convenant combien Labanow serait propre à cette place, les gens sensés objectaient avec raison que ce poste paraissait être dû en quelque façon à Galitzine; qu'il semblait que la cour le lui destinait pour ainsi dire par l'étude préparatoire qu'elle lui faisait faire au Sénat. Une pareille étude préparatoire, bien plus courte et à coup sûr moins fructueuse (vu la différence d'organisation) avait conduit son dévancier le jeune comte Strogonow au poste important de compagnon du ministère de l'intérieur. Il était donc à peu près reçu dans l'opinion publique que le poste de compagnon justicier était réservé et même dû à Galitzine; toute la capacité, reconnue universellement à Labanow, cédait à cette convenance. Voilà que tout-à-coup la chose change de face. Ce poste est donné à Nowossiltzow, et Galitzine est supposé en être compensé par la place de procureur au Synode et le titre de secrétaire d'état.

Si l'on me dit qu'il importe fort à la cour d'avoir au Synode un homme qui lui soit immédiatement affidé pour surveiller et diriger au besoin le tribunal sacré,

je réponds que le besoin d'un pareil homme est bien plus urgent au Sénat qu'au Synode. On a vu l'année dernière dans l'affaire du comte Sévérin Potocky combien la maladresse ou la fougue du procureur-général Dergiavine (qui était l'homme de la cour pour le moment) y a produit de troubles et a compromis les autorités. Cet exemple aurait dû laisser de fortes et salutaires impressions pour s'en préserver à l'avenir. Il paraît toutefois qu'on n'en a pas tiré pour l'avenir toutes les conséquences qu'il offrait. Pas moins, l'importance d'un homme affidé et raisonnable au Sénat s'est déjà fait sentir, au lieu qu'au Synode il faut encore l'attendre. D'ailleurs, ce besoin fut-il égal, et Nowossiltzow fut-il aussi cordialement et aussi exclusivement dévoué à l'Empereur que l'est Galitzine, il résulterait toujours en faveur de ce dernier l'antériorité de service dans cette carrière; et de quelque manière qu'on veuille colorier sa sortie du Sénat, elle laissera sur son compte des impressions défavorables qu'il n'a nullement méritées. Attaché dès son enfance à la personne de l'Empereur indépendament des variations que le tems a produites, Galitzine, étranger à toute espèce de faction ou d'intrigue, ne s'est jamais prêté à faire aucun usage du crédit qu'il peut avoir. Plié dès l'enfance au train journalier de la cour, il jouit tranquillement de ce que le palais peut fournir d'agréments ou de douceurs et borne à cela uniquement toutes ses vues. Content de l'accueil qu'il reçoit aujourd'hui, je doute que jamais il se soit occupé du lendemain. Aussi l'état de penurie dans lequel il est demeuré prouve à la fois et son indolence, et sa modération. Admis dans la familiarité intime du Souverain, il n'a pas amélioré sa fortune d'un rouble et content de tout ce qu'on lui

propose, il ne demande jamais rien. Il y a loin de ce caractère à celui d'un ambitieux. Cependant, il est évident que dans une atmosphère en mouvement, où tant de corps gravitent autour d'un centre commun, l'apparition d'un satellite, qui ne se prête point au mouvement général, doit faire dissonnance dans la marche de la machine. Sa présence habituelle réunit le double inconvenient: et d'obstruer le jeu des autres corps, et de fournir parfois une comparaison et des rapprochements qu'à la cour on a toujours soin d'éviter. Dès lors il est naturel de chercher à se libérer d'un témoin embarrassant au moins, et lorsqu'on y peut parvenir sans choc apparent, sans mutation sensible et rien qu'à l'aide de certains points de vue qu'on fait adopter, on a fait vraiment un coup de maître en ce genre.

Quant à m-r de Nowossiltzow, objet de notre comparaison, par le poste qu'il vient d'obtenir, sans nous permettre le moindre doute sur la moralité de son caractère, dont en général on ne se plaint pas, je ferai observer que, sans blesser aucunement la justice, ni même l'opinion, il est loin de Galitzine pour la pureté ou plutôt la personnalité de l'attachement à l'Empereur. J'aime à croire qu'il lui soit sincèrement et fortement attaché, mais il est de toute impossibilité que ce sentiment ait en lui la même pureté, la même abnégation de tout autre motif ou cause qu'il y a dans l'âme de Galitzine. Porté par les circonstances, son adresse et l'appui de quelques personnes à la sphère éminente où il se trouve actuellement et pour laquelle ni son éducation, ni ses premières années dans le monde ne l'ont nullement préparé, m-r Nowossiltzow a dû nécessairement éprouver intérieurement combien il lui manque pour

remplir en conscience la variété ou plutôt l'universalité des connaissances qu'on exigeait de lui, ou que du moins on lui supposait. Il s'est trouvé tout d'un coup juge de tout: sciences, arts, administration, finances, tout a été de sa compétance; nouveau Pic de la Mirandole, il lui a fallu s'occuper et en quelque façon juger de tout ce que l'on peut savoir: sa partie était absolument la thèse de Pic de la Mirandole, *de omni re scibile*. Une jurisdiction de cette nature portait son ridicule dans son étendue même et faisait dire aux mauvais plaisans du tems que pour l'exercice de son office m-r Nowossiltzow devait nécessairement avoir l'Encyclopédie dans le ventre. Je ne sais par quels motifs il s'est conduit dans cette affaire; mais je sais bien qu'à sa place j'eûs absolument décliné un pareil office, non que je me croye moins instruit que lui (je crois l'être davantage), mais par la seule raison qu'une pareille charge prête au ridicule, que surtout il faut éviter. Le ridicule est comme ces sacrémens qui impriment caractère. Il ne s'efface plus, et la tache reste.

Je crois bien que dans le courant de l'exercice de sa charge ces refléxions se seront présentées à l'esprit de m-r Nowossiltzow. Il en aura senti tous les inconvéniens, et ce sont peut-être ces mêmes raisons qui l'auront porté à travailler sous main et sans bruit à se défaire du poste de *juge universel des projets*. Mais il y a encore loin de là à l'obtention du poste de compagnon justicier qu'il vient d'avoir. Pour arriver jusque là, il a fallu immanquablement une conduite calculée *ad hoc*, une continuité d'appui étranger, une sorte de tactique soutenue pour écarter certaines idées, faire naître certaine habitude, plier tel esprit à tel point de vue et surtout éviter avec soin que toute cette con-

duite ne parût concertée et calculée, ce qui pouvait donner l'alarme à ceux-mêmes qu'on avait pour but de captiver. Chaque événement qui s'offrait de lui-même ou qu'on faisait arriver par adresse devait paraître un pur effet du hasard, un cas fortuit, absolument isolé et qui ne pouvait présenter nulle analogie entre ce qui l'a précédé et ce qui devait le suivre.

Cette manoeuvre continue et renforcée de tout ce que le caractère de celui qu'on travaillait ainsi a pu fournir pendant deux ans, a dû nécessairement produire des effets dont nous voyons déjà et dont probablement nous verrons encore de plus grands résultats.

Je n'affirme point (car je n'ai pas encore de preuves presque mathématiques), mais je n'ai non plus garde de nier formellent, qu'il existe entre quelques individus une ligue défensive et offensive qui ne laisse pas que d'avoir jusqu'à présent de brillants succès. Plusieurs personnes qui, connaissant et le monde, et la cour, et le tems actuel, croyent à cette ligue, comme un article de foi. Je ne récuse point leur opinion; peut-être ont-elles sur cela des données plus certaines que celles que j'ai. Quant à moi, je me borne encore jusqu'à présent aux résultats que m'a fourni ma propre observation, et celle-ci m'en a fourni assez pour me convaincre que plusieurs événements qui se sont succédés depuis deux ans, à des distances inégales et qui chacun à part semblaient isolés et amenés par le hasard, avaient entr'eux ensuite une certaine phisionomie commune qui trahissait leur analogie secrète et indiquaient souvent avec assez de clarté qu'ils émanaient de la même source, ou tendaient à la même fin.

Vendredi, 30 octobre 1808.

77.

S-t Pétersbourg, ce 12 IX-bre 1803.

Mon oncle (qui est mon étoile polaire) continue à persister d'abandonner l'arène et de partir à la fin de janvier. Comme ce n'est que pour lui que j'ai différé mon voyage, je lui tiendrai fidèle compagnie jusqu'au bout et ne ferai atteler mes chevaux pour Rome que quand les siens seront prêts pour Moscou. Vous savez que les premières ouvertures sont faites, et il en augure bien. Mais ce que vous ne sauriez vous imaginer et que pour ma part j'ai toutes les peines du monde à me figurer, c'est le degré d'abaissement où doit tomber notre administation. Je ne me figure pas autrement ce qui en résultera que sous l'emblême d'un pauvre malade, entouré et livré à plusieurs médecins, dans lesquels il n'a pas la moindre confiance et qui ne s'accordent pas même entr'eux. Il faut une nature bien vigoureuse à ce malheureux pour échapper au double fléau et de la maladie qui le mine d'un côté, et des médecins qui l'assomment de l'autre.

Le grand ministre du commerce, dans la hauteur de ses profondes conceptions, a donné cet été un bel échantillon de son savoir faire. Grâces à ses idées lumineuses, Pétersbourg est à peu près affamé: plus d'un tiers de l'approvisionnement annuel s'est arrêté aux *écluses de Borowitch*, et il faut à présent payer trois roubles par *четвертъ* pour le transport du bled par terre. On assure que depuis l'établissement des écluses et des canaux pour l'approvisionnement non-seulement de la ville,

mais du gouvernement entier, il n'y a jamais eu d'exemple d'une pareille bévue. Il est arrivé que la quatrième et dernière caravane a été quelquefois arrêtée par le manque d'eau ou les froids. Mais aujourd'hui ce n'est pas la quatrième seule; c'est la troisième en entier et même un peu de la seconde qui s'y est engouffrée. Et tout cela parce que son excellence a déplacé les gens qui y étaient depuis Sievers et qui entendaient cette partie. O, le grand génie!!! Je vous assure que dans tout gouvernement bien réglé on devrait au moins payer de sa poche de pareilles bévues. Qu'on vienne nous chanter après cela que l'administration actuelle a chargé les ministres d'une *responsabilité*. Il est clair que l'on nous berce de *mots* et que les *choses* vont comme le diable les fait aller.—Il y a des paris d'ouverts que le prince Lapoukine ne restera pas un an dans son poste. On assure que c'était une manoeuvre nécessaire pour le moment afin de ranger ce département sous une cathégorie plus maniable. Le tems nous fera voir si cette assertion est juste. Quant à moi, je lui trouve des caractères de vraissemblance qui me font croire à sa probabilité. Dans tout cela ce que je vois de plus clair, c'est la marche de l'opinion publique d'un côté et le peu de cas qu'on en fait de l'autre; et comme la marche de chacune n'est point en parallele, un beau jour les lignes doivent se rencontrer, et alors le choc pourra être violent dans les points de contact.

Si du dedans de notre situation je porte ma vue sur celle du dehors, je ne me console guères davantage.

Dans l'affaire du c-te Marcow il me semble que pour le fond le Premier Consul n'a pas mal réussi: son but unique était de se débarrasser de m-r Marcow, et l'événement a conduit à cette fin. Je ne me permets aucune

observation sur les causes visibles ou cachées de tout cela, je me borne à l'événement pur et simple. Les formes de tout cela me paraissent nouvelles en diplomatie, et j'ai de la peine à me faire à toutes ces considérations. Lorsqu'une personnalité suffit pour paralyser toute l'habileté reconnue d'un ministre, et qu'on peut encore prétexter cette personnalité pour masquer des motifs plus importants, mais qu'on ne saurait avouer, il faut alors aller à une mission en invoquant la grâce efficace. J'espère que pour ma part elle ne me manquera pas auprès du Saint-Père. Je vais à la source. Mais si, pour y réussir, il faut absolument se dépouiller du vieil homme et se mettre à la hauteur des circonstances, il me faudra pour cela un noviciat complet. Nous verrons quand nous y serons. J'ai des pressentiments que nous sommes peu éloignés de quelque secousse violente en Europe, et cet hyver débrouillera bien des choses. Ou le Premier Consul réussira, ou il échouera dans ses projets, et cette alternative d'une ou d'autre façon doit, à ce qu'il me semble, changer l'aspect du continent du tout au tout. Je ne crois plus aux neutres, et s'il faut être enclume ou marteau, le tems qu'on perd à se décider ne se retrouve quelquefois plus.

Dans les Lettres de Bolingbroke sur l'histoire vous voyez le tableau exact de ce qui se fait aujourd'hui: le mauvais succès des alliés, la mauvaise foi des uns, les projets cachés des autres, l'audace de quelques uns, et la ruine de tous. Pauvre Europe!

J'ai écrit directemet à l'Empereur pour le prier d'acheter ma maison de Moscou, qui pourrait par sa position et son étendue convenir à son palais ou à tout autre établissement public. Cette affaire payerait tou-

tes mes dettes particulières et m'arrangerait fort. Mais comme je n'ai pas de bonheur, je doute que cela réussisse. Tant que je n'ai pas voulu la vendre, la couronne me l'a fait marchander; à present que j'ai besoin de m'en défaire, la couronne n'en voudra plus.

Vendredi, 13 IX-bre 1803.

Hier, enfin, mon oncle s'est expliqué définitivement avec Sa Majesté au sujet de son départ d'ici. On n'a pas voulu entendre parler de *retraite absolue*, mais on s'est accordé à un *congé pour remettre sa santé*. Quand on a obtenu les choses, il ne faut pas disputer sur les mots. Pour ma part je suis enchanté que cela a pris cette tournure. Il prendra avec lui Possnikow et deux jeunes gens du collège. Quand vous viendrez ici en juin prochain, vous serez à même de juger de l'effet qu'aura produit son absence et surtout des modifications graduelles qu'on ne manquera pas de donner peu à peu à l'exécution des résolutions qui venant de lui pourront peut-être n'être pas tout-à-fait dans les vues d'ici. Rien n'est pur comme un rayon du soleil. Cependant ce rayon, passant à travers des nuages ou une atmosphère plus ou moins chargée, ne parvient à la terre que bien altéré de sa pureté primitive.

Mon oncle vivra chez lui, à sa façon et non point à celle d'ici. Je le tiens sauvé. Nous pouvons tous nous en féliciter, et hier j'ai étouffé une bouteille de Bourgogne à cette intention.

Quel homme étiez-vous dans votre jeunesse, puisqu'à votre âge vous faites encore des passions? Lady Warren en a pour vous une bien conditionnée: en parlant

de vous, elle met une chaleur qui contraste avec l'austérité de sa physionomie. Elle m'avait toujours paru froide comme une caraffe d'orgeat; mais hier, en causant avec elle sur votre compte, j'ai vu la statue de Pygmalion s'animer. Elle prétend que si vous quittez l'Angleterre, tout est perdu, qu'il n'y a que vous et vous seul qui sachiez faire entendre raison à lord Hawkesbury et que sans vous tout le ministère ne saura jamais ce qui lui convient, sur quoi il faut tenir et sur quoi se relâcher. De son amour pour vous il en a rejailli sur mon oncle d'ici: elle veut l'abreuver d'une eau minérale factice qu'elle assure miraculeuse; c'est du *soda water*. Prenez, je vous prie, des renseignements sur cela, et si en effet cela convient, expédiez en quelques douzaines de cruches.

78.

S-t Pétersbourg, ce 18 fevrier 1804.

Hier, à cinq heures du matin, mon oncle est enfin parti d'ici pour Moscou.

Dieu sait si jamais je le reverrai. A son âge et surtout avec sa santé, moi partant pour l'Iialie, il y a dix chances contre une que je ne le reverrai plus. Vous sentez avec quel soin je lui ai dérobé mes agitations internes.

J'ai eu un accès de goutte qui m'a retenu quelques jours chez moi. Mon oncle m'est venu voir, et avant-hier, veille de son départ, je me suis fait porter chez lui, car je marchais à peine. Mais prenant les choses de plus loin, il y a trois semaines que Tatistchew étant malade, j'étais seul avec mon oncle toutes les soirées. Depuis 6 heures jusqu'à 11 et souvent minuit nous étions fins seuls, et j'ai écrit sous sa dictée plus d'une centaine de pages: idées sur l'avenir, instructions de tout genre pour le prince Adam, matériaux pour des pièces importantes en cas qu'elle soient nécessaires etc. etc. etc. En un mot, avant de partir, il a laissé des pierres d'attente assez de reste pour suivre ses vues, si l'on a cette intention et surtout si l'on y persiste.

Rogerson assure que le mouvement du voyage et surtout le grand air lui redonneront du ton. Je le crois aussi, mais je regrette fort qu'il se soit mis en route sans médecin; l'esculape Kier est resté ici, malade, mais il l'ira joindre dans quelques jours. Il n'y a avec mon oncle qu'un misérable Frater qui lui panse son

cautère et qui ne sait rien au delà. Tout cela n'est guères prudent, mais il avait tant à coeur de partir qu'il a négligé toutes ces précautions.

Lundy, 15 fevrier.

Ceux qui désirent la guerre (et il y en a beaucoup) prétendent que nous ne l'aurons absolument pas, que le ministère actuel est trop intéressé à maintenir et ne déranger en rien l'assiette et le cours des affaires du moment pour permettre qu'il y soit admis des changements qu'un état de guerre doit probablement y apporter. J'ignore pour ma part jusqu'où ce raisonnement peut être probable. Il est possible que les timoniers craignent tout ce qui peut faire échapper le timon de leurs mains. Mais je doute qu'ils soient assez habiles pour maîtriser à leur gré les circonstances déterminantes. Si nous devons avoir la guerre, ce sera des causes du dehors qui la détermineront. Ce sera l'audace sans bornes du Premier Consul; ce sera l'esprit jésuitique et friand d'agrandissement qui depuis un demi-siècle et surtout depuis la révolution fait la base de la conduite de la cour de Berlin; ce sera la stupeur et les arrières-pensées de Vienne; en un mot, ce sera l'audace des uns et la pusillanimité des autres qui pourront peut-être nous porter à la fin à une levée de boucliers. Et dans tout cela je ne vois pas ce que le ministère d'ici pourra faire. Au surplus, comme je ne tenais à tout cela que par mon oncle, j'en suis tout libéré depuis son départ, et plus je réfléchis, plus je suis content de sa retraite.

Pour ma part j'ai perdu infiniment à son départ. Depuis 1785 qu'il m'a retiré de chez le prince Potem-

kine pour courir les provinces avec lui *), je n'ai cessé ou de vivre avec lui, ou de nous écrire religieusement une fois par semaine. Tout le règne de Paul nous l'avons franchi ensemble, et depuis le règne actuel, jamais il ne s'est passé deux jours sans que nous nous soyons vus. Je bénis Dieu de tout mon coeur pour les douceurs que j'ai goûté pendant dix-neuf ans de cette intimité. Mais j'avoue que c'est principalement ces trois dernières années et surtout le séjour d'ici qui m'ont le plus profité en fait d'observations et de résultats. J'ai vu avec surprise combien (pour la plupart des hommes) le caractère d'homme public et la faveur de cirsonstance entrait dans l'hommage qu'on semblait rendre à l'individu. J'ai vu avec quelle mobilité on prenait toutes les formes qui pouvaient conduire au but proposé. J'ai vu combien il est facile de se laisser entraîner au dela du but qu'on se proposait, et surtout quelle facilité malheureuse nous avons à sacrifier aujourd'hui l'idôle que nous avons élévé hier, sans penser quelle est notre propre ouvrage.

---

*) Графъ А. Р. Воронцовъ ѣздилъ въ то время ревизовать Прибалтійскія губерніи. П. Б.

79.

Къ графу Александру Романовичу.

S-t Pétersbourg, ce 28 février 1804.

J'ai reçu aujourd'hui, mon bon ange, votre lettre du 25. La fatigue, le mouvement et surtout le grand air vous prêtaient une force factice que vous n'aviez pas. Arrivé à Moscou le calme a fait disparaître tous ces prestiges et a ramené votre état naturel à présent, celui de faiblesse. Et ne vous y trompez pas: le repos du corps seul sans celui d'esprit ne vous remettra jamais. Tant que vous penserez à ce qui se fait ici et dans l'Europe vous ne recouvrerez jamais le degré de santé dont vous êtes susceptible. Le cerveau est chez vous la partie forte, il conduit et domine même le reste de la machine. Votre maladie en a fourni mille preuves, et je l'ai vu avec la plus grande clarté. Or, tant que la tête éprouvera une tention vers les objets du dehors, jamais les autres organes qu'elle domine ne pourront se renforcer à leur aise. Tous les docteurs du monde et toutes les drogues des deux Indes sont impuissants dans cette position des choses. Vous seul pouvez vous guérir radicalement, et sans cela tous les autres moyens ne sont que des paillatifs momentanés.

Il est plaisant que ce soit moi (et moi tout seul, je crois) qui vous prêche continuellement le repos et la

retraite totale, tandis que personne plus que moi ne perd à votre retraite. Mais grâces à Dieu et à ma conscience, je n'ai pas deux manières d'aimer les gens, et dussé-je toute ma vie être dupe de mes affections, je ne me permettrai jamais des calculs en matière de sentiment.

En fait de nouveautés nous avons ici la mort de Léwachow: Dmitry Narichkine est nommé à sa place; afin qu'il ne passe pas sur le corps de m-r Gouriew, on a fait ce dernier un jour avant *conseiller privé actuel.* Démidow le riche, qui est à Paris, a été fait hoffmeister à la demande du prince Lapoukine. C'est toujours le même refrain: chacun pousse ses créatures, et en vérité il ne s'agit pas d'avoir ou des moyens de capacité ou d'autres droits, il s'agit tout bonnement d'attraper une signature, et moins elle est juste, plus celui qui l'obtient et même celui qui l'accorde en appuie ensuite la justice prétendue. Je vois cela tous les jours; l'on finit par se persuader que puisque une *chose est*, c'est qu'elle *doit être.*

Vous savez sans doute le péril qu'a couru notre Michel dans une dernière affaire. S'il n'était pas tombé avec son cheval dans un précipice, il aurait immanquablement était tué, comme l'a été le général et d'autres officiers se trouvant dans cette escarmouche. Quand le prince Pierre *) m'a raconté cela hier, les cheveux m'en sont dressés. Mon Dieu, comment permettez-vous que ce bon jeune homme s'expose ainsi! Je tremble de penser à ce qu'il en peut résulter, et la gloire, s'il y en a à acquérir, est-elle comparable aux risques?

---

*) Князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ. П. Б.

Le Grand Consul vient de faire arrêter Moreau; il sera fusillé probablement sous prétexte de conspiration. Que dites-vous de la manière dont Alopéus a terminé à sa façon le cartel? Il semble qu'il suffît de se tout permettre pour que tout passe. Je ne conçois rien à la patience de chez nous: cela encourage les insolents. Les courriers pleuvent de toute part. Stadion en a reçu deux dans la semaine. Le Saint-Père nous en a envoyé un second pour la même affaire de Vernegues. Le monde est animé. Je vais de tems en tems chez le prince Adam; je sens qu'il a de la besogne et pas de tems de reste. Je ne sais pas être importun. Mainte fois je lui ai offert mes services. La plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a; voilà où j'en suis.

80.

Ce 3 mars 1804.

On n'est jamais trahi que par les siens, et je suis destinée à être le jouet de la Providence. Vous savez si j'ai dû compter sur les promesses de Rall. Depuis l'été passé, il m'a toujours répété qu'il arrangerait mes affaires. C'est en comptant sur lui et sur une amitié de plus de 20 ans que j'ai arrangé les préparatifs de mon départ. Il me dit que je dois renouveller les lettres de change échues à 6, 9 et 12 mois, qu'il les acceptera. J'agis en conséquence, je persuade les créanciers de renouveller au nom de Rall; ils se laissent aller la pluspart. Je paye les intérêts du peu de comptant que j'ai ou je les ajoute au capital. Ils se présentent chez Rall, qui en accepte quelques uns, en remet d'autres à un jour, et finit par ne plus accepter, en renvoye durement et avec humeur ceux qui se présentent. Tout cela retombe sur moi et va au gouvernement. Je ne conçois rien à ce procédé. Il était libre de me refuser il y a 3 ou 4 mois. J'aurais eu le tems de me retourner. Vous étiez ici encore, et j'avais des ressources. Mais il attend exprès, je crois, que je sois sur la gazette, pour me faire cette avanie. Et notez que je lui ai remis toutes les sécurités qui dépendaient de moi:

1) Вѣрющее письмо pour vendre ma maison de Moscou.

2) Les billets du Lombard de mon service d'argent, engagé pour 8000 r.

3) Un ordre pour recevoir mes оброкъ de Porsnia.

4) Une autorisation pour recevoir mes appointements du collège.

Et notez qu'il y a environ un mois que Berguin m'a fait dire que „je prenne garde, que je comptais sur Rall et qu'il me feraît faux-bond quand j'en aurai le plus besoin“. Je traitais cela de commérage et l'ai attribué à l'inimité qui règne entre les deux personnages. Je suis destiné à être toujours dupe de mes affections, et je finirai par ne croire à rien dans l'univers.

Tout cela m'a bouleversé le sang, au point que j'en ai eu hier la fièvre. Pommo m'à donné aujourd'hui un vomitif, et me voilà passant mon carnaval dans mon lit et ne sachant plus à quel saint me vouer.

Je vous supplie d'écrire un mot à Berguin ou à Colombi (je ne veux plus traiter avec Rall) de se charger de cela. On ne saurait y perdre. Je payerai tout le monde, mais il faut du tems. J'ai du bien sous le soleil, et ce n'est pas l'aumône que je demande.

Voilà où m'ont conduit les bontés de ceux qui ont empêché la vente de ma maison. Vive les bons amis de cour!

C'est après que je suis trois fois sur la gazette, que Rall me plante là et allarme mes créanciers.

Bien m'a pris de n'avoir pas encore pris congé de la cour. J'ai différé jusqu'au dernier moment, pensant qu'il ne convenait pas des rester longtems après les audiences. Où en serais-je si c'était fait?

81.

Къ графу Семену Романовичу.

S-t Pétersbourg, ce 10 avril 1804.

Le départ de mon oncle a échangé ma position du tout au tout. Pour tout ce dont j'ai eu besoin, je n'ai plus trouvé que de l'eau bénite de cour, et lassé de démarches infectueuses, j'ai pris parti de trouver mes ressources en moi-même. Je suis donc à attendre à présent l'issue d'un emprunt que je sollicite de la Banque, sous hypothèque de bien-fonds. J'ai poussé beaucoup trop loin l'abnégation totale de mes intérêts de toute manière. Depuis les trois ans que je suis ici, j'eusse pu facilement profiter de l'amitié de mon oncle pour me ménager des facilités de plus d'un genre à l'avenir. J'ai pensé et pense encore que c'eût été prophaner l'amitié que de chercher à *l'utiliser*, comme on dit à présent. J'ai continué et continue encore d'aimer et d'être aimé de mon oncle exactement sur le même pied qui dure depuis 1785. Ses différentes positions n'ont à mes yeux rien de commun avec mon amitié, et plus il pouvait faire, moins j'ai voulu qu'il fasse.

Tous va ici comme de coutume: l'administration est fort active à en juger par la quantité de papier barbouillé. Des gens timorés se défient même de cette activité et croyent qu'une marche si rapide ne saurait être continue sans user les ressorts par un trop grand frottement. Je n'en sais rien et me borne à répéter ce qu'on dit. Il y a un nouvel oukase au sujet des

paysans de Livonie, qui occupe beaucoup les esprits. Je l'ai lu avec attention, et il m'a paru épouser chaudement les intérêts des paysans. Les seigneurs livoniens n'en seront pas également satisfaits, et l'un dit que dans l'application cela pourra heurter de vieux usages consacrés par le tems, préjugés peut-être, mais enfin l'habitude et le tems en ont sanctionné plusieurs. Reste à savoir si le bien futur qu'on se propose dédommagera des embarras de l'innovation, et surtout si le moment actuel est bien propre à opérer ces changemens.

Je vois qu'en général la diplomatie et le droit des gens subissent de grandes modifications. On leur donne à volonté plus ou moins de latitude, et cette plus grande sphère doit ouvrir de nouvelles ressources au génie. Tout à présent peut être du ressort des gouvernants. Les violations de territoire, les enlèvemens à main armée, les fusillades, les contributions forcées qu'on nomme *récette extérieure*, tous cela prouve le perfectionnement de la science, et quand une fois toutes ces nouvelles formes seront bien reconnues entre les états, jugez de quelle utilité ils peuvent être pour notre patrie. Il n'y a pas de raison pour que, en joignant ces nouveaux moyens actifs à sa force naturelle et l'étendue de ces moyens antérieurs, elle ne puisse régenter tout le continent. Avec la lunette de l'Enchanteur Merlin on peut voir tout cela dans la perspective. Quel spectacle! Mais en attendant, quand on examine de sang rassis la situation de l'Europe, on ne sait si l'on doit pleurer ou s'indigner. Peut-être tous les deux. Cependant tout doit finir un jour, et dès lors j'espère que cet état de choses finira aussi.

Voilà du temps qu'il dure, et rien ne va en rétrogradant que l'espérance.

Tout cela n'est pas gai, mon cher oncle, surtout quand on a des enfants. Que faire? Espérer, plier les voiles et louvoyer entre les siens en cachant sa vie. De la gaïté qu'on tire d'une bonne conscience est le seul topique à mettre en usage. Que Dieu me conduise seulement dans un climat plus doux (qu'importe où), que j'y sois avec ma femme et mes enfants en bonne santé: j'y porterai avec moi Horace, Rabelais, Montaigne et Gilblas; j'y cultiverai des légumes et des fleurs, et je m'engage à n'en pas bouger et à ne jamais lire la gazette.

Lundy, 11 avril 1804.

La fusillade du duc d'Enghien a fait ici la plus forte sensation. La cour et la ville se sont prononcées vigoureusement sur ce sujet. Le citoyen-ministre de la grande nation se tient renfermé et ne se montre plus. La plupart des maisons lui ont été refusées, et il fait bien triste figure. La cour vient d'ordonner un deuil de huit jours, et il y aura à l'église catholique un grand service funéraire *). Tout cela prouvera au moins que nous ne partageons pas le délire barbare de plusieurs états du continent. L'arrivé subite de Duroc à Berlin pourrait bien hâter le dénouement de la ridicule

*) Къ этому трауру и этой панихидѣ, устроеннымъ по настоянію императрицы Маріи Өедоровны, придрался Наполеонъ, чтобы нанести оскорбленіе Александру Павловичу депешею съ намеками на участіе въ событіи 12 Марта 1801 года. Съ тѣхъ поръ мы ревностно занялись коалиціею, которая въ слѣдующемъ году кончилась Аустерлицкимъ погромомъ. П. Б.

et basse farce que cette cour joue depuis longtems. Il serait à souhaiter que la France elle-même la pressât de lever le masque dont elle couvre encore ses turpitudes. Ami ou ennemi, point de neutre. Nous saurions alors authentiquement à quoi nous en tenir, et la publicité empêcherait totalement les déférences qu'on lui prodigue et qu'elle ne mérite pas. Pour ma part il y a longtems que je ne me fais plus d'illusion sur son compte. Je rendrai le dernier soupir en répétant que l'évacuation du camp de Magdebourg a livré, il y a un an, le Hanovre et l'Allemagne aux mains du Premier Consul. Or, on ne fait pas gratis des concessions de cette nature, et tôt ou tard les raisons déterminantes paraîtront au grand jour. Il paraît qu'elle ne se souvient plus du véritable objet de la mission de Ségur à Berlin en 1792, je crois, et des coups de couteaux qu'il s'est donné alors. Je remercie Dieu de m'avoir donné de la mémoire, grâces à elle le passé n'est pas perdu; mais il n'est père-sourd que celui qui ne veut pas entendre.

Je vous suppose à présent en pleine possession et jouissance du portrait de notre adorable Élisabeth. Je m'en suis procuré aussi un en miniature que je garde comme un talisman. C'est réellement l'assemblage parfait de toutes les grâces et de toutes les vertus. Voici des vers que j'ai fait et écrit au bas du portrait que j'ai.

Cachant sous tant d'attraits une âme encore plus belle,
Douce, modeste, bonne au faîte des grandeurs,
Sans sceptre elle eût encore règné sur tous les coeurs,
Et quiconque la voit est son sujet fidèle.

Je ne les ai montré à personne ici et je ne vous en parle que parce que nous sommes adorateurs au même degré.

Je vois beaucoup à présent le comte Marcow. Tous deux assez désoeuvrés et pensant assez d'accord sur tout plein de choses, nous parlons souvent de la grande nation. Peut-être que le tems présentera des données plus favorables pour l'employer. Il aurait pu vous succéder et l'eût accepté avec plaisir; mais on ne le savait pas dans le tems, et à présent il n'est guères facile d'y revenir. Mais, si cela avait pu s'arranger, il n'est pas douteux que le Corse n'en eût frémi d'indignation.

Notre Michel guerroyant dans le pays de Médée y a gagné l'épée de S-te Anne. J'eûs mieux aimé qu'il ne l'eût pas et que ses hautes faits actuels lui eussent été portés en ligne de compte pour un S-t Georges, qu'il ne manquera pas de mériter au premier jour. Voilà pour lui la véritable Toison d'Or, et il en serait bien autrement glorieux que feu Jason, conduisant les Argonautes.

82.

Къ графу Александру Романовичу.

S-t Pétersbourg. Vendredi, 15 avril 1804.

Bonjour, mon bon ange. Après vous avoir expédié ma lettre, Mardi passé, je me suis rendu chez le prince Adam; il m'a reçu, et je lui ai conté où j'en étais de mon affaire. Il me promit encore de s'y intéresser et me dit de presser Wassiliew. Le lendemain Mercredi. 13 courant, j'écrivis au prince, qu'ayant fait presser Wassiliew, il avait répondu que je pouvais compter sur sa bonne volonté, qu'il me donnerait ce que je veux de la Banque de 25 ans, mais qu'il était possible qu' elle n'eût de longtemps des fonds de capitaux disponibles; que puisque j'étais pressé, il y avait moyen que la Banque de 25 ans empruntât à celle de 8 ans ce dont j'avais besoin, mais que pour cela il fallait *le consentement de l'Empereur*; qu'il y avait des exemples de ces revîrements. J'ajoutais dans ma lettre, que, ne faisant rien ici que m'ennuyer, je croyais pouvoir être plus utile à mon poste, et que dans la route même et en Allemagne, la situation du moment était telle que de bons renseignements pouvaient avoir leur utilité, et que mon zèle me faisait présumer en pouvoir fournir.

Je tournai cela de manière qu'il pût montrer cette lettre, ce qu'il fait quelques fois volontiers; car cette

méthode lui épargne des explications verbales. Je ne sais s'il en aura fait usage, mais jusqu'à présent il ne m'a fait aucune réponse. Wassiliew doit vous avoir répondu, à ce qu'il dit.

C'est donc un consentement pur et simple pour une chose dont il y a des exemples, et je ne serai nullement étonné que vos efforts et les miens réunis ne puissent l'obtenir. Croyez moi, mon bon ange, il y a de la fatalité à cela; car je ne saurais révoquer en doute la puissance de nos intermédiaires, et il me répugnerait encore plus de douter de leur bonne volonté non à mon égard (je n'y ai pas grands droits), mais au vôtre.

Au reste, je m'en remets à la Providence, qui en disposera à son gré.—Le prince Bagration vient de louer la maison que j'habite. Elle sera à lui au mois de mai, et si je ne puis partir, je me jucherai dans quelque trou, pour attendre encore. Je suis résolu à boire le calice jusqu'à la lie. Je patienterai tant que mes moyens de tout genre me le permettront, et quand j'aurai épuisé toutes les espèces d'amertume et tous mes moyens d'attente, je tirerai alors une profonde révérence, et s'il le faut j'irai planter mes choux, en me disant en moi-même: Le sacrifice est complet. Mes avantages seront ostensibles, et vous me rendrez la justice de certifier que j'apportais en effet ce que j'ai promis il y a trois ans dans ma lettre à S. M. où je demandais du service. Je lui offrais quelque capacité et beaucoup de zèle. Sur votre conscience vous pouvez garantir que j'ai tenu mes engagements. J'espère bien que je ne serai pas réduit là; mais si je l'étais même, vous ne sauriez me blâmer, et je ne m'en effrayerai pas. Je ne vous présente ce tableau (chimérique,

j'espère) que pour vous prouver avec quel sens-froid je considère tout ce que peut arriver, et combien dans mon âme je compte sur la bienveillance. Ne croyez pas pour cela, qu'avec cette conviction, je sois découragé; point du tout. J'ai des enfants, je dois travailler pour eux, et je suis décidé à faire abnégation de tout, excepté des règles que me dicte ma conscience.

J'ai écrit quelques pages au comte Simon, par le courrier qui doit partir aujourd'hui. Le comte Marcow lui a écrit aussi. La Néva est débâclée hier. Voilà tout ce que je sais de nouveautés. Le citoyen général ne paraît plus depuis le deuil; on dit que sous main il se prépare à partir. Il est difficile, à ce qu'il me semble, que la bonne harmonie se maintienne, à moins que le Premier Consul ne se modère, ce qui n'est pas facile non plus. Le ministre de l'intérieur compte toujours aller passer quelques mois à la campagne. Quant au voyage de S. M., on en parle peu, et je crois que si en effet il a lieu, ce sera une simple petite tournée de 12 à 15 jours, du coté de Reval, pour qu'il soit dit que chaque année on fait un voyage. Nous voilà bientôt dans les fêtes. On ne fera pas mon affaire avant elles, et je les passerai tristement à enrager dans ma peau. A votre départ je n'imaginais pas rester aussi longtemps ici, mais que faire?

J'espère que mon neveu Divow *) sera déjà rendu chez nous, et que nous serez content de lui. C'est un excellent garçon, tout uni, sans prétention, et qui a bien

---

*) Петръ Адріановичъ, сынъ Елисаветы Петровны Дивовой, сестры писавшаго это письмо, долго служившій по дипломатической части въ Парижѣ. Позднѣе переводилъ онъ по-французски Исторію Государства Россійскаго, Карамзина. П. Б.

mieux réussi que je ne comptais. Je vois beaucoup le comte Marcow, et suis on ne peut plus flatté de la confiance et de l'amitié qu'il me témoigne. Bien souvent nous parlons de vous, et s'il arrive que nous varions d'opinion, c'est toujours presque sur votre retraite. Mon embarras actuel lui fournit des arguments que je rétorque en disant que vôtre santé m'est plus chère, que les embarras ne sont pénibles à combattre, et j'aime mieux souffrir pour ma part et être tranquille pour la vôtre. Mais nous sommes toujours bien d'accord quand il est question de vous aimer. Adieu, mon bon ange gardien. Je vais m'armer de patience et attendre les chances: métier, que je fais depuis deux mois..

83.

Къ графу Семену Романовичу.

S-t Pétersbourg, 21 may 1804.

Depuis longtems vous m'écrivez à Vienne, et je suis encore ici à faire purgatoire. On me promène de jour en jour, et si je pars sans faire un arrangement, je serai complettement ruiné. Je ne vous attristerai pas par le détail de tous les dégoûts dont je suis abreuvé depuis le départ de mon oncle; je les attribue à la fatalité, pour ne pas me plaindre des hommes. Mais le plus sensible des chagrins, c'est d'être depuis deux mois séparé de ma femme et d'une partie de mes enfants qui attendent à Moscou l'issue de mes affaires. Ainsi soit-il! Ce n'est pas que les affaires de Rome exigent ma présence là-bas; à présent moins que jamais. Le comte Cassini lui-même a quitté Rome au sujet de l'affaire du chevalier Vernégues. Il y a donc pour le moment interruption de relations entre nous et Rome. Le pauvre pape souffre de sa faiblesse, et ce n'est pas lui qui est le véritable coupable dans cette affaire.

Je vous envoye ci-joint un mémoire que j'ai fait sur ce sujet. C'est uniquement pour moi-même; je l'ai cependant donné au prince Adam, en lui disant que je comptais vous l'envoyer et qu'il pourrait, si vous trouvez qu'il en vaille la peine, être imprimé comme une production de votre terroir.

On ne m'a pas chargé d'écrire une ligne. ce qui me fait croire que l'on a des colloborateurs suffisamment, ou bien que moi je n'inspire pas la confiance.

L'Empereur a fait une course de douze jours en Esthonie. Il a vu Reval, Arensbourg, Pernau, l'isle d' Oesel et est revenu par Dorpat, où il a vu la nouvelle université. Tout cela s'est fait rapidement.—Notre note à Ratisbonne fait du bruit et embarrasse plus d'un cabinet; mais on espère que cela s'arrangera sans bruit. Les partisans de la paix du continent ont l'air de croire que cela n'aura pas de suites fâcheuses. Les morts sont morts, et la nouvelle dinastie impériale de France absorbera toute l'attention. Il fallait cela pour justifier l'ajournement de la grande descente et de mille autres nouveautés, qu'il importe de faire oublier ou enterrer sous d'autres objets plus récents. C'est une conduite profondément calculée, et son succés en est la preuve. Rabelais a raison: les hommes sont moutonniers de leur nature, et voilà pourquoi la violence de fait est cousine de la justice de droit. Il est évident qu'avec la logique et la rigidité de principes de l'équité antique on ne viendra jamais à bout de la nouvelle doctrine. Les armes sont trop inégales, et le combat devient ridicule.

27 may 1804.

Le général Hédouville vient de partir cette nuit sans prendre congé, quoiqu'il soit parti par congé. Il a laissé ici un chargé d'affaires; ainsi ce n'est pas une rupture complette. Nous savons que notre note à Ratisbonne a fait déranger le nouvel empereur; mais avec l'aide de son audace et e la bassesse des princes allemands il s'en tirera.

84.

Къ графу Александру Романовичу.

S-t Pétersbourg, ce 7 juin 1804.

On attend toujours ici le retour de Чураковъ de chez vous, et le public débite mille rêveries sur ce sujet. Tout doit se décider selon lui par le retour de ce courrier. On aura la paix ou la guerre, selon que vous prononcerez. Pourquoi la cour ne va-t-elle pas à Kamenostrow? C'est qu'elle attend le retour du courrier. En un mot, il semble que le destin de l'univers dépende de ce courrier. En général, notre public devient de jour en jour moins raisonnable et plus raisonneur. Il n'est ni facile ni agréable de tomber sous sa langue, et parmi les inconvéniens des postes éminents celui-ci est un des plus sensibles. Quelque mystère que l'on mette sur bien des choses, je ne sais comment ils percent presque toujours trop tôt, et comme les aveugles sont plus nombreux que les clairvoyants, il en résulte des opinions absurdes souvent et quelquefois très-embarrassantes. Le départ d'Hédouville, celui d'ambassadeur romain, la note de Ratisbonne, le ton de la réponse du gouvernement français, la matière qu'il a touché, tout cela est commenté par chacun suivant son goût et, en recueillant les voix pour ou contre la France, on lui trouverait beaucoup plus de partisans que je ne l'eûs supposé. Berlin veut nous jouer com-

plettement. Quand ce cabinet nous assurait presque de l'effet de la note de Ratisbonne, il mentait complettement, car il ne pouvait plus ignorer les préparatifs de France. Vous verrez qu'il nous fera voir qu'il est lui-même sur la deffensive par écrit avec la France. On lui fera, s'il le faut, même des menaces convenues d'avance avec Lucchesini et l'on cherchera par tous les moyens de nous apitoyer sur sa pénible position. Cette marche est toute préparée d'avance, et je la vois venir. Ainsi soit-il! Quand le vin sera tiré, il faudra le boire, et c'est au fond du pot qu'on *trouve la lie.*

Le prince Adam a eu le bonté d'écrire pour mon emprunt à Trostchinsky; mais comme ce dernier est malade pour le moment, j'ignore encore sa réponse; mais j'ai lieu d'espérer. Je ne suis du tout pas fâché de me touver encore ici au moment de notre brouillerie avec Rome. Dans l'étranger cette avanture m'eût embarrassé davantage. Mais je vois clairement que Cassini est un maladroit et dans ses faiblesses, et dans sa jactance. Tout pouvait se faire autrement.

J'attendrai donc en paix que cette affaire se mûrisse. Jusqu'à present je crois toujours qu'il nous impose d'avoir un ministre en Italie, si Bonaparte n'en fait pas une province de son empire, ce qui est très-possible.

85.

S-t Pétersbourg, 9 juin 1804.

Je persiste dans mon opinion que les affaires de l'Europe retardent et empêchent le rétablissement de votre santé. Mon amour pour vous me fait voir clairement ce rapport, et au risque de vous déplaire, je ne puis m'empêcher de vous déclarer formellement que si vous ne vous armez pas de la plus parfaite indifférence sur les affaires de l'Europe, vous y succomberez à petit feu, mais inévitablement.

C'est le coeur gros et les yeux humides que je vous fais cette déclaration, mais ma consience m'en fait une loi. Depuis votre départ j'ai expérimenté combien je perds à votre retraite; j'y perds tout en un mot. Mais cela ne fait rien contre la vérité, et je n'en persisterai pas moins à voir dans votre retraite absolue le seul moyen de vous sauver.

Au nom de Dieu, mon cher oncle, rendez-vous à l'évidence. Vous n'avez rien à gagner, et vous avez tout à perdre. Le cours des choses est trop fort pour que vous puissiez espérer l'arrêter ou même le modifier convenablement. Vous y consommerez vos forces sans fruit, et vous en serez victime. L'impulsion générale du moment n'admet sur aucun sujet aucune espèce de paillatif ou de demi-mesure. Qui attend perd. C'est dans l'atmosphère.

Votre réputation est faite, votre nom ne peut plus s'agrandir. Le passé vous garantit l'avenir, et il n'est plus au pouvoir de personne au monde d'altérer la

clarté et la pureté de votre carrière. Si je pouvais entrevoir seulement la possibilité d'un terme prochain aux troubles actuels de l'Europe, je vous dirais: „Nouvel Atlas, chargez encore vos épaules de ce fardeau; le terme est visible"; mais à la tournure que le monde prend, il y en a pour longtems, et notre durée est bornée. Youssoupow m'a troublé par le récit de la faiblesse de corps où il vous a vu.

Je crois, d'après la lettre du prince Adam au ministre des apanages, que mon emprunt pourra avoir lieu; mais tout se fait si lentement qu'il faut s'armer de patience.

Le comte Sévérin est très-sensible à votre souvenir. Je le vois assez souvent. Il a beaucoup de tenue dans la tête.

Je suis bien satisfait de votre saffrage sur mon *petit factum.* Je l'ai envoyé au comte Simon par un courrier anglais. J'espère que vous serez également content de la seconde pièce. C'est uniquement pour me tenir en exercice dans ce genre de travail que je l'ai fait.

Le ministre de commerce continue à être phrasier comme de coutume. On dit qu'à la douane on vole cette année un peu plus encore que de coutume.

86.

Moscou, Mardy, 1-er IX-bre 1804.

A mon départ de Pétersbourg, Colombi m'a remis pour vous un panier de raisins d'Espagne et deux petites boîtes de tabac, dont l'une a été écrasée et le tabac rempli de foin. J'ai l'autre à votre disposition, et je suppose que c'est pour Michel, car vous n'en faites pas usage, ni moi non plus. J'ai fait remettre à Дугинъ le panier de raisins.

Le comte Panine est ici depuis 3 ou 4 jours. Ma femme l'a rencontré avant-hier chez la comtesse Orlow (fille d'Alexis), à laquelle elle rendait une visite. Il s'est beaucoup informé de moi, de ma mission. Il a dit que nous ne pourrions tarder à renouer avec le Saint-Père qui remuait ciel et terre pour cela etc. Vous savez mon opinion sur cet homme, et je n'en varie pas. Vous verrez qu'il rumine quelque projet pour revenir sur l'eau, et je ne garantis pas qu'il n'y réussisse.

Les Narichkine et d'autres personnes m'ont conté tout plein de choses sur ma tante Dachkow. Quand il n'y aurait que la moitié de vrai, il y en aurait encore suffisamment pour me consoler tout-à-fait du respectueux éloignement que j'observe à son égard. Je n'ai pas encore vu son fils. On dit qu'il ne sont pas bien ensemble, qu'elle veut lui faire épouser son Anglaise etc. etc. Ce que je puis faire de mieux, c'est d'ignorer

tout cela. Mais je ne puis, ni ne dois ignorer ses expressions sur le compte de ma femme et par contre-coup sur moi etc. etc. A quarante deux ans il est permis d'avoir une façon de penser, surtout quand on a conscience pure.

Ma soeur doit être en route; je l'attends tous les jours, mais elle ira lentement, sa santé ne vaut pas deux sols. Je compte fermement sur votre protection pour mon neveu *). Ce sera un vrai témoignage d'amitié pour moi, et j'ose le réclamer. Prenez le chez vous, comme j'y ai été moi, ainsi que vous me l'avez mandé. Quelque tems passé auprès de vous lui sera salutaire pour toute la vie et lui fera le plus grand bien dans l'opinion publique.

Je m'arrange de mon mieux pour passer l'hyver aussi tranquillement que possible. Ma maison était bien délabrée pendant mon absence. L'eau coulait dans quelques parties du toit. J'attends mes livres par le premier traînage. Ce me fera un vrai plaisir d'en jouir. Gloire dans les hauts, et paix sur la terre!

---

*) Кромѣ упомянутаго на стр. 403-й, было у графа Бутурлина еще два племянника Дивовы, Александръ и Николай Адріановичи. Тутъ говорится, вѣроятно, про перваго изъ нихъ, совращеннаго потомъ въ католичество, шатавшагося въ Америкѣ и окончившаго долгіе дни свои въ полномъ уединеніи, въ селѣ Городищѣ, подъ Рязанью. П. Б.

87.

Къ графу Семену Романовичу.

Andréewsky, ce Dimanche, 3 décembre 1803.

Je n'ai pas le choix des expressions, mon cher oncle, pour vous faire part de la douleur profonde, dont je suis pénétré (pour vous, comme pour moi) à la perte affreuse que nous avons fait aujourd'hui entre onze et midi. Votre frère, mon ange gardien, le chancelier a rendu son âme angélique à son Auteur. Il n'y avait aucun espèce de souffrances, et exactement il s'est éteint, comme une chandelle. J'ai reçu son dernier souffle, et c'est positivement et à la lettre qu'il s'est endormi dans le Seigneur.

D'après sa volonté ce sera Possnikow *), qui conduira les affaires jusqu'à la réception de vos ordres. Il y avait à son adresse (celle de Possnikow) un paquet cacheté et préparé depuis cet été. J'ai lieu de croire, qu'il a eu encore d'autres intentions, mais il n'a plus eu la force de les déclarer. Mais en général je ne doute pas que Possnikow n'en aie recueilli quelques vestiges, car il m'écrivait en juin dernier, qu'il s'était débarrassé de *ses gros arrangements* et qu'il jettait des idées sur le reste *à tout événement*.

---

*) Захаръ Николаевичъ Постниковъ, позднѣе сенаторъ. П. Б.

Tous ces jours-ci il me parlait continuellement (et plus que ses forces ne le permettaient) de votre retour au printemps prochain, du désir de voir Catinka établie, de la guerre actuelle, du séjour à Olmutz de notre Souverain. En recevant par la dernière poste votre lettre de Birmingham, et celle de Nicolaï, qui l'a expédié, au récit de la mort de Nelson, il a répandu des larmes pendant que je lui en faisais la lecture. Hier encore il m'a fait lui chanter la chanson sur la prise du général Mack, et il en a souri. Je puis garantir, et mon cousin Dachkow présent, le bon esculape Kier et Possnikow, tous témoins de ses derniers moments que l'on ne peut avoir une fin plus calme et plus angélique.

Je réclame à présent un surcroît dans votre amitié. Vous ne pouvez sans injustice me refuser d'ajouter à celle dont vous m'honorez déjà, toute celle que le défunt avait pour moi. Depuis 1784 que je me suis attaché à lui exclusivement, nous nous sommes régulièrement ou vu ou écrit chaque semaine. Plaisirs, chagrins, affaires de famille, politique, j'ai tout partagé dans son intimité, et Dieu, Qui nous entend, sait que je m'en crois digne par la sincérité et l'abnégation de tout autre attachement. Je suis fier de son amitié. C'est mon plus beau titre et le seul que je veuille avoir à vos yeux.

88.

Moscou, ce 20 février 1806.

Enfin, j'ai eu le bonheur de recevoir votre lettre, mon cher oncle. Vous concevez facilement quelles ont dû être mes inquiétudes sur la manière dont notre perte affreuse vous parviendrait, et surtout comment vous la supporterez.

Bien m'en a pris de vous avoir écrit presqu'au moment même de notre malheur; car j'ai pressenti que plus tard, le lendemain même, je n'en aurai plus la force. et en effet depuis ce moment je ne me suis point encore tout-à-fait remis, et ce n'est que par moment détachés et rompus que je recueille mes facultés anciennes. La mémoire entr'autres, qui est une partie forte de mon organisation, a bronché à présent pour la première fois. Je l'ai surpris en défaut, et cela m'a prouvé combien fort j'ai été secoué.

Au surplus, je prends philosophiquement mon parti sur ce premier avertissement de la déchéance successive de nos facultés. Quelque bonne que puisse être une tête, comme c'est par le coeur que l'on aime, je le tiens pour principe de vie, et je sens que le mien a encore de la chaleur de reste pour aller jusqu'au bout.

Je me fais une fête de vous revoir cet été. Nous avons de quoi causer pendant des années. Nos propres affaires, nos familles, notre amitié, et surtout notre perte commune: voilà nos sujets et d'entretiens, et de méditations. Je vois tout le reste dans le vague.

Nous n'avons non plus de nouvelles ici de Michel que s'il était dans les terres australes. Je lui ai écrit le jour même de notre malheur et j'ignore s'il a reçu ma lettre. Heureusement encore que la partie où il a été n'a guères eu à guerroyer. J'en ai jubilé dans le fond de mon coeur. Un peu moins de gloire et plus de sécurité entre fort dans ma manière de voir; car il vient un tems, où l'on apprécie à leur assez juste valeur les neuf dixièmes des prestiges qui nous ont séduit dans la jeunesse. Notre Michel y viendra comme tout autre et alors sera bien content d'avoir conservé ses membres en intégrité.

Il est possible (et j'ai quelque lieu de le croire) que notre ange tutélaire, que nous pleurons, a eu quelques arrières-pensées qu'il n'a pas eu le tems d'effectuer. Dans plusieurs de ses lettres de septembre et d'octobre dernier il m'en a parlé, et plusieurs fois il a essayé de revenir sur cela de bouche, mais il était trop faible pour tenir un discour suivi.

Dans les derniers huit jours qui ont précédé sa fin, ce qui m'était le plus difficile était de lui cacher (sans affectation) combien j'étais ému. Il m'est arrivé une fois de me jetter exprès du tabas dans les yeux pour masquer des larmes que je ne pouvais retenir. Il plongeait pour ainsi dire dans ma physionomie pour y lire. Une fois entr'autres (27 novembre), après avoir congédié le docteur et éloigné *Маменька* par une fausse commission, il me dit *ex abrupto*, après m'avoir embrassé bien tendrement: *Dites moi, mon ami, en conscience, comment me trouvez-vous! Vous me connaissez mieux que tout le monde qui m'entoure, et je vous en crois davantage.* Les premières phrases m'embarrassèrent cruellement, mais je me retrouvais tout de suite et sans m'ar-

rêter un instant: *Vous savez, mon bon ange*, lui dis-je, *que jamais je ne vous ai trompé, et Dieu m'est témoin que dans ce moment-ci je ne veux point vous en imposer. Je vous vois plus faible de forces physiques que vous n'étiez dans le plus fort de votre maladie à Pétersbourg; mais vous m'assurez que vous ne souffrez nullement, tandis que là-bas vous souffriez beaucoup. Vous avez* (et c'est vrai) *l'oeil meilleur, et cela a toujours été mon thermomètre. La mémoire et le jugement sont vièrges comme ils étaient à 30 ans*. Dans la matinée je lui avais fait des lectures, et nous avions causé sur les affaires du tems. *Tout cela réuni, j'en conclus que vous étiez à Pétersbourg bien plus bas que vous n'êtes à présent, et puisque vous en êtes revenu alors, j'espère que vous en reviendrez encore.*—Oui, me dit-il, j'étais plus mal, et je vous en crois.

Le docteur Kier vous dira que tout discours de cinq minutes le fatiguait avant mon arrivée et qu'avec moi il passait des héures, après lesquelles il n'était nullement las. Je lui avais établi des conditions par lesquelles il ne devait pas parler plus de tant de téms, et dès qu'il avait rempli cette mesure, je lui disais: *à présent vous avez votre portion de loquelle; si vous dites un mot, je vous plante au milieu de la phrase et je sors de la chambre.* Il souriait, me laissait parler, me répondit oui ou non par signe, et bientôt après s'endormait tranquillement. Toujours il revenait sur les affaires de la guerre, sur la déconfiture de Mack, sur le non-succès de la coalition, et toujours je rompais cette matière qui lui donnait plus d'émotion que ses forces n'en pouvaient soutenir.

Sachant que ma femme était grosse et souffrante, il disait à Kier: „Je veux voir Boutourline autant que

possible; il ne peut pas rester longtemps ici, et je sais tout ce qu'il quitte pour être avec moi". J'ai été obligé de lui montrer une lettre de ma femme, dans laquelle elle m'assurait de sa santé et de celle des enfants pour qu'il fût tranquille sur mon séjour auprès de lui.

Je vous donne à présent tous ces petits détails, non pas de mémoire, mais d'après un journal, jour par jour, que l'expédiais de là à ma femme et qu'elle a gardé; d'ailleurs, je pense que Kier doit être à présent auprès de vous. C'est un bien estimable homme à tous égards, et nous lui devons de la reconnaissance pour tout ce qu'il a fait, et même pour ce qu'il aurait voulu faire, si cela eût été en sa puissance.

Le comte Marcow est profondement peiné de notre perte. Il attend (à ce qu'il me mande) pour vous écrire que le tems ait un peu cicatrisé votre blessure. Il est du petit nombre de ceux qui ont connu notre ange gardien. Car, ne vous y trompez pas, mon cher oncle, bien peu des gens ont véritablement connu celui que nous pleurons.

Non lo conobbe il mondo mentre l'ebbe,
Lo conobbe ben io, ch'a piange qui rimasi.

Petrarca.

Au reste, c'est peut-être une justice de la Providence de faire que les véritables trésors de vertu ne soient à la connaissance que d'un très-petit nombre d'adeptes. Le vulgaire public, ne pouvant s'élever à la hauteur morale de certains objets élevés par la nature, finit toujours par les abaisser pour les placer à sa portée, et voilà peut-être le fondement de ces mystères qui dans

toutes les philosophies couvraient la vérité du voile de l'allégorie. Le beau morale (j'en suis fâché pour l'humanité) ne saurait-être à la connaissance de la multitude, et la malignité humaine trouve plutôt son compte à déprécier un-chef d'oeuvre quand elle ne peut (faute de moyens) l'apprécier à sa juste valeur. C'est l'histoire de tous les tems, et rien ne change que les noms.

Je suis toujours ministre à Rome, résident à Moscou. Dieu sait si jamais je verrai mon poste, mais je m'en inquiète peu

Je demeure absolument comme la brebis égarée dans le désert. Le bon pasteur n'est plus là pour me recueillir. Oui, il m'aimait, il savait combien je l'adorais, et moi je n'ai senti qu'à présent toute l'étendue de mon attachement pour lui. A la lettre cela passe toute expression.

Quant à votre retour ici l'été prochain, dont je me fais une fête, je ne puis encore rien fixer de positif dans ma tête. Habiterez-vous Pétersbourg ou Moscou, la ville ou la campagne? Tout cela tiendra, j'imagine, à la destinée de vos enfants. Aurons-nous la consolation de voir Catinka bien établie? Toutes ces idées me ballotent l'esprit, et je me perds en conjectures. Mais un fait certain et que dans tout état de choses vous devez établir en principe, c'est de n'habiter jamais (au moins à demeure fixe) Andréewsky: l'air y est pestilentiel et marécageux au suprême degré. Kier peut vous en parler pertinemment. Je ne mets pas en doute même, combien le séjour qu'on y a fait depuis 1794 jusqu'en 1801 a miné sourdement la constitution de notre ange tutélaire. Je le lui disais chaque fois que j'y étais, et lui-même convenait à la fin que j'avais raison; mais il se rabat-

tait sur les difficultés, les fraix et le tems de transporter un si grand établissement ailleurs. Feu Lafermière était aussi de cet avis, et à sa mort j'ai représenté l'influence de ce séjour. Pareille scène à la mort de Covelle, qui y est enterré également *). L'année passé même dissertation de ma part à la mort de *Klimka*. En un mot, j'ai pendant plus de douze ans guerroyé infructueusement contre cet endroit, et je dois à ma conscience de vous en prévenir.

---

*) Этой могилы мы не встрѣтили на церковномъ погостѣ села Андреевскаго; но бѣломраморный надгробный памятникъ Лафермьера доселѣ тамъ сохраняется. Климка — одинъ изъ служителей графа Александра Романовича. П. Б.

Письмо графа Д. П. Бутурлина къ И. И. Смирнову.

Moscou, ce 25 février 1806.

Vous m'avez autorisé à compter fur votre complaisance, mon cher monsieur Smirnow; aussi j'en profite, et vous prie de me procurer sans faute les ouvrages suivans, avec le retour de mon oncle et de ses équipages, parce que je n'aurai plus après d'aussi bonne et sûre occasion pour les avoir. Si par hasard le prix surpassait ce que je puis encore avoir de bon chez vous, je vous prie ou de tirer sur moi ici, ou de le demander même à mon oncle, et je restituerai avec reconnaissance à votre retour. Mais je vous supplie de ne pas épargner vos soins pour m'avoir ces objets.

1) *Andrews, Botanical Repository. La suite* qui doit avoir paru. Vous m'en avez envoyé quatre volumes il y a 2 ou 3 ans.

2) Curtis, Botanical Magazine. J'en ai XIII, 13 volumes. Si l'on ne peut avoir la suite à part, il faudra acheter un exemplaire complet. Mais je crois que les volumes se détachent, et vous pourrez en trouver depuis le 14-me volume.

3) Latham's General Synopsis of Birds. 7 vol. coloured, in 4-to.

4) Clerck, Aranei Suecici, plates coloured, in 4-to.

5) Jaquin, cones Plantarum Variorum. 4 vol. in fol.

6) Sloanes, Natural History of Jamaica. 2 vol. in fol.

7) Browne's Civil and Natural History of Jamaica. fol.

8) Ramusio, Navigazioni e Viaggi best edition 1563. 3 vol. in fol.

9) Heineken, Dictionaire des artistes, dont il y a des estampes. 4 vol. gr. 8°.

10) Catalogue des plantes du jardin de Kew.

J'ai trouvé tous ces articles dans les catalogues d'Evans et de Lakington; ainsi soit là, soit ailleurs j'espère que vous pourrez trouver tous ces articles, dont plusieurs ne sont pas à trouver sur le continent, où je les demande depuis plusieurs années.

Vous m'obligerez sensiblement de soigner cette affaire, car il est probable que je ne retrouverai plus une si belle occasion de me procurer les ouvrages, et il me sera doublement agréable de les avoir, et de vous en avoir l'obligation.

Croyez moi bien sincérement votre serviteur.

C. D. Boutourlin.

A L'OMBRE D'UN AMI.

Décembre 1805.

Des bosquets toujours verts du paisible Élysée,
Où tu reçois le prix de tes vertus,
Ombre à jamais présente à ma triste pensée,
Serait-il vrai que tu ne m'entends plus?
Quoi, ces pleurs si touchants donnés à ta mémoire,
Ce souvenir profond de tes constants bienfaits,
Dont se repaît mon âme et dont je fais ma gloire,
Tout cela jusqu'à toi ne vient plus désormais?

*

Non, tu m'entends; non, je ne puis le croire;
L'amitié nous survit et ne s'éteint jamais.
Ah, de ce sentiment l'ardente véhémence
Franchit, n'en doutons pas, notre frêle existence,
Echappe en s'élevant aux glaces du tombeau,
Et par delà ce monde en retrouve un plus beau.
C'est là que, libre enfin du joug de la poussière,
A la terre rendant ce qui vient de la terre,
Rayon pur, émané de la Divinité,
Il se perd dans son sein, s'abîme en sa clarté.

*

Et comment en effet pouvons-nous méconnaître
L'éternité d'amour qu'entend le divin Maître,
Quand pour notre bonheur en des termes si doux
Il nous dit tant de fois: „Mes enfants, aimez-vous!“
Tandis qu'en même temps Sa loi constante et stable
Défend de s'attacher à tout bien périssable.
Comment concilier ce constraste apparent?
Tout notre esprit s'y perd, mais le coeur le comprend.
Au coeur fut adressé ce précepte suprême,
Lui seul en effet peut résoudre ce problême;
Aussi nous est-il dit qu'il n'appartient qu'au coeur
D'entendre et méditer la voix du bon Pasteur.

*

O toi que j'ai perdu, toi que je pleure encore,
Tu sais si je t'aimais d'un coeur sincère et pur,
Loin du vil intérêt que le vulgaire adore.
Vingt ans en toi je vis un père, un ami sûr,
Et vingt ans partageant tes plaisirs et ta peine,
Mon âme avec transport s'épanchait dans la tienne.

*

Assez d'autres, peut-être, épris d'ambition,
Auront cherché, suivant la règle trop commune,
Dans leur amour pour toi la route à la fortune
Et d'un zèle imposteur masqué leur passion.
Ils ne t'abusaient point: tu démêlais leurs brigues.
Combien de fois ton coup d'oeil pénétrant
Perça les profondeurs de ces sombres intrigues,
Eh bien tu les servais même en les connaissant.

Qui mieux que toi, guidé par la prudence,
Étudia, connut le coeur humain?
De ses replis cachés ta longue expérience
T'avait enseigné le chemin;
Et ton austère vigilance,
Du vrai discernant l'apparence,
Ne l'observa jamais en vain.

Mais sans nombrer ici tes vastes connaissances
Qu'embellissaient encore tes modestes vertus,
Ce qui surtout te distingua le plus,
Ce fut ce tacte profond des bienséances,
Ce sentiment des convenances
Qui prévoit, applanit, prévient tous les abus.
Avec méthode et choix mesurant ton langage,
Tu séparait et l'homme, et la profession,
Eh chacun, accueilli suivant son rang, son âge,
Te quittait admirant ta pénétration.
Toujours avec bonté, souvent avec tendresse,
Mille fois je t'ai vu dans l'ombre généreux
Des pleurs du sentiment tempérer ta sagesse
Et mieux qu'avec de l'or aider le malheureux.

*

Que l'on te connut mal! On te croyait sévère,
Toi, vrai modèle de bonté,
Toi que j'osais nommer mon ange tutélaire;
Sois-le encore au séjour de l'immortalité!
Les vertus dont brilla ta modeste carrière
Du trône du Très-haut t'ouvriront la barrière;
Sans pâlir tu verras ton Rémunérateur.
Qui vient juste et pur a des droits au bonheur.

*

De tes derniers instants la consolante image
A mon coeur attendri revient encore s'offrir.
Du sommeil éternel je t'ai vu s'endormir.
Semblable au soir serein d'un jour exempt d'orage,
Tu n'eus point d'agonie; aucun bruit, nul effort
Ne constata ce terrible passage,
Qui nous conduit de la vie à la mort.

Quoi, de l'être au néant le pas est si facile?
Quoi, pour nous renverser un seul instant suffit?
La dissolution de notre être fragile
Ne tient à rien: un souffle—et tout finit.

*

Et l'homme après cela s'égare en ses pensées!
Il se perd en projets, il espère, il attend!
Les vapeurs du matin vers divers points poussées
Par un léger souffle du vent
Dans le vague des airs tout à coup dispersées
Sont de ses vains désirs un emblême frappant

*

A la douleur quand nos âmes ouvertes
S'épuisent en sanglots près d'un triste cercueil.
Que pleurons-nous? Ce sont nos propres pertes:
Tandis que ceux dont nous portons le deuil,
Dont la mélancolique et touchante mémoire
Survit longtemps aux glaces de la mort,
Tranquilles au séjour de l'immortelle gloire,
Bien plus heureux que nous sont déjà dans le port.

*

Sublime foi, consolante espérance,
Divin amour, ah! ne nous quittez pas!
Dans cette passagère et mortelle existence
Vous seuls pouvez guider nos pas.
Oui, dans cette vallée obscure et ténébreuse,
Environnés d'écueils, emportés loin du but,
Nous avons pour appui votre main généreuse,
Et seuls vous nous montrez le chemin du salut.

*

Sion, Tabor, redoutables asiles,
Redoublez vos clartés. Heureux qui vous atteint;
Heureux, qui, parvenu dans votre auguste sein,
A quitté les lieux bas pour vos sommets tranquilles!

Là le calme l'attend aux pieds de son Auteur;
Durant l'éternité sa paix n'est plus troublée,
Et nous, dans notre exil, laissés par le Seigneur,
Pour pleurer la vertu près de Lui rappellée,
Adorons Ses décrets et répétons en choeur:
Gloire au plus-haut des monts, mais paix dans la vallée.

*

Voici quelques larmes que j'ai consacré à la mémoire de notre père et ami commun. J'ai écrit de coeur. On peut faire mieux, mais je défie de sentir davantage.

Письмо неизвѣстнаго лица о кончинѣ графа А. Р. Воронцова *).

Dimanche, 9 (21) décembre 1805.

Je vous écris peu de lignes pour vous annoncer une événement qui m'a donné beaucoup d'inquiètude. Nous avons reçu par la dernière poste de Moscou la nouvelle que le chancelier comte Woronzow est mort sur sa terre à Wladimir le 3 (15) de ce mois. Je me suis attendu à cet événement après une lettre du 16 IX-bre que je n'ai reçue qu'aujourd'hui, huit jours, dans laquelle le d-r Keir m'informait que le comte, après avoir souffert d'une dissenterie qui était épidémique dans ce voisinage au mois d'août, était resté dans un grand degré de faiblesse et que, malgré que la dyssenterie fut passée, son appetit n'était pas revenu après. Le d-r Keir dit que depuis six semaines il avait demandé qu'on fît chercher des médécins de Moscou, mais que le comte l'avait remis, disant qu'il irait à Moscou au commencement de novembre. Sentant que sa faiblesse augmentait, il remit son départ d'un jour à l'autre, jusqu'à ce qu'au moment où le docteur m'écrivait, il me dit que le comte était si faible qu'il doutait qu'il pût supporter le voyage.

J'écrivis tout de suite au docteur; mais hier j'ai reçu

*) Сохранилось въ спискѣ, сдѣланномъ рукою князя М. С. Воронцова. П. Б.

une petite note de sa part, portant que les forces du comte ayant diminué graduellement, il était mort ce jour le 3 X-bre sans souffrances.

Je ne saurais vous exprimer combien je suis inquiet au sujet de son excellent frère. Je connais toute la chaleur de ses affections et qu'après ses enfants personne au monde ne lui était si cher. Je voudrais qu'il fût bien convaincu d'une chose, qui est que, d'après ce que je sais, aucun secours médical ou chirurgical n'aurait pû être d'aucun usage pour lui pendant les deux ou trois mois de son existence. Il a été attaqué depuis quelque tems d'une fièvre lente, qui a graduellement miné ses forces. Cette fièvre provenait d'ouvertures fistuleuses conduisant de ce que nous appellons la substance cellulaire, entourant le rectum dans la partie supérieure de ce boyeau. A mon arrivée dans ce pays, quand je conversai avec m-r Pommo, qui connaissait depuis longtemps son constitution, nous fûmes tous les deux de l'opinion que la susdite affection locale rendait sa situation extrêmement critique.

Le prince Dachkow et le comte Boutourline ont été avec lui pendant quelques jours avant sa mort. Ils écriront sans doute en détail au comte, de même m-r Ryndine, que je viens de voir, écrira par la poste prochaine. Je laisse à votre jugement d'informer le comte du tout ou d'une partie de cette triste nouvelle. Il recevra de gros paquets avec beaucoup de détails par la poste prochaine. Je ne puis prendre sur moi de lui écrire, mais je me fie à son entière persuasion que je partage bien sincérement ses douleurs.

89.

Moscou, ce 12 octobre 1806.

J'ai reçu de vos nouvelles et par Longuinow, qui me revient fort, et j'en ai aussi par notre bon Michel, qui, à peine arrivé, doit encore se remettre en course. Il doit avoir une indigestion de Prussiens, puisque moi, sans les voir et rien que sur leurs oeuvres, je ne saurais les digérer. Mais la volonté de Dieu soit faite; s'il est dans les décrets de la Providence que le Napoléon continue de brouiller le monde, cela sera. Décidemment il n'y a que le dogme du fatalisme qui puisse rendre raison de la conduite générale de l'Europe continentale. Heureux qui peut regarder tout cela comme les *fantoccini*. Mais quand, comme vous et moi, on a des enfants, on est forcé de voir plus loin, et la perspective n'est pas riante.

Un point sur lequel ma tête travaille depuis longtems, c'est votre retour ici. Mais chaque fois que je rumine sur ce sujet, je rencontre des difficultés pour les deux faces de l'affaire, et fortement intéressé au bonheur de vous revoir, je tremble de n'être pas tout-à-fait impartial lorsque je débats à part moi les raisons pour et contre de cette affaire.

Il est certain que pour vos enfants, pour moi (qui me mets hardiment dans ce nombre), pour mes enfants à moi, il y a une différence de tout au tout à vous posséder entre nous ou à ne vous avoir pas. Mais, d'une autre part, votre âge, votre habitude d'un

climat bien plus doux que le nôtre, des habitudes de vivre contractées depuis plus de vingt ans et par conséquent devenues de nécessité urgente, auxquelles il faudra renoncer, un genre de vie tout neuf, dont il faudra en quelque façon faire un apprentissage, toujours pénible et qui peut-être ne s'amalgamera plus à vos formes habituelles; le pays même, qui probablement se trouvera au détail différent de l'idée que vous en avez en gros: tout cela, et mille autres raisons encore me font vaciller dans mes inductions quand je veux me déterminer à un parti, et pressé par tant de considérations opposées, j'ajourne la matière à une autre fois, sans rien décider.

Cependant les mois et les années s'écoulent. Nous ne disposons plus de la partie du tems qui est derrière nous, et celle qui est devant est incertaine. Notre bon Michel est, grâce à Dieu, bien sur ses pieds. Son coeur et sa tête sont de bons guides auxquels on peut se fier. Mais il est jeune et fait un métier bien périlleux, et surtout bien fatiguant. Notre bonne Catinka n'est point établie, et il y a toujours une sorte de vague dans la destinée d'une fille tant qu'elle n'est point fixée par l'hymen. J'ai la conviction intime que cette chère enfant sera heureuse. Elle doit l'être, ou bien la justice est une chimère. Mais comment le sera-t-elle, par qui? Voilà où je me perds. Je crois connaître à peu près tout ce qui forme la société dans cette cathégorie chez nous, mais dans mes cogitations sur cette matière, je ne vois personne sur qui arrêter mes idées. Il y a certainement des jeunes gens de mérite; mais d'abord il y en a peu, et puis autant que je connais ma bonne cousine, c'est sur les qualités du coeur que son bonheur doit être fondé, quand il le

sera. Dans l'union conjugale, il n'y a point de mezzotermine pour un caractère aussi profondement sensible que celui de ma cousine. Elle sera ou parfaitement heureuse, ou bien à plaindre, et cependant nous devons tous désirer qu'elle s'établisse. J'ai sous les yeux quelques exemples de filles vieillies dans le célibat, qui me font frémir. Mon opinion sur cette nécessité d'un établissement pour elle était de tout point conforme à celle de l'ange tutélaire que nous avons perdu et que je pleure en rappellant. Votre éloignement, Catinka non-mariée, et Michel militaire: voilà les playes qui saignaient sans cesse, dans les épanchemens de l'amitié dont il m'honorait.

Bref, en résumant toutes les considérations, et cherchant à me fixer absolument sur un mezzotermine au moins provisoire, sauf les chances que l'avenir peut apporter, et les ménagemens à conserver de part et d'autre, je me suis arrêtée à l'idée suivante que je vous soumets uniquement comme une hypothèse de mon cerveau, et qui n'a de réalité que dans le seul cas que vous-même la trouverez plausible et que par hasard elle s'accorde avec toutes les convenances de chez vous dont je puis ignorer des détails, qui ne sont peut-être pas indifférents.

Voici donc mon idée. Si votre santé le permet, comme je l'espère et le désire, il faudrait au printems venir en Russie, non point avec l'idée de quitter pour toujours l'Angleterre, car s'il arrivait que notre climat ne vous convint plus (ce qui est dans les possibles) il vous faudrait y retourner. Ce serait donc un voyage *uniquement d'essai* que je vous propose, et pour cela

1) Vous pourriez laisser en Angleterre une partie de votre maison, qui vous y attendrait dans le cas que

vous y revinssiez, et que l'on peut toujours faire revenir dans le cas que vous vous fixiez. soit en Russie, soit ailleurs.

2) Sous ce point de vue, il vous sera (même à vous) bien moins pénible de considérer ce voyage et ce départ d'un pays, où vingt ans de séjour et d'habitude vous ont cimenté des liaisons de tout les genres. Pénetrez-vous bien de l'idée que ce n'est point une séparation décidée que vous entreprenez, mais uniquement une *tournée d'essai, une course d'expérience* que vous tentez pour (après cela) prendre un parti définitif, une résolution stable, qui fixera invariablement votre lieu et votre genre de vie. Voilà comme je considère la chose et comme je voudrais que vous la considériez aussi.

3) Dans cette mienne manière de considérer cette affaire, je vous préviens d'avance (et vous le voyez) que je n'ai en vue uniquement que vous et votre famille exclusivement à tout autre objet. Les convenances ministérielles, comme les hausses et baisses du thermomètre politique n'entrent pour rien dans mon point de vue: car, si la moindre de ces considérations doit y entrer en ligne de compte, prenez que je n'ai rien dit, et tout mon échaffaudage s'écroule aussitôt, dès qu'on y doit faire entrer des matériaux sur lesquels je n'ai pas compte et auxquels je n'ai point fait place.

4) Mais il me semble qu'à passé soixante ans, lorsque, comme vous, on a consacré toute sa vie au service, et qu'on y a été d'une utilité aussi évidente, on

a le droit acquit de n'y plus penser du tout alors qu'on a quitté le harnois. Je ne crois donc pas errer, lorsque, dans mes cogitations sur ce qui vous concerne. je fais abnégation totale de tout ce qui n'est pas vous ou votre famille, et dans mes méditations fréquentes sur cet objet je distribue la matière ainsi:

1) Vous d'abord, votre santé au physique et sa conservation.

2) Vous encore, mais considéré au moral: votre repos, votre jouissance paisible de vos affections, vos liaisons, votre sensibilité, et les objets sur lesquels elle s'exerce.

3) Ma bonne cousine Catinka, son bonheur actuel, ses chances futures, son établissement etc.

4) Notre bon, notre excellent Michel. Mais cela est le côté tranquille du tableau. Il sera heureux par lui même, tout naturellement: son coeur et sa tête lui suffiront pour l'y conduire tout simplement. Il a dans lui-même les élémens du bonheur, comme un poisson a les élément qui font nager. Mais vous et sa soeur êtes les bases sur lesquelles tout l'édifice de son bonheur est assis. Le moindre zéphir, qui effleure seulement quelqu'un de vous deux,. fera sur Michel l'effet d'une tempête. Autant il est *stoïque* à certains égards pour lui-même, autant il est susceptible sur ce qui vous touche vous deux. D'après cela, vous jugez combien il lui importe de ne pas passer sa vie éloigné des seuls objets de son affection.

Voilà ma distribution. Résumons-nous.

1) Je ne puis rien vous dire sur votre santé. Ma puissance là-dessus se borne à des voeux, et vous sentez q'ils sont sincères et affectueux. Mais je dois à ma conscience de vous répéter sans cesse, de vous corner aux oreilles que c'est là le premier objet de sollicitude. *Votre santé* doit être le but principal de vos déterminations. Tout doit céder à cette considérations, comme tout doit s'y rapporter.

2) En vous considérant sous le point de vue des affections morales, je ne saurais douter qu'il ne vous en coûte beaucoup si vous étiez dans le cas de quitter tout-à-fait un pays dans lequel une longue habitude doit vous avoir fait prendre des plis qui ne s'effacent plus. Mais aussi je vous conjure de ne jamais envisager votre départ (s'il a lieu) sous ce point de vue, trop sensible pour vous. Encore une fois, composez avec vous-même pour votre repos. En tentant une *course d'essai* (comme je l'appelle et la considère), vous ne froissez aucun des sentimens affectueux, vous ne rompez aucune liaison, dont la durée est peut-être un besoin pour votre âme sensible. Je dirai plus: cette teinte de vague, ce nuage d'incertitude qui voilera votre avenir (à vous-même, comme à vos amis), au moment de votre séparation momentanée, doit être l'égide protectrice qui vous sauvera de votre propre sensibilité. Avec une âme aussi belle, une conscience aussi pure que la vôtre, comment peut-on craindre de mettre quelque chose au hasard? Où serait la rémunération de nos faits et gestes, si le juste comme le méchant n'osait jamais s'exposer à cette puissance invisible, mais équitable, à *ce fatum* de notre ami Cicé-

ron, qui nous conduit toujours au but qu'il a déterminé?

J'ose croire qu'à tous égards, une course dans votre patrie serait nécessaire pour votre tranquilité future, quelle que puisse être la détermination du lieu et du genre de vie que vous adopterez ensuite. Une multitude de petits détails qui échappent à la pensée quand on écrit, mais qui frappent la vue quand on est sur les lieux, et dont l'ensemble ne laisse pas que d'être important, vous donnerait une connaissance du local et des hommes, bien plus certaine que tout ce que nous pourrions vous en dire. Vous en tireriez des inductions bien plus certaines et pour vous-même, et surtout pour vos enfans que la destinée appelle à figurer sur cette scène. Je vous l'ai assuré plusieurs fois et depuis longtems que notre patrie, depuis les 20 ans que vous l'avez quittée, a beaucoup varié. Le court séjour que vous y avez fait il y a quatre ans n'a pu en aucune manière suffire pour vous la faire connaître. Vous étiez d'ailleurs alors pressé par le tems, les circonstances étaient délicates, au service vous-même et investi en quelque façon de toute la sphère d'activité dont feu notre ange était le centre, suffisant à peine pour répondre à toutes les politesses de la cour, vous aviez peu le tems d'observer. Acteur vous-même, vous étiez par cela même mauvais spectateur. Aussi avons nous observé que vous avez emporté d'ici des illusions que depuis il vous a fallu perdre. A bien des égards, il vous faudra encore rectifier beaucoup de jugement, que par toutes les raisons sus-dites vous n'avez pu asseoir sur des bases assez certaines. En outre, vous sentez que les grandes secousses que le monde moral et poli-

tique a assuyé (même depuis ces quatre ans) n'ont pas laissé que de produire des variations importantes sur une scène mobile d'ailleurs par elle-même. Toutes ces raisons me font croire qu'il est important et pour votre tranquillité future, et pour la stabilité de la résolution que vous avez à prendre pour détermination définitive, et pour la distineé future et probable de vos enfants, et pour l'achévement de plusieurs petits détails d'affaires domestiques que vous fassiez une ·ournée ici.

Loin de nuire à vos vues ultérieures, quelqu'elles puissent être, cette tournée les consolidera ou y apportera les changemens que vous-même y jugerez les plus convenables.

Il faut toujours se maintenir, comme on dit, *à la hauteur des circonstances*, et vous me semblez très-arriéré. S'il faut, en appuyant ce principe, vous frapper par de grands exemples, je pourrais vous citer celui du cabinet de Vienne qui vient sous mes yeux de déchoir de son rang uniquement par un *anachronisme politique*. Fortement et machiavéliquement attaquée à la façon toute nouvelle du XVIII siècle, elle ne s'est défendue que par les moyens lourds et insuffisants du XV-me siècle. Aussi adieu l'équilibre, et elle a fait la culbute, pour vérifier la chanson:

Qui n'a pas l'esprit de son âge
De son âge a tout le malheur.

Nous verrons à présent comment Berlin s'en tirera, et si par une raison toute contraire, et pour avoir été trop vite en besogne, il ne payera pas ses iniquités longues et ses turpitudes de tout genre,

Patience! Tout y passera. Basta sur ces affaires, dont, grâces à Dieu, je ne m'occupe plus et dont je prie la Providence de ne rien entendre tant que le génie du mal dominera ce pauvre globe, ou que la somme de nos contritions sincères n'égale celle des péchés pour lesquels il est probable que la Providence nous châtie. Mais s'il y a à tout péché miséricorde, espérons que cela finira bientôt. Revenons à nos moutons.

Relativement à ma bonne cousine Catinka, une course ici peut avoir une sorte d'utilité, en lui faisant connaître mieux qu'elle ne l'a pu jusqu'ici, et le local du pays, et les hommes qui y sont. Si la Providence lui garde pour lot d'être établie dans sa patrie, cette connaissance préalable peut influencer gravement sur sa destinée future; si, au contraire, sa chance la fixe ailleurs, il ne lui sera pas indifférent d'avoir vu par ses yeux ce qui en est. Ainsi, de toute manière, je vois à ce projet bien plus d'avantages que de risques ou d'inconvéniens.

Mais, je le répète, ce point de vue de la chose sourit trop à mon imagination pour que je puisse m'y abandonner avec sécurité. Je crains de n'être point assez impartial dans cette discussion, car je suis trop intéressé au bonheur de vous embrasser, pour que ce rayon d'espoir (bien qu'incertain) ne m'éclaire les objets sous un jour trop agréable pour être tout-à-fait véridique et libre de préjugés. Mais s'il y a erreur de ma part dans cette affaire, c'est bien involontairement, car je m'efforce de faire abnégation totale de tout ce qui peut m'être personnel dans cet examen,

pour n'y considérer que vous et vos enfans. Soyez en bien convaincu.

Au sujet du monument dont vous m'avez chargé de vous donner des renseignemens, je vous dirai que:

1) On peut (et mille exemples ici l'attestent) y faire entrer tous les ornemens, tous les attributs de la Fable que l'artiste voudra: cela ne souffre aucune difficulté de la part de nos usages écclesiastiques à cet égard. Le grand-chambellan prince Galitzine vient d'en faire un pour son frère prince Michel où il y a la Foi, la Charité, la Justice avec la balance, et tous les attributs qui y sont dans la Mythologie; ainsi toute liberté sur ce point *).

2) Quant au local où reposent les cendres de notre ange, c'est en entrant dans l'église à droite, presqu'au coin du mur du côté du midi et du mur du fond. Sans rien gêner on peut donner au monument jusqu'à *trois archines quarrées* pour base, ce qui est plus que suffisant.

Voilà pour les données de l'emplacement. Pour ce qui concerne le dessin du sujet, j'ai différé d'en traiter avec Quarenghi (comme vous le désiriez), attendant toujours le retour de notre bon Michel, qui peut à Pétersbourg s'aboucher plus facilement avec lui, que moi d'ici par lettres. Mais je crois que le moyen le

*) Памятникъ въ Москвѣ, въ Голицинской больницѣ, прекраспомъ сооруженіи Козакова, въ свѣтломъ склепѣ подъ церковью. Тамъ же лежитъ и строитель Голицинской больницы, оберкамергеръ князь Александръ Михайловичъ. Къ сожалѣнію, самая церковь подновлена, и не къ выгодѣ художественнаго впечатлѣнія. П. Б.

plus simple pour cela serait que vous fassiez faire des dessins par des artistes du pays où vous êtes, en leur donnant les idées que vous voulez et, après vous être arrêté à un dessin, de l'envoyer soit *à Rome*, soit *à Carrara*, on l'on exécute très-bien ces sortes d'ouvrages, et faisant prix pour le marbre à tant *par Palmo Romano* et pour le travail *à tant* d'après le dessin. Cela vient ensuite par mer, soit à Pétersbourg, soit à Odessa, d'où cela est transporté par le traînage à sa destination, et des artistes Italiens d'ici se chargent de le poser. Le dessin une fois arrêté, il se trouve même ici des marbriers Italiens qui se chargent de ces entreprises, mais qui naturellement se font payer le double, je crois, du prix d'Italie. Voyez si cette manière ne vous paraîtra pas plus simple, et comme rien ne presse, j'attendrai sur cela vos ordres ultérieurs *).

3 novembre.

Voilà que j'apprends, que pendant que notre Michel est expédié en hâte auprès du roi de Prusse, ce prince vient d'être vigoureusement frotté par Napoléon. Heureusement cela aura eu lieu avant l'arrivée là-bas de mon cousin, et si ce que l'on dit ici est vrai, non pas en totalité, mais seulement la moitié, il n'y aura plus de seconde affaire: tant la déroute est complette. Ce nouvel incident est certainement bien malheureux pour

---

*) Этотъ памятникъ надъ могилою графа А. Р. Воронцова въ церкви села Андреевскаго, кажется, такъ и не былъ заказанъ. Въ настоящее время надъ нею лежитъ обнесенная рѣшеткою простая, безъ всякихъ вычуръ и украшеній, бѣломраморная плита, устроенная гораздо позднѣе, уже княземъ Семеномъ Михаиловичемъ Воронцовымъ. П. Б.

les affaires du continent en général, mais pour le compte particulier de la Prusse il n'y a que justice, à ce qu'elle soit punie par où elle a péché. Depuis plus de quatre ans je suis continuellement la voix qui crie dans le désert, que la Prusse se joue de l'Europe et nous trompe constamment. L'écho seul répond à mes cris, et voilà que l'événement me justifie [1]). Rien moins qu'encouragé pour mon zèle, sans doute mal placé (car on ne m'a pas seulement dit: je l'ai reçu). j'ai barbouillé cet été un mémoire sur les circonstances du tems. Je l'ai envoyé au ministre de notre département, parce que je ne connais que les chemins droits [2]). Quand même il ne vaudrait rien du tout, j'ai fait au moins preuve de zèle, et si par hasard il contient quelque idée juste et utile, cela valait au moins un: *je vous remercie*. Je vous en ferai part, si les matières politiques pouvaient encore fixer votre attention après en avoir eu jusqu'a satiété, Il m'a semblé qu'il y avait une sorte de courage patriotique à heurter de front des opinions que je jugeais dangeureuses bien que reçues, et c'est au moment que je voyais qu'on se disposait à renouer chaudement avec le cabinet de Berlin que j'ai cru devoir fixer l'attention sur les détails de sa conduite passée à notre égard. Je savais bien d'avance que ma démarche ne produirait pas grand'chose, mais j'ai voulu tranquilliser ma conscience, qui me disait de

---

[1]) Писавшій подозрѣвалъ ли, что именно это его убѣжденіе относительно Прусскихъ обольщеній и было настоящею причиною того, что его не употребляли на дѣйствительную службу и не захотѣли пользоваться его замѣчательными дарованіями? П. Б.

[2]) Эта записка графа Д. П. Бутурлина, къ сожалѣнію, нами не найдена. Она должна храниться въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и конечно вполнѣ заслуживаетъ обнародованія. П. Б.

parler, et je m'en suis consolé d'avance à l'exemple des anciens scholiastes d'Homère, qui disent souvent: *Il est possible que ma remarque ne soit pas exactement juste, c'est ce que montrera le tems; mais en attendant ma note subsiste, et je la laisse.*

20 novembre.

Vous aurez eu bien de la joie à la nouvelle de l'heureuse délivrance de notre jeune, belle et bonne Imperatrice. Le Ciel lui devait celle marque de Sa bonté, pour toutes ses vertus. Tout le monde eût mieux aimé un fils, mais à présent on peut l'espérer plus probablement, et je me console en chantant un vieux refrain qui dit:

Lorsque l'on voit une Grâce paraître,
Croyez que l'Amour n'est pas loin.

Le baptême doit avoir eu lieu avant-hier; on s'attend à beaucoup de grâces pour cet heureux événement. Comme ambition est insatiable, il y aura toujours des mécontents. C'est l'histoire universelle *).

Toutes les postes de l'étranger sont arrêtées. Dieu sait à présent quand je pourrais avoir de vos nouvelles, qui me sont bien plus intéressantes que tout ce qui peut arriver aux armées prussiennes. On les dit

---

*) Императрица Елисавета Алексѣевна разрѣшилась въ то время вторымъ своимъ ребенкомъ, великою княжною Елисаветою, скончавшеюся въ младенчествѣ, какъ и сестра ея Марія (род. въ 1799). Замѣчательно, что оба эти младенца погребены не въ Петропавловской крѣпости, а въ Александроневской Лаврѣ. П. Б.

anihilées tout-à-fait. Comment diable cela peut-il être l'effet d'une seule bataille perdue? Il est vrai que cette monarchie n'est point assise sur des bases bien solides. L'édifice devenait un peu trop lourd pour n'être que sur des fondements de sable. Et quand la puissance d'opinion vient à être abbattue, on verra que le colosse aux pieds d'argile était trop haut monté.

Les existences factices ne sauraient être de durée. La Prusse montée à ce degré (hors de sa nature) ne pouvait conserver son rang que par une suite de génies comme le Grand Frédéric. Or, de ces êtres-là la nature est avare. Et jamais l'astuce, ni les voies tortueuses de l'intrigue ne pourront tenir lieu du génie.

Mon Dieu, est-il donc si difficile de ne se pas faire d'illusion sur la véritable place que l'on doit tenir dans ce bas monde! Nous voyons tous les jours que la fureur de monter conduit à des chutes dangereuses. Les culbutes de tout genre se multiplient et ne guérissent personne. Concluons de tout cela que l'homme est un animal incorrigible et tâchons dans notre coquille d'être plus sage que lui.

Je ne sais pas si une pièce de vers de ma façon vous est parvenue; mais je sais que je l'ai donnée à Kier pour vous. C'est une larme sur la perte de notre ange, et l'expression de ma douleur ne peut vous être sans intérêt. Oui, Montagne a raison quand il dit: *la douleur est friande.* Voilà à peu près un an d'écoulé depuis cette perte fatale, et tout triste qu'est pour moi ce souvenir, je m'y complais. On n'a pas dans la vie deux fois des attachemens semblables; aussi, malgré la profonde douleur que j'en ressens, mon âme se reporte avec une sorte de jouissance sur tous ces souvenirs.

90.

Moscou, ce 18 janvier 1807.

J'ai perdu un bon ami, et Sa Majesté a perdu un bon serviteur par la mort du prince Pierre Dolgorouky que vous avez connu personnellement. Si jamais nous avons le bonheur de vous tenir ici, je vous donnerai sur lui des détails qui vous le feront regretter encore davantage.

Il y a dix jours que la mort s'est emparé aussi de mon cousin Dachkow. Vous concevrez la douleur de la mère. Je n'entrerai pas dans le détail de plusieurs circonstances qui ne marqueront pas de vous parvenir: la douleur est un sentiment sacré, et je n'y fais jamais entrer des particularités étrangères.

Notre Michel est de toutes les fêtes. Il a été à l'affaire de Poultousk; mais je sais par la comtesse Tolstoy, qui est ici et qui le sait des lettres de son mari, qu'heureusement il s'en est bien tiré. Bon Dieu, quel métier!

Je vous envoye un mémoire que j'ai envoyé au baron Boudberg, notre chef actuel, encore en octobre. J'ai disiré qu'il fût mis sous les yeux de S. M., mais

j'ai lieu de croire qu'il n'y est pas arrivé; car au moins on m'aurait dit si l'on en est content ou non. Ainsi soit-il! Je ne sais pas faire valoir ma marchandise et je n'ai voulu que faire preuve de bonne volonté. A présent il n'est plus de saison, car les données sont toutes changées.

Les circonstances du moment développent chez nous tout plein de nouveautés. Les sacrifices de tout genre semblent ne rien coûter aussitôt que la patrie les réclame. Mais d'une autre part je pense que le gouvernement, assuré de l'importance dont peut être pour lui cette ressource, devrait d'autant plus la ménager, comme un ultimatum. Cette mesure, employée brusquement, n'a pas laissé que de produire dans quelques têtes l'effet contraire à celui qu'on se proposait. Elle devrait, dit-on, *rassurer*, et c'est *l'allarme* qu'elle a répandue. Certainement cela se calmera; mais le premier moment a été un peu brusque par les formes et la brièveté du tems accordé.

Mais quand le patriotisme ne calcule pas, ce serait au gouvernement ensuite à calculer pour lui; et j'aime à croire, que le danger ou le besoin passé, il fournira à toutes les classes de la société les moyens de réparer les brêches sensibles que le besoin du moment a fait dans la pluspart des fortunes. Il y a tel gentilhomme campagnard qui sur moins de cent paysans fournit une recrue réelle, cinq ou six miliciens et leur armement, un contingent plus ou moins fort en argent et par-dessus tout cela quitte encore son gîte et vient servir lui-même dans la milice. Couchez tout cela en

valeur numéraire et voyez ce que cela produit comparativement surtout à son avoir. Il y a tel inscrit dans la troisième guilde de marchands qui sert à 100 ou 130 roubles de gages par an dans des maisons particulières et qui se trouve taxé à 250 roubles de contribution. Tout cela ne peut manquer de se faire sentir à la longue, et à moins d'un surcroît sensible de moyens pour se refaire, la pénurie se fera sentir dans toutes les classes de la société plus ou moins.

91.

Moscou, ce 9 décembre 1810.

Une lettre de vous, bien cher oncle, m'est enfin parvenue. Elle est du moi de juillet, mais elle me réjouit comme si elle était d'avant-hier. Depuis 1807 je n'en avais pas reçues. Dieu soit loué! Vous êtes bien-portant et vous me conservez de l'amitié. Quels siècles se sont écoulés depuis que nous ne sommes vus! Le monde a moins varié depuis Romulus jusqu'à Augustule qu'il n'a changé depuis notre dernière entrevue. Et nous ne sommes pas au bout, et le présent est toujours gros de l'avenir. La volonté de Dieu soit faite!

Depuis le fatal décembre 1805 je suis resté sur la place pétrifié du coup dont toute ma vie je me ressentirai. On n'a pas deux fois dans la vie des affections de cette nature, et avec cette perte j'ai déposé dans l'éternité le peu que j'avais d'espérances et d'illusions mondaines. Je suis resté dans ma coquille exactement concentré dans la vie domestique entre ma femme et mes enfants, où j'ai trouvé (Dieu en soit béni) le seul genre de bonheur que probablement la Providence me réservait. Tout ce qui est au-delà de mon toit n'existe quasi plus pour moi et m'est devenu d'une parfaite indifférence. On me compte encore au service, mais depuis dix ans je n'ai pas été avancé et depuis

quatre ans on m'a retiré mon traitement. A tout cela je n'ai pas ouvert la bouche, et il en sera ce qui plaît à Dieu. Dans tout cela je ne regrette que le tems que, libre, j'eûs pu employer plus utilement pour mes enfants, non point sur leur éducation, mais bien pour leur fortune future. Enfin, le passé est passé; il n'en faut plus parler.

J'ai eu le plaisir de recevoir hier des lettres de Michel. Il se porte bien et s'est couvert de gloire. Balmaine, son compagnon d'armes, est ici et me conte tout cela en détail. Mais je ne peux encore me faire à l'idée de ne plus vous revoir. Dans la combinaison des événemens de ce bas monde, n'y en aurait-il pas une qui nous réunisse, ne fût-ce que pour quelque tems?

92.

Boutourlinowka, ce 24 avril (6 may) 1813.

Mille grâces, mon bien cher oncle, pour votre amicale et charitable lettre du 3 (15) février que je viens de recevoir dans mes déserts Ultra-Tanaïssiens. Ces plages immenses m'ont recueilli avec ma famille, quand le Corse, notre cher associé, faisait de Moscou une seconde Ilion et que les Polonais, à l'instar des Argiens, pillaient la Troye au milieu des flammes. Ainsi soit-il! Malgré la longue série de sottises et de crimes de tout genre que j'ai vu successivement pendant dix ans et qui par une conséquence mathématique devait nous conduire aux résultats que nous voyons, je veux, par charité chrétienne et pour ne charger personne du poids de cette responsabilité, mettre tout cela sur le compte de la Providence, quoique j'ai vu clairement et ai la conviction intime que tout cela et les faits ne sont que nos oeuvres à nous-mêmes.

J'étais avec ma famille passer l'été, selon mon ordinaire, à Belkina, terre à 8 verstes de Borowsk et à 12 de *Малой Ярославецъ*, à 100 de Moscou. Je voyais bien par ma pratique des choses de ce monde que les affaires de guerre prenaient mauvaise tournure. Les bulletins grivois de m-r Rastopchine ne me rassuraient pas. Mais il fallait pour le peuple faire semblant d'y croire, et la police même n'eût point permis un convoi

aussi marquant qui eût répandu l'allarme. Depuis la prise de Smolensk j'ai donc fait bonne mine à mauvais jeu pour suspendre au moins (ne pouvant l'arrêter) une terreur générale, qui pouvait conduire aux plus affreuses conséquences.

Enfin, le canon du 26 août, faisant trembler la terre de mon jardin, d'où, comme de nos fenêtres, nous distinguions la nuit par les feux notre ligne et celle des ennemis (car l'affaire de Borodino a eu lieu à 18 verstes de Belkina) il n'y avait plus rien à attendre. J'ai fait partir le lendemain, 27, toute ma famille pour Toula, où elle m'a attendu, et l'ayant rejointe, nous avons poussé jusqu'ici. Ma femme était grosse; il fallait aller à petites journées et avec des chevaux de paysans que je qualifiais de miens pour que l'on ne nous les ôtat pas. Mon fils aîné servait déjà dans la milice sous les ordres du comte Pierre Tolstoy. Il s'est présenté à l'appel qui a eu lieu en juillet, quand l'Empereur a été à Moscou, à l'entrée de l'ennemi à Vilna. Il continue de servir dans le même corps d'armée, quoique attaché à la suite de l'Empereur dans la partie des gardes *).

Privé de mes lares habituelles de Moscou, j'ai passé l'hyver ici, dans ces mêmes déserts, où Ovide écrivit ses Tristes; mais je n'en suis pas plus triste pour cela. Ma femme vient d'y accoucher très-heureusement d'une jolie petite Hélène, qui certainement ne fera pas brûler Troye. En may nous retournerons passer l'été à

---

*) См. о немъ въ Р. Архивѣ 1885, въ Запискахъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. Это графъ Петръ Дмитріевичъ, отъ котораго пошла Итальянская, окатоличившаяся вѣтвь графовъ Бутурлиныхъ. П. Б.

Belkina, qui a été complettement ravagé, mais heureusement pas brûlé. Je suis très-attaché à cette petite terre, où j'ai eu le bouheur de me marier et où cette année j'espère célébrer 20 années d'un mariage heureux, ce qui n'est pas si commun encore dans le meilleur des mondes possibles. Si rien ne l'empêche, je compte passer quelques mois de l'hyver prochain à Pétersbourg uniquement pour quelques affaires d'intérêt et pour fournir quelques maîtres à mes enfants qui en ont besoin.

Ma bibliothèque anéantie me prive de toutes mes habitudes passées, et il n'est plus possible d'en contracter de nouvelles à 50 ans. Il y aura donc nécessairement du décousu, du vague dans mon existence intérieure et mentale, et il m'est force de remplir ce vide par un surcroît de force morale. Mais, d'une autre part aussi, il y a une sorte de compensation dans le sentiment de la dignité convenable à soutenir ces afflictions et à en tirer tout le parti dont elles sont susceptibles, en les faisant tourner à ma propre tranquillité et à l'exemple que je dois à mes enfants.

Il paraît que nous acquérons beaucoup de gloire martiale, par la fin de cette campagne. Mais une si belle chose ne peut pas se donner pour rien, et les contributions en hommes et autres fournitures ne cessent point.

Quant à la conduite des arrangements avec l'Allemagne dont dépend beaucoup ce qui est à espérer et à redouter pour ce printems, je ne sais absolument qui est le chef de tout cela et quelles sont les données éventuelles que notre Empereur peut avoir sur cette affaire. A tout événement je ne suis pas fâché que cela se traite au quartier-général plutôt qu'à Péters-

bourg, mais il me semble qu'il faudrait avoir déjà éclairci beaucoup avec l'Angleterre, et cela serait sensible par le commerce et le cours du change qui jusqu'à présent ne m'indique rien de tout cela.

Que dites-vous de nos aigles en finances et en commerce et manufactures? Le système prohibitif des objets de nécessité urgente que le pays ne produit pas est une belle conception. Et l'industrie nationale toute dirigée en fabriques dans un pays où la terre demande des bras que la guerre lui ravit continuellement et où cent misérables fabriques n'enrichiront jamais que leurs propriétaires monopoleurs?

Obligé par les bontés de m-r le Corse de remonter toute une maison depuis la cave jusqu'au grenier, je prie ma cousine d'y fournir son contingent par un bon clav ecin royal de *Broadwood* ou dans son genre.

93.

Belkina, ce 20 juin 1814.

Dans cette foule de lauriers qu'on décerne à notre pays, comme sauveur de l'Europe etc., je n'en vois pas plus clair encore sur ma destinée future probable; mais je sens que ma position vague actuelle ne peut durer. Depuis la destruction de mon nid de Moscou, condamné au régime des hirondelles, je ne puis pourtant comme elles venir ici chaque printems pour retourner chaque hyver à Pétersbourg. Mes moyens physiques, moraux et pécuniers n'y suffiront pas; et l'éducation comme les soins de mes enfants de tout âge ne se prêtent point à cette vie nomade. Mais d'une autre part où et comment se fixer? Il n'y a pas encore assez de fixité dans le monde pour avec prudence pouvoir déterminer où planter ses tabernacles. De sorte que je suis forcé de vivre au jour la journée, louant Dieu chaque soir sur le jour écoulé sans malheur et ne faisant aucun projet sur le lendemain.

94.

(1819).

Mon bien cher oncle, salut!

Mille grâces pour votre aimable lettre, trois jours après le mariage de notre bon Michel *). Vous êtes bien assuré que je partage votre juste joie et que la mienne s'accroît même de toute la vôtre. Dieu bénit votre heureuse vieillesse, parce qu'Il est fidèle à ceux qui Lui sont fidèles. Notre Michel aura la même félicité par la même raison et parce que la *ligne droite est une* en religion, comme en géométrie.

Je ne vous dirai pas grand'chose sur moi, parce que le porteur de la présente, mon fils, vous dira sur cela tout ce que vous voudrez. Il vous offrira de ma part une petite image de notre adorable Sauveur que je vous prie d'accepter et de placer près de votre lit pour que j'attrape un souvenir chaque fois que vous y porterez les yeux. C'est par la grâce de ce divin Maître que le véritable amour est indépendant du tems et des espaces. C'est par cette dilection que je partage toutes vos affections et que vous adoptez les miennes. C'est par elle que vous aimez mes enfans que vous ne connaissez même pas, et que j'aime pareillement toute la génération de Catinka. Croyez que, quand vous aurez *la vue*, moi de mon côté j'aurai *la*

---

*) Въ Апрѣлѣ 1819 года, въ Парижѣ. П. Б.

pensée sur ce centre commun de notre amoureuse vénération. Je vois là-dedans un rapprochement mental qui me sourit et me console.—Je compte aller voir Rome et Naples l'hiver prochain; mais, outre ce que l'on se propose et ce qu'on effectue, il y a toujours à supposer la part du diable, de sorte que parlant sagement il convient de dire: *je désire faire telle chose*, mais jamais: *je ferai*. Ce sera sur le retour en Russie de notre Michel et sur la manière dont il s'y arrangera que je pourrais établir quelque espérance de rattraper au vol (et sans doute pour peu de tems) mon fils, au moins pour me conduire d'Italie en France. Je n'ai plus à moi seul la tête pour conduire en route un aussi grand train. Les détails me tuent et, sans avoir encore l'écaille de la tortue, j'en ai déjà, je crois, toute l'immobilité. *L'esprit est prompt* encore (parfois), *mais la chair est faible* (toujours).

Comme il faut bien remplir sa journée par quelque chose, je me suis mis à refaire une bibliothèque. Je sens bien dans cette occupation que je travaille pour mes enfans, plus pour mes enfans que pour moi-même; car en lumières de l'esprit on n'acquiert guère à mon âge, mais dans cette besogne je retrouve parfois le calme du coeur et surtout une distraction utile qui m'éloigne du courant du siècle. Cicéron, Dante, Pascal etc. me sont de meilleurs amis et bien meilleure compagnie que les plus illustres de nos jours. Je ne vois rien à gagner à tout ce que nous avons vu depuis vingt ans que la certitude d'une grande masse de sottises (qui ne sont pas finies à mon jugement). Encore si elles étaient gaies! Mais Dieu n'accorde la gaîté qu'aux âmes pures, et cela n'est pas commun, de sorte qu'il vaut mieux vivre avec les livres qu'avec

le commun des hommes. On a assez des siens pour n'être pas isolé, et le reste n'a qu'à aller comme bon lui semble.

Vous aurez sans doute regretté le bon Tamara qui eût pu, dans un meilleur climat, conserver encore sa toux, qui au Nord a dégénéré en pulmonie et l'a emporté. Sa perte et celle du comte Léon ont beaucoup affecté notre amie commune m-me de Zagriajsky. Que faire aux vicissitudes de tout genre qu'on éprouve en viellissant? Se soumettre de bonne grâce et ne pas prétendre à plus qu'il nous est octroyé. Je ne sais quel buveur-philosophe comparait la vie humaine à un tonneau de vin: l'écume est en haut et toujours est trouble, la lie est au fond et toujours amère; il n'y a de vraiment bon que le milieu. Mais ce milieu passe si rapidement qu'à peine a-t-on le tems de le déguster.

Heureux qui, comme vous, mon bien cher oncle, peut en vrai Nestor chrétien offrir une vie longue et pleine également dans la vue de Dieu et des hommes! Chêne antique, reverdissant dans les tendres rameaux de vos enfans, vous descendrez couronné d'une verdure nouvelle qui embellira vos cheveux blancs. *Дивенъ Богъ во святыхъ Его!* Mais c'est par cela même que Dieu est juste que cela n'est pas donné à tout le monde. On ne peut recueillir que ce que l'on a semé, et j'en vois beaucoup qui dans la vieillesse ne trouveront dans leurs greniers que du vent, si ce n'est des regrets ou même des remords. Ainsi soit-il! Ce n'est pas notre affaire.

Plus jeune je riais des sottises du monde; à présent je demande à Dieu d'oublier les passées et d'ignorer les actuelles. Ma famille autour de moi, des fleurs,

des livres et un peu de santé (car je ne demande plus celle que j'avais), et je bénirai ma destinée. Tous les points de la terre sont indifférents. La terre et tout ce qu'elle contient appartient au Seigneur, ainsi je suis partout également dans Ses domaines et sous Son regard. Il n'est pas donné à chacun de sacrifier sur les lieux hauts, et l'encens de l'humble vallée de Rama monte comme celui des hauteurs arides de Gelboé. Dites-moi de finir, mon cher oncle; car avec vous je me laisse emporter par mes folles *lucubrations*. Basta, aimez moi et faites-moi aimer par tous mes chers parents, par Catinka. Vale et ama.

C. D. Boutourlin.

95.

Florence, ce 5 (17) juin 1821.

Mandez-moi, je vous prie, sans tarder, si cet hyver vous viendrez à Paris; car je voudrais bien vous voir encore ici bas, et pour remuer mon train de maison il faut des mois de préparatifs. Ma volonté est forte sur ce point, mais les embarras ne le sont pas moins, et voilà pourquoi je désire le savoir à tems. Me trouvant d'ailleurs si bien de ce climat, j'ai une crainte vague de changer mon *statu quo* du moment. Quand on frise la soixantaine, il est force de devenir prudent et un peu craintif. Les marionettes du monde sont prisées à leur juste valeur, et l'on n'est guères tenté de se déplacer pour au fond ne voir qu'une variété de farces. A égalité de sottises il est possible que Brunet et Potier soient plus amusants que les acteurs de Treteaux, plus élevés que le monde a vu ces dernières années. J'en parle en aveugle et purement au hasard; car, grâces à Dieu, je n'ai vu de près ni les uns ni les autres, et mon jugement n'étant que de simple induction, je l'abandonne pour ce qu'il est.

Каждое дѣло красно концемъ, et je ne vois même pas à dire comme l'ex-évêque d'Autun que ce soit le commencement de la fin. Dans tout ce qui se passe ma faible vue ne voit encore que des actes transitoires qui se succèdent les uns au autres. Ce sont des moyens, mais pas un but positif. Sur différents points du globe

et de diverses manières, je vois une lutte bien établie entre l'arbitraire qui deffend ses longues usurpations d'une part et la lassitude de l'oppression qui (juste dans son principe et égarée jusqu'à l'anarchie) deffend ce qu'elle croit la liberté et naturellement cherche de la marge pour au besoin en pouvoir rabattre. Mais comme le passé n'est au pouvoir de personne, il en résulte nécessairement que *le peu qui est fait* en quelque lieu sera toujours un point de mire et un appât pour les lieux où *il n'y a rien de fait.* Les gouvernements où il y a plus ou moins *du positif* seront inévitablement un objet de comparaison pour ceux soumis animalement au *vague de l'arbitraire.* Et comme probablement les premiers ne reculeront pas (car je nie l'existence du mouvement rétrograde dans le monde), ce sera les derniers qui s'efforceront d'avancer pour qu'il y ait une sorte de parité dans ce mouvement général de l'univers, qui par les loix mêmes de la création marche vers sa fin fixée dans la vue du Créateur dans la plénitude des tems. C'est une sorte de gravitation morale qui n'a pas encore trouvé son Newton, mais qui n'en agit pas moins, malgré notre ignorance et les criminels obstacles que notre ridicule présomption tentent d'y opposer. C'est l'ancien combat d'Oromase et d'Arimane. Vérité éternelle et universelle, consacrée dans toutes les mythologies et qu'on retrouve dans les traditions de tous les peuples.

Nous avons vu l'issue des affaires d'Italie tout à l'heure. Il convient peut-être à plusieurs intérêts de nommer cela un *dénouement*; pour ma part, je n'y vois qu'une halte avec *un ajournement* à terme non fixe, mais inévitable. L'humanité y a peut-être gagné par moins de sang répandu pour le moment; mais il me semble

que la moralité du monde en général y a terriblement été entamée par l'émission de règles toutes nouvelles et par la possibilité constatée de quelques faits que jusque là on présumait absolument hypothétiques. Gouvernans et gouvernées ont dans le mouvement spontané de cette affaire présenté des parties de leur côté faible, qui désormais constatés ne seront plus perdus dans les moyens de défense.

L'affaire des Turcs et des Grecs ne sera pas aussi facile ni à résondre véritablement, ni même à plâtrer pour en masquer au monde la vraie essence. Après celle-ci il est probable qu'il s'en présentera d'autres qui couvent sous la cendre: celle du Brésil, celle de colonies en genéral, enfin, que suis-je? Prions le Maître de la vigne qu'Il y envoye de bons ouvriers, car la besogne ne manquera pas.

ПИСЬМА

ГРАФА

А. Р. ВОРОНЦОВА

КЪ ЕГО ПЛЕМЯННИКУ

КНЯЗЮ

МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ

ВОРОНЦОВУ.

1803 — 1805.

1 *).

Получилъ 24 Октября 1803.

Voici un passeport de votre régiment que vous avez apparemment oublié de prendre, puisqu'on l'a envoyé à la maison lorsque vous étiez déjà parti. J'espère que celle-ci vous trouvera déjà arrivé à *Tiflis*.

L'Empereur est revenu des manoeuvres très-content de tout ce qui y a été fait. Il y a une liste énorme des récompenses faites à l'occasion de ces manoeuvres. Je vous envoye cette liste. Une bataille gagnée ou une fameuse forteresse prise d'assaut n'aurait pas pu occasionner plus de dons.

S-t Pétersbourg, 14 septembre 1803.

---

*) Двадцати лѣтъ отъ роду, въ 1801 году, князь М. С. Воронцовъ пріѣхалъ въ Россію изъ Англіи и, поступивъ въ Преображенскій полкъ, жилъ въ Петербургѣ у своего дяди-канцлера. За тѣмъ, въ то время какъ онъ началъ свое боевое поприще въ Грузіи, дядя его удалился въ село Андреевское. Тамъ навѣстилъ его молодой племянникъ въ 1805 году, по возвращеніи изъ Персидской войны, и съ тѣхъ поръ они больше не видались, такъ что по времени были они вмѣстѣ весьма недолго. П. Б.

2.

Получилъ 24 Октября 1803.

Je sors pour me mener en voiture et hier j'ai même un peu marché; mais le vent qu'il faisait m'a empêché de se promener longtems.

J'espère que vous tâcherez de mériter l'amitié du prince *Сиціановъ*. Je crains bien qu'il ne quitte: ce sera une bien grande perte.

Nous n'avons rien de nouveau ici. J'ai entendu parler du *приказъ* donné aux gardes au sujet d'un officier nommé Ртищевъ, par lequel on le place dans un régiment de campagne pour avoir mis le chapeau devant un officier en grade supérieur. On dit que ce *приказъ* a mécontenté tout le corps d'officiers et que ce m-r Ртищевъ était un très-bon officier.

3.

Получ. 25 Окт. 1803.

Je viens de recevoir des lettres de Londres pour vous, mon cher Michel, que je vous envoye. Catinka et miss Jardine sont allées faire une assez grande tournée par l'Angleterre qui durera six semaines, à ce que mon frère me marque. Nous n'avons rien de nouveau ici. Je suis sorti avant-hier pour la première fois, ayant été chez l'Empereur.

S-t Pétersbourg, 2 octobre 1803.

4.

Получ. 3 Дек. 1803.

Voici, mon cher Michel, des lettres que j'ai reçues pour vous de Londres. Je suis on ne peut pas plus content de celle que j'ai eue de l'Astrakhan et que vous y avez laissée en partant chez le maître des postes. J'espère recevoir bientôt des nouvelles de votre arrivée au Caucase et ensuite à Tiflis où je vous prie d'avoir soin de vous: il y règne des fortes maladies.

L'ambassadrice d'Angleterre est arrivée de Londres sur une frégate anglaise; elle a vu souvent mon frère.

Quant aux dons faits à l'occasion des manoeuvres et de la récompense des notres généraux militaires avec celle de *Кологривовъ*, je vous dirai que le c-te de *Tolstoy* a prié de le dispenser pour cette fois-ci de l'ordre d'Alexandre qu'on voulait lui donner, en disant que cela avait l'air comme si c'était pour cela qu'il ne quittait pas; il s'est conduit avec beaucoup de noblesse.

S-t Pétersbourg, 26 octobre 1804.

5.

Получ. 12 Декабря 1803.

Ayant à écrire au prince Цицiановъ, je n'ai pas voulu laisser passer cette occasion sans vous écrire aussi, mon ami. Je me porte bien. Depuis la dernière que je vous ai envoyée, je n'ai pas eu de lettres de votre père. Ici nous n'avons rien de nouveau. Il y aura pour l'été prochain des rassemblements de troupes et différents corps d'armes: c'est une mesure de précaution, et peut-être seront nous assez heureux que cela se bornera à des démonstrations, n'en déplaise à vous, m-rs les militaires, qui voulaient toujours guerroyer.

Ce que vous me dites dans une de vos lettres du peu de soin qu'on a aux quarantaines, ne m'étonne pas. On dit cependant qu'à Tiflis la maladie a cessé.

S-t Pétersbourg, 6 novembre 1803.

6.

Получ. 24 Генв. 1804.

Vous m'avez marqué de *Моздокъ* que la quarantaine ne s'observant pas trop bien, vous devrez le dire au prince Сициановъ qui pourra y remédier.

L'Empereur m'a demandé si j'avais de vos nouvelles. Il nous manque quantité de postes d'Angleterre.

Le jeune Nicolaï part aujourd'hui pour Londres.

Les Français allant toujours en avant et vexant les villes anséatiques, il n'est pas possible que nous puissions rester longtems passifs; aussi fait-on des préparatifs pour se mettre en posture, et je ne répondrai pas qu'au printems prochain nous n'entrions en lice.

M-r de Marcow a demandé et obtenu son rappel. Il a eu des scènes avec le Premier Consul. L'Empereur en le rappelant a voulu lui donner une marque publique de la satisfaction qu'il a de sa conduite et de son service, l'a décoré de l'ordre de S-t André. Son secrétaire restera à Paris comme chargé d'affaires, et je trouve qu'on n'a pas besoin de se presser trop d'y envoyer un ministre.

S-t Pétersbourg, 18 novembre 1803.

7.

Получ. 24 Генв. 1804.

J'ai été bien charmé, mon cher Michel, de vous savoir à *Тифлисъ* et de l'accueil que le prince Сиціановъ vous a fait et pour lequel je ne manquerai pas de le remercier. J'ai montré votre lettre à l'Empereur qui l'a toute lu et qui à cette occasion m'a dit tout le bien possible de vous.

A la fin de janvier je compte aller à Moscou.

Faites mes compliments au prince *Сиціановъ* et dites lui que je me propose, après avoir pris les ordres de l'Empereur, de lui écrire amplement sur peu de jours.

S-t Pétersbourg, 25 novembre 1803.

8.

Получ. 24 Генв. 1804.

J'ai trouvé votre dernière lettre si intéressante et si bien écrite que je l'ai montré à l'Empereur qui l'a lu en entier, et à cette occasion S. M. m'a fait votre éelog.

S-t Pétersbourg, 8 décembre 1803.

9.

Получ. 8 Февраля 1804, въ Тифлисѣ.

Un courrier du prince de Сиціановъ vient d'arriver et m'a apporté votre lettre, mon cher Michel, par laquelle je vois avec plaisir que vous vous portez bien, que l'argent vous est déjà arrivé et que vous vous proposez d'aller à l'expédition projetée qui, j'espère, réussira, et vous en reviendrez en parfaite santé.

Il y a une dixaine de jours que j'ai envoyé un courrier au prince Сиціановъ, et à cette occasion je vous ai envoyé trois mille roubles pour les six premiers mois de l'année. Je les ai fait changé en ducats d'Hollande, et cela a produit 850 ducats. Accusez m'en la réception.

Boutourline et m-r Татищевъ vous saluent. Le premier se mettra en route d'abord après mon départ, qui aura lieu sans faute à la fin de janvier. Il faudra que vous adressez mes lettres pour moi à Moscou sous l'enveloppe de m-r *Рушковской* въ Московскомъ Почтамтѣ. Votre père partira de Londres au mois de juin ou de juillet, il ne sera à Pétersbourg que vers le mois d'août. Il habitera la maison où je demeure, et je suppose que vous vous arrangerez pour revenir ici vers le tems que votre père sera ici et vous partirez alors pour *Андреевское* que j'habiterai alors.

Il faut que vous me marquez si j'ai bien fait de vous faire parvenir votre argent jusqu'au mois de juillet en ducats, pour me régler alors comment vous le faire parvenir après le mois de juin.

Nous avons des froids assez marquants. Je suis on ne peut pas plus content de vos lettres qui sont bien écrites et, ce qui m'a fait plaisir, avec beaucoup de sens et de raison. Il faut que vous sachiez que je les montre presque toujours à l'Empereur, qui les lit avec plaisir. Il faut que vous sachiez que je ne puis assez me louer de lui et que c'est réellement à regret que je le quitte.

P. S. Le jour de l'an nous avons eu les fiançailles de la grande-duchesse Marie avec le prince de Weimar. Il y a eu grand dîner à la cour de plus de trois cent couverts on ne peut pas mieux servi, et bal au soir dans la salle de S-t George. Le bal était on ne peut pas plus brillant. Le lendemain bal chez l'Impératrice-mère et le Dimanche grande mascarade ou bal paré. Ce qui vous surprendra, j'ai dansé trois polonaises avec l'Impératrice régnante et les deux grandes-duchesses.

Le jour de l'an l'Empereur m'a fait present d'un très-beau crachat, l'ordre de S-t André en diamans, et l'Impératrice-mère—d'une boîte garnie en diamans avec son portrait. J'ai mis l'ordre et le crachat en diamans le jour qu'il m'a été donné, et à présent je ne le regarde plus à moi, parce qu'il est destiné à Catinka pour lui arranger un collier ou autre garniture en diamans.

5 janvier 1804, S-t Pétersbourg.

10.

Получилъ 18 Февраля 1804, въ Тифлисѣ.

Le prince Сиціановъ me marque que vous vous exposez assez. Quoique cela ne peut que m'inquietter, je n'ai rien à dire pourvu qu'il aye de la mesure au métier que vous avez embrassé. Il n'y a pas autre chose à faire; je voudrais que vous pensiez cependant que mon frère et moi nous n'avons que vous et Catinka.

L'Empereur vient de me dire que le prince Сиціановъ lui a écrit combien vous vous étiez distingué, ce que je marque à votre père, ce qui sûrement lui fera plaisir.

On dit que le Jour des Rois les troupes ont fait ici une très-belle parade.

11.

Получилъ 18 Февраля 1804, въ Тифлисѣ.

J'ai reçu hier un rescript très-flatteur de l'Empereur, où il me marque sur quel pied il consent à mon absence. Je vous en enverrai une copie la poste prochaine; outre cela il m'a écrit une lettre autographe qui accompagnait une très-riche boîte avec son portrait. Je compte quitter Pétersbourg sans faute le 7 ou le 8 de février.

Votre père désire que vous retourniez ici pour le tems qu'il sera ici. Je crois que vous ferez bien de quitter la Géorgie vers le mois de mai. Peut-être, l'été prochain trouverez-vous de l'occupation militaire, même vers nos contrées.

Si vous partez au mois de mai, vous pourrez passer par Андреевское, rester avec moi une dixaine de jours et ensuite venir ici. З. Н. Постниковъ a reçu, à ma prière, l'ordre de S-te Anne de la 2 classe, et *Родофиникинъ*, qui avait le même ordre, a eu la croix en diamans. Toute ma chancellerie a été gratifiée. Je prends avec moi Постниковъ, Булыгинъ et encore un écrivain et quelqu'un pour écrire et me lire en français.

P. S. Votre père se propose de revenir par mer jusqu'à Gothenbourg. C'est fort sage, et Catinka désire aussi de faire ce trajet plutôt que de traverser la France.

19 janvier 1804.

12.

Получилъ 18 Февраля 1804, въ Тифлисѣ.

Dans une huitaine de jours, j'espère partir d'ici et me faire une fête d'être à Andréewskoy, pour ma santé surtout; car c'est le principal motif de ma retraite. Je vous avoue que c'est avec le plus sincère regret que je quitte l'Empereur, qui m'a comblé de marques d'amitié et de bonté. Je vous ai écrit par m-r Yakowlew qui accompagne un envoyé de Imérétie, et je vous ai envoyé par le même Yakowlew une cassette contenant 500 rbs en or. C'est m-r Ryndine qui vous les envoye pour que vous en achetiez des cheveaux pour votre père.

Ce 28 janvier 1804.

13.

Получилъ 2 Марта 1804, въ Гори.

Nous avons reçu la nouvelle de la prise de *Ганжа* qui nous a causé beaucoup de joie: l'Empereur en a été très-content. Le prince Сиціановъ a été fait général en chef. J'espère qu'il renoncera à l'idée de quitter le service et qu'il achevera en Géorgie tout ce qu'il lui a été commis d'entreprendre. J'espère qu'il se rendra à mes représentations et plus encore aux choses flatteuses qu'il recevra de l'Empereur.

Je laisse votre appartement et ce qui y est sous la direction d'Аѳанасій, qui reste dans la maison, et votre argenterie sera avec des effets. Je l'ai laissé à Кирила Степановичъ qui vous les remettra quand vous serez ici. Écrivez moi en adressant vos lettres à Moscou au directeur de poste de cette ville. Quant à celles pour votre père, adressez les Константину Константиновичу Родофиникину: il reste dans la chancellerie du prince Czartorisky, et il expédiera vos lettres pour Londres.

Quant à votre retour ici, je crois qu'il faudra que vous en écrivez à m-r *Lieven*, afin qu'il en obtienne la permission de l'Empereur, ou que vous vous adressiez pour cela à m-r *Сиціановъ*. J'en ai parlé à l'Empereur, et vous ferez bien de vous arranger pour être ici au mois de mai ou de juin.

Hier il y a eu un superbe feu d'artifice que la cour a donné, mais je n'y ai pas été ayant bien de choses à faire avant mon départ.

5 février 1804.

14.

Получилъ 29 Октября 1804, въ Тифлисѣ.

Je vous félicite, mon cher Michel, avec votre avancement au grade de capitaine et avec la décoration de l'ordre de S-t Géorge. Tout cela doit vous flatter, puisque c'est uniquement votre conduite qui vous a procuré ces avantages. L'Empereur, de qui j'ai reçu ce tems-ci une lettre, me parle de vous avec éloge. Tout cela est très-consolant pour mon frère et moi; mais je serai encore plus content si je vous voyais ici. L'ordre sur votre retour, à ce que j'apprend, n'est pas parvenu à Тифлисъ: le courrier n'ayant pu y passer, on me mande de Pétersbourg qu'on va envoyer à ce sujet un *duplicata* au prince Сиціановъ. J'espère que ce feldyeger au moins parviendra à Тифлисъ. Je vous prie, mon ami, dès que vous le recevrez, de ne pas tarder à revenir. Je crains en attendant que vous ne soyez sans argent; je n'ai pu vous l'envoyer croyant que vous quitteriez la Géorgie, et à présent même je ne sais comment vous faire passer l'argent, supposant que vous quitterez la Géorgie si le *duplicata* sur votre retour y est arrivé. J'écris donc pour y suppléer au pr. Сиціановъ avec prière qu'il vous avance l'argent dont vous pourriez avoir besoin; vous n'avez plus de cent mille r.: c'est une bonne lecon.

Bonaparte a eu encore quelques complots contre lui, et on a profité pour impliquer dans cette affaire le général Moreau qui lui donna de l'ombrage depuis longtems; il sen défera, je crois, juridiquement, ou pour mieux dire, très-injustement, mais avec des formes judiciaires.

Moscou, 9 mars 1804.

15.

Получилъ 29 Марта 1805, въ Горн.

Mon cher Michel. Je quitte cette nuit Moscou pour aller à Андреевское et je n'ai pas de tems à perdre, car les chemins se gâtent. J'espère que l'air de la campagne me remettra et je compte m'occuper beaucoup du soin de ma santé. Le maréchal Soltikow a demandé à quitter le commandement de Moscou, ce qui lui est accordé, et c'est m-r de *Bekléchow* qui le remplace. Boutourline n'est pas encore parti de Pétersbourg, ses affaires domestiques si dérangées y ont mis obstacle; il se trouve qu'il doit énormément. Marquez moi ce que vous aurez pris de lui à fin que je le lui fasse passer. L'année prochaine vous pourrez trouver une autre occupation militaire, car il est très-probable que nos armées agiront en Europe, ce que je vous dis pour vous seul.

Je suis bien impatient de vous revoir. Votre père est aussi bien inquiet sur vous: toutes ses lettres me le marquent. Vous savez déjà qu'il est resté en Angleterre jusqu'à l'été prochain: c'est l'Empereur qui l'a désiré.

16.

Получилъ 9 Іюня 1805, въ Петербургѣ.

M-r de Ryndine et le comte de Zawadovsky me marquent, mon cher Michel, votre arrivée à Pétersbourg et qu'ils vous ont vu. Je suis bien charmé de l'apprendre, et j'espère que la poste prochaine m'apportera de vos nouvelles que je suis bien impatient de recevoir. Marquez moi comment est-ce qu'à Moscou *Беклешовъ* vous a reçu et de même comment vous avez été reçu à Pétersbourg et si mes lettres à l'Empereur et à l'Impératrice-mère leur ont été remises.

Vous m'avez parlé de Moscou d'un ouvrage sur la Géorgie fait par un prince géorgien et où le pr. Цицiановъ est assez mal traité. On l'a cherché en vain à Moscou: on dit qu'il est supprimé à Pétersbourg. Je vous prie donc, mon ami, de chercher cet ouvrage chez le libraire à Pétersbourg et de m'en envoyer un exemplaire.

Marquez moi, mon ami, si en passant par *Nowogrod* vous avez vu notre *parent Иванъ Алексѣевичъ.* Je vou-

drais aussi que vous me marquez si vous avez vu m-r de *Чичаговъ* après votre arrivée à Pétersbourg, s'il est en bonne santé; car il y a longtems que je n'ai pas reçu de ses lettres.

Je voudrai que vous alliez aussi voir le comte de Strogonow le père; c'est un très-ancien ami de moi.

Marquez moi comment est-ce que m-r de Kotchoubey vous a reçu et si sous avez été présenté à l'Impératrice-mère. Je me porte passablement n'ayant aucune douleur. Je suis assis quelquefois sur mon balcon.

Николай Алексѣевичъ Воронцовъ est arrivé ici depuis quelques jours. Sa société m'est fort agréable.

Matrénina, 1 juin 1805.

17.

Получилъ 16 Іюня 1805.

Je voudrais que lorsque vous vous trouvez incommodé que vous preniez Pommo qui est habile et soigneux; en outre, il m'est très-attaché, de manière que je suis sûr qu'il ne vous négligera pas. J'espère que d'abord que vous aurez été rétabli, vous n'aurez pas manqué de vous adresser à m-r de Zagriajsky pour savoir le tems que vous pourrez être présenté à l'Impératrice-mère: c'est une chose qu'il ne faut pas négliger.

Le pr. Цицiановъ a beaucoup d'ennemis et d'envieux chez nous. Je ne suis pas étonné qu'on le calomnie. Le prince Wolkhonsky, qui est revenu de Géorgie, ne manquera pas aussi par ses parents de porter des coups fourrés au pr. Цицiановъ, et lequel, j'espère, restera encore en Géorgie. Je suis convaincu que les affaires de cette contrée se désorganiseraient s'il la quitte. J'espère que vous ne manquerez pas de lui écrire.

Matrénina, 8 juin 1805.

18.

Получилъ 9 Іюля 1805.

Je suis très-content des détails que vous me donnez, mon cher Michel, de votre voyage à Pawlowsk et de l'accueil gracieux que vous y avez éprouvé. L'Impératrice-mère a eu la bonté de m'écrire; elle me parle de vous avec éloge et me dit aussi qu'elle vous a permi de venir chez elle quand vous voudrez. J'espère, mon cher Michel, que vous ne manquerez pas de profiter de cette marque de bonté de l'Impératrice-mère et que vous irez de tems en tems à *Павловскъ* lui faire votre cour.

Vous avec très-bien fait d'avoir pris le loyer désirant pour votre logement: je vous en avais parlé encore avant votre départ. Si cette maison se vend à m-r *Teplow*. comme vous l'aurez pu apprendre de Кирила Степановичъ et de Дилигенской, il faudra qu'on vous arrange un appartement dans la maison du *Санковской* qu'on doit préparer pour mon frère, qui, j'espère, arrivera au mois de juin ou de juillet de l'année prochaine. La maison est faite de manière qu'on laissera l'étage d'en haut pour mon frère et le bas pour Catinka et m-elle Jardine. Vous pouvez avoir un logement commode dans l'aile sur la cour qui tient au corps du logis.

Matrénina, 30 juin 1805.

19.

Получилъ 30 Іюня 1805, въ Петербургѣ.

Le prince *Чарторижской* me marque, mon cher Michel, que l'Empereur a été très-content de la conversation qu'il a eu avec vous et qu'à différentes reprises il a fait votre éloge.

20.

Получилъ 14 Іюня 1805, въ Петербургѣ.

Ce que vous me marquez des succès du pr. Циціановъ, le pr. Чарторижской me le marque aussi. J'espère qu'on fera quelque chose par le pr. Циціановъ et qu'il continuera à rester en Géorgie, où il est si utile. Quant à l'acharnement qu'on a contre lui et dont vous me parlez, cela ne fait sûrement honneur à l'esprit public qui règne à Pétersbourg.

Relativement au terrain que je désirais d'acheter de m-rs de Нарышкинъ et dont vous me parlez, je n'ai jamais entendu autrement qu'autant que cela pouvait leur convenir avec le terrain que l'Empereur m'a donné et celui que j'ai acheté l'année passée. J'espère pouvoir arranger que les habitants de toutes nos *слободъ*, au moyen de leurs переселеній, seront très-bien arrangés; mais il faut deux ou trois ans pour cela. Si on pourra y ajouter le terrain que je désire d'acheter d'*Александръ Львовичъ*, cela nous arrangerait encore.

Marquez moi comment a été la fête de la Bourse et si le ministre de commerce n'y a pas fait quelque incohérence.

Matrénina, 7 juillet 1805.

21.

Получилъ 27 Іюня 1805.

Si vos militaires sont guerroyants, le public ne l'est pas du tout, à ce qui paraît. Je suppose qu'à la fin d'août vous aurez des manoeuvres, et avant peut-être on vous fera camper. J'espère que si vous en aviez eu le tems, vous serez aller vous promener à Mourina.

Le marechal Soltikow H. Ивановичъ est arrivé pour ses terres à 18 verstes d'ici. On dit qu'il n'y restera que 7 à 8 jours.

Je viens d'apprendre que le prince Циціановъ a reçu de l'Empereur une аренда de 8 mille r. de revenus et l'étoile et la croix de S-t Alexandre en diamans. Je suis bien aise surtout qu'il a eu cette аренда.

Matrénina, 21 juillet 1085.

22.

Je viens d'éprouver un chagrin sensible par la mort de mon valet de chambre Klime. J'étais extrêmement habitué à lui, et il m'était singulièrement attaché; en outre, il avait beaucoup d'intelligence. Il était déjà dans un état assez désespéré lorsque vous étiez à Matrénina. J'étais préparé à le perdre, mais cela ne m'affecte pas moins.

Ma lettre pour vous, mon cher Michel, était déjà mise dans le paquet général, lorsque je reçois la vôtre,

qui m'apprend que vous êtes destiné à être du corps sous les ordres du comte de *Tolstoy* qui va s'embarquer. Le choix, que l'Empereur a fait lui-même de vous, doit vous flatter assurément. Je fais des voeux, mon bon ami, pour que le Ciel vous conserve et je suis charmé que vous servirez sous un bon chef; il n'y a que la navigation de la Baltique qui m'inquiette, car au mois d'août elle commence déjà à être mauvaise.

Vous prendrez de m-r Ryndine de l'argent de mon frère, tout ce qu'il faut pour s'équiper. Je doute que cette lettre vous trouve encore à Pétersbourg. Écrivez moi, mon ami, à fin que je n'aye pas des inquiétudes sur vous; je vous écrirai aussi en envoyant mes lettres à Pétersbourg.

Avant de partir vous auriez dit vos intentions à *Дилагинскій* sur tout ce que vous laissez à Pétersbourg, et il s'y conformera.

Je ne crois pas du tout, ainsi que vous, que tout cela se terminera par cette campagne. *Bonaparte* n'est pas homme à être réduit si facilement. Je compte un peu sur l'étoile de la Russie qui a veillé sur nous depuis la mort de Pierre-le-Grand.

Pour le commencement de l'année 1806, j'aurai soin de vous faire toucher pour l'année 1806 les six mille r. que vous recevez de moi.

Matrénina, 12 août 1805.

23.

Je n'ai pas reçu l'estampe promise par m-r Кретовъ: apparemment qu'il me l'a donnera lorsque je serai à Moscou.

Quand vous serez sur les lieux de votre destination. même si vous allez ensuite en avant, il sera facile de vous faire passer de l'argent par Hambourg où il y a d'excellents comptoirs et banquiers; c'est à quoi je pourvoirai l'année prochaine et pour le commencement de janvier.

Dans cette partie où vous allez, les postes sont établies; il vous sera donc facile d'écrire à votre père et moi, en nous informant de l'état de votre santé. Vous sentez bien que votre père, Catinka et moi ne seront pas sans inquiétudes.

Vous aurez occasion de voir les troupes suédoises; peut-être que le roi lui-même y viendra.

Matrénina, 18 août 1805.

P. S. Je joins ici un billet de ma part à m-r *Bergine*, auquel j'écris qu'il vous paye tout de suite cinq-cent ducats de Hollande. Vous n'avez qu'à lui porter vous-même ce billet et recevoir de lui ces cinq cent ducats. Je suis fâché de ne pouvoir pas faire davantage dans ce moment-ci; mais tous mes arrangements domestiques et surtout l'acquisition des terrains pour améliorer l'état de nos paysans m'a extrêmement arriéré pour cette année et l'année prochaine. Si cette

lettre ne vous trouve plus à Pétersbourg et que vous la recevrez en Poméranie, brûlez ce billet pour *Bergine* et marquez le moi; je vous euverrai ces cinq cent ducats en Poméranie.

24.

Получилъ 1 Сентября 1805.

J'espère qu'en quittant Pétersbourg vous ne serez pas moins exact afin de me tranquilliser à votre sujet. Il me paraît que votre embarquement se fera longue: la saison pour la navigation sera déjà mauvaise.

Ce que vous me dites du mariage de m-me Rgewsky m'étonne beaucoup: c'est une femme qui s'est toujours très-bien conduite et qui a mérité l'estime de ceux qui étaient à portée de la connaître. Il faut donc qu'elle aye des motifs pour faire cette démarche: cela ne peut pas être par passion, puisque l'homme doit être assez âgé *).

Matrénina, 25 août 1805.

*) Говорится о вторичномъ выходѣ въ замужество Глафиры Ивановны Ржевской (урожд. Алымовой) за Француза Маскле (См. ея Записки въ Р. Архивѣ 1871 г.) П. Б.

25.

Matrénino, 31 août 1805.

Voici une lettre que la princesse Дашкова m'a adressée pour vous. Elle me marque être fort contente de celle que vous lui aviez écrite. Je doute que ce paquet vous trouve encore à Pétersbourg, mais je recommande qu'on l'envoye où vous serez.

Je ne cesserai de faire des voeux pour votre conservation, mon bon ami. Écrivez-moi le plus souvent possible à fin de ne pas augmenter mes inquiétudes.

J'ai appris que le fils d'Александръ Львовичъ était aussi de cette expédition, ce dont je suis bien aise pour vous.

Deux de vos lettres, mon bon ami, viennent de m'arriver. Je vous remercie de cette exactitude et du livre sur la Géorgie que vous m'avez envoyé.

1. septembre 1805.

26.

Получилъ 1-го Ноября 1805, въ Шверинѣ.

Je serais charmé d'apprendre que la reprise au service de m-r Ляптевъ se confirmât.—On a copié ici beaucoup de musique pour vous; je le ferai garder ici et je vous l'enverrai lorsque vous serez de retour à Péterbourg.

Matrénino, 15 septembre 1805.

P. S. Je viens de recevoir, mon bon ami, deux de vos lettres du 5 et 8 septembre. Je vous remercie de votre exactitude à m'écrire, puisque vous devez aller. Je suis fâché qu'on tarde si longtems à vous embarquer. Est-ce que le neveu du comte de *Завадовской* est aussi de votre corps.

Vous avez tort d'avoir pris si peu d'argent. Vous auriez pu, en prenant davantage de m-r Ryndine, le remettre à un bon banquier et prendre une lettre de crédit sur *Stral-zund* à fin de se mettre à l'abri des retards qui pourront arriver immanquablement.

16 septembre 1805.

27.

Получилъ 1-го Ноября 1805 въ Шверинѣ.

Je viens de recevoir votre lettre de Cronstadt et vous remercie extrêmement, mon bon ami, de l'exactitude que vous mettez à m'écrire.

Je ne suis pas du tout de votre opinion que tout cela finira bientôt: on n'aura pas si bon marché de *Bonaparte*; il est tenace; il faut le bien frapper pour le mettre à la raison. Peut-être, verrez-vous le roi de Suède en Poméranie.

Je suis fâché que vous ayez pris avec vous cet ivrogne de perruquier, et *Петръ* seul ne vous suffira pas. Je suis persuadé que cet ivrogne de perruquier finira par vous voler et déserter.

Matrénino, 22 septembre 1805.

28.

Получилъ 1-го Ноября 1805, въ Шверинѣ.

Mon cher Michel, cette lettre vous sera rendue par notre ministre en Suède m-r Alopéus, auquel je vous ai recommandé. Il doit faire un tour en Poméranie lorsque nos troupes y seront.

J'espère, mon ami, que vous avez fait une bonne navigation, quoique la saison n'est rien moins que propice pour cela, surtout dans cette partie du golphe, depuis Cronstadt jusqu'à Revel.

J'ai eu une lettre du pr. Циціановъ: il avait fait fuir Баба-ханъ; mais ce qui me fâche, c'est de voir que le pr. Циціановъ s'impatiente de nouveau de rester en Géorgie. Dans ma réponse je l'exhorte extrêmement à ne pas quitter.

Matrénino, 27 septembre 1805.

29.

Получилъ 3-го Декабря, въ Ніенбургѣ.

Je suis bien fâché de la perte de plusieurs de vos bâtiments de transport et surtout que les cosaques y ont péri. C'est ce qui arrive quand les choses se font ni dans le tems, ni dans la saison. J'espère cependant que le fameux vaisseau de guerre la **Благодать**, si difficile à mouvoir, n'essuyera pas de nauffrage, ce qui serait bien fâcheux, puisqu'il porte des troupes.

Quoique mes lettres ne vous parviennent pas à ce qu'il paraît, il ne se passe pas de semaine que je ne vous écrive, les adressant à **Калининъ** et quelquefois à Alopéus à Stockholm. Voici une lettre de m-r **Кретовъ** pour vous. Je n'écris pas de ma main, parce que je suis occupé des arrangements pour me transporter à Moscou vers le 15 de novembre.

30.

Получилъ 3-го Декабря, въ Ніенбургѣ.

Mon cher et bien aimé Michel. Vous ne pouvez vous répresenté la joie que m'a causé votre lettre, voyant que vous avez débarqué heureusement. Je vous remercie de m'avoir tranquillisé. J'espère que vous n'aurez pas manqué d'écrire à votre père par la dernière: je vois qu'il est inquiet sur vous.

Je me porte, mon bon ami, passablement et compte vers le 15 de novembre m'acheminer vers Moscou. L'hiver paraît s'être déjà fixé, jamais il n'a commencé si tôt. Nous avons eu des froids de 15 à 16 degrés; mais comme tout cela est trop tôt, je crains que nous n'ayons beaucoup d'inconstances pendant l'hiver.

On dit qu'il y a eu beaucoup de bâtiments de transport, faisant partie de votre expédition, depéris avec des vivres et des munitions et aussi un détachement de cosaques. Cette expédition, en général, n'étant pas préparé à tems, coûte enormément.

Vous saurez déjà dans votre petite armée, vu la proximité, que le roi de Prusse a pris le parti vigoureux et qu'il convenait aux intérêts de sa monarchie de se déclarer contre *Bonaparte*. Cela mettra peut-être

votre corps en activité; car il est possible que vous vous joignerez à ces troupes du Nord pour balayer, harracer le reste des Français qui y sont.

M-r Bergine m'a marqué qu'il vous avait donné un crédit de deux mille marcs sur plusieurs de ses correspondants. Je l'ai remercié de cette attention. Si vous faites usage de ce crédit, marquez le moi alors, à fin que je puisse m'en acquitter envers Berginè, et j'attends de vous, d'après mes précédentes, où et comment vous faire passer l'argent pour l'aunée 1806; peut-être que la voie de Bergine est la meilleure. J'attends votre réponse à ce sujet pour m'y règler.

Matrénino, 25 octobre 1805.

Письмо графа А. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ.

О каменномъ углѣ.

1787.

Милостивый государь мой графъ Александръ Андреевичъ!

Въ прошломъ годѣ, по случаю сдѣланнаго мнѣ отъ Николая Александровича Львова объясненія о удобности найти около Валдая или Боровичъ землянаго угля, которой конечно много бъ пособствовалъ сохраненію у насъ лѣсовъ, ваше сіятельство тогдаже, по представленію моему, докладывать изволили Ея Императорскому Величеству, на что и воспослѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы Николай Александровичъ Львовъ въ тѣ мѣста съѣздилъ, и какъ о бытіи, такъ и о качествѣ того угля въ самой точности нужныя изысканія сдѣлалъ. Извѣстно вамъ, милостивой государь мой, сколь сія поѣздка желаемой успѣхъ имѣла, и что по сдѣланнымъ какъ самимъ Николаемъ Александровичемъ, такъ и въ Горномъ Училищѣ опытамъ оказалось, что сей уголь не только ни въ чемъ не уступаетъ привозимому изъ Англіи земляному углю, но и съ великою удобностію и выгодою вмѣсто дровъ употребляемъ быть можетъ: 1-е) для сженія извести, 2-е) для винокуренныхъ и другихъ подобныхъ заводовъ, 3-е) для обжиганія кирпичей (которые несравненно

лучше и выгоднѣе бываютъ, нежели обожженные дровами); 4-е) для употребленія въ кухняхъ; 5-е) для печенія хлѣбовъ; 6-е) для каминовъ и прочихъ домашнихъ надобностей и 7-е) по обожженіи сего угля въ кальцинарныхъ печахъ, и по лишеніи сѣрныхъ ихъ частей, употребленъ онъ быть можетъ съ пользою въ обыкновенныхъ кузницахъ; а сверхъ того, уповаю я, можетъ оной уголь употребленъ также быть на Кронштатскую огненную машину, на сахарныя фабрики, также и на заводъ вновь заводимой пушешной въ Петрозаводскѣ, куда оной уголь изъ Боровичъ можетъ водою доставляться, чѣмъ оной уголь съ довольнымъ иждивеніемъ изъ чужихъ земель выписывать и деньги изъ государства на то пересылать. А на сей пушешной заводъ число угля требуется весьма большое, да и перевозки его изъ Кронштата въ Петрозаводскъ подвержены затрудненіямъ, огромнымъ убыткамъ и немалой медленности. Выгоды, происходимыя отъ того, слишкомъ уже ощутительны, чтобъ не употребить всевозможнаго старанія воспользоваться какъ наискорѣе столь полезнымъ изобрѣтеніемъ, чрезъ которое не только сохранится у насъ великое количество дровъ, а сверхъ того оставаться будутъ въ государствѣ тѣ деньги, за которыя мы покупаемъ изъ Англіи земляное уголье, когда собственнымъ своимъ довольствоваться можемъ за гораздо сходнѣйшую цѣну; ибо по исчисленію г. Львова пудъ Боровицкаго земленаго угля съ поставкою въ Петербургъ не болѣе трехъ копѣекъ съ половиною обойдется, а потому и несравненно дешевлѣ привозимаго изъ чужихъ краевъ. Уповаю, что и въ Петрозаводскъ не дороже сего онъ поставкою обойтись можетъ. Чтожъ принадлежитъ до количества содержащагося въ означенныхъ мѣстахъ угля, то г-нъ Львовъ по учиненнымъ отъ него надъ первыми слоями опытамъ удостовѣрен-

нымъ себя почитаетъ, что когда далѣе внутрь земли разработываніе надлежащимъ образомъ производимо будетъ, то съ надеждою полагать можно, что онаго найдено будетъ на долгое время и въ великомъ изобиліи.

Касательно же до образа добыванія сего угля, то хотя я впрочемъ и во всемъ согласенъ съ мнѣніемъ его, но въ разсужденіи предлагаемаго имъ выбора отъ сорока до пятидесяти человѣкъ бобылей для употребленія въ сію работу подъ начальствомъ угольнаго мастера за нужное нахожу съ своей стороны сказать, что поелику видимъ мы, сколь и въ другихъ случаяхъ наряды съ великою трудностію исполняются, а кольми паче не могутъ они употреблены быть безъ нѣкотораго отягощенія для производства сей для нашего народа совсѣмъ новой, тяжкой и нѣкоторымъ образомъ опасной работы: то и лучше бы всего было пріискать такого человѣка или нѣсколько людей, кои бъ между собою согласились добываніе и торгъ сего землянаго уголья взять на себя съ нѣкоторою на первой случай отъ казны денежною помощію. И когда успѣхъ въ томъ соотвѣтствовать будетъ ожиданію, тоже самое, можетъ быть, пріохотитъ тамошнихъ жителей, равно и къ исканію и добыванію таковаго же угля и въ другихъ мѣстахъ государства, а особливо въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе претерпѣваютъ нужду въ дровяномъ лѣсѣ; попеченіе же о пріисканіи таковаго человѣка или нѣсколько людей, какъ бы между собою о семъ согласились, и распоряженіе въ скорѣйшемъ производствѣ сего предпріятія въ дѣйствіе препоручить правящему должность Тверскаго и Новогородскаго генералъ-губернатора Николаю Петровичу Архарову, которой, если на него оное возложится, конечно стараніе свое употребитъ, дабы найденіе угля безъ пользы не оставалось.

Въ заключеніе сего, за долгъ почитаю сказать, что усердіе Николая Александровича Львова по оказанію отечеству своему пользы доставленіемъ сего новаго источника богатства, и употребленные имъ труды въ пріисканіи и удостовереніи онаго столь похвальны, что конечно заслуживають высочайшаго награжденія, и я ласкаю себя надеждою, что ваше сіятельство, отдавая ему въ семъ стараніи его справедливость, не оставите его въ томъ своимъ покровительствомъ и предстательствомъ.

Воронежъ,
Февраля 3 дня 1787 года.

PS. За разными моими недосугами не могъ я при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга представленіе сдѣлать о семъ изобрѣтеніи угля, которое я нахожу толь полезнымъ, если при началѣ оное проронено не будетъ; нынѣ оное исполняя, прилагаю здѣсь разныя записки и выправки по сей матеріи.

ПИСЬМА

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

ЛЬВОВА

КЪ ГРАФАМЪ

А. Р. и С. Р. ВОРОНЦОВЫМЪ.

1.

Къ графу Семену Романовичу.

12 Маія 1784. С.-Петербургъ.

Имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству письмо, вчера мною полученное изъ дому батюшки вашего.

Желаніе быть въ чемъ нибудь угодну вашему сіятельству заставило меня принять сей случай съ отмѣннымъ удовольствіемъ; сколько ни мала услуга, но она есть первая еще пища доброй воли служить вашему сіятельству съ того времени, какъ вы отсутствіемъ вашимъ лишили преданныхъ вамъ людей удовольствія васъ видѣть и счастія быть вамъ въ чемъ нибудь полезну: если уже не въ дѣлѣ, такъ по крайней мѣрѣ въ рамки эстампъ вставить.

Теперь же потерялъ уже я надежду и говѣть съ вашимъ сіятельствомъ вмѣстѣ; кажется, что вы отъ католическаго Венеціанскаго спасенія безъ отчаянія ѣдете спасаться здравымъ разсудкомъ и пріятностію жизни въ землѣ бусурманской. Сдѣлайте милость, ваше сіятельство, выдумайте какую-нибудь еретическую коммиссію, чтобы и я, пріѣхавъ въ Лондонъ, за цѣну съ вами увидѣться, заслужилъ хоть не на долго духовное проклятіе. Я оставилъ бы въ Россіи и жену мою, которую мнѣ, право, не легко оставить.

Я не осмѣлюсь ничего по дѣламъ сообщить вашему сіятельству, почитая васъ пространно и съ точностію, въ свое время, извѣщенныхъ; но скажу вамъ то, что́ дѣлается между людьми, составлявшими вашу бесѣду.

15-го сего мѣсяца П. В. Бакунинъ ѣдетъ въ свою деревню на 4 мѣсяца; 20 или 25-го ѣдетъ Ал. Андреевичъ въ Бѣлорусскія свои деревни на 15 дней, а съ нимъ до деревни П. В. Бакунина ѣдетъ и П. В. Завадовской, а до его деревни О. С. Миклашевской, Рубанъ, Лашкевичъ, и по дорогѣ С. И. Мавринъ. Я остаюсь правителемъ неуправляемыхъ почтъ. По отсутствіи ихъ поѣду въ Мурино, про которое Гваренги говоритъ: *O! che sita maninconuo!* а графъ Александръ Романовичъ отвѣчаетъ: *qu'il est un imbécile.*

Вчера въ домѣ князя Вяземскаго было двѣ свадьбы: г-жа Рязанова вышла *за Сушкова*; она была сговорена за *Якобія Сухова*, и въ сей перемѣнѣ выигрываютъ очевидно двѣ Славянскія буквы; а другая княжна Вяземская, ихъ родня, за Смирнова, оправдающаго характеромъ свое названіе.

2.

1784. Царское Село. Отъ 27 Августа.

Я думаю, что ваше сіятельство уже извѣстны, что для будущаго вашего жилища въ Лондонѣ купленъ домъ бывшаго тамъ министра Симолина; г-нъ Самборской пишетъ, что домъ сей весьма покойно расположенъ и для фамильнаго хозяина.

Продолжающійся *сѣверный зефиръ* подаетъ намъ теплыя надежды скораго въ городъ переѣзда, но по сю пору не слышно еще назначеннаго къ тому дня.

Я чаю, что Петръ Петровичъ не пропустилъ вашему сіятельству донесть объ одной, только на сихъ дняхъ случившейся, новости, т. е. что г. Арбенева сдѣлали въ Измайловскій полкъ премьеръ-маіоромъ, а г-на Ладыженскаго съ пенсіею 2000 рублей отставили.

Хотя Константинопольскія вѣсти и скорѣе въ Венецію нежели въ Петербургъ приходить должны, но за вѣрность нашихъ можно отвѣчать. Г-нъ Булгаковъ пишетъ, что въ Ерзерумѣ было сильное землетрясеніе, и одинъ городъ провалился. Въ Царѣградѣ сгорѣло 10 тысячъ домовъ, 110 мечетей и 10 или 15 публичныхъ бань, что народъ весьма негодуетъ на настоящаго визиря, упрекая его грабителемъ, сославшимъ съ намѣреніемъ отъ двора капитанъ-пашу. По общему въ Царѣградѣ гаданію ожидаютъ визирю смѣны.

Въ началѣ будущаго мѣсяца ожидаемъ мы возвращенія изъ деревни Петра Васильевича Бакунина послѣ отсутствія трехмѣсячнаго.

3.

Къ графу Александру Романовичу.

26 Іюня 1785, Москва.

Донесу вашему сіятельству остатокъ путешествія двора изъ Вышняго Волочка. Я думаю, вамъ небезъизвѣстно, что Государыня нечаянно вздумала ѣхать въ Москву по вызову графа Брюса, куда на другой же день по взятіи намѣренія и отправилась. Путешествіе продолжалось и благополучно, и весело; а по пріѣздѣ въ Москву и суетно, и хлопотно. Весь дворъ принужденъ былъ жить переѣзжая изъ Коломенскаго въ Петровское, а оттуда въ Москву, одинъ разъ на гулянье въ садъ, въ другой разъ на Боуровы работы *), которыя весьма Императрицѣ понравились, и въ знакъ благоволенія своего приказала она построить начальнику оныхъ публичный монументъ (тоже самое сдѣлать приказано и для *Сердюкова* на Вышне-Волоцкомъ шлюзѣ). Вообще Государыня довольна была Московскимъ нынѣшнимъ пребываніемъ. Губернатору пожалованъ 2-го класса Владимирской крестъ; вицъ-губернаторъ Чонжинъ смѣненъ, а на мѣсто его опредѣленъ г-нъ Козляиновъ изъ Нова-Города; экономіи директоромъ сдѣланъ Василій Яковлевичъ Карачинской, имѣвшій смотрѣніе надъ Коломенскимъ и Царицинскимъ дворцами. На возвратномъ пути изволила Государыня закладывать въ Торжкѣ соборную мою церковь и тутъ при закладкѣ удостоила меня своимъ разговоромъ нѣсколько словъ. Графъ Алекс. А., за маленькимъ подагрическимъ припадкомъ въ ногѣ, при закладкѣ не былъ, а послѣ обѣда мы съ нимъ

*) Т.-е. обшивку Москвы-рѣки набережною. П. Б.

и разстались. Пробывъ 8 дней въ деревнѣ, пріѣхалъ сюда тому три дни и поѣду завтра въ Кострому чрезъ ваше Матренино. Чтò можно будетъ въ краткости времени сдѣлать къ пользѣ ремесленниковъ вашихъ не упущу къ совершенному моему удовольствію исполнить, имѣя всегдашнимъ долгомъ благодушныхъ моихъ чувствованій угождать волѣ вашей.

Вчера былъ я на здѣшнемъ вашего сіятельства строеніи и, нашедъ нѣкоторыя затрудненія и перемѣны, ѣздилъ къ господину Бланку, съ которымъ объясняся, съ общаго согласія зачали дальное производство.

Фундаментъ и погреба уже складены, теперь оканчиваютъ на оныхъ своды. Работаютъ и весьма хорошо, и прочно; но не скажу, чтобы то было вамъ дешево, потому что подъ самыми капитальными стѣнами пришло 5 колодезей, на коихъ надобно было каменныя двойныя сводить арки для безопасности строенія, чтò уже и исполнено, и весьма хорошо.

Вчера видѣлъ я письмо изъ Петербурга, гдѣ пишутъ, что Государыня, заѣхавъ только въ Лѣтній дворецъ, проѣхала водою (какъ то еще и въ дорогѣ положено было) въ Петергофъ, и что въ Ладогѣ Николаю Петровичу дана Александровская лента.

По возвращеніи моемъ изъ Костромы, не пробуду я болѣе четырехъ дней въ Торжкѣ и прямо отправлюсь въ Петербургъ.

Въ домѣ вашемъ Петербургскомъ нѣсколько уже печей перекладено, потолоки старые подштукатурены, а новые въ залѣ подшиваютъ, ворота дубовые уже готовы, только дожидаются меня для мѣдныхъ къ онымъ приборовъ, а тогда останется только ихъ навѣсить. Сей рапортъ получилъ я отъ человѣка моего здѣсь и на прошедшей почтѣ.

Я приказалъ здѣсь вашему управителю, безъ вашего повелѣнія, поскорѣе свозить землю, накиданную превеликими кучами въ саду для того, чтобы не попортить деревья. Не знаю, хорошо ли я это сдѣлалъ, потому что зимою дешевлѣе бы то было можно сдѣлать, но вѣрно бы ужъ вашихъ липъ не было

4.

5 Августа 1786 года, Валдай.

Я думалъ, что, послѣ случившагося мнѣ въ Новѣ-Городѣ припадка, не буду я такъ скоро имѣть честь донести вашему сіятельству объ успѣхѣ начатаго вами чрезъ меня дѣла; но тутъ мнѣ и съ стороны здоровья, и съ стороны случая что-то посчастливилось. Около Валдая хотя я и нашелъ довольно надежные признаки, походя по горамъ съ небольшимъ два дни; но разсудя объ удаленіи отъ водяной комуникаціи, разработку сихъ мѣстъ оставя, пошелъ я по рѣкамъ, въ Мсту впадающимъ, и за 67 верстъ отъ Валдая, въ берегу самой Мсты, на устьѣ рѣки Крупы, нашелъ превеликое множество и очень хорошей доброты угля. Нашедъ его и по пробѣ весьма удобнымъ, спѣшу теперь для требованія нужной помощи отъ Николая Петровича въ Тверь, а если тамъ его не застану, въ Москву.

Вашему сіятельству небезъизвѣстно, что хорошій уголь и въ Англіи достаютъ изъ земли, сажень 50 въ глубину оной опускаясь; я же, не имѣя другой помочи кромѣ моихъ двухъ работниковъ, въ двухъ аршинахъ только въ берегу выкопалъ нѣкоторое число угля, которой весьма хорошо горитъ; но только тѣмъ еще недостаточенъ, что не такъ

жарокъ, какъ Англійской, по той самой причинѣ, что, будучи мало закрытъ землею, вывѣтрѣлъ онъ отъ воздуху и потерялъ масляныя частицы, жаркость онаго составляющія. Уповаю, что въ нѣкоторомъ разстояніи въ глубину и конечно не столько, какъ въ Англіи, найду и самой лучшій по всѣмъ моимъ примѣтамъ и по признанію моихъ мастеровъ.

И они и я очень удивляемся, какъ по сю пору не случилось никому напасть на сіе мѣсто, которое все почти покрыто несомнѣнными признаками каменнаго угля.

Всепокорно прошу ваше сіятельство удостоить меня вашимъ наставленіемъ по возвращеніи изъ Москвы, когда мнѣ дадутъ работниковъ, и горы я разработаю, какъ мнѣ писать объ этомъ: запискою ли такого содержанія, чтобы Государынѣ показать можно было, или письмомъ къ графу Алекс. Андреевичу, или письмомъ къ Николаю Петровичу, которому въ указѣ предписано со мною отправить экономіи директора?

5.

25 Августа 1786, Валдай.

Завтрашній день обѣщаютъ мнѣ дать работниковъ, и завтра же начнется большая наша работа; по сю пору работалъ я своими только Англичанами, которые замучились, и я самъ не могъ представить трудности да и опасности сей работы. Въ Литичской области сверхъ угля лежитъ каменный слой, который составляетъ родъ свода и тѣмъ самымъ безопасность работниковъ; здѣсь же сверхъ угля лежитъ земля, и вчерашній день чуть было насъ троихъ въ живѣ не погребли, забывши узкій проходъ, въ которой мы проходили въ гору.

По причинѣ нынѣшней рабочей поры съ великимъ трудомъ и рабочихъ людей найтить можно; но увѣряютъ здѣшніе же жители, чрезъ недѣлю весьма много будетъ охотниковъ, а зимою еще больше.

Уголь по сю пору идетъ очень хорошій и горитъ лучше *Нюкастельскаго* (съ коимъ я его сравнивалъ); только все еще не такъ жарокъ, потому что не глубоко еще вошли въ землю. Будучи небольшой ѣдокъ, съ философическимъ терпѣніемъ сношу я голодъ; но мастера мои, кои больше меня работаютъ, терпятъ превеликую нужду. Здѣсь ничего нѣтъ говядины не продаютъ, барановъ очень рѣдко, молока по причинѣ падежу совсѣмъ нѣтъ; ѣдимъ только яйца; для меня этого довольно, а кто ломомъ и мотыкою день работаетъ, тому конечно мало. Вчера убилъ я двѣ дикія утки, и у насъ былъ по сему случаю праздникъ. О Муринскомъ маслѣ, какъ о царствѣ небесномъ, воспоминаютъ грѣшники.

Высоко ли поднялась Муринская церковь, и довольны ли ваше сіятельство производствомъ оной?

6.

Къ графу Семену Романовичу.

22-е Маія 1787, изъ Севастополя въ Тавридѣ.

До прибытія двора въ Екатеринославскую губернію и потомъ въ Таврическую область ничего новаго и ничего такого не произошло, которое бы заслужить могло вниманіе вашего сіятельства, а потому и удерживался я занять письма моего чтеніемъ время, которое полезнѣе ваше сіятельство употребить можете. Но, прибывъ въ сей край, дѣйствительно много такого мы увидѣли, чего не могли представить, будучи въ столицѣ между кривотолковъ и антузіастовъ здѣшней округи. Я всегда былъ въ семъ случаѣ *Ѳоминой вѣры*, а потому донесу вамъ о новостяхъ, *вложивъ персты моя*. Вашему сіятельству, можетъ быть, уже извѣстно, что императоръ встрѣтилъ Государыню въ Бериславлѣ (что древле Кайдаки назывался); а оттуда, поѣхавъ вмѣстѣ со дворомъ, путешествуетъ съ онымъ до возвращенія обратно въ Бериславль.

По прибытіи двора въ Кременчугъ, встрѣчена была Государыня съ неожидаемымъ великолѣпіемъ; пятнадцать тысячъ войскъ, легкоконныхъ, одинъ батальонъ пѣхоты и полкъ Екатеринославской кирасирской были подъ ружьемъ, и четыре батальона егерей оканчивали маршъ, когда всѣ сіи войска по пріѣздѣ во дворецъ Государыни передъ окнами дефилировали. Болѣе тысячи обоего пола благородныхъ людей были на балѣ. Во время стола княжеской огромной оркестръ, изъ 180 человѣкъ, составленный *Сартіемъ*, согла-

шенный и великолѣпно одѣтый, расположилъ всѣхъ въ добрую сторону видѣть и двуобразныя вещи.

На другой день экзерсировался отмѣнно хорошо кирасирской полкъ и егерскіе батальоны, легкоконные же полки держали подъ уздцы лошадей своихъ, говорятъ, для того, чтобы не упали, сдѣлавъ нѣсколько дней форсированныхъ маршей и пришедъ три или четыре дни предъ дворомъ на мѣсто, въ которомъ они всѣ были и обмундированы въ куртки, шишаки и проч. Къ четыремъ егерскимъ батальонамъ приказано еще четыре прибавить.

Херсонъ довольно выстроенъ, а особливо казармы для морскихъ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ въ предмѣстіяхъ; крѣпость еще не отдѣлана, а по сказкамъ знатоковъ хорошо расположена. Тутъ спустили три военныхъ корабля, одинъ 80-ти, другой 70-ти, а третій 50-ти пушекъ. Не полюбились мнѣ тутъ два черные морскіе урода, которые для удобности плаванія коротаютъ вѣкъ у кораблей и называются камели.

Паркъ артилеріи съ двойными запасными лафетами, одной осадной, состоитъ изъ 160-ти орудій кромѣ полевой морской и небольшой части гоубицъ и единороговъ; сіи послѣдніе еще безъ лафетовъ. Говорятъ, будто въ полкахъ артилеріи полковой не будетъ, а отряжаться оная будетъ по надобности изъ артилеріи главной. Я не знаю, къ лучшему ли это или нѣтъ и передъ мастеромъ дѣла сего ничего сказать не осмѣлюсь.

Перекопская крѣпость, которая столько же намъ бывала опасна, сколько и вредна, есть дѣйствительная чучела въ совершенномъ ничтожествѣ. Полагаютъ ее срыть, оставя только Перекопскій ровъ для таможенной преграды.

Городъ *Бакчисарай* показался намъ дѣйствительно изъ *тысяча одной ночи*; чудное положеніе его въ ущельи двухъ утесистыхъ горъ покрыто чуднѣйшими еще строеніями, одно съ другимъ на перекосъ и кой-какъ связанными. Дворецъ ханской, въ которомъ Преемница царя Московскаго, данника Крымской орды, ночевала, похожъ на клѣтку, въ которой для роскоши и самая удобность жизни пожертвована пестротѣ, стекламъ, фонтанамъ, рѣшеткамъ.

Изъ городовъ никого почти изъ старожиловъ не убыло, а Бакчисарай очень людный городъ; но оставшіе всѣ къ лѣсу глядятъ, имѣя въ головахъ своихъ, что *Московъ падишахъ* не калифъ ихъ вѣры.

Настоящій годовой доходъ со всего Крыма не болѣе 450.000 рублей; но по счисленію впередъ, съ учрежденіемъ торговли и проч., полагаютъ болѣе двухъ миліоновъ, коихъ конецъ да будетъ благъ.

Городъ Севастополь дѣйствительно такъ расположенъ, чтобы быть повелителемъ Чернаго моря, и я не знаю гаваней, которыя бы удобностію своею могли съ здѣшнею равняться. Три большіе залива, окруженные хребтомъ каменныхъ горъ, составляютъ естественное онаго укрѣпленіе, которое фортификація должна только дополнить. Входъ въ сіи три залива, сомкнутой двумя мысами, довольно широкъ, чтобы войтить въ оной двумя или тремя вѣтрами, но не столько однако, чтобы съ двухъ мысовъ нельзя было перестрѣльными выстрѣлами разбить всякое судно. Для лучшаго понятія мѣста начертилъ я кой-какъ и на-скоро куриной сбродъ, который, прилагая при семъ, покорно прошу извинить мое маранье.

Число кораблей, ихъ пушекъ и порядокъ, въ которомъ Государыня застала флотъ, точно такъ, какъ они тамъ на-

мараны. Государыня съ императоромъ сѣла тамъ на шлюпку, гдѣ означена корона и мимо флота прибыла ко дворцу. За столомъ императоръ пилъ здоровье Повелительницы морей, а Императрица—à la santé du meilleur ami de la Russie. Сія церемонія была для многихъ свидѣтелей неравнодушна и двоякимъ образомъ. Графъ Сегюръ совсѣмъ не такъ былъ подвигнутъ къ восхищенію, какъ всѣ прочіе. А въ дополненіе сего явленія кавалеръ Псаро (свидѣтельствующій вашему сіятельству свое почтеніе; онъ съ нами чаятельно до С.-Петербурга поѣдетъ) привезъ еще съ весьма ласкательнымъ письмомъ отъ гросъ-мейстера Мальтійскаго пальму, яко символъ славы и побѣдъ въ новопріобрѣтенной области, которую Государыня, принявъ, подарила кораблю своему, «Слава Екатерины» именуемому.

Письмо мое писано на Татарской почтѣ по той причинѣ, что мы только четыре часа какъ сюда пріѣхали, и Государыня указать изволила отправить курьера въ Парижъ, съ которымъ я къ Николаю Конст. Хотинскому съ просьбою переслать при случаѣ въ Лондонъ маранье мое посылаю, прося ваше сіятельство простить мнѣ оное за то только, что иначе бы я ничего написать не успѣлъ.

Графъ Алекс. Романовичъ пріѣхалъ уже въ Москву (сіе знаю я изъ письма его), окончивъ большое и трудное свое путешествіе съ великою для государства пользою, подавъ свѣдѣнія столько же подробныя, сколько вѣрныя о многихъ народахъ и о вещахъ, о которыхъ знали мы весьма небогато.

7.

26-е Августа 1787, С.-Петербургъ.

Уголья мои со сю пору еще не горятъ, не грѣютъ, не смотря на горячее существо, оныя составляющее. На пробу привезъ я сюда 8.000 пудовъ. Всѣ и вездѣ и во всякомъ издѣліи пробовали оныя; вездѣ имѣлъ я удовольствіе слышать и похвалы, и поздравленія, что обрѣлъ сіе сокровище; но сіе не далѣе произвело мой уголь. Теперь, по пріѣздѣ графа Александра Романовича, буду ожидать отъ него какого-нибудь уголью производства, а обрѣтшему оный хоть малой отличности. Во всѣхъ моихъ комисіяхъ и дѣлахъ имѣлъ я всегда пышный успѣхъ пустой похвалы, сіе и питало мой моральный составъ; но между тѣмъ для физическаго еще ничего не было сдѣлано... Боюсь, чтобы и въ семъ случаѣ не быть осужденному мнѣ жеребью подвержену.

Я слышалъ, что кто-то въ Англіи изобрѣлъ особой составъ *дегтю* изъ землянаго угля; деготь сей по опыту замѣняетъ употребленіе мѣдныхъ листовъ на обшивку кораблей, что Франція давала сему изобрѣтателю 40 т. луидоровъ за секретъ, и что онъ затѣмъ только не открылъ онаго, что хотѣлъ имѣть въ Англіи особую привилегію, которую ему опять тамъ дать не хотѣли, а покупали секретъ за умѣренную цѣну. Сего дегтю прислали и сюда образчи-

ки, и пользу онаго никто не хочетъ ни разобрать, ни признать. Еслибы тутъ что-нибудь хотѣли мнѣ позволить, то я почти безъ ошибки такой же деготь сдѣлаю, и сіе говорю съ опыта. Но къ чему все сіе послужитъ? Замарать только руки, отъ духу которыхъ станутъ отъ меня и тѣ самые бѣгать, за которыми мнѣ съ пользою проекта гоняться будетъ надобно. И потому я сіе намѣреніе совсѣмъ оставилъ; развѣ по какому-нибудь постороннему поводу спросятъ и заставятъ сдѣлать *).

Въ бытность мою въ Тавридѣ г-нъ Фалѣевъ дѣлалъ мнѣ разныя учтивости, а сіе самое обязываетъ меня представить вашему сіятельству просьбу его о приведеніи къ концу дѣла его, и просить васъ увѣдомить меня, въ какомъ оное состояніи, дабы я могъ въ заплату учтивостей его о томъ написать къ нему.

Сейчасъ ѣду въ Мурино для окончанія послѣдняго свода на церкви, которая нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ подъ кровлею.

---

*) Преданіе сказываетъ, что подъ Петербургомъ этого Львовскаго угля свезено было большое количество, что онъ загорѣлся нечаянно и горѣлъ въ теченіи слишкомъ года. П. Б.

8.

Къ графу Александру Романовичу.

4 Августа 1791, Москва.

Въ домѣ вашего сіятельства нашелъ я превеликія передѣлки. Лучшія штуки наборныя переломились, и теперь уже новыя вставлены; печи всѣ передѣлывали, но немного лучше прежняго сдѣлали, а каминъ въ гостиной дымился. Я при себѣ передѣлать велѣлъ и каминъ, и печи, и надѣюсь, что ваше сіятельство будете довольны. Извольте написать къ вашему управителю, куда какіе обои положить прикажете, чтобы, не пропустя лѣто, можно бы сдѣлать раскрышку въ карнизахъ и фризахъ. Обоевъ же у васъ три рода: зеленыхъ 266 аршинъ, малиновыхъ 206¼, полосатыхъ 297. Комнаты такъ велики и такъ огромны вышли, что всѣ присланныя вещи, какъ печи, такъ и камины Петербургскіе, кажутся малы, и каминъ въ гостиную надобно будетъ со временемъ перемѣнить.

Графъ Александръ Андр. далъ мнѣ ордеръ, чтобы снестись съ Московскимъ постъ-директоромъ и положить на мѣрѣ о учрежденіи колясочной почты, потому что съ того времени какъ велѣно намъ платить прогоны и вдвое, и на всѣхъ лошадей, тяжелая почта становится намъ въ убытокъ, и для избѣжанія онаго средство принимать на почту сѣдоковъ кажется надежнымъ.

Я написалъ о семъ мнѣніе мое и, сообща оное при письмѣ Ивану Борисовичу, спрашивалъ его мыслей: онъ отозвался

мнѣ, что со мною во всемъ согласенъ и что, приложа разсчеты, представитъ планъ сему учрежденію.

Снисхожденіе вашего сіятельства сдѣлало во мнѣ привычку для собственнаго облегченія души моей давать вамъ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ моихъ, и для того прилагаю при семъ копію и *со мнѣнія моего, и съ письма*; и если заслужатъ оныя одобреніе ваше, и графъ Алек. Анд. будетъ говорить о семъ, то я прошу ваше сіятельство объ одной милости, которую мнѣ вы никогда не отказывали: откровенно сказать мнѣ, можетъ ли сей случай послужить предлогомъ (я не говорю заслугою), чтобы попросить и мнѣ орденъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ оный и Осипу Степановичу *) за почты же дали. Полагая по окончаніи мира дома полечиться, не столько онъ нуженъ мнѣ для честолюбія, сколько единственно для того, чтобы не казаться заброшеннымъ въ сравненіи всѣхъ тѣхъ, кои равно со мною служили. Но я не сдѣлаю ни единаго шагу безъ воли вашей, и отзывъ вашего сіятельства будетъ мнѣ завсегда законъ непреложный.

---

*) Судіенкѣ. П. Б.

9.

29-го Марта (1793).

Здѣсь очень празднично: всѣ даютъ вечеринки графу д'Артуа. У вице-канцлера и графа Салтыкова уже онъ былъ; а вчера графъ Алекс. Андрѣевичъ затмилъ своимъ великолѣпіемъ все то, чтò ни показывали гостю сему въ другихъ мѣстахъ. Вице-канцлеръ очень сердился, говоря, *что это, сударь, и не по мѣсту, и не по чину!* И подлинно, превеликолѣпный былъ данъ столъ на 85-ть человѣкъ въ залѣ. Графъ д'Артуа самъ признался qu'on ne pouvait pas avoir en France l'idée de la magnificence de Russie dans des maisons des particuliers.

Въ бытность графа д'Артуа въ Невскомъ третьяго дня, Государыня чрезъ графа Ал. Андр. прислала сказать, *что недурно Русскому Богу молиться*, потому что тотчасъ послѣ обѣдни получено извѣстіе, что принцъ Кобургъ между *Тиръ-ле-Монъ и Лювенъ* разбилъ Французскую армію, взялъ на мѣстѣ и въ полонъ 28-мь пушекъ; дѣло продолжалось отъ 6-го часа утра до 7-ми часовъ вечера; убитыми и плѣнными Дю-Муріе потерялъ 18.000, а Цесарцы 5.000 человѣкъ. Полагаютъ, что теперь занялъ уже онъ и Бриссель, который Французы готовы уже были очистить; но очистить и собою, и деньгами. Изъ Бреда также слышно, что они ретироваться хотятъ. А вчера на вечеринкѣ получено было изъ Голандіи извѣстіе, что чрезъ Бриссель провезли Миранду скованнаго въ Парижъ судить, слѣдовательно и рубить за то, говорятъ, что совѣтовалъ войти въ Голандію, гдѣ дѣла такой худой конецъ приняли.

Графу д'Артуа что-то полюбилось здѣсь, и онъ не сбирается ѣхать. Это опасно, если будетъ на долго. Примѣръ не одинъ уже бывалъ, что долго гостить нигдѣ не надобно: у хозяина всегда есть дѣло.

10.

4 Апрѣля 1793, С.-Петербургъ.

Французы не догнали брата моего, хотя по немъ и стрѣляли на морѣ. Онъ сегодня пріѣхалъ и привезъ съ комерческимъ трактатомъ пріятное мнѣ увѣдомленіе о графѣ братцѣ вашемъ, о его домашнихъ, о всемъ домѣ.

У Аркадія Ивановича есть письма къ вашему сіятельству; я уповаю, что на нынѣшней же почтѣ изволите вы получить оныя, не смотря на Ліоновъ обѣдъ, гдѣ всякой ѣдокъ обязанъ заплатить по 30 рублей за то именно, чтобы испортить свой желудокъ... Арк. Ив. до обѣда, можетъ, написать успѣетъ. Но на всякой случай позвольте мнѣ что нибудь хоть неважное сказать вашему сіятельству, которое, можетъ, по неважности другой кто нибудь и пропуститъ.

Цесарцы заняли Бриссель; въ Антверпенѣ Французы капитулировали и ушли; Останду также очистили и теперь въ своихъ уже предѣлахъ (разумѣется земли своей, а не разсудка). Говорятъ, что *Мирандѣ* отрѣжутъ ту часть человѣческаго тѣла, которая теперь за ненадобностью у всей Франціи потеряна.

Въ Бредѣ Французской гарнизонъ въ 7.000 человѣкъ держится; но онъ отрѣзанъ отъ тѣла арміи. Видно, они такъ любятъ. Но это любопытно будетъ узнать, чѣмъ кончится.

Кюстинъ въ Маіянсѣ весьма укрѣпился, и королю Прусскому безъ труда не взять его...

У насъ возобновился тотъ же великой постъ, который былъ при Потемкинѣ, и графа д'Артуа затаскали по вечеринкамъ всякой день. *Онъ говоритъ, что, послѣ перенесенныхъ бѣдствій, всякой праздникъ кажется ему сномъ, и онъ не вѣритъ чувствамъ своимъ... когда вспомнитъ, что онъ въ Россіи счастливѣе, нежели гдѣ нибудь быть можетъ.*

P. S. Оба стола и ваза съ бронзою къ Маію будутъ готовы; 240 рублей будутъ они стоить съ укладкою. Меня тогда не будетъ въ Питерѣ. Кому прикажете отдать ихъ для пересылки? Изъ топазовъ ничего не выходитъ... Кому ихъ прикажете отдать?

Неаполитанцы, написавъ къ королю своему просьбу, чтобы онъ отъ всякаго сношенія съ Французами отрекся, древо вольности замазали навозомъ и подписали:

a' tai numi
tai profumi.

Каковъ Богъ, таковъ и ладонъ!

11.

30 Маія 1794, Вышній Волочекъ.

Въ Варшавѣ сдѣлался бунтъ; ночью по выстрѣлу пушки солдаты и мѣщанство бросились рѣзать нашихъ безъ исключенія. Игельстромъ, Апраксинъ, Зубовъ и еще кой-кто ушли въ Пруссію и спаслися съ 500 человѣками. Въ Варшавѣ солдатъ и людей барскихъ перерѣзано болѣе 3.000. Фанъ-Сухтеленъ и Боуръ взяты въ полонъ; вся наша артилерія, деньги и бумаги; о Бюлерѣ и объ Ашѣ, такъ какъ и о всемъ министерствѣ, и слуху нѣтъ. На другой день генералъ-провіантмейстеръ Новицкой, собравъ наши войски, около города и уѣзда стоящія, вошелъ въ Варшаву, отбилъ 20 нашихъ пушекъ и нѣсколько денегъ. Въ тотъ же день въ Вильнѣ Поляки окружили живущихъ въ городѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ взяли въ полонъ (сіи всѣ посажены въ монастырѣ въ Вильнѣ), перерѣзавъ караулъ, въ 220 человѣкъ состоявшій. Тутъ взяты генералъ-маіоръ Арсеньевъ, подполковникъ Языковъ, другихъ не помню; а когда собрались на помочь и пошли на стоявшія войски изъ уѣзда, то нашли, что всѣ паромы обрѣзаны. Въ Гроднѣ генералъ-маіоръ Циціановъ лучше всѣхъ сдѣлалъ: онъ окружилъ городъ, сказалъ имъ, что видитъ въ ономъ нѣкоторое возмущеніе; то если противъ Костюшки они ополчаются, онъ идетъ съ ними; но до приближенія непріятеля должны они сложить оружіе, или онъ ихъ сожжетъ. И они всѣ сдалися.

Между тѣмъ партія Костюшки, проповѣдывающая по голосу Робеспьера равенство и вольность, увеличивается, го-

ворятъ, до 16.000, за Французскія деньги (они получили, говорятъ, 15 миліоновъ ливровъ) и теперь заперлась въ Краковѣ. Король Пруской съ 40.000 войска вошелъ уже въ Польшу. Наши до 50.000 уже двинулись подъ начальствомъ князя Репнина. Игельстромъ отставленъ. Апраксина, говорятъ, судить будутъ.

12.

19-го Іюня 1794.

Вотъ какой черный на меня годъ пришелъ, мой милостивой графъ: переломилъ руку, шесть мѣсяцевъ глазами страдалъ, и теперь еще худо могу ими работать, а наконецъ, всего хуже, я чуть было не потерялъ Марью Алексѣевну, которая послѣ родовъ имѣла прежестокую горячку и теперь еще изъ постели не вышла.

Ваше с—во легко можете заключить, каково мнѣ было, и по тому одному, что такъ долго лишался чувствительнаго для меня удовольствія писать къ вамъ о житьѣ своемъ.

Физика моя совсѣмъ разрушилась, какъ говорилъ покойный Экъ, и я 10-ти лѣтъ въ одинъ годъ состарился. Когда Марья Алексѣевна будетъ въ состояніи выѣхать, то совѣтуютъ мнѣ вывезть ее въ деревню, куда я и намѣренъ проситься; но еще не прежде мѣсяца будетъ можно исполнить, если выздоровленіе ея также пойдетъ какъ теперь, а не лучше.

Знаю только, что флотъ нашъ пошелъ въ море съ Ханыковымъ, что куплено и послѣднее имѣніе герцога Курляндскаго за два милліона рублей, что купленъ домъ Шувалова для графини Браницкой за 160.000 рубл., что для привезенной библіотеки строютъ на углу сада Аничковскаго большой каменной домъ, куда публично входъ, говорятъ, позволенъ будетъ.

13.

Іюня 22 дня 1799, Москва.

Я пріѣхалъ сюда въ расположеніи остаться до Генваря мѣсяца и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ ласкался поклониться вашему сіятельству въ Андреевскомъ; но, получа повелѣніе меблировать построенный мною въ Гачинѣ земляной дворецъ къ пріѣзду Государя, въ половинѣ Іюля долженъ буду опять туда ѣхать. Безпрестанные переѣзды съ цѣлымъ домомъ совершенно меня разстроили, тѣмъ болѣе, что нигдѣ не имѣю я основательнаго пристанища, къ которому и дороги по сю пору найти не могу. По пріѣздѣ моемъ въ Москву слышалъ я, что Иванъ Борисовичъ смѣненъ и отосланъ въ Герольдію, что мѣсто его заступаетъ Николай Николаевичъ Головинъ, что почтъ-директоръ Трескинъ отставленъ, а почтъ-директоромъ сдѣланъ Калининъ, бывшій сначала въ канцеляріи покойнаго свѣтлѣйшаго князя, а потомъ у графа Ростопчина. Ивана Борисовича ожидаютъ скоро сюда, и братъ его очень огорченъ сею перемѣною.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Александра Павловна великая княжна 260.
Александръ I-й 75, 226, 280, 294, 296, 317—320, 324, 328—330, 335, 336, 350—352, 358, 362, 379, 380, 385, 398, 401, 406, 414, 450, 451, 463, 464, 467, 468, 470—477, 482, 483.
Александръ II-й 73.
Алопеусъ 259, 393, 489, 490.
Ангальтскій принцъ 175.
Андреоси 313.
Анна Павловна великая княжна 300.
Апраксина графиня Елис. Кирил. 246.
Апраксинъ 227, 232, 517, 518, 519.
Арбеневъ 501.
Армфельдъ 233.
Арсеньевъ 518.
Артоболевскій Θедоръ 80.
Артуа графъ 515—517.
Архарова Александра Ив. 273.
Архаровъ Ив. Петр. 273.
Архаровъ Никол. Петр. 495, 503, 504, 505.
Ашъ 518.

*

Баба-ханъ 489.
Багратіонъ князь 402.
Баженовъ 52, 54.
Байлей 212.
Бакунина Анна Серг. 191.
Бакунинъ Модестъ Петр. 201.
Бакунинъ Петръ Вас. 85, 88, 90, 97, 111, 125, 131, 138, 142, 148, 151, 152, 155, 165, 191, 203, 206, 500, 501.
Бакунины 200.
Бантышъ 258.
Барятинская 110.
Бауеръ 133, 144—146, 165.
Безбородко князь А. А. 203, 204, 206, 232, 238, 239, 242, 271, 290, 321, 493—508, 514, 515.
Беклешовъ 254, 296, 300, 336, 476, 477.
Бельмонтъ Пиньятелли графъ 280.
Бентгеймъ 252.
Бергинъ 395, 484, 485, 492.
Бернисъ кардиналъ 205.
Бертье 304.
Бестужевъ графъ Мих. Петр. 5.
Бестужевъ-Рюминъ графъ 13.
Бетси 239.

Бехтеевъ Ѳ. Д. 7—10, 13, 14, 16, 17, 23, 24, 27.
Бланкъ 224, 503.
Бокъ 132, 133, 163, 364.
Болингброкъ 385.
Бомарше 252.
Бонаръ 338.
Бонашевскій 200, 203.
Бороздина 251.
Бороздинъ Никол. 251, 282, 346.
Боссюэтъ 102.
Ботта маркизъ 66.
Боуръ 502, 518.
Брайко 205.
Браницкая графиня 257, 519.
Бретель 43.
Броунъ г-жа 190.
Броунъ 130, 131, 137, 139.
Брюне 458.
Брюсъ графиня Праск. Александровна 117, 120, 257, 276.
Брюсъ графъ Як.. Александр. 53, 142, 144, 502.
Будбергъ баронъ 444.
Буксгевденъ 244.
Булатовъ 228, 230, 234, 235.
Булгаковъ Я. И. 501.
Булыгинъ 472.
Бутурлина графиня Анна Артем. 224, 225, 230, 236, 237, 239, 285, 288, 290, 350, 450.
Бутурлина графиня Ек. Александр. 250.
Бутурлина графиня Елена Дм. 450.
Бутурлина графиня Марья Ром. 92, 113, 153, 208.
Бутурлина М. С. 98, 113.
Бутурлинъ графъ Ал-дръ Борис. 44.
Бутурлинъ Петръ Александр. 30.
Бутурлинъ Дм. 109, 110, 270, 355, 450.
Бутурлины графы 450.
Бухвостовъ 190.
Бѣгичевъ 185.
Бѣлосельская княгиня 255.
Бѣлосельскій 131, 247.
Бюлеръ баронъ 518.
Бюффонъ 212.

*

Валуевъ 268.
Вальполь Горасъ 263.
Вандертейленъ 238.
Варренъ леди 386.
Вартенслебенъ 18.
Васильевъ 262, 401, 402.
Васильчикова Александра Ив. 273.
Вателе 114.
Веймарскій принцъ 376, 470.
Вейсманъ 149, 165, 175.
Вейтбрехтъ 131.
Велингтонъ герцогъ 75.
Вернегъ 393, 405.
Викулинъ 228.
Вилье 352.
Винтерфельдъ 18.
Віомениль 277.
Витвортъ 274, 349.
Власовъ 161, 169.
Волковъ 28, 94.
Волконскій князь 150, 352, 479.
Волынскій 226.
Вольтеръ 2, 33, 35, 102, 115, 153, 252, 279, 302.
Вольфъ баронъ 19, 25, 28.
Воронцова графиня Анна Карл. 52, 60, 61, 65, 68, 95, 98—100.
Воронцова графиня А. М. 168.
Воронцова графиня Арина Ив. 227.
Воронцова графиня Ек. Ал. 75, 78, 199.
Воронцова графиня Е. С. 316, 318, 319, 414, 419, 431, 432, 434, 438, 452, 454, 457, 464, 470—472, 480, 484.
Воронцова княгиня Елис. Ксав. 78.

Воронцова графиня Елис. Ром. 112, 113, 118.
Воронцова графиня Праск. Лар. 353.
Воронцова графиня Праск. Өедор. 223, 224, 236, 237.
Воронцовъ графъ Артем. Ив. 223, 224, 227, 228, 230.
Воронцовъ Ив. Алексѣев. 477.
Воронцовъ графъ Ив. Лар. 116, 224.
Воронцовъ Ив. Петр. 106.
Воронцовъ графъ Ив. Ром. 147.
Воронцовъ графъ Лар. Ив. 205, 206, 227.
Воронцовъ графъ М. Л. 201.
Воронцовъ Никол. Алекс. 478.
Воронцовъ графъ Ром. Лар. 17, 49, 92.
Воронцовъ князь Сем. Мих. 78, 440.
Воронцовы-Дашковы графы 116.
Вяземская княжна 500.
Вяземскій князь А. А. 500.
Вяземскій князь А. И. 205, 272, 289, 340.

*

Габріэль 227.
Гагаринъ князь Гавр. Петр. 245, 277.
Гагаринъ князь Серг. 153, 239.
Галеди врачъ 81, 86, 97, 98, 103, 106, 112, 119.
Ганъ 247.
Гаррисъ 200.
Гауксбюри лордъ 387.
Гваданжи маркизъ 66.
Гваренги 439, 500.
Гедувиль 406, 407.
Генингеръ Филиппъ Ив. 54.
Генрикова графиня Марья Симон. 28.
Генриковъ Ив. Симон. 138.
Ґенрихъ принцъ 89, 192.
Германъ 266.
Герфстъ 165.
Гибертовскій 171.
Глѣбовъ Ал-дръ Ив. 28, 63, 64.
Голицына княгиня Нат. Петр. 232.
Голицына княгиня Праск. Ив. 2.
Голицынъ князь Ал-дръ Мих. 45, 87, 93, 107, 121, 125, 439.
Голицынъ князь Ал-дръ Никол. 310.
Голицынъ князь Б. В. 17.
Голицынъ князь Д. А. 50, 53, 56, 57, 63.
Голицыны князья 227, 377—380.
Головинъ графъ Никол. Никол. 251, 520.
Головкинъ графъ 17, 108, 338.
Гомнъ 91.
Горнъ графъ 12.
Горчаковъ князь 278.
Граммонъ графъ 102.
Грановскій Т. Н. 242.
Гриммъ 114, 175, 191, 239.
Гросъ 18, 30, 87.
Гудовичъ 120, 127, 143.
Гумъ 115.
Гурьевъ Ив. Григ. 54, 55, 328, 392.

*

Даламбертъ 256, 265.
Даль 97, 190.
Далькъ 122, 123.
Дасье 339.
Дашкова княгиня Ек. Ром. 103, 153, 213, 232, 239, 270, 285, 411, 486.
Дашковъ князь 248, 414, 429, 444.
Де-Бріенъ 203.
Демеримъ 289.
Демидовъ 226, 392.
Державинъ Г. Р. 276, 290, 378, 379.
Дерфельтъ 46.
Деформъ 257.
Дивова Елис. Петр. 233, 403.

Дивовъ Адріанъ Ив. 233, 248.
Дивовъ Ал-дръ Адріан. 412.
Дивовъ Никол. Адріан. 412.
Дивовъ Петръ Адріан. 403.
Дидеротъ 238.
Дидрихштейнъ княгиня 262.
Дидрихштейнъ князь 262.
Дилигенскій 480, 483.
Дмитревскій 94.
Дмитріевъ Ив. Ив. 2.
Долгорукова княгиня Ек. Александр. 250, 268, 278, 292.
Долгоруковъ князь Вас. Вас. 255.
Долгоруковъ князь Петръ Петр. 392, 444.
Долгоруковъ князь Юр. Владим. 226, 233, 243, 250.
Долгоруковы князья 11, 51, 187, 346.
Древицъ 182.
Дубровскій 87, 94.
Дугинъ Петръ Өедор. 294, 411.
Дугинъ Өедоръ 294.
Дугласъ 7, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 22, 27.
Дѣвкинъ 263.
Дюдефанъ г-жа 263.
Дюмарескъ врачъ 93.
Думурье 515.
Дюрокъ 398.

*

Екатерина II-я 2, 53, 302, 306, 502, 503, 505, 509, 511, 512, 515.
Екатерина Павловна вел. кн. 319.
Елагинъ 177, 186, 189.
Елена Павловна великая княжна 260.
Елисавета Александровна великая княжна 442, 470.
Елисавета Алексѣевна императрица 297, 300, 312, 320, 337, 351, 357, 399, 442.
Ельчаниновъ Як. Вас. 169.
Елисавета Петровна императрица 2—52, 65, 73, 339.
Ермоловъ А. П. 280.

*

Жардинъ 480.
Жемчужниковъ 79.
Жеребцовъ 128.
Жерми 66.
Жеромъ маркизъ 67.
Жоффренъ г-жа 256.

*

Завадовскій графъ П. В. 145, 184, 194, 206, 235, 245, 477, 487, 500.
Загряжская 258, 456.
Загряжскій 479.
Зацѣпинъ 228.
Земцовъ 87.
Зиновьевъ 146.
Злобинъ 303.
Зубова Марья Войновна 258.
Зубовъ графъ Вал. Ал. 226, 305, 346, 517.
Зубовъ графъ Никол. 305.
Зубовы 298, 517.

*

Игельштромъ 18, 518, 519.
Измайлова Арина Ив. 227
Измайловъ Петръ Ив. 272.
Исаковъ 123.

*

Іоркскій герцогъ 264, 266.
Іосифъ II-й 509—512.

*

Каверинъ Пав. Никит. 296.
Казаковъ 439.

Калининъ 490, 520.
Камеке г-жа 86.
Каменскій 142, 248.
Кантемиръ князь 149.
Карачинскій Вас. Як. 502.
Карлъ принцъ 30.
Касицкая 255.
Кассини графъ 405, 408.
Карамзинъ Н. М. 273, 274.
Карлъ эрцгерцогъ 266.
Каульбарсъ 143, 169.
Кауницъ 11, 40.
Кауфманнъ 252.
Кашкинъ 44.
Квашнина-Самарина Елис. Петр. 300.
Квашнина - Самарина Праск. Θедор. 223.
Кейтъ 42.
Кингстонъ герцогиня 195.
Киръ врачъ 388, 414, 417—419, 428, 443.
Клери 246.
Клеронъ дѣвица 256.
Клифортъ 59.
Кличка 175, 176.
Книпгаузенъ 88.
Кобенцель 274.
Козловскій 138.
Козляиновъ 502.
Коленкуръ 304.
Кологривовъ 465.
Коломби 395, 411.
Колычовъ 291.
Константинъ Павловичъ великій князь 264, 312.
Костюшка 518.
Корсаковъ 257, 264.
Корфъ Екатер. Карл. 31.
Корфъ Н. А. 31, 32, 54.
Кохъ 238.
Кочубей князь Викт. Павл. 126, 243, 249, 254, 258, 324, 352, 478.
Крашенинниковъ 192.
Кретовъ 484, 490.
Кречетниковъ 205, 226.
Крокъ 93.
Крупенниковъ 234, 236.
Крутицкой архіеписк. 98.
Крюднеръ баронъ 203, 205.
Куенту 173.
Кузминъ 98.
Кукаринъ 129.
Куракина княгиня 255.
Куракинъ князь Ал-дръ Бор. 247, 255, 291, 295, 296, 364.
Куракинъ князь Ал-ѣй Борис. 240, 243, 245, 246, 255, 260, 267.
Куракины князья 129, 258.
Кутайсовъ графъ 286, 289.

*

Лаваль 255.
Лагарпъ 262.
Ладыженскій И. 501.
Лазаревъ 352.
Лаптевъ 487.
Ларонци аббатъ 67.
Лаудонъ 44.
Лаферміеръ 107, 108, 119, 126, 138, 148, 151—160, 162, 180, 182, 223, 420.
Лашиналь 30.
Лашкевичъ 500.
Левашовъ Вас. Ив. 280, 392.
Левенъ 241.
Левъ X-й 360.
Ливенъ 352, 474.
Линденеръ 280.
Липинскій 280.
Ліонъ 516.
Лобановъ князь Як. 240, 242, 245, 247, 378.
Лобковъ 42.
Лойола 347.
Локатели 60.
Ломбардъ 368.
Ломоносовъ 52, 192.
Лонгиновъ 430.

Лопиталь г-жа 70, 83.
Лопухина княжна 268.
Лопухинъ князь П. В. 244, 254, 290, 376, 377, 384, 392.
Лукезини 369, 408.
Львова М. А. 519.
Львовъ Никол. Александр. 224, 280, 282, 290, 493—496, 499—518.
Львовъ Серг. Лаврент. 282.
Людовикъ XIV-й 102, 238, 360.
Людовикъ XV-й 243, 306.
Людовикъ XVI-й 246.

*

Маасъ 261, 263.
Мавринъ С. И. 500.
Мазарини кардиналъ 203.
Макферзонъ живописецъ 66.
Макъ 414, 417.
Маласпина маркиза 83.
Мальцовъ 87.
Марія Александровна великая княжна 442.
Марія Павловна великая княжна 319, 470.
Марія Θеодоровна императрица 300, 318, 348, 362, 376, 398, 470, 477, 479, 480.
Мармонтель 279.
Маруцци 83.
Маскле Глаф. Ив. 485.
Массена 264.
Массенгаузенъ 252.
Матвѣевъ бояринъ 130.
Меллессино 173.
Меншиковъ 136, 159.
Меркъ 50, 108.
Местмахеръ 239, 249.
Мещерскій князь Серг. Вас. 130, 141, 272.
Миклашевскій О. С. 500.
Миранда 515, 516.
Мишель 7.
Моденъ графъ 305, 306.
Монтель графиня 251.
Монье 337, 346, 347.
Мордвиновъ 317.
Морковъ графъ Арк. Ив. 153, 232, 316, 375, 377, 384, 400, 403, 404, 418, 467, 516.
Моро 289, 291, 393.
Моцениго графъ 200, 202.
Мюллеръ 101, 119.
Мятлева 247.
Мятлевъ 245, 298.

*

Наполеонъ I-й 75, 264, 280, 370, 377, 384, 385, 389, 393, 398—400, 403, 408, 430, 440, 449, 452, 467, 475, 483, 488, 491.
Нарышкина Анна Никит. 248.
Нарышкинъ Ал-дръ Львов. 481, 486.
Нарышкинъ Дм. 392.
Нарышкинъ Мих. Петр. 286.
Нарышкины 411, 481.
Натальинъ 124, 125.
Нейбушъ 146, 159, 191.
Нелединскій 244, 286.
Нельсонъ 264.
Неплюевъ 244.
Николаи баронъ 191, 354, 356, 414, 467.
Нильсонъ 414.
Новицкій 260, 518.
Новосильцовъ П. И. 244, 352, 377—381.

*

Озеровъ 124, 126.
Олсуфьевъ 132, 133, 163.
Ольдекопъ 162.
Орлова графиня А. А. 155, 411.
Орлова княгиня 280.
Орловъ графъ А. Г. 244, 411.
Орловъ графъ Влад. Григ. 134, 303.

Орловъ князь Гр. Гр. 166, 167, 177.
Орловъ графъ Өедоръ Гр. 244
Орловы графы 96, 98, 298.
Орфордъ лордъ 263.
Остерманъ графъ 8, 514.

*

Павелъ I-й 59, 75, 107, 240, 267, 280, 296, 297, 364, 368, 390, 518.
Паленъ графиня 256.
Паленъ графъ 255, 284, 295.
Панинъ графъ Никита Ив. 93, 95, 96, 98, 99, 101, 106—108, 205.
Панинъ графъ Н. П. 254, 259, 280, 289, 295, 296, 299, 300, 304, 411.
Панины графы 138, 203, 205.
Понкратьевъ 303.
Пассекъ 149, 232.
Паткуль 44.
Паше 131.
Пеллетье 246, 253.
Пельсъ 59.
Пемброкъ графиня Ек. Сем. 76.
Пемброкъ графъ 75.
Перекусихина Марья Савишна 232.
Пестель г-жа 255.
Пестель Андр. 288.
Пестель Ив. Борис. 507, 520.
Пестель Никол. 247.
Пестель 238, 240, 242, 245, 247, 248, 251, 288.
Петерсонъ 143, 159, 165, 175, 191.
Петерсъ 192, 265.
Петръ I-й 33, 73, 75, 320, 327, 483.
Петръ III-й 73, 95, 168, 174.
Питтъ 84.
Плещеевъ 119, 245.
Позняковъ 132.
Полетика П. И. 242.
Полянская Елис. Ром. 112, 113, 118, 153.
Полянскій 117.
Помо 316, 395, 429, 479.
Поссонеръ 64.
Постниковъ Зах. Никол. 44, 386, 413, 414, 472.
Потемкинъ князь Гр. Ал. 2, 74, 165, 176, 180, 181, 184, 186, 187, 214, 389, 516.
Потоцкій графъ Северинъ 327, 329, 330, 335, 336, 379, 410.
Потье 458.
Прасъ 30.
Прозоровскій 182, 184.
Протасовъ 88, 119, 248, 271.
Псаро 512.
Пушкинъ Валентинъ 276.
Пушкинъ Мих. 153.
Пушкинъ Өедоръ 153.

*

Рабле 406.
Разумовскій графъ Андр. 295.
Разумовскій графъ К. Г. 57, 58, 60, 61, 64, 66, 67, 70.
Разумовскій графъ Левъ Кирил. 186, 205, 284, 456.
Раль 301, 394, 395.
Репнинъ Никол. князь 141, 264, 266, 267, 519.
Ржевская Глафира Ив. 485.
Риссъ 253.
Рихеръ-де-Серизи 246.
Робеспьеръ 518.
Родофиникинъ Константъ. Конст. 472, 474.
Рожерсонъ 316, 319, 388.
Ронцовъ 183.
Ростопчинъ графъ Ө. В. 245, 251, 254, 274, 280, 295, 449, 518.
Ртищевъ 464.
Рубанъ 500.

Рулье 10, 27.
Румянцова графиня Праск. Александр. 117.
Румянцовъ графъ Никол. Петр. 248.
Румянцовъ графъ П. А. 74, 117, 120, 124, 125, 130, 204.
Румянцовъ графъ С. П. 165, 191, 335, 336.
Руффинъ 141.
Рушковскій 469.
Рындинъ Кир. Ст. 429, 473, 474, 477, 480, 483, 487.
Рюминъ 303.
Рязанова 500.

*

Сабакинъ 119.
Сакенъ 131.
Салтыкова графиня Ек. Петр. 119.
Салтыковъ кн. Н. Ив. 476, 482, 514.
Салтыковъ графъ П. С. 117, 119, 145, 245, 283.
Самаринъ 42.
Самборскій 501.
Самойловъ 281.
Санковскій 480.
Саншесъ 54, 65.
Сапѣга графиня Софья Карл. 3.
Сапѣга графъ 3, 30.
Сартій 509.
Свинтонъ 256.
Свѣчинъ 284.
Сегюръ графъ 246, 399, 512.
Сенявина Ек. Алексѣевна 75.
Сердюковъ 502.
Сибирскій князь 272, 274.
Сиверсъ 384.
Сикстъ V-й 336.
Симолинъ 54, 56, 153, 203, 501.
Симонетти г-жа 83.
Скавронская графиня Ек. Кар. 31.
Скавронскій графъ Март. Карл. 66, 129, 205.
Скавронскій графъ Пав. Март. 102, 103, 106.
Смирновъ И. И. 421, 500.
Смитъ 317.
Сожи 204.
Соколовскій 258.
Солнцовъ 235.
Спренгпортенъ баронъ 239, 262, 282, 283.
Стадіонъ 393.
Стангопъ 210.
Стедингъ 288.
Стрекаловъ 140, 152.
Строгонова графиня Анна Мих. 53, 85, 86, 98, 100, 101, 106, 108, 110, 112, 113, 116, 118, 119, 121, 125, 126.
Строгоновъ Ал-дръ Серг. 49, 53, 86, 88.
Строгоновъ графъ С. Г. 73.
Строгоновы графы 178, 301, 378, 478.
Ступишинъ 165.
Суворовъ князь 264, 369.
Судіенко Ос. Степ. 508.
Сумароковъ 192.
Суховъ Як. 500.
Сухтеленъ, 352, 518.
Сушковъ 500.

*

Талызина 106.
Тамара 191, 456.
Тамесъ банкиръ 265.
Татищева 258.
Татищевъ Дм. Павл. 254, 353, 388, 469.
Татищевъ Петръ Алексѣевичъ 259, 276.
Тепловъ 282, 480.
Тесье 102.
Токе 3, 12.

Толстая графиня 444.
Толстой Иллар. Никол. 2.
Толстой графъ П. А. 186, 352, 450, 465, 483.
Томсонъ 192, 265.
Трескинъ 518.
Трощинскій 261, 296, 329, 355, 408.
Трубецкая-Бецкая 110.
Трубецкой князь 137.
Тугутъ 369.
Тулиновъ 228.
Турчаниновъ 272.

*

Убри 103.

*

Фалькеншильдъ 144, 146.
Фалѣевъ 514.
Фаринелли 82.
Фердинандъ принцъ Брунсвикскій 89, 164.
Ферзенъ 87.
Ферморъ 30, 32.
Фирміанъ графъ 83.
Фицгербертъ 201, 204.
Фоннеро Авель 192.
Фонъ-Визинъ 153, 205.
Фоскари 202.
Фратеръ 388.
Фридрихъ Великій 371, 372; 443.

*

Ханыковъ 59.
Хотинскій Никол. Конст. 510.
Хотынскій 54.

*

Цербстская принцесса 32.
Цицiановъ князь Павелъ Дмитріевичъ 352, 464, 466—469, 471, 474, 475, 477, 479, 481, 482, 489, 518.

*

Чарторыжскій князь Адамъ 86, 352, 388, 393, 401, 405, 408, 410, 474, 481, 482.
Челищевъ 170.
Чернышова графиня Елис. Петр. 300.
Чернышовъ графъ Гр. Ив. 300.
Чернышовъ графъ З. Гр. 44, 125, 127, 141, 176, 180, 181, 185.
Чернышовъ графъ Ив. Григ. 4, 24, 43.
Чернышъ 242.
Честерфильдъ лордъ 210.
Чичаговъ 317, 478.
Чоглокова Марья Симон. 28.
Чоглоковъ 28.
Чонжинъ 502.
Чураковъ 407.

*

Шателе маркизъ 246.
Шаховская княгиня 314.
Шевалье г-жа 286.
Шепелевъ 328.
Штакельбергъ 132, 133. 151—160, 162, 163, 204.
Штейнъ 37.
Шуазель герцогъ 306.
Шувалова графиня Ек. Петр. 119, 152, 256, 262.
Шуваловъ графъ Андр. Петр. 119, 288.
Шуваловъ Ив. Ив. 2—70.
Шуваловъ графъ Петръ Ив. 12, 26.

*

Щербининъ 232.
Щербатовъ князь 261, 304.
Щерпинскій 289.

*

Экъ Өедоръ 48, 519.
Энгельбахъ 241.
Энгіенскій герцогъ 398.
Эпинусъ 191.
Эртель 296.
Эстергази графъ 11, 40, 41.
Эстрадъ (д') 203.
Этонъ Вильямъ 257.

*

Юсуповъ 410.

*

Языковъ 518.
Яковлевъ Савва 68.
Яковлевъ 378, 473.